

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Белорусы

«Мастава»

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ ЭПИЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
им. П. П. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
БЕЛАРУСИ

ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ,
ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА
им. К. КРАПИВЫ

Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Редакторы серии:
доктор исторических наук
В. А. ТИШКОВ,
доктор исторических наук
С. В. ЧЕШКО

МОСКВА
«НАУКА»
1998

Белорусы

Ответственные редакторы

В.К. БОНДАРЧИК,

Р.А. ГРИГОРЬЕВА, М.Ф. ПИЛИПЕНКО

МОСКВА
«НАУКА»
1998

УДК 391/395
ББК 63.5
Б 43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 97-01-16152*

Ответственный секретарь
серии "Народы и культуры"
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук О.А. ГАНЦКАЯ,
член-корреспондент НАНБ П.Т. ПЕТРИКОВ

Белорусы. – М.: Наука, 1998. 503 с., ил.
ISBN 5-02-009492-7

Книга продолжает издательскую Института этнологии и антропологии РАН серию "Народы и культуры" (Русские. М.: Наука, 1997) и посвящена одному из восточнославянских народов – белорусам. В ней содержатся сведения об этнодемографических процессах в Белоруссии, расселении и численности белорусов в странах мира, рассматриваются проблемы возникновения и эволюции белорусов, традиционные формы материальной и духовной культуры этого народа, их бытование в современной жизни.

Для специалистов в области этнологии и других гуманитарных наук, а также для массового читателя, интересующегося историей и культурой белорусов.

ТП-98-1-№ 16

ISBN 5-02-009492-7

- © Коллектив авторов, 1998
- © Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Народы и культуры" (разработка, художественное оформление), 1992 (год основания), 1998
- © Национальная академия наук Беларуси, 1998

ВВЕДЕНИЕ

Почти полвека назад в Институте этнографии АН СССР началась работа над фундаментальным трудом "Народы мира", в котором описана и систематизирована мировая этническая картина на тот момент состояния научного знания (издание осуществлено в 18 томах в 1954–1966 гг.). С тех пор многое изменилось, особенно во взглядах ученых и представлениях народов о самих себе и об окружающем мире. В преддверии III тысячелетия Институт этнологии и антропологии Российской академии наук начал издание новой серии "Народы и культуры", посвященной описанию этнических общностей, представители которых сформировались и проживают главным образом в регионе бывшего Советского Союза и прежде всего на территории Российской Федерации. Это исследование выполняется на основе новейших знаний силами большого коллектива ученых, представляющих многие научные центры России и других новых независимых государств. "Белорусы" – это второй том серии "Народы и культуры". Первый том – "Русские" – вышел в 1997 г.

В литературе высказаны разные мнения о белорусах. Одни считают их группой русского народа, другие – частью польского, третьи – отдельным славянским этносом. Различаются взгляды о предках белорусов, о времени и территории их формирования. Настоящая монография дает возможность составить представление о белорусах на основе достоверных сведений, богатого фактического материала. А он свидетельствует о том, что белорусы являются восточнославянским народом, родственным русскому по происхождению и очень близким ему по культуре и названию.

Белорусский народ формировался в то же время, что и русский этнос, на территории, которая располагалась по соседству с территорией формирования русского народа. Территория формирования белорусского культурного комплекса в этот период уже входила в другое государство – Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское. Складывание средней части восточных славян в единое целое происходило на основе местных черт восточнославянской культуры. Формирующаяся белорусская этническая общность впитывала в себя и некоторые элементы культуры невостонославянской, в частности – западнославянской, балтской, тюркской. Есть некоторые особенности и в этнокультурном развитии белорусского народа. В XVII–XVIII вв. культура белорусов испытывала сильное влияние польской, а в XIX–XX вв. – русской. Эти влияния были обусловлены главным образом политическими факторами. В XVII–XVIII вв. белорусы находились в составе Речи Посполитой, основным населением которой были поляки. В XIX – начале XX в. белорусы проживали в Российской империи с преобладанием в ней русской культуры. Велико было значение русской культуры и в СССР (1922–1991), в который со времени его основания входила Белорусская ССР. Сильное воздействие сначала польской, а затем русской культуры придало своеобразие культуре белорусского народа. Но белорусская культура всегда в своей основе остается

восточнославянской, представляя своеобразный этнический комплекс. Он и является предметом анализа и описания в предлагаемой монографии.

Авторы, принявшие участие в ее подготовке, стремились дать полное и содержательное представление о белорусском народе, его традиционной культуре, ее специфике, региональных и общих восточнославянских чертах. Соответственно этой цели разработана и структура тома. Он состоит из четырех частей. Часть первая включает необходимые общие сведения о белорусском народе – о его расселении, территории проживания, антропологическом облике, особенностях языка. Важное место занимает освещение вопросов происхождения белорусского народа и его этнокультурного развития в основные исторические периоды. В части второй рассматриваются земледельческая и промысловая культура белорусов, типы их поселений, жилище, как сельское, так и городское, комплексы традиционной белорусской одежды, специфика традиционной пищи, их региональные черты. Часть третья посвящена традициям белорусов в социальной и духовной культуре. Значительное внимание уделено развитию общины и семьи, эволюции семейных обрядов, календарных праздников. Часть четвертая раскрывает специфику устно-поэтического творчества, народного прикладного искусства, показывает развитие профессиональной культуры. обстоятельно охарактеризованы народные знания белорусов.

К сожалению, в монографии освещены не все вопросы, касающиеся этнографической характеристики белорусского народа. В ней мало сведений о культуре таких социальных слоев белорусского народа в прошлом, как дворянство, духовенство, купечество, об общественных объединениях белорусов, их политической истории. Этнологические исследования этих проблем только начинаются. Эти и другие вопросы с большей полнотой будут рассмотрены в многотомном труде о белорусцах, который готовится коллективом Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси.

Настоящая монография подготовлена коллективом сотрудников этого института. Имена авторов разделов указаны в Оглавлении.

В конце книги, в разделе "Литература" помещена библиография, которая включает работы, упоминаемые в тексте. Она составлена В.С. Титовым при участии В.Ф. Батяева.

В монографии употребляются обозначения "Белоруссия" (территория компактного расселения белорусов) и "Беларусь" (государство).

Использован иллюстративный материал личных архивов авторов, фотографии В. Агеевко, П.Н. Захаренко, В.Ф. Варварина, И.В. Карашенко, И.Н. Браима, из книги М.Ф. Романюка "Беларускае народнае адзенне" (1981), а также Белорусского телеграфного агентства, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, картографический материал из атласа "Беларусы. Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі" (1996).

М.Ф. Пилипенко, В.А. Тишков

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ БЕЛОРУСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Границы компактного расселения белорусов в основном совпадают с современными границами государства Республика Беларусь (рис. 1). По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность белорусов в СССР достигала 10 036 тыс. человек, из них 7 905 тыс., или 78,8% были жителями Белорусской ССР, составляя там 77,9%. Численность белорусов в республике постоянно растет, и компактность их проживания остается высокой. В то же время доля белорусов в общей численности населения между переписями сокращалась за счет возрастания числа представителей других национальностей – русских, украинцев и др. (табл. 1).

В таблице в графу "Другие национальности" входят представители более 100 народов. Среди них составляют по численности 3 тыс. и более цыгане, литовцы, молдаване, азербайджанцы, армяне, немцы, узбеки, чуваша. Однако в 1990-е годы в Беларусь переселилось более 200 тыс. белорусов из других стран СНГ и Прибалтики (*Шахотько*, 1996. С. 105), что не могло не повлиять на этнический состав населения.

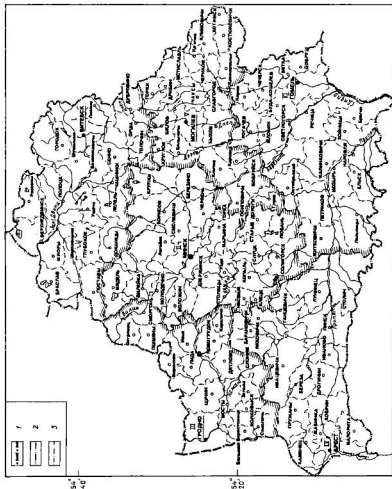
Этническая ситуация и компактность проживания белорусов в разных областях республики несколько различны и обусловлены историческими судьбами жителей отдельных территорий, особенностями их социально-экономического развития, географическим положением, соседством с другими народами (рис. 2). Так, например, удельный вес русского населения выше всего в городах республики и в сельской местности пограничных с Россией Витебской, Гомельской и Могилевской областей. Более 70% поляков живут в Гродненской области, пограничной с Польшей и входившей в ее состав до 1939 г. В Гродненской области отмечается и наименьшая в республике компактность расселения белорусов – они составляют там чуть более 60% общей численности населения. В пограничных с Украиной Гомельской и Брестской областях живет значительное число украинцев.

По сравнению с другими народами, проживающими в Республике Беларусь, белорусы менее урбанизированы. Так, например, в 1989 г. горожанами были 65% всех жителей республики, а среди белорусов этот показатель был 62%. По сравнению с 1970 г. разрыв несколько сократился (в 1970 г. соответственно – 43% и 37%).

Сложная история формирования белорусов отразилась в многообразии отдельных элементов белорусской народной культуры. В Белоруссии нет четко

Рис. 1. Политико-административное деление Республики Беларусь

Области: I – Витебская, II – Минская, III – Гродненская, IV – Брестская, V – Могилевская, VI – Гомельская; 1 – государственная граница, 2 – границы областей, 3 – границы районов

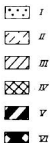
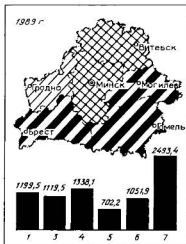
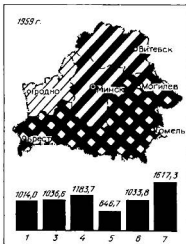
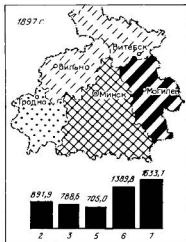

Рис. 2. Расселение белорусов

Численность населения по областям (для 1897 г. по губерниям), в тыс. человек:

1 – Брестская, 2 – Виленская, 3 – Витебская, 4 – Гомельская, 5 – Гродненская, 6 – Могилевская, 7 – Минская;

доля белорусов от общей численности населения области (губернии):

I – 44%, II – 50,1–60%, III – 60,1–70%, IV – 70,1–80%, V – 80,1–85%, VI – 85,1–87,9%

Таблица 1

Этнический состав населения Белоруссии
(по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.)

Националь- ности	1959		1970		1979		1989	
	тыс. че- ловек	% от об- щей чис- ленности	тыс. че- ловек	% от об- щей чис- ленности	тыс. че- ловек	% от об- щей чис- ленности	тыс. че- ловек	% от об- щей чис- ленности
Белорусы	6532	81,1	7290	81,0	7568	79,4	7905	77,8
Русские	660	8,2	938	10,4	1134	11,9	1342	13,2
Поляки	539	6,7	382	4,3	403	4,2	417	4,1
Украинцы	133	1,7	191	2,1	231	2,4	291	2,7
Евреи	150	1,8	148	1,6	135	1,4	112	1,1
Татары	9	0,1	10	0,1	11	0,1	12	0,1
Другие на- циональ- ности	32	0,4	43	0,5	50	0,6	72	1,0
Вос- население республи- ки	8055	100	9002	100	9532	100	10151	100

Таблица 2

Численность и размещение белорусов на территории бывших республик СССР
(по данным Всесоюзных переписей населения, тыс. человек)

Территория расселе- ния	Годы переписей			
	1959	1970	1979	1989
Белорусская ССР	6532	7390	7568	7905
РСФСР	844	964	1052	1206
Украинская ССР	291	386	406	440
Казахская ССР	107	198	181	183
Латвийская ССР	62	95	112	120
Литовская ССР	30	45	58	63
Эстонская ССР	11	19	23	28
В других республиках	36	45	63	91
Всего в СССР	7913	9052	9463	10036
Доля в населении СССР	3,6%	3,7%	3,6%	3,5%

обозначенных культурно-исторических областей, как, например, в Латвии или на Украине, но существуют этнографические различия, локализованные в отдельных районах. В этнографической литературе (Титов, 1983) выделяются шесть истори-ко-этнографических регионов – Северный (Поозерье), Восточный (Поднепровье), Центральный, Северо-Западный (Понеманье), Восточное и Западное Полесье (рис. 3).

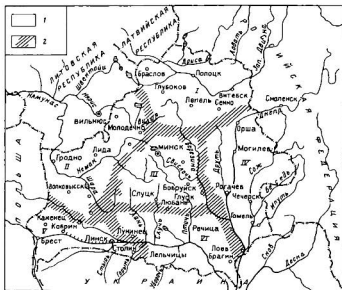

Рис. 3. Историко-этнографические регионы Белоруссии (XIX–начало XX в.)

I – Северный (Пolesье), II – Северо-Западный (Понеманье), III – Центральный, IV – Восточный (Поднепровье), V – Западное Полесье, VI – Восточное Полесье; 1 – государственные границы, 2 – границы регионов

Миграционная подвижность белорусов, особенно усилившаяся в послевоенное время, была важным фактором широкого расселения их на территории республик Советского Союза. Отдельные группы белорусов живут в России (Сибирь, Дальний Восток, Урал, Карелия, Ленинградская область, Петербург, Москва и др.), странах Балтии, Казахстане, на Украине и др. (табл. 2) (подробнее см. раздел "Белорусская диаспора").

На численность и расселение белорусов большое влияние оказывали демографические процессы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В дореволюционной Белоруссии показатели воспроизводства населения существенно не отличались от показателей для Европейской России в целом. В первой четверти XIX в. демографическая ситуация в белорусских губерниях России характеризовалась высокой рождаемостью, высокой смертностью и незначительной миграционной подвижностью жителей.

Со второй половины XIX в., после отмены крепостного права в демографическом поведении жителей белорусских губерний наметились тенденции к снижению рождаемости и смертности, несколько увеличился естественный прирост населения.

В начале XX в. высокие показатели рождаемости были характерны для населения Минской (47,8 человек на 1000 населения, далее – промилле), Могилевской (44,8 промилле) губерний, более низкие – для Виленской (38,8 промилле). По сравнению с Западной Европой рождаемость в белорусских губерниях была довольно высокой, хотя и ниже, чем в среднем по Европейской России. Коэффициенты смертности колебались от 23,4 промилле в Виленской губернии до 35,6 промилле в Могилевской. Причем только в последней показатели смертности превышали средний уровень по Европейской России (31,1 промилле). Особенно высока была детская смертность – каждый пятый новорожденный умирал, не достигнув 1 года. В этот период несколько увеличился и естественный прирост. Наиболее высокие показатели его отмечались в Минской и Витебской губерниях – 23,6 и 16,9 промилле.

После отмены крепостного права, с конца XIX в. приобрели массовый характер миграции белорусов в Прибалтику, северо-западные и центральные районы России, а также на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Переселялись преимущественно малоземельные и безземельные крестьяне. Только за 1885–1906 гг. за Урал из западных губерний переселилось 194 164 человек, почти 67% из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний (*Верещанин*, 1978. С. 127). Крупные аграрные переселения белорусов шли на юг России – в Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Бессарабскую и другие губернии. Прочные миграционные связи с Санкт-Петербургом имели Витебщина и Виленщина.

Развитие капиталистических отношений существенно усилило мобильность в первую очередь сельского населения. Аграрные миграции можно разделить на три группы.

Первая группа – сезонные перемещения крестьян в поисках заработка с постоянным возвращением к своему местожительству (отходничество). Крестьяне направлялись на сезонные работы не только в разные районы Белоруссии, но и на предприятия центрально-промышленного района России, шахты и рудники Донбасса, в порты Риги и Одессы. Количество отходников в конце XIX в. ежегодно достигало 300 тыс. человек (*Карнейчук*, 1969. С. 72).

Вторая группа – крестьянские переселения за пределы Белоруссии – в Приуралье, Сибирь, на Дальний Восток. Наиболее широкий размах они получили в 60-е годы и в конце XIX в. Часть переселенцев в 1895–1900 гг. (около 14,3%) вернулась в свои села, где пополнила сельский пролетариат. Тем не менее, согласно переписи 1897 г., за пределами компактного расселения белорусского этноса проживало около 540 тыс. белорусов. Новая волна переселения крестьян возникла в начале XX в., особенно после революции 1905–1907 гг. Так, с 1907 по 1914 г. из пяти западных губерний переселилось 335 366 человек, притом 74% из них приходилось на восточные (Витебская и Могилевская) губернии (*История БССР*, 1972. Т. 2. С. 441).

Третьей группой была миграция в города. Так, в Петербурге в 1910 г. проживало около 70 тыс. белорусов, они составляли вторую по численности национальность столицы (*Юхнева*, 1984. С. 24). Этот факт содействовал тому, что в начале XX в. в Петербурге образовался один из центров белорусского национального движения.

Переселения из России в Белоруссию были связаны главным образом с ее экономическим развитием, строительством железных и шоссейных дорог. Кроме того, после восстания 1863 г. в Белоруссию переселилось 800 помещиков и 4500 чиновников (*Самбук*, 1980. С. 46, 48).

Первая мировая и гражданская войны, революция, иностранная интервенция отрицательно повлияли на демографические процессы. Белоруссия в силу своего геополитического положения находилась в эпицентре военных действий. Потери

на фронтах сопровождалась гибелью мирного населения, усугублялись эпидемиями вирусного гриппа и сыпного тифа. Многие жители белорусских губерний бежали вглубь России, где, по неполным данным, насчитывалось более 1,3 млн беженцев (Манак, 1992. С. 47). Часть из них в мирное время вернулась. В эти годы имела место и эмиграция за границу.

С окончанием военных действий демографическая ситуация в Белоруссии стабилизировалась. Возросла компенсационная рождаемость, как обычно, характерная для послевоенных лет. Однако с конца 20-х годов рождаемость постепенно снизилась, что объясняется как концом восстановления потерь населения за время войны, голода и эпидемий, так и в значительной степени изменением уклада семейной жизни, ограничением деторождения (аборт, применение предохранительных мер против зачатия), включением женщин в общественное производство. Коэффициенты рождаемости у городского населения были ниже, чем у сельского. Особенно резкое падение рождаемости наблюдалось в центрах округов (окружных городах). Что касается смертности, то ее коэффициенты в эти годы были самыми низкими в СССР, приближаясь к европейским стандартам. Минимальными показателями смертности отличались местечки и мелкие города, средними – окружные города, максимальными – сельская местность. Наиболее распространенными причинами смертности были инфекционные заболевания и туберкулез.

В республике самые высокие показатели рождаемости и естественного прироста были у белорусов. В 1927 г. коэффициент рождаемости составлял 42,3 промилле, а в среднем по республике – 38,6. Лидировали белорусы и по показателям смертности (15,1 промилле, а в среднем по республике – 14,2). Естественный прирост у белорусов составлял 27,2 промилле, а в целом по БССР – 24,4 (Натуральный рух..., 1930. С. XXVI, XXVII, XXXVI, XL, XLVII, XLIX). Сказывались прежде всего слабая урбанизация белорусов, а следовательно, и сохранение традиций в семейной жизни, сравнительно невысокая занятость женщин в общественном производстве и др.

Среди белорусов было больше женщин. По данным переписи населения 1926 г., они составляли 51,3%, на 100 мужчин-белорусов приходилось 105 белорусок.

С созданием Белорусской ССР часть миграционных процессов локализовалась в ее границах. Миграционные потоки из села направлялись в окружные города (позже – областные центры) и в столицу – г. Минск. Однако в 1929 г. города "оттягивали" только 14,1% механических потерь сельского населения (НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9293. Л. 19–20). В это время для республики были характерны большая аграрная перенаселенность и безработица. На биржах труда окружных городов на 1.01.1926 г. числилось 25 тыс. безработных. По расчетам Народного комиссариата земледелия БССР, в 1926 г. в селах республики имелось около 1 млн человек избыточного населения (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4045. Ч. 1. Л. 89 об.; Д. 1686. Л. 9). В целях сокращения перенаселенности планировали развитие промышленности, мелиорацию неиспользованных земель и переселение части жителей в восточные районы страны. Согласно десятилетнему плану 1925/26–1934/35 гг., предусматривалось перемещение из Белорусской ССР на восток страны 690 тыс. человек (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1686. Л. 10, 11).

Однако фактическое переселение было намного меньше запланированного. В 1926–1927 гг. предполагалось переселить 52 тыс. человек, а реально переселилось около 20 тыс. человек. Причем 9–11% из них через короткое время возвратились в родные края (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1686. Л. 11, 13). Переселенческая политика не достигла своей цели, и проблема занятости населения в эти годы решена не была. Чтобы прокормить себя и свою семью, многие жители деревень уходили на заработки в города и в другие районы страны.

В этот период получило распространение отходничество. Данные опросных листов по учету сельского населения БССР, которое ушло на промыслы за границы района его проживания, свидетельствуют, что с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. только в Мозырском уезде было 132 086 отходников и в Гомельском — 4 220. Сельское население Полесья направлялось на лесоразработки, вывоз леса, сплав его по Припяти и Днепру. Имел место и отход на промышленные предприятия Гомеля, Киева, Днепропетровска, на шахты Донбасса (ЦГА. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 90. Л. 5). В ходе первых пятилеток наряду с усилением отходничества изменилась и сама социальная структура населения. Снизились доля сельскохозяйственных рабочих, увеличился удельный вес рабочих, занятых в строительстве, лесном хозяйстве, промышленности. Так, только в фабрично-заводской промышленности БССР численность отходников возросла с 11,5 тыс. человек в 1929 г. до 40 тыс. в 1932 г. (НАРБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2393. Л. 22). Эти структурные изменения были вызваны индустриализацией республики.

В городах отходники получали профессии, учились грамоте, в какой-то мере воспринимали нормы городского образа жизни, транслировали их в сельскую среду.

Существенные потери белорусы понесли в довольно "мирный" период 1926–1939 гг. Принудительная коллективизация и связанные с ней высылки более или менее зажиточных крестьян на Урал, Север России, в Сибирь и другие регионы страны повлекли за собой разрушение семей, детскую беспризорность, голод 1932–1933 гг. В это время наблюдались массовые выезды за границы Белоруссии крестьян-единоличников, которые бросали свои хозяйства и семьи, спасаясь от раскулачивания и колхозов. Возросла интенсивность добровольных миграций белорусов в районы больших промышленных строек, прежде всего на Урал и в Сибирь. Миграционные потери в период между переписями 1926 и 1939 гг. составили 617 тыс. человек (Раков, 1969. С. 87). Более интенсивными стали и внутренние миграции, носившие как добровольный, так и принудительный характер. В 1936 г. в целях укрепления государственных границ переселяли "неблагонадежный элемент" с 500-метровой погранполосы в тыловые районы БССР, в свою очередь добровольцы (коммунисты, комсомольцы, стахановцы, активисты) после тщательной проверки на благонадежность направлялись в пограничные районы.

Широкомасштабные депортации из Западной Белоруссии осуществлялись после ее воссоединения с БССР. Около 10% населения по политическим мотивам были репрессированы и депортированы в Сибирь, Коми АССР, Поволжье, Казахстан. В первую очередь выселялись "осадники", выполнявшие в Польше полицейские функции, лица, враждебно встретившие приход Красной Армии и оказавшие сопротивление Советской власти.

Индустриализация страны, вызвавшая перемещение производительных сил, вовлечение женщин и даже подростков в промышленное производство, вела к снижению рождаемости. Этот процесс усиливали массовые репрессии в Белоруссии в 1920–1940-е годы. Вместе с тем в 1940-е годы на правительственном уровне принимаются определенные меры по укреплению семьи, повышению рождаемости — создается сеть бесплатных медицинских учреждений, в их числе и родильные дома, организуются детские сады и ясли, оказывается некоторая материальная помощь беременным женщинам, появляется указ о запрете абортов. В результате с 1926 по 1939 г. численность белорусов увеличилась на 598 тыс. человек (на 14,8%).

Резко ухудшилась демографическая ситуация в годы Великой Отечественной войны. По уточняющимся данным, за годы фашистской оккупации в республике погибло 2400 тыс. человек. В эти годы происходили значительные миграции населения. Только в восточные районы страны (Поволжье, Урал, Западную Сибирь и др.) было эвакуировано 1,5 млн человек. 380 тыс. жителей республики фашисты

насиленно выезжали на работы в Германию. После окончания войны многие из эвакуированных вернулись в Белоруссию, но часть осталась жить в России, Средней Азии и других местах.

В послевоенное время, согласно международной договоренности, Польше были переданы 17 районов Белостокской области вместе с Белостоком и три района Брестской области, входивших в БССР. Наряду с этим проводился обмен населением между Польшей и СССР. В 1944–1948 гг. из Западной Белоруссии в Польшу выехало 274,2 тыс. поляков. В последующие годы (с 1955 по 1958 г.) поток мигрантов был меньшим и сводился в основном к воссоединению семей. Численность белорусов, переселившихся из Польши, была сравнительно небольшая (за 1945–1946 гг. в БССР переехало 37 тыс. человек) (Марьянский, 1969. С. 128–130).

На динамику численности и расселения жителей Белоруссии оказывали влияние уровень рождаемости и смертности, интенсивность внутренних и внешних миграций.

В первые послевоенные годы наблюдался небольшой всплеск компенсационной рождаемости, которая уже в 1950-е годы стабилизировалась на более низком уровне по сравнению с довоенным временем.

С конца 60-х годов рождаемость неуклонно снижалась (за исключением начала и середины 80-х годов, когда государством были приняты меры по поддержке семьи), особенно быстрыми темпами у белорусов. Если в 1959 г. коэффициент рождаемости белорусов превышал среднереспубликанский показатель (26,7 и 25,2 промилле), то в дальнейшем ситуация изменилась (в 1970 г. – соответственно 16,1 и 16,2 промилле, в 1989 г. – 14,9 и 15,0 промилле).

Наиболее высокие показатели рождаемости у белорусов были в Брестской и Гомельской областях, наименьшие – в Витебской. Различен также тип демографического поведения белорусов в городах и сельской местности. Коэффициенты рождаемости белорусов-горожан выше, чем у сельских жителей. Сказывается прежде всего более молодая возрастная структура населения городов, а как показывают статистические материалы, у белорусок в целом по республике отмечается все большая рождаемость в возрасте до 25 лет, что связано, с одной стороны, с повышением уровня брачной плодовитости женщин в этом возрасте, с другой стороны – со значительным снижением рождаемости в более старших возрастах. По рождаемости среди республик Союза Белоруссия в 1989 г. занимала 12-е место, а белорусы среди титульных национальностей – 13-е, опережая только украинцев и русских. Причины этому самые различные: интенсивная урбанизация белорусов, адаптация к индустриально-урбанизированной среде, вовлечение женщин в общественное производство, сознательное регулирование численности детей в семье.

В послевоенное время отмечалось определенное снижение показателей смертности. Однако уже с конца 70-х годов почти все показатели смертности начали расти, что объясняется главным образом старением населения, возрастанием числа людей старших возрастов, а также загрязнением окружающей среды. В 1989 г. по сравнению с 1970 г. смертность увеличилась с 7,9 до 10,5 случаев на 1000 белорусов (в городских поселениях с 5,4 до 6,8, в сельской местности с 9,4 до 16,5). Коэффициент смертности белорусов немного выше среднереспубликанских показателей, это особенно касается сельской местности, в городе показатели смертности белорусов ниже, чем в целом для городского населения.

Характерно, что смертность мужчин выше, чем женщин, особенно в трудоспособном возрасте: сказываются как биологические факторы (женщины более выносливы), так и социально-экономические причины (особенности образа жизни, условий труда, злоупотребление алкоголем, курением и т.д.). Сравнение динамики смертности по областям показало, что несколько выше общий коэффициент

смертности за 1989 г. по Витебской (12,1 промилле) и Минской (11,8 промилле) областям. Наиболее низкие показатели смертности белорусов в Минске, а также в Гродно и Бресте.

Среди причин смерти чаще встречаются болезни кровообращения, органов дыхания, новообразования в тканях, несчастные случаи и травмы. По уровню смертности в 1989 г. Белоруссия занимала 6-е место среди республик СССР, а белорусы – 5-е место среди титульных национальностей, уступая эстонцам, латышам, украинцам, русским, а мужчины-белорусы даже были на 4-м месте после эстонцев, латышей, украинцев.

К числу положительных моментов можно отнести снижение детской смертности, она в Белоруссии была ниже, чем в других союзных республиках, уступая лишь Литве. По ожидаемой продолжительности жизни республика удерживала 4-е место после Грузии, Армении и Литвы (в 1989 г. это был возраст в среднем 71,8 лет, для мужчин – 66,8, для женщин – 76,4 лет).

В результате падения рождаемости и повышения уровня смертности естественный прирост белорусов снизился с 8,2 в 1970 г. до 4,4 промилле в 1989 г. Особенно драматическая ситуация складывалась в сельской местности. Здесь начиная с 1979 г. естественный прирост был отрицательный, что означает превышение числа умерших над числом рожденных. Смертность среди сельских жителей была в 2,4 раза выше, чем у горожан. На ситуацию существенно влияют сильное постарение села, загрязнение окружающей среды, слабые медицинская диагностика и помощь, льянство. В 1950–1970-е годы чистый коэффициент (нетто-коэффициент) возобновления, который обозначает численную меру замещения материнского поколения дочерьми, превышал единицу, это значит, что в республике обеспечивалось расширенное воспроизводство населения, с конца 70-х годов и далее нетто- и бруто-коэффициенты были менее единицы, фактически воспроизводство сузилось. Наименьшие темпы естественного прироста белорусов характерны для Витебской области, что обусловлено целым комплексом составляющих: результатами войны, экономической и демографической политикой, высокой урбанизацией и др. Наибольшие показатели прироста наблюдались в Брестской и Гомельской областях.

Большое влияние на динамику смертности, рождаемости, естественного прироста оказывает половозрастная структура белорусов. В послевоенное время происходит заметное сглаживание диспропорции мужского и женского населения. В 1970 г. на каждые 100 мужчин приходилось 120 женщин, в 1989 г. – 115. Диспропорции по полу более выражены в сельской местности (на 100 мужчин – 119 женщин). Существуют различия в соотношении полов по возрастным группам. Так, в 1989 г. мужчин было больше в возрасте до 30 лет, исключение составляла возрастная группа в 20–24 года, в которой под влиянием биологических факторов шло выравнивание числа мужчин и женщин. В группах старших возрастов преобладают женщины (в 1989 г. в целом по БССР доля женщин составляла 53,5%).

За последние десятилетия произошло заметное постарение населения, особенно сельского. У белорусов показатель нагрузки на трудоспособное население составил 731 человек (численность лиц нетрудоспособного возраста на 1000 трудоспособных). В результате снижения рождаемости уменьшился вес детских возрастов в общей численности населения. Так, с 1959 по 1989 г. доля белорусов в возрасте младше 16 лет уменьшилась с 29 до 22%. Удельный вес трудоспособных остался прежним – 58%, увеличился процент пожилых людей с 13 до 20%. Возрастная структура населения отражает прошлые тенденции процессов естественного движения, особенно рождаемости, а также миграций населения. Сильное влияние на них оказала вторая мировая война, унесшая миллионы жизней. К тому же в годы войны уменьшилось число рождений, что отразилось в период, когда

в активный детородный возраст вступали женщины военных лет рождений и даже поколение их дочерей. Половозрастной состав белорусов 1989 г. не имеет таких резких перепадов в численности различных возрастных групп, как предыдущие. В сравнении с 1979 г. выросла численность группы 0–4 года в связи со снижением детской смертности и некоторым повышением рождаемости в начале 80-х годов. Проследивается уменьшение численности белорусов в возрасте 6–24 лет, объясняемое низкой рождаемостью в 70-е годы.

Средний возраст белорусов в 1989 г. составлял 32,5 года (мужчин – 32,1, женщин – 37,5).

Довольно ощутимыми были стихийные и организованные миграции из Белоруссии в Архангельскую и Калининградскую области, Карело-Финскую ССР. Белорусы осваивали целинные и залежные земли Казахстана.

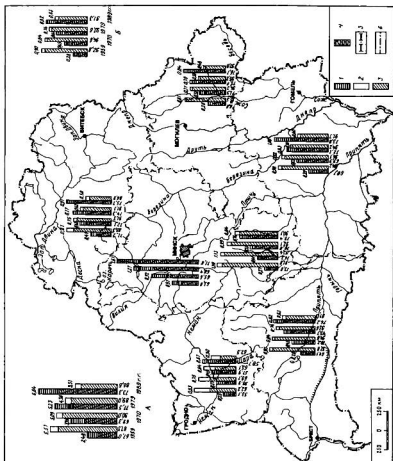
Увеличение миграционного потока в послевоенные годы на Север Европейской части ССР было вызвано развитием лесозаготовительной промышленности и необеспеченностью внутренними трудовыми ресурсами в районах лесозаготовок. По интенсивности внешней миграции белорусы занимали одно из первых мест в СССР. За 1950–1965 гг. отрицательное сальдо в БССР составило 1 млн человек (*Шахотко*, 1985. С. 94). С середины 60-х годов миграционный отток уменьшился.

В 1970–1980-е годы тенденция миграционных потерь ослабляется, в отдельные годы чередуется с миграционным приростом. За 1966–1970 гг. отрицательное сальдо миграции составило 1,4 тыс. человек; за 1971–1975 гг. – 61,3; 1975–1980 – 30,7; 1981–1985 – 7,9; 1986–1990 гг. – 10,1 тыс. человек (ПИ, 1993. № 2. С. 72).

Материалы переписей 1970, 1979, 1989 гг. дают возможность показать динамику миграционной подвижности белорусов. С 1970 по 1979 г. этот показатель возрос с 5,4 до 8,1%, а с 1979 по 1989 г. понизился до 6,5%. Понижение было вызвано изменениями в возрастной структуре населения, уменьшением в ней доли молодых, наиболее подвижных групп. Несомненно, на сокращение объемов и интенсивности миграции повлияли и кризисные явления в политической и экономической сферах, проявившиеся к середине 80-х годов. По уровню миграционной подвижности белорусы в 1989 г. занимали 4-е место среди титульных народов республик СССР, их опережали казахи, литовцы, киргизы. Миграционные связи Белоруссии с союзными республиками характеризовались существенной разницей в интенсивности и результатах перемещений. Наиболее интенсивный обмен населением отмечался между БССР и Российской Федерацией, Украиной, Казахстаном, Латвией и Литвой. Из Белоруссии шел отток населения в республики Балтии, Северо-Западный и Центральный районы России, приток (реиммиграция) – из Казахстана. С остальными регионами Белоруссия имела практически нулевое сальдо миграции.

Миграции в этот период носили добровольный характер. "Человек ищет, где лучше", где он может с большей пользой для себя и общества проявить свои способности и наклонности, применить свои опыт и квалификацию. В масштабах страны происходил обмен трудовыми ресурсами. Белорусские нефтяники осваивали нефтегазовые месторождения Тюмени, инженеры и рабочие строили Байкало-Амурскую магистраль, трудились на Крайнем Севере. Среди организованных форм миграции применялись оргнабор, общественный призыв, перевод с одного места работы на другое, распределение после окончания учебы. Однако по размерам и интенсивности преобладали индивидуальные миграции (2/3 всех мигрантов).

Что касается внутриреспубликанской миграции, то ее вес в общем объеме переселенцев начиная с середины 60-х годов увеличился. В 80-е годы на миграции в границах своей республики приходилось 85% всех переселенцев (63% на внутриобластные и 22% на межобластные потоки). Высокие темпы экономического развития Белоруссии, улучшение условий жизни и благополучие населения в сочета-

нии с понижением естественного прироста стимулировали миграции внутри республики. Рост промышленного производства ускорял урбанизацию и связанные с ней переселения сельского населения в города. Масштабы этих миграций за 1966–1989 гг. отличались стабильностью. Ежегодно в города Белоруссии в среднем вливалось 85 тыс. человек (пик приходился на 1971–1975 гг., когда приток составлял ежегодно 96 тыс. человек). Однако интенсивность миграции снижалась. За 1970–1985 гг. она уменьшилась в 2 раза (25 человек механического прироста на 1000 человек до 12,5). Белорусское село практически исчерпало демографические ресурсы. Даже межреспубликанская миграция в сельскую местность не покрывала потери.

Этническая структура миграционного потока в города Белоруссии довольно пестрая, представлена более чем 20 национальностями. Среди приезжих преобладают белорусы, на втором месте – русские, затем – украинцы, поляки. За последние десятилетия пропорциональные соотношения национальностей немного изменились, уменьшился удельный вес белорусов, увеличилась доля русских, украинцев и др. Так, среди прибывших в города белорусы составили в 1975 г. – 71,6%, в 1980 г. – 68,8, в 1988 г. – 66%; русские соответственно – 18,5, 19,4, 20,0%; украинцы – 4,4, 4,7, 5,2%. Если в 1975 г. среди прибывших в города из сельской местности белорусы составляли 81%, то в 1988 г. – 77%, среди приехавших из городских местностей соответственно 77 и 57%. Миграционный прирост городов БССР шел в основном за счет белорусов (68,4%), русских (18,5%), украинцев (6,1%).

Процессы урбанизации затронули все без исключения национальности, населявшие республику. В 1989 г. в городах проживали 61% белорусов от общей их численности, русских – соответственно 86%, украинцев – 80%, евреев – 99%. Существенные изменения произошли в национальном составе городского населения. Количество и удельный вес белорусов в городах возросли (в 1959 г. – 67,0%, в 1970 г. – 69,3, в 1979 г. – 71,5, в 1989 г. – 73,2%), увеличилась также численность представителей других национальностей (рис. 4).

В послевоенный период начался качественно новый этап урбанизации, она вступила в свою интенсивную фазу. Формировалась минская агломерация.

В урбанизационные процессы активно включались сельские поселения. Усиливались миграции в сельскую местность, росла полихромность белорусского села. В 1988 г. среди мигрантов в сельскую местность 68% составили белорусы, 18% – русские, 6% – украинцы, 5% – поляки, по 0,3% – азербайджанцы и немцы, 0,5% – татары и др. Однако общий миграционный баланс был отрицателен, это значит, что количество выбывших преобладало над количеством прибывших. Причем отрицательный баланс характерен был для белорусов, поляков, положительный – для русских, украинцев и других национальностей. Выявилась тенденция на сближение этнических структур городского и сельского населения (Касперович, 1985. С. 48–52).

В послевоенный период территориальная компактность белорусов немного уменьшилась, удельный вес их во всем населении понизился. Это объясняется миграциями белорусов за границы БССР и притоком инонационального населения. Характерно, что численность белорусов в границах республики росла более медленно, чем в целом по СССР. Белорусы в БССР составляли 77,9% всего населения (1989 г.).

Рис. 4. Изменение численности городского и сельского населения Белоруссии и доля в ней белорусов в 1959–1989 гг. по республике (А), по областям и в Минске (Б)

1 – городское население (млн человек), 2 – сельское население (млн человек), 3 – доля белорусов (%), в городах, 4 – доля белорусов в сельской местности, 5 – государственные границы, 6 – границы областей

По итогам переписи 1989 г., в республике 3,5 млн белорусов (44% их общей численности) меняли хотя бы один раз свое место жительства, причем для белорусов-горожан этот показатель составлял 53%, для сельских жителей – 29%.

Анализ данных о распределении мигрантов по типам поселений говорит об усилении межгородской миграции, что отразилось на качественных характеристиках мигрантов: увеличился средний возраст мигрантов, в миграциях все чаще участвовали семейные люди, возрос образовательный уровень мигрантов, что больше касалось крупных городов.

С конца 80-х-начала 90-х годов демографическая ситуация ухудшается. На нее повлияли черныбыльская катастрофа (рост заболеваний, связанных с радиоактивной загрязненностью, стрессами) и главным образом глубокий кризис общества, который повлек за собой резкое падение жизненного уровня народа, ухудшение системы здравоохранения, рост безработицы, преступности, алкоголизма и наркомании. Показатели рождаемости резко упали, уровень смертности заметно вырос, сократилась ожидаемая продолжительность жизни. Естественный прирост с 1993 г. перешел в убыль населения. Причем интенсивность депопуляции возрастает. В 1993 г. родилось на 11 тыс. человек меньше, чем умерло, в 1994 г. – на 19 тыс., в 1995 г. – на 32,6 тыс. человек. С 1994 г. наметилась тенденция к росту детской смертности, увеличилась численность инфекционных заболеваний.

Изменилась картина межреспубликанской миграции, которая приобрела новые черты. Системный кризис всех основ постперестроечного общества привел к сокращению потребности индустриальных районов в рабочей силе. Из Тюмени, с Севера России возвращаются нефтяники, шахтеры. Едут на родину мигранты прошлых лет из стран Балтии. Оставляют наши соотечественники и районы межнациональных конфликтов – Среднюю Азию, Закавказье, Северный Кавказ. Повысился удельный вес белорусов в миграционном потоке из-за пределов республики (с 1990 по 1995 г. – с 38,6 до 47,6%). Сохраняется приток русских, украинцев из всех стран СНГ, Литвы, Латвии, Эстонии (за исключением 1994 и 1995 г., когда он перекрывался более сильным их оттоком). Продолжается миграция армян, азербайджанцев, грузин, молдаван из бывших "горячих точек" СНГ. Белорусы, прибывшие из Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджана, Таджикистана, наиболее часто в числе причин переезда называют обострение межнациональных отношений (от 39% до 65% переселенцев из этих республик), тогда как эта причина была важной всего для 2% мигрантов из России и Украины (1991 г.). За 1990–1995 гг. положительное сальдо миграции составило более 143 тыс. человек.

Смена приоритетов во внешней политике, большая, чем раньше, открытость на Запад в сочетании с кризисным положением экономики, культуры, экологии способствовали росту эмиграции, пик которой приходился на 1990 г. Если в 1987 г. из республики выехало всего 757 человек, в 1990 г. – 34000, то в 1995 г. – 8780 человек. В миграционных потоках за рубеж преобладает еврейское население (70–90%), в результате его вес в этническом составе населения республики снижается. Поскольку за границу едет наиболее квалифицированная и образованная часть населения, то в социальной структуре общества образуется своеобразная ниша, на заполнение которой государство должно будет выделить немало средств, чтобы стабилизировать интеллектуальный потенциал республики.

Черныбыльская катастрофа, черным крылом накрывшая южные районы Белоруссии, деформировала структуру миграционных потоков, изменила их направление. С 1986 г. резко возрос отток населения из районов, которые пострадали от аварии, в то же время в ряде районов Витебщины механические потери сменялись положительным балансом миграции. Только по Гомельской области отрицательное сальдо миграции за 1986–1990 гг. составило около 100 тыс. человек. Как пока-

зало выборочное обследование, проведенное органами государственной статистики в 1991 г., авария на ЧАЭС была основной причиной переезда для 12% мигрантов белорусов (на семейные причины ссылаются 29%, на учебу – 28%, на перемену места жительства – 20%, на неустойчивость быта – 14%).

С начала 90-х годов существенно снизились объемы перемещений и механического прироста в городах Белоруссии (последний – в 2 раза). В то же время стала заметной тенденция возрастания числа мигрантов в сельскую местность, главным образом за счет приезжих из-за пределов республики. В 1992 г. миграционный прирост населения в сельской местности составил 17,8 тыс. человек, из них 33,7% белорусов, 45,5% русских, 7,4% украинцев, 4,2% поляков. Однако он не перекрывает убыли населения из-за отрицательного естественного прироста. С середины 1990-х годов вновь возобновляется отток сельского населения, преимущественно в городские поселения Белоруссии.

Государственными органами предпринимаются усилия для улучшения демографической ситуации в стране: принят закон Республики Беларусь "Об охране здоровья" (1993), принимаются дополнительные меры по улучшению охраны материнства и детства. Особое внимание уделяется молодым семьям: льготные кредиты и субсидии на строительство жилья, на приобретение домашнего имущества, помощь женщине по беременности, помощь семьям, воспитывающим детей, и др.

Предполагается, что со стабилизацией экономической ситуации в Республике Беларусь, дальнейшим развитием интеграционных связей с Россией, проведением эффективной демографической политики демографические процессы войдут в нормальное русло.

В результате миграций в начале XX в. и в более поздний период белорусы проживают как в бывших республиках СССР (см. табл. 2 в разделе "Численность и расселение белорусов в Республике Беларусь"), так и в странах Европы, Америки, Австралии.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК

Антропологический облик белорусов сложился в результате их исторического развития, миграций и смешения различных групп населения. Немалую роль сыграла биологическая адаптация людей к климатическим и геохимическим условиям региона, а также социальная адаптация посредством формирования определенных хозяйственно-культурных типов.

Какие же черты характерны для современных белорусов? У них преобладают прямые и плосковолнистые, мягкие русые и темно-русые волосы, серо-голубой и серо-зеленый цвет глаз, умеренно округлая (брахикранный) форма головы с прямым лбом. Лицо средней высоты и ширины умеренно профилировано в горизонтальной плоскости. Скулы выступают слабо или средне. Глазная щель средней величины, расположена горизонтально, со слабо и средне выраженной складкой верхнего века. Типичен умеренно и сильно выступающий, средней ширины нос с прямой спинкой, горизонтальным положением его основания и кончика при слабом выступании ноздрей. Преобладает сочетание тонкой верхней губы со средней толщиной нижней. Среди мужчин часто встречаются индивидуумы с умеренно густой бородой при слабой обволошенности груди.

Как известно, согласно расовой классификации человечество представлено тремя большими расами: европейской, монголоидной и негроидной. Они подразделяются на расы второго и третьего порядка, получившие название, соответ-

ствующее территориальной локализации. Все они связаны взаимопереходами вследствие разной интенсивности миграций и смешения, сопровождающих человечество на протяжении его истории. В частности, выделяют северную и южную ветви европеоидов, различающихся между собой по ряду антропогенетических признаков. Так, северные европеоиды – самые высокорослые, светлопигментированные, долихокефальные, у них чаще встречаются сильно выступающий нос с прямой спинкой, первая (0) группа крови, резус-положительный фактор, повышена наследственно обусловленная вкусовая чувствительность к фенилтиокарбамиду. Южные европеоиды по ряду признаков отличаются противоположными особенностями. Например, среди их представителей преобладают темная пигментация, брахицефальная форма головы, меньшая длина тела.

По антропологическому облику белорусы – типичные представители европеоидной расы, ее восточноевропейского варианта. Согласно расовой классификационной схеме Н.Н. Чебоксарова, белорусы относятся к восточнобалтийскому варианту беломорско-балтийской расы, отличаясь от представителей последней (латышей, эстонцев) более темной пигментацией волос и глаз, более округлой формой головы, меньшей длиной тела. При значительном среднестатистическом сходстве антропологических черт популяций современных белорусов антропологический облик отдельных индивидуумов неодинаков. Из-за того, что наследование этноопределяющих свойств (определенный комплекс материальной и духовной культуры, язык, самосознание) происходит по социальным законам, а антропологических черт – по более стабильным во времени биологическим, не существует полного совпадения границ распространения отдельных этносов и антропологических типов. Поэтому невозможно только по антропологическому облику определить национальную принадлежность.

Среди населения северного и некоторых локальных групп центрального региона чаще встречаются длинноголовые (долichoкефальные), светлоглазые и светловолосые индивиды, более выражена высокорослость, что сближает их с литовцами и латышами пограничья. Отмечая, что данный комплекс характерен для северных европеоидов, их атлантико-балтийской ветви, В.В. Бунак считал, что этот расовый тип сформировался в глубокой древности, возможно, в мезолите. Усиление брахицефалии, увеличение скулового диаметра, более темную пигментацию глаз и волос у белорусов в бассейне Немана (западные группы) и на Полесье (южные группы) он объяснял следствием проникновения в древности на эту территорию представителей южной европеоидной расы и более интенсивным смешением их с древними аборигенами – северными европеоидами (Бунак В.В., 1956). Учитывая географическую направленность различий, он выделил среди белорусов два типа: восточнобалтийский и полесский.

Реальность существования этих антропологических типов подтвердили более поздние исследования расовых особенностей населения Белоруссии в пограничье с Украиной, Россией, Литвой (Дяченко, 1965; Витов, Марк, Чебоксаров, 1959; Аляксееў, Вітоў, Цягака, 1994; Денисова, 1958).

Наши исследования территориальных групп белорусов, проведенные по более широкой программе, включавшей, кроме традиционных расовых особенностей строения головы и пигментации, еще и признаки, характеризующие пропорции и форму тела, позволили уточнить ряд особенностей физического типа белорусов и дополнительно выделить локальные варианты (Салівон, 1994). Согласно нашим данным, строение тела белорусов отличается хорошим развитием костного остова и мускулатуры при умеренном жиротложении. Длина тела средняя и выше средней при индивидуальной изменчивости у мужчин от 150 до 200 см (средняя величина 170 см), а у женщин от 140 до 180 см (средняя величина 160 см). Наиболее высокорослы белорусы северо-западных, западных и центральных районов

Республики Беларусь, где в среднем длина тела мужчины достигает 170–174 см, а у женщин – 158–162 см. Соответственно в этом регионе у населения больше масса тела, окружность грудной клетки, длина рук и ног. На Полесье длина тела меньше: у мужчин среднегрупповые величины составляют 166–171 см, а у женщин – 157–160 см. То, что полесские белорусы ниже ростом и имеют тонкое сложение, сопряжено в значительной степени с пониженными концентрациями жизненно важных химических элементов в почве и питьевой воде этого региона, тормозящими процесс роста скелета.

Картографирование выявило согласованную изменчивость ряда особенностей, наследуемых независимо друг от друга, по которым европеоидная раса отличается от монголоидной. По направлению с северо-востока на юго-запад голова приобретает более округлую форму, увеличивается ширина лица, чаще встречаются более темные оттенки волос. В этом же направлении усиливаются европеоидные черты по структурным особенностям зубной системы и кожных рисунков на пальцах и ладонях, чаще встречаются случаи цветовой слепоты и резус-отрицательности (ген d), в системе крови АВО более редки случаи гена В, определяющего принадлежность к третьей В (III) и четвертой АВ (IV) группам крови (*Салинов, Тезако, Микулич, 1976; Микулич, 1989; Тезако, 1989*).

На разных континентах у большинства молодежи, родившейся в послевоенные годы (после 1945 г.), отмечены явления акселерации, т.е. ускорения развития с более ранним половым созреванием и достижением больших по сравнению с родителями величин длины тела. То же характерно и для младшего поколения белорусов, длина тела которых в среднем на 3–4 см выше по сравнению с предшествующим поколением. Городская молодежь по сравнению с сельской более высокорослая, длинноногая, более тонкого сложения. Эти изменения связаны с влиянием комплекса многообразных факторов, среди которых немаловажную роль сыграла интенсификация миграций и смешения населения, что сопровождалось усилением его генетической неоднородности, провоцирующей большую чувствительность развивающегося организма как к благоприятным, так и к неблагоприятным факторам среды.

Значительно большая по сравнению с элементами культуры устойчивость во времени расовых особенностей дает возможность проследить хотя бы в общих чертах истоки формирования антропологического состава и локальных антропологических особенностей у белорусов. Каковы же они?

С момента расселения по территории Белоруссии в разные исторические периоды население с разной степенью интенсивности вступало в брачные контакты с населением смежных территорий или с иноэтничными иммигрантами, что отражалось на формировании совокупности всех наследственных особенностей (генофонда) последующих поколений. Следы древних исторических процессов находят отражение во внешнем облике современных белорусов. Поэтому, чтобы понять закономерности формирования антропологического состава населения, необходимо учитывать характер исторических процессов, влиявших на формирование генофонда. К ним относятся в первую очередь те социально-экономические условия, от которых зависят интенсивность и направление миграций, сопровождающихся притоком новых генов, либо религиозные ограничения брачных связей, обеспечивающие стабильность генофонда конкретных групп, изменения способа производства, а в связи с этим и условий окружающей среды и жизнеобеспечения в целом.

К сожалению, материалы по древнему населению Белоруссии весьма ограничены (единичные находки эпохи бронзы и относящиеся к последнему тысячелетию). Археологические материалы свидетельствуют о том, что истоки первоначального формирования генофонда населения данной территории восходят к эпохе палеолита и связаны с первоначальным заселением ее южных районов,

которое началось примерно 30–100 тыс. лет тому назад. Население продвигалось со стороны Южной Польши через юго-запад Беларуси и со стороны Русской равнины через юго-восток вслед за отступающим ледником. Можно предположить, что в суровых условиях предледниковья сумели выжить только физически крепкие люди, что способствовало формированию адаптивного типа, аналогичного арктическому типу, выделенному Т.И. Алексеевой (Алексеева, 1986) среди современного населения Крайнего Севера. Для этого типа характерны хорошее развитие скелета и мускулатуры, коренастость, с малой поверхностью тела и несколько повышенным жиротложением, что способствует слабой теплоотдаче.

К эпохе неолита (V–III тысячелетия до н.э.) территория Белоруссии была уже довольно густо заселена. В эпоху бронзы (конец III тысячелетия – начало II тысячелетия до н.э.) земледельческие племена, изготавлившие шнуровую керамику, распространяются на обширной территории Европы (от берегов Рейна на западе до верховьев и среднего течения Волги на востоке, от Южной Скандинавии, южной и восточной Прибалтики к югу с включением бассейнов Вислы, Немана, Западной Двины) и оттесняют к северу неолитическое население, либо поглощают какую-то его часть (Брюсов, 1961). В научной литературе носителей культуры шнуровой керамики относят к индоевропейской общности, на основе которой позднее сформировались балтская и славянская общности.

На территории Белоруссии население этого периода представлено всего одним мужским скелетом (Тетяко, Саливон, 1989. С. 218–219). Он был найден М.М. Чернявским в 1962 г. в разрушенной земляными работами древней кремнедобывающей шахте около д. Красное село Волковысского р-на Гродненской обл. Положение скелета позволяет предположить, что человек погиб при обвале шахты. При нем находился глиняный сосуд, относящийся к культуре шнуровой керамики, что позволяло датировать погребение примерно серединой II тысячелетия до н.э. Судя по структурным особенностям черепа, зубной системы и костей скелета, это был молодой мужчина довольно высокого (примерно 173 см) роста со средними размерами головы и лица, слабо выраженной длинноголовостью (мезодолихокранный). Скелет умеренно массивный, характерны отчетливо выраженные европеоидные черты: вертикальный профиль лица прямой, горизонтальная его профилировка резко выражена (нет даже слабой уплощенности), переносье среднеширокое и высокое, носовые кости сильно выступают. По физическому типу эта находка очень похожа на более позднее поселение данного региона (серия конца XI–начала XII в. из грунтового могильника г. Новогрудка Гродненской обл.). То есть на протяжении около 3500 лет существенных структурных изменений не произошло. Стали лишь незначительно больше поперечный (на 0,7 мм) и высотный диаметр черепа (на 6,6 мм), немного уже лицо и нос.

В антропологической литературе отмечалось, что на разных континентах с зарождением земледелия, изменившего режим питания людей и экологию их обитания, совпадает начало изменений физического типа людей. Они выразились в уменьшении массивности скелета (процесс грацилизации) и трансформации структуры головы, которая постепенно приобретает более округлую форму (процесс брахикефализации) за счет укорочения продольного и расширения поперечного ее диаметров. Комплекс таких изменений был назван Г.Ф. Дебецем "эпохальным" (Дебец, 1948). Эти процессы во многих странах усилились во второй половине последнего тысячелетия, в том числе и на территории Белоруссии (Саливон, 1984).

К сожалению, из-за существовавшего вплоть до принятия христианства языческого обряда захоронения умерших после их сожжения характеризовать антропологические особенности древнего населения Белоруссии возможно лишь по полученным археологами костным останкам из курганных могильников начиная

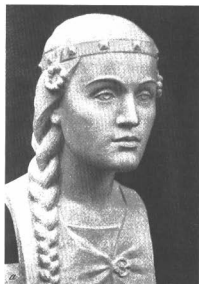

Рис. 5. Типы средневекового населения Белоруссии. Реконструкция И.В. Чаквина и Л.П. Ященко по методу М.М. Герасимова

а – женщина-селянка с украшениями ятвигов, XIII в. Гродненская обл., *б* – женщина-селянка с украшениями кривичей, XI–XII вв. Витебская область, *в* – женщина-селянка с украшениями радимичей, Конец XII в. Гомельская область.

с X в. и из более поздних групповых захоронений в грунте (Саливон, Тезако, Микулич, 1976).

Проникавшие на территорию Белоруссии в V–VI вв. н.э. группы славянского населения расселились среди индоевропейского населения, оставившего штрихованную керамику и, судя по археологическим и лингвистическим данным, принадлежавшего к балтской языковой семье (Топоров, Трубачев, 1962; Третьяков, 1966; Седов, 1970; Пилипенко, 1991). Ассимилируя балтские группы как через брачные узы, так и в этническом смысле, раннесредневековое восточнославянское население включало в свой генофонд балтские черты, а в культуру – некоторые особенности материальной и духовной культуры. Черты физического типа балтских предшественников, передаваясь по наследству, в разной степени сохранялись в ряду поколений и отразились и на локальных особенностях более позднего восточнославянского населения на территории Белоруссии.

Краниологические сельские серии из курганных могильников XI–XIV вв. долихокранны и неоднородны по составу, включая как массивные широкоскулые черепа, так и относительно грацильные узкоскулые (рис. 5). Население этого периода с бывшей территории дреговичей, и особенно полоцких кривичей, отличается от восточнославянского населения с других территорий более выраженным сходством их физического типа с населением соседних районов Прибалтики (Дебец, 1932; Трофимова, 1946; Алексеева, 1973). Эти серии сближают с населением Прибалтийского региона преобладание массивных черепов над грацильными, большая долихокранность и широкоскулость, узконосость. Те же черты присущи и городской серии из грунтово-могильника конца XI–начала XII в. г. Новогрудка, но от сельских серий она отличается меньшей долихокранностью. Аналогичное направление различий между городскими и сельскими сериями данного периода характерно и для восточнославянского населения соседних с Белоруссией территорий (Алексеева, 1973).

Пополнившиеся в 1970–1980-е годы новыми материалами краниологические коллекции позволили уточнить особенности разнообразия антропологического состава населения последнего тысячелетия. Оказалось, что в начале II тысячелетия н.э. на бывшей территории полоцких кривичей часто встречались локальные группы не только массивные, но и грацильные типов (Кушир, Чаквин, 1987). Население Понеманья (Гродненская обл.) из славянских могильников X–XIII вв. с каменными кладками с бывшей ятвяжской территории довольно однородно по антропологическому составу и относится к кругу мезокранных грацильных форм. Серии из могильников XIV–XVII вв. с той же территории по сравнению с таковыми X–XIII вв. более брахикранны, но весьма сходны по важным диагностическим структурным особенностям лица, что свидетельствует о преемственности антропологических особенностей в ряду поколений. Брахицефализация же – следствие эпохального процесса. Серия из могильника XVI в. в Могилевской области тоже брахикранна (Кушир, Бектеев, 1988). Однако наиболее брахикранны серии из белорусских сельских могильников XVIII–XIX вв.

Таким образом, в период формирования белорусской народности в XIV–XVI вв. брахицефалия населения уже отчетливо выражена. Явления же грацилизации скелета у населения конца II тысячелетия н.э. на территории Белоруссии незначительны.

Интенсификация эпохальных изменений во второй половине II тысячелетия н.э. может быть обусловлена генетическими процессами, связанными с расширением границ внутриэтнического взаимодействия и усилением консолидационных процессов. Если учесть эпохальную морфологическую трансформацию черепа (брахицефализацию и грацилизацию), то по наиболее важным расоводиагностическим признакам (пропорции и профилировка лица, строение носовой области)

наблюдается несомненная преемственность физического типа в ряду поколений на протяжении последнего тысячелетия.

Отсутствие отчетливых антропологических различий между территориальными группами населения Белоруссии в X–XIII вв. могло быть следствием интеграционных процессов, связанных с зарождающейся государственностью. Территориальные различия между краниологическими сериями XVIII–XIX вв. (рис. 6) незначительные, но имеют определенную географическую направленность. Они выражаются в несколько больших размерах черепа с относительно более узким и сильнее выступающим носом, более низким лицом – комплекс признаков, отличающих серии из западных районов. Серии с северо-восточной и юго-восточной территории республики несколько более грацильны, у них слабее выступает нос, что в определенной степени делает их похожими на некоторые финно-угорские серии Поволжья. Генезис черт несколько ослабленной европеоидности, возможно, связан с более древними этногенетическими процессами, происходившими на данной территории в дославянский период. Они могли сформироваться еще у населения, предшествовавшего расселению "шнуровиков", последние же характеризуются отчетливой европеоидностью. Поглотив какую-то часть древних аборигенов, "шнуровики" в определенной степени впитывали их черты, которые сохранились в последующих поколениях.

Сравнение позднесредневековых восточнославянских краниологических серий с хронологически одновременными сериями с территории Прибалтики по обобщенным расстояниям, исходящим из комплекса наиболее информативных в расоводиагностическом отношении метрических признаков (размеров черепа), показало, что ни одна из серий с территории Белоруссии не выходит за пределы "славянского" круга форм. Серии с территории Прибалтики образуют свой "балтийский" круг форм. Однако рассчитанные по специальным формулам обобщенные расстояния между славянскими сериями с территории Белоруссии и балтскими сериями на пограничье становятся меньше, что может свидетельствовать о взаимопроникновении и смешении населения в разные исторические периоды (Салівон, Квяткоўская, Кушнір, 1989).

История формирования определенных сочетаний антропологических признаков в популяциях фиксируется в их генофонде и передается согласно программе наследования следующим поколениям. Знание закономерностей сохранения в ряду поколений этих особенностей позволяет с определенной долей вероятности восстановить родословную этноса и его древность.

Анализ генетически запрограммированных гематологических и некоторых других систем, в которых каждый признак не меняется в течение жизни и контролируется определенными генами, позволил подтвердить преемственность комплекса антропологических особенностей в длинном ряду поколений. В соответствии с законами наследования формирование локальных популяций должно при определенной изменчивости происходить в рамках относительного постоянства генофонда многих поколений (Рычкон, 1973).

На основе генетического анализа распределения среди большого количества средневековых восточнославянских серий наследственно обусловленных, неизменных на протяжении жизни аномалий строения черепа была предложена гипотеза о существовании некоего предкового ареала праславянской генетической общности и о возможности сохранения особенностей этой общности у более позднего восточнославянского населения (Мовсесян, 1990).

Расчетные по совокупности гематологических и морфо-физиологических признаков с применением специальных статистических приемов обобщенные межгрупповые биологические расстояния показали, что к гипотетическому прародительскому пласту наиболее близкими оказались суммарная выборка белорусов и

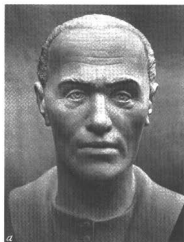

Рис. 6. Антропологические типы горожан Белоруссии. XVII–начало XVIII вв.
Реконструкция И.В. Чаквина и Л.П. Яценко по методу М.М. Герасимова
а – знатный мужчина из Полоцка, б – женщина из Слонима

литовцы, несколько дальше располагаются западные группы русских и украинцы Полесья. Поляки же расположены обособленно от данных этнических выборок. Выявленное сходство между литовцами и белорусами северного и центрального районов можно объяснить древними генетическими связями. Белорусы южной зоны занимают промежуточное положение между популяциями северной Белоруссии и центральной Украины. Сравнение по тому же принципу белорусов 60-х и 80-х годов настоящего столетия указывает на значительную степень их сходства (Мікуліч, Салівон, 1992).

Совокупный анализ антропологических данных в пределах этнографических и этноисторических регионов Белоруссии позволяет выделить среди коренного сельского населения четыре генетико-антропологических комплекса: западнополесский, восточнополесский, центральнобелорусский и поозерный (северный). Это позволяет считать, что на территории Белоруссии существовали два четвертичных очага расообразования (по терминологии В.П. Алексеева) – центрально-восточно-европейский (южный) и восточнобалтийский (северный) (Алексеев, 1985).

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Белорусский язык вместе с генетически родственными русским и украинским относится к восточнославянской группе языков. Выделение и складывание его в самостоятельный язык происходило на протяжении XIII–XV вв. Лингвисты считают, что некоторые особенности местных говоров существовали в период феодальной раздробленности Древнерусского государства и впитали в себя опре-

деленные черты восточнославянских племен кривичей, дреговичей, радимичей, а на юго-западе – воляний и бужан (*Шахун, 1963. С. 70–72*).

Литературный (письменный) белорусский язык со значительным временным разрывом прошел две стадии своего развития. После распада Киевской Руси под напором татаро-монголов западные земли Древнерусского государства были в конце XIII в. включены в состав Великого княжества Литовского. В этом многонациональном государственном образовании официальным языком стал западный вариант древнерусского языка, называемого лингвистами и историками древне-белорусским (Этиаграфия беларусаў, 1985. С. 67). Развитие его шло на протяжении XIII–XVI вв. Древнебелорусский язык стал государственным языком Великого княжества Литовского. Исследователи подчеркивают, что многие основные юридические документы государства имеют типичные белорусские языковые особенности (*Жураўскі, 1982. С. 20–26; Клишчук, 1981. С. 214–221*). Живой разговорный древнебелорусский язык постепенно проникал в деловой язык канцелярских бумаг, что расширяло его коммуникативную функцию в рамках всего государства. На нем велись различная дипломатическая и частная переписка, дела во всех звеньях центральных и местных органов власти, судоустройство и пр. На древнебелорусский язык переводились воинские и рыцарские повести, писались летописи и художественные сочинения. На этом языке возникло и книгопечатание, основателем которого был Ф. Скорина. Его заслугой было печатание "Библии русской" и других религиозных сочинений, понятных простому народу, так как в них было введено множество слов белорусской разговорной речи.

Как отмечали современники, старобелорусский (древнебелорусский) язык использовался в Великом княжестве Литовском значительно шире, чем языки других народов, населяющих его. Этот язык применялся при общении коренного населения с литовцами, латышами, татарами, евреями, караимами, цыганами. Для некоторых из них (например, татар, караимов) он вообще заменил их родные языки (*Анушкин, 1970. С. 12–14*). На этом языке разговаривали великие князья литовские и феодальная знать. На нем печатались светские книги, библейская литература, создавались и основные законодательные государственные акты (Статуты, Своды законов, Трибунал 1587 г., изданный "по-руску" и др.).

Для развития старобелорусского литературного языка в XVI–XVII вв. много было сделано С. Будным, В. Тяпинским, С. Зизанием, М. Смотрицким, Л. Карповичем, А. Филипповичем и др. Однако с конца XVI в. старобелорусский язык постепенно стал уступать место польскому и функции его стали сужаться в связи с включением Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой, особенно после заключения Люблинской унии 1569 г. Новые политические условия, полонизация населения затрагивали все стороны социальной жизни, в том числе и языковую.

Некоторое время белорусский язык продолжал еще выполнять коммуникативные функции. Однако уже к концу XVII в. он утратил свое доминирующее положение и начал вытесняться польским языком, который постепенно стал средством общения не только феодальной верхушки, но и других сословий. Необходимость в унификации языка государственных документов и возрастающая интеграция всех территориальных частей Речи Посполитой способствовали распространению польского языка в XVII в. в рамках всей государственной общности, в том числе и на землях Великого княжества Литовского. В 1695 г. было принято постановление, согласно которому общегосударственным языком Речи Посполитой становился польский язык (Белоруссия в эпоху феодализма, 1959. Т. 2. С. 262).

Решением сейма Речи Посполитой 1696 г. белорусский язык полностью был запрещен для употребления в официальных документах и в общении. Однако в народной среде белорусов функционировали диалекты, на которых слагались

устнопоэтические произведения. В рукописях распространялись различного рода сатирические "гутаркі" (рассказы), "прамовы" (выступления, речи) и другие анонимные произведения. Среди них острой критикой господствующих классов выделялась "Прамова Мялешкі" (вторая четверть XVII в.).

Второй этап белорусского литературного языка наступил после разделов Речи Посполитой (XVIII в.) и присоединения белорусских земель к России. В этот период условия для развития белорусского языка продолжали оставаться жесткими. Основные общественные и культурные функции на этих землях выполняли русский язык и частично польский, а со второй половины XIX в. – преимущественно русский. И все же именно в этот период появляются условия (рост национального самосознания, национально-освободительные движения, этнографические и лингвистические исследования и др.) для появления и развития нового литературного белорусского языка. Становление его в первой половине XIX в. происходило на стыке устнопоэтического и профессионального творчества. Постепенно белорусский язык в его диалектных формах закреплялся в литературных произведениях. Отличительной чертой в формировании нового литературного языка белорусов было то, что он создавался уже на основе живой разговорной речи белорусского крестьянства, которое сохраняло свой язык с диалектными особенностями различных регионов Белоруссии.

По диалектным особенностям в разговорном белорусском языке выделяются два крупных региона – северо-восточный и юго-западный с переходной полосой среднебелорусских говоров (рис. 7), которые и легли в основу создания современного литературного языка белорусов. Среднебелорусские говоры сложились в результате взаимопроникновения, взаимонакладывания и взаимовлияния северо-восточных и юго-восточных диалектов.

В процессе своего развития белорусский литературный язык впитал в себя и синтетизировал многие фонетические, грамматические и лексические черты различных регионов Белоруссии и сегодня уже не соотносится с каким-либо территориальным регионом (А.И. Журавский).

С первой половины XIX в. стали появляться литературные произведения на белорусском языке П. Багрима, В. Дунина-Марцинкевича, Я. Чечота, Ф. Богушевича. Продолжали функционировать анонимные "гутаркі" (рассказы), анонимные стихотворения, рукописные диалоги. Позже на белорусском языке появились знаменитые анонимные поэмы "Энеида наывыворот" (20-е годы XIX в.), "Тарас на Парнасе" (середина XIX в.) и др. Писались они кириллицей и латиницей на основе местных говоров. Многие из них распространялись в рукописях.

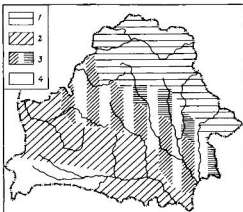
С развитием этнографии и фольклористики в XIX–начале XX в. появляется огромное количество публикаций устнопоэтического творчества (песен, сказок, пословиц, поговорок) в сборниках М.А. Дмитриева, И.И. Носовича, Е.Р. Романова, И.А. Сербова, П.А. Бессонова, П.В. Шейна, Н.Я. Никифоровского, А.К. Сержутовского, М. Федоровского и других, которые популяризировали белорусскую речь (подробнее см. в главе "Профессиональная культура"). Увеличивается количество писателей. Среди них – Я. Лучина, А. Гуринович, А. Обухович, Я. Купала, Э. Тетка, М. Богданович, Я. Колас, Т. Гартный и многие другие. Их произведения не имели еще единых орфографических и грамматических норм. Исследование особенностей белорусского языка впервые на научную основу поставил основатель белорусской филологии Е.Ф. Карский в трехтомном труде "Белорусы" (1902–1922 гг.).

Радикальные изменения в функционировании белорусского языка, в упорядочении его орфографических и грамматических норм, в разработке научно-технической терминологии и нормализации словарного состава начались после 1917 г. и завершились в 1930-е годы.

В 1920-е годы на основе изучения народного языка, его диалектов разрабаты-

Рис. 7. Белорусские диалекты и группы говоров

1 – северо-восточный диалект, 2 – юго-западный диалект, 3 – среднебелорусские говоры, 4 – полеская группа говоров

вались лексика, грамматические нормы, терминология современного белорусского языка, шел процесс формирования его в качестве литературного. Был разработан терминологический словарь белорусского языка (включал 50 тыс. слов-терминов), подготовлен русско-белорусский словарь на 50 тыс. слов.

Древнейшими пластами нового белорусского литературного языка являются общеславянский и восточнославянский, которые составили его основной словарный фонд. Это – названия различных явлений природы, растений, животных, птиц, рельефов местности, частей человеческого тела, хозяйственных и жилых построек, орудий труда и т.д.

Собственные фонетические, грамматические и лексические особенности белорусского литературного языка складывались на основе живой белорусской речи. Поэтому в белорусском языке существует главное правило – как слышится, так и пишется, правда, лишь с некоторыми исключениями. Важнейшими фонетическими и грамматическими особенностями белорусского литературного языка, которые отличают его от русского и украинского, являются дзекание и цекание (дзен, дзед, цецярук – тетерев, цетка, дзядзька и пр.), акание (вад́а, ра́ка), "о" пишется только под ударением, яkanie (в первом слоге перед ударением "е" переходит в "я" (вясна, сястра), отсутствие взрывного "г", приставное "в" перед начальными гласными (во́кны, во́сень, ву́ха), наличие самостоятельного звука "дж" (дождж, ураджай), "ў" неслоговое вместо "л" и "в" после гласных перед согласными (воўк, доўбня, коўш) и др.

Белорусский литературный язык, как и другие языки, впитал в себя много слов, заимствованных из латинского, греческого, немецкого, польского, литовского и др. В период научно-технических контактов с другими народами заимствовалась интернациональная лексика (агратэхніка, біялогія, фатаграфія, касмадром).

На протяжении всей своей истории белорусский язык разделял общественные функции с польским и русским и соотношение их изменялось. В XX в. особенно велика была роль русского языка. К началу 1990-х годов на территории Республики Беларусь основные общественные функции выполнял русский язык.

По Всесоюзной переписи 1989 г., 80,2% белорусов в республике считали родным белорусский язык (в 1979 г. – 83,5%). В то же время из 1,6 млн белорусов, назвавших родным русский, 48% считали белорусский язык вторым. Число белорусов, признающих свой язык родным, сокращается. За 10 лет между переписями 1979 и 1989 гг. число белорусов, признающих белорусский язык родным, сократилось на 3,3%, а доля назвавших белорусский язык вторым – с 10,1% в 1979 г. до 9,5% в 1989 г. Белорусский язык больше сохраняется в сельской местности. Так, среди белорусов-горожан в 1989 г. его считали родным 69,9%, а в 1979 г. – 68,8%; называли его вторым в 1979 г. 19,3%, а в 1989 г. – 14,4%. В сельской местности

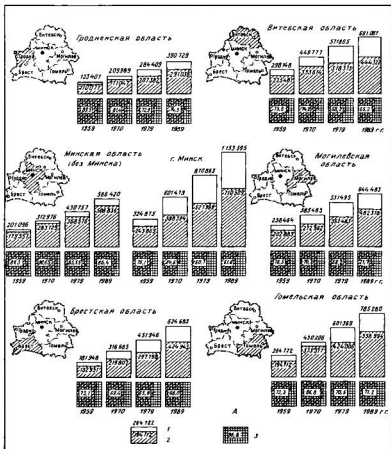

Рис. 8. Владение родным языком белорусами. 1959–1989 гг.

А — городское население, Б — сельское население; 1 — число белорусов, 2 — число белорусов, которые считают белорусский язык родным, 3 — доля белорусов, которые считают белорусский язык родным (1 клетка — 1%)

родным считали белорусский язык в 1989 г. 96,9%, а в 1979 г. — 98,1%; в качестве второго его называли в 1989 г. только 1,6%, а в 1979 г. — 1,2% белорусов. По числу и доле белорусов с родным белорусским языком наблюдаются некоторые различия по областям (рис. 8).

Приведенные данные двух Всесоюзных переписей населения свидетельствуют о том, что значительная часть белорусов, особенно в городах, широко пользуется русским языком. В 1989 г. около 17,9% белорусов назвали русский язык родным и 60% считали его вторым. Почти каждый четвертый русский, проживающий в Беларуси, владел белорусским языком (родным его считали 2,2%). Однако пере-

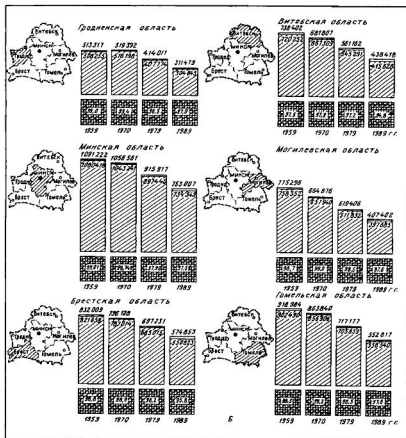

Рис. 8, Б

писи населения показывают не только знание языков, но и психологическое отношение к родному языку, в какой-то мере идентификацию с культурой народа. При этом, называя тот или иной язык своим родным, человек не всегда опирается на реальные знания этого языка. Понятие "родной язык" – более емкое, чем просто знание языка.

Так, выборочное этносоциологическое обследование, проведенное в 1989 г. белорусскими этнографами, дает несколько иные, чем в переписи, данные об уровне владения белорусами русским и белорусским языками.

Показатели обследования свидетельствуют о том, что свободно говорят и пишут на белорусском языке 48% белорусов, на русском – 85%. Свободно говорят, но плохо пишут на белорусском языке 4,8%, говорят с некоторыми затруднениями 22%, говорят с большими затруднениями и не пишут – 3,5%.

Изучение мнений родителей, следует ли обучать их детей белорусскому языку показало, что 39,7% белорусов считают необходимым обучение их детей только в русских школах, 41,1% – в школах, где преподавание ведется на двух языках – русском и белорусском, и только 14,7% выразили желание обучать своих детей в школах с белорусским языком обучения. На этот вопрос 4,5% затруднились ответить.

Изложенная выше ситуация в области функционирования белорусского языка в республике сложилась в силу различных причин и обстоятельств. Она имеет глубокие исторические корни, уходящие в XVII в., начиная со времени, когда белорусский народ находился в составе Речи Посполитой. Господствующим в Белоруссии литературным языком тогда был польский. После присоединения Белоруссии к Российской империи (конец XVIII в.) государственным стал русский язык, а белорусский язык находился под запретом. После Октябрьской революции только в 20-е годы были предприняты попытки белорусизации, когда белорусский литературный язык в БССР стал функционировать в различных сферах жизнедеятельности населения и выполнял коммуникативные функции.

В этих условиях важнейшей задачей было повышение статуса белорусского языка, преодоление представления о нем как о языке деревенском, не дающем перспектив для социального роста. В массовом сознании этот поворот осуществлялся медленно. Вот, например, как рассуждал продавец Веснинского сельпо Ушачского района Клечок: "Я человек интеллигентный, продавец, мне нужно разговаривать только на интеллигентном русском языке, а не на том, на котором говорят крестьяне. Пусть они на нем говорят, поскольку они сидят дома и с массами не встречаются" (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2865. Л. 116).

Действительно, на протяжении всей истории белорусского народа хранителем и носителем белорусского языка было сельское население. Насильственная же коллективизация белорусской деревни разрушила народные традиции, оторвала крестьянина от земли, в результате чего сельская молодежь стала активно мигрировать в города, где обучение велось преимущественно на русском языке. Белорусский язык полностью потерял свою престижность и был вытеснен из сфер государственной и общественной жизни.

Сравнительно быстрый переход на русский язык большинства белорусского населения республики произошел и в силу того, что генетически родственные белорусский и русский языки имеют много общего как в словарном фонде, так и в лексике. Сказался на сокращении функции родного языка и относительно слабый уровень национального самосознания, которое к тому же разрушалось непродуманными методами интернационализации.

Ускоренно происходил процесс сужения функций белорусского языка после Великой Отечественной войны. В 1950-е годы почти во всех сферах жизни белорусов преобладал русский язык.

В годы перестройки развернулось движение за возрождение национальной культуры и языка среди всех народов СССР, в том числе и белорусов. Белорусский язык получил статус государственного, в республике было создано Общество белорусского языка, предпринимались меры по расширению обучения детей в школах на родном языке, а для взрослых создавались курсы по изучению белорусского языка. Важную роль в реанимации белорусской культуры и языка стали играть средства массовой информации – телевидение, радио, периодическая печать и пр. Постепенно возрастал уровень национального самосознания народа. Все это создавало благоприятные условия для усиления престижности белорусского литературного языка в республике.

В 1990 г. Верховным Советом республики был принят один из важнейших документов – закон о языках в Белорусской ССР, закрепивший за белорусским

языком статус государственного, а за русским – языка межнационального общения. Кроме того, в законе сказано: "статус белорусского языка как государственного не затрагивает конституционных прав граждан других национальностей пользоваться русским или иными языками".

Закон обязывал использовать белорусский язык в государственных структурах, учреждениях, правоохранительных органах. Белорусский язык закреплялся как основной и в сфере образования, за исключением районов компактного проживания этнических меньшинств. В этих районах обучение детей в школах могло осуществляться на русском или другом языке (ст. 24). Законом предусматривалось обязательное изучение, как предмета, русского языка в белорусских школах и белорусского – в русских (ст. 25).

Для достижения общественного согласия по вопросам языковой политики Президентом Республики Беларусь было принято решение вынести вопрос об отношении населения к равенству статусов русского и белорусского языков на референдум. 14 мая 1994 г. "за" проголосовали 83,1% всех участвовавших в выборах. Результаты референдума закрепили государственность за двумя языками – белорусским и русским.

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА

Отдельные группы белорусов живут за пределами Республики Беларусь. Большая часть из них расселена в государствах, появившихся в начале 1990-х годов на пространстве союзных республик, белорусы живут также в Польше, Чехии, Словакии, Германии, США, Канаде, Аргентине, Австралии и в других странах.

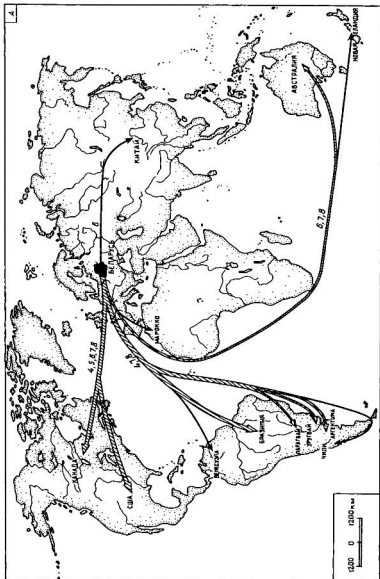
Заметные миграции белорусов за пределы их компактного расселения начались сравнительно поздно, примерно с середины XIX в. Переселялись белорусы добровольно и вынужденно – по экономическим и политическим причинам (рис. 9).

В эмиграционном движении белорусов выделяются несколько потоков ("волн"). Значительный выезд за пределы России был вызван восстанием Кастуса Калиновского 1863–1864 гг., многие из активных участников которого были вынуждены бежать, скрываясь от преследований властей.

В XIX в. отмечен также и массовый выезд из Белоруссии монахов-мариан, которые направлялись миссионерами в Китай, а затем широко расселились по всему миру. Были в этот период и экономические внешние миграции – например, имеются свидетельства о массовом выезде гродненских ткачей на заработки в страны Европы. Таким образом, эмиграция XIX в. по своим причинам распадается на несколько самостоятельных потоков. Экономическая эмиграция из Белоруссии в начале XX в. – это уже ее вторая "волна".

Третья "волна" белорусской эмиграции приходилась на 1917–1921 гг. По данным, полученным путем расчета А.А. Раковым, за годы первой мировой и гражданской войн с территории Белоруссии выехало за границу 122 тыс. человек (Белорусская ССР. Краткая энциклопедия, 1981. Т. 4. С. 5).

Как свидетельствуют австралийские источники, в первые годы после революции незначительный поток белорусских эмигрантов направлялся в Австралию. Определить величину этого потока не представляется возможным. Почти не исследован в науке вопрос о численности и расселении белорусов в Прибалтийских республиках после 1918 г., хотя известно, что в 1920-е годы белорусские эмигранты вели там большую культурно-просветительную работу: издавали книги, газеты, журналы на белорусском языке, открывали белорусские школы, создавали белорусские культурные общества. Позднее многие из организаторов

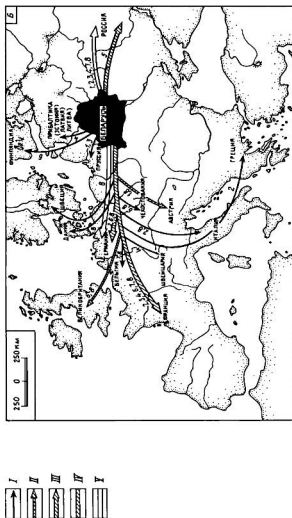

Рис. 9. Расселение белорусов в XVIII-XX вв. в мире (А) и в Европе (Б)

этапы эмиграции: 1 – 1794–1795 гг., после раздела Речи Посполитой, 2 – 1812–1813 гг., после войны 1812 г., после восстания 1831 г., 4 – 1863–1864 гг., после восстания под предводительством К. Каліноўскага, 5 – 1897–1914 гг., в поисках работы, 6 – 1917–1921 гг., после Октябрьской революции, 7 – 1924–1939 гг., из западных районов в поисках работы, 1939–1944 гг., связанные с репрессиями, 8 – 1941–1944 гг., во время Великой Отечественной войны; 1945–1953 гг., связанные с репрессиями, III – меньше 10 000 человек, IV – 10 000–100 000 человек, V – больше 100 000 человек, IV – свободная эмиграция, V – вынужденная эмиграция

культурно-просветительной деятельности среди белорусов выехали из Прибалтийских государств в другие страны Европы и Америки, пополняя уже существовавшие там белорусские колонии.

После окончания гражданской войны Белоруссия оказалась разделенной на две части. О величине эмиграции за границу с территории Восточной Белоруссии, входившей в состав Советского государства, практически нет никаких сведений. Можно лишь предположить, что она была крайне незначительной. В то же время из западных районов Белоруссии, которые входили до 1939 г. в состав Польши, эмиграция белорусов была интенсивной. По причине безземелья, безработицы, преследования польской полицией они переселились в страны Северной и Южной Америки, в европейские страны. По нашим подсчетам на основании польской статистики (*Kalodziej*, 1982. S. 106), за период с 1921 по 1939 г. из четырех белорусских воеводств за пределы Польши выехало 144,5 тыс. человек (это – четвертая “волна” белорусской эмиграции). По данным А.А. Ракова, из Западной Белоруссии в 1921–1938 гг. отрицательное сальдо миграции (за рубеж) составило 185 тыс. человек (*Раков*, 1974). Эта цифра даже несколько выше, чем приводимые рядом зарубежных авторов оценки величины эмиграции белорусов из Западной Белоруссии. Так, по подсчетам Е. Энгельгардта в предвоенные годы из Польши эмигрировало более 100 тыс. белорусов. Около $\frac{1}{3}$ их поселилось в США, Канаде, Латинской Америке, а остальные расселились по всей Европе (*Engelhardt*, 1943. S. 215).

Пятый внешний поток эмиграции белорусов связан со второй мировой войной. Многие тысячи белорусов в годы войны были насильно вывезены за пределы Советского Союза, главным образом в Германию.

Национальная белорусская пресса за рубежом оценивает численность белорусов, вывезенных в Германию, около 1 млн человек, что значительно превышает оценки статистических органов СССР (Бацькаўшчына, 18.10.1951). По имеющимся в архиве Республики Беларусь сведениям, численность вывезенных в Германию жителей Белоруссии достигала 700 тыс. человек. К этому потоку можно отнести и часть белорусов, выходцев преимущественно из западных областей Белоруссии, которые воевали в армии генерала Андерса. После окончания войны они довольно широко расселились по миру, но значительная их часть вместе с польскими эмигрантами направилась в Англию, где в то время находилось Польское правительство. К сожалению, эта страница истории белорусской эмиграции тоже еще не открыта.

Шестой внешний миграционный поток с территории Белоруссии весьма специфичен и в других республиках Советского Союза не отмечался – это обмен населением с Польшей в 1944–1957 гг., связанный с изменением государственных границ СССР и Польши. За этот период число выехавших из Белоруссии в Польшу составило примерно 270 тыс. человек (*Kosinski*, 1962. S. 47).

Седьмая волна эмиграции из Белоруссии относится к 1980–1990-м годам. В 1989 г., например, численность выехавших в зарубежные страны превысила 10 тыс. человек (в том числе около 1000 белорусов).

Привести точные данные о численности белорусов в мире не представляется возможным, так как в каждой стране существуют свои принципы учета населения (по конфессиональной принадлежности, по разговорному языку, гражданству, самоопределению и др.). Среди переселенцев из Белоруссии были представители разных конфессий (православные, католики и др.). Нередко в момент переселения они не имели четкого самосознания, называли себя “тутэйшымі”, “простымі” или определяли себя по конфессии – “католики”, “православные” и др., и в зависимости от национальной политики в стране их проживания выходцев из Белоруссии причисляли либо к коренной национальности, либо к другой, но чаще всего не к бело-

русской. Поэтому надо полагать, что приводимые в статистических справочниках цифры о численности белорусов весьма приблизительны.

По сведениям, представленным С.И. Бруком (*Брук*, 1981. С. 869), в конце 1970-х годов в мире было 9680 тыс. белорусов, из них 7568 тыс. жили в Белоруссии, а 2112 тыс. – за ее пределами. Как свидетельствуют материалы переписей населения СССР, численность белорусов в союзных республиках постоянно возрастала (см. табл. 2) и составила в 1989 г. 2,1 млн человек.

В государствах, образованных в 1990-е годы на пространстве союзных республик, белорусы представлены разными по времени и по причинам переселения группами. Одни – это автохтонные жители, как, например, белорусы пограничных с Белоруссией областей России (Смоленской, Брянской, Псковской), Литвы, Латвии, другие – переселенцы из Белоруссии, преимущественно послевоенные, которые живут дисперсно среди разных народов, иногда на территориях, географически отдаленных от Белоруссии (в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке, в Карелии, Казахстане, Средней Азии). Наиболее многочисленная группа белорусов живет в России.

Расселенные за пределами Белоруссии, проживающие в странах с различными историческими судьбами и условиями для развития этнокультурных процессов, белорусы создали множество локальных форм культуры.

Вопросы, связанные с особенностями расселения и этнокультурного развития белорусской диаспоры, долгое время оставались вне поля зрения исследователей. В литературе существуют лишь фрагментарные сведения, что и отразилось в данной работе.

В РОССИИ

На русской этнической территории белорусы селились как добровольно, так и принудительно (пленение во время войн, ссылка участников восстания XIX в., репрессии XX в., депортации).

Исторические исследования подтверждают преимущественно принудительный характер переселения групп белорусского населения в Московию в XVI–XVII вв. В местах "водворения" выходцев из Великого княжества Литовского (в XIII в. белорусские земли вошли в его состав) в ряде случаев создавались компактные поселения, как, например, Мещанская Слобода в Москве и т.д. Сохраняя определенную этнокультурную специфику (в том числе характер и вид занятий), население таких поселений постепенно русифицировалось: нередко белорусы-униаты и белорусы-католики переходили в православие.

В этническом именовании белорусов, переселившихся из этнических белорусских земель в Московию, находило отражение изменение исторических реалий. В ряде документов переселенные белорусы в Московском государстве назывались "литвинами", "литвинами-белорусцами". Позднее, после унии 1569 г. постепенно распространялось определение их как "поляков", "польских людей". Вместе с функционированием указанных этнонимов в XVII в. уже часто употреблялась этнонимическая форма "белорусец", "белорусцы" (*Этнаграфія беларусаў...*, 1985. С. 131–132). Употребление этого этнонима в писцовых документах того времени свидетельствовало о существовании этнодифференцирующих черт культуры у белорусов – выходцев из Великого княжества Литовского. Бытовали также названия "русские", "руськие", что соответствовало понятию "православный" (*Этнаграфія беларусаў...*, 1985. С. 131–132). Последнее обстоятельство способствовало быстрому растворению православных белорусов в русскоязычной среде.

В XVIII в. белорусы (по языку) жили в некоторых губерниях Европейской части России. Белорусские поселения были в Курской и Пензенской губерниях. Небольшое число белорусов проживало также в Орловской и Калужской губерниях. В Ржевском уезде Тверской губернии белорусы составляли в первую половину XVIII в. около 10% (так называемые "тудовляне") (*Кабузан*, 1990. С. 89). Особенно заметной была численность белорусов (по языку) в Смоленской губернии. По историческим сведениям, в конце XVIII в. белорусы составляли там около 53% всего населения губернии (*Кабузан*, 1990. С. 215). Это были преимущественно крепостные крестьяне. Многие из них жили в южных и юго-западных уездах и были автохтонными жителями. Надо заметить, что с конца XIX в., после отмены крепостного права перемещение белорусов с их этнической территории приобрели массовый характер. К концу XIX – началу XX в. ареал расселения белорусов расширился: от соседних с белорусскими губерний России до Сибири и Дальнего Востока.

Добровольному крестьянскому переселению в глубь страны предшествовала принудительная высылка в Сибирь участников восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. Белорусы добровольно переселялись в Поволжье, на Северный Кавказ, в Среднюю Азию и Сибирь. В 1885–1914 гг., по неполным данным, только в Сибирь из Витебской, Минской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерний переселилось 550 тыс. белорусов. Это составило 54% выходцев из 24 губерний нечерноземной полосы и более 11% общероссийского переселенческого движения. Могилевская и Витебская губернии давали значительно больше переселенцев, чем Виленская, Гродненская и Минская. Так, в 1885–1906 гг. на Урал переехали 129 709 уроженцев Могилевской и Витебской губерний (или 66,8% переселенцев этого периода с территории современной Белоруссии). Тогда значилось 64 455 (33,2%) переселенцев с запада и из центра Белоруссии, а также из Смоленщины и Черниговщины. В 1897 г. в Сибири и Средней Азии проживало около 13 тыс. белорусов.

В начале XX в. белорусы жили в Велижском, Невельском, Себежском уездах Витебской губернии, в Новозыбковском, Стародубском, Мглинском уездах, северной части Черниговской губернии (так называемые белорусы "лапацоны", или "литвины"), в части Брянского, Трубчевского и в других уездах, на западной окраине Орловской губернии, небольшая часть белорусов жила в западных волостях Калужской губернии (в Жиздринском и Мосальском уездах). В Смоленской губернии они заселяли большую ее часть (за исключением Сычевского и Вяземского уездов); всего около 600 тыс. человек жило также в южной части Ржевского, Осташковского и Zubцовского уездов Тверской губернии и южной части Торопецкого, Великолукского и Опочецкого уездов Псковской губернии, в северной части Овручского уезда Волынской губернии. Кроме того, белорусские поселения встречались в Курской, Пензенской и других губерниях, куда помещики на пожалованные им вотчины переводили крестьян белорусов.

Еще в начале XX в. среди населения Нижегородской губернии выделялась группа дукояновских "будаков", или "панов", которая, как считали исследователи, происходит от белорусского населения, переселенного в Поволжье в начале XVII в.

Возникновение и этнокультурная специфика так называемых "саянов", или бывших монастырских крестьян, живших в Курской губернии, связывается с переселением их "из-за литовского рубежа". Одни исследователи объясняют происхождение этнонима "саяны" особенностями говора этой группы населения (замена звуков "ц" и "щ" звуком "с", иногда замена "з" на "ж", а также сильное аканье и яканье), другие – распространением в Тверской и Курской губерниях женской одежды "саян" (бытовала у белорусской шляхты Великого княжества Литовского;

"саяны" также – юбки белорусок на Витебщине и Могилевщине). Д.К. Зеленин связывал появление "саян" на Курской земле с миграционными потоками населения XVI–XVII вв. Он же полагал, что говор этой группы населения формировался на базе белорусско-полесских говоров.

На территории Воронежской губернии, в среде так называемых "однодворцев", которые отличались от остального населения "говором", одеждой и некоторыми другими особенностями, еще недавно выделялись "ягуны" (женщины – ёнки", по произношению "каго", "яго", "ён" вместо "он").

Е.Ф. Карским, М.В. Довнар-Запольским и членами Московской Диалектологической комиссии на основе этнолингвистических реалий (в отличие от этноконфессионального подхода Р.Ф. Эркерта и А.Ф. Риттиха) в 1903, 1915 и 1919 гг. были составлены карты расселения белорусов. По этим данным, в начале 1870-х годов в Смоленской губернии белорусы заселяли западную ее часть – Смоленский, Дорогобужский, Духовицкий, Ельнинский, Краснинский, Поречский, Рославльский и частично Бельский, Вяземский и Юхновский уезды. Преимущественно белорусскими продолжительное время считались Рославльский и Краснинский уезды. Однако цифры, приводимые разными источниками о численности белорусов на Смоленщине, различаются: по мнению М. Цебрикова, в 1862 г. их было около 600 тыс. (Цебриков, 1862); по данным переписи 1897 г. – 46,68% населения губернии, или 543 тыс.; согласно Обзору Смоленской губернии за 1901 г. – 920 042 и т.д. Кроме того, в ряде публикаций имеются сведения о смешанном белорусско-русском населении (от 10,53% в 1866 г. до 11% в 1897 г.).

Материалы переписи населения 1917, 1920, 1926 гг. также показывают устойчивую численность белорусов на Смоленщине, Черниговщине, Псковщине. Так, белорусское население Псковщины (в границах 1926 г.) с 224 180 человек в 1897 г. (221 859 белорусов в Велижском, Невельском и Себежском уездах и 2 321 – в старой Псковской губернии) сократилось, по данным переписи 1926 г., до 34,3 тыс. человек, или более чем в 6,5 раза.

Такая ситуация, обусловленная рядом причин, была не только на Псковщине, но и в других регионах автохтонного проживания белорусов. С одной стороны, существовали ошибки и неточности переписей, иногда вызванные политическими установками и взглядами организаторов переписей. С другой стороны, сокращение численности белорусов (согласно переписям) было связано с нечеткой их идентификацией в пограничных районах и их этнонимизацией (использованием в качестве самоназвания не этнонима, а этноконфессионализма "православный" – "русский", впоследствии – политонима "расейский") в соединении с региональными названиями. Определенную роль играли процессы русификации, несколько ускоренные в полосе этнической границы белорусского и русского населения. Переписи 1917, 1920 и 1926 гг. наглядно демонстрировали основные признаки "паспортной" деэтнизации. В уездах и волостях до недавнего времени существовали группы белорусов, которые при получении паспорта записывались русскими или не могли определить свою национальность. Так, например, в Новозыбковском уезде, по данным статистики 1917 г., жило 11% белорусов и 55% лиц "неизвестной национальности". В Стародубском и Клинцовском уездах почти 100% населения "не знали" своей национальности (К вопросу о районировании..., 1926. С. 117).

Однако наличие серьезных исследований материальной и духовной культуры и языка населения Смоленщины, Псковщины, Брянщины, Черниговщины (В.Н. Добровольский, З.Ф. Радченко, П.А. Расторгуев, А. Полсвой) подтверждало бытование черт белорусской этнической культуры среди этого населения. Поэтому некоторые исследователи (Г.И. Горещкий, Н.И. Касперович) требовали разрешить им провести тщательную этнографическую и лингвистическую эксперти-

зы в местностях с неустойчивой статистикой численности белорусского населения для установления фактической национальной принадлежности местных жителей.

По мнению М.А. Колосова, белорусские особенности языка населения ряда местностей России наблюдались во второй половине XIX в. даже в Московской губернии (Рузский, Волоколамский и Можайский уезды) (Колосов, 1891. С. 232).

Переселение в Сибирь, начавшееся в 1860-е годы, продолжалось до первой мировой войны и позже – после 1917 г. Как царское правительство, так и органы Советской власти, стремились придать переселению организованный характер. Наркомат земледелия БССР организовал (совместно с АН БССР) исследование районов, отводимых для переселенцев из Белоруссии. Планировались размеры переселения, изучались история, быт белорусов-переселенцев (экспедиция АН БССР в 1929 г.).

По переписи 1926 г., в Сибири насчитывалось уже 371 840 белорусов. Основное число их было сосредоточено в Сибирском (325 170 человек) и Дальневосточном (41 124 человека) краях, в Уральской области (Ишимском, Курганском, Тобольском, Тюменском округах) (5 546 человек). Наиболее многочисленно белорусы были представлены в Канском (50 816 человек), Тарском (43 961), Новосибирском (37 439), Тулуновском (31 163), Ачинском (30 149), Барабинском (26 270) и Томском (26 074) округах. В основном они занимались земледелием, жили как обособленными поселениями, так и совместно с русскими. Православных белорусских переселенцев называли "великорусами", "старожилами" ("чалдонами"), "хохлами"; католиков – "поляками". Этнонимизация имела ярко выраженный региональный характер: "расейскія" – "віцебскія", "мінскія", "магілёўскія"; "рускія" ("русьскія") – "чарнігавскія" и т.д. В среде белорусских переселенцев с Черниговщины сохранялось самоназвание "літвіны".

Во второй половине 1920-х годов белорусы, проживавшие на территории РСФСР, получили возможность для развития собственной культуры и языка. В ряде регионов (на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, а также на Псковщине, Смоленщине, Брянщине) росла сеть белорусских национальных школ. Школы, преимущественно начальные, открывались в местах компактного проживания белорусов. Создавались разного типа национальные учебные заведения: например, белорусское отделение в Смоленске при рабфаке.

В 1926 г. в крупнейших городах Российской Федерации – в Москве и Ленинграде (в которых жило белорусов соответственно 15 тыс. и около 18 тыс.) имелись белорусские клубы, действовали белорусские секции творческих объединений писателей (МАПП и ЛАПП, в дальнейшем – Московский и Ленинградский союзы писателей).

Белорусские студенты некоторых вузов России объединялись в национальные студенческие землячества. В конце 1920-х–начале 1930-х годов стали больше издавать белорусскоязычных книг. В 1928 г. в РСФСР на белорусском языке было выпущено 8 печатных изданий тиражом 19 тыс. экземпляров с 24 тыс. печатных листов во всем тираже изданий; в 1932 г. было выпущено 9 печатных изданий тиражом 27 тыс. экземпляров со 134 тыс. печатных листов во всем тираже изданий.

Национально-культурное развитие белорусов шло одновременно с созданием белорусских сельских Советов. В 1924–1926 гг. в Сибири были образованы 71 такой Совет. В 1926 г. в Дальневосточном крае существовало 26 белорусских сельсоветов. На Урале к 1 октября 1928 г. из 228 национальных сельских Советов было 11 белорусских. Вместе с развитием сети национальных сельсоветов в местах компактного проживания белорусов делались попытки организации белорусских

национальных районов. Так, в первой половине 1930-х годов в составе тогдашней Уральской области существовал Таборинский национальный белорусский район. Рассматривался вопрос о создании белорусского национального района на территории Омского округа.

Вместе с тем необходимо отметить, что действия по созданию условий для развития культуры и языка белорусов часто были крайне непоследовательными и формальными. Например, долгое время официально считалось нежелательным и нецелесообразным создавать белорусские школы не только для переселенцев, но и для районов автохтонного проживания белорусов.

Только в начале 1925 г. в ряде местностей тогдашней Гомельской губернии (входила в состав РСФСР) по требованию населения возникли первые белорусские школы.

К середине 1930-х годов культурная жизнь национальных меньшинств, в их числе и белорусов, почти полностью была свернута. За короткий срок относительно активного развития белорусской культуры и языка полной резнизации белорусов Смоленщины, Псковщины и Брянщины не произошло, поскольку эти процессы имели локальный характер (наибольшая их интенсивность отмечалась в местностях, где функционировали белорусские школы), кроме того, они тормозились местной администрацией.

В 1920–1930-е годы одновременно с добровольным переселением с территории Белоруссии осуществлялась и принудительная высылка белорусов на север и восток страны (при раскулачивании и репрессиях). Во второй половине 1940-х – начале 1960-х годов происходило крупномасштабное переселение белорусов (в порядке оргнабора) в Карелию, Архангельскую область, Коми АССР, Казахстан и другие регионы. В последующие годы продолжалась и неорганизованная миграция. К 1959 г. численность белорусов в России достигла 844 тыс. человек. В отдельных районах, как, например в Карелии, произошло многократное ее увеличение. По данным переписи 1959 г., численность белорусов в Карелии составляла 71,9 тысяч. С 1960-х годов число их стало постепенно сокращаться и в 1989 г. достигло цифры 55,5 тысяч. В целом в РСФСР численность белорусов возросла с 964 тыс. в 1970 г. до 1206 тыс. в 1989 г.

В 1989 г. наиболее крупные группы белорусов были зафиксированы в Европейской части РСФСР – в Москве (73 тыс.) и Московской области (56,5 тыс.), в Ленинграде (93 тыс.) и Ленинградской области (33,7 тыс.), в Калининградской области (73,9 тыс.), в Карелии (55,5 тыс.), в Коми (26,7 тыс.); в северных областях – Мурманской (38,8 тыс.), Архангельской (19,9 тыс.) и в южных – Краснодарском крае (37,4 тыс.), Ростовской области (38,0 тыс.); в областях давних поселений белорусов – Смоленской (28,9 тыс.), Псковской (12,5 тыс.), Брянской (11,3 тыс.). Расселены они были на Урале – в Свердловской (28,9 тыс.), Челябинской (29,1 тыс.), Пермской областях, а также в Сибири и на Дальнем Востоке – в Тюменской области (49,1 тыс.), Приморском крае (22 тыс.), в Амурской, Иркутской, Магаданской областях и Красноярском крае (36 тыс. человек) (Григорьева, 1996). Городское население среди белорусов составляет 79,9%.

Во второй половине 1980-х годов активизировалась белорусская общественно-культурная деятельность за пределами БССР. В ряде городов – в Ленинграде, Москве, Новосибирске и др. – возникли отделения Товарищества белорусского языка имени Францишка Скорины.

После длительного перерыва (с конца 1920-х годов) появился интерес к изучению истории, материальной и духовной культуры белорусов, проживающих за пределами республики. В частности, Академия наук Белоруссии совместно с научно-исследовательскими центрами России начала собирать фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока, в 1990 г. в Минске было образовано Всесоюзное

*Рис. 10. Предметы быта белорусов в Сибири
а, б – рушники-набожники. Начало XX в., в – возок*

объединение белорусов – “Бацькаўшчына”. Работа культурных обществ направлена на развитие самосознания белорусов, оказавшихся в иноэтнической среде. Особое внимание уделяется сохранению традиций бытовой культуры (рис. 10).

НА УКРАИНЕ

По данным переписей населения, вторая по численности группа белорусов живет на Украине (см. табл. 2) и ее численность постоянно растет. Если в 1959 г. на Украине жило 291 тыс. белорусов, то в 1989 г. – 440 тысяч. Наибольшее число белорусов живет в Донецкой (62 294 в 1959 г., 77 836 в 1970 г., 75 891 в 1979 г., 76 935 в 1989 г.); в Днепропетровской (соответственно – 35 442, 45 549, 47 218 и 49 536) и в Луганской (Ворошиловградской) (соответственно – 25 876, 36 108, 33 477 и 33 516), областях. Белорусы в большинстве областей и краев страны – городские жители (79% в 1989 г.).

Территория Херсонской области была районом давних переселений белорусского крестьянства. В начале XX в. здесь существовали компактные белорусские поселения, где в значительной мере сохранялись специфические черты культуры белорусов. Однако перепись 1989 г. отмечала на Херсонщине преобладание белорусов с родным русским языком. Из общей их численности в 12 642 человека родным назвали белорусский язык 4966 человека, русский – 5751 человек. В сельской местности Херсонской области численность белорусов с родным белорусским языком была несколько больше.

В наиболее многочисленных по количеству белорусского населения Донецкой и Днепропетровской областях Украины, равно как в Одесской, Николаевской и других областях украинского Причерноморья, преобладают белорусы с родным русским языком. Это свидетельствует о далеко зашедшем процессе языковой ассимиляции в регионе старой промышленной миграции белорусов. В целом на Украине в 1989 г. из 440 тыс. белорусов родным назвали белорусский язык 35,5%, русский – 55,2%, украинский – 9,3%.

В ПРИБАЛТИКЕ

С 1920-х годов западные и северные группы белорусов находились в составе Польши, Латвийской и Литовской республик. Согласно латвийским переписям населения, в *Латвии* было: в 1920 г. 75 650 белорусов, в 1925 г. – 38 010, в 1930 г. – 36 029. Большая часть из них жила в Латгалии и Илукшине. По вероисповеданию большинство местных белорусов Латгалии – католики. В послевоенное время, в основном в 1960–1980-е годы, наблюдался большой приток белорусов, особенно в районы Латгалии, а также в Рижский район и Ригу. С 1959 по 1989 г. число белорусов в Латвии увеличилось почти в 2 раза и составило в 1989 г. 120 тыс. человек. Значительное число их живет в г. Даугавпилсе и г. Краслава, а также в сельской местности Даугавпилского, Краславского, Рижского и других районов. В конце 1980-х годов в отдельных сельсоветах Латгалии белорусы составляли более половины всех жителей (например, в Индрском и Робежниеком сельсоветах Краславского района).

В результате длительных контактов жителей разных национальностей и конфессий, а также сложных этнокультурных процессов у части белорусского населения Латгалии очень слабо выражено этническое самосознание. Часто оно подменяется либо конфессиональной принадлежностью (“католик”, “православный”), либо связывается с территорией проживания (“местный”, “тутэйшы”, “латгалец”). В такой ситуации запись национальности в паспорте оказывает довлеющее влияние на самоидентификацию человека (*Григорьева*, 1991. С. 6; 1992. С. 71–77).

С 1990-х годов в Латвии функционируют общество белорусской культуры "Світанак", Товарищество белорусского языка имени Франциска Скорины "Прамень", а также ассоциация предпринимателей Латвии – "Беларускі шлях".

В Литве в начале XX в. белорусы жили в Новоалександровском уезде Ковенской губернии (37 698 человек), на большей части Виленщины (в Виленском, Свенциском и Трокском уездах). Этническое развитие этих групп белорусского населения характеризовали разные формы деэтнизации. Так, среди белорусов Виленщины, которые в большинстве были католиками, имела место полонизация. Из Виленщины в послевоенное время были релатрированы многие жители этого края, часто по политическим мотивам. Среди них было значительное число местных белорусскоязычных католиков (по самоназванию "тутэйшы", разговорный язык их – "простая мова"). В настоящее время около 70% виленских поляков не используют в быту язык, близкий к литературному польскому языку, а разговорный польский насыщен белорусизмами. Во время проведения переписи населения 1989 г. на территории Литовской республики фиксировался этноним "тутэйшы".

В последнее время в Литве создан ряд культурно-просветительных и культурно-общественных белорусских объединений – клуб любителей белорусской культуры "Сабрына", Общество белорусской культуры, Координационный совет белорусских объединений и организаций в Литве и др.

В КАЗАХСТАНЕ

Казахстан – одна из бывших республик СССР, в которой численность белорусов уменьшалась. Между переписями 1970 и 1989 гг. их число сократилось с 198 тыс. до 183 тыс. человек.

Районами наибольшего сосредоточения белорусского населения здесь являются северные (целинные) области. В Карагандинской области, согласно данным указанных переписей, проживало в 1959 г. 19 050 белорусов, в 1970 г. – 39 762, в 1979 г. – 30 504, в 1989 г. – 30 971; в Кустанайской соответственно – 18 023, 34 214, 30 863, 35 353 белоруса; в Целиноградской – 18 545, 26 054, 23 441, 28 683; в Кокчетавской – 15 875, 23 979, 18 588, 17 228.

В Казахстане осуществляют национально-культурную работу объединения "Беларусь", "Бацькаўшчына" и Приозерский совет Товарищества белорусского языка имени Франциска Скорины.

По данным переписи 1989 г., белорусы живут также в Узбекистане (29 427 человек), Киргизии (9 187 человек), Таджикистане (7 247 человек), Молдавии (19 608 человек), Эстонии (27 711 человек), Грузии (8 595 человек), Азербайджане (7 833 человек), Армении (1 061 человек) и др.

Белорусы широко расселены и в мире, на территориях разных государств, расположенных на всех континентах. Причины и время их расселения различны. Устойчивые белорусские колонии сложились в ряде западноевропейских стран, на американском и австралийском материках.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

История белорусского населения в Польше насчитывает не одно столетие. В XIX в. много белорусов жило в восточных районах бывшего Царства Польского. По переписи 1897 г. (первый достоверный источник этнической статистики в России), в Привисленских губерниях белорусов числилось 6,72% от всего населения. Как они распределялись по отдельным губерниям, видно из табл. 3 (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, 1903. С. 87).

Таблица 3

Численность белорусов в Привисленских губерниях в 1897 г.

Губерния	Всего населения	Доля белорусов		Губерния	Всего населения	Доля белорусов	
		%	абсолютная численность			%	абсолютная численность
Варшавская	1 933 689	0,07	1 354	Плоцкая	556 877	0,018	100
Калишская	846 719	0,04	339	Радомская	820 363	0,008	66
Келецкая	763 746	0,08	611	Сувавская	604 945	4,55	27 525
Ломжинская	585 781	0,04	234	Седлецкая	775 316	0,033	256
Петроковская	1 409 044	0,0003	4				

После присоединения Западной Белоруссии к Польше численность белорусов в этой стране стала определяться цифрой 2,6 млн человек. Но первые официальные данные о численности белорусского населения в Польше (как и об этническом составе) были получены после переписи населения 1921 г. Польское правительство в те годы проводило политику, направленную на окатоличивание, ополчивание православного населения и белорусов, что и отразилось в результатах переписи. В политических целях фальсифицировались данные о национальном составе населения восточных воеводств Польши, намеренно завышалась доля поляков, искажалась реальная численность белорусского населения, проживающего в Польше (табл. 4).

По подсчетам статистических органов СССР, считалось, что в Польше осталось 3 200 тыс. белорусов, а по данным польской переписи населения 1921 г., белорусов было 1 035 тыс. (3,9%), поляков – 1 878 тыс. (6,9%), украинцев 3 897 тыс. (14,3%), евреев – 2 102 тыс. (7,7%), немцев – 1 100 тыс. (4,0%) (Smogotewski, 1944. S. 158). Одна из причин такого резкого расхождения советских оценочных данных и польской статистики заключалась в том, что все жители католического вероисповедания во время переписи населения Польши были записаны поляками.

В материалах следующей переписи населения, которая проводилась в Польше в 1931 г., национальный состав населения Восточных воеводств (Западной Белоруссии) включал значительную долю русского, белорусского и польского населения, а также более половины так называемых "туземных", т.е. местных. Однако, по подсчетам В.А. Полуяна, в современных границах Республики Беларусь в Западной Белоруссии на долю белорусов приходилось 78% жителей, поляков – 9%, евреев – 8%, русских – 2%, украинцев – 2% (Полуян, 1978. С. 28–31).

Материалы переписи населения 1931 приведены в табл. 5.

В польской литературе приводятся сведения о национальном составе населения четырех "белорусских" воеводств, которые дают представление о неточностях переписи населения 1931 г. применительно к белорусскому населению по оценке старостанов СССР (табл. 6).

Как видно из данных переписи 1931 г., в национальном составе появились новые этнические группы – рутенцы и полешуки. Мы полагаем, что в большинстве своем население, отнесенное к этим группам, было белорусским. В подтверждение этому заметим, что в отдельных этнографических работах того и более позднего

Таблица 4

Национальный состав населения территорий России, присоединенных к Польше (1918–1922) (*Kalodziej*, 1982. S. 57)

Годы	Полки	Белорусы	Всего населения
1918	22 026	—	82 910
1919	193 182	5 628	283 137
1920	112 217	14 883	84 662
1921	66 650	300 460	480 152
1922	66 650	159 858	267 182

Таблица 5

Национальный состав населения Польши

Национальности	Для всей Польши		В Восточных воеводствах	
	Численность	%	Численность	%
Полки	21 993 400	68,9	2 039 000	34
Белорусы	989 000	3,1	928 000	16
Украинцы	3 222 000	10,1	1 494 000	25
Рутенцы	1 219 600	3,8	—	—
Полешуки	—	—	711 000	12
Русские	338 700	1,0	101 000	2
Прочие	4 351 000	13,6	724 000	11

Таблица 6

Доля белорусов в населении отдельных воеводств Польши, % (*Domaszewski*, 1985. S. 116)

Воеводства	По официальным данным переписи 1931 г.	По оценке
Белостокское	12,5	16,4
Виленское	22,7	32,1
Новогрудское	39,1	58,3
Полесское	6,6	57,8

ность белорусов только в этом воеводстве в 375 тыс. на 1964 г. (*Юзвяк*, 1969. С. 20–21). По его данным, белорусы распределились по поветам Белостокского воеводства и в г. Белостоке следующим образом (табл. 7):

По материалам польской статистики, опубликованным в "Ниве" – печатном органе белорусов, в Польше проживало 376 тыс. белорусов, главным образом в Белостокском воеводстве. В этом воеводстве в белорусских школах обучалось в 1968–1969 г. 12,3 тыс. человек.

время термины "рутенцы" и "полешуки" рассматриваются как синонимы термина "белорусы". С помощью терминологической путаницы польское правительство пыталось скрыть действительное положение вещей. Из табл. 6 видно, что наибольшие искажения были внесены в данные по Полесскому воеводству, где доля белорусов, по нашему мнению, должна быть максимальной. Думается, что занижена и приведенная оценочная цифра.

Так, по переписи населения 1931 г., в Полесском воеводстве 707,4 тыс. человек назвали себя "тутэйшыми", хотя по переписи населения 1921 г., в том же воеводстве называли себя "тутэйшыми" всего 38 тыс. человек (*Касперович*, 1985. С. 38). В то же время численность белорусов с 1929 по 1931 г. в Полесском воеводстве "сократилась" с 375,2 до 75,4 тыс. человек (*Maly Rocznik*, 1935. S. 22).

К 1938 г. численность белорусов в Польше возросла до 2 750 тыс. человек (*Engelhardt*, 1943. S. 231).

Согласно первой в ПНР послевоенной переписи населения (1946 г.), в Белостокском воеводстве проживало 116,5 тыс. жителей непольской национальности, в том числе 106 тыс. белорусов, а 10,5 тыс. составляли литовцы, русские, евреи, татары и др. (*Юзвяк*, 1969. С. 17). Однако польский исследователь В. Юзвяк, изучающий белорусское население Белостокского воеводства, определял числен-

Таблица 7

Расселение белорусов в 1964 г. в Белостокском воеводстве, тыс. человек

Поветы и г. Белосток	Численность		Поветы и г. Белосток	Численность	
	населения	белорусов		населения	белорусов
г. Белосток	136,4	40			
Поветы					
Белостокский	94,0	77	Монский	50,9	18
Бельский	73,6	40	Сокольский	60,9	57
Гайновский	59,6	52	Семитичский	70,4	43
Дубровский	35,5	33	Августовский	47,0	6
Ланский	36,8	8	Сейненский	22,1	1
			И т о г о:	687,2	375,0

Позднее, во время выборов в сейм Польши в 1989 г. белорусское меньшинство выдвинуло своих кандидатов, на основании результатов голосования была сделана оценка численности белорусов на Белостокщине на конец 1980-х годов. По этим данным, всего там проживало 680 813 тыс. человек, белорусы составляли 30% населения, или в абсолютном выражении – 206 807 человек (Ніва, 1989, № 35, С. 4). В том числе в г. Белостоке всего проживало 261 848 человек, белорусов – 65 462 (25%), в г. Бельске-Подляском всего населения – 26 452 человека, белорусов – 17 194 (65%), в г. Гайновка – 23 271 человек, белорусов – 15 126 (65%). О расселении белорусов по территории воеводства можно судить по картосхеме (рис. 11).

Белорусская колония в Западной Германии возникла после второй мировой войны из числа жителей Белоруссии, угнанных в Германию. Они входили в состав так называемых перемещенных лиц и были сосредоточены в нескольких концлагерях: Регенсбург, Ватенштедт, Михельсдорф, Виндишбергерсдорф, Розенхайм, Зегадорф, Остенгофен, Куксхафен и др. Здесь специально для белорусов выходило много печатных изданий на белорусском языке: например, "Юнак" в Ватенштедте, "Веданка" в Регенсбурге, в Михельсдорфе имелось даже своеобразное издательство "Крыніца". Существовали литературные, молодежные, женские белорусские объединения. В Ватенштедте в 1947 г. был открыт белорусский театр эстрады. В конце 1945 г. в Регенсбурге была основана белорусская гимназия, затем ее перевели в Михельсдорф. В ней обучалось до 250 учеников. Но деятельность всех этих организаций не исследована.

По разным источникам, общая численность белорусов – перемещенных лиц в Западной Германии – определялась в то время от 380 тыс. до 1 млн человек (В. Романовский). В послевоенные годы большинство из них выехали из Германии. При помощи специальной белорусской комиссии, которая была создана в 1946 г. под руководством М. Москалика, многие тысячи белорусов переехали в США, Канаду, Австралию. В современной Германии общая численность белорусов и их потомков составляет несколько тысяч человек.

Почти все белорусы, оставшиеся в Западной Германии, сосредоточились в Мюнхене. Кроме белорусов, вывезенных для работы в Германию, в состав белорусской колонии вошли и жители Белоруссии, служившие во время войны у немцев. Этим фактом и определяется своеобразие белорусской колонии в Мюнхене. Группировались эти белорусы главным образом вокруг белорусской редакции радио "Свободная Европа", но вели и самостоятельную деятельность. В начале 1950-х годов в Мюнхене был создан Институт по изучению СССР, который вел

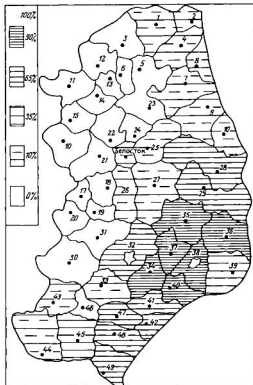

Рис. 11. Доля белорусов (в %) в населении гмин Белостокского воеводства Польши, 1989 г.

1 – гмина и г. Дуброва Белостокская, 2 – Новы двор, 3 – Сухополя, 4 – Сидра, 5 – Янув, 6 – Карыггин, 7 – гмина и г. Соколка, 8 – Кузьмина Белостокская, 9 – Шудилово, 10 – Крынка, 11 – гмина и г. Моньки, 12 – Ясиналы, 13 – Ясеновка, 14 – гмина и г. Книшнин, 15 – Крыпна, 16 – Тыкотин, 17 – гмина и г. Лань, 18 – Тураснь Каст., 19 – гмина и г. Сураж, 20 – Пасвентна, 21 – гмина и г. Харошча, 22 – Добжыцка, 23 – гмина и г. Черна Белостокская, 24 – гмина и г. Василькув, 25 – гмина и г. Суворось, 26 – Южковсц, 27 – гмина и г. Забудов, 28 – Горолок, 29 – Михалово, 30 – гмина и г. Браньск, 31 – Вышки, 32 – г. Бельск-Подляскі, 33 – Бельска-Подляская, 34 – Боньки, 35 – Орля, 36 – Наронка, 37 – Чиньки, 38 – Гайновка, 39 – Гайнука, 40 – Бельска, 41 – Дубинь Парк, 42 – Кшенцели, 43 – Черомка, 44 – Гродзиск, 45 – гмина и г. Дрогичин, 46 – гмина и г. Семьятч, 47 – Делкович, 48 – Милейшча, 49 – Нурец Ст.

Картосхема приводится по статье: Колькі нас? // Ніва. 27.8.1989. С. 4.

активную исследовательскую и издательскую работу. Он выпускал белорусский сборник "Записки", в котором освещались различные вопросы жизни белорусов как в Белоруссии, так и в других странах мира. Но в 1970-е годы деятельность этого института постепенно затихла, прекратилось издание сборника.

В последние годы в Германии более активно стал проявляться другой белорусский центр – в г. Лаймене. Несколько лет назад стараниями Ю. Попки в этом городе создан небольшой белорусский музей. При музее по инициативе его создателя, а также доктора Б. Кита создан Институт белорусоведения, который издает журнал "Вестки", а также книги по истории и культуре Белоруссии (Ніва, 21.1.1990).

В Великобритании первые белорусские переселенцы появились перед первой мировой войной. Число их было невелико, не было у них и ярко выраженного национального самосознания, своих организаций они не создавали. Известно, например, что в состав первых переселенцев из Белоруссии в Великобританию входили монахи-мариняне, которые занимались миссионерской деятельностью во многих странах мира, но затем осели в Великобритании.

Большую часть белорусской колонии в Великобритании составили переселенцы из числа перемещенных лиц после второй мировой войны. Поселялись они

преимущественно в Англии: в Лондоне, Брэдфорде, Манчестере и Ноттингеме. Кроме перемещенных лиц, в белорусскую колонию в Великобритании вошли солдаты армии генерала Андерса. Как известно, значительную часть этой армии составляли выходцы из Западной Белоруссии. Их общая численность нам неизвестна, но на основании некоторой обрывочной информации можно предположить, что их было более десяти тысяч человек. Крайне неточная советская статистика о численности белорусов в зарубежных странах еще в 1959 г. выделяла в населении Англии 2 тыс. белорусов (Народы Европейской части СССР, 1964, С. 300), но уже в 1970 г. белорусы в национальном составе Великобритании не выделялись, хотя, конечно же, они там были и остаются до сих пор. Об этом свидетельствует их довольно активная культурно-просветительная и религиозная деятельность в этой стране.

Главной организацией белорусов в Великобритании является Белорусский центр имени Франциска Скорины в Лондоне – “Згуртаванне беларусаў у Вялікабрытаніі”. Но гораздо большей известностью пользуются созданные в 1971 г. Белорусская библиотека и Музей имени Ф. Скорины, его имя в настоящее время носит Главный центр белорусоведения на Западе.

В библиотеке имени Ф. Скорины насчитывается более 15 тыс. книг на белорусском и других языках, которые посвящены вопросам белорусской культуры, литературы, истории, языка. Среди них – очень редкие книги белорусских первопечатников. Там же имеются многие архивы: например, архив Минской епархии XVIII в. В библиотеке работают белорусоведы из всех стран мира.

В Англии существует издание – “Журнал белорусских исследований”. Выпускает его Англо-белорусское общество, основанное в 1952 г. Оно объединяет более 40 видных английских ученых из Кембриджского, Оксфордского, Ливерпульского, Лондонского, а также Нью-Йоркского университетов. Журнал получают несколько библиотек в Минске.

Статьи, помещаемые в этом издании, знакомят читателей с жизнью белорусов за рубежом (“Белорусская колония в Мюнхене”, “Из истории белорусских поселений в Англии до первой мировой войны”, “Поселения белорусов на западном побережье Австралии” и др.). Сборник регулярно печатает обзоры литературы о белорусах.

Кроме упоминавшегося Англо-белорусского общества, в Манчестере существует Белорусский клуб, в Брэдфорде – белорусский клуб “Сакавик”. В Манчестере и Ноттингеме имеются православные церкви, в Лондоне есть церковь и часовня, а также католическая (униатская) церковь и белорусская часовня, при которой находится Католическая миссия для белорусов-католиков.

Информация о деятельности белорусских организаций в других странах Европейского континента крайне скудная, хотя история некоторых из них насчитывает уже не одно десятилетие. Так, белорусская колония во Франции стала складываться перед второй мировой войной из белорусской трудовой эмиграции из Западной Белоруссии. Был создан Союз белорусских рабочих во Франции, выходил печатный орган союза – журнал “Эхо”. Приблизительно в то же время была создана белорусская организация “Хаўрус”, которая продолжает существовать до сего времени. Эта организация имеет свой печатный орган, ведет культурно-просветительную работу.

Белорусская колония была и в Бельгии. В 1949 г. был основан Союз белорусов Бельгии с отделениями в Гауттгалине, Шарлеруа, Льеже, Любвене. В последнем имелся так называемый белорусский студенческий дом. В Шарлеруа издавалась газета “Белорусская правда”. Из всего этого можно сделать вывод, что деятельность белорусских эмигрантских объединений и организаций в Бельгии была активной. Но с течением времени она понемногу сокращалась и сейчас самостоя-

тельных белорусских организаций в Бельгии нет. Основные причины этого: выезд белорусов в другие страны, преимущественно в США, а также быстрая ассимиляция. Те немногие, которые остались в Бельгии и сохранили свои национальные корни, входят в состав различных эмигрантских славянских организаций, клубов бывших советских граждан и др.

Небольшая белорусская колония имеется в *Италии*. Группировалась она преимущественно вокруг радио Ватикана, которое раз в неделю ведет передачи на белорусском языке. В сентябре 1988 г. белорусская секция ватиканского радио стала издавать свой журнал религиозно-общественного характера – "Хрысціянскія Навіны". В журнале в первую очередь освещаются сюжеты и проблемы еженедельных передач радио, но помещаются также материалы о событиях в Белоруссии и жизни белорусской эмиграции.

В Риме расположился Белорусский институт культуры и науки на Западе, где издается журнал "Факел".

Первоосновой для формирования большинства белорусских колоний в странах Западной Европы послужила эмиграция из Белоруссии между первой и второй мировыми войнами. Вопрос этот не исследован, и мы располагаем лишь отрывочными данными, которые позволяют судить о величине и размещении белорусских колоний на Европейском континенте. Например, в годы, предшествовавшие второй мировой войне, существовали союзы белорусских студентов в Праге, Париже, Берлине, Риме, Белграде, Мюнхене. Из этого следует, что в этих городах находились значительные белорусские колонии.

Малочисленной колонией белорусской диаспоры являются беженцы, поселившиеся в предвоенные годы в *Чехословакии*. Определение политической роли этой колонии и ее культурно-просветительной работы является будущей задачей историков.

Кроме указанных белорусских центров на Европейском континенте, исследования по белорусской проблематике ведутся на кафедрах и отделениях славистики многих европейских университетов. Например, работами по истории Белоруссии известна кафедра славистики Копенгагенского университета в *Дании*. Следует отметить, что празднование (по решению ЮНЕСКО) 500-летия Ф. Скорины во всем мире дало дополнительный толчок белорусской культурно-просветительной деятельности, белорусоведению во многих странах мира. Появились новые белорусские организации: например, недавно учреждено общество имени Ф. Скорины в *Испании* – в Мадриде.

В АМЕРИКЕ

Белорусы, проживающие в *США*, представляют самую многочисленную и активную часть белорусского зарубежья. Первые белорусские переселенцы появились на берегах Американского континента еще в XVII в.

После восстания Кастюса Калиновского в 1863 г. поток переселенцев усилился. Но наибольшее число их оказалось в Америке в XIX в. (особенно в его последнем десятилетии) и в начале XX в. Расселялись белорусские переселенцы по всей территории США. Больше всего их осело на Восточном побережье – в городах Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Балтимор и в штатах Нью-Джерси, Нью-Йорк, Коннектикут, Пенсильвания; на Среднем Западе – в штатах Огайо, Иллинойс, Индиана и Мичиган. Незначительная часть переселенцев первоначально добралась и до Западного побережья, в штат Калифорния.

Организационная деятельность белорусских иммигрантов США началась в 1921 г. Тогда в Нью-Йорке появились Белорусский национальный комитет и белорусское пресс-бюро. Начал выходить Бюллетень, знакомящий читателей с бело-

русской проблематикой, в штате Нью-Джерси возникли первые национальные белорусские организации.

Следует отметить, что подавляющее большинство иммигрантов из Белоруссии были выходцами из сельской местности, поэтому и расселялись они первоначально также в сельской местности, где могли получить привычную работу. В начале 1920-х годов возникли объединения белорусов-фермеров в Гарфилде, Нью-Джерси, Ньюарке. В штате Коннектикут общества сельских рабочих – выходцев из Виленской, Гродненской, Минской губерний – были созданы соответственно в Бриджпорте, Нью-Хейвене и Уотербери.

Одним из центров белорусской культурной жизни стал Чикаго, где Белорусский национальный комитет в 1926 г. начал издавать газету "Беларуская трыбуна".

К массовым переселенцам из Белоруссии в годы, предшествовавшие первой мировой войне, добавились многочисленные белорусские мигранты 1921–1939-х годов из Западной Белоруссии.

После второй мировой войны туда переселились около 50 тыс. белорусов из числа перемещенных лиц. Они отличались от предыдущих белорусских переселенцев: многие из них получили хорошее образование, имели устоявшиеся политические взгляды, некоторые участвовали в 1918 г. в создании Белорусской Демократической Республики. Эти отличия стали причиной сложных взаимоотношений между вновь прибывшими и давними иммигрантами. Послевоенные переселенцы стали создавать собственные национальные организации и церкви. В начале 1950-х годов возникла Белорусская американская ассоциация в Нью-Йорке. Вскоре отделения этой ассоциации появились в Нью-Джерси и Коннектикуте. Тогда же возникли Белорусская молодежная организация, Белорусская женская организация, Белорусский институт науки и культуры, Белорусское школьное общество имени Ф. Скорины и др.

Новые иммигранты начали организовывать собственные религиозные приходы, в большинстве своем они принадлежали к Белорусской Автокефальной Православной церкви, но были среди них и католики.

В настоящее время в США проживает значительное число белорусских иммигрантов или граждан США белорусского происхождения. Установить их точную численность и расселение представляется делом очень сложным, так как переписи населения не выделяют отдельно белорусов. По подсчетам Белорусского института науки и культуры в Нью-Йорке, на постоянное место жительства в США за всю историю белорусских переселений на этот континент переехали от 550 до 650 тыс. белорусов. Советская статистика насчитывала в США всего 20 тыс. белорусов (Брук, 1981). Есть и еще одна точка зрения. Так, по данным доклада Common Council for American Unity, опубликованного в марте 1951 г., общие оценки для США были следующие: от 300 до 400 тыс. граждан или лиц, проживающих в США, были белорусами по рождению или происхождению (т.е. либо родились в Белоруссии либо у них один или оба родителя были белорусами). Однако только 150–200 тыс. из них ответили, что на белорусском языке говорили в их доме в раннем детстве – так определяется материнский, родной язык в США (Vakar, 1956. P. 224).

Белорусы широко расселены и представлены своими национальными организациями в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Коннектикут, Массачусетс, Огайо, Индиана, Иллинойс, Калифорния, а также в городах Нью-Йорк, Нью-Брансуик, Саут Ривер, Джерси-Сити, Пассейик, Детройт, Чикаго, Кливленд, Лос-Анджелес и Вашингтон.

Белорусских организаций в США насчитывается несколько. Крупнейшие из них – "Беларуска Амэрыканскае Задзіночане", "Беларускі Кангрэсавы Камітэт", "Арганізацыя Беларуска-Амэрыканскае Моладзі". В США издается много бело-

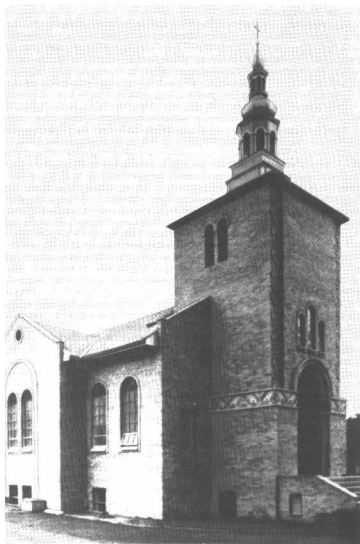

Рис. 12. Церковь Богоматери Игровицкой. Кливленд, Огайо

русских газет и журналов. Наиболее известное издание, распространяемое по всему миру, — газета "Беларус", выходящая в Нью-Йорке.

Белорусские эмигранты в США (представленные теперь уже в большинстве своем вторым и третьим поколениями потомков белорусских эмигрантов) активно участвуют в общественно-политической и культурной деятельности белорусов. Раз в два года проводятся традиционные встречи белорусов Америки, на которых подводятся итоги проделанной работы, обсуждаются важные проблемы белорусской диаспоры в Америке. В последние годы на этих встречах присутствуют белорусы из Австралии, Аргентины, европейских стран, что свидетельствует о развитии процессов всемирной консолидации белорусов на основе идей возрождения национальной белорусской культуры и языка.

В США белорусы также активно занимаются культурно-просветительной деятельностью, существуют белорусские школы (как правило, при белорусских церквях), имеются фольклорные коллективы, среди которых наиболее известен ансамбль "Василек" из Нью-Йорка, созданный в 1956 г. и существующий до сих пор.

Несколько слов следует сказать о религиозной жизни белорусов в США. В настоящее время имеются 8 православных белорусских приходов: в Бруклине, Гайленд-Парке, Ричмонд-Гиле, Кливленде, Чикаго, Саут-Ривере, Детройте и Дорате, — и католическая церковь в Чикаго (рис. 12). Религиозные общины выпускают несколько периодических изданий на белорусском языке: "Голас Царквы" (Белорусская Автокефальная Православная Церковь), "Царкоўны Светач" (Белорусская Православная Церковь), "Веснік" (Белорусское евангелистско-баптистское братство).

Как отмечают исследователи, относительно массовая иммиграция славян в Канаду началась в конце 50-х—начале 70-х годов прошлого века с переселения крестьян с польских земель, находившихся под властью Пруссии. Основанное переселенцами в 1865 г. поселение Вильно в Оттавской долине провинции Онтарио сохранилось до сих пор (Шлепаков, 1972. С. 133—172).

Позднее, в конце XIX—начале XX в. в Канаду переселилось значительное число белорусов, преимущественно с западнобелорусских земель (из Гродненской губернии и др.).

Как и в США, большая часть белорусских эмигрантов оказалась в Канаде в начале XX в. Но они тогда влияли в состав всех переселенцев из России и своей культурно-политической деятельности не вели. Часть из них приехала в Канаду между первой и второй мировыми войнами, но численность их была тогда около 10 тыс. человек (Латышоняк, 1990. С. 114).

После второй мировой войны в Канаду направился новый поток белорусских эмигрантов из числа перемещенных лиц. Главными центрами расселения белорусов стали провинции Онтарио, Альберта, Саскачеван, где расселены преимущественно белорусские фермеры. Много белорусов проживает в городах Торонто, Виннипег, Монреаль, Калгари, Гамильтон, Оттава, Садберн.

В 1961 г., согласно данным переписи населения, в Канаде жили 119 тыс. лиц русского происхождения (белорусы вошли в это число и отдельно канадской статистикой не выделялись) (Берзина, 1971. С. 163).

Белорусы Канады ведут довольно активную общественную и культурно-просветительную работу. Здесь действуют такие белорусские организации, как: "Згуртаванне беларусаў у Канадзе", Белорусское национальное объединение в Канаде, Белорусский союз молодежи в Канаде. Одним из центров культурной жизни белорусов стал Белорусский институт науки и искусства в Торонто, который до недавнего времени был филиалом аналогичного института в Нью-Йорке и по чисто организационным причинам отделился. В Канаде издаются белорусская газета "Беларускі голас" и журнал ветеранов "Зважай".

Рис. 13. Святые страдальцев. Памятный крест Тысячелетия христианства в Белоруссии. Освящен 5 сентября 1988 г. Мидленд, Канада

Как и в любой другой белорусской колонии, жизнь многих белорусов Канады тесно связана с церковью. В Торонто имеются два белорусских православных прихода, а миссия белорусского евангелистско-баптистского братства ведет белорусские радиопередачи.

Религиозные общины играют важную роль в духовной и культурной жизни белорусов, в воспроизводстве народной культуры, в связях с Белоруссией. Один из примеров их деятельности – это установление в 1988 г. в Мидленде (провинция Онтарио) памятного креста в честь 1000-летия христианства в Белоруссии (рис. 13).

Можно утверждать, что переселение из Белоруссии в страны Южной Америки началось после раздела Белоруссии по Рижскому договору 1921 г. Если до этого времени и были миграции, то крайне незначительные. С 1925 г. эмиграция белорусских крестьян из Западной Белоруссии, находившейся тогда в составе Польши, в страны Южной Америки стала заметной. Белорусы направлялись в Бразилию, Аргентину, Уругвай, Парагвай, но во многих из этих стран было тяжело получить надел земли, устроиться на работу, и в конечном итоге почти все белорусы обосновались в Аргентине, где земельное законодательство было более либеральным.

По данным белорусских организаций в Аргентине, в эту страну с 1925 по 1939 г. эмигрировало только из Польши около 50 тыс. белорусов. Они расселялись компактными группами в Буэнос-Айресе, Бериссо, Росарио, Чако, Мисьонесе, Мендосе и в некоторых других районах.

Белорусская эмиграция в Аргентине различается по местам своего расселения и по времени приезда в страну. Первый поток славянских эмигрантов (в том числе белорусских) прибыл в Аргентину до первой мировой войны, и они расселены преимущественно в сельских районах. Второй поток составляли белорусы, украинцы, поляки, которые бежали от военной диктатуры Пилсудского. Оссели они чаще в городах из-за трудностей приобретения земли и высокой арендной платы.

В Аргентине белорусы развернули широкую культурно-просветительную деятельность. В 1929 г. был создан Союз украинских и белорусских организаций, а в 1934 г. уже действовали 52 его отдела и около 10 женских секций того же союза с общим числом членов около 3 тыс. человек (Белорусская иммиграция, 1942. С. 82). В 30-е годы в этот Союз входили многочисленные белорусские организации: Белорусское культурно-просветительное товарищество, Белорусское товарищество культуры, Белорусская библиотека имени Ивана Луцкевича, Белорусское культурное товарищество Белавета и др.

В конце 20-х–начале 30-х годов в Аргентине возникли товарищества "Минск", имени Ф. Скорины, имени Я. Купалы, имени Я. Коласа и многие другие. Они не только помогали белорусам преодолевать трудности адаптации в чужой стране, изучать русскую и испанскую грамоты, но и зачастую оказывали переселенцам материальную помощь.

Эти белорусские объединения в 1939 г. создали Союз белорусских товариществ в Аргентине. С 1940 г. этот союз издавал ежегодный историко-литературный альманах, проводил ежегодные съезды белорусских товариществ, деятельность которых охватывала также и Уругвай (*Латышонак*, 1990. С. 111–117).

В 1943 г. в Монтевидео состоялся I конгресс славянской Латинской Америки, на котором белорусская колония Аргентины была представлена 50 делегатами от всех белорусских обществ. Таких обществ в 1946 г. насчитывалось 8 (*Руденко*, 1979. С. 266).

В годы Великой Отечественной войны белорусы Аргентины стремились помочь своей далекой Родине: посылали деньги, теплые вещи, обувь. Общая сумма

оказанной ими помощи с 1941 по 1946 г. составила более 1 млн песо (*Шалысто-вич*, 1989. С. 258). Эта деятельность белорусов в стране, которая соблюдала свой нейтралитет в войне лишь формально, а на деле помогала фашистской Германии, не могла остаться безнаказанной.

В 1949 г. реакционное правительство Аргентины разгромило все белорусские и славянские организации, обвинив их в шпионской коммунистической деятельности. Уцелела только библиотека имени Ивана Луцкевича, которая раньше вступила в Союз белорусских товариществ и Объединение белорусов Аргентины. Вскоре аргентинскими властями был распушен и Союз белорусских товариществ, после такого удара белорусское движение в Южной Америке уже никогда не смогло подняться до уровня предвоенных лет.

В настоящее время численность белорусов в странах Южной Америки невелика. Точно определить эту величину нет возможности. Большинство белорусов по-прежнему проживает в Аргентине. Некоторую оценку численности белорусских организаций, а также организаций бывших советских граждан проводило Консульство СССР в Аргентине. По этой оценке, общая численность их членов составила около 21 тыс. человек, большая часть из них – белорусы, и они очень активны в своей деятельности.

Славянских организаций сейчас в Аргентине много: это объединенные в Федерацию клубы соотечественников имени В. Белинского, "Восток", имени М. Горького, имени А. Пушкина, имени В. Маяковского, имени Н. Островского, "Аврора", имени И. Франко, русское землячество (последние три возникли совсем недавно). Хотя собственно белорусских организаций в стране не осталось, но многие клубы (как, например, клуб имени Н. Островского) являются украинско-белорусскими, русско-белорусскими. Их фольклорные коллективы наряду с русскими и украинскими исполняют белорусские песни и танцы. Но проблемы у белорусов в Южной Америке такие же, как в других странах: это очень быстрая языковая и культурная ассимиляция, отсутствие тесных связей с метрополией. Старших представителей белорусской эмиграции, которые родились на Белорусской земле и хорошо ее помнят, становится все меньше, а молодежь стремится поскорее найти себе место в аргентинском обществе, забывая свои исторические, национальные корни.

В АВСТРАЛИИ

О времени и причинах переселения белорусов в Австралию существует несколько точек зрения. По одной из них, первые переселенцы из Белоруссии приехали в Австралию вскоре после Октябрьской революции. Но численность их была незначительной. Основной поток белорусов направился в Австралию после второй мировой войны, в основном в период с 1947 по 1951 г., из лагерей перемещенных лиц на территории Германии, которыми руководила Международная организация по оказанию помощи беженцам. Первая большая группа белорусов прибыла в Австралию в мае 1948 г., вторая – в июне 1948 г. и третья – к концу этого года (*The Australian...*, 1988. P. 291–292). По приблизительным подсчетам, сейчас в Австралии живет от 10 до 16 тыс. граждан белорусского происхождения (А. Воронин). Уточнить эту цифру трудно, поскольку в переписях населения в Австралии нет данных о месте происхождения и многие белорусы отнесены австралийскими властями к полякам, литовцам, латышам или просто записаны в графе "другие" из-за их малой численности.

В 1950 г. в Австралии возникли первые объединения белорусов, сейчас в главное из них – Федеральную раду белорусских организаций – входят 13 групп из разных штатов: Южного Уэльса, Виктории, Западной и Южной Австралии. В Сиднее действует Ассоциация белорусов в Австралии. После официального

оформления у белорусских объединений появилась возможность получать небольшую государственную помощь (для создания, например, дома престарелых).

Большую роль в культурной и духовной жизни белорусов Австралии играет Белорусская Автокефальная Православная церковь. Первоначально деятельность белорусских организаций в Австралии развивалась весьма успешно. Например, только в Сиднее действовали белорусская школа, хоровое общество, танцевальный коллектив, драматическая группа. Но сейчас большинство их прекратили свое существование. Причина тому – ассимиляция белорусов. Уже второе, третье и последующие поколения становятся австралийцами. В настоящее время у белорусских организаций в Австралии нет своего печатного органа на белорусском языке. Лишь один раз в неделю выходят небольшие часовые передачи белорусского радио в Мельбурне и в Перте. Готовят эти передачи члены белорусской общины на добровольных началах в свое свободное время.

Постепенно сокращается сфера деятельности и белорусской православной церкви. Так, еще до недавнего времени действовали 4 церкви: в Сиднее, Мельбурне, Перте и Аделаиде. Но в Сиднее и Перте священники умерли, а так как замены им нет, то церкви временно закрыты. Церковь была и остается мощным консолидирующим центром для белорусской колонии в Австралии. Кроме службы на церковнославянском и частично на белорусском языках, в церкви часто проходят дискуссии по истории религии, читаются лекции и т.п.

Сохранить самобытные черты национальной культуры помогают белорусам и их национальные фольклорные ансамбли. Их несколько, но наиболее известные – это "Калина" из Мельбурна и "Лявониха" из Аделаиды. Участники ансамблей (в основном молодежь) исполняют песни, частушки на белорусском языке, белорусские народные танцы. Однако следует заметить, что в повседневной жизни, в семье практически никто из белорусов белорусским языком не пользуется.

Белорусские клубы и организации в Австралии поддерживают между собой тесные связи. В 1976 г. состоялась первая конвенция белорусов Австралии. Тесные контакты у белорусов и с украинским землячеством, в меньшей мере – с русским. В связи с общим усилением белорусского национального движения в мире, и прежде всего в Белоруссии, усилились связи белорусов Австралии с белорусами других стран. В последние годы представители белорусской колонии в Австралии регулярно присутствуют на съездах белорусов Северной Америки, которые проводятся раз в два года.

К сожалению, связи со своей Родиной у австралийских белорусов до недавнего времени были слабыми или полностью отсутствовали. Это в первую очередь было связано с тем, что большинство белорусских организаций поддерживает решения "усебеларускіх кангрэсаў" 1918 и 1944 гг. о "полной государственной независимости" Белоруссии, а это было неприемлемо для Белорусской ССР. Но в последние годы контакты с Республикой Беларусь постепенно развиваются.

Как подчеркивают австралийские исследователи, к числу этнодемографических особенностей белорусской колонии в Австралии можно отнести большую долю в ней женщин и высокий средний возраст белорусов. Это характерно для многих белорусских колоний.

ОЧЕРК
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ

В научной литературе вопросы, связанные с этнической историей белорусов, и особенно с ее ранними этапами, имеют разное толкование. В историографии представлены различные концепции о происхождении белорусов и Белоруссии. Согласно некоторым из них, появившимся в XIX в., отрицалось существование белорусского языка и специфической культуры белорусов. Этническая принадлежность населения белорусских территорий рассматривалась как часть польского этноса – "польская концепция" (*Golembiowski*, 1830; *Rypinski*, 1840) или как часть великорусов – "великорусская концепция" (*Соболевский*, 1886; *Срезневский*, 1887).

Однако фундаментальные исследования в области языка и этнографии в конце XIX–начале XX в. доказали несостоятельность таких взглядов. Большинство существующих концепций основаны на представлении о белорусах как самостоятельном этносе со специфическими культурой и языком. Но и в них нет единообразия в трактовке этнической истории белорусов. Так, сторонники "кривичской теории" необоснованно полагают, что истоки всех отличительных черт белорусов восходят к их предкам – восточнославянскому племени кривичей. Поэтому Белоруссию, по их мнению, лучше называть Кривией. Эта "теория" игнорировала восточнославянское единство и была рассчитана на отрыв этнической истории белорусов от родственных им русских и украинцев.

Одни видные ученые, такие, как, например, Е.Ф. Карский, В.И. Пичета, считали, что этнической основой белорусов были не только кривичи, но и дреговичи, радимичи (*Карский*, 1904. Т. 1, вып. 2. С. 65; *Пичета*, 1961. С. 3–29) (рис. 14). Другие поддерживали и развивали идею об общности происхождения белорусов, русских и украинцев из древнерусской народности, в образовании которой большую роль сыграли интеграция и консолидация первичных восточнославянских племен, в числе которых были дреговичи, радимичи, кривичи и др. (*Ключевский*, 1957; *Барсов*, 1985). На основе этой идеи, подкрепленной многочисленными исследованиями, была разработана концепция происхождения трех восточнославянских народов (*Третьяков*, 1970; *Тихомиров*, 1954. С. 19–26; *Рыбаков*, 1962. С. 34–57; *Токарев*, 1958. С. 25–30). Эту концепцию поддерживают большинство ученых. Однако появляются и существуют другие взгляды на происхождение белорусов. В течение трех десятилетий обсуждается и дискутируется "балтийская концепция", обоснованная в 1960-е годы В.В. Седовым (*Седов*, 1967. С. 112–127). Главное положение ее состоит в том, что появление белорусов и формирование специфических особенностей их культуры связаны с миграциями славян и ассимиляцией ими местного балтийского населения.

По мнению В.В. Седова, балтский субстрат был наиболее важным фактором при складывании комплекса культуры и языка белорусов (*Седов*, 1970. С. 182, 192). В своей концепции В.В. Седов не учитывает различий в общественно-экономичес-

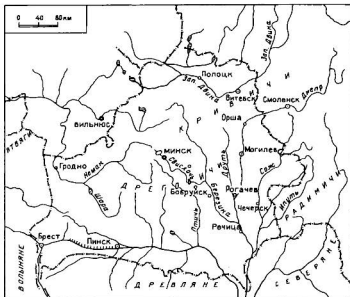

Рис. 14. Этнические общины на территории Белоруссии (середина IX–середина XI в.)

ком положении восточных славян и балтских племен в тот период. Одним из важных аргументов, противостоящих этой концепции, было высокое социально-культурное положение славян. Восточные славяне имели свою государственность, письменность, развитую культуру. Балтские же племена находились на стадии распада первобытнообщинного строя, были разобщенными по культуре и языку и, таким образом, не могли оказать решающего влияния на этнокультурные и языковые процессы восточнославянских племен.

Известный археолог П.Н. Третьяков, полемизируя с В.В. Седовым, доказал неправоту отнесения балтского субстрата только к территории Белоруссии. Ученый считает, что ассимиляция балтов восточными славянами относится к периоду формирования древнерусской общности (Третьяков, 1967. С. 115).

М.Ф. Пилипенко на основе археологических, лингвистических и антропологических данных приходит к выводу, что на территории Полянья, Пономанья, Подвинья и Поднепровья "балтское население оказало существенное влияние на формирование восточнославянских этнических общностей – кривичей, радимичей, дреговичей" (Пилипенко, 1991. С. 122). Поддерживая мнение П.Н. Третьякова о влиянии балтов на восточнославянскую культуру еще до возникновения белорусов, М.Ф. Пилипенко отмечает, что оно происходило на этапах образования первичных восточнославянских общностей.

Источниковой базой публикаций В.В. Седова были преимущественно дискуссионные работы, вышедшие как в нашей стране, так и за рубежом. Привлекая эти публикации для подтверждения правильности своей гипотезы, В.В. Седов, на наш взгляд, не всегда объективно воспроизводит их общую концепцию и выводы. Так, например, рассматривая труды Е.Ф. Карского, относящиеся к проблеме этногенеза

белорусов, В.В. Седов следующим образом обобщает его выводы: "Е.Ф. Карский понимал процесс образования белорусов как результат скрещения различных этнических славянских и неславянских элементов, с чем нельзя не согласиться" (Седов, 1970. С. 179). Внимательное изучение работ Е.Ф. Карского показывает, что такой вывод В.В. Седова не соответствует научной концепции Е.Ф. Карского.

Опираясь на лингвистические, топонимические, исторические и археологические данные, Е.Ф. Карский в своих работах пришел к выводу, что белорусы являются "автохтонами в своей стране; в большинстве своем они сидят на прарусской и праславянской территории" (Карский, 1903. Т. 1. С. 80). Он лишь допускал возможность, "что в некоторых местах белорусы ассимилировали себе северян, являвшихся и даже некоторые литовские племена, например, ятвягов и голядь" (Там же).

В своей работе Карский отмечал, что лишь "на северо-западе они (белорусы. – В.Б.) кое-где продвинулись в область латышей и литовцев" (Там же). Однако исследователь не допускал возможности, как это утверждает В.В. Седов, образования языкового субстрата.

Критикуя И.П. Сахарова, назвавшего белорусский язык "литовско-русским", Е.Ф. Карский писал, что если принять это название, то "можно бы подумать, что белорусское наречие восприняло в себя элементы литовского языка, что с ним в действительности не произошло" (Карский, 1922. Т. 3, вып. 2. С. 411).

Как нам представляется, преувеличение В.В. Седовым этнокультурных связей восточных славян с племенами балтов, возведение этих связей в категорию субстрата привели автора к ошибочным выводам об определяющей роли "балтского субстрата" в формировании белорусского народа.

Попытки обосновать собственный путь происхождения белорусов предпринимались в конце 1980-х – начале 1990-х годов белорусскими историками Н. Ермаловичем, К. Тарасовым и др. Они отрицают существование древнерусской общности как единой колыбели русского, украинского и белорусского народов. Пытаясь доказать отсутствие их генетического родства, К. Тарасов приводит упрощенную формулу: "белорусы сложились из смешения славянских и балтийских племен" (Тарасов, 1988. С. 81). Н. Ермалович при рассуждении о том, кто же такие белорусы, приходит, на наш взгляд, к ошибочному выводу, что "белорусы скорее всего являются не сбализированными славянами, а ославяненными балтами" (Ермалович, 1990. С. 46). Невозможно согласиться и с выводами Н. Ермаловича о содержании названия "Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское". Он пытается доказать, что в полном названии этого княжества термин "Литовское" следует читать как "белорусское", а к чисто "литовскому" относится лишь термин "Жемойтское". Что же касается термина "Русское", то он относится только к украинцам.

В научной литературе нет единого мнения и о времени формирования белорусов. По мнению В.В. Седова, белорусская этническая общность сложилась в XIII–XIV вв., а М.Я. Гринблат полагал, что формирование белорусов происходило в XIV–XVI вв. (Гринблат, 1969. С. 40). Белорусский этнограф И.В. Чаквин считает, что "последние этапы этногенеза белорусов охватывали XIII–XVI столетия" (Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 60), а по мнению Э.Р. Соболенко, "основные формы традиционной материальной и духовной культуры белорусов складывались в XIII–XVII вв." (Этнография восточных славян, 1987. С. 153).

По-разному объясняли и этимологию названия "Белая Русь". Оно появилось в период нахождения белорусских земель в составе Великого княжества Литовского и относилось к Витебщине, северо-востоку Могилевщины. Территория Гродненщины (исключая ее южную часть Брестчину), западные части Минских и Витебских земель в исторических источниках назывались "Черной Русью", а южная лесисто-болотистая равнина имела название "Полесье". Этимология послед-

него названия не вызывает иных мнений. Что же касается названий "Белая Русь" и "Черная Русь", то в разных источниках они трактуются неодинаково. На наш взгляд, наиболее аргументированным для "Белой Руси" можно признать значение – "свободная, вольная, независимая". Аналогичные названия имели те части Руси XIII–XV вв., которые были относительно независимы от Золотой Орды, например, Ростово-Суздальская, Киевская, Московская, Смоленская и некоторые другие земли. По отношению к Белоруссии это название наиболее часто упоминается в XVI–XVIII вв. и стабилизируется во второй половине XVIII–начале XX в. Название "Белая Русь" фигурировало в титуле русского царя Алексея Михайловича, а после разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в. присоединенные к России северо-восточные земли были названы "Белорусскими" (позже они были переименованы в Северо-Западный край). Что касается термина "Черная Русь", то он возник в более ранний период (XIV в.) и относится к землям, которые попали в зависимость от князей Великого княжества Литовского еще в середине XIII в. Поэтому правомерно считать, что свободная и независимая от литовских князей северо-восточная часть Белоруссии в противовес "Черной Руси" называлась "Белой Русью". Термин "Белая Русь" постепенно распространился на всю этническую территорию белорусов, а население получило наименование "белорусы".

Определенный смысл имеет мнение некоторых исследователей о том, что "Белой Русью" могли называться земли, которые раньше приняли христианство, а то время как земли "Черной Руси" оставались еще языческими.

При всем многообразии взглядов на этническую историю белорусов наибольшее признание в научном мире получила концепция о происхождении белорусов так же, как русских и украинцев, из единого корня – древнерусской общности. Этой точки зрения придерживается и авторский коллектив настоящей монографии.

Большинство исследователей проблемы этногенеза белорусов, опираясь на архивные данные и исторические источники, считают, что наиболее благоприятные условия для этнообразующих процессов сложились в XIII–XVI вв., когда часть этнической территории белорусов оказалась в составе Великого княжества Литовского.

Дифференциация восточных славян на самостоятельные народы происходила в новых государственно-политических, социально-экономических, конфессиональных и этнокультурных условиях. При этом следует иметь в виду, что в любой этнической общности при наличии общих консолидирующих факторов на всех этапах их развития существовали, сохранялись, а зачастую и формировались местные региональные и локальные особенности, которые при определенных условиях могли или нивелироваться, или становиться определяющими в дальнейшей судьбе народов. В условиях феодальных отношений с различной степенью господства центробежных сил и феодальной замкнутости консервировались многие местные особенности в жизнедеятельности как многочисленных удельных княжеств, так и более крупных, какими, например, на территории Белоруссии были Полоцкое и Туровское княжества.

Региональная и более мелкая местная специфика своими корнями восходит к древнейшим формам жизнедеятельности людей. Так, при разрушении первобытнообщинного строя многие племенные элементы продолжали функционировать, особенно в таких замкнутых институтах, как семья, община, обычное право. Рудименты их не только оставались, но и во многом развивались в последующих общественно-экономических формациях, хотя в сознании людей позднейших эпох уже не принимались, так как они функционировали в новой системе.

Упомянутые местные и региональные особенности накладывали свой отпечаток на специфику более крупных регионов Древней Руси. Одним из таких регионов была ее западная часть.

Так, в западных регионах Древней Руси – Полоцком, Турово-Пинском княжествах, Новгородской, Гродненской, Берестейской и других землях – в условиях феодальной обособленности в XII–XIII вв. происходил дальнейший процесс формирования локальных и региональных особенностей. Местная специфика в упомянутых выше и в других частях Белоруссии долгое время сохранялась уже в новых государственно-политических, этнических, конфессиональных и социально-экономических условиях. Еще и сегодня особенности этих регионов просматриваются в культуре и языке местного населения.

Таким образом, у восточных славян, оказавшихся в условиях новой государственности, стали формироваться самостоятельные этнические образования – белорусы и украинцы, специфика традиций которых складывалась на основе региональных особенностей древнерусской общности и дальнейшего их развития.

При этом нельзя не отметить и то обстоятельство, что в Великом княжестве Литовском доминирующими как по количеству населения, так и по уровню культуры были восточнославянские этносы, для формирования которых в самостоятельные общности имелись благоприятные условия. Официальным государственным языком в нем был старобелорусский, на котором писались все законодательные акты, велась переписка и пр. Эти обстоятельства давали основание многим историкам и этнографам называть это государство Русско-Литовским или Литовско-Русским.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ

По уровню своего социально-политического и этнокультурного развития древнеславянские этнополитические сообщества на землях Белоруссии в конце I–начале II тысячелетия несколько отличались друг от друга, но в целом характеризовались процессом перехода от первобытнообщинного строя к классовой организации и государственности. Это определяло очевидное существование сразу нескольких основных форм объединения населения в рамках родо-племенных и соседско-территориальных раннегосударственных общин. Причем последняя форма со временем постепенно становилась все более и более доминирующей, что убедительно отразилось, например, на процессе возникновения укрепленных городов (центральных поселений территориальной общины, позже – волости), вокруг которых группировались селища (родовые и родо-своицкие поселки) (рис. 15, 16).

Группы соседско-территориальных общин, а также нераспавшиеся родо-племенные организации определенной территории, объединенные общим избранным руководством (советом старейшин, вечем общинников, князем), составляли так называемые “земли” (землячества или земли-княжения). В своей недатированной части, относящейся к событиям до середины IX в., *Повесть временных лет* упоминает о существовании “княжений” (раннегосударственных потестарно-политических образований) у полян, новгородских словен, древлян, а также у дреговичей и полочан (полоцкая группировка кривичей) (ПВЛ, 1950. С. 13) (рис. 17, 18). К этому же времени относится и начало процессов классовообразования, отделения ремесла от сельского хозяйства, возникновение городов как специфических военно-административных и ремесленно-торговых центров. Письменные источники упоминают о существовании на белорусских землях в IX–X вв. Полоцка (Полтеск), Витебска (Видбеск), Заславля (Ижеславль), Турова.

Рис. 15. Подвеска. Бронза. III в. до н.э.–V в. н.э. Бураково, Гродненский р-н. Фото П.Н. Захаренко

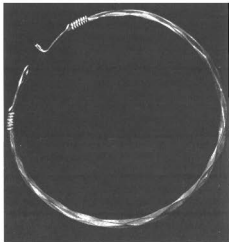

Рис. 16. Гривна шейная. Серебро. V–VII вв. Городок, Молодечинский р-н. Фото П.Н. Захаренко

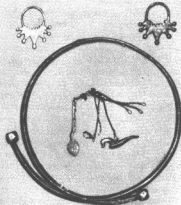
В XI–XIII вв. процесс складывания городов заметно активизировался. Возникают Минск (Менск), Лукомль, Усвяты, Друцк (Дрютеск), Браслав, Логойск (Логоско), Копысь, Орша (Рша), Борисов, Новогрудок (Новгородок), Гродно (Городен), Слуцк (Случеск), Клецк (Клеческ), Пинск (Пинеск), Брест (Верестье) и другие города, которые продолжили свое существование вплоть до нашего времени. Местонахождение таких городов того времени, как Голотическ, Одрек, Неколоч, Стрежва, Городец, и некоторых других до сих пор остается загадкой.

Наиболее активно процесс складывания городов проходил в землях полочан-кривичей и дреговичей, что отражало общий уровень социального развития населения. В этих же землях в конце X–начале XI в. возникают первые, относительно крупные христианские центры – Полоцкая и Турово-Пинская епархии, которые находились в подчинении Киевской митрополии во главе с митрополитом Киевским и всея Руси. Однако сам процесс христианизации населения (и особенно сельского) растянулся на этих землях вплоть до XIII в., а в ряде других регионов (Понеманье и Посожье) – до XIV в. включительно (рис. 19, 20). Распространение христианской религии в Белоруссии было теснейшим образом связано с объединительно-захватнической политикой киевских князей из династии Рюриковичей, которые в течение IX–XI вв. создали на землях Восточной Европы сравнительно мощное и крупное раннефеодальное государство – так называемую Киевскую Русь. В одном из ранних описаний структуры Киевской Руси это государство было охарактеризовано как политическая совокупность земель кривичей, друговитов (дреговичей) и других славян, подчиненных власти "русских" князей из Киева, которые собирали дань с этих территорий. По мере того как киевские князья распространяли свое влияние на восточнославянские земли и "воевали иные

Рис. 17. Украшения XI–XIII вв.

а – радимичей, б – дреговичей

Фото П.Н. Захаренко

а

б

страны", расширялась и географическая локализация понятий "Русская земля", "земля русов". В IX–X вв. в качестве подвластных ("данинных") территорий киевских князей уже фигурировала земля радимичей. С конца X–XI в., когда земли дреговичей и кривичей-полочан потеряли свою политическую независимость и попали под влияние киевских князей, название "Русь" распространилось и на эти земли.

Постепенно стали исчезать из исторических источников и бывшие "племенные" названия восточнославянских группировок. Последние упоминания, например, названий "дреговичи" и "радимичи" встречаются в летописях в связи с событиями 1149 и 1169 гг. при ретроспективном описании. Названия "кривичи" и "Кривития" сохранились гораздо дольше и устойчивее – и в XII, и в XIII–XIV вв., а в некоторых случаях и позже. На их место приходят новые, так называемые земляческие названия (полочане, туровцы, витебляне и др.), связанные с новым типом территориально-потестарной организации населения, которая заменила прежние – родо-племенные в результате распада первобытнообщинных и складывания раннефеодальных отношений (Этиаграфия беларусаў, 1985, С. 46–52).

Продолжением военно-политического объединения Киевской Русью восточнославянских земель и населения явилась династическая централизация государства, при которой местные

Рис. 18

Рис. 18. Бусы IX–начала XI в.
Хрусталь, сердолик, с текло. Витебск.
Нижний замок.
Фото П.Н. Захаренко

Рис. 19

Рис. 19. Головка лошади.
Амулет. Кость. IX–X вв. Рудня,
Полоцкий р-н.
Фото П.Н. Захаренко

Рис. 20. Идол язычников. Песчаник.
X в. Находка 1963 г. в Шклове.
Фото П.Н. Захаренко

Рис. 20

Рис. 21. Клад. Серебро XI в. (монеты, браслеты и различные украшения). Горюляны, Глубокский р-н. Раскопки Г.В. Штыхова, 1965 г.
Фото П.Н. Захаренко

князья лишались власти и заменялись великокняжескими посадниками или сыновьями киевского великого князя. В конце X в., например, в результате войны Полоцкого княжества с новгородскими, киевскими и другими "русскими князьями" местная полоцкая династия Рогволодовичей фактически прекратила существование, а власть перешла к Рюриковичам.

Однако вследствие тесной зависимости от политической конъюнктуры при великокняжеском дворе подобный характер военно-политического и социально-династического обеспечения единства государства был неустойчивым и временным. Поэтому, например, за все время существования Киевской Руси период политического подчинения Полоцкого княжества киевскому престолу насчитывал менее ста лет. Более существенную роль в процессе социально-экономической и этнокультурной интеграции государства сыграли города, внешняя и внутренняя политика.

Рост количества городов и их населения, развитие ремесел и торговли способствовали усилению экономических связей между городом и подвластной ему периферией, обуславливали складывание довольно устойчивой и долговечной земляческой организации населения. Торговые пути, множество которых пересекало земли Белоруссии, связывали между собой отдельные города, целые земли и даже весьма отдаленные регионы.

Экономические связи в различных областях имели свою специфику, что хорошо прослеживается при анализе внешней торговли и поступления иноземных денежных единиц. Так, в период IX–X вв. основной денежной единицей в Киевской Руси был куфический дирхем, наибольшее распространение которого в восточных областях государства свидетельствовало о территориально ограниченном характере его хождения. Вместе с этим торговые связи в западном направлении привели в

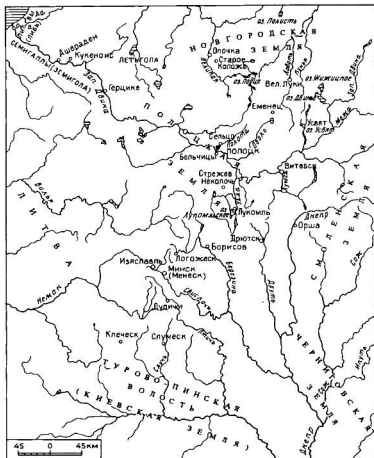

Рис. 22. Этническая и политическая карта Белоруссии в XI–XII вв. (карта Полоцкой земли по Л.В. Алексееву)

XI в. к появлению на государственном рынке массы западноевропейских монет, которые опять-таки в большинстве оседали преимущественно в западных областях Руси, в том числе и на землях Белоруссии (рис. 21) (Рябцевич, 1977, С. 60–68). Несколько позже, в так называемый безмонетный период, денежная локализация возросла и способствовала укреплению узкотерриториальных рынков. На западных землях одним из крупных экономических центров становится Полоцкое княжество, которое имело интенсивные торговые связи с Новгородом, Киевом, Волынью, Прибалтикой. Такую же функцию выполняли и южные бело-

русские княжества-земли, например Турово-Пинское, через которое проходили торговые сухопутные и речные пути из Киева, Волыни и Польши в северные земли Руси (рис. 22). Важную роль в социально-политической интеграции населения Киевской Руси сыграло принятие общих юридических законов, оформленных в начале XI в., при Ярославе Мудром в качестве единого для всего государства свода законов – “Русской Правды”. Объединительным процессам способствовали также внешнеполитическая ситуация: защита Руси от воинственных соседей, совместные военные походы русских князей на Византию, Хазарию и другие страны.

Интеграция земель и населения Киевской Руси способствовали принятию и распространению единой государственной религии. Предусловия для складывания конфессиональной общности восточных славян были созданы еще в конце X в. реформой языческого культа, которая была проведена великим князем Владимиром с целью объединить и унифицировать религиозные обряды различных подвластных славянских группировок. После принятия христианства и официального крещения Руси в 988 г. и позже церковь и князья начали борьбу с язычеством и постепенно распространили новую религию на большинство восточнославянских территорий.

На землях Белоруссии в XI в. были созданы два епископства (Полоцкое и Турово-Пинское), ряд церквей и монастырей, а местные миссионеры пытались даже распространять новую религию среди представителей соседних народов – литовцев, датгалов, ятвягов и др. Однако вплоть до XIV в. христианизация населения (особенно сельского) осуществлялась медленно и с трудом противодействовала языческим традициям, которые продолжали сохраняться в народном быту, составляя совместно с христианскими религиозными нормами своеобразную синкретическую смесь идеологии, мировоззрения и образа жизни. Почти полностью (за исключением ряда городов) оставались языческими все западные области Белоруссии, где совместно с восточнославянским проживали в то время значительные группы восточно- и западнобалтского, а также ославяненного балтского населения (Зверуго, 1989. С. 14–17, 21–42; Седов, 1970. С. 199–122), которые в большинстве своем не входили в понятие Русской земли и не находились в политической зависимости от киевского престола.

Даже в более поздних описаниях пределов Русской земли западные границы, проходящие по землям Белоруссии (“от ятвязи до литвы, до исмец”), не включали в понятие “Русь” ряд районов Брестского Побужья, Верхнего Понеманья, междуречья Немана и Вилии, Среднего Подвинья. Там, по свидетельству ряда источников XI–XIII вв., обитали западно- и восточнобалтские союзо-племенные и территориально-политические объединения “полекшан”, или “полексян”, входивших в ятвяжский союз (районы Побужья и Беловежской пуцци), “литвы” (в верховьях Немана), “деволты” и “нальшы” (междуречье Вилии и Западной Двины) (“Великая хроника”..., 1987. С. 126; ПСРЛ, 1926. Т. I. С. 155).

В целом же значительная часть территории Белоруссия (в современном ее понимании) совместно с большинством областей будущей Украины и Европейской части России уже составляли в XI в. военно-политическое объединение – Киевскую Русь. Вместе с тем на протяжении последующих XI–XIII вв. этот слишком масштабный географический ареал действия объединенных процессов политической интеграции восточнославянского населения не выдержал испытаний историей, и Киевская Русь постепенно распалась на ряд отдельных и независимых крупных княжеств.

В конце XI в. (1097 г.) на съезде всех русских князей в Любече был принят договор, по которому независимость отдельных княжеств, а фактически феодальное дробление Киевской Руси узаконивалось. Феодальная усобица была обуслов-

лена объективными законами тогдашнего общества. Усилившиеся экономические и социальные связи между отдельными городами и подвластной им территорией укрепили местную княжескую власть, способствовали складыванию мощных самостоятельных княжеств, которые не хотели быть скванными управлением метрополии и зависимыми от нее. Самостоятельная политическая и экономическая жизнь крупных княжеств разрушила и без того условную целостность государственной территории.

Попытки киевских князей усилить свою власть или хотя бы влияние на местах и укрепить государственное единство долговременных успехов не имели. Так, осуществлявшиеся на протяжении почти всего XI в. походы Ярославичей (потомков сына Владимира Великого – Ярослава) в 1021, 1067, 1069, 1078, 1085 гг. на полоцких "внуков Рогволодовых" (потомков дочери Рогволода – Рогнеды и Владимира Великого), захваты Полоцка, пленение и высылка местных князей стабильных результатов не дали, и конфликт между Полоцком и Киевом продолжился в начале XII в. Аналогичные конфликты существовали также между Киевом и Новгородом, Киевом и другими крупными княжескими центрами.

Те же тенденции действовали и в рамках крупных земель-княжений, в которых стали складываться более мелкие удельные княжества с первоначально аналогичной системой подчинения центру, но с определенным устремлением выйти из этой зависимости, что периодически им и удавалось, но как следствие сопровождалось междоусобными распрями и войнами. В целом земли древней Белоруссии входили в XII–XIII вв. в состав крупных земель-княжений – Полоцкого, Новгородского (Новогрудского), Смоленского, Черниговского, Киевского и Владимиро-Волынского, а в их границах – в более мелкие удельные княжества – Минское, Витебское, Друцкое, Турово-Пинское, Гродненское, Берестейское и др.

Несмотря на нарушение политического единства Киевской Руси, на уровне социальной, экономической и культурной жизни некоторые общевосточно-славянские этнообъединительные тенденции продолжали действовать и в XII–XIII вв., и даже позже. Вместе с ними активизировались и локальные объединительные процессы, совместная динамика которых и определяла особенности этнического и культурно-бытового облика населения различных волостей и княжеств. В исторических источниках XII–XIII вв. четко прослеживается, например, переосмысление понятия "Русская земля", когда одни и те же земли то называются так, то противопоставляются им под другими названиями ("посла князь Мстислав братию свою на кривиче" – на Полоцкое княжество в 1127 г.) (ПСРЛ, 1926. Т. 1. С. 297; 1908. Т. 2. С. 292). Ретроспективно и искусственно возобновляются (преимущественно южнорусскими летописцами) старые названия "дреговичи", "радимичи" и др. В то же время возникает и новое понятие "вся Русь", которое использовали феодалы наиболее сильных княжеств с претензией на роль гегемона в восточно-славянском мире и воссоздателей былой мощи киевских князей (Робинсон, 1980. С. 239–241). Одновременно и в зависимости от политической ситуации начинается процесс укрепления земляческого самосознания. Вместе с известными в предыдущий период названиями типа "полочане", "смоляне", "туровцы", "воляняне" широко распространяются новые, чисто земляческие этники типа "меняне", "лукомцы", "лагожаны", "пиняне", "берестяне" и др., которые отражали уровень локальной организации населения в пределах своего княжества, волости, земли. Понятия "русичи", "руськие", "русины" распространялись на них только в связи с их православным вероисповеданием (Развитие этнического самосознания..., 1982. С. 49–159; Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 48–52).

Те же процессы четко обозначались и в развитии письменности и литера-

турного языка, где, с одной стороны, продолжали существовать общие тенденции, присущие памятникам старославянского языка "Житие Евфросинии Полоцкой", "Наставление" Кирилла Туровского, "Юрьевское Евангелие", а с другой – наметились стабильные диалектные особенности в близком к разговорному, так называемом древнерусском языке. Языковеды отмечают наличие диалектных особенностей в различных памятниках письменности уже с XI в. (например, в надписях на кресте, сделанном мастером Лазарем Богшей по заказу Евфросинии Полоцкой, в многочисленных сграфитти на стенах Киевской Софийской церкви, в новгородских берестяных грамотах и т.д.) (Шакун, 1963. С. 70–72; Филин, 1981. С. 223, 276). По мнению А. Соболевского, изучавшего большую группу памятников восточнославянской письменности того и более позднего времени, эти местные особенности языка наиболее четко проявились в XIII в. Исследователь отметил наличие в восточнославянском языковом ареале целого ряда устойчивых местных говоров, среди которых на территории Белоруссии – "смоленско-полоцкий" (в Подвинье и Верхнем Поднепровье) и "галицко-волынский" (в Поприпятье) (Соболевский, 1886. Т. XV, № I. С. 20–22, 28). Таким образом, в языке, как и в других сторонах этнической характеристики населения белорусских земель того времени, проявились различные комплексы элементов, одни из которых были территориально специфическими, а другие имели общевосточнославянское или даже, шире, общеславянское распространение.

Еще более очевидно все разнообразие составляющих элементов отразилось в материальной и духовной культуре населения Белоруссии IX–XIII вв. Основой хозяйства у местных славян были земледелие и животноводство, причем роль первого значительно возросла именно с появлением здесь славян, хорошо знакомых с пашенным земледелием, типичным для лесостепной европейской почвенно-климатической зоны. В течение XII–XIII вв. постепенно начинает распространяться паровая система земледелия в форме двух- и реже трехполья. Постоянное освоение новых земель под пашню предполагало длительное существование и более архаичных форм земледелия – подсеки и перелога.

Основной зерновой культурой, начиная с IX в., в Белоруссии была озимая рожь. Выращивались также и другие зерновые, технические, садовые и огородные культуры. Для обработки земли применялись разнообразные орудия, основными из которых были бесполозное рало, двух- и более зубые сохи (с палицей или без нее), бороны, мотыги, заступы, лопаты и др. Убирали урожай серпами и тяжелыми косами-горбушами и хранили его в специальных выложенных соломой земляных ямах возле домов, позже – в постройках (например, в клетях). Молодо зерно в муку на ручных жерновах, а на крупы обдирали в деревянных ступах (также ручного или ножного типа) (Очерки по археологии..., 1972. Ч. 2. С. 62–85; Загорюльский, 1982. С. 153–155; Коробушкина, 1979. С. 53–56, 94–96). Орудия сельскохозяйственного производства по своим основным типам и формам уже в XII–XIII вв. были настолько оптимизированными и удачными, что почти без изменений воспроизводились от поколения к поколению в крестьянской среде до XIX – начала XX в. (Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў, 1974. С. 50–55).

Экстенсификация практики пашенного земледелия обусловила постепенное развитие животноводства, что уже в XII–XIII вв. заметно отразилось на рационе питания и проявилось в преобладании животноводства над охотой (Древности Белоруссии, 1969. С. 406–409). Однако и охота, и собирательство играли еще значительную роль в хозяйственной деятельности населения. Вспомогательный характер носили и такие виды деятельности, как рыболовство и бортничество, которые в ряде областей Белоруссии были весьма сильно развиты на протяжении IX–XIII вв. и впоследствии.

Изменения, которые произошли в сельскохозяйственном производстве в связи

с освоением под пашню все новых и новых земель, отразились на организации культурной среды обитания населения. Сократились размеры сельских поселений, вместе с бессистемной планировкой весей, сел и погостов стала практиковаться и линейная (одно- и двухрядовая), обычно вдоль рек или дорог. Вместе с более древними однокамерными начала возникать двух-, а иногда и трехкамерные жилые постройки, которые постепенно заменили архаичный тип жилища ранних славян – полуземлянку. Судя по археологическим материалам, в Полоцкой земле XII–XIII вв. было уже распространено жилище из бревен, сложенных в простой угол "с остатком", а в Туровской земле – однокамерные бревенчатые сооружения с углом в "обло" (или в "чашку") (Алексеев, 1966. С. 86–88; Лысенко, 1974. С. 185–186). Первый венец толстых бревен клали прямо на землю или же на валуны, деревянные подлоги. Пол в жилом помещении был глинобитным или земляным. Отапливался дом глинобитными печами или печами-каменками, топившимися "почериому" ("курные хаты"). Хозяйственные сооружения были легкой плетневой конструкции (иногда столбовые).

Древние города Белоруссии отличались от сельских поселений главным образом своими размерами, количеством населения и наличием оборонных укреплений. В XII–XIII вв. в городах стали изредка возводиться каменные сооружения преимущественно культового характера (например, Софийский собор и Спасо-Преображенская церковь в Полоцке, Благовещенская церковь в Витебске, Каложская – в Гродно и т.д.).

В хозяйственной жизни городов все более возрастающую роль играло ремесло. По данным белорусских археологов, в городах того времени на сравнительном высоком уровне развивались кузнечное дело, гончарные, дерево-, кость- и кожеобрабатывающие ремесла, ювелирное и оружейное производства (Очерки по археологии Белоруссии, 1972. Ч. 2. С. 70–72; Штыхов, 1975. С. 9–12).

Существенной разницы в большинстве элементов материальной и духовной культуры города и села в то время еще не наблюдалось. Так, комплекс одежды того времени, в целом реконструированный по археологическим и иконографическим материалам, был однотипным как у городского, так и у сельского населения. Основу костюма составляла сорочка из домотканого полотна, которую у женщин шили с длинными рукавами, вставками на плечах и сборками возле короткого воротника. Подол, рукава и воротник часто украшали орнаментом. Длина самой сорочки и рукавов могла изменяться с помощью пояса и браслетов. Женский костюм дополнялся набедренной одеждой типа "понёвы" из шерсти.

Мужская сорочка, также с низким воротом и рукавами до запястий, подпоясывалась кожаным или тканым, плетеным поясом, иногда с накладными украшениями (имевшими, как и сам пояс, определенный ритуально-мифологический смысл). Штаны (порты-ногавицы) делались длинными и узкими. Костюм дополнялся обувью – лаптями (из растительного сырья), поршами и сапожками (из кожи). Верхняя одежда состояла из плащеподобных накидок, суконных свитков, сермяг, зипунов, кафтанов. Зимнюю одежду составляли кожаные, теплая шапка или платок, рукавицы. Одежда горожан в то время мало чем отличалась от крестьянской. Исключением в некоторой степени был костюм знатных феодальных сословий, зажиточных горожан (прежде всего купцов), военнотружущих групп (дружинников), которые составляли, однако, в то время 8% населения (Восточнославянский этнографический сборник, 1965. С. 750–752).

Некоторые региональные этнографические отличия в одежде сводились главным образом к ее фасонам, а также к украшениям, которые издревле и традиционно играли важную семантическую роль у различных славянских племен и поэтому отличались по ареалам бытования (например, зернистые бусы у потомков

Рис. 23. Памятники культуры XII в.

а – фреска, Спасская церковь Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Южная стена, *б* – крест Евфросинии Полоцкой. Обратная сторона из золотых пластин с эмалевыми изображениями. Украшен дорогими камнями и жемчугом
Фото П.Н. Захаренко

дреговичей, полутораоборотные височные кольца в землях кривичей, семилучевые височные подвески у радимичей, характерные фибулы и подвески с бубенцами у балтов).

В одежде определенным образом отражались древние мифологические представления дохристианского мировоззрения, традиций и духовной культуры различных этнических объединений, которые составляли в то время субэтническую основу будущего белорусского народа. Древние этнические особенности мифологии и культов, обрядов и фольклора начали в этот период совмещаться с общехристианскими и церковными православными обрядами и ритуалами (прежде всего в бытовой сфере, а потом на уровне сознания и мировоззрения).

В период от принятия христианства и до конца XVIII в. изменения частично проявлялись, например, в семейных, свадебных, похоронных и некоторых общественных обрядах, в календарных праздниках и т.д. Однако в целом еще и в XIII–XIV вв. христианство не вытесняло собой языческих представлений и культов. Поэтому, например, языческие капища функционировали в это время наряду с церковными, и не только в сельской местности, но нередко и возле городов (например, возле Рогачёва и др.). Свадебные обряды на различных территориях проживания восточных славян имели еще и свои собственные особенности (похищение, “умыкание” невесты у радимичей и сговор, например, у полян, полочан и др.). Сговор соответствовал христианским представлениям и был даже юридически закреплён в “Русской Правде”, где отмечалось, что за отказ от брака после сговора

Рис. 23, 6

виноватая сторона должна была выплатить штраф-компенсацию потерпевшей. Среди других свадебных обрядов в Белоруссии того времени были известны такие, как разувание жениха невестой ("не хочу разути рабытича"), объезд (свадебный поезд) и др. (ПВЛ, 1950. Ч. 1. С. 14–15, 40–41, 54, 84, 183; Памятники русского права, 1952. С. 77, 109).

Под влиянием христианства большинство населения белорусских земель с XI в. довольно скоро перешло от обрядов трупосождения к труположению. Однако еще и в XII–XIII в. древние летописцы, отмечая разницу в обрядах погребения у язычников и христиан, подчеркивали, что некрещенные покойники хоронились "в могилах", а крещенные – "в гробах" ("в раках", "в трунах"). И все же старые языческие представления о том, что в загробном житии покойным необходимы будут предметы их земного быта, обусловили разнообразие погребального инвентаря в могилах христианского обряда погребения (ножи, топоры, серпы, украшения, различные амулеты-обереги, одежда и т.д.).

Особенно длительно и мощно языческая погребальная обрядность сохранялась на землях радимичей и на территориях населения балтских этнических групп.

Развитие духовной культуры древнего населения белорусских земель было теснейшим образом связано также с условиями этноисторической и политической жизни. События того времени так или иначе отразились в различных сказаниях, легендах, сказках, например в легенде о Волхве Всеславовиче (прототипом персонажа являлся полоцкий князь Всеслав), который, согласно преданию, мог "въ ночь вълкомъ рыскаше" и т.д. Многие легенды основной сюжетной фабулы перекликаются с летописными данными о князьях Рогволоде и Туре, княгине Рогнеде и ее сыне Изяславе.

Распространение в X–XIII вв. кириллического письма и христианства способствовало распространению письменности и грамотности среди населения в целом. Свидетельством тому являются надписи на кресте мастера Лазаря Богши, на фреске Благовещенской церкви в Витебске, на стене Киевской Софии (оставленной "воиномъ Журяговицемъ полоццианамъ"), берестяные грамоты из Витебска и некоторых других белорусских городов, эпиграфика многочисленных пряслиц, "Борисовых камней" и многое другое.

Наиболее образованные люди (обычно из духовных особ) занимались переводом и переписыванием богослужебной, светской и философской литературы, которая хранилась в библиотеках некоторых монастырей и церквей. Известно, что такой деятельностью занималась, например, внучка полоцкого князя Всеслава – Ефросиния (рис. 23). Широкое распространение "по всея Руси" получили в XII–XIII вв. религиозные произведения Кирилла Туровского, которого современники называли "русским златоустом". В этот период в Белоруссии так же, как и на других землях Древней Руси, существовали школы, где учились, однако, дети преимущественно знатных и богатых людей. С начала XIII в. начинают распространяться письменные памятники с элементами древнебелорусского языка, что хорошо отразилось, например, в договорных и торговых грамотах Полоцка и Витебска.

В целом вариативность и многообразие форм культуры древней Белоруссии свидетельствовали о приобщении в этот период предков белорусского народа к ценностям христианской цивилизации при сохранении наиболее ценностных и актуальных для того времени элементов дохристианского культурного наследия.

В XIV–XVIII вв. на землях Восточной Европы, в том числе и на землях Белоруссии, начали складываться новые политические, социально-экономические и этнокультурные условия, главный результат которых выразился в образовании трех восточнославянских этнических общностей – русской, украинской и белорусской. Процесс этнообразования собственно белорусов четко обозначался уже во второй половине XIII – первой половине XVI в., когда белорусские земли и население вошли в состав Великого княжества Литовского.

Начало политическому сближению западной части восточнославянских земель и постепенному объединению их в составе единого государства положили исторические события XIII в. – ордынская экспансия с востока и агрессия немецкого Ордена с запада. В этот период начала осуществляться пересорентация экономических связей и политических взаимоотношений в пределах всей Восточной Европы. На роль гегемона в объединении западной части восточнославянских земель (включая и белорусские) претендовало Великое княжество Литовское. Уже в XIII в. в него входили земли Западной Белоруссии с центрами в Новогрудке, Слониме, Волковыске, Гродно, Каменце и др., а также собственно Литва, расположенная между Вилией и Неманом.

Князья и бояре крупных феодальных центров Белоруссии стремились превратить Литву в союзника. К союзным взаимоотношениям были расположены и литовские князья, например Миндовг, его сын Войшелк, которые даже приняли православие ради политических целей упрочения своей власти в государстве, населенном в преобладающей степени славянским населением.

Объединенные в Великом княжестве Литовском славяно-балтские земли представляли значительный военно-политический потенциал в борьбе с Орденом и ордынцами, а также в борьбе с другими крупными восточнославянскими военно-политическими образованиями (например, Галицко-Волынским княжеством, Псковской землей) за роль политического гегемона Восточной Европы. Так, борьба Великого княжества Литовского с Галицко-Волынским княжеством, проходившая с переменным успехом, окончилась победой первого в 40-е годы XIV в., и значительная часть украинских земель попала под власть великих князей литовских. К этому времени в состав формирующегося государства уже входило и крупнейшее на то время на белорусских землях Полоцкое княжество, жители которого избрали на вече в Полоцке в 1307 г. своим князем Война – брата великого князя литовского Витеня.

Политика объединения восточнославянских и ряда соседних балтских земель в одно государство была продолжена при брате Витеня Гедимине, затем при Ольгерде и Кейстуте, Ягайле и Витовте, что привело в результате к образованию мощного и обширного государственного объединения – "Великого княжества Литовского, Жмудского и Русского", охватывавшего всю Белоруссию, Аукштайтию в Жемайтию (Жмудь), Латгалию, значительные территории Украины (Черниговскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую земли), а также Брянщину, Смоленщину на востоке и Подляшье на западе. Столицей объединенного государства со времен Гедимина (1316–1341) стал город Вильна (Вильнюс), сменивший в этой роли Новгородок (Новогрудок).

Подчинение раздробленных восточнославянских земель единой власти остановило процесс их феодального дробления и способствовало созданию благоприятных условий для укрепления социально-экономических и этнокультурных связей

Рис. 24. Гербы городов Белоруссии XVI в.
а – Витебск, б – Новогрудка, в – Мстиславля

между различными территориальными группами населения Белоруссии, его консолидации в феодальную народность и интеграции с соседними народами в границах одного государства. Военно-политические результаты такой интеграции сказались уже, например, во время Грюнвальдской битвы 1410 г., когда объединенные войска Великого княжества Литовского и Польши разгромили Тевтонский орден крестоносцев, остановив тем самым его агрессивную политику в отношении земель Восточной Европы.

В социально-экономической и культурной консолидации населения Белоруссии и его интеграции с другими народами и культурами большую роль сыграли города. В период XV–XVI вв. в целом наблюдался значительный рост количества городского населения как за счет укрупнения старых городов, так и за счет возникновения многочисленных новых (прежде всего так называемых местечек – букв, городков) (рис. 24). По подсчетам С. Александровича, в Белоруссии в конце XVI в. насчитывалось около 380 поселений городского типа с подавляющим преобладанием в этом числе доли местечек (Alexandrowicz, 1970. Т. VII. S. 65–105). Последние характеризовались соединением урбанизированных видов производственной деятельности (прежде всего ремесел и торговли) с сельскохозяйственными. Жители городов и местечек, обладавших правами муниципального самоуправления (Магдебургским правом) составляли более $\frac{2}{3}$ всего мещанского сословия Белоруссии, которое в целом объединяло 16–20% населения.

Рост ремесленного производства в городах и местечках, развитие торгово-денежных отношений постепенно увеличивали их роль как торговых центров, вокруг которых складывался свой локальный рынок, охватывающий ближайшую сельскую местность и связанный с другими подобными рынками, в результате чего создавались более крупные региональные экономические зоны. В пределах последних долгое время имели хождение самостоятельные денежные единицы местной или импортной чеканки (например, литовский денарий в западных районах Белоруссии, ливонская монета в Полоцкой и Витебской землях). Основу денежного хозяйства всего Великого княжества некоторое время составлял пражский грош, который был в XVI в. заменен в этой функции монетой собственной чеканки – литовским полуврогом монетного двора в Вильно (рис. 25) (Рябцевич, 1977. С. 89–97, 100–114). С этого времени намечаются тенденции складывания общегосударственного рынка, состоящего из ряда региональных и узколокальных. Растущие экономические, торгово-ремесленные связи укрепляли политическое единство раз-

личных государственных земель, что также способствовало целостности территории расселения белорусов (Анучин, 1920. С. 90–95).

Этнически неоднородным составом населения характеризовались в то время преимущественно западные районы края, которые представляли собой смешанные зоны балто-славянского населения, где проживали достаточно крупные периферийные и экстерриториальные группы литовцев (аукштайтов), латгалов и ятвягов (прежде всего полескиан).

Сложная этническая структура населения наблюдалась в северо-восточных, восточных и южных пограничных районах этнической территории белорусов, где совместно с ними проживали русские и украинцы. Политическая социально-экономическая и культурно-языковая интеграция в рамках одного государства в течение нескольких столетий способствовала созданию почти одинаковых условий этнокультурного развития соседних групп восточнославянских народов. Поэтому в широких контактных зонах белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья (на Псковщине, Смоленщине, Брянщине, Черниговщине, в Полесье) с древнейших времен существовал комплекс смешанных этнокультурных и лингвистических признаков, одни из которых тяготели больше к белорусам, другие – к русским или украинцам, третьи же были в территориально-этнографическом отношении специфическими (Этнаграфия беларусаў, 1985. С. 61–62).

В то же время ядро этнической территории белорусов, которое соответствовало в целом географии расселения древнейших кривичей, полочан, дреговичей и радимичей, представляло собой в XIV–XVI вв. уже достаточно моноэтническую зону. Присутствие на этой территории немногочисленных групп русского, украинского, летто-литовского, западнобалтского, еврейского, татарского и польского населения в целом не нарушало целостности и компактности расселения белорусов. Целостность этнической территории белорусов не нарушалась и существовавшим в то время административно-территориальным разделением государственных земель. Почти до середины XVI в. Великое княжество Литовское состояло из ряда отдельных автономных “земель” – Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской, Чернигово-Северской, Жмудской, которые в значительной степени сохраняли местную социально-политическую и правовую самостоятельность.

Непосредственно “землями” в границах современной Беларуси долгое время назывались Витебская и Полоцкая, которые в XVI в. были преобразованы в наместничества, а потом в воеводства. То же касается Минской и Смоленской “земель, которые также составили отдельные воеводства. Понеманские и поднепровские области входили в состав государства в качестве великокняжеских владений и в XVI в. были включены в состав Новгородского (Новогрудского) и Мстиславского воеводства. В Новгородское, Берестейское и Мстиславское воеводства вошел также ряд областей ранее образованных Виленского и Троцкого воеводств, Подляшского воеводства и отдельных княжеств – Кобринского, Туровского, Пинского, Слуцкого и Клецкого (Любавский, 1892. С. 5–62).

В зависимости от условий и времени вхождения различных белорусских (также и украинских) территорий в состав Великого княжества Литовского варьировался и их правовой статус. Многие земли и княжества смогли добиться сохранения “старин”, т.е. тех социально-политических прав, которые определяли их положение в предыдущий период. Сохранение восточнославянских политических, социальных и этнокультурных традиций было в XIV – первой половине XVI в. принципом политической деятельности правителей государства в отношении белорусских земель, что обычно закреплялось на правовом уровне в великокняжеских грамотах, привилегиях, уставах, где отмечалось, что “старини рухати” великие князья литовские не будут (Литовская метрика, 1910. Т. XXVII. С. 123, 549).

Рис. 25. Деньги и герб Великого княжества Литовского.

1 – полугрош, 1595 г., 2 – двояк, 1595 г., 3 – трояк, 1592 г., 4 – четвертак, 1569 г.,
5 – двойной денарий, 1570 г., 6 – герб (рисунок 1575 г.).

Фото П.Н. Захаренко

6

Рис. 25,6

Начиная с первой трети XVI в. в государстве стала намечаться тенденция политико-правовой централизации в отношении всех подвластных земель и населения. Это выразилось в выработке общегосударственных законов, записанных в своды Статутов Великого княжества Литовского (1529, 1566, 1588 гг.), которые доминировали над локальными земскими юридическими нормами. Действие Статутов распространялось также на все сословия и этнические группы (в одной из статей Статута 1588 г., например, отмечалось, что даже и "чужоземцы, заграничники... тым же правом мают быть сужоны...") (Статут..., 1989. Разд. I, арт. 1).

Статуты, как и большинство документов того времени, были написаны на так называемом "русском", или "руськом", языке, который был официально закреплен в качестве государственного (например, в Статуте 1588 г.: "писарь земьский маеть по-руску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы") (Статут..., 1989. Разд. IV, арт. 1).

Характерно также, что редакционные комиссии всех основных правовых документов, состоявшие из крупнейших магнатов государства, были представлены в равных частях как католиками, так и православными, что обеспечивало сохранение интересов основных конфессиональных групп населения. Народ Белоруссии уже в то время был поликонфессиональной общностью. По мнению М.Я. Гринблата, наиболее компактная зона католического населения размещалась в XIV – первой половине XVI в. по всей линии литовско-белорусского пограничья (*Гринблат*, 1968. С. 158–160). Распространение католицизма в Белоруссии (так же, как и в Аукштайтии) началось в конце XIV в. стараниями великого князя литовского Ягайлы (с 1386 г. короля Польши и основателя династии Ягеллонов – Владислава II) и затронуло главным образом языческое население государства. На собственно белорусских землях были построены в то время только два костела. Но наиболее распространенной религией было православие. Православные епископства края подчинялись митрополиту “Киевскому и всея Руси” (*Папуто, Флоря, Хорошкевич*, 1982. С. 145). До Люблинской межгосударственной унии 1569 г. отношения между православными и католиками были в целом толерантными. Известно, что около 23 княжеских и около 42 различных шляхетских родов Великого княжества Литовского еще в начале XVI в. придерживались православной веры. На заре образования государства православными были даже некоторые из великих князей литовских. В столице государства Вильне “русских” церквей было в то время больше, чем костелов, а православное население численно преобладало над католическим (*Гуанини*, 1916. Т. 3. С. 325–329; *Крачковский*, 1893. С. 3–4, 36–57).

В пользу католицизма конфессиональная ситуация на землях Белоруссии (так же, как и на Украине) начала изменяться главным образом после 1569 г., в период распространения на этих землях политики Контрреформации. Активизация политической деятельности католической церкви имела целью ограничить распространение протестантских движений (особенно кальвинизма, имевшего здесь популярность в среде шляхты и горожан), а также сепаратизма магнатов Великого княжества Литовского, недовольных польской политикой двора и великого князя литовского Жигмонта (Августа), который, заняв трон короля Польши, способствовал образованию нового объединенного государства – Речи Посполитой, где доминирующую роль играли польские феодалы и католическая церковь. В новом государстве феодальной верхушке Белоруссии и Литвы удалось отстоять многие права автономии Великого княжества Литовского (без земель Украины и Подляшья, которые были включены в польскую Корону). Сохранились, например, отдельные органы верховной власти, законодательства, собственные войска, финансы и даже таможенные посты на границе между землями Королевства и Великого княжества.

Несмотря на создание межгосударственного союза и провозглашение принципа “Королевство Польское и Великое княжество Литовское – одно целое... и один народ”, местные феодалы стремились ограничивать польское влияние на дела в Белоруссии и Литве. Этот лозунг впервые был провозглашен после первой, так называемой династической, унии между Великим княжеством Литовским и Польшей 1385 г., однако не имел реального осуществления до 1569 г., несмотря на поддержку со стороны польских королей Владислава-Ягайлы, позже – Казимира IV и др. (*Коллович*, 1864. С. 175). Законодательно (по Статуту 1588 г.) полякам запрещалось приобретать земли в Великом княжестве, а польским войскам возбранялись гарнизонный постой и передвижение на этих землях. Однако в целом с образованием Речи Посполитой политика окатоличивания и ополячивания населения края заметно активизировалась. В Белоруссию (также в Литву, на Украину) стали активно приглашаться католические монашеские ордена иезуитов, доминиканцев, францисканцев, кармелитов и др., расширилось строительство костелов,

секуляризировались и передавались католической церкви земли и зависимое население православных монастырей, церквей, кальвинистских "зборов" и общин. Многие из бывших православных феодалов, временно поменяв свое вероисповедание на протестантизм, уже в последней трети XVI в. перешли в лоно католической церкви и стали распространителями католицизма в среде подвластного им населения (*Подкошин*, 1970. С. 42–45).

Правящие круги Великого княжества Литовского периодически уравнивали в правах католическое, православное и протестантское население, чем демонстрировали свою государственно-правовую ответственность за предотвращение конфессиональных и национальных antagonизмов в государстве. Например, в Статут 1588 г. была включена статья о веротерпимости под заглавием "О захованью покою всех подданных наших обывателей того панства з стороны розного розумения и уживания набоженства христьянского" (принята ранее, на Варшавской конференции 1573 г.). Веротерпимость и свобода вероисповеданий были юридически санкционированы в интересах сохранения конфессионального и национального спокойствия в государстве, что и наблюдалось почти до конца XVI в.

В 1596 г. в Бересте (Бресте) была заключена уния церквей, согласно которой все православные конфессии Белоруссии, Украины и Литвы попали под власть понтифика римского и воспринимали определенные догматы католицизма. По мнению некоторых современников, уния должна была способствовать "покою посполитого люда межи разрозненными в вере и праве" (*Смотрицкий*, 1598. С. 16). Она допускала сохранение почти всех православных традиций и обрядов, но при этом предполагала признание ряда основных догматов веры католической церкви. Богослужение в униатских церквях предполагалось проводить на церковнославянском или на родном ("руском") языке.

Грамотой 1596 г. король Речи Посполитой даровал земельные и другие права униатским церквям и монастырям. Допускалась определенная автономия униатской церкви, во главе ее оставался митрополит "Киевский и всея Руси" (История Русской церкви, 1902. С. 238–244; *Бантыш-Каменский*, 1866. С. 45–49).

Однако, несмотря на определенные уступки и привилегии, православное население в большинстве своем не признавало унию. Против нее протестовали многочисленные делегации православных от вельмож и шляхты, городов и местечек и даже от свободного сельского населения. Наиболее ярко конфессиональные противоречия выразились в ряде городских и крестьянско-казацких восстаний конца XVI – начала XVII в., которые охватили значительные части Украины и Белоруссии. До нас дошли сведения летописцев о том, что между восставшими и правительственными войсками "была бойка великая, вельми страшная" (Баркулабовская летопись, 1908. С. 17).

Более терпимой и легальной формой сопротивления прокатолической и проуниатской политике властей являлась организация религиозных "братств", которые играли роль своего рода этноконфессионального интегратора значительной части "русского" (православного) населения городов Белоруссии, Литвы, Украины. В Белоруссии такие братства были организованы в Полоцке, Витебске, Могилеве, Менске (Минске), Бересте, Слуцке, Городне (Гродно), Орше, Шклове, Мстиславле, Кричеве и др. Многие из них получили права на содержание "шпиталей" (больниц), школ и училищ, типографий, имели так называемые ставропигии (освобождение от епископской власти). Братства поддерживали тесные связи между собой, а также с львовским, киевским, виленским братствами. Последнее, организованное при Виленском Святодуховом монастыре, было даже долгое время "патрональным" для большинства православных братств Белоруссии.

Аналогичные, довольно эффективные религиозные объединения городского населения начали возникать и в рамках униатской церкви. При униатских братст-

вах также создавались школы, больницы, приюты и другие благотворительные заведения (Коллович, 1859. С. 65–68). Как православные, так и униатские братства имели значительную поддержку со стороны состоятельных единоверцев – магнатов, шляхты, зажиточных горожан и в целом играли существенную роль в организации благотворительной деятельности и в развитии образования, культуры, книгопечатания в Белоруссии.

Таким образом, уже в начальный период своего формирования и развития белорусский народ представлял собой поликонфессиональную общность, в рамках которой были распространены несколько христианских религий – православие, католицизм, протестантизм (преимущественно кальвинизм, частично лютеранство и др.) и униатство. Последнее из этих направлений христианской веры, организационно оформившись в конце XVI в., постепенно набирало силу и количественно увеличивалось в Белоруссии за счет православного населения. Различия в конфессиональной принадлежности разделяли весь демографический массив белорусской народности на ряд этноконфессиональных групп, которые в некоторой степени различались рядом элементов культуры, быта, самосознания и даже частично языка (католики, например шляхта, горожане, часто пользовались в общении между собой своеобразным местным вариантом польского языка).

Несмотря на то что в целом этнические процессы того времени характеризовались объединительной тенденцией, географические и социальные ареалы их действия были весьма вариативными и колебались от локальной консолидации жителей ряда сел в своеобразную этнографическую единицу до объединений общегосударственного масштаба, в которых наблюдались черты межэтнической интеграции в материальной и духовной культуре, быту и т.д.

Одним из наиболее узких масштабов действия интеграционных этнических процессов характеризовались сельские и волостные крестьянские общины, совокупность которых охватывала в то время подавляющее большинство (до 75–80%) всего населения Белоруссии. Сельские (соседские) общины объединяли жителей крупных сел и вместе с населением мелких крестьянских поселений составляли волостные (территориальные) общины. Волость представляла собой наиболее мелкую соседско-территориальную единицу государственной, фискальной и хозяйственной организации населения.

Волостные общины обладали значительными правами самоуправляющихся территориально-хозяйственных единиц, в которых происходило перераспределение земель, определялись подымные и общедеревенские размеры феодальных повинностей и работ, решались все спорные и криминальные вопросы крестьянского быта. Каждая волость имела также земли и угодья общего пользования (леса, луга, выгоны, сенокосы, реки, озера, пруды и т.д.).

На уровне самосознания население волостей было объединено общим этниконом (локальным самоназванием), производимым от названия центрального поселения, – “заводочане”, “лучане”, “крычане” (жители других волостей именовались “чужеволостьцы” или соответствующими волостными названиями) (Полоцкая ревизия..., 1906. С. 7–8, 53). По таким этническим признакам, как язык, традиционная материальная и духовная культура, население волостей характеризовалось значительной степенью однородности, а зачастую и этнографического своеобразия, что было зафиксировано этнографами в некоторых областях Белоруссии (например, в Полесье) еще в начале XX в. (Сербов, 1915. С. 1–20). Сельские волостные общины группировались в административно-территориальном, хозяйственном и культурном отношении вокруг городов и местечек в границах отдельных поветов, княжеств, воеводств в так называемые землячества. Общие самоназвания населения повета, княжества, воеводства было также производным от урбонима центрального поселения (города или местечка) – “мозыряне”, “речичане”, “оршан-

цы", "слонимцы", "случане" и др. В некоторых случаях, когда в документах проводилось разграничение населения на мещан (горожан) и волошан (селян), первых из них называли просто, например, "пиняне", а вторых – "люди пинские", "берестяне" и "люди берестейские" или "мещане и волошане полоцкие..." (Литовская метрика..., 1910. Т. 1. С. 128, 129, 348, 728).

Земляческие самоназвания были весьма устойчивы и в иноэтническом окружении часто преобразовывались в своеобразные прозвища. Так, на Украине выходцев из Белоруссии часто называли прозвищем, производным от предшествовавшего места проживания, – "случанин", "мозырянин", "пинчук", "туровец", "бобруйко" и др.

Из всех земляческих этниконов наиболее репрезентативными были самоназвания жителей крупнейших в то или предшествовавшее время территориально-политических единиц – княжеств и земель-княжений ("полочане", "витебляне", "мстиславцы", "случане", "берестяне", "пиняне", "туровцы", "меняне"). Характерно, что они (а также аналогичные – "кияне", "бранцы", "смаляне", "валыняне") в документах XIV–XV вв. часто перечислялись в качестве равных понятий в одном ряду с такими названиями, как "татары", "ляхи" (поляки), "немцы", "чехи", "влохи" (романы), "латыголь" (латыши), "угры" (венгры) и др. (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 44–49, 58, 62, 93, 122, 124, 150, 181). Коренное население почти всех крупных землячеств Белоруссии того и более позднего времени чаще всего характеризовалось общим диалектом языка, специфическими этнографическими особенностями в организации быта, материальной и духовной культуры.

Земляческие объединения ряда крупных регионов Белоруссии по многим этническим признакам рождались между собой общностью этногенетического происхождения и особенностями исторических судеб населения. Это отразилось на одновременном существовании в Белоруссии эпохи феодализма таких историко-географических и этнонимических понятий, как "Русь" и "русины" или "руськие", "Полесье" и "полешуки", "Литва" и "литвины".

"Руськими" или "руськими" землями и волостями в документах XIV–XVI вв. чаще всего назывались восточные районы Белоруссии с центрами в Могилеве, Пропойске (Славгороде), Мозыре, Борисове, Кричеве, Бобруйске, Речице, Витебске, Полоцке, Орше, Брагине. Эти земли были преимущественно моноэтническими и заселенными православными жителями. Характерно, что именно здесь несколько позже закрепляются региональные названия "Белая Русь" и "белорусцы" (Беларускі архіў, 1927. Т. 1. С. 3; Русско-белорусские связи, 1963. С. 82, 93, 95, 103, 110–114).

Топоним "Полесье" локализовался, судя по многочисленным документам XIII–XVII вв., в бассейне р. Припять и в ряде смежных земель (Берестейской, части Волынской, Киевской, Подляшской) (Полесье, 1988. С. 28–39). В некоторых источниках части этих земель назывались также "Черной Русью", а их население – "чернорусами". Однако наиболее типичными здесь были названия "русины", "руськие", "литвины" и локальные этниконы типа "берестяне", "туровцы", "пиняне" (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 75–78; Улащик, 1982. С. 238–239). С конца XVI–XVII в. здесь начинает фиксироваться и характерное региональное название "полешуки" (варианты – "палешуки", "польщуки", "полишуки"). Западные районы Полесья – Подляшская и Люблинская земли – назывались "Подлясьем", а жители – "подлясане" или "полясане". Этнический состав населения Полесья был весьма пестрым и своеобразным. Здесь проживали различные по численности группы западнславянского (мазуры-мазовшане) и западнбалтского (главным образом потомки полекшан-ятвягов) населения. Значительные массивы полесского населения не имели четко выраженной этнической ориентации и по одним языковым и этнографическим признакам сближались с жителями смежных белорусских обла-

тей, а по другим – тяготели к соседним группам украинцев. Кроме того, по ряду этнографических и языковых особенностей население Полесья характеризовалось специфическим, зачастую архаическим своеобразием, не имевшим аналогов в ближайшем как восточно- и западнославянском, так и балтском окружении (Полессе, 1988. С. 28–39, 72–93).

Полиэтническим составом населения характеризовались в то время и "литовские волости" Белоруссии. "Литвой" документы XIV–XVI вв. устойчиво называют ряд западных районов Белоруссии, исторически связанных с первоначальной (XI–XII вв.) локализацией данного топонима в междуречье Немана и Вилики, а также области, вошедшие в Великое княжество Литовское в качестве "отчин" и "дедичин" великих князей в XIII–XIV вв. (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 73–74, 92–94). В целом историко-географическое название "Литва" охватывало в Белоруссии значительную территорию – от городов и местечек Браслав, Поставы, Криво, Ошмяны, Лида, Мосты, Волковыск, Косово, Пружаны (на западе) до верхнего течения р. Березины, Борисова, Минска, Слуцка, Клецка, Ляхович, Березы (на востоке).

В историко-географическом аспекте название "Литва" противопоставлялось топонимам "Русь" (позже – "Белая Русь"), "Полесье", "Подлясье", "Волинь", "Жмудь" ("Жемайтня"), однако включало большинство из них в государственно-политическом аспекте, когда земли Великого княжества Литовского назывались (особенно соседями) Литвой. Смешанность этнического состава населения и этнографическая специфика ряда областей всего историко-географического региона Литвы обусловили продолжительное бытование в ее пределах локальных топонимов "Литва Повилейская", "Литва Завилейская", "Черная Русь" и "Аукштайтня", а также раздельных этнонимических понятий: для белорусоязычных групп – "литвины", "гудасы", "гудай", "чернорусы" (редко), а для балтоязычных – "аукштайты", "литва", "бортяки", "жигуны", "судавы". Православное восточнославянское, реже балтское население называлось также "русинами", "руськими" или составным определением типа "литвины руському роду", "литвины русской веры", "литвины греческого закону люди" и др. (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 76–78). Несколько позже (в конце XVI–XVII в.) возникло и распространилось аналогичное название "литвины белорусцы" (варианты – "литвины белорусы", "литовские белорусы"). В то же время соседи – русские, украинцы, поляки называли всех жителей Литвы, Полесья, Белой Руси, Аукштайтни "литвинами", чем подчеркивали прежде всего их государственно-политическую принадлежность (Русско-белорусские связи, 1963. С. 94, 95, 103, 114, 222; *Потембня*, 1891. С. 118–119).

В конце XVI–XVII в., судя по многочисленным данным, "литвинами" себя осознавали представители различных социальных групп Белоруссии, включая самые многочисленные категории населения – горожан и крестьянство, в среде которых политическое самоопределение часто дополнялось земляческим (типа "родом он литвин белорусец Оршанского повесту") (Русско-белорусские связи, 1963. С. 111). Наиболее стабильно понятие "литвины" было распространено у представителей высших феодальных слоев общества, где на его основе формировалось государственно-сословное самоназвание, манифестационно выраженное в равенстве понятий "шляхта–народ–государство".

Идеологические (концепция сарматизма), юридико-правовые (шляхетские золотые волиницы) и культурно-бытовые (панибратство, кумпанство) условия и нормы жизни высшего сословия Белоруссии, а также Литвы, Украины и Польши в XV–XVII вв. были ориентированы на складывание отдельной сословно-политической общности – "шляхетского народа", основной социальной опоры феодального строя и государственности того времени (рис. 26).

Рис. 26. Печати государственных и общественных деятелей Великого княжества Литовского XVI в.

1 – королевы Бонны, жены Сигизмунда I Старого, 2 – Ф. Достоевского, подстаросты и городничего Пинского, 3 – Ф. Ендосовского, новогрудского воеводы, общественного деятеля, писателя, 4 – Федора Ярославича, князя Пинского, 5 – Юрия Ильича, "Графа на Мирях", 6 – М. Радзивилла, канцлера княжества, 7 – Я. Глебовича, канцлера Минского, 8 – Ю. Алельковича, князя Слуцкого и Копыльского

В то же время шляхта Великого княжества Литовского (прежде всего Литвы и Белоруссии), отстаивая свои местные интересы и противодействуя польскому влиянию, предпочитала совмещать принципы пришедшего из Польши сарматизма с собственными концепциями независимого происхождения и развития (римско-латинская генеалогия литовских князей, варяжская – потомков дома Рюриковичей и "Рогволодовых внуков") (Улащик, 1985. С. 130–169).

Внутренняя структура шляхетского сословия была весьма дифференцированной – от безземельной и малоземельной ("галота", "щерацкая", "огородная", "застенковая"), быт которой часто мало чем отличался от условий жизни зажиточных мещан и крестьян, до магнатов ("панов", "князей"), в руках которых иногда была сосредоточена почти великокняжеская власть. Промежуточное положение занимали внутрисословные категории "земян", панов-бояр-шляхты и военнотрудовые группы "рыцарей" и "бояр банцирных". Обедневшие боярские семьи составляли отдельную группу "бояр служек" и "путных бояр" (Юргинис, 1978. С. 130–140; Gloger, 1978, T. 4. S. 317–328).

Особое положение занимала сословная верхушка белорусских и литовских татар – "шляхта мусульманс", которая имела некоторые особенные права, но была ограничена в других (нельзя было, например, жениться на христианках, иметь крепостных крестьян христианской веры и т.д.). Основные обязанности их – военная, охранная, курьерская и почтовая служба (Мухлинский, 1857. С. 45–49). Постепенно, в течение XV–XVI вв. законодательно было закреплено юридическое равенство прав всей шляхты и магнатов, однако фактического равенства не было. Зажиточные магнаты "покупали" голоса шляхты для проведения своих решений на "соймах" (сеймах), где рассматривались вопросы государственного значения, нанимали мелкую и среднюю шляхту для службы при своем дворе или в войске, могли и наказывать (с соблюдением, однако, определенных шляхетских ритуалов) (Пичета, 1961. С. 527–529; Любавский, 1900. С. 68, 91, 154).

Периодически возникало и определенное неравенство в правах католической и православной (также протестантской, униатской) шляхты, правда, центральная власть всегда уравнивала эти права, когда обострялся какой-либо межконфессиональный конфликт. В целом же историческая судьба шляхетского сословия Белоруссии была направлена на его постепенную полонизацию, хотя еще и в начале XX в. существовали значительные группы мелкой и средней шляхты, в которых сохранялись традиционные этнографические и этнические (полесские, белорусские, литвинские или татарские) особенности.

В городах и местечках Белоруссии процессы сословной организации населения определялись своими специфическими особенностями. Для этого времени в целом был характерен рост количества городских поселений, а также и сословия горожан. Последние уже к концу XVI – началу XVII в. составляли до 16–20% всего населения Белоруссии. Социально-экономическое и правовое положение городов и местечек было разным. Существовали частновладельческие, великокняжеские (позже королевские) города. Многие из них пользовались так называемым Майдеборским (Магдебургским) правом, согласно которому оседлое городское население (собственно мещичи, мещане) было организовано в своеобразные городские общины со своими органами независимого самоуправления – "радами" (магистратами), судами, правами и привилегиями, которые давались на определенный срок и периодически подтверждались великокняжеской (королевской) или частновладельческой властью.

По мере социально-экономического развития увеличивалось и имущественное, правовое и сословное размежевание городского населения на ремесленников ("майстров", "вучней", "подмайстров", "цехмайстров"), купцов, мещан-земледельцев, "кутников", "портачей", "просолов" (также занимались ремеслом и торговлей,

но не входили в цеховые объединения), слуг, "наймитов" (наемных рабочих), "плебанеев" (бедняков), "лезных", "гультьев" (нищих). Военнослуживые слои городского населения состояли из земян, панцирных бояр, шляхты. К отдельным категориям относились духовенство и аристократы. Последние владели значительным количеством пригородных земель и угодий, городскими домами и их населением, кварталами ("юридиками"), которые часто не попадали под управление городского магистрата. Из среды городской аристократии чаще всего выбирались "войты" (старшие должностные лица рад). Зажиточные мещане избирались на ответственные посты более низкого ранга – бурмистров, радцев, лавников (членов городского суда) и др. (Копыцкий, 1966. С. 31–41, 57–71; 1975. С. 21–54, 78–116, 141–156).

По конфессиональному принципу население городов и местечек Белоруссии объединялось в самостоятельные религиозные общины (с XVI в. еще и в братства) со своими церквями, костелами, "зборами" (кирхами), синагогами, мечетями, клиром, старостами, нередко "шпиталими" (больницами), школами, приютами, кладбищами. Для многих городов Белоруссии было характерно разделение на "русские" и "латинские", "татарские" и "еврейские" кварталы, посады, части. Представители некоренной национальности (поляки, евреи, татары, латыши, русские, украинцы, литовцы, карaimы, немцы, цыгане) составляли в городах и местечках в то время от 20 до 30% населения. Наиболее пестрый этнический состав жителей наблюдался в городах западных и центральных районов Белоруссии (Этнаграфия Беларусі, 1989. С. 61).

Словно-социальная организация основной массы населения – крестьянства осуществлялась в зависимости от правового и имущественного положения различных групп сельских жителей. Крестьяне разделялись прежде всего на частновладельческих и государственных. Внутри этих групп существовало несколько категорий: "данники", "слободичи", "отчичи", "закупы", "холопы", "челядь невольная" и др.; каждая из них имела различные права (Личета, 1961. С. 21–43, 61–93, 101–121; Леонтович, 1897. С. 77–78; Довнар-Запольский. Очерки..., 1905. С. 44–58).

До периода активного закрепощения крестьян (середина XVI в) одну из самых многочисленных прослоек крестьянства составляли "данники", которые жили преимущественно на великокняжеских землях и были организованы в сельские общины. Другая многочисленная категория – "слободичей" и "вольников" – пользовалась землей по контракту, заключенному землевладельцами на определенный срок на великокняжеских землях, которые обрабатывали за "даннину", при этом луга, ляды, водоемы, выгоны, сенокосы имели в общинном пользовании.

Категория "отчичи" была уже в XV–XVI вв. прикреплена к земле, однако с разрешения своего феодала и за определенную плату могла покидать его земли. Основной их повинностью была барщина "сохой, косой и топором". В категорию "закупов" сельское население попадало за невыплату долгов, в результате чего временно становилось закрепощенным (хотя по закону считалось свободным). Полностью в бесправном, крепостном состоянии были в то время немногочисленные прослойки "холопов" и мелких преступников. Потомки челяди невольной и "холопов" наследовали бесправное положение родителей и не могли стать свободными. В XVI в. в Великом княжестве Литовском начали осуществляться аграрные преобразования, основной целью которых было увеличение рентабельности государственных (великокняжеских) и подвластных крестьянских хозяйств за счет перераспределения старопахотных земель и освоения новых, введения обязательной культуры трехпольного севооборота и развития сельских поселений, упорядочивания системы налогообложения и феодальных повинностей. Аграрные реформы (в том числе Волоочная помера – "Устава на волоки") обусло-

вили усиление феодальной зависимости белорусского крестьянства от землевладельцев и разрушили экономические основы существования соседских и волостных общин, изменили сословно-социальную организацию сельского населения (*Пичета, 1917. С. 160–169*).

Первоначально в великокняжеских хозяйствах ("экономиях", "староставах", "державствах"), а позже и в частновладельческих поместьях все подвластные крестьяне были разделены на категории "служебных", "осадных" и "тяглых". Первая категория включала относительно свободное сельское население, занятое "по службе" некоторыми промысловыми работами и охраной феодальных угодий ("бортники", "полазники", "осочники", "стрельцы", "бояре служки", "бояре путные"). За свою службу они получали значительное количество земли, которую часто сдавали во временное пользование или обрабатывали наемной рабочей силой. "Осадные" крестьяне были прикреплены к земле, но имели некоторые льготы по выполнению феодальных повинностей и облагались относительно легкой "даниной". Полностью в бесправном положении находились "тяглые" крестьяне, которые были, по сути дела, крепостными.

Сословно-классовая дифференциация феодального общества Белоруссии того времени, конфессиональные различия и географические особенности среды обитания отразились на всей совокупности общих и особенных черт культуры белорусской народности. Основой культуры народа того времени послужили древние и традиционные культурные пласты, наследованные от предыдущих эпох и поколений. В то же время под влиянием новых исторических условий жизни в культуре белорусов возникает множество новых элементов, явлений и тенденций как местного происхождения, так и заимствованных от соседей или из общеевропейского культурного фонда того времени. Наибольшее количество культурных новаций появляется в конце XV–XVI в., когда Белоруссия начинает активно приобщаться к европейским тенденциям развития культуры.

С конца XV в. наблюдаются заметное оживление педагогической деятельности и широкое распространение письменности (особенно в городской среде). Характерной особенностью школьного образования того времени была его связь с религией и церковно-клерикальной системой. В школах в обязательном порядке практиковались молитвы, заучивание Закона Божьего и теологических основ веры, а из светских предметов – грамматика, арифметика, геометрия, реже – астрономия, диалектика, риторика, философия, языки. По направленности и характеру обучения выделялись несколько типов школ (католические, реформационные, братские, православные, с конца XVI в. еще и униатские).

Отдельные представители городских сословий, включая зажиточные мещанские семьи, имели возможность обучать своих детей в высших учебных заведениях Европы. Выходцы из Белоруссии получали высшее образование в университетах Кракова, Праги, Вены, Кенигсберга, Гейдельберга, Падуи, Болоньи и др., причем значительной частью всех белорусских студентов были выходцы из мещанского сословия (*Дорошкевич, 1979. С. 37–46, 48*). Европейские университеты были источниками передовых идей того времени (гуситских, ренессансных, реформационных и др.). Выходцы из Белоруссии, получившие европейское образование, оказали значительное влияние на становление всей (и особенно городской) культуры белорусов. Яркий пример этому – жизнь и творческая деятельность белорусского первопечатника и гуманиста, выходца из мещанского сословия г. Полоцка доктора Франциска Скорины.

Синтез западноевропейских и местных тенденций и традиций общественного развития был характерен для всей сферы духовной культуры белорусов в XVI – первой половине XVII в., что особенно отразилось на культуре городов. Так, в литературу Белоруссия, начиная с XVI в., активно проникают идеи реформации

Рис. 27. Франциск Скорина, доктор медицины, первопечатник, общественный деятель. Гравюра-портрет из Библии 1517 г.

Рис. 28. Василий Тяпинский, общественный деятель, издатель. Ксилография 1576 г.

и гуманизма, характерные для творчества Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского, М. Литвина и др. (рис. 27, 28). Эстетика Ренессанса, выразившаяся в произведениях Н. Гусовского, Я. Вислицкого, А. Рымши, П. Беринды, Л. Зизания, К. Пентковского и др., способствовала развитию в литературе реалистических тенденций. Западноευропейская образованность обусловила появление местной литературы на латинском языке ("Прусская война" Я. Вислицкого, "Песня о зубре" Н. Гусовского), увеличение переводных изданий письменности других народов на белорусский язык ("Хроника" М. Стрыйковского, переводные произведения "Александрия", "Повесть о Трое" и др.). В этот период белорусско-литовское летописание отошло от общерусских летописных сводов и начало наполняться местным историческим, общественно-политическим материалом ("Летописец великих князей литовских", "Хроника Великого княжества Литовского"). Некоторые летописные произведения ("Хроника Быховца"), "Боркoлабовская летопись" начинают представлять быт широких слоев населения Белоруссии того времени. С обострением в конце XVI в. борьбы православных с католиками возникает полемическая религиозно-политическая публицистика (С. Зизаний, М. Смотрицкий, Л. Карпович, А. Фидиппович). Новым жанром в белорусской литературе явилась политическая сатира ("Прамова Мялешки", "Лист да Абуховича" и др.).

Начатое в первой трети XVI в. Ф. Скориной книгопечатание (рис. 29) на языке, близком к национальному, продолжалось в Белоруссии во второй половине XVI – начале XVII в. трудами М. Кавечинского, В. Тяпинского, П. Мстиславца, печатниками топографий Бреста, Заблудова, Лоска, Евья, Могилева, Кутейнского монастыря (под Оршей) (Книга Беларусі, 1986. С. 37–120). Собрания книг и крупные библиотеки были сосредоточены в то время главным образом в монастырях,

Рис. 29. Титульный лист Библии Ф. Скорины из книги "Бытие"
(текст напечатан киноварью – красным).
Фото П.Н. Захаренко

Рис. 30. Чаша (потир). Серебро позолоченное. Работа новгородских мастеров XVI в.

Фото П.Н. Захаренко

при религиозных братствах, коллегиумах, у отдельных представителей знатных сословий, реже — в семьях средней и мелкой шляхты, зажиточного мещанства. В это же время среди белорусских магнатов распространяется мода на меценатство. В частных коллекциях Радзивиллов, Сапег, Воловичей, Корсаковичей, Глебовичей, Немировичей, Пацов, Кишок, Ходкевичей, Вишневецких, Сварских и др. собираются картины, книги, скульптуры, предметы декоративно-прикладного искусства из Польши, Венгрии, Германии, Италии, Турции. Возникает и распространяется в Белоруссии новая для того времени архитектура дворцов, замков, церквей, костелов в стиле готики, барокко и др. (Кревский, Лидский, Новгородский, Мирский замки), строятся культовые сооружения оборонительного типа в Сынковичах, Мало-Можейкове,

Заславле и др. Складывается самобытная белорусская иконописная школа, получают развитие относительно новые виды искусства: графика, гравюра, органная музыка, кантовое пение, художественное стеклоделие, витражное и шпалерное дело (рис. 30). На XVI в. приходится развитие своеобразной культовой деревянной скульптуры и резьбы по дереву ("пламенеющая", "ажурная", "сквозная" резьба белорусских мастеров получает широкое распространение даже за пределами Белоруссии, например в России).

Духовная культура белорусов того времени во многом была связана с церковью и религией. Распространение в Белоруссии нескольких направлений христианства с различным культом святых, днями празднования религиозных "свят" обусловили определенный синкретизм этой сферы культуры и общественной жизни, что особенно ярко проявилось в городах и областях с поликонфессиональным населением.

Интеграция духовной культуры населения Белоруссии в это время была связана со светскими явлениями общественной жизни. В системе организации праздников это выражалось в торжествах по случаю приезда или проезда великого князя, короля, вельмож, иноземных послов, организации сессий поветовых соймов и других собраний шляхты и магнатов, династических событий (выборы королей, коронации, браки и т.д.). Праздничным образом проводились и большие ярмарки (кирмаши) по несколько раз в год — обычно в дни определенных святых.

На поликонфессиональной основе устраивались и праздники в честь святых покровителей цехов и т.д. Общегородские праздники и торжества проходили при участии горожан всех вероисповеданий, социальных групп и профессий. Организовывались они магистратами, а также местными властями, представлявшими коро-

левскую администрацию или отдельного феодала. Особо торжественные церемонии сопровождалась карнавалами и театрализованными выступлениями.

Всякого рода развлекательные мероприятия с участием профессиональных или полупрофессиональных артистов (волоочеников, "лялешников") организовывались почти на любой праздник. Соединением общехристианских норм морали и народных элементов этики характеризовались в то время представления *батлейк* – ранних форм народного кукольного театра ("батлейки"). Историки белорусского театра считают, что наибольшее распространение батлейка получила с проникновением в Белоруссию католических монашеских орденов в XVI в., которые приносили хорошо организованную систему театрализации церковных обрядов (Гісторыя беларускага тэатра, 1981. С. 97–99, 130–136).

Среди других видов относительно массовых театрализованных представлений того времени, особенно в городской среде, следует отметить *школьный театр*, возникновение которого в Белоруссии было аналогичным возникновению батлейки. Репертуар постановок был связан с религиозными воззрениями и этикой. В то же время существовали и другие виды театрализованных представлений, которые были более демократичными и не несли в себе религиозных элементов. К ним относились, например, *медвежьи забавы*, сводившиеся ко всякого рода "штучкам", которые проделывали дрессированные медведи и поводыри. В целом древние и новые пласты праздничной карнавальной культуры генетически связывали зрелищную обрядность и фольклор белорусского народа того времени как с культурой предшествовавших эпох, так и с синхронными культурами других европейских народов.

Общее довольно органическое соединение традиционных и новых явлений и тенденций в политической, экономической и общественной жизни, в культуре и быте населения Белоруссии было для XIV – первой половины XVII в. довольно уникальным и характеризовало этот период истории народа как один из самых благоприятных для этнического формирования и развития.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В XVII–XVIII вв.

В процессе формирования и развития белорусского народа наиболее сложным и тяжелым оказался период XVII–XVIII вв. Внутриэтническая консолидация коренного населения белорусских земель в это время была приостановлена рядом внешне- и внутривнутриполитических факторов, которые оказали также крайне негативное воздействие на социально-экономическое, политическое и этнокультурное положение белорусов. Русско-польские войны 1632–1634 и 1654–1667 гг., Северная война 1700–1721 гг., многочисленные военные конфликты между магнатами из-за власти в государстве, межконфессиональная вражда и национальные столкновения привели к общему кризису во всей Речи Посполитой, в том числе и в Белоруссии, земли которой были ареной почти непрерывных военных действий.

Войны и кризис вызвали резкое сокращение численности населения Белоруссии. Так, если в 1650 г. на белорусских землях проживало около 2876 тыс. человек, то за период войны 1654–1667 гг. население сократилось до 1352 тыс. человек. К 1690 г. число жителей при средних темпах прироста 1,8% в год возросло до 1904 тыс. человек, но за годы Северной войны опять сократилось более чем на 30% (в 1717 г. было 1457 тыс. человек). К концу XVIII в. число жителей белорусских земель так и не превысило уровень 1650 г. и составляло в 1795 г. около

2,6 млн человек (Карпачев, Козловский, 1972. С. 86–92; Morzy, 1965. S. 214–216. Tab. 23).

Сокращение численности населения в ряде регионов края было связано также с массовыми переселениями жителей из областей военных действий в другие районы Белоруссии, а также с миграциями за ее пределы. Наиболее активно миграции осуществлялись в пограничных – северо-восточных, восточных и южных районах, однако в целом затрагивали также центральные и западные земли Белоруссии. В периоды русско-польских войн часть населения белорусского Поднепровья силой или добровольно была переселена в различные области России и в появившие под ее юрисдикцию земли Левобережной Украины. В это же время и позже выходцы из Белоруссии стали активно пополнять ряды запорожского казачества. В.О. Ключевский отмечал, что в казачьих реестровых списках второй половины XVII в. были зафиксированы выходцы из 74 городов и местечек Белоруссии и Литвы (Ключевский, 1975. Т. 3. С. 111), и даже из таких далеких от Украины, как Полоцк, Витебск, Вильно и др.

В конце XVII–XVIII в. наметился процесс обратных миграций, когда группы белорусского населения начали возвращаться в Белоруссию из пограничных областей России и Украины. Расселение их осуществлялось местными властями и заинтересованными в дополнительных рабочих руках магнатами на свободных или заброшенных ранее пахотных землях и на льготных условиях. После завершения Северной войны аналогичные процессы осуществлялись в наиболее пострадавших от шведского нашествия западных и южных землях Белоруссии. В процесс миграции, который частично восполнил демографический массив белорусских земель, кроме белорусов, включались в это время и представители некоторых других народов, например еврейского и русского (старообрядцы).

Количественные и качественные изменения этносоциальной структуры феодального общества Белоруссии XVII–XVIII вв. в значительной степени отразились на этноисторическом бытии белорусов, на их языке, культуре, самосознании и других характерных признаках народа. Изменения в той или иной степени затронули почти все сословные категории, но более всего – господствующие феодальные круги (магнатов, шляхту) и население городов и местечек (мещан). Так, шляхетское сословие Белоруссии, ориентируясь на польскую шляхту и не желая ни в чем ей уступать, было на протяжении XVII–XVIII вв. почти полностью полонизировано. Белорусская шляхта совместно с польской, украинской и литовской начала составлять своеобразную сословную полиэтническую общность Речи Посполитой. Основной этой общности являлись единые компоненты формального равенства прав, "сарматской" идеологии, польского языка, конфессиональной принадлежности и сословного самосознания.

Полонизация частично затронула и католические круги мещанского населения городов и местечек. Кроме того, мещанское сословие значительно пополнилось за счет еврейских переселенцев, число которых начало составлять в городах до 30–40%, а в местечках – до 50–60% населения.

В городах и местечках Белоруссии этого времени усиливается кризис системы магдебургского самоуправления. Постепенно за счет увеличения и усиления "юридик" (частновладельческих частей города) сокращается количество жителей, подчинявшихся управлению магистратов – "рад". В периоды экономического подъема городов и местечек начинает расширяться товарное производство на рынок в результате накопления торгового капитала в руках зажиточных мещан и феодалов, а также увеличения процента наемных рабочих, что в целом способствовало развитию первоначальных форм капиталистического производства. К концу XVIII в. увеличивается количество предприятий с наемными работниками, труд которых обеспечивал работу мануфактур по производству сукна, полотна, изделий

из стекла, по обработке железа и т.д. Нанимали специалистов-мастеров и из-за границы (Польша, Пруссия и других стран). В целом города и местечки становятся к концу XVIII в. весьма пестрыми в этническом отношении, и белорусы перестают составлять там подавляющее большинство жителей.

Еще одна особенность жизни белорусских городов и местечек этого периода заключалась в увеличении (особенно в послевоенные годы второй половины XVII в. и второй трети XVIII в.) процента нищих ("жабраков", "гультаев", "лѣзных") в общем количестве городского населения. Снижение среднего уровня зажиточности горожан в эти периоды отражалось на увеличении имущественной дифференциации. В цеховых объединениях, например, руководящее положение наиболее богатой группы ремесленных старшин (цехмайстров, майстров) давало им возможность усиливать эксплуатацию "подмайстров", "челядников", "учней" (учеников), которые находились в постоянной оппозиции к цеховой верхушке. К концу XVIII в. в системе организации цехов наметились существенные изменения, которые проявились в сокращении их количества, численности входивших в них ремесленников и падении монополии цехового производства, что было связано как с организацией новых, конкурирующих ремесленных "братств", так и с возникновением новых форм производства мануфактурного типа и с работой по найму.

В XVII–XVIII вв. произошли некоторые изменения в социальной жизни и белорусского крестьянства, которое в зависимости от правового и имущественного положения подразделялось на несколько основных категорий (тяглых крестьян, чиншевых и слуг). Главной обязанностью наиболее массовой и бесправной категории тяглых крестьян была барщина. Чиншевые крестьяне были более свободными и за пользование барской или королевской землей платили главным образом денежный оброк (чинш). Крестьяне-слуги занимались промыслами, продукция которых шла на потребности двора феодалов или на продажу.

В 70–80-е годы XVII в. и в 20–30-е годы XVIII в. периодически увеличивалось количество крестьян "слободичей" и "осадников", которые селились на свободные или же опустошенные земли небольшими поселениями (с характерными названиями "воли", "вули", "слободы") на выгодных условиях и по договору с феодалом. Однако по мере восстановления хозяйства их правовая зависимость от феодалов увеличивалась. По окончании действия договора они чаще всего попадали в полную зависимость от землевладельца либо переводились на денежный чинш.

В связи с сокращением или полной ликвидацией фольварочной формы хозяйства крестьяне крупных королевских владений также переводились с отработочной ренты на денежную, т.е. из тяглых в чиншевые (или оброчно-чиншевые). Первоначально этот процесс проходил преимущественно в западных областях Белоруссии и не касался частновладельческих и церковных крестьян. Однако позже он охватывал различные феодальные хозяйства, включая королевские экономии, староства, державства, крупные частновладельческие и церковные хозяйства. Крестьяне стали работать на рынок, выплачивая землевладельцу денежный чинш (частично также товарный оброк), оставляя часть дохода себе. Однако, несмотря на общее увеличение численности относительно свободных чиншевых крестьян, основную массу сельского населения продолжали составлять почти полностью закрепощенные тяглые крестьяне, работавшие на белорусских землях (Похилевич, 1957. С. 128–138; Мелешко, 1975. С. 177–195). В сельской среде становление рыночных товарно-денежных отношений шло гораздо медленнее, чем в городах и местечках.

Территориальная организация белорусского населения XVII–XVIII вв. в основных чертах сохранялась без существенных перемен. Несмотря на изменения в численности населения и на массовые миграции, расселение белорусов оставалось компактным, а целостность их этнической территории (так же, как и литовцев)

обеспечивалась сохранением определенной автономии в рамках Речи Посполитой за землями бывшего Великого княжества Литовского, границы которого фактически отражали основной ареал расселения белорусского и литовского народов. Путешественники того времени часто обращали внимание на пограничные рубежи, которые сохраняли размежевание земель Великого княжества и Польши (Корб, 1907. С. 5–10). Вполне конкретно представлялась граница "литовского рубежа" и на смежных территориях Белоруссии и России (АВАК, 1871. Т. 5. С. 79; РИБ, 1926. Т. 38. С. 474). Свободное пересечение границ Великого княжества Литовского как в восточном, так и в западном направлении разрешалось властями главным образом в целях развития торговых, межгосударственных и культурных связей.

Основными территориальными (а также хозяйственными, административными) формами группирования населения были волости и поветы, которые оставались самым непосредственным и наиболее узким звеном функционирования объединительных процессов интеграции и консолидации. В пограничных контактных зонах с другими крупными народами в XVII–XVIII вв. начинает наблюдаться действие более широких по охвату объединительных процессов в пределах ряда историко-этнографических областей, например на восточных и северо-восточных землях Белоруссии (а также на Смоленщине и Псковщине), где стабилизируется топоним "Белая Русь" (Соловьев, 1940. С. 55–58), возникает и распространяется этнонимическое определение "белорусцы". Стабилизация названия "Белая Русь" в областях Верхнего Поднепровья и Подвинья обусловила появление на страницах различных исторических документов того времени таких понятий, как "белорусский язык" и "белорусская вера" (унитство) (Русско-белорусские связи, 1963. С. 82, 95, 103, 106, 110, 111 и др.).

Таким образом, в XVII в. впервые в истории белорусского народа возникает форма его современного названия – "белорусы". Появившись еще во второй половине XVI в. в форме названия со стороны соседей, понятие "белорусы" было в XVII в. письменно зафиксировано (например, в документах московского разрядного приказа) в виде самоназвания жителей восточных земель Белоруссии. "Рядом литвин, белорусец", "литвин-белорусец", "белорусец", "родом белорусец" и т.д. – так называли себя в Москве белорусские крестьяне, купцы, ремесленники, так их называли московские дьяки (Ламанский, 1891. Вып. 3. С. 245–250; Потемня, 1891. С. 118–119; Этнографія беларусаў, 1985. С. 128–132). В XVII в. название "белорусцы" было еще не очень связано с топонимом "Белая Русь" и не имело четкого этнического контекста, поэтому "белорусцами" часто называло себя разнородное население – кроме белорусов, еще русские, латыши, украинцы, проживавшие в областях, называвшихся "Белой Русью", а также иногда на Черниговщине, Киевщине, Волыни и других территориях.

В XVII в. на страницах различных исторических документов появляются свидетельства тому, что аналогичные процессы, которые происходили в землях Верхнего Поднепровья и Подвинья, были характерны и для областей белорусско-украинского Попприяття. Здесь также к XVII в. стабилизируется топоним "Полесье" и распространяется (зафиксированное впервые именно в это время) этнонимическое определение "полешуки", которое охватывает белорусско- и украиноязычное население (Полесье, 1988. С. 28–40, 72–86).

Возникновение самостоятельных этнических и топонимических определений в больших пограничных областях Белоруссии, России и Украины, которые характеризовались своеобразными смешанными формами этноопределяющих признаков, позволяет назвать эти области историко-этнографическими, а при наличии собственных форм самосознания и самоназвания населения – даже субэтническими (Бромлей, 1983. С. 85). То же можно сказать и о западных районах Белоруссии, и о

смежных территориях Восточной Литвы, где наблюдалась аналогичная ситуация с распространением среди белорусов и балтоязычного населения общего названия "литвины", характерного прежде всего для жителей первоначальной историко-географической Литвы (региона междуречья Немана и Вилини-Нярыса). Кроме того, определение "литвины" продолжало выполнять функцию общего для всех территориально-этнографических, субэтнических, сословно-социальных групп белорусского народа самоназвания (с преобладанием в нем государственно-политического смысла) (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 132–133).

Таким образом, внутренняя структура феодальной этносоциальной общности белорусов продолжала оставаться сложной и многослойной, где объединительные этнические процессы действовали прежде всего на уровне небольших локальных зон (в рамках волостей и поветов), тяготеющих в результате определенных этногенетических, исторических, географических причин к группированию в несколько больших историко-этнографических или субэтнических областей (первоначальной исторической Литвы, Белой Руси и Полесья), население которых отличалось друг от друга своеобразием быта, материальной и духовной культуры, самосознания. Активная этническая консолидация этих субэтнических общностей в рамках единого белорусского народа приостанавливалась вследствие характерных социально-экономических феодальных отношений, а в период XVII–XVIII вв. в Белоруссии – еще и неблагоприятных внешнеполитических условий, войн, миграций и катастрофического сокращения населения.

К неблагоприятным факторам для развития белорусов в XVII–XVIII вв. внутриполитическим и социальным факторам следует отнести активизацию политики ополячивания, которую поддерживали королевский двор, католическая церковь и значительная часть представителей шляхетского сословия Речи Посполитой. Процессы полонизации наиболее очевидно проявились в это время в конфессиональной, языковой, бытовой и ментальной сферах жизни белорусского населения. Например, требование Статута Великого княжества Литовского 1588 г. (который продолжал функционировать в качестве основного закона на землях Белоруссии и Литвы) о том, чтобы земские писари писали только "по-руски", выполнялось с XVII в. уже формально. Как отмечает А. Журавский, на официальном и деловом старобелорусском языке уже на протяжении всего XVII в. писались главным образом только традиционные формулировки в начале и конце документов, тогда как основные части текста излагались на польском языке (Жураўскі, 1982. С. 29–30).

Общие результаты активизации процессов ополячивания населения Белоруссии в XVII в. более всего отразились на шляхетском сословии, которое постепенно начало менять свое этническое самосознание, все чаще и чаще называясь уже не "литвинами" и "руси́нами", а "поляками". Исследователи мемуарной литературы Белоруссии XVII–XVIII вв. отмечают даже такие курьезные факты, когда некоторые представители белорусской шляхты доказывали, что именно они и есть настоящие поляки, а польская шляхта – это "корунные поляки", "корунежи" и т.д. (Мальдзіс, 1982. С. 92–93). Однако более типичным в шляхетской среде было осознание себя одновременно и "литвинами" и "поляками" ("nationale Polonus, gente Lithuanus" – "по национальности поляк, родом литвин") (Ochmański, 1972. S. 41–42, 46).

Своеобразно отразились процессы полонизации XVII–XVIII вв. на конфессиональной структуре населения Белоруссии. В рамках одного только белорусского этноса были распространены православие, католичество, униатство и протестантизм. Различные направления христианской веры охватывали все социальные группы – от магнатов и шляхты до городских низов и невольных крестьян. Однако по сравнению с предыдущим историческим периодом значительно возросло количество католиков, и особенно униатов, за счет православного и протестантского населения. Открытая поддержка королевским двором католической церкви и

всесторонняя помощь ей со стороны всевластных магнатов способствовали проникновению в Белоруссию различных католических монашеских орденов – доминиканцев, иезуитов, бернардинцев, францисканцев, кармелитов и других, которые, занимаясь филантропией, образованием и просветительством, постоянно увеличивали число адептов своей церкви, активно поддерживали униатов.

Постепенно на протяжении XVII в. унию стали поддерживать крупные магнаты и городские верхи, которые часто навязывали униатство подвластному населению силой. Только в "Белорусской епархии", которая охватывала земли Подвинья и Поднепровья, с 1636 по 1755 г. были закрыты или переведены в подчинение униатским митрополитам 164 православные церкви (Салунюв, 1888. Т. 5, ч. 1. С. 474).

На землях Минского воеводства, по данным Я. Курчевского, было создано более 120 униатских церквей, а на Гродненщине – 276 (Kurczewski, 1912. S. 497–498). По мнению Я. Мараша, количество униатских приходов в Белоруссии в конце XVIII в. (без области, которые отошли к России после первого раздела Речи Посполитой) превысило количество католических и православных, вместе взятых (Мараш, 1974. С. 161–165, 200–222, 225–226). В целом к концу XVIII в. униаты составляли уже около 70% населения Белоруссии, католики – 15%, православные – 6, иудеи – 7, протестанты и другие – 2%. Для сравнения, по всей Речи Посполитой униаты составляли 33%, католики – 43, православные – 10, иудеи – 9, протестанты и другие – 5% (Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 66).

Существенное изменение конфессиональной ситуации во второй половине XVII – XVIII в. оказало значительное влияние на характер развития культуры края, которая все более втягивалась в орбиту общеевропейских социокультурных явлений. Большое значение в этом процессе имела католическая церковь, и влияние ее на белорусских землях возрастало через религиозно-культурную политику магнатов и королевского двора, монашеских католических орденов и принесенную ими систему воспитания и образования. Расширение сети учебных заведений в Белоруссии началось еще в XVI в., однако именно в XVII–XVIII вв. количество школ (особенно начальных) в городах и местечках, при монастырях, костелах и церквях существенно возросло. Большинство учебных заведений не имело ограничений по конфессиональному принципу. В школы при католических монашеских орденах имели доступ, например, православные, униаты, протестанты, в протестантские училища – также дети любой конфессии. Однако каждое учебное заведение стремилось построить систему обучения воспитанников с упором на достоинства и преимущества своей конфессии.

Особенно высококлассным и добротным образованием (соответственно и рьяным клерикальным воспитанием) отличались высшие учебные заведения при ордено иезуитов (коллегиумы в Полоцке, Пинске, Вильно и др.). В конце XVIII – начале XIX в. центральной резиденцией ордена иезуитов, официально изгнанного из большинства европейских стран, считался г. Полоцк, где за орденю еще с времен короля Стефана Батория (вторая половина XVI в.) были закреплены значительные земельные владения (Карев, 1886. С. 175–192). При иезуитских коллегиумах, а позже и при других учебных заведениях стали организовываться театры для широкого зрителя. Основными действующими лицами в спектаклях были ученицы. Закрытые театры при дворах крупных магнатов (Радзивиллов, Сапег и др.) с участием профессиональных, часто заграничных артистов также существовали в Белоруссии в XVII–XVIII вв. (История белорусского театра, 1983. Т. 1. С. 69–70, 97–99).

Для получения высшего образования представители высших феодальных слоев общества, а также зажиточных горожан часто отправляли своих детей для обучения в университеты Кракова, Кенигсберга, Вены, Гейдельберга, Падуи, Болоньи

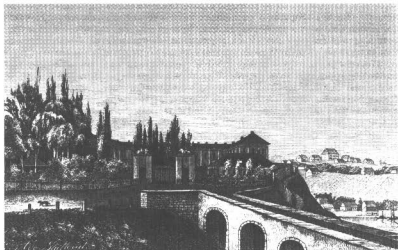

Рис. 31. Новый замок в Гродно. XVIII в.

Рис. 32. Усадьба. Конец XVIII в.

и др. В XVII в. большую роль в образовании белорусской молодежи стал играть Виле́нский (Вильнюсский) университет.

Синтез западноевропейских тенденций и местных традиций общественно-культурного развития был характерен особенно для профессиональной культуры и культуры городов Белоруссии XVII–XVIII вв. Ведущим направлением в архитектуре становится стиль барокко (дворцы Сапег в Ружанах, Хрептовичей в Щорсе, Радзивиллов в Несвиже, Николаевский собор в Могилеве, фарный костел в Гродно, собор Петра и Павла в Витебске, резиденция королей в Гродно, синагога в Старом Быхове, здание ратуши в Могилеве и др.). После разрушительных войн XVII и XVIII вв. по новой планировке отстраиваются центральные части многих городов и местечек, усадьбы крупной и средней шляхты (рис. 31, 32).

В этот период получает развитие светская жанровая живопись. Новыми чертами характеризуется портретная живопись, в которой, правда, остаются еще сильными традиции так называемого "сарматского" стиля. То же можно сказать об иконописи, о миниатюре и книжной графике, где прослеживаются черты и новых стилей, и старых традиций. Более всего к западноевропейским образцам приближались виды искусства, связанные с католическими соборами; своеобразными, "законсервированными" чертами характеризовались памятники творчества православногo населения. Промежуточное положение занимали памятники культуры и искусства униатской церкви.

В различных жанрах литературы того времени также прослеживаются тенденции приверженности всевозможным идейным – религиозным и политическим направлениям и стилям. Среди наиболее выдающихся деятелей, писателей и публицистов известны имена Симеона Полоцкого, Ильи Копиевича, Матвея Карского, Михаила Карповича, Игната Быховского, Казимира Нарбута, Бенедикта Добшевича, Соломона Маймона и др.

Духовная культура основной массы населения Белоруссии XVII–XVIII вв. при всей ее идеологической разнонаправленности и противоречивости оставалась глубоко религиозной и ориентированной на сохранение традиций отцов и дедов.

КОНСОЛИДАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.

В последней четверти XVIII в. произошли значительные изменения на государственно-политической карте России, Польши, Австрии и Пруссии. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) между Россией, Австрией и Пруссией территория Белоруссии была присоединена к Российской империи. Наконец восточные славяне (русские, украинцы и белорусы) объединились в одно государство.

Казалось бы, были созданы необходимые условия для дальнейшего развития культуры и становления этнического самосознания трех братских народов. Однако почти до середины XIX в. продолжалась колонизация белорусов. Если до воссоединения Белоруссии с Россией почти весь верхний пласт белорусского этноса (магнаты и шляхта) постепенно воспринял польскую культуру и язык и идентифицировал себя с поляками, то в конце XVIII – первой половине XIX в. этот процесс продолжался уже в крестьянской и городской среде, несмотря на то что после первого раздела Речи Посполитой присоединенные к России земли Полоцкого и Могилевского наместничеств получили официальное название "Белорусский округ".

Александр I отдал Белорусский учебный округ в руки польского магната Чарторыйского, в результате чего в Белоруссии продолжало существовать польско-католическое главенство. Можно целиком согласиться с белорусским этнографом Е.Р. Романовым, который под псевдонимом Е. Белицкий в своем исследовании "Под польским игом" писал: "Чего под польским гнетом не разрешили сделать Кунцевичу могилевцы и витебляне, несмотря на кровавые расправы, совершаемые поляками, – то с лихвой доделала петербургская бюрократия после освобождения нашего от ненавистного ярма. В этом отношении она прямая последовательница Кунцевича" (Белицкий, 1908. С. 7).

Присоединение Белоруссии к России положило начало новому этапу ее этнического развития. Отмена ограничений на торговлю, новый статус для городов, которые ранее были во власти феодалов, и другие мероприятия создали благоприятные условия для развития мануфактур и товарно-денежных отношений. Открытие школ на русском языке, создание библиотек содействовали экономическому и культурному сближению белорусов, русских и украинцев.

Ограничению колонизации белорусов содействовали и некоторые установления Российского государства. Однако вместо колонизации в Белоруссии стала проводиться политика русификации. Так, в 1839 г. было принято постановление о переходе униатов в православие. Усиление такой политики произошло при Николае I, который личным указом запретил употреблять названия "Белоруссия" и "Литва", вместо них было введено название "Северо-Западный край". Был отменен "Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского".

И тем не менее исторический акт воссоединения Белоруссии с Россией мощно повлиял на экономическое, общественно-политическое и культурное развитие белорусского этноса. В результате нового административного деления в России появились белорусские губернии. На все население распространилась единая налоговая система. В значительной степени были реформированы судебные учреждения: по российскому образцу создавались две новые палаты – общественного и уголовного суда. Ликвидация таможенных барьеров между Белоруссией и Россией создавала более благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений, содействовала быстрому включению белорусской экономики во всероссийский рынок.

В это время значительно уменьшилось влияние польских феодально-клерикальных кругов на белорусский народ. Крупные земельные магнаты утратили ряд былых привилегий, в том числе право иметь собственные вооруженные силы и неприступные крепости. Одновременно с целью расширения своей власти на местах царское правительство провело раздачу значительного количества имений помещикам русского происхождения. Русские чиновники назначались на важнейшие губернские и уездные административные должности. Несколько сократилась сфера функционирования польского языка. Основные государственные документы стали писать на русском языке. Русский язык начали преподавать в учебных заведениях. Католическая церковь утратила свое господствующее положение в качестве государственной религии.

Необходимо учитывать, что процесс воссоединения Белоруссии с Россией имел региональные особенности. В восточной и северо-восточной частях Белоруссии (Могилевской и Витебской губерниях), присоединенных к Российской империи, значительно раньше остальной территории были в большей степени реформированы административные, судебные и учебные заведения, поэтому и влияние русской культуры здесь было более сильным (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 442).

Таким образом, мероприятия, проведенные царским правительством, изменили многие стороны общественной жизни населения Белоруссии.

Рис. 33. Усадьба Заосье. XIX в.

Объединение Белоруссии с Россией явилось сильным импульсом распространения товарно-денежных отношений. Развитие сельского хозяйства – основы экономики – во многом было обусловлено большим спросом на продукцию Белоруссии в Восточной Европе. В помещичьих хозяйствах увеличились посевные площади под зерновые, выращивание товарного льна, конопли, а позднее и картофеля, который с начала 40-х годов XIX в. становился одной из основных сельскохозяйственных культур. Произошли значительные изменения в агротехнике – все чаще вводились многопольный севооборот и посев кормовых трав. Постепенно наметилась специализация регионов по тем или иным видам сельскохозяйственной продукции. Так, Полесье и Центральная Белоруссия специализировались на производстве зерновых, северо-восток, особенно Подвинье, – на льноводстве, в восточных уездах Минской и Могилевской губерний выращивали коноплю. Наиболее интенсивно развивались северо-западные и центральные районы Белоруссии, что позитивно отразилось на их демографических и этнических процессах (рис. 33).

Рост товарности помещичьего хозяйства, как правило, достигался за счет резкого усиления эксплуатации крепостных, что в свою очередь вело к упадку крестьянского хозяйства. В поисках средств существования сельская беднота была вынуждена идти на отхожие промыслы – на строительство дорог, мостов, на лесозаготовки, лесосплав, пристани, перегрузочные пункты и т.д. Только на судоходных реках Белоруссии ежегодно в конце 40-х–50-е годы XIX в. работало 70–80 тыс. человек (Карнейчик, 1969. С. 57), а на строительстве Днепровско-Бугского канала в 1843 г. было занято 122 628 человек (Карнейчик, 1956. С. 15–26). Отходничество играло немаловажную роль в преобразовании культурно-бытового уклада крестьянства. Постепенно рушились вековые устои, замкнутость и изолированность феодальной деревни.

Углубление товарно-денежных отношений привело к увеличению не только вотчинных мануфактур, где использовался труд крепостных, но и купеческих предприятий с вольнонаемным трудом. С 1828 по 1860 г. количество рабочих на капиталистических предприятиях возросло с 2215 до 6134 человек, а количество таких предприятий – с 726 до 1603. Всего в Белоруссии к началу 60-х годов было 4024 предприятия (мелкое производство, мануфактуры, фабрики), на которых работало 17 259 человек (*Болбас*, 1966. С. 66–97). Наиболее динамично развивались те отрасли производства, где перерабатывалась продукция сельского хозяйства (сахарная и винокуренная).

В 40-х–начале 50-х годов в Белоруссии строятся участки Московско-Варшавского и Петербургско-Киевского шоссе, проводится шоссеная дорога от Могилева до Бобруйска, увеличивается количество почтовых дорог к уездным центрам. Улучшаются существующие водные артерии (Огинский и Березинский каналы), в 40-е годы XIX в. завершается строительство Днепровско-Бугского канала.

Основную роль во внутриторговом обороте играли, как и ранее, традиционные формы торговли эпохи феодализма – ярмарки, ежедневные рынки, торги. Однако объем их постепенно сокращался. Одновременно быстро увеличивался удельный вес магазинной и рыночной торговли (рис. 34). Значительно возрос объем внешней торговли (особенно по речным путям).

Однако позитивные сдвиги, произошедшие в первой половине XIX в. в развитии производства Белоруссии, в условиях общего кризиса феодально-крепостнических отношений привели в конце 1850-х годов к застою и даже спаду производства. Развитие товарно-денежных отношений, отходничества затронуло только часть зависимого крестьянства, преимущественно того, которое находилось в зоне магистральных сухопутных и водных путей сообщения. Производство товарной продукции было прежде всего ориентировано не на внутренние потребности, а на внешний рынок. Связи между разными регионами были еще относительно слабыми. Так, в 50-е годы Борисовский и Бобруйский уезды Минской губернии зерно получали с Украины. А из соседних Слуцкого и Новогрудского уездов той же губернии излишки зерна отправлялись в Западную Европу (*Зеленский*, 1864. С. 202).

Ломка патриархального быта в связи с созреванием капиталистических отношений критически осмысливалась в общественном сознании. Яркое отражение это получило в широко известном произведении белорусской анонимной литературы 40-х годов "Вось цяпер які люд стаў" (Беларуская літаратура..., 1971. С. 32–34), в котором осуждались власть денег, отчужденность людей, разрушение патриархальных семейных устоев и т.п., появившиеся в результате процессов имущественной дифференциации (*Этнаграфія беларусаў*, 1985. С. 145).

Увеличивалась численность мещан и вообще жителей городов и местечек. Если в 1825 г. в городах проживало 148 тыс. человек (5,2% населения), то в начале 60-х годов – 316 тыс. человек (около 10%) (*Гісторыя БССР*, 1971. Т. 1. С. 499). Одним из факторов роста городов было искусственное переселение в них еврейского населения, которому в 1827 г. царское правительство запретило жить в сельской местности. Евреи проживали в многочисленных местечках, которые были торгово-ремесленными центрами и играли важную роль в развитии рыночных отношений между городом и селом, вовлекали в товарно-денежный обмен сельских жителей.

После войны 1812 г. темпы прироста населения увеличились (в 1835 г. в Белоруссии проживали 3041 тыс. человек), но в 1840–1850-е годы население резко уменьшилось – с 1835 по 1858 г. возросло только на 9% (*Этнаграфія беларусаў*, 1985. С. 146).

После восстания 1830–1831 гг. царское правительство предприняло ряд мер по переселению в Белоруссию русских помещиков, чиновников и крестьян. Однако

Рис. 34. Торговые ряды в Витебске. Начало XIX в.

русские крестьяне переселялись в Белоруссию очень неохотно. В 1837 г. в Виленскую губернию пересехало 70 человек, а в Минскую – только 40 (Гісторыя БССР, 1971. Т. I. С. 584). Русские помещики и чиновники, как правило, быстро продавали приобретенные имения и выезжали в Россию. Влияние польской культуры хотя уже не было таким, как раньше, но оставалось все же довольно сильным. Польский язык был широко распространен среди шляхты.

Большая часть помещиков придерживалась католицизма, ориентировалась прежде всего на польскую культуру, пользовалась польским языком. Что же касается мелкой шляхты, то, например, в Минской губернии в 1850-е годы до 30% дворян и чиновников были православными, а в Мозырском и Пинском уездах – соответственно 54,3 и 77,7% (Зеленский, 1864. С. 415).

Реформа 1861 г., несмотря на ее ограниченность, открыла более благоприятные условия для развития капитализма в России, в том числе и в Белоруссии. Вовлечение ее в рыночные связи требовало все большего расширения производства сельскохозяйственных продуктов. Главными поставщиками их были помещики, но быстро возрастало и значение молодой аграрной буржуазии. Резкое снижение цен на зерно в условиях экономического кризиса 1870-х годов, а также существовавший в России дифференцированный тариф на железнодорожные перевозки делали не особенно выгодным производство товарного зерна. С этого времени главной отраслью сельского хозяйства, к которой начали приспосабливаться все другие отрасли производства, стало молочное животноводство.

Развитие капиталистических отношений способствовало дальнейшему росту промышленности. В ее структуре преобладали те отрасли производства, которые были ориентированы на местное сырье. Развивались пищевая, деревообрабатывающая, силикатно-кирпичная, коженно-обувная промышленность. За период с 1879 по 1900 г. количество промышленных предприятий в Белоруссии увеличилось почти в 2 раза, число рабочих на них – в 4,7 раза, а объем производства возрос почти в 10 раз. Эти цифры свидетельствуют не только о количественных, но и о

качественных изменениях в развитии промышленности. Так, в 1895 г. на 512 предприятиях действовали механические двигатели общей мощностью 7036 лошадиных сил, а в 1900 г. на 527 предприятиях механические двигатели составляли уже 12268 лошадиных сил (Карнейчык, 1969. С. 63). Однако, несмотря на быстрый рост, к 1913 г. промышленные предприятия давали только 15% национального дохода Белоруссии, а сельское хозяйство – 56,9% (Гісторыя БССР, 1971. Т. 2. С. 8).

Дальнейшее расширение путей сообщения, и особенно строительство железнодорожного транспорта, усилило экономические связи между разными регионами Белоруссии. В послереформенный период Белоруссия была покрыта довольно широкой для того времени сетью железных дорог, общая протяженность которых к началу XX в. составляла 2836 верст.

Важным фактором консолидации белорусской нации был рост городов. Доля городского населения в пяти белорусских губерниях в 1911 г. в среднем составляла 12,4%, по губерниям колебалась от 17,5% в Гродненской до 8,1% в Могилевской (Статистический ежегодник на 1914 г., 1914. С. 5). В Минске в 1904 г. проживало 100 260 человек, что на 9348 человек больше, чем в 1897 г. (Там же. С. 7).

Однако этнический состав белорусских городов имел свои особенности. По данным переписи 1897 г., белорусов в городах проживало только 17,1%. Более половины составляли евреи (57,5%), 16,7% – русские, 6,1% – поляки (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 153). Такая неравномерность распределения населения в городах объясняется национальной политикой царского правительства. Так, девять северо-западных и юго-западных губерний России были "полосой оседлости" еврейского населения, в этих губерниях они могли поселиться только в городах.

Перепись 1897 г. дает возможность определить национальный состав населения и уровень образования белорусов и других этнических групп. Из 8 518 247 человек белорусы составляли в 5 губерниях 5 408 420 человек (63,4%), евреи – 1 202 069 (14%), русские – 492 921 (5,7%), поляки – 424 236 (5%), украинцы – 377 511 (4,4%). Среди всего населения был 1 877 988 грамотных (22%), из общего числа белорусов было 14,3% грамотных, евреев – 42,2%, поляков – 41,2%, русских – 29,3%, украинцев – 17,5%. Причиной низкого уровня образования белорусов по сравнению с другими национальностями являлся тот фактор, что они были большинством населения и подавляющее количество их составляло сельское население – 5 270 812 человек (93,8%). Среди белорусов-горожан грамотных мужчин было 44,3%, женщин – 24%, в сельской местности грамотных мужчин – 21%, а женщин – 0,3%.

Распределение белорусов по сословиям по 5 губерниям дает следующую картину. Высшие сословия (дворяне, духовенство, почетные граждане) среди белорусов составляли 5,89% от городского населения и 1,22% от сельского. Мещане среди горожан составляли 47,5%, а среди сельчан – 4,4%. Крестьяне были самой большой группой белорусов. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., в городах их было 45,09%, а в сельской местности – 93,8%.

Развитие капиталистических отношений привело к быстрому росту населения Белоруссии. С 1858 по 1897 г. оно увеличилось почти в 2 раза и достигло 6,5 млн человек (Этнаграфія беларусаў, 1985. С. 156).

Строительство путей сообщения, особенно железнодорожной сети, рост миграций разрушили былую хозяйственную и культурную замкнутость отдельных регионов Белоруссии, став главными объективными причинами интеграции белорусского этноса, факторами усиления национального самосознания.

Важную роль в формировании национального самосознания сыграли публикации анонимных произведений на белорусском языке – "Энсіда навыварат", "Тарас на Парнасе", разного рода "Гутаркі", а позднее – и сочинения белорусских писателей.

В 1867 г. в Вильно был открыт Северо-Западный отдел Русского географического общества, объединивший краеведов Белоруссии и namного увеличивший их количество. Членами этого общества были известные белорусские этнографы М. Дмитриев, П. Шейн, А. Сементовский, Ю. Крачковский, И. Носович, И. Берман, Е. Романов, Н. Никифоровский и другие, посылавшие в отдел свои материалы о языке, быте и культуре белорусов в соответствии с программой отдела.

В 1864 г. при Московском университете было образовано Общество любителей природоведения, антропологии и этнографии, которое также содействовало активизации краеведческой работы в Белоруссии. В 1860–1870-е годы в "Трудах этнографического отдела" этого общества печатались краеведческие материалы из Белоруссии.

В 40–50-е годы XIX в. развернул свою деятельность П.М. Шпилевский (1827–1861). За свою короткую жизнь он написал капитальные труды по этнографии и фольклору Белоруссии. Уже в 1845 г. он выслал в Российскую Академию наук словарь белорусского языка, а после переезда в Петербург, во время летних каникул путешествовал по Белоруссии и изучал свою Родину. "Мне, – писал Шпилевский, – вспоминаются те чудесные дни, полные радости, каковую нельзя описать и которая понятна только тому, кто сам это почувствовал, дни, в какие я спешил на каникулы из губернского города в отдаленный уезд и мог с полной свободой разъезжать по деревням и селам, где, по какой-то горячей неосознанной охоте к изучению народных верований и сказок, прислушивался к звукам гармоничного певучего белорусского языка, записывал слова и рассказы из уст поселян, взрослых баянов и знахарей, заходил в белорусские хаты и клетки, находил удовольствие в беседе за скромной деревенской трапезой с седыми стариками и морщинистыми бабками" (*Шпилевский. Белоруссия...*, 1853. Т. 10, кн. 7. С. 45–46).

П.М. Шпилевский во весь голос заявил, что белорусы – самостоятельный народ: "Есть у нас на Руси большой край... его зовут Белоруссией. Живут там люди белорусские, потомки древних кривичей, родные братья людей великорусских". И далее: "Почему же не написать о родной Белоруссии, которая так богата своими самобытными нравами, мифологией, языком и, наконец, играми и праздниками" (*Шпилевский. Белоруссия*, 1853. Т. 8, кн. 1. С. 71–72).

Краеведческие труды П.М. Шпилевского – это своего рода гимн белорусскому народу. Они воспитывали патристические чувства, повышали уровень его национального самосознания.

В развитии краеведения в Белоруссии большая роль принадлежит П.В. Шейну. Ему удалось создать широкую сеть корреспондентов, позже выступивших с самостоятельными публикациями и ставших известными исследователями белорусского народа (Е.Ф. Карский, Н.Я. Никифоровский, А.Е. Богданович и др.). П.В. Шейн в 1867 г. разработал свою программу собирания фольклорно-этнографических материалов и разослал ее в сотнях экземпляров в разные места Белоруссии.

Опубликованные краеведческие труды и фольклорно-этнографические сборники своим содержанием пробуждали самосознание белорусов. Все шире использовались названия "Белоруссия", "белорусы". Так, например, все публикации И. Носовича имели в своих названиях "белорусские песни", "белорусские пословицы", "белорусские загадки", "белорусский словарь" и др. И не только местные исследователи изучали белорусов. Русский исследователь П. Бессонов назвал свой сборник "Белорусские песни". И это в условиях, когда царизм ввел названия – западнорусы, Западно-Русский край, Северо-Западный край, которыми официально должны были называться Белоруссия и белорусы.

Ясно, что белорусское самосознание сначала проявлялось в среде интеллигенции, особенно в тех случаях, когда ее представители оказывались за пределами Белоруссии. В 1868 г. в Петербурге образовалась просветительская организация

"Кривичский возок", а в 1870-е годы белорусские народники начали здесь издание журнала "Гомон". В самой же Белоруссии сознательная белорусская демократическая интеллигенция объединилась вокруг издания "Мужыцкая праўда" К. Калиновского.

Своего рода индикатором роста национального самосознания являлось понимание этой проблемы исследователем Е.Р. Романовым: работать, "чтобы открыть миру душу белоруса", — такой призыв был высказан Е.Р. Романовым в 1908 г. в адрес белорусских ученых. А за два года до этого в связи с увольнением его в 1906 г. с работы виленским чиновником бароном фон Вольфом ученый в басне "Волк и козел", будто бы подводя итоги своей научной деятельности, написал о себе: "Ах, это белорус, который горы книг издал для белорусов и разбудил в них самосознание..." (Рукописный отдел..., 519-УВЕ. Л. 1-4).

Е.Р. Романов тепло встретил выход первого сборника стихов Ф. Богушевича (М. Бурачка) "Дудка беларуская": "Радостное явление это не должно пройти незамеченным нами. Скажу больше: в сознании своей силы мы должны помочь ему (национальному самосознанию белорусов. — *В.Б.*) развиться" (Витебские губернские ведомости, 1894. № 26).

Ярко выраженной этнической ориентацией отличалось творчество белорусских писателей Ф. Богушевича, Я. Лучины, Ф. Тапчевского, А. Обуховича. В начале XX в. в белорусскую литературу пришли Э. Тетка, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович и другие писатели, которые отражали новый уровень национального самосознания белорусов.

Этническое самосознание проявлялось в деятельности белорусских ученых И. Носовича, Н. Никифоровского, М. Довнар-Запольского, Е. Карского и др.

В 1906 г. в Николаевщине состоялся нелегальный съезд учителей, на котором было выдвинуто требование преподавания в школе на родном языке. Появляются школьные учебники, в том числе "Беларускі лемантар" К. Каганца (1906), "Першае чытанне для дзетак беларусаў" Э. Тетки (1906), "Другое чытанне для дзяцей беларусаў" (1909) Я. Коласа.

В 1906 г. в Петербурге открылось белорусское издательство "Загляне сонца і ў наша аконца", выпустившее первые книжки для чтения, календари и художественные произведения на родном языке.

В сентябре 1906 г. основана первая белорусская газета "Наша доля", однако на шестом номере она была закрыта. Вместо нее стала выходить национально-демократическая газета "Наша ніва" (1906–1915), которая широко использовалась демократической интеллигенцией для пропаганды передовых идей. В газете активно выступали со своими произведениями белорусские писатели Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный и др. "Наша ніва" сыграла большую роль не только в пропаганде, но и в организации краеведческого движения в Белоруссии. Газета не ограничивалась призывами к краеведам, но и публиковала конкретные материалы, поступающие из разных мест, помещала подробные инструкции и даже давала советы по реставрации тех или иных экспонатов. Мало того, "Наша ніва" проводила выставки собранных коллекций, преимущественно этнографических, которые позже пополнили музей Яна Луцкевича в Вильно. Сотрудники газеты систематически принимали участие в местных выставках в разных регионах Белоруссии. Газета объявляла и конкурсы на лучший экспонат, присылавшийся в редакцию. Так, в 1911 г. был проведен "Конкурс белорусских девичьих одежд", на котором награды присуждались посетителям этой выставки (Наша ніва, 1911. № 47–48).

В апреле 1902 г. по инициативе Е.Р. Романова в Могилеве созданы Общество по изучению Белорусского края (в 1913 г. реорганизовано в Общество по изучению Могилевской губернии) и Историко-этнографический музей, задачей которых

было изучение природы, истории, этнографии Могилевской губернии (рис. 35, 36). В 1912 г. было основано Минское общество любителей природоведения, этнографии и археологии.

В начале XX в. появились и национально-возрожденческие организации за пределами Белоруссии. Первая из них – кружок для изучения Гродненской губернии, созданный из студентов-белорусов Петербургского университета в 1907 г.

В 1912 г. в Петербурге был создан Белорусский научно-литературный кружок студентов университета. Целью кружка было "научное ознакомление с духовной (язык, литература, народное творчество) и общественной (этнография, статистика, народное хозяйство) жизнью белорусского народа. Душой кружка был исследователь белорусской культуры Б.И. Эпимах-Щипило.

Из всех созданных в Белоруссии научных обществ и комиссий самый большой объем краеведческой работы выполнил Северо-Западный отдел Русского географического общества. В октябре 1910 г. в отделе было 219 членов, преимущественно учителей. Важно отметить, что большинство из них находилось на периферии. К концу 1911 г. количество членов отдела увеличилось до 305. Важным было то, что к изучению культуры белорусов привлекались лица из сельской местности.

Секция археологии и этнографии этого общества разработала план работы, согласно которому намечалось издание в ближайшее время очередных выпусков "Белорусского сборника" Е.Р. Романова, а также материалов по обычному праву, народной музыке и условным говорам, бытовавшим в Белоруссии, планировалось издание археологических карт Витебской и Могилевской губерний, материалов раскопок А.М. Сементовского, М.Ф. Кустинского, Е.Р. Романова, Н.М. Турбина, В.Б. Антоновича, Н.П. Авенариуса и др.

Рис. 35. Белорусские крестьяне. Середина XIX в.

Рис. 36. Белорусская крестьянка. Могилевская губ. XIX в.

Одновременно секция археологии и этнографии развернула экспедиционную работу по изучению Белоруссии и собиранию фольклорно-этнографических и археологических материалов. В течение 1910–1912 гг. было проведено много экспедиций. Учитель Виленской мужской гимназии Н.Н. Чуркин (известный белорусский композитор) записывал белорусские народные мелодии в Ошмянском, Виленском, Троцком, Свентянском и Дисненском уездах. Только во время экспедиции 1912 г. им было записано 110 мелодий.

В отдел были присланы фольклорно-этнографические материалы из разных мест Белоруссии, в том числе записи Ф.А. Кудринского из Минской губернии (описания примет, верований, записи пословиц, песен и рассказов). Учителя А.И. Миловиков, А.В. Щербицкий прислали фольклорно-этнографические материалы, собранные учениками в Гродненской экспедиции.

Заслуживают внимания экспедиции учителя Второго городского училища Минска А.И. Сербова, организованные в Игуменский и Бобруйский уезды Минской и Могилевской губерний и в Чаусский уезд Могилевской губернии в 1911 г.

Кроме, местных деятелей, изучением белорусов занимались научные центры России – Академия наук, Московский и Петербургский университеты, в которых работали такие знатоки культуры и быта белорусов, как А.А. Шахматов, Д.Н. Анучин, Д.К. Зеленин, А.И. Соболенский, Н.А. Янчук. В их трудах рассматриваются вопросы этногенеза, языка, антропологии и этнографии белорусского народа.

В 1907 г. Н.А. Янчук на заседании Отделения русского языка и словесности поставил вопрос об издании "Памятников белорусского языка и словесности" – фольклорных текстов и произведений художественной литературы (Изв. ОРЯС, 1907. С. 225–232).

Как литературный критик и исследователь истории белорусской литературы Янчук высоко оценивает творчество М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа и других белорусских писателей.

БЕЛОРУССКИЙ ЭТНОС В XX в.

20–90-е годы XX в. – один из драматических и судьбоносных периодов в истории белорусского народа. Белоруссия пережила гражданскую и Великую Отечественную войны, по меньшей мере две революции. В этот период произошло разрушение Российского государства, становление белорусской государственности (1919 г.), возникновение и распад Советской страны, провозглашение независимости государства Республики Беларусь (1991 г.). Эти социально-исторические процессы оказали большое влияние на культуру и быт населения, его самосознание.)

В результате потерь на фронтах солдат и офицеров, а также гибели населения во время военных действий, оккупации, эпидемий, эмиграции из 7,5 млн человек, проживавших в Белоруссии в 1914 г., на начало 1921 г. осталось 6,7 млн человек. В такое сложное время шло становление белорусской государственности. В 1917 г. (25–27 марта) в Минске состоялся съезд белорусских национальных организаций, который высказался за государственную автономию Белоруссии в составе Российской федеративной демократической республики. Важным шагом на пути к белорусской государственности было провозглашение 25 марта 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР). В январе 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии обнародовало Манифест о создании Белорусской

Советской Социалистической Республики (БССР). Фактор государственности был чрезвычайно важным для развития этноконсолидационных процессов и белорусской культуры. В ходе национально-государственного строительства формировалась территория БССР. На I съезде Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии было принято постановление об образовании БССР на территории Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской губерний, а также белорусских уездов Виленской, Ковенской и Смоленской губерний. В феврале 1919 г. Белоруссия была объединена с Литвой в Литовско-Белорусскую ССР со столицей в Вильно, а в июле 1920 г. вновь была провозглашена БССР. Однако территориальная целостность ее вскоре была нарушена.

Согласно Рижскому мирному договору (18.3.1921), западные районы Белоруссии с населением свыше 4 млн человек вошли в состав Польши, а восточные – в БССР, что, естественно, затормозило консолидацию белорусского народа.

Становление белорусской государственности шло первоначально на территории бывшей Минской губернии площадью 52,3 тыс. кв. км, с населением 1,5 млн человек. В 1924 г. к Белоруссии по договоренности с РСФСР были присоединены пятнадцать уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, где среди населения преобладали белорусы. В результате второго укрупнения в состав Белоруссии были включены Гомельский и Речинский уезды. Территория республики составила 125 854 кв. км, а численность населения – около 5 млн человек.

С переходом к мирному строительству, созданием Союза Советских Социалистических Республик (30.12.1922), в который вошла и БССР, решались важные и сложные экономические и культурные проблемы.

Этническое развитие белорусов в 1920–1930-е годы происходило в тяжелых экономических условиях. Валовой сбор зерновых культур сократился более, чем в два раза, а валовая продукция крупной промышленности по сравнению с 1913 г. составила всего 21% (Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг., 1973. С. 14). Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить промышленные предприятия, сельское хозяйство, железнодорожный транспорт, систему образования и др. Эти задачи решались с помощью соседних республик, в первую очередь РСФСР. Уже к 1926 г. процесс восстановления промышленности в основном завершился. В производстве произошли определенные сдвиги – повышение веса крупной государственной промышленности и снижение доли мелкой.

В сельском хозяйстве шло восстановление посевных площадей. Так, в 1923 г. посевы всех культур составили 730,4 тыс. десятин, а в 1924 г. – 2241,4 тыс. десятин. Увеличение посевных площадей и повышение урожайности сельскохозяйственных культур создавали базу для развития животноводства. Росло поголовье крупного рогатого скота, овец. На 100 крестьянских хозяйств в 1926 г. имелись 133 лошади, 226 голов крупного рогатого скота, 260 свиней и 327 овец (Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг., 1973. С. 119, 122).

В русле новой экономической политики решались проблемы национального и культурного строительства. Национальная политика, в конкретных условиях республики принявшая форму белорусизации, сыграла позитивную роль в дальнейшей консолидации белорусской нации. Она предусматривала разработку и внедрение комплексных мероприятий по развитию экономики, упорядочению территориального деления, расширению сферы употребления белорусского языка, выдвижению на ключевые посты местных кадров, развитию культуры.

Национальную политику в БССР в 1920-е годы определяли не только экономические и социальные условия, исторические и культурные традиции, но и многонациональный состав населения республики. По переписи 1926 г., в БССР проживало 4982 тыс. человек; из них белорусов – 80,6%, евреев – 8,2, русских – 7,7,

поляков – 2, украинцев и латышей по 0,7, литовцев, немцев, татар – по 0,1, других национальностей – 0,2%. Особенно пестрым национальный состав был в городах. В них 40,1% составляли евреи, 39% – белорусы, 16 – русские, 14,9% – другие национальности. В сельской местности преобладали белорусы (89%), русские составляли 6%, поляки 1,8%.

Урбанизированность отдельных национальностей, а следовательно, и уровень их грамотности, образования были неодинаковы. Процессы урбанизации лишь незначительно затронули белорусов (всего 8% от их общей численности проживало в городах), тогда как доля горожан среди русских составляла 34%, среди украинцев – 21%, среди поляков – 20%, среди евреев – 83%. Такое расселение не могло не сказаться на национальных, культурных и языковых процессах. В городах были более интернационализированы быт, культура, и город по существу был русскоязычен, а в белорусскоязычных селах в эти годы сохранялась и воспроизводилась народная бытовая культура – обряды, обычаи, традиции, широко использовался белорусский язык.

Многонациональный состав населения создавал свои объективные предпосылки для межнационального общения, характер которого был доброжелательным, добрососедским. В условиях длительного совместного проживания представителей разных культур и религий сформировалось толерантное отношение к этнической культуре, религии, языку соседей, нередко воспринимались и воспроизводились отдельные черты их культуры. Например, перенимались друг у друга рецепты приготовления национальных блюд, навыки ведения хозяйства, рациональные способы строительства жилья. Жители Белоруссии разных национальностей вступали в соседские, дружеские и даже родственные контакты. В 1926 г. доля браков мужчин с женщинами иной национальности в БССР составила 2,7%, что было больше, чем в РСФСР (1,9%). Естественно, что наибольшее число межнациональных браков заключалось в городах (9%). Среди национально-смешанных браков выделялись белорусско-русские (1288 семей), затем белорусско-польские (570), белорусско-украинские (253), белорусско-еврейские (149) (Натуральный рух..., 1930. С. 88, 89).

Одним из важнейших аспектов национально-культурного строительства была языковая политика. Уже в феврале 1921 г. 2-я сессия ЦИК II съезда Советов БССР поручила Народному комисариату просвещения принять меры к действительному предоставлению всем нациям республики возможности получать образование и воспитание на родном языке. Основное внимание обращалось на расширение функций белорусского языка. Прежде всего – это увеличение числа школ с белорусским языком обучения, подготовка учителей (с этой целью создавались краткосрочные и постоянные курсы), издание учебников на родном языке (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 318. Л. 176). Принимались меры к тому, чтобы работники просвещения, культуры – уроженцы Белоруссии возвращались в республику.

На 15 декабря 1927 г. в БССР из 5510 школ 4573 были белорусскими. Работали также русские, украинские, еврейские, польские, латышские, литовские, немецкие и другие школы. Существовали школы смешанного типа: белорусско-русские, белорусско-польские, белорусско-еврейские, русско-еврейские (НАРБ. Ф. 31. Оп. 72. Д. 20. Л. 88).

Белорусизация осмысливалась как постепенный, поэтапный процесс, включающий подготовительный период (важно было разъяснить населению цели и задачи этой политики) и практическое осуществление намеченной программы, начавшееся с 1924 г. В 1925/26 учебном году из 10 педагогических техникумов 7 работали на белорусском языке. Шел постепенный перевод на белорусский язык сельскохозяйственных техникумов, профшкол, детских дошкольных учреждений, детских домов. В белорусском музыкальном техникуме изучалось белорусское

музыкальное творчество, а в Витебском художественном техникуме собирали и изучали белорусское искусство.

В упрочении национального единства определенную роль сыграла высшая школа, в том числе Белорусский государственный университет (ему придавался краеведческий уклон), Белорусский институт сельского и лесного хозяйства, Витебский ветеринарный институт и др. Большая научная работа по исследованию белорусских языка, литературы, истории, этнографии, фольклора, искусства велась в стенах Института белорусской культуры, на основе которого в 1929 г. была создана Академия наук Белоруссии.

Переводилось на белорусский язык делопроизводство в партийных, государственных, общественных учреждениях и организациях.

Важнейшей задачей было повышение статуса белорусского языка, преодоление представления о нем как о языке деревенском, не дающем перспективы социального роста, хотя в сознании масс этот поворот осуществлялся медленно.

По инициативе Института белорусской культуры было образовано издательство "Савецкая Беларусь". В 1925–1926 гг. из 138 названий изданных им книг 103 были написаны на белорусском языке, 14 – на еврейском, 10 – на польском, 7 – на русском. В 1926–1927 гг. в Минске выходили 4 газеты на белорусском языке – "Савецкая Беларусь", "Беларуская вёска", "Звязда", "Чырвоная Змена"; 1 на русском – "Рабочий"; 2 на еврейском – "Октябрь" и "Юнгер Арбейтер"; 2 на польском – "Орка" и "Гвезда Молодежи" (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 318. Л. 206).

Процессу консолидации белорусов способствовало развитие профессиональных форм культуры (см. раздел "Профессиональная культура"). На революционной волне из народных глубин пришли в литературу молодые писатели и поэты – В. Дубовка, Б. Микulich, А. Мрый, К. Кранива, П. Трус, К. Чорны, М. Чарот и др. На этот период пришелся расцвет таланта, творческих сил ведущих национальных писателей – Я. Купалы, Я. Коласа. Возникли белорусские литературные объединения "Узвышша", "Полымя", "Маладняк", сыгравшие заметную роль в подъеме национального самосознания белорусов. Создание белорусских профессиональных театров (Первый БГТ в 1920 г., Второй БГТ в 1926 г.) стало стимулом для развития белорусской драматургии. С середины 1920-х годов начинает свой отсчет белорусское кино, ведущее место в нем принадлежало историко-революционным фильмам. Развивалась профессиональная музыка, основу которой составляли народные мелодии.

Национальная политика была ориентирована на развитие культуры, языков национальных меньшинств, проживающих в БССР. Равноправными законодательно подтвердились четыре языка: белорусский, русский, еврейский, польский. Однако белорусский язык в силу значительного преобладания белорусов имел более широкие функции, в частности – в сфере сношений между различными организациями и учреждениями. Русскому языку отдавалось предпочтение в сфере внешнеереспубликанских отношений.

Имели возможности для развития и другие языки и культуры. Для еврейских и польских школ готовили педагогов на педагогическом факультете университета, а также в двух еврейских, и одном польском педтехникумах (НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 318. Л. 12–14). Действовал еврейский театр. В Институте белорусской культуры работали польский и еврейский секторы, сотрудники которых занимались изучением материальной и духовной культуры этих народов, проводили экспедиционные исследования.

В местах компактного расселения национальных групп в целях сохранения их самобытных традиций, обычаев, языка создавались национальные сельские, местечковые, городские советы, национальные колхозы. В 1930 г. в Белоруссии были 73 национальных совета (из них 15 русских и 3 украинских), 278 национальных

колхозов (НАРБ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л. 4–24). В 1932 г. был образован польский национальный район с центром в Койданове (ныне – Дзержинск).

Однако препятствием для развития объединительных процессов, консолидации нации оставались неграмотность почти половины населения (по переписи 1926 г., грамотное население в возрасте 9–49 лет составляло среди белорусов 51,1%), а также отставание белорусов по уровню образования, социальной продвинутости от других национальных групп, проживавших в республике. Это становится очевидным при сопоставлении удельного веса белорусов в составе населения республики с их долей среди учащихся школ-семилеток, студентов вузов, научных сотрудников, в управленческих сферах. Так, в 1927 г. в школах-семилетках из числа учащихся только каждый второй был белорусом, среди студентов вузов белорусы составляли 59%. Еще меньше белорусов было среди научных работников и преподавателей высших учебных заведений (33%), а среди профессоров их было всего 7% (НАРБ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 20. Л. 16, 19, 22). В группе руководителей губернского и уездного масштаба удельный вес белорусов был 46%, а составе горсоветов – 45%. Исключение представляли руководители сельских Советов, где процент белорусов поднимался до 90,2%.

Политика белорусизации дала мощный импульс для развития национальной культуры. Но в процессе культурной революции наблюдались и противоречивые тенденции, вызванные игнорированием интересов определенных социальных слоев, общественных течений. Чрезмерное форсирование белорусизации оттолкнуло от нее часть населения, вызвало активное или пассивное сопротивление, особенно в восточных регионах БССР.

Серьезные деформации наблюдались в религиозной жизни белорусов. В послереволюционные годы сильному гонению подвергалась празднично-обрядовая культура народа, которая была связана с религией, почти ко всем религиозным праздникам приурочивались атеистические кампании, высмеивавшие религиозные представления людей. Причем, если сначала делались попытки приспособить традиционные праздники к новым условиям (появились "советские" или "комсомольские" Каляды, "Красная Пасха" и др.), то в дальнейшем усилилась тенденция к полной замене их пролетарскими торжествами. Церковные обряды крещения, венчания, похорон заменились гражданскими: появились красные крестины, или октябрины, гражданская регистрация брака и гражданские похороны.

На стыке 20-х и 30-х годов произошло свертывание "новой экономической политики", на смену ей пришли жесткие административно-командные методы управления экономикой, в идеологии на первый план выдвигался вопрос о классовой борьбе в области культуры.

Был отброшен медленный, поэтапный метод кооперации и взят курс на ускоренную принудительную коллективизацию. В результате произошло своеобразное отчуждение крестьян от земли, от средств производства и результатов труда. Раскулачивание коснулось не только зажиточных слоев населения, но и части середняков и даже бедных крестьян, что породило волну недовольства, неприятия жесткой политики. Об этом убедительно говорят результаты обзоров некоторых районов Белоруссии, выполненных бригадой ЦКК–РКИ БССР, выезжавших на село в 1932 г. Так, в обзоре по Кормянскому району указывается на нездоровые настроения среди крестьян: "Як ня ішлі ў калгас, дык хлеб хоць быў, а цяпер трэба з голаду падыхаць", "калгас добры толькі для заможнікаў (для зажиточных) (колхоз "Искра)", "Робім, робім, а яно ўсё як скрозь зямлю пралаліваецца" (колхоз "Дружба"). В обзоре Уваровичского района инструктор орготдела Президиума ЦИК БССР т. Носка пишет: "Во время проведения заготовок кулаками убит председатель Стадионского сельсовета Савутин... Выбрасываются контрреволюцион-

ные лозунги – от села до села пятилетка довела... В отделении колхоза "Рухавік" (Двигатель) Пянчинского сельсовета Уваровичского района колхозники бастовали 10 дней, этой забастовкой руководили кулаки". И далее говорится о репрессивных мерах против руководителей сельских советов с тем, чтобы усилить нажим на крестьянство: "Председатель Блюдинского сельсовета Смоляков не выполнил на 50% посевной план, скрывал кулаков и зажиточных. Во время его работы выявлено только 3 зажиточных хозяйства и ни одного кулака. За такие действия распущено 4 президиума сельсоветов и отданы под суд, а за шесть месяцев осуждено Нарсудом 33 работника сельсоветов" (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2932. Л. 136–150). Крестьяне, доведенные репрессиями, беззакониями до отчаяния, брались за оружие. Только в 1930 г., по неполным данным, было свыше 500 крестьянских выступлений.

Коллективизация затрагивала интересы и судьбы всего крестьянства. Однако различные слои его по-разному относились к этому "великому перелому" в своей жизни. Бедняки, связывая с объединением улучшение своего экономического положения, поддерживали коллективизацию, стали ее основной опорой. По отношению к кулачеству развернулась самая настоящая борьба, что, естественно, вызывало ожесточенное сопротивление. Сложнее было с середняком. Ему надо было время, чтобы убедиться в выгодности дела, хорошенько подумать и взвесить все за и против.

Взаимоотношения между людьми в коллективных хозяйствах складывались непросты. В обзоре Ельского района отмечается: "Спрятавшись от индивидуального обложения, налога и заготовок, кулаки и зажиточные проводят разлагающую работу и, взяв под свое влияние отдельные колхозы, используют их для собственной наживы, иногда вытесняя или выгоняя бедняков и середняков... Мурашка Василий забрал своего общественного коня, воз и залер дома, а когда пришел бедняк Воробей за конем и возом, Мурашка заявил: "Паспрабуй (попробуй) толькі ўзяць – дам па карку (по шее)". Все зажиточные своих общественных лошадей не дают запрягать беднякам. "Свайго запражы", – говорят они. Когда сеяли рожь, то каждый зажиточный крестьянин навоз возил только на свою прежнюю полосу" (НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2932. Л. 41об.).

В 1928 г. в Белоруссии насчитывалось 3,5% хозяйств, которые относили к кулацким, а раскулачено было 10–12% крестьянских хозяйств. Было разорено примерно 95 500 крестьянских семей, около 500–700 тыс. человек сдвинулись с места, лишившись крова (СБ. 1989. 14 мая).

Массовые депортации крестьян из Белоруссии на Урал, в Сибирь и другие районы страны, принудительная коллективизация порождали неуверенность в своих силах, в завтрашнем дне. Одна из трагических страниц белорусской деревни в книге многострадальной истории народа – голод 1932–1933 гг., причиной которого было принудительное изъятие хлеба "под метелку" в колхозах и единоличных хозяйствах. В эти годы жители деревень, чтобы спасти себя и своих детей от голодной смерти, были вынуждены срывать колоски на колхозных полях (их называли "парикмахеры"), воровать зерно на заготовительных пунктах. Происходила деформация общественного сознания. Воровство в народе всегда считалось большим грехом, теперь это стало как бы одной из немногих возможностей для выживания семьи.

В ходе форсированной коллективизации подвергались разрушению важнейшие элементы производительных сил сельского хозяйства. Многие крестьяне при вступлении в колхозы уничтожали хозяйственные строения, орудия труда, убивали свой скот. Только за первые два месяца 1930 г. в Белоруссии было истреблено 422,1 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей (Развитие экономики Белоруссии в 1928–1942 гг., 1975. С. 129). В результате было сильно подорвано живот-

новодство. Падение сельскохозяйственного производства вызвало трудности в продовольственном снабжении населения. При росте численности населения за 1926–1932 гг. на 7,3% валовая продукция сократилась на 27%.

Информатор из пос. Езерішэ Городокского района Витебской области Иван Сергеевич Данилов вспоминает: «До 1934 г. семья моих родителей вела единоличное хозяйство. Жили в деревне Порядки (деревенька, как и многие другие, исчезла с лица земли, на ее месте поднялся березняк). Имели 12 га земли, далеко от деревни, земля неплодородная. Урожай был низким. В 1933 г. был голод, умерло двое детей – мой брат трех лет и сестра семи лет. А всего у родителей было восемь детей. В 1934 г. вступили в колхоз, положение жизни не улучшилось. В хозяйстве до вступления в колхоз было две коровы, молока давали по 7–8 литров в день. Когда вступили в колхоз, осталась одна корова. Часть молока сдавали государству. Платили налоги, на которые отчуждалась часть произведенных продуктов. Поэтому питание было неважное, малокалорийное. Хлеб из чистого зерна ели редко, больше суррогат. Для печения хлеба использовалась непросеянная мука с добавлением картофеля и картофельных очисток, ячменной муки – получался тяжелый черный хлеб. А весной к горстке муки добавляли ботву, головки хвоща ("гегели"), шнитть (траву), головки клевера, мерзлый и гнилой картофель, собранный на прошлогоднем поле» (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 909. Л. 95–96).

Раскрестьянивание деревни, индустриализация и урбанизация глубоко повлияли и на духовную жизнь нации, забывались народные традиции, обычаи, накопленный и отшлифованный веками духовно-нравственный строй жизни. Следствием антирелигиозной пропаганды стали закрытие и ограбление церквей, уничтожение архитектурных и исторических памятников, аресты и ссылки священников и верующих. В конце 1920-х годов жертвой этой политики стала белорусская интеллигенция. Началась кампания по разоблачению так называемого национал-демократизма – надуманного явления, не имеющего значительного распространения в жизни белорусов. К сожалению, эта страница истории еще только приоткрывается, изучаются архивы, документы, многие вопросы и проблемы этого периода ждут глубоких и непредвзятых исследований. Уже в 1924 г. в докладной записке заместителя полномочного представителя ОГПУ по Запкраю Опанского секретарю ЦК КП(б) Белоруссии Криницкому крупнейшие деятели белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас характеризуются как интеллигентно-шovinисты, вносящие в литературу чуждые революции настроения, а иногда и "контрреволюционные тенденции", отмечается, что "белорусская интеллигенция отражает в себе стремление демократического характера, протаскивая этот мелкобуржуазный демократизм и во всю практическую работу некоторых органов БССР" (КБ. 1990. № 2. С. 47, 49).

В белорусские "нацдемы" ("национальные демократы") в первую очередь записывали писателей и поэтов крестьянского происхождения. Свыше ста писателей и поэтов были расстреляны или погибли в лагерях. Жертвами стали выдающиеся ученые, партийные и общественные деятели, творческие работники, учителя. Но и в то сложное время белорусские литература и искусство, приобретая жакровое разнообразие, заняли почетное место в общесоюзной и европейской литературе и искусстве.

Рассматривая вопрос о состоянии белорусского этноса в XX в. нужно заметить, что важными факторами, определившими характер этнокультурных процессов, были миграция населения, рост промышленности, развитие сельского хозяйства. Остановимся коротко лишь на некоторых общих тенденциях экономического развития Белоруссии, направлениях миграции в этот период.

Сложным процессом была индустриализация. С одной стороны, в ходе ее развивались прогрессивные отрасли – тяжелая промышленность, электроэнергетика.

В результате быстрых темпов развития Белоруссия из аграрной превратилась в индустриально-аграрную республику. В валовой продукции народного хозяйства промышленная составила 80%. С другой стороны, индустриализация осуществлялась главным образом на средства, изымасмые из деревни после ее форсированной коллективизации. Цена интенсивных темпов индустриализации была непомерно высока. Экстенсивное развитие экономики опиралось на привлечение все новых дополнительных материальных и трудовых ресурсов. Сверхцентрализация экономической жизни привела к окончательному слому механизма саморегуляции экономики. Вместе с тем уровень промышленного развития в республике существенно повысился.

За период 1929–1940 гг. было введено в строй и реконструировано 1863 предприятия (исключая мелкие), наиболее крупные из них – районная электростанция БелГРЭС, Минская, Могилевская, Борисовская и Кричевская ТЭЦ, Бобруйский, Гомельский и Борисовский деревообрабатывающие комбинаты, Кричевский цементный завод, Гомельский стекольный, Могилевский искусственного волокна, Гомельский сельскохозяйственного машиностроения, Минский радиозавод, Оршанский льнокомбинат, минская кондитерская фабрика "Коммунарка" и др. (Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг., 1975. С. 38–39).

Особенностью индустриализации Белоруссии было развитие отраслей промышленности, использующих местные сырьевые ресурсы (торфяной, химической, стройматериалов, стекольной и др.), а также размещение в республике предприятий, использующих привозное сырье (металлообработка, машиностроение, текстильная и швейная промышленность). Более низкими темпами развивалась деревообрабатывающая, спичечная, бумажная и лесозаготовительная отрасли промышленности, что было связано с уменьшением в республике запасов спелой древесины.

Всестороннюю помощь Белоруссии оказывали соседние республики. Из индустриально развитых центров Российской Федерации и из Украины не только поступали различные машины, оборудование, топливо, металл, но и приезжали квалифицированные рабочие, техники, инженеры.

Индустриальное развитие привело к увеличению числа рабочих в республике. Так, за годы довоенных пятилеток рабочий класс увеличился в 6 раз, в то время как в целом по стране – в 3 раза (История Беларускай ССР, 1975. Т. 4. С. 25).

Источником ускоренного роста численности рабочих явилось крестьянство. В 1932 г. среди рабочих, которые пришли в промышленность, крестьяне составляли 50,2%, рабочие – 36,5, служащие – 7,6, кустари – 5,4, другие – 0,3% (Вышинский, 1980. С. 184). Пополнение рабочего класса за счет крестьянства, в большинстве своем белорусов, привело к изменениям в этнической структуре рабочего класса. При увеличении численности рабочих в крупной промышленности Белоруссии с 1930 по 1940 г. в 5 раз численность рабочих-белорусов возросла в 8 раз. В 1940 г. среди всех рабочих, которые были заняты в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, на долю белорусов приходилось около 80% (Социальные изменения рабочего класса Белоруссии..., 1965. С. 23, 24). Особенно большой удельный вес белорусов был на новых предприятиях. Стремительное расширение рядов рабочих за счет выходцев из деревни, имевших более низкое образование и квалификацию, чем потомственные мастера, в какой-то мере замедлило освоение новой техники и технологии. Однако со временем, с повышением культурного и профессионального уровня рабочих, эти недостатки преодолевались. В 1940 г. из общего числа промышленных рабочих каждый пятый был квалифицированным. Существенные качественные изменения происходили в профессионально-отраслевой структуре рабочего класса. Увеличилось количество рабочих, которые были заняты в машиностроении и металлообработке, в тор-

фяной и текстильной промышленности, соответственно уменьшилась их доля в деревообрабатывающей и пищевой.

Одной из сторон индустриализации явилась урбанизация республики, в процессе которой росла численность городского населения, усиливался приток белорусов в города, пополнялись национальные кадры рабочих, интеллигенции.

В руководящем персонале партийных, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий республиканского уровня белорусы составляли в 1939 г. 41,6%, районного и городского уровня – 65,1%. Велик был удельный вес белорусов среди руководителей учебных заведений, научно-исследовательских учреждений, театра и кино (73,0%), среди учителей (78,8%), заведующих домами культуры, клубами и избами-читальнями (83,6%). Среди научных работников и преподавателей вузов четверо из десяти были белорусы, среди писателей, журналистов, редакторов – каждый второй был белорус.

В начале 1930-х годов в БССР было введено всеобщее обучение (начальное в деревне, семилетнее в городе), в основном была ликвидирована неграмотность (согласно переписи 1939 г., грамотных было 80,8%). В 1938 г. работали 7132 школы, в которых училось более миллиона детей, из них 88% получали знания на белорусском языке.

Надо отметить сильное стремление белорусов выучиться, "выйти в люди". Один из информаторов вспоминает: "Моя мать научилась читать, а писала плохо, нам же, детям, все время говорила, что останется в одной "зрэбнай сарочцы" (домотканой сорочке), только бы мы получили образование". Поэтому большое внимание уделялось подготовке педагогов для школ. С проведением всеобщего семилетнего и расширением среднего образования учительские институты в Витебске, Гомеле, Могилеве были преобразованы в педагогические, дополнительно открылись учительские институты в Витебске, Гомеле, Могилеве. В 1940/1941 учебном году в Белоруссии работало 25 высших учебных заведений, на 10 тыс. человек приходилось 24 студента, что на то время было больше, чем во Франции, Германии, Италии, Великобритании.

Заметную роль в консолидации белорусского этноса стали играть средства массовой информации: радио, печать. В 1938 г. в республике издавалось 199 республиканских, окружных, городских, районных и многотиражных газет, в том числе 149 на белорусском языке. Получило развитие книгоиздательское дело. Если в 1929 г. общий тираж книг составлял 2,2 млн экземпляров, то в 1938 г. – 14,7 млн, из них на белорусском языке – соответственно 1,8 и 12,3 млн экземпляров.

В процессе развития народного хозяйства менялись быт и материальная культура белорусов. Традиционные орудия труда постепенно вытеснялись сложными машинами: тракторами, молотилками, комбайнами, косилками и др. В 1940 г. на колхозных полях работали 9720 тракторов, 1592 комбайна и много других сельскохозяйственных машин. Деревянные бороны заменялись железными, соху сменил плуг. На селе появились новые профессии – трактористы, машинисты, комбайнеры, шоферы, счетоводы, ветврачи, зоотехники и др. В коллективных хозяйствах значительно увеличились посевные площади под картофелем, техническими (лен, конопля) и кормовыми культурами.

Изменилась и традиционная крестьянская усадьба. Отпала необходимость во многих хозяйственных постройках (например, в помещении для сохранения и обмолота зерновых культур, для содержания лошадей, волов и др.). Трансформировались усадьбыне планировки, в том числе традиционный ансамбль веночной усадьбы на северо-востоке и востоке Белоруссии, двор стал более открытым и свободным (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 101–102). Преобразовывались и сами поселения. Вместо многочисленных деревень, хуторов возникали колхозные поселки, основанные больше на нетрадиционных принципах хозяйствования.

Начиналась планомерная застройка и реконструкция городов. Исчезли некоторые элементы традиционного комплекса белорусской народной одежды, исчезала и семантика традиционного для белорусов геометрического узора, вместо дмотканых материалов стали применяться фабричные, особенно в изготовлении сорочек, рубах и передников.

Питание белорусов в основном сохраняло традиционную основу, однако уменьшилась роль религиозных постов, обрядовой пищи.

Таким образом, в 1920–1930-е годы этнокультурные процессы в Белоруссии были противоречивы. С одной стороны, уменьшалась роль церкви, разрушались традиционные формы материальной культуры, снижалось значение праздников и обрядов как важных посредников в передаче этнических знаний, а с другой – увеличилась роль литературы и искусства, печати и других социальных институтов.

В Западной Белоруссии, которая с 1921 по 1939 г. находилась в границах польского государства, процессы национального развития шли под большим влиянием противоречивых тенденций. Нарастала польско-католическая экспансия "восточных кресов" (восточных территорий). Польское правительство стремилось проводить политику, направленную на окатоличивание, ополчительство белорусов. Этой цели служили костел, проводивший идею вероопределяющей общности католиков и причислявший белорусов-католиков к полякам, а также печать и школа. В польской печати прослеживалось негативное отношение к белорусской национальной культуре, языку. Несмотря на протест общественности, к 1938/1939 учебному году были ликвидированы белорусские школы и гимназии, не было ни одного белорусского высшего учебного заведения, театра. Расширению колонизации способствовали также переселения в Западную Белоруссию из этнической Польши "осадников", выполнявших в государстве полицейские функции. Волны белорусской эмиграции шли в США, Канаду, европейские страны.

В таких условиях процесс развития этнического самосознания белорусов был чрезвычайно сложным и многоплановым. Иногда оно принимало невыразительную форму, опираясь на общинно-земляческие представления (например, во время переписи населения 1931 г. в Полесском воеводстве 707 тыс. человек назвали себя "тутэйшымі", что значит местными).

Вместе с тем замедленное экономическое развитие Западной Белоруссии, слабая урбанизация были причинами консервации традиционной культуры белорусов, которая выполняла важную этнодифференцирующую функцию. Определенную роль в консолидации белорусов западных территорий сыграло православие. Актуализации этнического самосознания способствовали культурно-просветительные, партийные и комсомольские организации. Поэтому, несмотря на ослабление внутритнических связей, наступление на этническое самосознание, белорусы западных территорий сохранили свою языковую и культурную специфику, осознавали свое единство с белорусами из БССР, а ассимиляция охватывала в основном высшие слои населения.

Важным политическим актом, который позитивно повлиял на развитие белорусского народа, было воссоединение Западной Белоруссии с БССР в 1939 г. Территория и население Советской Белоруссии увеличились почти в 2 раза. Население Западной Белоруссии включилось в процессы внутренней консолидации и межэтнической интеграции в рамках СССР. В освобожденных районах открывались институты, педагогические училища, театры, филармонии, школы с белорусским языком обучения. Однако естественный ход объединительных процессов Западной и Восточной Белоруссии нарушался репрессивными действиями государственных органов. Проводились репрессии против некоторых членов Компартии Западной Белоруссии, депортация "неблагонадежного" населения – осадников, кулаков, лиц, недоброжеланных к Советской власти, и их семей вглубь страны.

Рис. 37. Скульптура "Непокоренный человек" в Хатыки

Большие потери в экономике и культуре произошли в годы Великой Отечественной войны. Фашисты разрушили 209 белорусских городов и районных центров, 9200 сел и деревень, сожгли 628 деревень вместе с жителями (в том числе д. Хатынь, память о которой увековечена в мемориальном комплексе "Хатынь") (рис. 37). В республике погиб каждый четвертый житель. Белорусы в числе первых приняли на себя удар немецкой армии. Свыше миллиона их сражались на фронтах, 440 тыс. партизан и подпольщиков вели борьбу на оккупированной врагом территории.

В послевоенные годы усилились экономические и этнические связи между воссоединенными западными и восточными частями Белоруссии. Создавались благоприятные условия для консолидации белорусского этноса. В бытовой культуре белорусов, особенно в сельской местности, сохранялись и поддерживались многие традиционные элементы. Ожилились традиционные промыслы и ремесла – ткачество, плотничество, изготовление кирпича, разнообразной посуды, сельскохозяйственного инвентаря и др. Люди переселялись из землянок и полужемлянок в новые дома, в технике строительства которых, в планировке и интерьере использовались некоторые традиционные черты – украшались рушниками портреты родных, а в отдельных домах и иконы, кровати застилали вышитыми и ткаными покрывалами и др.

Сохранялись отдельные традиционные черты и в одежде. На некоторых территориях Белоруссии в повседневной жизни бытовали домотканые материалы, на Брестчине до 1950-х годов молодичи носили "наміткі" (полотенчатый головной убор), а свахи надевали на свадьбу "рожки", или "цвѣты" – своеобразные головные уборы с пучками крашенных перьев (Раманюк, 1981. С. 8). 60–70-летние женщины на Гомельщине носили "чепцы" – маленькие матерчатые шапочки. Еще в 1950-е годы старики на Полесье ходили в лыковых лаптях ("для легкости", "по болоту ходить – вода быстрее вытечет"). Однако уже в то время традиционная одежда уступает место новым формам, ориентированным на городскую "моду" (в крос, материале), особенно в молодежной среде.

До конца 1950-х годов питание белорусов, особенно в сельской местности, было традиционным: крупные блюда, овощи, реже молочные продукты и продукты животноводства. Но с каждым годом ощущалось его улучшение. Хлеб в деревне выпекали в домашних условиях, но уже без примесей, чистый. Изготавливали масло, творог, сыр, иногда покупали пшеничную муку, рыбу, сахар, чай, макаронные изделия, консервы.

В 1960–1980-е годы на этническое развитие белорусов определяющее влияние оказали социально-экономические факторы, вызвавшие существенное изменение демографических параметров, социальной структуры, культуры, образа жизни народа. Только в конце семилетки (1958–1965) темпы экономического роста сравнялись с общесоюзными, в последующие пятилетки Белоруссия существенно их опередила.

Довольно благоприятные условия для этнокультурного развития белорусов сложились в 1965–1975 гг. Почти во всех отраслях экономики была проведена реконструкция, введено более совершенное техническое оборудование, применялись новые методы производства и технические режимы, повышалась степень механизации, электрификации и автоматизации. Создавались новые отрасли промышленности. Именно в это время были заложены основы всесоюзной специализации, в которой Белоруссия с учетом ее природных, экономических и географических условий и наличием трудовых ресурсов отводилась роль "сборочного цеха".

Большие инвестиции шли из общесоюзного фонда, особенно в оборонные отрасли экономики. В результате ускорился прирост промышленной и сельскохозяйственной продукции, оставаясь в 1980-е годы более высоким, чем в целом по

СССР. Среднегодовой темп прироста национального дохода в период 1976–1986 гг. составил по республике 5,4% при 3,9% в целом по стране, промышленного производства – 6,3% при 4,1% по стране. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 16% (при росте по всей стране не более, чем на 14%). Опе-режающее развитие республики по основным экономическим показателям со-хранялось в 1986–1990 гг.

Наличие квалифицированных кадров рабочих и специалистов, накопленные трудовые традиции, благоприятная производственная инфраструктура оказались решающими факторами успехов. Индустриальный облик республики определяли трудоемкие отрасли народного хозяйства, отражающие научно-технический про-гресс, – радиотехническая, электронная, станкостроительная, автомобильная, неф-тестерабатывающая, химическая.

Ключевой в промышленности Белоруссии машиностроительный комплекс ха-рактеризуется многоотраслевой структурой, развитием внутри- и межгосударст-венных связей. Республика известна прежде всего автомобилестроением. Первые белорусские автомобили МАЗы были выпущены Минским автозаводом в 1947 г., а в 1989 г. с конвейера завода сошла миллионная машина. Эта отрасль сейчас спе-циализируется на выпуске большегрузных автомобилей (в Минске, Могилеве) и сверхтяжелых самосвалов – БелАЗов (до 180 т) в Жодино. Кроме названных пред-приятий, в производственное объединение БелавтоМАЗ входят мотоциклетный и велосипедный завод в Минске, а также предприятия подетальной специализа-ции. Развивались тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, станко-строение (металлорежущие станки разных видов, автоматические линии, кузнечно-прессовое оборудование), приборостроение, радио- и электронная промышлен-ность.

Создание в республике химической и нефтехимической промышленности от-носится к 1960–1970 гг., тогда были построены крупнейшие предприятия по вы-пуску минеральных удобрений, химических волокон, пластмасс, шин, нефтехими-ческих продуктов.

В 1980-е годы республика производила 18,1% минеральных удобрений, 28,1% химических волокон и нитей, 7,3% автомобильных шин, выпускаемых в Советском Союзе (Народное хозяйство СССР в 1988 г., 1989. С. 340–341). Однако форсирован-ное и во многом не упорядоченное развитие химического и нефтехимического комплекса создало в ряде городов (Новополоцк, Могилев, Светлогорск, Гродно и др.) неблагоприятную экологическую обстановку.

Традиционными для Белоруссии являются легкая и пищевая, лесная и дерево-обрабатывающая промышленность. Легкая промышленность занимает заметное место в экономике республики.

Лесная промышленность основана главным образом на использовании ресур-сов белорусских лесов, однако удельный вес ее в промышленном производстве рес-публики невелик. Развиваются деревообрабатывающая (в особенности мебельная) и целлюлозно-бумажная промышленности.

Пищевая промышленность представлена предприятиями мукомольно-круп-ных, крахмальных, плодоовощеконсервных, сахарных, молочных, мясных, конди-терских и других отраслей, они размещены во многих городах и поселках городского типа.

Топливо-энергетический комплекс обслуживает в основном внутривнутриреспубли-канские потребности. Белорусская энергетическая система состоит из тепловых электростанций. Часть электроэнергии поступает от атомных электростанций, расположенных за пределами республики. До середины 1960-х годов энергетика Белоруссии базировалась преимущественно на использовании местного торфа, затем его постепенно вытесняли топочный мазут и природный газ.

Экономика Белоруссии функционировала в составе общего народнохозяйственного комплекса, сложившегося в границах СССР, на локальном уровне шло формирование белорусского экономического региона. Укрепление внутринациональных экономических связей способствовало развитию консолидации этноса, а рост межнациональных экономических связей вел к интеграции. Межэтническое взаимодействие находило отражение в межреспубликанском обмене продукцией. Из Российской Федерации в Белоруссию поступали машины, приборы, металл, газ, оборудование, ткани, из Украины – уголь, металл, минеральные и строительные материалы, природный газ, из республик Прибалтики – отдельные виды машин, рыба, мебель, галантерейные товары, из Закавказья и Молдавии – виноград, чай, цитрусовые, из Средней Азии – хлопок, фрукты, из Казахстана – пшеница. Белоруссия в свою очередь вывозила грузовые автомобили, тракторы, металлорежущие станки, электронные счетные машины, часы. Большое место в поставках занимали продукты химии и нефтепереработки, льняные и шерстяные ткани, обувь, трикотаж и т.д.

В конце 1980-х годов повысился удельный вес изделий, соответствующих мировому уровню. Продукцию белорусского машиностроения (автомобили, тракторы, холодильники, телевизоры, мотоциклы, велосипеды, ЭВМ, приборы) вывозили более, чем в 90 стран мира. На экспорт шли минеральные удобрения, полиэтилен, льняные ткани, ковры и др.

Надо сказать, что распад Советского Союза крайне негативно сказался на развитии промышленности. Как никакая другая республика Белоруссия была интегрирована в народнохозяйственный комплекс страны и разрыв экономических связей затормозил производство, резко снизил его объемы. Это коснулось почти всех отраслей.

В 1990-е годы внешнеэкономические связи претерпели существенные изменения, возникли их новые формы. На внешний рынок вышли непосредственно сами производители. Появились совместные с иностранными фирмами предприятия (на 1.1. 1996 г. было зарегистрировано 1981 совместное предприятие) (Статистический ежегодник Республики Беларусь, 1997. С. 198).

Серьезные изменения происходили в социальной структуре белорусов. Высокие темпы развития промышленности Белоруссии в послевоенное время содействовали увеличению численности рабочих (за 20 лет – 1960–1980 гг. – в 2 раза). Наиболее быстро росла доля рабочих, занятых в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания. Происходили и качественные изменения в рабочем классе, связанные с повышением образовательного и квалификационного уровня рабочих. Появлялся слой рабочих-интеллигентов с высшим и средним специальным образованием.

В 1980-е годы рабочий класс стал преобладающим по численности и в городе, и на селе. Повысился удельный вес служащих, но в то же время понизились процент и численность колхозного крестьянства (табл. 8). По сравнению с насе-

Таблица 8

Распределение белорусов по общественным группам, в %
(по данным переписей населения)

Общественные группы	1979 г.	1989 г.	Общественные группы	1979 г.	1989 г.
Рабочие	57,1	57,7	Другие	0,1	0,1
Колхозники	24,2	17,7	Всего	100	100
Служащие	18,6	24,5			

лением республики в целом у белорусов был выше удельный вес рабочих и крестьян и несколько ниже – служащих.

Быстрый рост промышленности сказался и на миграционных процессах, на темпах урбанизации республики. На карте Белоруссии только с 1959 по 1979 г. появилось 27 новых городов, среди них такие крупные промышленные центры, как Светлогорск, Новополоцк, Жодино, Новолукомль, Солигорск. Процесс урбанизации продолжается и в настоящее время. В 1997 г. в городах республики проживало 69,3% ее населения (Население Республики Беларусь, 1997. С. 5).

Рост городского населения происходил главным образом за счет внутри-республиканской миграции, основным направлением которой было село–город. По данным социологического обследования 1986 г., каждый второй горожанин родился в селе. За 1965–1970 гг. численность сельского населения БССР уменьшилась на 8,2%, за 1970–1975 гг. – на 8,9%, за 1975–1980 гг. – на 9,7%. За 1980–1985 гг. – на 10,1 (Трудовой потенциал..., 1988. С. 123). Среди прибывших в города из сельской местности около 80% составляли белорусы (Касперович, 1985. С. 48). Массовый приток в города сельских жителей, преимущественно белорусов, изменил этнический состав городского населения и характер этнокультурных процессов. Прибывшие в город из села белорусы в большей мере, чем давние горожане, сохранили специфические черты традиционной белорусской культуры. Но процесс адаптации был сложным и неоднозначным. С одной стороны, мигранты получили возможность повысить свое образование, квалификацию, с другой – теряли связи со средой, в которой чаще, чем в городе, воспроизводились народные обычаи и обряды. Интеграционные процессы между городом и селом оказали положительное влияние на этническое развитие белорусов не только в производственно-хозяйственной и социальной сферах, но и в культуре и в быту населения.

Высокие темпы развития промышленности, создание новых отраслей, строительство заводов и фабрик вызывали приток в БССР специалистов и квалифицированных рабочих из-за пределов республики, в первую очередь из России и Украины. Внешнереспубликанские миграции стали причиной роста многонациональности республики. В 1989 г. несколько понизился удельный вес белорусов в республике (77,4%), но повысилась доля русских, украинцев и представителей других национальностей.

До распада СССР Белоруссия производила 4,2% общесоюзного национального дохода. Сельское хозяйство специализировалось на производстве продукции животноводства, возделывании льна, картофеля. Занимая 1,8% площади сельскохозяйственных угодий страны, республика в 1989 г. производила примерно 25% льноволокна, более чем 15% картофеля, 6,5% мяса, 9,1% масла, 6,7% молока. В целом валовая продукция сельского хозяйства составляла почти 6% союзного объема производства (Народное хозяйство СССР в 1989 г., 1990. С. 338–468).

В рамках СССР развитие сельского хозяйства республики основывалось на укреплении его материально-технической базы. Это влекло за собой определенные изменения в социально-профессиональной структуре сельского населения, способствовало повышению образования и квалификации кадров, что в свою очередь оказывало влияние на особенности этнокультурных процессов.

В Белоруссии на конец 1996 г. использовалось около 9,3 млн га сельхозугодий, включающих пашню, сенокосы, пастбища, сады и ягодники. В структуре посевных площадей примерно 43% было занято под зерновые и зернобобовые культуры, из них наиболее распространены озимая рожь, ячмень, озимая и яровая пшеница, овес. Белоруссия всегда славилась производством картофеля, она не только обеспечивала им свои потребности, но и поставляла его в Россию (особенно в ее крупнейшие города), на Украину, в Молдавию. В 1996 г. картофель и овощи занимали 13% посевных площадей.

В республике возделываются также лен-долгунец, сахарная свекла (2% посевных площадей) и другие культуры (Статистический ежегодник..., 1997. С. 469, 474).

В целом же сельское хозяйство Беларуси имеет ярко выраженную животноводческую специализацию. Например, в конце 1980-х годов животноводство давало 58% валовой и $\frac{4}{5}$ товарной продукции сельского хозяйства. Важнейшее значение имеет разведение крупного рогатого скота молочных и мясо-молочных пород. Кроме того, развиты свиноводство и птицеводство. Животноводство в Белоруссии в 1980-е годы отличалось высокой эффективностью, для переработки свинины и говядины были созданы крупные мощности на промышленной основе.

В последние годы, несмотря на общий экономический спад, Республика Беларусь все же остается устойчивым регионом по производству сельскохозяйственной продукции, и прежде всего продуктов животноводства. Агропромышленный комплекс Беларуси отличается высоким уровнем материально-технического обеспечения.

В 1990-е годы распространилась новая форма хозяйствования – фермерство, что, несомненно, оказало влияние на бытовую культуру сельского населения. В 1992 г. насчитывалось 757 фермерских хозяйств, а в 1997 г. – 2997 (Статистический ежегодник..., 1997. С. 466).

Однако с развитием промышленности, животноводства, химизацией сельского хозяйства обострились вопросы экологии: увеличилась загрязненность рек, озер, родников, колодезь неочищенными стоками.

После аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) около $\frac{1}{5}$ территории республики оказалось в зоне радиоактивного загрязнения, и эти земли в той или иной степени стали непригодными для жизни и народнохозяйственного использования. Чернобыльская катастрофа повлекла за собой переселения людей с мест их традиционного проживания, что нарушило их образ жизни, изменило хозяйственную деятельность, повлияло на характер этнокультурных процессов.

При общей тенденции к унификации и стандартизации предметов обихода, одежды, пищи, а также других элементов бытовой культуры у белорусов сохраняются их этнокультурная специфика, которая в последние годы даже усилилась.

В современном сельском жилищном строительстве развиваются два направления: усовершенствование традиционных типов жилищ (в планировке, использовании отделочных материалов и т.д.) и строительство коттеджей и многоэтажных домов.

В белорусской деревне еще преобладает традиционное жилище: 73% жилищного фонда сельских населенных пунктов приходится на индивидуальные дома колхозников, рабочих совхозов и других тружеников села. В крестьянской хате, сохраняющей традиционные особенности конструкции, украшений, ориентации к улице, появляются новшества. Используются новые строительные материалы. Рядом с деревянными домами в деревне строятся кирпичные и шлакобетонные здания, на смену соломенной крыше пришли гонта, черепица, шифер (рис. 38). Совершенствуются строительные конструкции. Часто деревянная резьба украшает наличники окон, коныки, углы, фронтоны, ворота (рис. 39).

В городах основной жилой фонд составляют многоэтажные дома, в строительстве которых применяются индустриальные методы, новые материалы, световые и цветовые решения. Общественные здания возводятся по индивидуальным проектам. В оформление их наружного вида и интерьера архитекторы и дизайнеры привносят национальный стиль (используют белорусскую символику, орнамент, керамику, смальту, гобелены, картины и др.).

В связи с повышением культурно-бытовых запросов населения идет интенсивная трансформация интерьера (увеличение числа комнат, использование фаб-

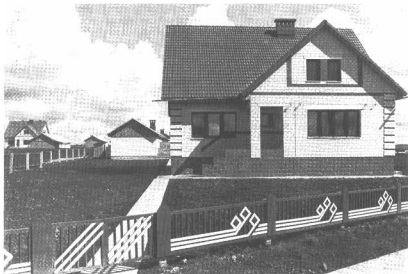

Рис. 38. Экспериментальное строительство в с. Дуброво Городокского р-на Витебской обл. 1996 г.

ричной мебели, создание домашней библиотеки и др.). Но внутренняя планировка сельского жилья в большей мере, чем городского, остается традиционной при размещении предметов интерьера, украшении комнат, выделении красного угла.

Некоторые элементы традиционной белорусской народной одежды используются в обрядовых костюмах. Например, во время свадьбы молодым и друзьям прикалывают цветы на грудь, а свату повязывают через плечо традиционный белорусский рушник. Во время торжественной регистрации брака в загсе молодых приветствует свадебными песнями фольклорно-этнографический коллектив, участники которого одеты в традиционную белорусскую одежду. Ведущая, как правило, надевает национальный белорусский костюм.

Но и в повседневной современной одежде белорусов сохранились некоторые традиции народного творчества: в комплектовании составных частей одежды, способах и приемах орнаментики, украшениях. Большую популярность имеют льняные платья, комплекты, украшенные вышивкой, кружевами, аппликацией по мотивам народного орнамента. В домашнем быту широко распространено вязание носков, рукавиц, свитеров, головных уборов, шарфиков и других теплых вещей, выполненных с традиционными узорами. Вторую жизнь получили богато украшенные белорусские "кожушки". Некоторые из прежних представлений, связанных с изготовлением и использованием народной одежды, существуют и в настоящее время. Например, изготовление одежды относится к сфере женского труда; существует представление и о том, что дочерям следует готовить "приданое" (постельное белье, подушки, одеяло, одежду и др.), что невеста должна хранить свое свадебное платье, а старики – заботиться об одежде "на смерть" и др.

Сохраняются традиции народных промыслов и ремесел в отдельных населенных пунктах. Живы традиционные формы гончарства в Городной, Пружанах,

Рис. 39. Резьба по дереву – давнее увлечение учительницы
Кандиной сельской школы А.С. Осиповой Чашинского р-на Витебской обл.
Своеобразным музеем стал ее дом. 1991 г.

Ружанах и Ясенцах Брестской области; в Порозове на Гродненщине; в Новом Вильянове и Дрибине на Могилевщине, а ткачество распространено в деревнях: Прусы Стародорожского района, Мотоль Ивановского, Неглюбка Ветковского, Красное Лидского и в некоторых других. Народные традиции используются мастерами и на фабриках художественных изделий (резьба по дереву, плетение из соломки, изготовление узорных тканей, керамики и др.).

Сравнительной устойчивостью отличается национальная белорусская кухня. Белорусы по-прежнему отдают предпочтение ржаному хлебу, картошке в разных видах: вареной, жареной, печеной, тушеной, употребляют крупяные блюда. Расширение ассортимента продукции сельского хозяйства и развитие пищевой промышленности обеспечили определенные качественные перемены в питании населения. Больше стали употребляться молочные и мясные продукты, яйца, сахар, овощи, фрукты. Блюда, которые раньше готовили к празднику, – тушеное и жареное мясо, колбасы – стали повседневными, а некоторые повседневные блюда – драники, колдуны, бабка, мачанка – переходят на праздничный стол и служат своего рода этнической чертой белорусской кулинарии, подают их обычно в красивых керамических горшочках, украшенных в духе народных традиций.

Рис. 40. Празднование 930-летия Минска. Театрализованное шествие. 1997 г.

Устойчивыми остаются праздничные и обрядовые блюда. Хлебом-солью белорусы встречают дорогих гостей. На свадьбу выпекают каравай, на родины готовят "бабину кашу". На поминальном столе обязательны ритуальные кутья, сыта, канун (в медовую воду крошат испеченный пресный корж или бублик). На Масленицу пекут блины, оладьи с маслом, творогом. На Пасху трапеза обычно начинается с раздела красного яйца старшим членом семьи по кусочку каждому, "чтоб не блудили в лесу"; выпекается специальный пасхальный кулич.

Изменился характер празднично-обрядовой культуры народа. Усилились общеполорусские черты, и одновременно развиваются интернациональные элементы. Наиболее высока степень сохранности национальной самобытности, этнических черт в обрядах, связанных с жизнью семьи. Например, на свадьбе по-прежнему присутствуют традиционные персонажи (дружки, сват, сватья, шаферки). В родной обрядности бытуют "отведки" (посещение роженицы), выбор кумовей (почетных родителей), шуточное деление "бабиной каши". В обряде похорон используются такие традиционные элементы, как венки, зелень, траурная процессия, прощальное слово, причитания, поминки и др. В 1960–1970-е годы возрождались некоторые календарные обряды – Проводы Зимы, Гуханье Весны, Зажинки, Дожинки, Купалье, а с 1990-х годов общенациональными праздниками стали Рождество, Пасха, "Дзяды" (см. раздел "Календарные праздники"). Нужно заметить, что эти праздники в той или иной степени и ранее сохранялись в быту белорусов, осознавались как часть национальной культуры.

Характерно, что в ряде случаев содержание традиционных праздников переосмысливалось и они включались в современную обрядовую культуру народа. Иногда на базе современных форм появлялись новые праздники: селá, улицы, гóрода, народного мастера, но с включением традиционных элементов (рис. 40).

В обрядовой культуре сохранялось христианское мировоззрение белорусов. В 1970-е годы изменилось отношение властей и общественности к церкви: от жестокой конфронтации, давления, искоренения "религиозных предрассудков", характерных для 1960-х годов, – к терпимости, взаимодействию между властью, общественностью, верующими и священниками, одновременно проявлялась и тенденция к спаду религиозности, христианские традиции как бы перемещались из лоно церкви в семью, приобретали субъективно-личностный уровень. Хотя религия перестала существенно влиять на передачу этнических знаний, она все же продолжала воздействовать на самосознание людей (при опросе в 1986 г. это отметил каждый четвертый белорус, а три человека из десяти подчеркнули положительность ее влияния, еще столько же считали, что религия оказывает как положительное, так и отрицательное влияние).

С конца 1980-х годов наблюдается оживление религиозной жизни: начали строиться храмы, выпускается церковная литература, растет религиозность белорусов. Они стали чаще посещать церковь, совершать религиозные обряды и таинства. Особенно привлекают торжественностью и красочностью богослужения на Рождество Христово, Крещение Господне, Пасху. Широко отмечается православной церковью и общественностью в Белоруссии праздник славянской письменности и культуры (рис. 41).

В народно-поэтическом творчестве белорусов представлены прибаутки, анекдоты, юморески, присказки, поговорки, загадки, а также исторические песни, частушки, из календарно-обрядовых песен – волочebные, купальские, жнивные, осенние. Однако сфера бытования устного народного творчества заметно сужается, поскольку сокращается численность сельского населения – носителя традиционной культуры. Старожилы, хорошо знающие народные традиции, умирают. Молодежь уезжает в города. Нарушаются межпоколенные связи.

В этих условиях возникает необходимость в сохранении и освоении прогрессивного наследия прошлого. Плодотворный пласт духовной культуры белорусов за столетия своего существования накопил много культурных ценностей, которые могут пригодиться потомкам. Функция хранителя культуры все больше переходит к городу. Здесь находятся исследовательские институты, лаборатории, библиотеки, архивы, высшие учебные заведения, методические центры, театры и музеи, Дворцы культуры, фототеки и фонотеки, концентрирующие сведения о традиционной культуре народа, изучающие, систематизирующие и пропагандирующие народные знания, обычаи, традиции и обряды.

Передача этнокультурной информации, сохранение традиционных установок (этническая педагогика, моральные ценности, праздники и обряды), генетического кода народа осуществляется чаще всего в семье, которая, как и в прошлом, помогает адаптироваться к окружающей среде, меняющимся условиям жизни, представляет собой "самое близкое и дорогое для нас Отечество". Вместе с тем наблюдаются изменения и в самой семье, ее структуре, отношениях между ее членами. Идет снижение рождаемости, переход к 1–2-детной семье.

Основная функция семьи – воспроизводство и воспитание детей. Но семья в современных условиях постепенно теряет монополию на воспитание детей, передачу им этнических традиций и отдает определенную часть этих функций социальным институтам: детским дошкольным учреждениям, школам, техникумам, институтам, трудовым коллективам, культурно-просветительным организациям и др.

Важной чертой духовной жизни белорусов стали литература и искусство. Многие белорусские писатели и поэты получили признание не только в республике, но и за ее границами. Свой вклад в белорусскую литературу внесли П. Бровка, В. Быков, К. Крапива, И. Мележ, И. Науменко, И. Шамякин, М. Танк,

Рис. 41. Праздник славянской письменности и культуры в Белоруссии. Литургия в Кафедральном соборе в честь Кирилла и Мефодия. 1990 г.

В. Короткевич, в музыку – А. Богатырев, Е. Глебов, И. Лученок, Г. Вагнер, Д. Смольский, Ю. Семеняко, в изобразительное искусство – М. Савицкий, С. Стельмашонок, А. Кищенко, Г. Ващенко, Л. Шмелев и многие другие.

В 1990-е годы в распространении национальной культуры активно участвуют телевидение, радио, печать, они знакомят жителей Республики Беларусь с историей, культурой белорусского народа, в передачах и в печати широко используется белорусский язык. В 1995 г. на белорусском языке были изданы 661 книга и брошюра, 77 журналов и других периодических изданий, 210 газет (в 1985 г. соответственно – 393, 32, 130) (Статистический ежегодник..., 1997. С. 179).

Согласно данным переписей населения, национальный язык является устойчивым компонентом этнического самосознания у большинства белорусов. В 1989 г.

8 из 10 белорусов признали родным белорусский язык. Вместе с этим позиции белорусского языка в различных социальных сферах, областях жизни неодинаковы. Более сильны ориентации на белорусский язык в сельской местности, особенно прочно он удерживается в чтении, образовании. В 1991/1992 учебном году в 3421 школах с белорусским языком обучения (65,8% всех школ) приобретали знания 303 тыс. учеников (20,8% всех школьников). Однако владение белорусским языком у белорусов часто выше, чем его реальное использование.

В Белоруссии сложилась специфическая этноязыковая ситуация, когда почти во всех сферах общения преобладает русский язык. На нем говорит большинство горожан, он широко используется в образовании, в семейном общении и на работе. Материалы специальных исследований, переписей населения говорят о том, что массовое белорусско-русское двуязычие стало устойчивым явлением. Это подтвердил и референдум 1995 г. — 83% граждан Беларуси, принявших участие в голосовании, высказались за придание русскому языку равного статуса с белорусским.

Известно, что знание родного языка — важное условие сохранения связей между людьми одной национальности — сопряжено с чувством этнического самосознания. Языковая ассимиляция представляется в качестве определенной ступени к ассимиляции этнической. Однако отождествление языковой и этнической ассимиляции неправомерно.

Этническое самосознание — явление сложное, многоаспектное. Язык, хотя и важная, но не единственная его составляющая. На этническое самосознание влияют и природа, и климат, и рельеф местности, на которой проживает народ, его история, культура.

Некоторые представления о том, что вкладывается в понятие "этническое самосознание", дают ответы на вопрос "Что значит быть белорусом?" (Интервью проведено в 1992 г.). Студентка Минского университета культуры, 20 лет ответила: "Любить свою Родину, свой народ, его культуру, язык, обычаи, традиции". Водитель, 45 лет, со средним специальным образованием: "Быть добрым, гостеприимным". Журналист, 31 года: "Для меня — быть добропорядочным человеком". Пенсионер, 72 лет, с высшим образованием: "Проявлять уважение к людям всех национальностей, укреплять дружбу с людьми труда, не допускать разжигания враждебных отношений к братским народам". Учитель средней школы: «Хотел бы, чтобы сегодня мы не выпинали свой "белорусский пуп", не загоняли один другого в белорусы "сілком і хутка" (быстро. — Г.И.). Остаюсь белорусом». А вот ответ инструктора Верхнедвинского райисполкома Витебской области: «Тяжело разложить по полочкам. Ощущение белорусскости вошло в сознание "изнутри", органично, с самого детства — через все то, что в колосовской "Новой земле", плеск ветра или святых песен женщин под большим крестом на могиле сожженных людей, плеск заросшие болотца, лесные пожары с канонадой взрывов, а еще колхозная "толока" и соседство с латышами, русскими, совместные с ними "гулібалі", которые позволяли почувствовать свою особенность. Чувство белорусскости значительно окрепло вдали от родины (учился в Литве, служил в Новгороде, работал на Амуре), тогда сознательно начал изучать Беларусь. Однако без знания истории мы все еще как бы дети».

Интенсификация этнокультурных контактов, рост национально смешанных семей, интернационализация трудовых коллективов идут на фоне национальной толерантности и сопровождаются определенной модификацией этноса. Под влиянием фактора государственности шло распространение политонима "белорусы", наблюдались процессы "местной" ассимиляции, когда представители других национальных групп меняли свою этническую идентификацию (например, часть поляков, татар, евреев, русских). Жители Полесья, ранее называвшие себя поле-

шуками, все чаще считают себя гражданами белорусского государства и белорусами. Устойчиво сохраняются урбонимы и сельские этникины (пинчуки, минчане, полочане, туровцы и др.).

Итак, анализ трансформации и развития культуры белорусов в XX в. показал, что некоторые элементы и даже целые пласты традиционной материальной и духовной культуры не исчезли бесследно, а только изменили способы и формы своего существования. Под влиянием фактора государственности обеспечивается национально-культурное возобновление, развитие системы образования на родном языке, профессиональных форм культуры.

Конец XX в., как и его начало, стал переломным в истории белорусов, когда на развитие культуры большое влияние оказали политические и социальные факторы. Общественно-политические изменения, которые произошли на пространстве бывшего Советского Союза, также отразились на судьбе и образе жизни белорусов. Глубокий кризис в экономике, политике, культуре, падение, производства, инфляция, рост безработицы ухудшили систему жизнеобеспечения жителей Беларуси.

С конца 1980-х годов усилилось национальное движение, в первую очередь творческой интеллигенции, обеспокоенной положением прежде всего белорусского языка, сокращением его функций. Писателями и учеными были подготовлены комплексные программы "Белорусский язык", "Наследие". В них значительное внимание было уделено развитию функций белорусского языка, начиная с детских садиков, школ и до высших учебных заведений. В школах в целях формирования этнического самосознания среди учеников были созданы спецкурсы, факультативы, на которых дети знакомились с историей Белоруссии, ее археологией, природой, праздниками и обрядами белорусов, фольклором, вели краеведческие поиски, встречались со знаменитыми людьми. В 1990 г. был принят закон о языках в Республике Беларусь. 27.7. 1990 г. сессия Верховного Совета БССР приняла декларацию "О государственном суверенитете Белоруссии", которой 25.8.1991 г. придан статус конституционного закона. На 1990-е годы приходится изменения в культурно-историческом самосознании белорусов: укрепляется религиозное самосознание и понимание принадлежности к определенному этносу, а образование своей белорусской государственности способствует развитию этноконсолидационных процессов.

Вместе с тем разъединение восточнославянских народов, разрыв экономических и культурных связей, сужение информационного пространства усилили стремление людей к объединительным тенденциям, в первую очередь к белорусско-русской интеграции.

В 1996 г. подписан Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях (29 марта), Договор о создании Сообщества Беларуси и России (2 апреля), которое в 1997 г. преобразовано в Союз Беларуси и России.

С середины 1990-х годов намечаются тенденции к стабилизации экономических основ жизни народа. Позитивные сдвиги заметны в промышленности и сельском хозяйстве, что оказывает благотворное влияние на воспроизводство культуры народа. В связи с ориентацией экономики на многоукладность, рыночные отношения, меняется социальная структура общества. Появились новые социальные группы, новые профессии. В республике воплощается в жизнь программа поддержки традиционной культуры.

История свидетельствует, что белорусы на протяжении своего многовекового пути создали и сохранили богатую, самобытную и уникальную культуру, которая вошла в славянскую и мировую цивилизации, проявили мужество и героизм,

терпение и трудолюбие, милосердие и умение жить в добрососедстве. Это питает надежду на будущее, что и в третьем тысячелетии белорусы не потеряют своего "лица", найдут свое место в мировом сообществе народов.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА БЕЛОРУСОВ

В формировании этнического самосознания белорусов заметную роль сыграли исследования особенностей их культуры, быта, языка. Первоначально своего рода координирующим центром исследований был Виленский университет, в нем работали ученые И. Лелевель, И. Данилевич, И. Анацевич, М. Бобровский, И. Лабойко, Я. Снедцкий, В. Суровецкий и др. Под руководством проф. М. Бобровского работал кружок по изучению устнопоэтического творчества и быта белорусов и литовцев. Проф. И. Лабойко вместе со студентами и с помощью местных священников по просьбе З. Ходаковского собирал фольклор. Изучением народной культуры занимались в Виленском университете члены тайных студенческих организаций польской ориентации – филаматов и филаретов, членами их были Я. Чечот, Э. Одынец, Т. Зан, Ф. Малевский, А. Петрашкевич и др. По разработанной филаматами инструкции были собраны значительные материалы по описанию некоторых уездов, в частности – Завилейского и Белостоцкого.

В 1830–1840 гг. особенно заметной была деятельность Яна Чечота, опубликовавшего около 1000 белорусских народных песен в переводе на польский язык. Я. Чечот на основе белорусских фольклорных текстов сочинял и свои песни на польском языке.

В упомянутых сборниках Чечот рассматривал особенности белорусского языка, называя его то белорусским, то славяно-кривичским говором. В сборнике, изданном в 1846 г., Чечот, кроме фольклорных произведений (песен, пословиц и поговорок), описывал свои наблюдения над жизнью белорусов и призывал к всестороннему изучению их быта и культуры.

На аналогичных общественно-политических позициях стоял и исследователь бытовой культуры и фольклора сельского населения Пинщины Ромуальд Зенькевич. Его публикации содержат описания семейных и календарных обрядов, трудовых процессов и фольклорных текстов в переводе на польский язык. На основе анализа местной топонимики Зенькевич приходит к выводу, что славянское население на Полесье появилось ранее VI в. н.э., и опровергает доводы Шафарика и других исследователей, считавших, что на этих землях жили будины, а не славяне.

Ценные сведения о быте и культуре белорусов в 40–50-е годы XIX в. были опубликованы польскими писателями и этнографами Я. Барщевским, В. Сырокомлей (Л. Кондратовичем), Я. Крашевским и др. В публикациях они широко использовали этнографические материалы и впечатления, полученные во время путешествий и поездок по Белоруссии.

Заметное влияние на этнографическое изучение Белоруссии оказало "Варшавское общество любителей науки". В программе конкурса, объявленного этим обществом по собиранию фольклорно-этнографических материалов, предусматривалось описание обрядов, праздников, верований, суеверий и фольклора, "одним словом, всего того, что может разъяснить образ жизни и народные обычаи". Участник конкурса К. Вуйтицкий впоследствии опубликовал ряд работ, в которых были помещены материалы о белорусах.

Быт и культура белорусов отражены в работах секретаря этого общества Л. Голембиовского. В книге "Польский народ, его обычаи и суеверия" (*Golem-*

Л. Кондратович (В. Сырокомля)
(1823–1862)

biowski, 1830) (на польском языке) белорусам посвящены разделы "Люд белоруский", "Люд минский" и частично раздел "Люд подляский" (Golembiowski, 1830). Хотя в публикациях Голембиовского высказываются резкие антипатии к белорусам, фактический материал дает ценные сведения о различных сторонах жизни белорусского народа.

В первой половине XIX в. на польском языке публикуются работы, самой крупной из которых является книга Е. Тышкевича "Описание Борисовского уезда" (Tyszkiewicz, 1847).

Активное собирание этнографических материалов русскими этнографами и фольклористами начинается с основанием в Петербурге в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Программа этнографического отделения РГО, разработанная в 1847–1848-е годы и разосланная по всей стране, в том числе и в белорусские губернии, в основном определяла собой содержание важнейших этногра-

фических работ. Часть материалов, присланных обществу корреспондентами из Белоруссии, была опубликована в первых трех выпусках "Этнографического сборника" (1853–1858 гг.).

— Кроме этнографических работ, которые появились в ответ на программу Русского географического общества, накануне отмены крепостного права было опубликовано несколько бытовых описаний, сделанных местными белорусскими этнографами. Особого внимания заслуживают статьи Д.М. Шпилевского, напечатанные в журналах "Современник", "Журнал Министерства народного просвещения", "Москвитянин", "Пантеон" и др. Его публикации "Путешествие по Полесью и Белорусскому краю" (Шпилевский. Путешествие... // Современник. 1853. Т. 39, № 6. С. 75–98; Т. 40, № 7. С. 1–26; № 8. С. 39–110; 1854. Т. 48, № 11. С. 1–58; 1855. Т. 52, № 7. С. 1–62) и "Белоруссия в характеристических описаниях и ее сказаниях" (Шпилевский. Белоруссия... // Пантеон. 1853. Т. 8, кн. 4. С. 71–96; Т. 9, кн. 5. С. 1–20; Кн. 6. С. 1–34; Т. 10, кн. 7. С. 15–56; Т. 15, кн. 5. С. 21–44; Кн. 6. С. 47–68; 1856. Т. 25, кн. 1. С. 1–30; Т. 26, кн. 3. С. 1–28) дали богатые сведения по этнографии Белоруссии середины XIX в. В доступной форме они знакомили широкие круги общественности России с бытом белорусского народа, его богатым устнопоэтическим творчеством.

Среди историко-этнографических описаний Белоруссии первой половины XIX в. выделяется также работа М.О. Без-Корниловича "Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением других сведений, к ней же относящихся".

Научная и публицистическая деятельность Шпилевского и Без-Корниловича привлекла внимание Н.Г. Чернышевского. Об отдельных очерках "Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказаниях" Чернышевский, например, писал в "Современнике" (1885, № 1), что здесь имеется "довольно много народных поверий, интересных и для ученого исследователя народности", а книгу

Без-Корниловича считал "не бесполезной для тех, у кого под руками нет хорошего собрания книг по русской истории".

Основная работа по определению этнографических границ и состава населения Западного края России была проведена РГО. Был издан ряд трудов по этим вопросам. К ним в первую очередь нужно отнести атлас члена РГО Р.Ф. Эркерта со вступительной статьей "Взгляд на историю и этнографию Западных губерний России" (1864), "Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям" (1863, второй выпуск – 1864 г.) А.Ф. Риттиха и "Карту Царства Польского с нанесением православных церквей и сельских приходов Люблинской губернии, а также раскольниковских молелен и деревень в Августовской губернии" (1864) М.Ф. Марковича. Недостатками этих карт является то, что для определения этнографической границы белорусов за основу было взято вероисповедание. Все белорусы-католики причислялись авторами карт к полякам.

Решению этих вопросов были подчинены и экспедиции РГО 1867–1868 гг. (в составе С.В. Максимова и Н.Я. Дубенского) и 1869–1871 гг. (во главе с П.П. Чубинским).

Деятельность Русского географического общества активизировала исследовательскую работу в Белоруссии и участие в ней местных сил. По инициативе созданного в 1867 г. в Вильно Северо-Западного отдела РГО, в 1874 г. был созван съезд секретарей статистических комитетов. Были налажены связи с научными обществами соседних стран (Польша, Чехия, Германия и др.). Однако в 1875–1876 гг. деятельность отдела постепенно затухает.

Несмотря на сравнительно краткий срок существования и то, что в руководстве отдела РГО стояли царские чиновники, развернутая им работа содействовала дальнейшему развитию этнографии в Белоруссии.

Вокруг отдела группировались местные исследователи быта и культуры белорусского народа, сотрудниками его были белорусские этнографы М.А. Дмитриев, Ю.Ф. Крачковский, А.М. Сементовский, В.Г. Соколов, П.В. Шейн, Е.Р. Романов и многие другие.

Известную роль в изучении Белоруссии сыграли Российская академия наук, и особенно Отделение русского языка и словесности. Еще в 1850-е годы уроженцы белорусских губерний И.И. Григорович, С.П. Микуцкий и И.И. Носович собирали материалы для словаря белорусского языка, впоследствии использованного в публикациях (Носович, 1870).

Первые шаги по этнографическому изучению Белоруссии были сделаны созданным в 1864 г. при Московском университете Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Знаменательным событием в научной жизни страны явилась Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Из Белоруссии на выставке были представлены предметы одежды, обуви, головных уборов, макеты орудий труда, курной избы и хозяйственных построек, манекены крестьян за различными занятиями.

В 1860–1870-е годы продолжалось изучение Белоруссии другими обществами и учреждениями, в частности – Вольно-экономическим обществом. Наиболее интересные материалы из Белоруссии публиковались в "Журнале Министерства государственных имуществ", "Трудах Вольно-экономического общества", журнале "Сельское хозяйство и лес" и др.

Ряд материалов об особенностях быта белорусов попал и в многотомное издание "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба". Самые богатые этнографические материалы содержит том П.О. Бобровского, посвященный Гродненской губернии (Бобровский, 1863).

Постепенно этнографическое изучение Белоруссии переходит в руки местных

сил. Но этнографы Белоруссии в зависимости от их социально-политических взглядов стояли на разных позициях.

Одним из первых крупных исследователей Белоруссии был И.И. Носович (1788–1877) – местный учитель. Основной и самой значительной работой Носовича, над которой он трудился в течение 16 лет и которую издал в 1870 г., является "Словарь белорусского наречия".

Этнографическими сведениями были богаты работы учителя Новоградского дворянского училища (позже директора Гродненской дирекции народных училищ) М.А. Дмитриева (*Дмитриев*, 1869), местного учителя Ю.Ф. Крачковского (1840–1893), который был отцом известного востоковеда И.Ю. Крачковского (*Крачковский Ю.Ф.*, 1874), сотрудника Витебского статистического комитета А.М. Сементовского (1812–1893) (*Сементовский*, 1864; 1872).

С середины 1860-х годов развернул деятельность по собиранию фольклорно-этнографических материалов в Белоруссии П.В. Шейн (1826–1901). Первым результатом его труда был выход в свет сборника "Белорусские песни" (*Шейн*, 1873), самого крупного для 60–70-х годов.

Из исследователей Белоруссии 1860–1870-х годов выделяется группа этнографов, публицистические и историко-этнографические работы которых написаны с выдержанными позициями, среди них – статьи М.О. Ковловича (1828–1891) (*Ковлович*, 1865; 1885; 1887) и П.А. Бессонова (1828–1888), который во время нахождения в Белоруссии сверял бытование в народе текстов белорусских песен, выбранных из архива П.В. Киреевского. Через несколько лет после возвращения из Белоруссии Бессонов смог за свой счет издать сборник "Белорусские песни" (*Бессонов*, 1871), в котором приводятся также подробные описания различных обрядов.

Одним из наиболее выдающихся ученых по истории белорусской этнографии 1880–1890 гг. был Н.Я. Никифоровский (1846–1910), учитель в народных школах Витебска (*Бондарчик*, 1960).

Н.Я. Никифоровский является автором самого крупного труда по материальной культуре белорусов XIX в. "Очерки простонародного житея-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности" (*Никифоровский*, 1895). Глубоко изучал Н.Я. Никифоровский и духовную культуру белорусов, обряды и верования, собирал и записывал фольклорные произведения. Он – составитель сборника белорусских загадок "Простонародные загадки" (*Никифоровский*, 1898) и капитальной работы "Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах" (*Никифоровский*, 1897).

Исключительно плодотворной в 1880–1890-е годы была деятельность крупнейшего белорусского этнографа Е.Р. Романова (1855–1922) – местного учителя и инспектора народных училищ. Его многотомное издание "Белорусский сборник" (1886–1912. Вып. I–IX) и сегодня является важным источником для изучения быта, фольклора и культуры белорусов.

Параллельно с "Белорусским сборником" Е.Р. Романов издал много других работ (около 200), в которых затрагиваются различные стороны быта и культуры белорусского народа (*Романов*, 1890; 1898; 1912).

В Смоленской губернии этнографические исследования проводил В.Н. Добровольский (1856–1920). Основным его трудом является "Смоленский этнографический сборник" (*Добровольский*, 1891–1903).

Бытовые материалы и устнопоэтическое творчество русского и белорусского населения Смоленщины, собранные и изданные Добровольским, подобно работам Романова по Могилевщине, Никифоровского и Шейна по Витебщине, представляют собой фундаментальные фольклорно-этнографические сборники, которые составили целую эпоху в истории белорусской этнографической науки.

И.И. Носович
(1788–1877)

Ю.Ф. Крачковский
(1840–1893)

П.В. Шейн
(1826–1900)

Н.Я. Никифоровский
(1845–1910)

Е.Р. Романов
(1855–1922)

В.Н. Добровольский
(1856–1920)

Н.А. Янчук
(1859–1921)

М.В. Довнар-Запольский
(1867–1934)

А.Е. Богданович
(1862–1940)

Е.Ф. Карский
(1861–1931)

Заметно повлиял на развитие белорусской этнографии Н.А. Янчук (1859–1921). В 1896 г. на средства Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он проводит экспедицию по Минской губернии, в результате которой появляется несколько его статей, а в 1889 г. печатается самая крупная работа Янчука о белорусах "По Минской губернии" (Янчук, 1889).

К 1880–1890 гг. относится и активная деятельность в области белорусской этнографии известного историка М.В. Доунар-Запольского (1867–1934). Наиболее глубоко им исследованы семейный быт белорусских крестьян, свадебные обряды, обычное право (Доунар-Запольский, 1891; 1893; 1895; 1896; 1897; 1905; 1926).

В исследовательском направлении развивалась и научная деятельность А.Е. Богдановича (1862–1940) – отца белорусского поэта Максима Богдановича. Крупнейшим этнографическим трудом А.Е. Богдановича является его исследование "Пережитки древнего миросозерцания у белорусов" (Богданович, 1895).

В 1880–1890 гг. сбор и публикацию фольклорно-этнографических материалов продолжал П.В. Шейн. Основные бытовые материалы по Белоруссии он опубликовал в работе "Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края" (Шейн, 1887; 1892; 1902).

В этот период в белорусской этнографии появился ряд крупных работ, написанных А.С. Дембовецким, и среди них "Опыт описания Могилевской губернии" (Дембовецкий, 1883; 1884), сборники З.Ф. Радченко "Гомельские народные песни" (Радченко, 1888) и Д.Г. Булгаковского "Пинчуки" (Булгаковский, 1890).

Самой плодотворной по собиранию фольклорно-этнографических материалов в 1880–1890 гг. среди польских исследователей Белоруссии была деятельность М. Федоровского (1853–1923). Из 14 томов, которые он предполагал издать, при его жизни вышли только три на польском языке (Federowski, 1897–1903), в которых опубликовано 2835 фольклорных произведений, текстов с материалами по верованиям, суевериям и средствам народной медицины.

Национально-освободительное движение начала XX в. подняло на новый уровень краеведческую работу в Белоруссии, особенно этнографические исследо-

А.К. Сержпутровский
(1864-1940)

вания. В это время в Белоруссии создается ряд обществ и кружков, которые усиленно занимаются собиранием фольклора, изучением быта и культуры народа. В 1910 г. возобновляет свою деятельность Северо-Западный отдел РГО.

Прогрессивные этнографы и фольклористы начала XX в. – Е.Р. Романов, Е.Ф. Карский, А.К. Сержпутровский, Н.А. Янчук, И.А. Сербов и многие другие на первый план своей деятельности выдвигали задачи защиты народа и его культуры от нападок реакционеров. Многие из них боролись за национальное и социальное равноправие, показывали единство исторических судеб восточнославянских народов. Они популяризировали культуру своего народа, показывали ее богатство и самобытность "открывали" миру душу белорусского народа, подчеркивали его высокие человеческие качества.

Значительное внимание в белорусской историко-этнографической литературе начала XX в. уделяется вопросам этногенеза, этнического состава населения и этнографических границ. Новое оживление интереса к этим вопросам было вызвано в первую очередь национально-освободительным движением в Белоруссии и Польше.

Вопросам происхождения белорусской народности посвятил большую часть первого тома (II–VI главы) и часть первого выпуска третьего тома "Белорусов" Е.Ф. Карский. Ссылаясь на лингвистические, исторические, археологические, этнографические и антропологические данные, он пришел к выводу, что белорусы являются "автохтонами в своей стране: в большей своей массе они сидят на прарусской и праславянской территории" (Карский, 1916. Т. 3, вып. 1. С. 3).

Е.Ф. Карский много сделал для определения этнографических границ Белоруссии. В 1902 г. он напечатал статью "К вопросу об этнографической карте белорусского племени", а в 1903 г. в томе I "Белорусов" поместил окончательный вариант карты (Карский, 1903. Т. 1).

В начале XX в. разворачивается более широкое изучение материальной культуры и производственной деятельности белорусов. Среди работ, посвященных этим сторонам материальной культуры, следует выделить исследование А.Н. Харузина "Славянское жилище в Северо-Западном крае" (Харузин, 1907).

Отличительной чертой этнографической литературы начала XX в. было то, что в это время предпринимаются дальнейшие более серьезные попытки научного анализа собранных материалов. Особая заслуга в этом принадлежит Е.Ф. Карскому. Научному анализу белорусского языка, фольклора, быта и культуры Е.Ф. Карский посвятил трехтомник (7 книг) "Белорусы" (Карский, 1903–1922).

Научный труд Е.Ф. Карского "Белорусы" способствовал изучению родного края. Он вел и организационную работу по разностороннему изучению Белоруссии, был признанным вожаком и главным советчиком белорусских ученых и краеведов.

Начавшаяся первая мировая война и длительная оккупация приостановили изучение Белоруссии.

С новой силой и на новой научной и социально-политической основе этнографическое исследование Белоруссии возобновилось после Октябрьской революции и установления здесь Советской власти. В апреле 1919 г. был восстановлен Гори-Горецкий земледельческий институт (с 1925 г. – Белорусская сельскохозяйственная академия). 10 февраля 1921 г. создана Научно-терминологическая комиссия для разработки белорусской научной терминологии. В этом же году был основан Белорусский государственный университет. 30 января 1922 г. Научно-терминологическая комиссия стала Институтом белорусской культуры. Успешное развитие привело к преобразованию его в Белорусскую Академию наук, торжественное открытие которой состоялось 1 января 1929 г.

Этнографы республики в 1920–1930-е годы опубликовали серию монографий по истории белорусской этнографии, материальной, духовной культуре, семейному быту, этнической истории белорусов и другим вопросам этнографии Белоруссии. Были изданы исследования А. Щюбского "Материалы для изучения фольклора и языка Витебщины" (1927–1928), А.И. Сербова "Вичинские поляне" (1928), А.К. Сержпутовского о верованиях белорусов-поleshуков (*Сержпутовский*, 1930), Н.М. Никольского "Мифология и обрядность волошебных песен" (*Никольский*, 1931) и "Животные в обычаях, обрядах и верованиях белорусского крестьянства" (*Никольский*, 1933). Результатом исследований московского этнографа Н.И. Лебедевой явилось издание "Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР" (1929). В Ленинграде над проблемами этнографии восточных славян, в том числе и белорусов, работал Дм. Н. Зеленин, которому удалось издать за рубежом монографию "Русское (восточнославянское) народоведение" (Берлин, Лейпциг, 1927; на нем. языке).

Изучением Полесья занимались польские этнографы К. Мошинский (Народная культура славян. В 3 кн. 1929–1939) (*Moszynski*, 1929; 1939; 1967–1968) и Ч. Петкевич (*Pietkiewicz*, 1929, 1938). В Латвии духовную культуру белорусов изучал С.П. Сахаров (*Sacharau*, 1940).

Оккупация территории Белоруссии немецко-фашистскими захватчиками остановила развитие науки в республике. Была разрушена материально-техническая база. Большинство ученых ушли на фронт и в партизанские отряды, часть была эвакуирована в другие республики, где продолжала свою деятельность на нужды фронта и народного хозяйства.

В первые послевоенные десятилетия основное внимание уделялось изучению современного быта и культуры населения республики (М.Я. Гринблат, Л.А. Молчанова), а также условий жизни и борьбы народа в партизанских краях и зонах (А.И. Залесский).

После создания в 1957 г. Института искусствоведения, этнографии и фольклора пополненный новыми кадрами коллектив этнографов приступил к подготовке обобщающего труда "Белорусы", сокращенный вариант которого был опубликован в т. I издания "Народы Европейской части СССР" (1964) серии "Народы мира". Одновременно велась разработка истории белорусской этнографии (В.К. Бондарчик), проблем этногенеза белорусов (М.Я. Гринблат), шел процесс освоения социологических методов в этнографии (Г.И. Касперович). С применением этой методики был опубликован ряд коллективных монографий: "Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии" (1976), "Этнические процессы и образ жизни" (1980), "Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі" (1990), "Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі" (1993).

Большой объем работ выполнен по изучению материальной культуры белорусов. Первый коллективный труд издан московскими этнографами под названием "Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной

культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в." В этом труде рассмотрены три аспекта материальной культуры: жилище (Е.Э. Бломквист), народное ткачество (Н.И. Лебедева) и народная одежда русских, украинцев и белорусов (Г.С. Маслова).

Среди трудов в этой области наиболее значительными в Белоруссии явились коллективные монографии "Белорусское народное жилище" (Беларускае народнае жыллё, 1973), "Народная сельскохозяйственная техника белорусов" (Народная сельскагаспадарчая техника беларусаў, 1974), "Белорусская народная одежда" (Беларускае народнае аддзенне, 1975), которые были выполнены в процессе подготовки "Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии". В 1987–1988 гг. коллективом авторов Белоруссии и Украины опубликованы монографии "Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья" (Минск), "Полесье. Материальная культура" (Киев).

Активно изучались промыслы и ремесла белорусов. Опубликован ряд монографий, среди них по деревообработке В.С. Титова, рыболовству И.Н. Брайма, народному ткачеству А.Н. Курилович, гончарству С.А. Милюченкова, охоте С.Ф. Терехина, бортничеству и пчеловодству В.С. Гуркова и С.Ф. Терехина. В 1984 г. опубликована обобщающая монография "Промыслы и ремёсла Белоруссии".

Большое внимание уделялось изучению религии, атеизма, верований, обрядов и праздников, публикациям сценарно-методических разработок. Ряд публикаций посвящен народным знаниям белорусов в области агрономии, метеорологии, метрологии, народной медицины, ветеринарии, космологии. Изучались также детские игры.

В последние годы проводилось углубленное изучение семейного, общественного быта и культуры белорусов, первым итогом работы над этой проблематикой можно считать коллективные монографии "Сям'я і сямейны быт беларусаў" (1990), "Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі" (1990). М.Ф. Пилипенко опубликовал две обобщающие монографии – "Этнография Белоруссии" (1981), и "Возникновение Белоруссии (Новая концепция)" (1991).

Институтом подготовлена и издана впервые в СССР национальная энциклопедия "Этнаграфія Беларусі" (1989).

В настоящее время ведется работа по изданию многотомного труда под общим названием "Беларусы". Первый том "Прамысловыя і рамесныя заняткі" опубликован в 1995 г., второй том "Дойлідства" ("Зодчество") – в 1997 г. Продолжается работа по подготовке томов "Гісторыя этналагічнага вывучэння", "Сям'я", "Грамадскія традыцыі", и др.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 3

ТРАДИЦИОННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА

Основу хозяйственной жизни белорусов, как и соседних славянских народов, с древних времен составляли земледелие и животноводство. Они органично сочетались в едином аграрном цикле, тесно взаимодействуя и дополняя друг друга. Состояние земледелия адекватно отражалось на кормовой базе животноводства. В свою очередь животноводство обеспечивало сельскохозяйственное хозяйство тягловой рабочей силой, а эффективность земледелия и урожайность полей во многом зависели от количества внесенных органических удобрений. Накануне весеннего сева крестьяне толокой, реже в одиночку чистили сарай и развозили навоз по полям, тщательно планируя норму и вид удобрений в зависимости от состояния почвы и высеваемых культур. Крестьянские дворы, которые располагали значительным поголовьем рабочего и продуктивного скота, имели, как правило, и более производительное, образцовое сельскохозяйственное хозяйство (Цитюг, 1994. С. 139).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Одним из наиболее древних и жизненно важных занятий белорусов было земледелие. С ним связаны довольно развитая трудовая обрядность, аграрный календарь и самобытный комплекс традиционно-бытовой культуры. Косвенные сведения о возникновении земледелия на территории Белоруссии относятся к эпохе неолита (III тысячелетие до н.э.), о чем свидетельствуют находки в соответствующих археологических пластах каменных, роговых мотыг и кремневых серпов. Семена древнейших культурных растений – пшеницы, льна, проса впервые обнаружены в археологических находках эпохи бронзы (конец III – начало I тысячелетия до н.э.). При раскопках поселений раннего железного века выявлены и зерна гороха, вики, полевых (конских) бобов. К этому времени относится и находка первого древнего рала (д. Каплановичи Клецкого района, эпоха зарубинецкой культуры), что свидетельствует о переходе от мотыжного к пашенному земледелию. Эволюция земледелия отражала последовательные этапы в развитии производительных сил и социально-экономических отношений. Широкое использование животных в качестве тягловой силы и внедрение в сельскохозяйственную практику железных орудий (соха с железными сошниками, мотыга, серп, топор и др.) положили начало значительным изменениям не только в системе земледе-

ля, но и в общественной организации труда, ускорив переход к феодальному способу производства.

Структура земледелия у белорусов существенно не изменялась на протяжении многих столетий, несмотря на известную региональную специализацию в выращивании тех или иных сельскохозяйственных культур и использовании земледельческой техники. Основное место в земледелии у белорусов, как и у соседних славянских народов, занимало хлебопашество. Начиная с XI в. основной культурой была озимая рожь, первоначально известная как сорное растение, сопутствующее посевам пшеницы (*Коробушкина*, 1979. С. 71–73). В первой половине XIX в. под рожью было занято около половины всей пахотной земли. Значительный удельный вес среди зерновых занимал и овес, который использовался не только в питании семей, но и как фуражная культура. Если судить по материалам Гродненской губернии середины XIX в., процентное соотношение посевных площадей представляется следующим образом: под рожью было занято 48,8%, под овсом – 28,8, пшеницей – 5,2, гречихой – 4,6, ячменем – 3,6, горохом – 3, картофелем – 2,5, льном, просом и коноплей – 3% (*Бобровский*, 1863. С. 43, 104). Почти повсеместно в огородах белорусские крестьяне выращивали капусту, свеклу, морковь, огурцы, редьку, лук, чеснок, мак. С XVIII в. в белорусских губерниях стала распространяться культура картофеля, который к концу XIX–началу XX в. стал "вторым хлебом" для белорусского крестьянина. Картофель прочно вошел в состав многочисленных повседневных блюд. С конца XIX в. важное место в севооборотах приобретают посевы кормовых трав. Белорусам издавна были известны и фруктовые деревья – яблони, груши, вишни, сливы, а также ягодные кустарники – смородина, малина, ежевика, крыжовник и др. Обычно их высаживали на подворье, по краю усадьбы. Ухоженные сады были чаще всего в шляхетских фольварках и магнатских имениях.

Характер земледелия, его специализация и эффективность во многом были обусловлены местными экологическими условиями. Они в значительной степени определяли приемы обработки почвы, особенно землепользования, севооборот и соответствующие им оптимальные конструкции сельскохозяйственных орудий. В белорусских губерниях были широко известны несколько исторически сложившихся систем земледелия: подсеčno-огневая, лесной перелог, трехполье, многополье. Каждая из них имела в свою очередь частные варианты и местные особенности в зависимости от состава почвы, климата и др. К концу XIX в. в Белоруссии сложилось несколько аграрных районов с присущими каждому из них специализацией, структурой посевных площадей, уровнем агротехники, трудовыми традициями, обычаями и обрядами. Наиболее заселенной и освоенной была средняя полоса Белоруссии, в частности – лесовые равнины Понеманья, Центральной Белоруссии и левобережья Диспра. Пахотная земля в середине XIX в. составляла здесь до половины всех сельскохозяйственных угодий. В системе севооборотов еще со времен древнерусского государства господствовало трехполье. Недостаток земли и ее относительное плодородие подталкивали крестьян применять и двухполье (без пара), а в панских имениях наряду с трехпольем практиковалось и четырехполье с посевами кормовых трав. Местные жители получали довольно высокие урожаи зерновых. В 1802–1803 гг. средняя урожайность в Гродненской губернии составляла сам-4–сам-5 (*Зябловский*, 1810. С. 325). В Минской губернии наиболее эффективно пахотная земля использовалась на Слуцко-Несвижской равнине. Здесь на лесовом плато урожаи зерновых в XIX в. нередко составляли сам-5–сам-6, в то время как на северо-востоке губернии, на "худых" почвах Борисовского уезда они едва ли достигали сам-2, 5–сам-3 (*Зеленский*, 1864. Ч. 2. С. 8).

Менее благоприятными, чем в средней полосе, были экологические условия в северной и южной частях Белоруссии. Малоурожайные дерново-подзолистые,

часто завалуненные почвы, обилие моренных холмов и озер, относительно короткий вегетационный период (178–185 дней) на севере, в Подвинье, сужали возможности хлебопашества в этом регионе. Сельское хозяйство в ряде уездов (особенно в правобережье Двины) не удовлетворяло местных потребностей в хлебе.

Наряду с выращиванием так называемых серых хлебов здесь существенную роль играло льноводство. Лен был важной статьёй дохода как в помещицком, так и в крестьянском хозяйстве. Однако от частого посева льна почва сильно истощалась, что вынуждало местных земледельцев оставлять большие площади под залежь, а с конца XIX в. в целях восстановления плодородия почв все шире стали применять травопольные севообороты. В некоторых местах еще во второй половине XIX в. практиковалась подсека. Так, по сообщениям корреспондентов Русского географического общества, в Сенненском уезде освобожденные из-под леса участки использовали в течение трех лет без удобрений, затем в течение пяти лет – с внесением органических удобрений, после чего участок забрасывали, возвращаясь к нему только спустя десять лет, когда он успевал зарости молодым лесом (ВГУ. НБ. РО. Ф. 34. Д. 604. Л. 2–3).

На территории Полесья традиционное земледелие было максимально приспособлено к местным экологическим условиям. Наиболее обжитыми и освоенными здесь были лёссовые равнины в бассейне Нижней Припяти, центральный (Туровский) массив и район Побужья (Подлясье). В этих районах на протяжении многих веков господствовала трехпольная система. Крестьяне разбивали свою землю на три равных поля ("палетки"): одно из них засевалось озимой рожью, другое – яровыми (овес, ячмень, пшеница, гречиха, просо), третье оставалось под паром. На следующий год паровое поле засевали озимыми, бывшее ранее под озимыми – яровыми хлебами, а бывшее под яровыми оставляли под паром. Под озимые вносили органические удобрения – 60–100 возов на десятину, причем удобрялась 1/2–1/3 часть поля, которая прилежала к усадьбе (Цимоў, 1994. С. 148).

Вместе с тем обширные пространства Припятского Полесья имели редкие поселения и были мало освоены. Широкие и продолжительные разливы рек, значительная заболоченность и закустаренность сокращали удельный вес земледельческих занятий. Земледелие имело раздробленный, "пятнистый" характер. Небольшие клочки пахотных земель, не превышавшие обычно 1 десятины, были разбросаны на обширном пространстве среди болот и лесов. Местные крестьяне переправлялись с одного острова на другой, ставили тут шалаши-курени, служившие им временным жильем, и последовательно обрабатывали и засевали один участок за другим. Таким же образом, кочуя с острова на остров, в конце лета собирали урожай, обмолачивали снопы или складывали их необмолоченными в скирды на помосте ("адонок"), устроенном на столбах на высоте около 1 м над землей. Здесь хлеб мог храниться про запас на протяжении нескольких лет. Специфика экологических условий, разбросанность земельных участков вдали от поселений определили широкое бытование в земледелии подсечной системы и лесного перелого, которые сохранялись на территории Припятского Полесья вплоть до XX в. Крестьяне нередко разрабатывали по осени лесные участки – "навіну", иногда бывшую ранее (лет 20–30 назад) в культурном обороте (Цимоў, 1994. С. 146). На следующий год весной или летом поваленные деревья и сучья стаскивали в кучи и поджигали, удобряя землю пеплом. Почву обрабатывали сохой и бороной-суковаткой ("смыком"), вблизи лней рыхлили землю мотыгой, затем засевали просом, гречихой, ячменем. Через год подгнившие пни выкорчевывали окончательно и засевали рожью лядо – выкорчеванный лесной участок. После снятия урожая давали полю отдохнуть на протяжении 4–5 лет (рис. 42).

"Щадящий" режим обработки поля способствовал быстрому восстановлению структуры песчаных и супесчаных почв, страдавших от ветровой эрозии. На

Рис. 42. Корчевание леса под "лядо". Налибовская пуша

суглинистых почвах освобожденные из-под леса участки засеивали несколько лет подряд, чередуя посевы ржи и овса (реже — проса и гречихи), затем после истощения оставляли в течение 5–8 лет "на произвол природы" (ЖМГИ, 1845. Ч. 17. С. 194). Нередко на лядах первоначально устраивали "кашару" — огражденный участок, куда загоняли на ночевку (а иногда и в обеденное время) стадо скота. После обильного удобрения этот участок вспахивали и засеивали яровыми или озимыми хлебами, включая его в лесной перелог. При переложной системе земледельческой вся пахотная земля обычно делилась на четыре–шесть полей, два из них засеивали озимыми и яровыми хлебами, остальные поля отдыхали в течение нескольких лет.

Земледельческая техника белорусов воплотила в себе многовековой производственный опыт и отличалась большим вариативно-типологическим разнообразием. Она была максимально приспособлена к характеру местных грунтов и сложившимся условиям хозяйствования. Большинство известных конструктивных форм земледельческих орудий были найдены еще в древности; они медленно эволюционировали на протяжении столетий, сохраняя свою традиционную основу до XX в.

Основным пахотным орудием белорусского крестьянина была соха. На территории Белоруссии бытовали важнейшие восточноевропейские типы сох, которые были известны и соседним народам. По конструктивным особенностям выделяют несколько вариантов сох: полесскую (литовскую, подляшскую), витебскую (русскую, "перакладку") и поднепровскую (могилевскую, белорусскую) (рис. 43). Они в свою очередь имели множество локальных особенностей и переходных вариантов. Полесская соха представляла собой довольно основательное и совершенное пахотное орудие и была рассчитана на двухлопастную тягловую силу. Более легкие витебская и поднепровская сохи использовались в одноконной запряжке. При первичной обработке поля, проведении борозд, окучивании картофеля применялись и пахотные орудия рального типа — рало, сошка, "акучник"

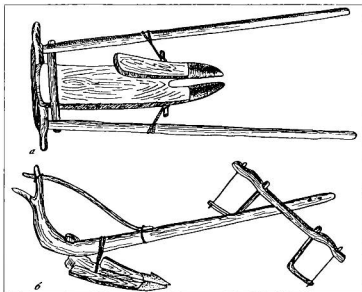

Рис. 43. Сохи

а – подднестровская или могилевская, *б* – полесская

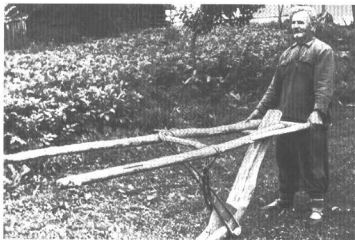

Рис. 44. Окучник (для окучивания картофеля)

(рис. 44). С конца XIX в. в качестве пахотных орудий, особенно на востоке Белоруссии, все чаще использовались железные плуги.

Традиционные орудия боронования, как и пахотные, были тесно связаны с уровнем аграрной культуры в том или ином районе, с системами земледелия и структурой местных почв (рис. 45). С подсечной системой земледелия связано применение наиболее древней и архаичной бороны "вершаліны", или "астрогі", сделанной из верхушки ели с обрубками сучьев, служившими зубьями. При бороновании выкорчеванного ляда или лесной залежи ("ялавіна", "аблога"), а также заваленных старопахотных земель использовался "смык", сколоченный из нескольких суковатых обрубков ели. Он особенно широко бытовал на территории Пolesья, что объяснялось особенностями местных почв, сформировавшихся на моренном субстрате. На обычных старопахотных землях применялась так называемая плетеная, или вязаная, борова, известная почти во всех районах Белоруссии. В конце XIX–начале XX в. ее все чаще заменяли брусковые бороны с деревянными, а позже с железными зубьями, которые к середине XX в. были в свою очередь заменены железными рамными боровами. На тяжелых глинистых почвах использовали и катки, в поверхность которых набивали деревянные или железные зубья. Затвердевшие комья, которые не поддавались боронованию, разбивали мотыгой или специально сработанным для этой цели деревянным молотком ("кука"), насаженным на длинную ручку. Для рыхления почвы служили различные орудия мотыжного типа, заступы, драпахи.

Основные традиционные орудия уборки урожая, характерные для белорусов, как и для других земледельческих народов Евроазиатского континента, – серпы, косы, вилы, грабли, цепи. Все они, несмотря на общеевропейские черты, имели множество локально-вариативных особенностей. Сжатые серпом хлеба сушили в снопах, расставляя их на поле в "бабки" ("мэвдлікі"). В одном случае, как уже упоминалось, их складывали в скирды-"одоики" необмолоченными (Восточное Polesье), в другом – свозили к гумнам (рис. 46), сушили в озеродах ("азярод", "пяроплат", "астроўкі), и срубных помещениях ("асець", "еўня"), а затем обмолачивали на току.

Основные орудия обмолота – цеп, валёк, специально приспособленная решетка ("абівалка"), круглая колода и др. (рис. 47). Обмолоченное и провеянное зерно сортировали, сыпали в закрома амбаров ("свіран") и клетей ("клець", "кладоўка", "спіжарня") (см. раздел "Сельские поселения"). Отдельные виды зерна или муки на текущий расход хранили в бочках, кадах, кадовбах, соломенных кошах. Для хранения зерна про запас, "на пожарный случай" служили и специальные зерновые ямы, которые рыли в глинистом грунте, обкладывая стенки слоем бересты; известные с глубокой древности, они встречались еще в конце XIX в. Корнеплоды и картофель ссыпали в истопки ("стопка", "варыўня") и погребов ("склеп", "лэх", "пограб"). Часть корнеплодов хранили зимой в "копцах": картофель или свеклу, сыпанные в большую кучу, обкладывали тут же в поле толстым слоем соломы и присыпали сверху землей.

За многовековую историю белорусские земледельцы накопили богатый трудовой опыт. Их земледельческий календарь выбрал многолетние практические наблюдения за фенологическими изменениями – возвращением перелетных птиц, цветением тех или иных растений, созреванием фруктов, состоянием погоды и др., которые постоянно сопоставлялись, органично связывались в единый природный ритм и содержали множество полезных советов и прогнозов, необходимых в повседневной хозяйственной деятельности. Земледельческий труд, являясь основой народного благосостояния, в традиционном представлении был освящен пафосом веры в его магическую созидательную силу и органично связан с устойчивой системой земледельческих обрядов, обычаев, поверий. "Белорус, – отмечал в начале

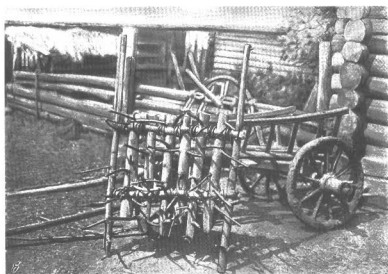
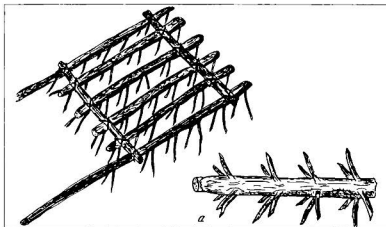

Рис. 45. Орудия рыхления почвы

а – суковатки “пернапаліма” (зверху) и “смык” (знізу), *б* – суковатка “смык” для бороновання льняного поля (“лявіны”). Д. Капцанца Ігуменскага ў. Мінскай губ., фототэка ГМЭ. 1904 г., *а* – “смык”. Лепельскі р-н Віцебскай обл., *з* – борона плаская, Дятлаўскі краязнаўчы музей Гродзенскай обл., *д* – борона плаская. Д. Быгонка Пінскага р-на Брэсцкай обл., *е* – борона для агарода (“рады”), Д. Морочы Ковнаўскага р-на Мінскай обл., *ж* – брусковая борона з жалезнымі зубамі. Д. Запарнічы Пуховаўскага р-на Мінскай обл.

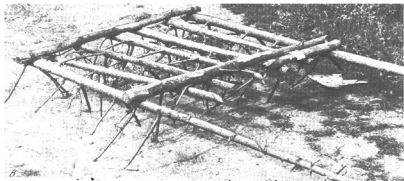

Рис. 45, в

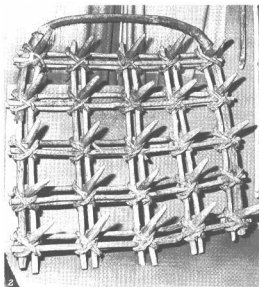

Рис. 45, г

XX в. Ф. Кудринский, — не просто обрабатывает землю, но почти священнодействует в каждом своем земледельческом акте" (Кудринский, 1904, С. 16).

К весеннему севу крестьянин готовился заранее, еще зимой: сортировал семенное зерно, изготавливал коробки и лукошки, ткал мешковину, чинил упряжь, ладил телегу, соху и борону. Первый выход на пашню ("запашивание") расценивался как праздник и, как и другие идейно значимые моменты земледельческого

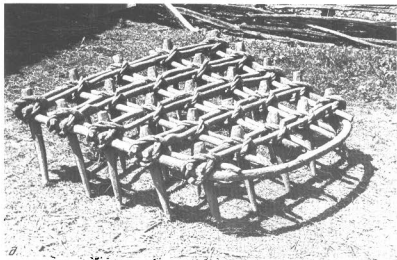

Рис. 45, д

Рис. 45, е

Рис. 45, ж

Рис. 46. Воз, груженный снопами. Д. Дроженичи Кричевского р-на Могилевской обл.

*Рис. 47. Конная молотилка (манеж). Начало XX в.
Д. Повитье Кобринского р-на Брестской обл.*

календаря, сопровождался установленными обычаями, обрядовыми действиями, оберегами.

В первый раз крестьянин отправлялся пахать рано утром в новой одежде, взяв с собой завернутые в чистый рушник хлеб и соль. Хлеб и соль не только служили символом достатка, но и выполняли, как и вода, функцию оберегов. В этот день крестьянин пахал недолго и, пройдя 2–4 борозды, возвращался домой, где его ждал накрытый праздничный стол. В этот же день хозяйка пекла обрядовое печенье в форме сохи, бороны, серпа. В Западном Полесье крестьянин отправлялся впервые на пашню на закате солнца, взяв с собой хлеб, соль и освященную в местной церкви в день Сретения (2 февраля ст.ст. / 15 февраля н.ст.) "громничную" свечку. В Восточном Полесье в состав ритуального обеда, помимо хлеба и соли, входили пасхальное мясо и вареные яйца. В Северной Белоруссии первой заправкой предшествовали "провидки": за несколько дней до заправки крестьянин шел в поле, взяв с собой хлеб, соль и освященные в церкви ветки вербы, которые он втыкал на меже, обходя поле.

Идейное содержание этих обрядов, сохраняя общеславянскую основу, отражало всеобщую идею борьбы двух начал – доброго и злого, светлого и темного, жизни и смерти на уровне обыденного сознания, что находило свое выражение в символических оберегах, в "профилактических" мерах, нейтрализации недобрых начал.

В том же идейном русле были выдержаны обычай и традиционные ритуалы, относящиеся к посевной кампании. Последняя нередко сливалась с пахотой в едином трудовом и обрядовом процессе. Весенний сев приурочивали к полнолуннию: полная луна ассоциировалась с полным колосом. Особую ритуальную семантику имели те или иные дни недели. Наиболее благополучными для весеннего сева в устной традиции считались вторник и суббота. В Западном Полесье предпочтение чаще отдавалось пятнице (*Булгаковский*, 1890. С. 185). Однако для этого нужны были и благоприятные погодные условия; оптимальными для весеннего сева были пасмурные безветренные дни. Практические соображения, таким образом, выступали на первый план, им в значительной мере была подчинена система трудовых обрядов, обычаев, оберегов, примет.

Обрядовые сюжеты и ритуалы носили отпечаток языческих верований, сохранившихся еще во второй половине XIX в. В день весеннего сева крестьяне старались ничего не давать в долг (по поверью, вместе с одолженными вещами к соседям могла перейти и часть урожая) (*Крачковский*, 1874. С. 92; *Шейн*, 1902. Т. 3. С. 227). В этот день в доме должны поддерживаться чистота и порядок – по аналогии и посевы на крестьянской ниве будут развиваться в чистоте, без сорняковых примесей. Дом и нива в народном представлении, таким образом, выступали как двуединая ипостась. Та же идея находила свое продолжение и в обычае тщательно умываться перед посевом, надевать чистую одежду. Омовение в чистый четверг было своего рода очищением от грехов. С той же целью в Поднепровье открывать сев ("засе́йкі") поручали целомудренным мальчикам-подросткам.

Первый засев производили отборными семенами, смешанными с зерном из "зажинного" снопа, сжатого в прошлом году по случаю зажинок или же взятого из венка, завитого по окончании жатвы ("дажинак").

По окончании сева крестьянин торопился домой, где его ожидал накрытый праздничный стол. На званный обед (или ужин) приглашали родственников и соседей. Считалось, что, чем богаче и роскошнее праздничный ужин, тем богаче будет и урожай (*Крачковский*, 1874. С. 93).

Следующий идейно значимый комплекс производственных обычаев и обрядов приходился на период уборки урожая и окончания полевых работ, что нашло свое наиболее полное выражение в "зажинках" и "дожинках" (см. раздел "Календарные

праздники"). Дожинки несли в себе освященный древней традицией духовный смысл и были призваны восславлять тяжкий и благодатный труд женщины-работницы, возвысить его как непреходящую ценность, закрепить в исторической памяти поколений.

Земледельческая культура находила свое отражение также в многочисленных календарных праздниках и обрядах – Гуканье Весны, Купалье, Троице ("Сёмуха"), Спасе, Покрове и др. (см. раздел "Календарные праздники"). Составляя неотъемлемую часть традиционной народной культуры, земледельческие обычаи и обряды отражали гармонию человека и природы, выполняя важную коммуникативную роль в системе межпоколенных связей, в народной педагогике, в приобщении к труду подрастающего поколения.

В последние десятилетия земледелие базируется на новейших достижениях агротехнической науки, комплексной механизации и электрификации сельскохозяйственного производства. Проблемами повышения эффективности сельскохозяйственного производства занимаются научно-исследовательские институты земледелия, почвоведения и агрохимии; картофелеводства, плодоводства и овощеводства; охраны растений; экономики и организации сельскохозяйственного производства; некоторые институты Академии наук Беларуси. Повышение плодородия почв за счет внесения органических и минеральных удобрений и многопольных севооборотов, выведение новых сортов растений, которые должны максимально соответствовать заданным качественным показателям, мелиорация земель, повышение энерговооруженности труда способствовали интенсификации и эффективности производства, повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Некоторые изменения происходили в структуре земледелия: сократился удельный вес зерновых – ржи, овса, гречихи и проса, увеличились посевы картофеля, корнеплодов, льна, кормовых трав (клевера, люцерны, кормового лупина). В сельскохозяйственной практике распространились новые культуры – кукуруза, сахарная свекла, помидоры. Белоруссия относится к районам развитого садоводства.

Современные проблемы земледелия связаны с развитием всех форм собственности и хозяйства (включая фермерские), рациональным использованием наличных ресурсов, внедрением передовых научных достижений, налаживанием разумных взаимоотношений с природой, ликвидацией последствий Чернобыльской катастрофы.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Животноводство всегда было одним из важнейших занятий, обеспечивающим крестьянское хозяйство необходимыми продуктами питания и техническим сырьем для домашних промыслов. Вместе с тем рабочий скот служил единственной тягловой силой в земледельческом хозяйстве на протяжении всего средневекового периода. Вплоть до XIX в. животноводство на территории Белоруссии не претерпело существенных изменений, сохраняя свой потребительский характер и экстенсивную форму и выступая в крестьянском хозяйстве в синкретическом единстве с другими экономическими отраслями. Некоторые изменения произошли прежде всего в его внутренней структуре и в соотношении с другими крестьянскими занятиями (охотой, рыболовством, собирательством).

В условиях экстенсивного хозяйства кормовая база животноводства определялась размерами сенокосных угодий и пастбищ. Особенно богата была сенокосными и пастбищными угодьями южная, полесская часть Белоруссии. Здесь на

огромном пространстве густые массивы лесов чередовались с редколесьем и обширными пойменными лугами. Потенциальные возможности животноводства хорошо отражают сравнительные показатели соотношения лугов и пахотных земель по уездам. Так, в середине XIX в. на 100 десятин пашни в Пинском уезде приходилась 91 десятина, а в Мозырском — 62 десятины лугов (Зеленский, 1864. Ч. 1. С. 89; Ч. 2. С. 56–57). В то же время на лесовых равнинах Центральной Белоруссии и Полесья луга составляли лишь 15–20% по отношению к пашне.

С древнейших времен у населения Белоруссии, как и у всех восточных славян, основное место в системе животноводства занимал крупный рогатый скот. В раскопках Гродно XI–XIII вв. среди остеологических остатков он составлял 30–34%, свиньи — 29–34, мелкий рогатый скот, в основном овцы, — 19, лошади — 17%. В последующий период значение крупного рогатого скота здесь несколько увеличилось, в то же время сократился удельный вес в хозяйстве овец и лошадей (Воронин Н.Н., 1954. С. 39, 56, 168). Колебания численности скота (особенно лошадей) были связаны не только с экономическими предпосылками, но и с политической ситуацией, реквизициями военного времени.

Сравнительно высокий удельный вес животноводства в структуре сельскохозяйственных отраслей сохранялся на территории расселения белорусов на протяжении всего средневековья и после присоединения белорусских земель в России. В составе Российской империи Белоруссия вместе с Прибалтикой выступала как район наиболее развитого свиноводства по всей нечерноземной зоне. Крупного рогатого скота в расчете на душу населения здесь было в 1,5 раза больше, чем в средней полосе России. В целом по Белоруссии, по средним показателям, в 1914 г. на 100 человек приходилось 40–60 голов продуктивного скота при 32 — по Европейской России (Дробизев, 1973. С. 218–219).

Значение животноводства в экономической жизни в различных районах Белоруссии было неодинаковым. В XIX в., как и в более раннее время, наибольший удельный вес оно имело в крестьянском хозяйстве жителей Полесья. Крупный рогатый скот здесь, особенно в западной части, был более рослым и породистым ("зубровая порода"), чем на остальной территории Белоруссии, где в крестьянском хозяйстве использовалась так называемая литовская (литовско-белорусская) порода скота. Литовско-белорусский скот, потомок европейского тура, был неприхотлив в пище и великолепно приспособлен к суровым условиям содержания, при хорошем уходе быстро прибавлял в весе и давал молоко с большим содержанием жира. В Полесье он был несколько крупнее, ибо использовался в качестве не только продуктивного, но и рабочего скота. Он требовал лучшего содержания и более сытных кормов. На сравнительно высокий уровень скотоводства и породистость местного рогатого скота еще в начале XIX в. обращал внимание известный русский путешественник В. Севергин (Севергин, 1803. С. 72; МЖ, 1902. № 3. С. 57–58).

В северо-восточной части Белоруссии было более широко развито коневодство. Лошадь издавна здесь служила основной тягловой силой. Местная порода лошадей, потомков тарпанов, отличалась невысоким ростом (120–130 см), но была сравнительно крепка и вынослива в работе. Обычно крестьянин заботился о своей лошади лучше, чем о корове: лошади отводилось более уютное место в сарае, ей заготавливались и более качественное ("муражное") сено, клевер, вика, овес. Беднейшие крестьяне кормили лошадей ячневой и овсяной соломой, смесью "сечки" с овсом. Количество лошадей на одно крестьянское хозяйство в Поднепровье было показателем имущественного состояния. Подавляющая часть поголовья принадлежала крестьянам. По статистическим данным конца XIX — начала XX в., в Могилевской губернии помещикам принадлежало лишь 12,3% всех лошадей.

Рис. 48. Воз с двухволово́й упряжкой, 1904 г. Д. Шарпиловка Гомельского у.

В Полесье и частично в Понеманье и Центральной Белоруссии основной тягловой силой в крестьянском хозяйстве были во́лы. Ими обрабатывались не только крестьянские наделы, но и помещичья земля. Во́лы использовались также при перевозке грузов (рис. 48, 49). С помощью волов приводились в движение механические мельницы, молотилки, сукновальни, лесопилки и другие промысловые установки. Однако при бороновании поля, перевозке более легких грузов и пассажирской езде в постромочной или оглобельной упряжке чаще всего использовалась лошадь.

Содержание в крестьянском хозяйстве лошадей или волов отражало областную специализацию, географические различия в структуре животноводства. Эти различия хорошо прослеживаются по статистическим данным за 1846–1860 гг. на территории Минской губернии. В различных уездах губернии на один крестьянский двор в среднем приходилось: в Борисовском уезде – 1,9 лошади и 3,6 крупного рогатого скота; в Игуменском – соответственно 1,1 и 3,8; в Бобруйском – 0,9 и 4,8; в Минском – 0,9 и 3,2; в Слуцком – 0,9 и 3,5; в Новогрудском – 0,8 и 5,3; в Пинском – 0,6 и 5,2; в Мозырском – 0,5 и 4,3; в Речицком – 0,4 и 2,6 (*Зеленский*, 1864. Ч. 2. С. 162–163).

Обращает на себя внимание значительное количество лошадей (в среднем по две на каждый крестьянский двор) в Борисовском уезде. К востоку, на территории Поднепровья, этот показатель еще более увеличивался. Особенно широко было развито коневодство в Быховском и Рогачевском уездах, где на каждое крестьянское хозяйство, по данным на 1882 г., приходилось 3,3–3,4 лошади (*Дембовецкий*, 1884. Кн. 2. С. 890).

В то же время в Полесье большинство крестьянских дворов вовсе не имело лошадей. Однолошадный и даже безлошадный двор здесь отнюдь не означал бед-

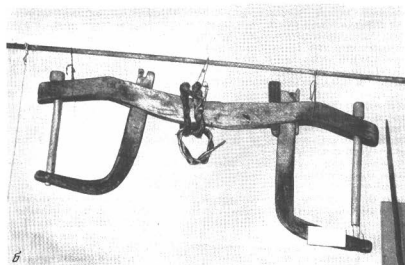
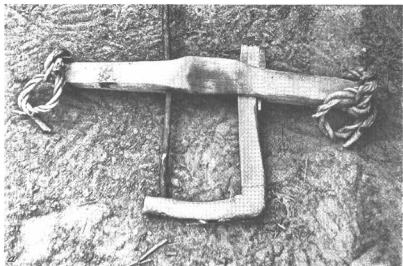

Рис. 49. Ярмо XX в. для упряжки
а – одноволовой, б – парной

Рис. 50. На уборке картофеля. 1977 г. Лиозненский р-н Витебской обл.

ности хозяйства. Сравнительно мало лошадей содержалось и в крестьянских хозяйствах на территории Понеманья. Обычно крестьяне имели здесь одну, реже – две лошади, которые использовались преимущественно как транспортные животные. Однако поля чаще всего обрабатывали волами. Этот обычай существовал с глубокой древности. В свое время он был характерен не только для славянских племен Юго-Западной Руси, но и для жемайтов и пруссов, переселившихся в Понеманье под натиском тевтонской агрессии. По предположению А.О. Вийриса, древние пруссы знали как воловую, так и конскую пахоту.

Использование в северо-восточной части Белоруссии лошадей в качестве основных упряжных животных, а в юго-западной – волов выступало как определенная этнокультурная традиция, которая накладывала свой отпечаток на повседневный трудовой быт и хозяйственную деятельность, на способы и приемы обработки земли, на типологию традиционных земледельческих орудий и транспортные средства (рис. 50).

Свиноводство было широко развито на всей территории Белоруссии, источники XIX в. отмечают его высокую продуктивность в Гродненской и Минской губерниях (Бобровский, 1863. Ч. 2. С. 133, 134; Зеленский, 1864. Ч. 2. С. 173; Шнилевский. Путешествие... // Современник. 1853. Т. 40, № 8. С. 104). Свиной откармливали зелеными сочными кормами, корнеплодами, желудями; убой проводили обычно в начале зимы в целях лучшего сохранения сала и мясных продуктов. День свежевания убитого животного по традиции отмечали в семье, как праздник, "свежиной" угощали и одаривали близких соседей.

Важную роль в хозяйстве белорусов играло овцеводство. Баранина использовалась в пищу чаще, чем говядина. Вместе с тем овцы давали необходимое сырье для домашних промыслов: овчину – на кожи и шапки, шерсть – на ткани, а также на вязаные и валяные изделия. Овец стригли два раза в год – поздней весной и осенью в теплые солнечные дни (предпочтение отдавали по древней традиции

вторнику, четвергу, пятнице). Конец стрижки расценивали, как праздник "урожая шерсти" и отмечали торжественным ужином («шерсть надо "замочить", чтобы была мягкой») (ВГУ. НБ. РО. Ф. 34. Д. 24. Л. 8). Несмотря на повсеместное разведение овец, все же эта отрасль, по сведениям XIX–начала XX в., наиболее интенсивно развивалась в Гродненской губернии. В среднем крестьянском хозяйстве здесь оставляли на зиму обычно 4–6 овец. "Только бобыль, одинокая вдова или солдатка, – пишет современник, – не имеют овец в своем хозяйстве" (Бобровский, 1863. Ч. 2. С. 113, 131). Причем если на большей территории Белоруссии овцеводством занимались почти всецело крестьяне, то на Гродненщине оно было широко развито и в помещичьих хозяйствах. Наряду с разведением обычных грубошерстных овец здесь выращивали также и тонкорунных.

Определенное место в животноводстве, особенно у малоземельного крестьянства и горожан, занимало разведение коз. Их держали главным образом для молока.

Почти в каждом крестьянском хозяйстве имелось до десятка кур. Близ рек и водоемов разводили водоплавающую птицу – гусей и уток.

Отмена крепостного права и закрепление земли в частную собственность крестьян способствовали росту поголовья скота и повышению его продуктивности. Так, по статистическим данным, в Минской губернии за последнюю четверть XIX в. (1875–1900 гг.) поголовье скота увеличилось вдвое, причем наряду с ростом поголовья продуктивного скота заметно увеличилось количество лошадей, которые все активнее использовались на полевых работах, постепенно вытесняя волов. Однако в структуре животноводства разных регионов Белоруссии в конце XIX в. продолжали сохраняться традиционно сложившиеся различия, о чем свидетельствуют сравнительные показатели соотношения (в %) разных видов скота в трех соседних губерниях (НАРБ. Ф. 2686. Оп. 31. Д. 14. Л. 80) (табл. 9).

При характеристике структуры животноводства в Минской губернии следует отметить большие колебания основных показателей в центральнобелорусских и полесских уездах. Так, основная масса крупного рогатого скота была сосредоточена в полесских уездах – Пинском, Мозырском, Речицком. В одном лишь Пинском уезде насчитывалось 120 тыс. поголовья крупного рогатого скота, пятая часть поголовья всей губернии. В то же время Борисовский уезд занимал первое место по количеству лошадей (40 тыс.) и свиней (около 67 тыс.).

У помещичьих крестьян земельные участки были несколько меньшими, чем у крестьян государственных, соответственно ниже был и процент лугов. В расчете на 100 десятин пашни у помещичьих крестьян Минской губернии площадь лугов накануне реформы составляла 22,9 десятины, в то время как у государственных – 33,7 десятины (Зеленский, 1864. Ч. 2. С. 164). По общему количеству скота на одно хозяйство те и другие имели приблизительно равные показатели (12,9 и 13 голов), однако в хозяйствах государственных крестьян содержалось большее количество крупного рогатого скота и лошадей и их скот отличался несколько большей

Таблица 9

Структура животноводства в губерниях Белоруссии в конце XIX в.

Губерния	Лошади	Крупный рогатый скот	Свины	Овцы	Козы	Всего скота, %
Минская	12,8	35	20	27,2	5	100
Могилевская	23,8	26,2	22,9	24,3	2,8	100
Витебская	18,6	31,8	20,1	28	1,5	100

Рис. 51. Пастушеский инвентарь. Пинский краеведческий музей

продуктивностью. В пореформенный период база животноводства значительно расширилась за счет посева кормовых трав, получивших наибольшее распространение в Понеманье и Центральной Белоруссии.

Природно-климатические условия и экстенсивный характер хозяйства определяли преобладание выгонно-пастбищной системы животноводства со стойловым содержанием скота в зимнее время. Вместе с тем отдельные отрасли животноводства имели свои особенности в способах содержания и ухода за животными на пастбище и в домашних условиях. Скот пасли на протяжении 6–8 месяцев, летом – на общинных пастбищах (пастбищных сервитутах), паровых полях, лесных урочищах, в конце лета и осенью – также по жнивью и сенокосам. Крупный рогатый скот и овец на ночь загоняли в сарай, лошади паслись круглые сутки. В июне–июле коров выгоняли “на ранки” до восхода солнца, а в знойный полдень загоняли в хлева, выпуская вновь в поле после того, как спадала жара (рис. 63). Практиковалась и отгонная форма выпаса, особенно в случаях откорма скота на убой или продажу. Помимо белорусских крестьян и шляхты, отгонным (“гуртовым”) животноводством занимались еврейские скотопромышленники. Они скупали (или обменивали) у местного населения молодняк, нанимали пастухов, угонявших стадо в лес на все лето, в конце июля к месту выпаса подвозили муку, соль; откормленный скот сбывали по осени на ярмарках в Турове, Петрикове, Зелье и др. В местах отгона устраивали специальные ограды, загоны для скота, иногда здесь строили и легкие сараи – кашары, куда загоняли скот в непогоду (кашарой часто называли и весь огражденный загон); рядом ставили курень для пастухов.

Свиней выкармливали обычно в домашних условиях, периодически выпуская из сарая на подножный корм под надзором подростков. В Полесье еще в XIX в. была известна и отгонная форма их содержания. Свиней выгоняли в лес или отвозили на лодках на соседние острова, где они паслись без всякого присмотра до глубокой осени, питаясь желудями, корнями и сочной травой. По осени, когда жухла трава и ночи становились холодными, их скликали (это делала хозяйка, на зов которой они шли) и полуодичавших вместе с новым потомством приводили в деревню. Сало и мясо таких свиней, впитавшие все ароматы леса, по свидетельству современников, отличались хорошими вкусовыми качествами (*Эремич, 1867. С. 115–116; Маракуев, 1879. С. 14, 21*).

Несмотря на большие потери поголовья во время Великой Отечественной войны и неиспользованные резервы, животноводство прогрессировало по пути организации крупных колхозно-совхозных ферм и аграрных комплексов и превратилось в основную отрасль сельского хозяйства. Оно приобрело мясо-молочное направление, специализируясь на выращивании крупного рогатого скота, свиней, птицы. Появилась и новая отрасль – звероводство. Вместе с тем заметно сократилось количество лошадей и овец. В личных хозяйствах сельских жителей определенную роль продолжает играть выращивание свиней, крупного рогатого скота, птицы, иногда кроликов.

Современные направления в развитии животноводства Беларуси органично связаны с ликвидацией загрязнения почв радионуклидами и ядохимикатами, укреплением кормовой базы, селекцией и повышением породности скота, улучшением условий его содержания, что требует учета опыта традиционного хозяйствования, повышения личной заинтересованности животноводов в результатах своего труда.

Промыслы* – это неземледельческие занятия населения, мелкое производство, основанное на индивидуальном ручном труде. В сельской местности промыслы играли вспомогательную роль по отношению к основным видам традиционной хозяйственной деятельности – земледелию и животноводству. В городах и местечках промыслы занимали ведущее место и отличались более высоким профессионализмом.

Промыслы подразделяются на добывающие, имеющие своей целью добывание готовых природных ресурсов, и обрабатывающие, в основе которых лежит ручное производство изделий из сырья с применением механических приспособлений и инструментов. Последние носят название "ремесла". К добывающим промыслам относятся собирательство, рыболовство, охота, бортничество, а также лесозаготовка и лесохимические промыслы. Отраслевая структура ремёсел значительно обширнее и непосредственно связана с использованием сырья – древесного, растительного, животного, минерального.

Возникновение и эволюция промыслов и ремёсел находились в тесной зависимости от природно-географических, исторических, социально-экономических факторов. Степень и масштабы их бытования были обусловлены сырьевыми и хозяйственными возможностями на каждом этапе общественного развития. Социально-экономическими условиями определяют формы ремесленных организаций и их производственные особенности в различные исторические периоды. При феодализме в условиях замкнутого натурального хозяйства как помещичьи имения, так и крестьянские дворы представляли собой универсальные производственные коллективы, в которых руками крепостных изготавливались все необходимые для жизни предметы и товары. Развитие производительных сил сопровождалось дифференциацией и специализацией производства, прежде всего в городских поселениях. В XVI–XVII вв. в городах Белоруссии насчитывались уже десятки ремесленных специальностей: в крупных городах – 50–80 профессий, в средних – 30–50, в малых – 15–30. Всего в белорусских городах к началу XVII в. значилось около 200 видов ремёсел (Котыцкий, 1966. С. 78–79).

В конце XV–начале XVI в. возникли профессиональные ремесленные объединения. В Гродно они назывались "сотнями", в Полоцке, Минске, Бресте – "братствами", в Могилеве – "староствами". В XVI в. появилось единое унифицированное название – "цех". В XVII в. количество цехов продолжало увеличиваться. Основной чертой цеховой организации являлась регламентация производства и сбыта изделий. Согласно уставу, члены цехов по профессиональному уровню подразделялись на мастеров, подмастерьев и учеников, а цеховую администрацию составляли старшина цеха, старшие и младшие мастера, писарь. С конца XVIII в. цехи стали приходить в упадок, хотя цеховая организация городского ремесла существовала в Белоруссии до конца XIX в. Однако их функции и характер деятельности значительно изменились. Окончательно цехи были упразднены в 1902 г. На определенном историческом этапе цехи сыграли свою положительную роль в развитии ремесла, повышении его технического и профессионального уровня, сохранении и передаче традиций.

В конце XVIII в. на базе народных ремесел возникли предприятия с ручной техникой и с производственным разделением труда по операциям – мануфактуры. Нередко заказы владельцев выполняли ремесленники у себя на дому. Кроме вотчинных предприятий, где применялся принудительный труд крепостных

© Н.И. Бураковская, С.Ф. Терёхин, А.Н. Курилович

*Н.И. Бураковская

крестьян, в начале XIX в. действовали и купеческие мануфактуры с наемным трудом.

Эволюция промысловой деятельности обуславливалась рядом объективных факторов. Наличие сырьевой базы, выгодное географическое положение для обеспечения сбыта продукции в соседние регионы и за рубеж, развитие товарно-денежных отношений и возрастание бытовых потребностей – все эти моменты являлись положительными факторами для занятий промыслами и ремеслами.

Развитие внутреннего рынка, усиление связей с внешним западноевропейским рынком с повышенным спросом на сырье и материалы вызвали с конца XVII в. перестройку хозяйства крупных землевладельцев на товарный лад, стимулировали рост помещичьего предпринимательства и развитие многих промыслов. Белорусские товары – лес, мед, воск, пенька, лён, смола, деготь, поташ, рогожи, канаты, хлеб составляли на протяжении не одного столетия неперенные статьи экспорта в Западную Европу. Развитие торговли обусловило появление скупщика-посредника между товаропроизводителем и потребителем. Определенную положительную роль сыграло вовлечение белорусских земель во всероссийский рынок, предоставление белорусским помещикам льгот в предпринимательстве и торговле. Наличие большого количества местечек с преобладанием в них ремесленников стимулировало развитие городского ремесла. В первой половине XIX в. в Белоруссии достигли своего расцвета многие виды добывающих и обрабатывающих промыслов – лесозаготовка и лесосплав, деревообработка, речное судостроение, рогожный промысел, смолокурение, поташное производство, канатное и кожевенное ремесла.

В XIX в. на территории Белоруссии в определенной степени проявилась тенденция территориального разделения труда в промыслах и ремеслах, складывалась их региональная специфика, хотя крупных специализированных районов и центров, как в других регионах России, здесь не существовало. Вместе с тем в различных местностях прослеживаются региональные и локальные особенности. Так, в Поднепровье и Полесье преобладали лесные и лесохимические промыслы (сухая перегонка дерева), деревообработка и канатное производство, судостроение, кожевенное ремесло. В ряде уездов и деревень некоторые ремесла развивались особенно интенсивно. Например, в Чериковском и Рогачевском уездах Могилевской губернии, Бобруйском, Игуменском, Борисовском уездах Минской губернии было распространено изготовление рогож и циновок из липовой коры, которые в большом количестве отправлялись на экспорт. Колесное ремесло особенно широко бытовало в Могилевском, Горецком, Чаусском, Оршанском, Гомельском уездах Могилевской губернии, в Брестском уезде Гродненской губернии. В ряде деревень Дворцовой волости Брестского уезда, Имелинской волости Кобринского уезда изготовлением колес на заказ и продажу занималось большинство жителей. Деревня Гололобовка Чаусского уезда Могилевской губернии представляла собой "сплошную колесную мастерскую" и снабжала своими изделиями крестьян из соседних уездов. В Могилевском уезде был сосредоточен кустарный промысел по производству сельскохозяйственных орудий, в Климовичском уезде – по строганию спичечной соломки. Широкой известностью пользовались шкловские бондари и скорняки, дрибинские шаповалы, чаусские (д. Раковщина) веретенники, оршанские каменотесы, канатники местечка Ветка Гомельского уезда, плотники д. Вулька Брестского уезда, пильщики Витебского, Брестского уездов (д. Новоселки). Обработкой кож, овчин, мехов издавна славилась местечки Сморгонь, Шклов, Мотоль, города Могилев, Витебск, Мозырь. Большим спросом пользовалась обувь могилевских, пинских, давид-городокских, брагинских сапожников. Тонким художественным вкусом выделялась керамика раковских, пружан-

ских, ивенецких, городнянских, порозовских, копыских мастеров, а также мотольских, неглобских, слудских, шкловских ткачих. Вместе с тем ткачество, как и деревообработка, повсеместно бытовало в качестве домашнего ремесла.

Региональная специфика промыслов и ремесел складывалась и углублялась в силу ряда факторов: природно-географических условий, неравномерного экономического развития, частичного сохранения древних традиций, степени культурных взаимосвязей.

Организация ремесла в деревнях и частично в местечках в XIX в. носила сезонный, семейный характер. В крупных местечках и городах, как правило, работа проводилась в течение всего года. Производственный процесс осуществлялся в специальных мастерских с применением наемных рабочих, иногда с разделением трудовых операций. Многие так называемые "заводы" второй половины XIX в. представляли собой в большинстве своем мастерские с количеством мастеров и рабочих от 2 до 5–10.

Наряду с домашними и местными промыслами, начиная с периода позднего феодализма, стали бытовать вследствие роста товарно-денежных отношений отхожие промыслы, т.е. временный отход крестьян от мест постоянного жительства на заработки. В конце XVIII в. многие крестьяне Речицкого, Белицкого и других уездов с разрешения помещиков нанимались для сплава плотов и судов с грузами по Днепру к Киеву и Кременчугу, а обратно тащили бечевой суда с крымской солью, хлебом, табаком по Днепру, Припяти, Березине (НАРБ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 735. Л. 2).

В пореформенный период вследствие усиливающегося социального расслоения деревни, обезземеливания крестьян, появления свободных рук и расширения внутреннего рынка отхожие промыслы малоземельных крестьян приобрели массовый характер. В это время преобладал вольный наем, однако нередко он сочетался с принудительным, когда волостное правление, заключив сделку с подрядчиком, заставляло крестьян идти на заработки для погашения недоимок податей на невыгодных для них условиях.

В середине XIX в. на сплаве в Белорусском Полесье работало ежегодно до 8 тыс. сезонных рабочих, а в 90-е годы – до 25 тыс. Всего в 1890-е годы из Белоруссии ежегодно уходило на заработки около 300 тыс. человек. До открытия железных дорог многие крестьяне и мещане занимались извозным промыслом, как самостоятельно, так и по купеческому подряду. Извозчики Пинского, Кобринского, Брестского уездов были известны и за пределами Полесья. В архивном документе 70-х годов XIX в. сообщалось, что "крестьяне Кобринского уезда в зимнее свободное время целыми веренищами отправлялись в Пинск и, нагрузив там свои телеги бочками с салом или табаком, транспортировали их в Брест". В Ратайчицкой волости Брестского уезда из 230 дворов было 150 извозчиков (РО ВУ. Ф. 34/1. Д. 10760. Л. 7; Д. 10659. Л. 7).

С течением времени типология отхожих промыслов претерпела значительные изменения. Одни их виды получали дальнейшее развитие и распространение, другие – сокращались или исчезали вовсе. В связи с постройкой железных дорог во второй половине XIX в. утратил свое значение транзитный извоз, однако продолжал существовать местный подвоз грузов и продуктов в города, к станциям железных дорог, речным пристаням.

Наиболее распространенными промыслами и ремеслами в Белоруссии в силу природных условий и бытовых потребностей населения были добывающие, лесные и лесохимические, деревообработка, ткачество, выделка кожи и меха, изготовление одежды и обуви, кузнечное ремесло, гончарство, плетение.

*Собирательство** – одна из древнейших форм хозяйственной деятельности человека, основанная на использовании в качестве продуктов питания даров природы растительного и животного происхождения. В пищу шло все съедобное в свежем, сушеном, заквашенном и печеном виде. Собирательство требовало обширных знаний о растительном и животном мире окружающей среды, о времени созревания и сбора дикорастущих овощей, плодов, ягод, грибов, яиц водоплавающей и боровой птицы, меда лесных пчел, речных и озерных моллюсков. Богатый ассортимент даровых продуктов, которые могли собирать, кроме взрослых, дети и старики, позволял разнообразить пищу, заготавливать ее впрок, на случай непредвиденных обстоятельств. Собирательство в прошлом играло более значительную роль, чем мы предполагаем. В экстремальных условиях люди часто выживали благодаря сушеным грибам, ягодам, орехам и желудям и в более поздние времена. Таких примеров можно привести множество даже из времен последней войны. В голодные времена в пищу шли почки деревьев, например липы; из перемолотой коры и травы пекли лепешки, из молодых листьев лебеды и крапивы варили первые блюда даже в благополучные времена. И сейчас широко применяется щавель, особенно в летнее время. Заготавливаются цветы, листья и корни лекарственных растений.

Большие массивы лесов буквально были полны грибов, их хватало и для себя, и на продажу. Вывозились в основном сушеные боровики в Москву, Петербург, Одессу и продавались пудами. В конце XIX в. на местных рынках пуд боровиков стоил 4–20 руб. В 50-е годы XX в. крестьяне просили за килограмм сушеных боровиков 15 руб. (по курсу реформы 1961 г.).

Из ягод больше всего собирали чернику и клюкву. Не было, пожалуй, крестьянского двора, особенно в Полесье, который не имел бы бочку залитой водой клюквы.

Весной заготавливали несколько бочек кленового и березового сока, который в качестве освежающего напитка употребляли во время полевых работ и сенокоса (рис. 52).

Большое количество грибов заготавливается населением для своих нужд и в настоящее время. Среднегодовой сбор грибов до аварии на Чернобыльской АЭС составлял около 50 тыс. т. Население для своих нужд заготавливало ежегодно в среднем 6 кг сухих грибов на каждую семью. Много собирается черники, клюквы, брусники, а также лекарственных трав. Сбор грибов и ягод воспринимается жителями Белоруссии как занятие, сочетающее работу с отдыхом на свежем воздухе (Белорусы, 1995. Т. 1).

*Охота** на мамонтов и носорогов известна на территории расселения белорусов примерно 100 тыс. лет назад. В эпоху верхнего палеолита добыча диких зверей и птиц уже отчетливо выступила в виде сложившегося коллективного занятия, обеспечивавшего человека пищей, одеждой, строительным материалом для сооружения жилищ и изготовления орудий труда и отчасти топливом (подтверждение этому найдено в поселении первобытного человека Подлужье I в Чечерском районе Гомельской области, XXXII–XXX тысячелетие до н.э.).

С появлением копы и дротика охота стала групповой, а с изобретением лука – индивидуальной. С приручением собаки одним из ведущих способов охоты становится тропление зверя. В конце верхнепалеолитической эпохи в результате отхода остаточного ледника изменяется видовой состав фауны. На смену мамонтам,

© *С.Ф. Терехин

Рис. 52. Сбор березового сока

носорогам и северным оленям приходят современные виды животных: туры, зубры, тарпаны, медведи, лоси, благородные олени, косули, кабаны, бобры, барсуки, соболи, куницы и т.д. Более широкое распространение получают неактивные способы охоты, основанные на использовании самодельных орудий и приспособлений – ловчих ям, петель, довушек из бревен и жердей. Основным оружием по-прежнему остаются лук, копье и нож. В XII в. получает распространение усовершенствованный лук – куша (арбалет).

В X–XIV вв. охота на территории Белоруссии по-прежнему занимает существенное место в хозяйственной жизни человека. По археологическим материалам, на Полотчине, Витебщине и Туровщине объектом охоты был зубр, на Волковысщине – кабан, на Погоренье – бобр, в окрестностях г. Клецка – косуля. Для охоты использовались все виды оружия: лук, куша, копье, дротик, рогатина, топор, чекан, кистень, сабля, нож. В обиход охотника входили и более совершенные и целевого назначения самоловы: стулица, ступа, торкало, волковня, трезубец (рис. 53, 54). Для ловли птиц применялись разнообразного устройства сети: летуха, звон, шатер, плат, стожок, разъезд – и ловушки с различным набором (рис. 55). Более мощные сети, пблы, из пенькового шнура толщиной более 1 см, размером 117 × 3 м служили для ловли оленей, коз, ланей. Со второй половины XVIII в. стали применяться капканы типа "лебединая шейка", а позже – тарелочные, с двумя зажимными дугами. Ими, кроме мелких пушных зверушек, ловили волков и медведей.

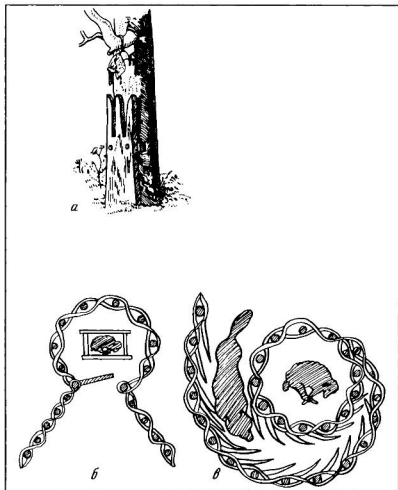

Рис. 53. Орудия и приспособления для охоты волков: а – "трелуб", б – с крыльями, в – типа "улитки"

В конце раннего средневековья среди шляхты стала популярной охота с собаками и соколами, а также с прирученными выдрами. Соколиная охота была исключительно прерогативой магнатов. Выдрессированный сокол оценивался так же, как два верховых коня или три откормленных вола. Особенно дорого стоило содержание соколов. Разнообразным было и охотничье снаряжение (рис. 56).

В XV в. сначала среди господствующего класса, а в XVI в. среди крестьян и

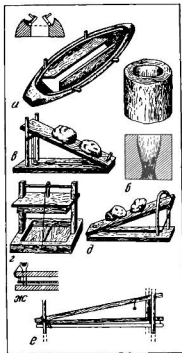
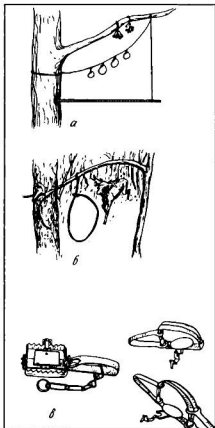

Рис. 54. Ловушки-самоловы

а – "ступня" (общий вид и поперечный разрез), б – "стуна" (общий и поперечный разрез), в, г, д – "сланца", е – "торкало", ж – механизм настораживания

Рис. 55. Петли для ловли рыбчиков (а), лося (б) и тарелочные капканы (в)

мещан распространяется охота с огнестрельным оружием – фитильными и кремневыми "ручницами" (рис. 57). До конца XIX в. наибольшее распространение в Белоруссии имели гладкоствольные шомпольные ружья – рушницы губчатые ("звярыныя" и "птушыныя"). Кремневые ружья ("крамзелі" и "скалкоўкі") применялись еще в начале XX в. В XIX в. распространились "пістаноўкі", в том числе и двухствольные ("дубальтоўкі") – шомпольные ружья с перкуссионными замками. В конце XIX в. общее признание охотников получила винтовка "бярданка", или "бярдан". Ее можно встретить и в настоящее время. В XVI–XVIII вв. изготовление ружей было налажено почти во всех городах Белоруссии. Изготавливали их сель-

Рис. 56. Охотничье снаряжение

охотничьи сумки: а – барсучья, б – лосиная, в – кожаная, г – кошель из бересты ("жарышка"); д – сигнальные рога

ские кузнецы еще в конце XIX в., главным образом из стволов армейского оружия.

Увеличивавшееся антропогенное воздействие на природу уже в XVI в. отрицательно сказывалось на поголовье промысловых зверей Белоруссии. Необходимость сохранения генофонда лесной фауны обусловила необходимость регламентации охоты. В 1420 г. великий князь Ягайло ввел ряд ограничений, в том числе установил время охоты с момента окончания осенних полевых работ до конца апреля. В это же время в ряде пущ была установлена заповедность, был создан институт лесной стражи. Дальнейшее развитие охотничье право получило в общегосударственном своде законов – Статуте Великого княжества Литовского. Во всех

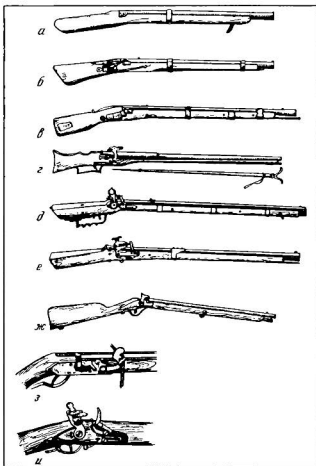

Рис. 57. Типы огнестрельных ружей ("ручниц") XVI–XIX вв.
а, б, в, г – фитильные, д, е, ж – кремневые, з, и – замки ружейные

трех редакциях Статута (1529, 1566, 1588 гг.) содержатся регламентирующие охоту разделы.

На протяжении многих лет охота оставалась одним из любимых занятий как сельчан, так и горожан (рис. 58).

Однако массовая вырубка лесов на экспорт и производство поташа, дегтя, а позже, при строительстве железных дорог, отсутствие действенных форм контроля и массовое браконьерство привели к резкому сокращению лесной фауны и полному исчезновению многих ценных видов промысловых животных. Окончательно исчезли и больше не существуют в Белоруссии тур, россомаха, тарпан,

Рис. 58. Охотники. XIX в.
а – крестьянин, б – горожанин

соболь, черный заяц, медведь-муравьед, лесной кот. В начале XX в. был убит последний зубр. На грани полного исчезновения оказались бобры, олени, лоси, медведи, каменные куницы, лебеди-шипуньи и другие животные. Неисчислимый урон фауне наносили войны.

Сразу же после гражданской войны началась инвентаризация лесной фауны. В Белорусском институте сельского и лесного хозяйства и в Горецкой сельскохозяйственной академии с 1924 г. введен курс научных основ охотоведения. В начале 1925 г. на р. Березине был создан первый в СССР государственный бобровый заповедник. В результате установления основных принципов организации охоты и ведения охотничьего хозяйства была восстановлена и доведена до промыслового уровня плотность парнокопытных зверей, бобров, боровой и болотной птицы. После Великой Отечественной войны восстановлено беловежское стадо зубров. В 1948 г. начался промысловый отлов бобров. Для репродукции стада тарпана в 1962–1965 гг. в Беловежскую пушу из Польши было завезено пять тарпаноподобных коней. В Белоруссии расселены такие ранее неизвестные здесь животные, как ондатра, американская норка, снотовидная собака, снот-полоскун. В настоящее время разрешена охота на 20 видов промысловых зверей и птиц.

Современная охота в Белоруссии существенно отличается от средневековой. Из уничтожающей она стала спортивно-любительской, активной формой отдыха и способом познания окружающей природы.

Рис. 59. Рыбаки на озере Лосвида. Городокский р-н Витебской обл.

Как один из способов пропитания *рыболовство** (рис. 59), подобно охоте, возникло еще до появления человека современного нам физического облика (ловля руками на мелководье и в норах обрывистых берегов). Конкретные вещественные доказательства этого древнейшего занятия (хрусталики рыбьих глаз, чуринги со схематическим изображением рыб, изделия из бивней мамонта, украшенные орнаментом, скомпонованным из напоминающих рыбью чешую элементов) относятся к эпохе палеолита. Скорее всего, племена охотников на мамонтов и шерстистых носорогов, освоившие территорию современной Белоруссии около 100 тыс. лет назад, уже были знакомы с рыболовством. В периоды мезолита и неолита рыболовство наряду с охотой стало основным занятием, ловлей рыбы занималось все тогдашнее население, чему способствовало расселение возле рек и озер. В находках при раскопках древних прибрежных поселений и стоянок широко представлен рыболовный инвентарь: гарпуны с односторонними зубцами, плоские, с расширенным зубом, выемкой или отверстием у основания, цельные рыболовные костяные крючки ("зазубцы"), остроги ("восці"), глиняные грузила. За каждой из находок стоят самостоятельные способы и приемы ловли, знание гидрологических особенностей водоемов и повадок рыб. Все это без существенных изменений применяется и в современном рыболовстве. С появлением в эпоху мезолита челноков, а позже каркасных лодок, обшитых лубом, рыбакам стала доступна вся

© * С.Ф. Терехин

акватория водоемов, что значительно повысило производительность труда. Археологический материал позволяет считать, что в неолите рыболовство сложилось в хорошо освоенную форму хозяйствования.

С освоением металла началось производство крючков из бронзы (поселение Камень VIII на Погостском озере Пинского района Брестской области) и железа. Коллекция из 29 крючков различных форм и размеров собрана в Волковыске. Такие же крючки найдены в Бресте, Минске, Гродно, Давид-Городке. Из железа изготавливали колющие орудия лова – гарпуны, а также блесны. Последние мастерили из красной меди и железа. Для повышения увлеченности их лудили или покрывали орнаментом в виде кружочков и насечек, имитирующих рыбью чешую.

В находках IX–XIII вв. в сравнении с предыдущими эпохами значительно шире представлены такие детали рыболовных сетей, как различные по форме (цилиндрические, биконические, яйцевидные, шарообразные) глиняные и свинцовые грузила. Последние были цельнолитые и свернутые из листового свинца. Для поддержания на плаву сетей применялись поплавки из сосновой коры и бересты. Некоторые из них орнаментированы отверстиями и линиями, розетками, напоминающими цветки ромашки, и т.д.

Рыболовные принадлежности и способы ловли без существенных изменений применялись многие столетия и в подавляющем большинстве находятся на вооружении современных рыбаков – с той лишь разницей, что значительно улучшилось качество рыболовных снастей. Традиционные средства и способы ловли – крючковые снасти (ужение на наживку и живца), закидушки ("шнуры"), переметы, жерлицы ("рагулька", "постаражаны", "старажня", "настоўня") (рис. 60), ловля на "дорожку" и блеснение; сети активного лова ("исвад", "поплаў", "падвалока", "лата", "крыга", "кломля", "галтуха", "настаўка", "волак", "падрыўка", она же "павук" или "лапун", "сак") (рис. 61) и пассивного, к которым относятся различные сетевые и плетенные из лозовых прутьев самоловки, разнообразные по форме ("нерат", "буч", "морда", "венцер" или "жак", однокрылые и двукрылые, мережа, нережка и др.) (рис. 62, 63). К активно-пассивным плетеным орудиям лова относились сети ("сетка") одностенки и трехстенки, называемые тригубицами ("трыгубица"), у которых между наружными полотнищами с крупной ячейки находилось густое сетчатое полотно из более тонких ниток. Для подледного лова применялся так называемый зимний невод, который протаскивали подо льдом. Исключительно зимней самоловкой является плетенный из лозы-молокиты или изготовленный из старого решета кош ("кош", "каробка", "рэшата") для ловли вьюнов. Некоторые каркасно-сетевые самоловки, как, например, венцерь, использовались во все времена года.

Объектами ловли на протяжении нескольких тысячелетий были, судя по ихтиологическим материалам, осетр, лосось, щука, голавль, судак, жерех, линь, сом, окунь, красноперка, лец, плотва. Многочисленные остеологические остатки рыб на Кривинских торфяниках (2320 лет до н.э.) и в группе археологических памятников Волковыска (X–XIV вв.) принадлежат щуке и окуню. Наиболее распространены они и сегодня.

Промышленное рыболовство ведется на рыбокомбинатах, в рыбхозах, озерно-товарных хозяйствах, на рыбозаводах и в садковых хозяйствах, но практического значения в питании населения не имеет. В результате антропогенного воздействия на природу рыбные богатства республики с возрастающей интенсивностью, начиная с 50-х годов, уменьшаются.

Большое развитие в послевоенные годы получило любительское рыболовство, в том числе и зимнее, до войны почти неизвестное в республике.

В Белоруссии *пчеловодство** прошло в своем развитии три основные стадии:

© • С.Ф. Терехин

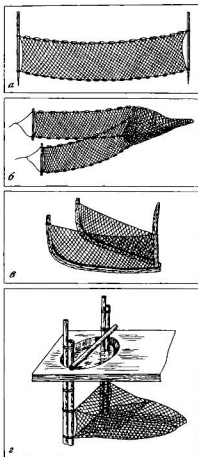
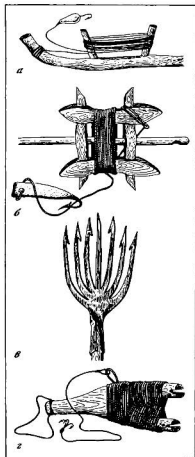

Рис. 60. Рыболовные снасти

a – удочка для зимнего лова, *б* – "дорожка", *в* – острога ("восці"), *з* – рогуľка ("жарľица", "старажник")

Рис. 61. Сети

a – одностенка ("аднастенка"), *б* – исвод ("исвад"), *в* – крига ("крга"), *з* – покля ("попља")

бортничество, колодное и рамочное пчеловодство. Судя по общности терминологии, оно восходит к эпохе общеславянского единства.

Бортничество – первая форма культурного пчеловодства, при котором пчел содержали и разводили в искусственных дуплах – бортах, выдолбленных в деревьях на высоте от 4 до 15 м. Бортные деревья ("стайліны") метились вырубленным на стволе знаком собственности ("знамя", "кляіно"). В больших деревьях могло быть

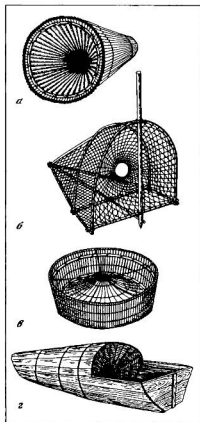
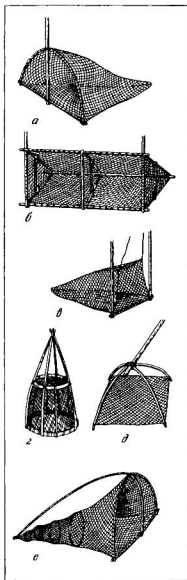

Рис. 63. Ловушки-самоловы
а, б - бучи ("бучы"), в - "каробка", г - "скрыпка"

Рис. 62. Ловушки активного лова
а - "халуп", б - "таптуха", в - "настаўка",
г - "сак", д - "кломля"

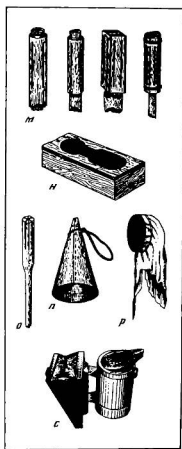
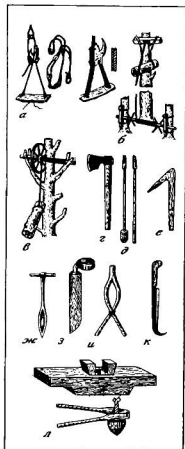

Рис. 64. Инструменты и приспособления для бортничества

а – лезиво ("лязіва") с седелкой, котлом и лежесей, *б, в* – "кодзоль", *г* – "барта", *д* – "псиши", *е* – бортное тело, *ж* – лопатень, *з* – склепка-одноручка, *и* – размер, *к* – нож-медорез, *л* – клещи и клинок, *м, н* – маточники, *о* – зубель, *п* – раскля ("роїница"), *р* – "сітак", *с* – дымокур

две и реже три борты. Бортничество выработало свои специфические орудия труда и приспособления (рис. 64, 65). Наиболее характерным из них является лезиво ("лязіва", "лязіва", "лэзва", "лазы", "ліна", "ліня", "плець", "жэнь") – простое по устройству и оригинальное по замыслу приспособление, с помощью которого лазили на бортиные деревья. Оно состояло из плетеной из сыромяти или пеньки веревки, седелки ("сядзелка", "крэсла", "лазьвения"), деревянных крюка и козла ("казёл", "хобат"). Лезивы имели незначительные региональные отличия, обусловленные различными способами подъема: потягом, чашкой, перекидом.

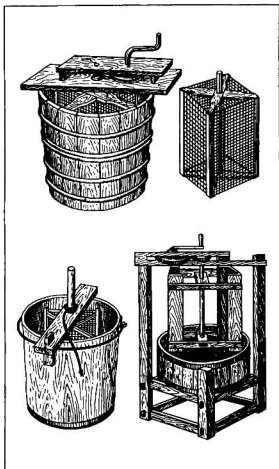

Рис. 65. Медогонки

Для приманивания роев в новые борти проводили творбу ("тварба", "прынада", "закроп", "напырк"): внутренность борти окрапливали душистым настоем из цветов и трав, натирали мелиссой, окуривали вереском, клали кусочек старых сотов, молодую веточку ольхи. Подсматривать пчел начинали в конце лета, обычно после Спаса. В некоторых местностях соты с медом вырезали весной, чем предупреждалась гибель пчел от голода в зимнее время.

Бортничество, а позже и колодное пчеловодство регулировались нормами обычного права. Все правонарушения рассматривались народным судом ("копный

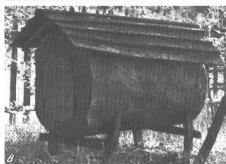

Рис. 66. Колодные ульи

а, б – стояки, в – лежак, г – скульптурный улей "пчальир"

суд", "копа"). Вынесенные копой приговоры, в том числе и смертные, не подлежали обжалованию и сразу же после оглашения приводились в исполнение.

Городские и местечковые бортники в XVI–XVIII вв. объединялись в медовые братства и бортные цеха, имеющие свой устав, денежный фонд ("скарбонка"), знамя ("пратэса") и печать. Корпоративные объединения бортников защищали социальную и профессиональную свободу своих членов, стояли на страже их прав и интересов, регламентировали внутреннюю жизнь братств и цехов. Бортничество, особенно в средние века, было доходной отраслью хозяйства. В 1773 г., например, Глуховское лесничество выручило за продажу леса 14 талеров, а бортный налог принес 507 талеров. Профессия бортника осваивалась обычно с детства, во время работы с отцом. Наиболее важные секреты пчеловодства, в том числе чародейные

Рис. 66, г

действия и заговоры, передавались сыновьям перед смертью. Этот обычай бытовал в Полесье еще в начале XX в.

В источниках XIV–XV вв. уже встречаются упоминания о долбленых ульях – колодах ("калода", "бучак", "даўбяк", "даўбянік", "каранёк", "каранік", "корань", "наварачень", "пянёк", "стаўна", "стаўбун"). Горизонтально или под углом к земле поставленная колода называлась "лежаком" ("ляжак"), вертикальная – "стояком" ("стаяк") (рис. 66).

С утратой значимости бортничества, вызванной массовой вырубкой лесов, колодное пчеловодство к середине XVIII в. занимает преобладающее положение в Белоруссии. В 1846 г. в Минской губернии, например, на каждый крестьянский двор приходилось более одного улья, в Мозырском уезде – три колоды на хозяйство. Отдельные пасечники содержали до 500 колод. Первоначально колодное пчеловодство носило лесной характер и по преемственности называлось бортничеством. Колоды устанавливались на ветвях деревьев или на подкурах – помостах, сооруженных вокруг ствола бортного дерева. Технология изготовления колоды, ее форма и размеры ничем не отличались от бортни. Прежними остались бортная

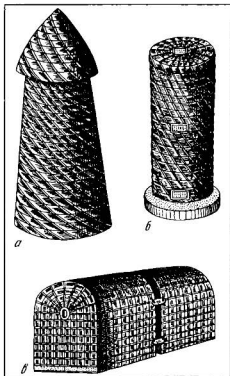

Рис. 67. Ульи, плетенные из соломы. XVIII в.

а, б – стояки, в – лежак

терминология, инструментарий, приемы и способы ухода за пчелами. С появлением наземных пасек в лесу и непосредственно на крестьянской усадьбе бортник стал именоваться земцем ("зямец"), а еще позже – просто пчеловодом ("пчалаяр"). В периоды истинного бортничества и лесной формы колодного пчеловодства единицей налогового обложения выступал бор, в Восточном Полесье – вотчина (участок леса с 60 бортами или колодными ульями). С бора взималась "ручка" (единица измерения меда, равная 15,5 гарнца*) меда, иногда бортники выполняли дополнительные повинности: например, изготавливали определенное количество дубовых бочек для владельца леса. За это они пользовались правом свободно лыка на лезиво или луба на лязбень и на другие бортные нужды столько брать, сколько из леса на себе могли вынести. Разрешалось ловить рыбу, косить сено, но запрещалось охотиться и заготавливать дрова. С поваленного бурей дерева бортник должен был "улей с бортью выпилить и вывезти, а вершину и корень оставить в пуще" (СВКЛ, 1989. С. 274). Бортники освобождались от тягловой службы, но привлекались 12 раз в году на толоку, а во время великокняжеской охоты исполняли обязанности охотников.

Медовая данина все время увеличивалась. В середине XVI в. бортники Пинского княжества уже платили из ее расчета "половину в скарб, половину подданным". Увеличение налога вызывало протест и сопротивление бортников. Крупное выступление бортников, вошедшее в историю под названием Медового бунта, в Слонимском старостве длилось более двадцати лет (1700–1721 гг.).

Ульи, плетенные из соломы ("саламянікі") и лозы-молокиты ("лазавікі"), в Белоруссии широкого распространения не получили (рис. 67). По способу формирования сотов и ухода за пчелами они ничем не отличались от колод. Большой вклад в развитие практического пчеловодства внес И. Хрептович, изобретший в середине XVIII в. надставочный улей, который вместе с открытой им закономерностью – связью роения с размером улья – позволял регулировать процесс роения. И. Хреп-

* Гарнец – мера емкости, равная 3,28 л.

Рис. 68. Рамочные ульи

тович – автор первой книги, целиком посвященной пчеловодству на территории Белоруссии.

Рамочные ульи (рис. 68), пришедшие на смену колодным, медленно прокладывали себе дорогу в Белоруссии, это были предшественники новой, прогрессивной формы культурного пчеловодства, основанного на использовании последних открытий в биологии пчелиной семьи. В 1899 г. рамочные ульи встречались sporadически, и только у отдельных любителей пчеловодства новый тип улья начал вытеснять колоды. В 80-е годы XIX в. в Могилевской губернии, например, у Г. Томковича пасека состояла из 50 колодных и 60 рамочных ульев. По данным П.Г. Чефранова, в начале XX в. соотношение колодных и рамочных ульев было следующим: в Витебской губернии – 85:15, в Гродненской – 92:8, в Могилевской – 88:12, в Минской – 92:8. К 30-м годам XX в. рамочный улей окончательно завоевал признание и почти повсеместно, исключая некоторые районы Восточного Полесья, вытеснил свою предшественницу – колоду.

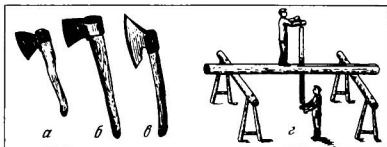

Рис. 69. Орудия труда при заготовке лесоматериалов

топоры ("сякеры"): а – плотничий, б – колун ("калун"), в – склюц ("яклюд"), г – ручная пила для распиловки бревен на доски

В результате многолетней практики в Белоруссии наибольшую популярность получили улья конструкции Дадана-Блатта и Левицкого, встречающиеся еще и теперь. В настоящее время предпочтение отдается многокорпусным ульям различных моделей.

По общему количеству пчелиных семей Белоруссия после России и Украины занимает третье место. До Чернобыльской катастрофы в республике насчитывалось свыше 300 тыс. пчелосемей, в том числе более 105 тыс. на 1164 общественных и государственных пасеках – колхозных, совхозных и лесхозных.

Исконным промыслом жителей лесной полосы была *лесозаготовка*^{*}. Лесные промыслы служили существенным подспорьем в хозяйственной деятельности крестьянина, они носили сезонный характер, ими занимались в свободное от хлебопашества время.

В эпоху феодализма крестьяне работали в помещичьих лесах на правах сервитутов на определенных условиях (в счет натурального оброка – "данины", "дякла"), что скрупулезно фиксировалось в инвентарях имений, а после реформы 1861 г. – за отработки или денежную плату. Во второй половине XIX в. свыше 3/4 лесных угодий в Белоруссии принадлежало частным владельцам, 21% – казне и лишь 4,6% – крестьянам (Белорусская ССР. Очерки..., 1953. С. 224).

Лесные промыслы не требовали сложных технических приемов и орудий труда. Основным орудием для рубки и обработки дерева с древних времен до второй половины XIX в. был топор. Для направленной валки деревьев использовали длинную жердь с металлической вилкой на конце. Валку осуществляли топором вплоть до XX в. (рис. 69). Топор у белорусов бытовал двух типов – с узким лезвием ("сякера") и с широким лезвием ("склюд", "шклюд"). Валка леса, очистка стволов от сучьев и вершин, окорка, поперечная разделка на части производились узким топором, а вытесывание различных колод и брусьев – склюдом. Известно несколько форм лезвий топора: коническая, Г-образной формы и пр. Во второй половине XIX в. в крестьянском обиходе наряду с топором стала применяться стальная поперечная пила, которую приобретали на местных рынках, хотя, по данным инвентарей имений, подобная пила употреблялась еще в XVI–XVII вв. На протяжении столетий топором заготавливали ("вытесывали", "кололи") и доски ("тёс"). Для этого использовали прочный топор на длинной рукоятке – колун ("калун"). С помощью деревянных клиньев бревно раскалывали на две доски и две

боковые плахи. При позднейшей распиловке бревна продольной пилой получалось несколько более тонких досок. Продольные (т.е. с вертикальным ходом) ручные и механические пилы для пиления досок ("тарчцы") и водяные лесопилы ("тартакі") упоминаются в актовых документах XVI–начала XVII в. Однако в силу традиции и трудности приобретения пилы входили в народный быт медленно. В ряде архивных документов конца XVIII–начала XIX в. содержатся распоряжения местной администрации о запрещении под угрозой штрафа использовать "топорные" доски для строительства речных судов в целях экономии лесоматериала и лучшей отделки барок.

Процесс заготовки лесоматериалов состоял из нескольких этапов: рубка (валка) деревьев, первичная обработка их, доставка к населенным пунктам или речным пристаням, станциям железных дорог, сплав. Крестьяне нанимались на работы пешие и конные, в зависимости от имущественного состояния. Пешие работали на порубке ("рубчики", "заготовщики"), а с упряжкой – на вывозке ("возчики"). Операции обработки сваленного дерева имели определенную последовательность. Вначале обрубали сучья и вершину, соскабливали кору, затем выделяли различный товарный материал, корабельный и строительный: мачты, шпилы, ванчсы, сваи, шпалы, балки, бруссы, рудную стойку. При выделке этих лесоматериалов требовались опыт и мастерство. Например, в середине XIX в. славился высоким качеством выработки мачт и шпир жители Холопеничской волости Борисовского уезда. Лесопромышленники приглашали их для этой работы по всей Минской губернии. При заготовке неокоренной древесины ("корявок") и дростволы лишь очищали от сучьев и вершин. Вывозка хлыстов и обработанных лесоматериалов осуществлялась преимущественно зимой, по легкому санному пути, к тому же в суровую зиму становились доступными болотистые места. Транспортным средством зимой служили прочные сани – лесовозы ("кары") с подсанками. В другое время применялась специальная колесная повозка – "расцяжка", "ропуски". Для вывозки (трелевки) леса в чащах прорубались просеки – "трели".

Лесной промысел в XIX в. занимал значительное количество рабочих рук. В 1880-е годы в Могилевской губернии на заготовке, вывозке и сплаве леса работало 17% взрослого населения (Белорусская ССР. Очерки..., 1953. С. 234). В 1870-е годы, по свидетельству архивных документов, из Радошковичской волости Минского уезда, Любавичской волости Оршанского уезда, Бельничской волости Могилевского уезда и других каждую зиму уходило на лесозаготовки по 200 и более человек.

После вскрытия рек начинался сплав леса в плотях, один из самых распространенных на территории Белоруссии, где протекают такие крупные реки, как Днепр, Припять, Сож, Березина, Неман, Западная Двина и их притоки. Наибольшего развития этот промысел достигал во второй половине XIX в. Кроме корабельного, строевого и дровяного леса, плотами доставлялись клепка, гонт, деревянная посуда, рогожи.

Вывезенные к сплавным пристаням лесоматериалы складывались в штабеля на специальном месте – "руме" ("біндуге", "катице"). В 1894 г. на сплавно-промысле в полесских уездах Минской губернии было занято более 8 тыс. человек, а всего на реках Минщины – 13,6 тыс. человек. В зависимости от ширины русла реки известны два способа лесосплава – россыпью ("модем", "шарошем") и плотами.

Широко было распространено *деревообработка** (рис. 70) – промыслы по изготовлению досок, бондарной клепки, кровельных материалов, предметов для гуже-

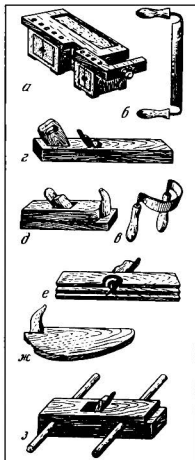

Рис. 70. Инструменты и приспособления для деревообработки

а – верстак ("варитат"), б, в – скобель ("скобля", "струг"), г – фуговок, д – рубанок ("габлiк"), е – шаркобель, ж – "калечка" для фигурной обработки дерева, з – двуручный рубанок ("баран")

вого транспорта (полозья, ободья, оглобли, дуги). Дубовая клепка и гонт в XIX в. пользовались большим спросом в Западной Европе. Например, в архивном документе за 1829 г. содержатся сведения, что по Дисненской дистанции Витебской губернии, на Западной Двине за период навигации с 12 апреля по 1 ноября грузилось 11 700 коп ("копа" – 60 штук) гонта по 30 коп. на сумму 3450 руб (НАРБ, Ф. 1297, Оп. 1, Д. 4939, Л. 2). В 1864 г. в Мозырском уезде Минской губернии было выработано 2107 коп клепки и 1050 скатов ободьев для колес (Историко-статистическое описание... С. 25). Дрань ("дор") – тонкие доски длиной до 2 м и шириной 30–40 см – "драли" с помощью драча ("дорника") – специального резака с узким длинным лезвием, закрепленным под прямым углом на длинной деревянной ручке. В конце XIX – начале XX в. распространилось покрытие крыш щепой – драконкой меньших размеров. И.А. Сербов, по полевым материалам 1910 г., отмечал, что в Полесье типичная драневая крыша стала уже редкостью и новые крыши кроются щепой или шалёвкой (Сербау, 1928, С. 15). Гонт применялся реже, так как стоил дороже. Гонтовый промысел был особенно развит на Могилевщине в Климовичском, Могилевском, Оршанском уездах. В Кобринском уезде Гродненской губернии, в урочище Темра помещика Туткевича в XIX в. на гонторезном

заводе с паровой машиной 10 рабочих изготавливали до 2 тыс. гонтов в день на продажу. Весной драли бересту – березовую кору, которая использовалась для изготовления утвари. Дубовая и лозовая кора употреблялась для дубления кож и овчин; из липовой коры (лыка) плели лапти, сумки-"вярэнкi", сенные кошель, веревки-лычаки, выделывали луб для коробов и мочало для рогож. Заготовленное в мае-июне лыко свертывалось и развешивалось в клетки, на чердаке избы. Заготавливали также "луццё" – тонкие жердочки с корой для плетения лаптей и пр. Лыко размачивали в теплой воде для эластичности, а "луццё" распаривали в печи и снимали с него лыко. Зачастую лыко скупали у крестьян скупщики и везли в безлесные места. Из лозовых прутьев плели корзины, делали рыболовные снасти, изгородь (плетень), вили "вицы" для вязанья плотов.

Рис. 71. Смолокурня. Вторая половина XX в. Любанский р-н Минской обл.

живицы приготавливали так называемый белый вар, которым смолили дратву, лодки. Однако этот промысел получил широкое распространение лишь в 20-е годы XX в. Подсочкой занимались рабочие, объединенные в артели промысловой кооперации. В послевоенный период добыча живицы в республике проводилась по линии леспрохозов, по сравнению с 1940 г. увеличилась больше чем в 3 раза, в 1958 г. составляла 10% общей добычи в СССР. В настоящее время в связи с сокращением запасов сырья (сосны 70–75 лет) объем добытой живицы значительно уменьшился.

Подсочка сосны осуществляется с весны до осени. Специальным резцом на длинной ручке на коре делают наклонные нарезки (насечки), по которым смола стекает в закрепленный на стволе конусообразный сосуд (берестяной, глиняный, пластмассовый). Оттуда живицу собирают в ведра и бочки и отправляют на Борисовский бумажно-лесохимический завод, действующий с 1930 г., где из нее вырабатывают канифоль и скипидар.

Производство поташа (голл. *potasch*. – горшечная зола, техническое название углекислого калия), согласно историческим источникам, получило известность на территории Белоруссии до XV в. Поташ – порошок белого цвета – получали путем выщелачивания древесной золы и последующего выпаривания экстракта в печах. Он употреблялся в самых разнообразных отраслях цехового и мануфактурного производства: в стеколоделии, мыловарении, изготовлении фаянсовой поливы, красителей, для отбеливания тканей, мытья шерсти, очистки сукна, в фармацевтическом и кондитерском деле, на фабриках курительного табака.

На протяжении столетий на западных рынках белорусский (как и русский) поташ считался одним из лучших. Поташни (буды) принадлежали в XVIII – первой половине XIX в. крупным магнатам – князьям Радзивиллам, Любомирским, графам Потоцкому, Соллогубу, помещикам Горвату, Славинскому и др. На поташнях су-

существовало профессиональное разделение труда, поэтому исследователи относят их к начальной форме вотчинной мануфактуры с наемным трудом. По неполным данным официальной статистики, в 1800–1805 гг. в Минской и Витебской губерниях действовали 83 поташные мануфактуры, в Минской губернии ежегодно производилось 50–60 тыс. пудов поташа. О географическом распространении поташного промысла в Белоруссии свидетельствуют и данные топонимики: ряд деревень в XIX в. имели названия "Буда", "Буда Поташова", "Поташня". Поташ-сырец обжигали ("гартавали"), закупоривали в бочки и отправляли потребителям. По качеству он подразделялся на два сорта: лучший – "перлаш", "ордаш" и худший – "вейдаш". В начале XIX в. Белоруссия являлась одним из крупнейших поставщиков поташа на зарубежный рынок, в основном в Англию и Голландию. Поташ отправлялся по Двине и Неману в балтийские порты – Ригу и Крулевец (Кёнигсберг). Так, по архивным данным, в 1827 г. со Столбцовской пристани на Немане было вывезено 106 бочек и 31 полубочка поташа, в 1829 – апреле 1830 г. на Витебской, Полоцкой, Ульской, Дисненской пристанях грузились 662 берковца (1 берк – 160 кг) (НАРБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4939). В связи с распространением в середине XIX в. заменителя поташа – соды поташное производство стало сокращаться и прекратилось к началу XX в.

РЕМЕСЛЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

В XVII в. в Белоруссии существовало до 30 ремесленных профессий, связанных с обработкой дерева. Главные из них: плотницкое дело, столярное дело, бондарное ремесло, токарное ремесло, судостроение, плетение, ткачество. Наибольшее развитие деревообрабатывающие ремесла получили в сельской местности. Их универсальность обеспечивала все основные потребности крестьянского двора в деревянных изделиях и хозяйственном инвентаре.

Повсеместным занятием было *плотничество*^{*}. Практически каждый взрослый крестьянин мог срубить хату и хозяйственные постройки. В этой трудоемкой работе ему помогали толокой родственники и другие односельчане. Профессиональные плотники после отмены крепостного права зачастую шли в отход. Артели плотников, кроме жилых построек, возводили мосты и плотины, ветряные и водяные мельницы, сооружали деревянные церкви.

Несмотря на повсеместное бытование плотничества, во второй половине XIX в. более отчетливо наметилась его географическая специализация. Так, плотники преобладали среди других ремесленных профессий на Могилевщине и Витебщине. Славился своим высоким мастерством плотники из д. Вульки Брестского уезда, выполнявшие работы и в соседних уездах. Ремесленники из Пружанского уезда артелями отправлялись на заработки в города, на строящиеся железные дороги и т.д. Столяры делали двери, оконные рамы, декоративно-прикладные элементы. Они специализировались также на изготовлении мебели, домашней утвари, ткацких станков, сельскохозяйственного инвентаря, различных транспортных средств – телег, саней, лодок. Чрезвычайно разнообразен был ассортимент долбленой утвари и посуды, изготавливаемой столярами и другими мастерами из липы, ольхи, осины: "кублы", ступы, корыта, "начоўкі", лохани, ковши, "фаскі" для масла и меда, солонки, миски, лодки-челны, деревянные трубы для водопровода, дымохода, колодцы, улья. Простыми инструментами народные мастера изготавливали необходимые в быту практичные, удобные, совершенные по форме утилитарно-декоративные изделия.

Городские и местечковые токари на ручных токарных станках с лучковым и

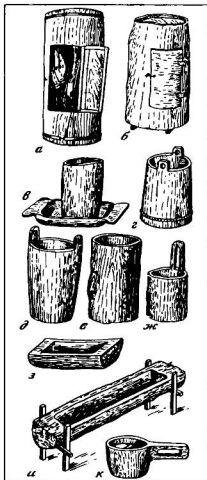
© * И.И. Бураковская

Рис. 72. Долбленные изделия

а, б – пикафы (“пикафы”) для одежды, в – корыто (“начуўкі”, “ночны”) и “кацюб”, г – ведро (“вадыня”) для колоды, д, е – “кадоубы”, ж – поддоник (“даўнка”), з, и – корыта для кормления скота, к – ковш для воды (“карэц”, “конаўка”)

колесным приводом изготавливали столовую посуду (ковши, тарелки, солонки, кружки и т.д.), различные бытовые предметы (пепельницы, спичечницы, табакерки, подсвечники, мундштуки, игольники), шахматы, шашки, игрушки, архитектурные детали, украшения для мебели, карнизы для окон, балясы для перил и оград. Пользовались спросом токарные изделия из карельской березы могилевских ремесленников. Сельские токари работали в основном веретена. Так, веретенщики д. Раковщина Чаусского уезда Могилевской губернии в конце XIX в. выделывали в год до 13 500 веретен, а в день – 50 штук. Количество токарей было сравнительно невелико. В 1880-е годы в Могилевской губернии насчитывалось всего 103 токаря, 1109 столяров-кустарей, 1633 бондаря (Дембовецкий, 1884. Кн. 2. С. 453):

*Бондарное ремесло** было развито во всех регионах Белоруссии и преобладало в форме кустарного промысла. Бондари работали преимущественно на заказ и на местный рынок. Бондарство требовало от мастера искусного владения широким набором инструментов, большого профессионального опыта. Посуда из дубовой, сосновой, ольховой, осиновой клепки имела разнообразное применение в домашнем быту белорусов. Бондарные изделия подразделялись на несколько групп: для воды, соков, напитков (транспортная бочка, кадка – “вадзянка”, ведро – “вадро”, бочонок – “біклага”, “барылка”, ковш – “конаўка”, “карэц”); для хранения сельскохозяйственных продуктов (бочки и кадушки для зерна, для квашения овощей и яблок, бочонки для овощей и кваса, небольшая кадка – “кубелец”; для разнообразного обихода (“кубел” для хранения одежды, “жлукта” для зблєния и запаривания белья, лохань – “балєя” для стирки белья, ушат – “цэбар”, квашня – “дзяжа”, поддоник – “даўнка”, маслѳойка – “бойка”); меры ёмкости – “асьміна” на 1 пуд зерна, “шаснастка”, “гарнец” (рис. 72, 73).

© * Н.И. Бураковская

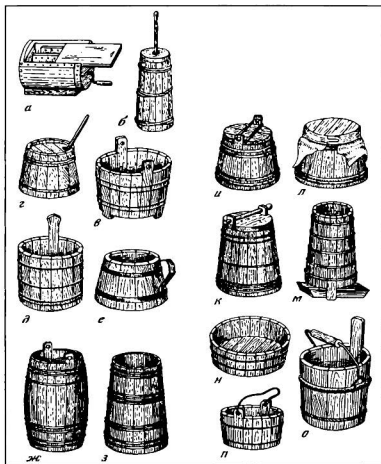

Рис. 73. Бондарская посуда

а, б – маслобойки ("бойки"), в – ушат ("цзбар"), г – посуда для дегтя ("дзгцарка"), д, е – меры емкости ("асымла" и "гарнец"), ж, з – бочки для хранения зерна ("судзіна" и "жады"), и – "кубелец" для хранения сала и мясных продуктов, к – "кубел" для хранения одежды, л – квашня, хлебница ("дзвжа"), м – "жлукта" для замачивания и запаривания белья, н – лохань ("бален"), о – водоизмер ("дасяка"), п – чайка ("ражка")

Во второй половине XIX в. значительных масштабов достигло бондарство в местечке Шклов Могилевской губернии. Мастера занимались этим ремеслом не сезонно, а круглый год. Хозяин работал с помощниками и учениками-мальчиками. Здесь бытовал профессиональный обычай "ходить с обручами", т.е. хозяин посылал своих помощников или учеников ходить из дома в дом и спрашивать работу по изготовлению и починке деревянной посуды. Шкловские бондари ходили и в

отход в другие губернии: Минскую, Гродненскую, Ковенскую, Киевскую. Было распространено бондарство среди белорусов и русских-старообрядцев в ряде населенных пунктов Гомельского уезда: в г. Добруш, в поселках Тереховка, Корма и др. Немало бондарей было и в других регионах.

*Производство транспортных гужевых средств** (колес, телег, бричек, саней, возков и т.п.), как правило, обособлялось в особый вид ремесла – “стальмашное”. При этом изготовление телег и саней в качестве домашнего ремесла существовало в каждой деревне, а изготовление колес (катков), как требующее специальных навыков и опыта, чаще всего осуществлялось самостоятельно мастерами-колесниками. Они в значительной степени работали на рынок. Особой известностью пользовались колесники (“стальмахи”) Могилевщины (Чаусский уезд и др.) и Гомельщины.

Особым видом деревообрабатывающих ремёсел было изготовление полозьев, дуг, оглобель, колесных ободьев. Заготовленные бруски сначала распаривали 10–12 часов в полуназемном срубе (“парня”) с печью и котлом для воды. В домашних условиях распарку производили обычно в банях. Затем их гнули на специальном приспособлении (“гбала”, “баба”) разнообразной формы – в зависимости от назначения изделий. Согнутое изделие связывали по концам и сушили в течение двух недель.

На прибрежных пристанях было широко распространено *речное судостроение***. Народные умельцы с помощью простых орудий на протяжении столетий строили различные речные транзитные суда большого тоннажа, лодки для местных перевозок и рыболовства, передавая опыт и навыки из поколения в поколение. Центрами судостроения в бассейне Днепра и Припяти были города, поселки, местечки: Могилев, Гомель, Речица, Бобруйск, Мозырь, Пинск, Давид-Городок, Дубровно, Славгород, Ветка, Лоев, Кричев, Холмеч; на Немане – Столбцы, Новый Свержень, Любча, Еремичи, Делятичи; на Двине – Полоцк, Витебск, Сураж, Велиж, Бешенковичи; на каналах – Брест, Городец, Телеханы, Бытень, Добромысль и др.

Мастерство плотников, столяров бондарей, токарей, резчиков по дереву не утратило своего значения и в наши дни, несмотря на сокращение ассортимента изделий и вытеснение традиционных вещей фабричной продукцией. Многие предметы имеют прикладное и декоративное назначение. Из различных пород дерева народные умельцы изготавливали музыкальные инструменты (скрипки, свистульки, дудки, пастушьи трубы, жалейки, трещотки, цимбалы и др.).

Деревообрабатывающие ремёсла белорусов по типологии изделий орудий труда и техническим приемам имеют большое сходство с таковыми русских и украинцев.

*Народное ткачество*** – одно из наиболее распространенных и древних ремёсел белорусского народа. О существовании ткачества на территории Белоруссии в древности свидетельствуют археологические данные. Наиболее ранние из них относятся к эпохе зарубинецкой культуры (отпечатки тканей на посуде, а также многочисленные пряслица для веретен). В X–XII вв. домашнее ткачество на территории Белоруссии было распространенным явлением. В этот период для изготовления тканей использовался горизонтальный ткацкий стан.

В XVII в. ткачество вышло уже за рамки домашнего занятия и приобрело черты промысла. Во многих помещичьих хозяйствах работали ткаческие мастерские, изделия которых пользовались большим спросом не только в Белоруссии, но и за ее пределами. В пореформенный период в Белоруссии росло количество про-

© * Н.И. Бураковская

© ** А.Н. Курлякович

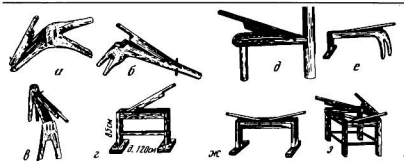

Рис. 74. Орудия обработки льна

мялки: а – наклонная двухщелевая, Лепельский у. Витебской губ., б – наклонная однощелевая, Могилевский у. Могилевской губ., в – горизонтальная двухщелевая, Вилейский у. Вилейской губ., г – "церница", Бобруйский у. Могилевской губ., д – "церница", Игуменский у. Минской губ., е – "церница", Мозырский у. Минской губ., ж – "церница-двухручка", Бобруйский у. Могилевской губ., з – "карагод", Рогачовский у. Могилевской губ.

мышленных предприятий, что давало возможность приобретать изделия из фабричных тканей. Однако в быту крестьян домашнее ткачество занимало одно из важнейших мест, как производство, тесно связанное с изготовлением тканей для одежды и других бытовых нужд.

Основным сырьем для ткачества в домашних условиях являлся лён, в меньшей степени – овечья шерсть и волокно конопли. На каждом этапе обработки льна использовались соответствующие орудия. Для обивания льняных головок служил валец ("праник", "прач" и др.). В северных районах Белоруссии, кроме обивания, было известно обивание льняных головок с помощью специальных ножей ("драчки").

В процессе дальнейшей обработки льна его мяли ("церли") с помощью мялки ("церницы") (рис. 74). В Белоруссии известны два основных типа мялок – наклонная и горизонтальная. Каждый тип имел свой ареал распространения. Оба типа мялок локализовались не только в пределах Белоруссии. Например, наклонная двухщелевая мялка, характерная для северных районов Белоруссии, известна также в Литве, Латвии и России. Однорезберная мялка ("мялица") была распространена в восточных районах Белоруссии, известна также русским Смоленщины и др.

На остальной территории Белоруссии, в частности в Полесье и в центральных районах, была распространена горизонтальная однощелевая мялка. Только на западе такая мялка была двухреберной. В юго-восточных районах рядом с обычной мялкой применялись мялки-двухручки и "карагоды". На первых одновременно работали две женщины, а на карагодах – четыре.

Для очищения волокна от костры его трепали с помощью специального орудия – трепала ("трапало") мечеподобной и лопатообразной формы. Чесали волокно гребнем. Наиболее древним был деревянный лопатообразной формы гребень с вырезанными на нем зубьями. Более поздний гребень – с металлическими зубьями (рис. 75). Такими же способами и орудиями обрабатывалась и конопля. В отличие от льна и конопли обработка овечьей шерсти не требует такого количества орудий. Здесь существенны три момента: стрижка овец, мытье и чесание шерсти ("воуны").

Всем восточнославянским народам с древности известно прядение – процесс преобразования волокна в нити. У белорусов, как и у других восточнославянских народов, прядение выполнялось вручную. Орудием прядения служила прялка

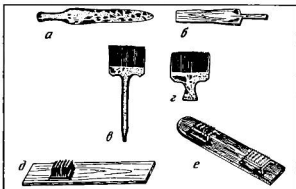

Рис. 75. Орудия для трепания и чесания волокна

а – трепало мотыгоподобное. Слуцкий у. Минской губ., *б* – трепало лопатообразное. Полоцкий у. Витебской губ., *в, г* – гребни деревянные для чесания волокла. Речицкий у. Минской губ., *д* – гребень с деревянными зубьями. Борисовский у. Минской губ., *е* – гребень с железными зубьями. Борисовский у. Минской губ.

(“прасница”) лопатообразная (рис. 76). Узлолокальное распространение (юго-восточные районы) имела прялка веслообразной формы. В конце XIX–начале XX в. в восточных и юго-восточных районах применялось прядение на деревянном гребне. Орудием для скручивания нитки служило веретено.

Во второй половине XIX в., кроме прядения с помощью веретена, начала использоваться самопрялка. В зависимости от конструкции известны два ее типа – “ляжак” и “стаяк”. Готовую пряжу сматывали на специальное приспособление – вилкообразное мотовило для свивания пряжи в мотки. Для сушки пряжу свивали на крестообразное мотовило (рис. 77).

Просошие нитки свивали в клубки, с которых пряжу сновали. Известны три способа снования: на стене (более древний), на раме и на вертящейся сновнице (более поздний способ) (рис. 78).

Изготовление тканей в домашних условиях выполнялось на горизонтальном ткацком стане, известном на территории Белоруссии с древних времен. Наиболее ранние археологические данные, которые свидетельствуют о наличии горизонтального стана на территории Белоруссии, относятся к X–XII вв.

В конце XIX – начале XX в. этот тип ткацкого стана был единственным на всей территории Белоруссии. Однако в отличие от орудий обработки сырья, которые во многом сохранили древнюю конструкцию, ткацкий стан претерпел эволюцию от простого до более усовершенствованного. Свидетельством этому служат четыре разновидности горизонтального стана, распространенные в Белоруссии. Наиболее древний – это стан на “сохах” (“кросны на сохах”). Он не имел станин, и навои в нем крепились на подставках, закопанных в земляной пол развилками вверх. В конце XIX – начале XX в. стан на “сохах” был сохранен в восточных и юго-восточных районах Белоруссии. Стан со станинами отмечен в центральных и некоторых южных районах Минской губернии. Наиболее характерен для Белоруссии рамный стан. Основу его составляла четырехугольная рама, на которой располагались навои (для пряжи и полотна). Нити крепились в верхней части рамы на понебнике. Четвертый, наиболее усовершенствованный ткацкий стан – “верстат” (“варштат”) распространялся в основном в западных районах Белоруссии. В конце XIX–начале

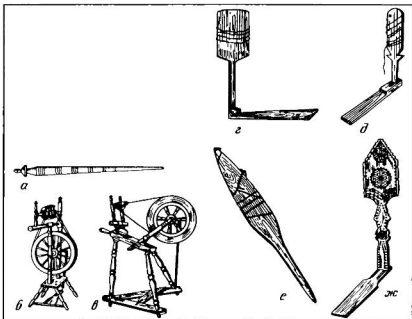

Рис. 76. Орудия прядения

а – веретено, Игуменский у. Минской губ.; самопрядки: б – “стаяк”, Докитицкий у. Витебской губ., в – “дежак”, Словинский у. Гродненской губ.; прялки: г – Городецкого у. Витебской губ., д – Виленского у. Виленской губ., е – Мозырского у. Минской губ., ж – Гродненского у. Гродненской губ.

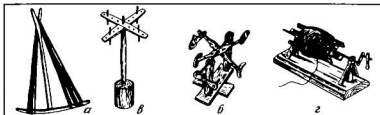

Рис. 77. Типы мотовил

для сматывания пряжи в мотки: а – Мозырский у. Минской губ., б – Лидский у. Гродненской губ., в – Брестский у. Гродненской губ.; для разматывания пряжи с мотков: г – Слуцкий у. Минской губ.

XX в. “верстаты” были характерным орудием в местах кустарных промыслов, сконцентрированных в городах и местечках. Постепенно “верстаты” начали использоваться и в крестьянском быту.

Результатом такого большого и тяжелого труда, как обработка сырья, прядение, снование, ткачество и др., являлись самые разнообразные ткани не только по качеству, техническим приемам, орнаментике, но и по функциональному назна-

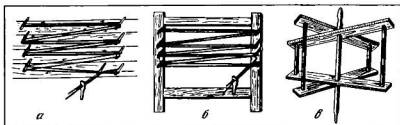

Рис. 78. Способы снования пряжи

а – на стене. Мозырский у. Минской губ., *б* – на рамс. Пинский у. Минской губ., *в* – на сновнице. Дзельский у. Витебской губ.

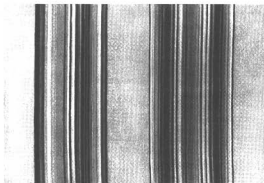

Рис. 79. Декоративное тканое покрывало (фрагмент) – Желябинская "посідлка", Гродненская обл.

чению. Известно, что в условиях полунатурального хозяйства одной из проблем было обеспечение семьи одеждой. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что у основной массы крестьянства материалом для одежды служила домотканнина. Из полотна шили женские и мужские сорочки.

Оригинальностью и красотой отличались ткани для женской поясной одежды. В зависимости от орнамента можно выделить два типа тканей – полихромные и однотонные. Среди узорных преобладали ткани с вертикальными и горизонтальными полосами (рис. 79). Они известны на всей территории Белоруссии. Некоторые отличия наблюдались в способах изготовления тканей и в цветовом решении. На большей части Белоруссии полосатые ткани были двухнитовыми. В юго-западных районах изготавливались четырехнитовые поперечно-полосатые ткани. Они отличались плотностью, и юбки, сшитые из них, назывались "бурками". Повсеместное распространение имели также клетчатые ткани.

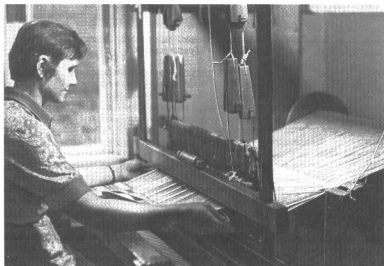
Довольно разнообразны названия тканей. Изделия из шерстяных тканей назывались "андарак", "сукоиник", из полушерстяных – "паўсукоиник", из полотняных – "спадница", "палатняник".

С давних времен основным головным убором замужней женщины была намитка ("намітка", "павойнік"), полотно для которой ткали в два нита из высокока-

Рис. 80. Полотенце ("ручнік"). Ветковский р-н Гомельской обл.

Рис. 81. За работой на кроснах мастер народных промыслов А. Демчило. 1981 г. Д. Мотоль Врестской обл.

чественного волокна "кужалю". Ткаными были и другие головные уборы, например, платки ("хусткі").

Мужские штаны ("нагавіцы") шили обычно из полусукна, вытканного в четыре нита. Летние штаны шили из полотна.

Белорусские крестьянки изготавливали также разнообразные ткани для хозяйственных и других бытовых нужд. Но одно из главных мест в традиционном ткачестве белорусов занимают декоративные ткани – настоящие образцы народного искусства. Тканые полотенца, скатерти, покрывала и другие изделия отличаются разнообразием узоров и технических приемов. Среди них самую большую группу составляют полотенца ("ручнікі"), которые, кроме декоративного назначения, использовались в традиционных, особенно семейных, обрядах. Полотенца украшались как тканым, так и вышитым орнаментом (рис. 80). В тканых полотенцах преобладал геометрический узор, который создавался с помощью браной техники и располагался в виде поперечных полос. На некоторых полотенцах узор создавался с помощью многонитового тканья. Для них характерно размещение узора по всему полю (клетки, розетки, ромбы и др.).

В конце XIX–начале XX в. наряду с ткаными широкое распространение имели и вышитые полотенца. Для них характерен растительный орнамент, в который, кроме традиционного красного цвета, добавлялся и черный. Дополнительным украшением полотенца являлись кружева, узор которых соответствовал узору на полотнце.

В быту белорусов, как и всех славянских народов, широко использовались скатерти ("абрус", "сарэвэты"). Ткали их из льняной пряжи преимущественно в четыре и восемь нитов. Рисунок создавался серым утком на отбеленной основе. Узор геометрический – клетки ("шашкі", "балонкі"). Изготавливали также ажурные скатерти (тканые и плетеные). Интерьер украшали покрывала ("посцілкі"), вытканые чаще в четыре нита. Декоративный эффект достигался полихромным утком в виде прямоугольников, квадратов, полос и др. В конце XIX – начале XX в. ткали также покрывала с помощью техники перебора, на двух-трех дощечках, узор был геометрический, позже стали преобладать растительные и орнитоморфные узоры, вытканые на большом количестве дощечек (80 и более). Богатством цветовой гаммы характеризуются покрывала, выполненные закладной техникой. Кроме покрывал, для украшения интерьера широко использовались самотканые ковры ("дываны").

После войны, особенно в 1950–1960-е годы, традиционное ткачество получило новые черты и направление. В этот период ткачество в Белоруссии начало развиваться как один из видов народного творчества (рис. 81).

Древесные материалы были сырьем и для одного из самых массовых домашних ремесел – плетения. В конце XIX–XX в. плетеные предметы в значительном количестве поступали также на рынок. Наиболее универсальным материалом была лоза. Из лозовых прутьев плели корзины, кошелки, коробки, рыболовные снасти ("коробкі", "бучы", "венцеры"), мебель, детские колыбели ("калыскі"), кузова возков, саней и телег ("палукашы"), изгороди ("платні"), иногда (в Полесье) стены хозяйственных построек, даже печные трубы ("коміны"). Производством лозовой мебели (столы, стулья, кресла) и корзин славилась ремесленники Могилевской губернии, корзиновый промысел бытовал и в Полесье (Мозырский уезд и др.). Из корей сосны, ели, можжевельника изготавливали утварь и посуду ("карзіны", "кашы", "короба"), мелкие бытовые предметы – коробочки для рукоделия, миски для фруктов и т.д. Из бересты делали солонки, табакерки, заплечные кошельки, сумки ("варэнькі"), ею оплетали глиняную посуду ("берасцянікі"). В частности, сла-

вились своим изяществом могилевские берестяные изделия – шкатулки, папиросницы, спичечницы, табакерки, чайницы и т.п. (рис. 82).

Повсеместно употребляли липовое лыко. Из него плели лапти ("лапці"), кошело ("вярзнікі"), вили веревки. В местностях, где в лесах произрастали массивы липовых деревьев, в XIX в. было распространено мочальное ремесло, т.е. заготовка из липовой коры луба, мочала и изготовление из них разнообразных хозяйственных вещей. Это ремесло бытовало в Поднепровье – во многих уездах (Могилевский, Рогачевский, Гомельский и др.) Могилевской губернии, в ряде уездов (Борисовский, Бобруйский, Червенский) Минской губернии, встречалось и в других местах (Кобринский, Слонимский уезды Гродненской губернии). особенно славилась мастерами-рогожниками Кошелевская волость Рогачевского уезда. На первой сельскохозяйственной выставке в Могилевской губернии в 1850 г. циновки крестьян этой волости за совершенство и красоту были отмечены денежной наградой. Рогожи и циновки были постоянным предметом экспорта в Западную Европу. В середине XIX в. в Могилевской губернии изготовлялось около 100 тыс. рогож и циновок. Даже в конце XIX в., когда это ремесло пришло в упадок, плетением рогож в губернии занималось свыше 1,5 тыс. человек с общим заработком до 20 тыс. руб. в год (*Без-Корнилович, 1855. С. 280*).

Липовую кору заготавливали весной. Для заготовки сухого луба с коры соскребали топором верхний слой, потом его распаривали над костром и клали под груз. После просушки он был готов для хозяйственного использования. Из луба делали короба ("сявалкі"), детские люльки ("калыскі"), ободки ("абечайкі") для решет, кузова для возков и колымажек, он употреблялся для покрытия речных судов, куски луба подкладывались в женский головной убор (лубяной ободок – "падвѣчка" под намитку), под ярмо волов, чтобы не натереть шею животным. Для получения мочала луб замачивали в водоемах и затем сдирали с него волокнистую часть, после просушки мочало разрывали на узкие полоски (ленты), из которых плели (ткали на ручных станках) рогожи и циновки, причем для плетения циновки ленты основы скручивались на специальной катушке. Из мочала также плели сетки для решет, вили веревки для лаптей ("аборы") и канаты, известны также мочальные паруса для речных судов. В Полесье рогожи и циновки, кошелки и сумки изготавливали из болотной травы – рогоза. Такая циновка, в частности, хранится в музее в Пинске.

В начале XX в. мочальное ремесло в Белоруссии пришло в упадок, а затем прекратило свое существование.

Вплоть до настоящего времени используется для плетения сосновая лучина (стружка), из нее плетут различные емкости для овощей и фруктов, переноски семян и пр.

Популярным у белорусов было плетение из соломы. Из соломенных жгутов (зачастую переплетенных лозой) делали разнообразные по форме короба, коробки, "гарницы", "сявалкі", "кублы", "маты" на окна и двери. В соломенной посуде хорошо сохранялись продукты. Солома, собранная во время созревания зерна, как более прочная и красивая, употребляется и ныне для плетения изделий прикладного искусства – шкатулок, игрушек, украшений, предметов интерьера ("павук" и др.). Уникальными образцами традиционного плетения являются соломенные царские врата в церквях конца XVIII–начала XIX в. на Пинщине. Соломенные шляпы ("капелюшы", "брылі") были летним головным убором белорусов вплоть до первых десятилетий XX в.

Особую группу плетеных изделий составляют декоративно-прикладные принадлежности из текстильного сырья (льна, пеньки) и кожи. Витые шнуров, веревок, канатов представляет собой наиболее простой прием плетения. Шнурами и веревочками, плетенками из цветных ниток украшали одежду, из суконных ниток

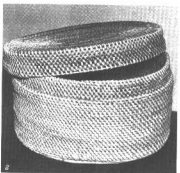
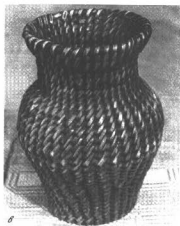

Рис. 82. Плетеные бытовые предметы XX в.

а – короб для зерна. Глубокский р-н Витебской обл., *б* – корзина из лозы для хранения мяса. Щучинский р-н Гродненской обл., *в* – хувашии “збанок”. Щучинский р-н Гродненской обл., *г* – коробка для хранения одежды (20-е годы). Д. Зачепицы. Дятловский р-н Гродненской обл., *д* – корзина, Д. Липичанка. Щучинский р-н Гродненской обл., *е* – соломенная шляпа (“брыль”, “капалюш”)

плели пояса – обязательную принадлежность мужского костюма белорусов. Рыбаки и охотники плели из пенковых и льняных ниток сети для ловли рыбы и птиц.

Веребчатое и канатное ремесло во второй половине XIX в. было наиболее распространено в традиционных районах коноплеводства и судоходства (Могилевская, частично Минская и Витебская губернии) (рис. 83). Коллекция витебских веревок экспонировалась на Всероссийской промышленно-художественной выставке в 1881 г. Из полосок сыромятной кожи плели пояса, лезиво для бортичества, пастушеские плети (кнуты), конскую сбрую.

С течением времени развивалась техника плетения, совершенствовались формы изделий (круглые, цилиндрические, квадратные и др.) и орнаментика, которые зависели от материала и функционального назначения продукции.

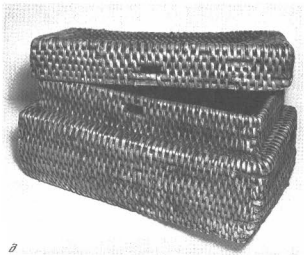

Рис. 82, д

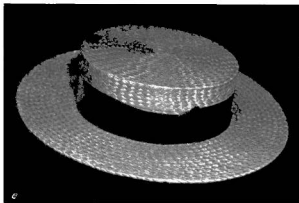

Рис. 82, е

Преобладала спиральная и крестовая техника плетения. Плетение веревочкой, ажурное плетение получили распространение в конце XIX в., когда возникли школы по обучению этому ремеслу. Различают также два традиционных способа плетения – продольное (витье) и перекрестное. Первый вид послужил основой для вязания, второй – для ткачества.

В последние годы плетение в какой-то мере сохраняется в виде домашнего ремесла утилитарного назначения (витье веревок, плетение рыболовных снастей,

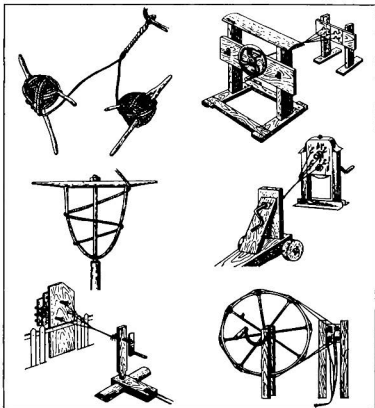

Рис. 83. Орудия для вязать веревки

изготовление корзин, кошёлок, сумок) и в художественных изделиях фабричного производства.

Большим спросом у жителей и гостей республики пользуются различные плетеные предметы: шкатулки, подносы, хлебницы, фруктошницы, конфетницы, панио, сувениры, а также с недавних пор – макраме (узелковое плетение). Кроме традиционных материалов, в современном плетении используются синтетические и бумажные нити, шнуры, шпагат, проволока.

Вязание кружев в качестве домашнего ремесла наиболее известно в Белоруссии со второй половины XIX в., преимущественно у мещан. Кружевами собственной работы украшали рубашки, кофты, воротники, манжеты, рукава. Крестьянки пришивали кружева к фартукам, рушникам, в XX в. получили распространение кружева для наволочек, подзоров на кровати, занавесок на окна.

Традиционным домашним ремеслом крестьянок и горожанок была *вышиванка*.

Вышитыми узорами украшали женские головные уборы, фартуки, безрукавки ("гарсэты"), женские и мужские рубахи, овчинные шубы и кожаные, суконные "свиты", предметы декоративно-обрядового и бытового назначения – рушники, скатерти, наволочки, покрывала, кошельки, кисеты и др. (рис. 84). Узоры вышивки выполнялись цветными шерстяными, льняными, шелковыми, хлопчатобумажными нитями. Техника вышивки довольно разнообразна: крестом, плетенкой, гладью и др. Орнаменты вышивки – наиболее древний геометрический, более поздний (с конца XIX в.) растительный – имеют локальное своеобразие. Традиционная вышивка используется и в наши дни в декоративных тканях, обрядовых и сценических костюмах. В белорусской народной вышивке много общих черт с вышивкой соседних народов – русских, украинцев, поляков, литовцев.

Важное значение в хозяйстве имел *валяльный промысел*^{*}. В ткацком производстве применялась операция мягчения тканей. Сукно-сырец для мягкости и прочности валяли ("валілі", "білі", "мялі") с помощью ручных и механических приспособлений, однотипных у всех восточнославянских народов. Сукно топтали босыми ногами в корыте, ночевках, ушат ("цебре") или на полу, толкли толкачом в ступе, мяли на ребристой поверхности в ручных "валюшах" (сукновальнях) различной конструкции. При этом сукно смачивали горячей водой. Такой трудоемкий процесс обычно выполняли коллективно, толокой в осеннее и зимнее время. В Пинском Полесье, по материалам этнографической экспедиции, в конце XIX – начале XX в. сукновальное имело нередко форму посиделок ("вячорак"). Во второй половине XIX в. в народной практике начал приобретать популярность способ валяния сукна на купеческих механических сукновальнях ("фолюшах") с помощью водяного колеса, реже – с паровым двигателем. Помещичьи сукновальни при водяных мельницах ("млинах") действовали еще в средневековье. Ремесленная профессия – сукновал ("фолюшнік") была известна в белорусских городах в XVI в. Наличие сукновала зафиксировано во всех инвентарях помещичьих имений XVIII – первой половины XIX в. Тем не менее и в конце XIX в. сукновалено было недостаточно, кроме того, из-за отсутствия денег и по традиции крестьяне в большинстве своем предпочитали валять сукно домашним способом. В советское время существовали колхозные сукновальни: например, в Восточном Полесье в 1933 г. насчитывалось 14 колхозных сукновален и одна паровая сукновальня в Брагине. С середины XX в. кустарное сукноделие не существует, потребности жителей обеспечиваются фабричным производством.

С древних времен из овечьей шерсти валяли войлок ("лямец") для конской сбруи, попон и пр. Валяная войлочная шапка ("магерка") – основной головной убор белорусских крестьян, особенно в восточных регионах. Магерку белорус носил круглый год. Летом надевали и широкополую войлочную шляпу ("брыль", "капюльш"). В XVI–начале XVII в. в городах Белоруссии существовали ремесленники-магерочники, шаповалы. В XIX в. своим мастерством особенно славилась дрибинские шаповалы (местечко Дрибин и окрестные деревни Дрибинской волости Чаусского уезда Могилевской губернии), жители с. Гордуны Носовичской волости Гомельского уезда, д. Кобылев Речицкого уезда Минской губернии. Шаповальство преобладало в форме отхожего промысла. Мастера работали в домах заказчиков, переходя со своими инструментами из деревни в деревню и даже в соседние губернии. Во время отходничества ремесленники пользовались условным языком, который назывался катушницкий лемезень (от слов "катушка" – шапка, "лемезень" – язык). К концу XIX в. войлочные головные уборы стали выходить из употребления и в первые десятилетия XX в. исчезли окончательно.

С конца XIX в. у зажиточных крестьян появилась валяная обувь из войлока –

© * Н.И. Бураковская

Рис. 84. Женщина в вышитой рубахе. 1930-е годы. Брагинский р-н Гомельской обл.

валенки, которые в начале XX в. вошли в повсеместный обиход, особенно на востоке и северо-востоке Белоруссии. Принцип изготовления шапок и валенок заключался в том, что пласты шерсти, расстеленные на столе, смачивали кипятком, мяти руками, придавали им форму изделия, затем для уплотнения неоднократно терли и раскатывали различными деревянными и металлическими качалками; заготовку-сырец насаживали на деревянную колодку ("правідла") и сушили в домашней печи, в заключение обжигали ворс (рис. 85). Катание ("битье") валенок, особенно детских, в какой-то мере бытует спорадически и в наше время не только в деревнях, но и в городах. На базе народного опыта налажено фабричное производство валяной обуви, технического и шорного войлока (Белорусское производственное объединение валяльно-войлочных изделий в Смиловичах Минской области).

*Кожевенные промыслы и ремёсла** – одно из древнейших занятий населения Белоруссии. В XVI–XVII вв. в ряде городов (Могилев, Полоцк, Брест и др.) были организованы цехи кожевников, скорняков. В 70-е годы XVIII в. в Могилеве около 40% цеховых ремесленников обрабатывали кожи и меха и шили из них изделия, в городе насчитывалось до 66 кожевенных мастерских. Изделия могилевских мастеров, пользовались спросом не только на местах, но и в Москве, Петербурге, Вильно, Риге, Варшаве, на Украине (Гісторыя Беларусі..., 1936. Т. I. С. 380). В феодалных владениях работали крепостные кожевники, сапожники. Труд и мастерство народных мастеров использовались и на вотчинных мануфактурах, возникших в конце XVIII – первой четверти XIX в. в Гродно, Кричеве, Шклове и

© * Н.И. Вуражковская

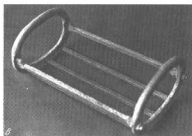
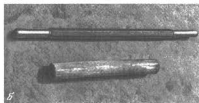
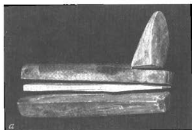

Рис. 85. Орудия для катания валенок. Дрогичинский р-н Брестской обл.

а – колодка ("калыт"), б, в – каталки ("качалки"), г – терка

др. Во второй половине XIX в. кожевенное производство в Белоруссии развивалось как кустарно-ремесленное и фабрично-заводское. Типичными в городах и местечках были мелкие мастерские, в которых работал хозяин со своей семьей либо с учениками или наемными рабочими. В сельской местности промысел являлся вспомогательным подспорьем к земледелию. Пользовались известностью также кожевники татары и евреи.

В зависимости от вида сырья и назначения изделий издавна существовали различные способы обработки кож. Соответственно сложилась специализация ремесленников. Выделкой овчины и мехов занимались скорняки ("кушьяры", "аўчынікі", "чэмбары"), выделкой сыромятной кожи – шорники ("рымары"), обувную кожу выделывали кожевники ("гарбары"), сапоги и ботинки шили сапожники ("шаўцы") (рис. 86, 87).

Наиболее древний способ обработки кож – выделка сыромятной кожи ("сырамяці", "сырыцы"). Шкуру крупного рогатого скота размачивали в воде, залили в растворе гашеной извести для лучшего снятия шерсти, затем на наклонной полукруглой колоде ("кабылка", "плаха") косой или двуручным ножом соскребали шерсть и мездру, мыли с помощью специального мыла, известного также русским и украинцам. Принцип действия мыла – кручение и растягивание кожи при вращательном движении. Известны два типа мыла – с подвешенным грузом и кольями и с вращающимися досками, закрепленными на столбе, в последнем случае иногда применялась тяга лошадью посредством дышла. Из сыромятной кожи шорники шили сбрую: гужи, вожжи, шлеи, постромки, чересседельники, уздечки, поводья и др. Сыромять шла и на пошив крестьянской обуви – кожаных лаптей ("поришкі",

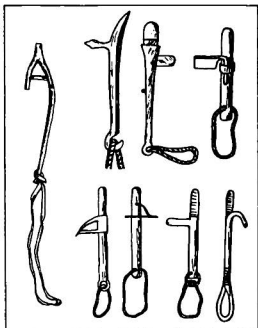

Рис. 86. Крюки для выделки овчины

"пасталы", "маршчакі"). Она служила также материалом для изготовления многих хозяйственных и бытовых принадлежностей: поясов ("папруга", "дзяга", "рэмень"), витой веревки для бортника ("лязіва"), оборы для лаптей, кожаных мешков для продуктов в дорогу и т.д.

Кожевники выделывали юфть для верха обуви и подошвенный товар. Выделка юфти включала, помимо зolenия и мездрения, квашения в ржаном или овсяном растворе ("квасе"), дубление отваром дубовой или лозовой коры для влагонепроницаемости и прочности и отделочные операции: жирование (дегтем, растительным маслом, ворванью), разглаживание, крашение. Подошву для прочности дубили дольше, не жировали и не красили. Кожевничество ("гарбарства") преобладало в местечках и городах, а во второй половине XIX в. начало распространяться и в деревнях, когда зажиточные крестьяне стали носить сапоги.

Скорняжный промысел подразделялся на две разновидности – выделка овчин и зверковых шкурок. В народном скорнячестве главное место занимала обработка овчин для пошива зимней одежды – шуб ("кажухоў"), полушубков, шапок. Выделка шкурок диких пушных зверей (белки, лисы, зайца и др.) для шапок и воротников играла второстепенную роль. Основной технологической операцией в скорняжном деле было хлебное квашение. Разминали овчину крюком, что было характерно для всех восточных славян. До второй половины XIX в. выделка овчин производилась "набело", без дубления. Дубленые и крашенные "кажухі" особенно были распространены в начале XX в.

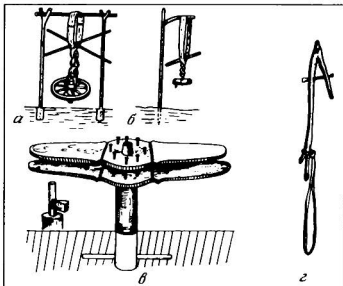

Рис. 87. Орудия для выделки кож и овчин

а, б, в – мяла, г – крюк

С обработкой кож связано возникновение и развитие сапожного ремесла. О его древнем бытовании на территории Белоруссии свидетельствуют археологические раскопки в Полоцке, Минске и других местах. Сапоги, ботинки были повседневной и праздничной обувью господствующих сословий, зажиточных горожан, ремесленников. С XVI в. сапожники ("шаўцы") входили в ремесленные цехи. Крепостные мастера выполняли заказы помещиков. Во второй половине XIX в. возрос спрос на сапоги ("боты", "чобаты") и ботинки ("чаравікі", "шнуруўкі") у зажиточных крестьян, особенно на западе Белоруссии. В 1860 г. в Гродненской губернии насчитывалось 1103 сапожника в городах и 1385 в деревнях. В Могилевской губернии в 1880-е годы в 352 населенных пунктах (в их числе 5 городов и 40 местечек) работало 1082 сапожника-кустара. В 1900 г. сапожное ремесло было во всех уездах Могилевской губернии, особенно в Рогачевском (200 человек), в Витебской губернии было 1050 сапожников (Бобровский, 1863. Ч. 2. С. 113). В XIX в. славились своим мастерством могилевские, сморгонские, бочейковские, пинские, туровские, давид-городокские, петриковские, брагинские сапожники. В местечках сапожное ремесло по численности мастеров занимало 1–2-е место среди занятий жителей. В традиционных центрах сохранялось профессиональное разделение труда в зависимости от типа обуви. Так, в Могилеве и Рогачеве одни мастера шили сапоги простые ("смазные"), другие – господские ("панскія"), третьи – башмаки и дамские туфли.

Технологические приемы пошива, типология и крой обуви с течением времени менялись. По способу пошива самыми древними считаются выворотные сапоги. Их голенища выкраивались вместе с головками, сшивались дратвой с изнанки, затем к ним пришивали подолшу из нескольких слоев кожи, выворачивали налицо

и расправляли на деревянной форме. Такие сапоги были симметричные (шились на одну колодку для правой и левой ноги), мягкие (без задника и каблука). В XV в. появились асимметричные колодки, твердый задник (с берестяной прокладкой) и набортный каблук из нескольких слоев кожи. С XVIII в. известен деревянный каблук, обтянутый кожей. Во второй половине XIX в. начали шить рантовые сапоги, в которых подошву с выступающим краем ("рантом") крепили снаружи деревянными гвоздями. У крестьян и мещан пользовались спросом "осташи" – широкие и прочные выворотные сапоги, которые шили в г. Осташкове Тверской губернии и в м. Сморгонь. В Полесье, в м. Турове, Давид-Городке, Тонеже, шили высокие сапоги со сборками, с отворотами голенищ. По способу кроя до середины XIX в. бытовали цельнокроенные сапоги-вытяжки, позднее вошли в быт и изделия с пришитыми передами (головками) – "пришвы". Оба типа сапог, несколько усовершенствованные, так же, как и традиционные инструменты, дошли до наших дней. Рациональные элементы народного ремесла используются в мастерских при Домах быта и на обувных фабриках.

Наличие залежей глины, пригодной для формовки посуды, способствовало развитию *гончарства*^{*}. Известными центрами керамики были многие города, местечки и деревни: Гродно, Брест, Минск, Полоцк, Витебск, Могилев, Логойск, Копысь, Мир, Ивенец, Клецк, Слуцк, Кричев, Вобруйск, Борисов, Крево, Дубровно, Раков, Глубокое, Полозово, Браслав, Ружаны, Пружаны, Синявка, Городная. В Городной и Пружанах в начале XX в. работало до 200 мастеров в каждом поселении. Всего в этот период в Белоруссии изготовлением глиняной посуды занимались 4-4,5 тыс. человек. Свой товар гончары продавали на местных рынках или сбывали скупщикам, которые вывозили изделия и за пределы Белоруссии – в Варшаву, Вильно, Киев, в Россию.

Посуду формовали, за небольшим исключением, на ножном гончарном круге, обжигали в горнах или домашней печи и подвергали декоративной обработке (рис. 88). Различают несколько ее способов: обваривание ("гартаванне"), задымление и глазуровка ("глазураванне"). Обварная в овсяном тесте и затем обожженная посуда получалась пятнистой ("рябой"), задымленная – черной, остальная – красной, глазурованной и простой. Городнянские изделия – белоглиняные, неполовные.

Изделия белорусских гончаров имели региональные и локальные особенности по технике исполнения, форме и терминологии (рис. 89). По функциональному назначению народную керамику можно подразделить на кухонную, столовую, декоративную, для хранения и транспортировки продуктов, изделия различного хозяйственного назначения, игрушки.

В быту крестьян и горожан широко употреблялась глиняная посуда: горшки, сковородки, "макацеры" для растирания мака и других продуктов, "латкі" и "латушкі" для приготовления пищи в печи, миски, кувшины ("эбанкі", "крынкі", "глякі"), кружки, горшки и вазы для цветов, курительные трубки, свистульки, игрушки. Ныне во многих поселениях традиционное гончарство прекратило свое существование. Керамическое производство развивается на предприятиях Министерства местной промышленности, на Борисовском комбинате прикладного искусства, в производственном объединении "Белорусская художественная керамика".

Кузнечное ремесло^{*} ("кавальства") возникло на территории Белоруссии с открытием выплавки железа из болотной руды. Традиции древнерусских мастеров металлообработки нашли свое продолжение в деятельности ремесленных цехов кузнецов и слесарей, которые возникли в XVI в. в ряде городов (Витебск, Могилев, Полоцк, Слуцк и др.). Городское кузнечное ремесло достигло наибольшего разви-

© * Н.И. Бурыковская

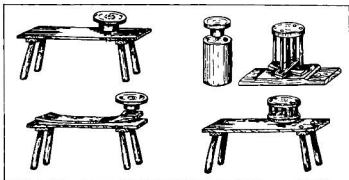

Рис. 88. Ручные однодисковые гончарные круги

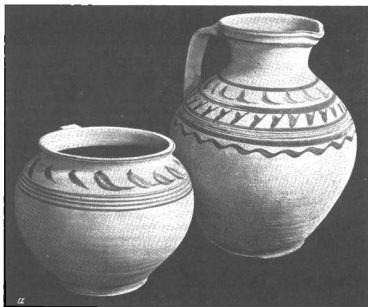

Рис. 89. Виды керамики

а – белоглинная. Начало XX в. Д. Городная Брестской обл., *б* – обжарная. 1980 г. Г. Ганцевичи Брестской обл., гончар Ф. Вашило. *в* – чернолощеная. 1984 г. Д. Пружаны Брестской обл., гончар А.Г. Токаревский

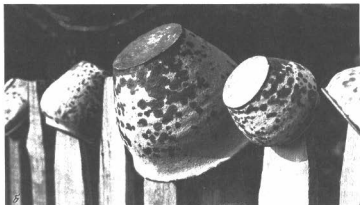

Рис. 89, б

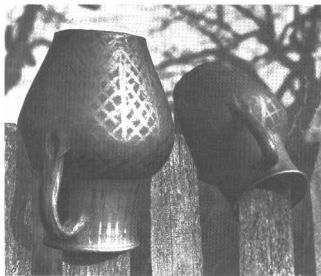

Рис. 89, а

тия в XVII-XVIII вв., белорусские мастера пользовались известностью в Москве, однако с развитием промышленности оно в XIX в. стало приходить в упадок. Вместе с тем возросла роль сельского "кавальства". Обычно кузнецы были потомственными профессионалами из местных крестьян, встречались также цыгане и евреи. Искусными кузнецами считались и русские-старообрядцы на Гомельщине. Местечко Ветка в XIX в. являлось единственным в Могилевской губернии местом

производства якорей для судоходства. Кузнецы ковали их по заказу торговцев железом и лесопромышленников. В зиму вырабатывали до 90 якорей весом около 33 пудов каждый. В д. Косалятская Рудня Гомельского уезда и в других местах ковали скобы и гвозди для судостроения. В середине XIX в. почти в каждой деревне был кузнец. В 1880-е годы в Могилевской губернии работали 584 сельских кузнеца и 384 – в городах и местечках. В Витебской губернии в конце XIX – начале XX в. работали 1120 кузнецов-кустарей, в Минской и Могилевской губерниях – до 1000 кузнецов. Кузнецы выковывали различные предметы хозяйственного и декоративно-прикладного назначения: косы, серпы, сошники, мотыги, лопаты, топоры, молотки, ножицы, ножи, гвозди, безмены, замки, кочерги, ухваты, металлические детали конской сбруи, якоря, кресты, подковывали лошадей, оковывали колеса, полозья саней и возков, чинили экипажи (кареты). В кузницах изготавливались также архитектурно-строительные детали, ограды, балконы, лестничные перила, железные ворота и пр.

Существовали два способаковки железа – горячая и холодная. Последний способ встречался редко, он известен, в частности, в белорусском Восточном Полесье, а также у русских, украинцев. В отличие от кузнецов горячейковки ("кавалёв") мастеров холоднойковки в народе называли "плескунами". Обычно кузнецы-кустарии работали с помощниками-молотобойцами, своими сыновьями или же учениками.

А.К. Сержнуговский и Ч. Петкевич зафиксировали у белорусов-полешуков бытование в конце XIX – начале XX в. общинной кузницы ("кузн"). Она строилась и оборудовалась всей деревней. Заказчик приходил в кузницу со своими материалами и работал под руководством кузнеца за натуральную плату зерном, сеном или за отработку. О работе в кузнице с помощью заказчиков в Могилевской губернии сообщал А.С. Дембовецкий.

В настоящее время действуют колхозные и совхозные кузницы с электромотором вместо кожаных мехов, расширенным набором инструментов, но с традиционной технологиейковки (рис. 90, 91). В городах имеются механизированные кузнечные цехи на предприятиях. Типологию металлообрабатывающих ремёсел дополняли слесари (чинили замки, делали ключи, оковывали сундуки – "куфры" и т.д.), жестянщики – "бляхары" (чинили металлическую посуду, крыли железом крыши в домах зажиточных крестьян), медники (из листовой меди изготавливали кастрюли, кувшины, чайники, тазы, винокурную посуду). В конце XIX в. были известны медные мастерские в м. Городок Минского уезда, в м. Логойск Борисовского уезда.

Традиционным занятием населения Белоруссии являлась и *обработка камня и кости*⁹. Обработкой камня занимались в основном в местах залегания песчаника, известняка, гранита в Полесье и в Оршанском и Сенненском уездах Могилевской губернии. Камнетесы выделывали с помощью молотков, долота, железных клиньев каменные диски для ручных жерновов, ветриков, водяных и паровых мельниц, точила, надгробия и пр., вытесывали каменные блоки для строительства храмов и других зданий. Белорусских камнетесов и резчиков по камню приглашали в Москву для участия в сооружении дворцов. Сегодня камень широко используется как строительный и отделочный материал, полесский гранит (Микашевичское месторождение) употребляется для облицовочных и художественных работ. Огражденные камни Полесья служат сырьем для ювелирных изделий.

Из костей и рогов домашних и диких животных ремесленники в XIX – начале XX в. изготавливали гребни, пуговицы, ручки для ножей, детали музыкальных инструментов, мундштуки и т.д. В настоящее время из рога делают на фабриках художественных изделий сувениры и бижутерию.

© * Н.И. Бураковская

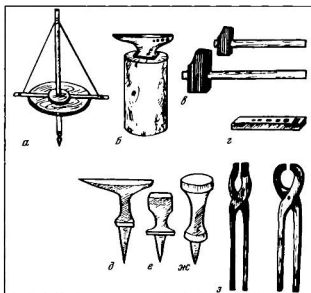

Рис. 90. Орудия труда кузнецов

а — дрель, б, д, е, ж — наковальни,
в — молотки, г — "тринадцатилыня", з — клещи ("аблуги")

Рис. 91. Окованный сундук
("куфар"). XIX в. Гродно (музей)

Рис. 92. Коптильня. Начало XX в. Д. Щорсы Новогрудского р-на Гродненской обл.

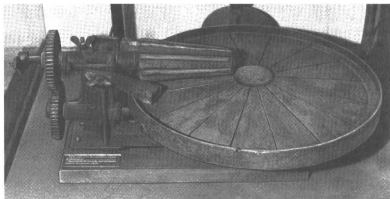

Рис. 93. Станок для выжимания масла ("алею"). XX в. Гродно (музей)

*Промыслы по производству продуктов питания** были наиболее характерны для местечек. В приречных и приозерных местечках рыбаки приготавливали копченую рыбу. Свежую рыбу солили, коптили в "курницах" и сбывали затем торговцам (рис. 92). Это занятие бытовало в Давид-Городке, Кожан-Городке в Полесье.

В ряде местечек Могилевской губернии белорусы мастерски пекли баранки. Особенно пользовались спросом тонкие, сухие "архиерейские" баранки. Сморгонь Ошмянского уезда, Вороново Лидского уезда славилась "сморгонскими обаржанками" (бубликами), крендельками. Шклов был известен пряниками из ржаной пеклеванной муки с медом.

Старейший промысел могилевских мецан – маслобойный. Цех маслобойников здесь существовал с середины XVI в. Во второй половине XIX в., по данным А.С. Дембовецкого, выделкой конопляного масла ("алею") в Могилеве занималось до 40 человек, получавших около 3600 пудов продукции (рис. 93). Маслобойные мастерские были во многих городах и местечках Белоруссии, а также в некоторых уездах.

Могилевские огородники славилась огурцами и другими овощами, их выращивали на приднепровских заливных огородах для сбыта.

В советское время на базе кустарного ремесленного производства были созданы кооперативные промысловые артели, где сохранялись и развивались народные традиции и технологические приемы. 1 января 1926 г. был создан Белорусский союз кустарно-промысловой кооперации. К 1930 г. кооперацией было охвачено уже около 50% кустарей. В колхозах и совхозах открывались подсобные предприятия и цехи, где на местном сырье работали кузницы, лесопилки, мельницы, сукновальни, смолокурни, веревочные мастерские и пр. Бытовали также домашнее ткачество, деревообработка, изготовление сельскохозяйственных орудий. В 1960-е годы артели были упразднены, а их функции переданы предприятиям местной промышленности и фабрикам художественных изделий. Индивидуальная трудовая деятельность народных мастеров не поощрялась, многие профессиональные ремесленные навыки были утрачены. Развитие крупной промышленности и урбанизация отгеснили промыслы и ремёсла на второй план.

После принятия закона об индивидуальной трудовой деятельности (1987 г.) в деревнях и городах возродился ряд народных ремёсел, как в домашней форме, так и в качестве подсобных производств в колхозах и совхозах, что экономически было оправданно. Мастера изготавливают на заказ и на продажу валенки, шапки, шубы, плетеные изделия, предметы из дерева. Открылись подсобные цехи при быткомбинатах, фабриках химчистки, в колхозах. Так, в колхозе "Рассвет" Кировского района Могилевской области действуют кожевенный, обувной, пошивочный, камнеобрабатывающий, столярный цехи. Возникают кооперативы ремесленного направления (обработка овчин, мехов и др.). Традиции народных ремёсел в известной мере сохраняются и в технологических процессах на некоторых промышленных предприятиях (кожзаводы и др.). На базе фабрик художественных изделий развиваются художественные промыслы и ремёсла (ткачество, вышивка, керамика, плетение, резьба по дереву, кости и пр.). Промыслы и ремёсла – неотъемлемая часть материальной культуры белорусского народа, ее творческого наследия, украшающая быт людей.

© * Н.И. Бураковский

Транспортные средства подразделяются на водные и сухопутные. Издавна реки были наиболее удобными и дешевыми путями сообщения и перевозки грузов, не случайно первые поселения, а позднее и города возникали на берегах рек. Выгодное географическое положение территории Белоруссии, густая речная сеть (бассейны Днепра, Припяти, Немана, Западной Двины) определили важное значение *водных транспортных средств*. Уже в эпоху Киевской Руси, в IX–X вв., восточные славяне вели оживленную торговлю с Византией по Днепру. Путь "из варяг в греки" проходил из Черного моря в Балтийское через Днепр, Ловат, Волхов, Неву, существовали его ответвления и через Западную Двину. В XI–XII вв. усилились торговые связи с Западной Европой по Двине, Неману, Бугу. В XVI–XVII вв. развитие торговли и промышленности и повышение спроса на европейских рынках на хлеб, пеньку, лён, лес, смолу, поташ способствовали дальнейшему возрастанию роли водного транспорта, увеличению объемов перевозок товаров по белорусским рекам. Взамен доставлялись соль, сельдь, вино, железо, шелковые ткани, предметы роскоши.

С вхождением в конце XVIII в. белорусских земель в состав России расширились транзитные перевозки товаров из Москвы и других русских городов. Присоединение Крыма, освоение Причерноморья значительно оживили судоходство по Днепру. К Черному морю транспортировались лесоматериалы и продукты лесохимии, обратно везли крымскую соль, хлеб, табак и пр.

Развитие экономических связей потребовало улучшения транспортных путей. В конце XVII в. началось строительство искусственных водных путей – каналов. К началу XIX в. на территории Белоруссии был сооружен ряд магистральных каналов, успешно действовавших в течение последующего столетия.

Огинский канал, названный в честь инициатора его создания известного общественного деятеля и композитора Михаила Огинского, длиной 54 км, был прорыт в 1767–1783 гг. между верховьями Ясельды (притока Припяти) и Щары (притока Немана) и включал озера Вулька и Выгоновское. Канал имел 10 деревянных однокамерных шлюзов. Огинский канал играл в XIX в. значительную роль в транзитных перевозках и лесосплаве с Полесья в прибалтийские порты. Однако к концу века Огинская система пришла в упадок из-за обмеления.

Березинская водная система (1797–1805 гг.), включавшая ряд каналов, канализованных рек и озер, соединила Березину (приток Днепра) с Удлой (притоком Западной Двины). Хотя сквозное судоходство в связи с небольшой глубиной водных путей прекратилось в 1830-е годы, однако лесосплав в Ригу осуществлялся до начала XX в.

В 1775–1784 гг. был прорыт Муховецкий (Королевский) канал между Муховцом (притоком Западного Буга) и Пиной (притоком Припяти). В 30–40-е годы XIX в. он был реконструирован и получил с 1846 г. название Днепровско-Бугского. Длина канала 94 км. Он успешно функционирует и в настоящее время, по нему перевозятся в баржах строительные материалы и минеральное сырье.

По территории Белоруссии проходит и часть Августовского канала (22 км), который был построен в 1824–1839 гг. и соединил бассейны Немана и Вислы через Черную Ганьчу, Нетту, Бебжу. Он служил вплоть до начала XX в. для малой навигации и лесосплава.

О значении каналов как водных артерий можно судить по объему грузооборота. Так, в 1891 г. по Днепровско-Бугскому каналу было отправлено 2 494 656 пудов грузов в судах на сумму 991 547 руб. и леса в плотах 17 465 672 пуда на

1 334 222 руб., по Огинскому каналу – 5 440 539 пудов грузов на 839 326 руб. и 30 358 890 пудов леса на 1 874 474 руб. (ЦГИА Литвы. Ф. 557. Оп. 4. Д. 5. Л. 84).

Кроме магистральных судоходных каналов, возводились каналы местного значения: обходные вокруг озер, деривационные (для спрямления русла рек), мелиоративные. В 1873–1884 гг. Западная экспедиция по осушению болот Полесья под руководством И.И. Жилинского проложила сеть мелиоративных каналов протяженностью 4770 км, которыми пользовались для лесосплава, перевозки грузов и пассажиров. С развитием железнодорожного транспорта во второй половине XIX в. строительство судоходных каналов прекратилось.

Средствами речного транспорта служили плоты и различные суда. Плоты, т.е. связанные в ряд бревна, являлись древнейшим и простейшим приспособлением для передвижения по воде. Размеры плотов зависели от ширины реки. Плоты вязали весной на воде или на берегу реки, иногда зимой на льду из окоренных и просохших бревен. Помимо хлыстов строевого и дровяного леса, сплавлялись и обработанные "сортименты": мачты, брусья, шпалы, колоды, доски, клепка и пр. Места сплотки, сплавные пристани (плотбище, рум) зачастую находились в верховьях небольших рек, откуда плоты транспортировались вниз по течению до впадения в судоходные реки, где формировались более крупные сплавные единицы.

Укладывали бревна преимущественно торцом по течению и связывали в башень, имевшие некоторые региональные различия в размерах и терминологии: в бассейне Днепра – "гребенка", "торок", "клейна"; в бассейне Припяти и Немана – "гонка" ("гонстка", "гоншка"), "клейна", "лавка"; на Западной Двине – "глейна", "гусек", "лава". Несколько соединенных между собой звеньев составляли плот (мог быть и однозвенный плот).

Преобладали однородные плоты, вместе с тем в зависимости от породы дерева, вида лесоматериалов, глубины и ширины фарватера реки или канала число рядов варьировалось. Так, при коротком десе вязались двухрядные гребенки. При высоком уровне воды поверх бревен нагружался "накат". Клепку увязывали в особые плоты – укладывали 8–10 рядов на двух брусках длиной 6–8 м. Лиственные породы (дуб, береза), как менее плавучие, чем сосна, ель, зачастую накатывались на хвойный "подтоварник" или же вязались попеременно с хвойным "подплавом" для меньшей осадки. На плотках перевозилась и различная кладь: пенька, лён, кирпич, деревянная посуда, мел, известь, зерно, сало, смола, деготь, поташ, водка в бочках и т.п.

Размеры и конструкция плотов зависели не только от назначения и местной традиции, но и от времени навигации, т.е. весеннего или летнего ("меженного") периода.

Способы и приемы вязания плотов почти не менялись на протяжении столетий. Для увязки бревен применялись витки ("віткі", "віці", "гужба", "вузды", "гардзлі") – веревки из скрученных (предварительно распаренных на костре) лозовых, березовых прутьев или древесных корней. Концы каждого бревна привязывали к жердкам ("жэрасці", "жорасці", "рублікі"), положенным поперек бревен на обоих концах плота, и закрепляли с помощью деревянного клина ("кніпеля", "кнзбеля"). В начале XX в. плоты начали связывать также проволокой или сбивать железными гвоздями. Звенья плота соединялись между собой бревнами или жердями, перекинутыми с одного звена на другое. Звенья могли соединяться и крестообразно ширховками, т.е. свитыми в 3 ряда ("столкі") березовыми ветвями, или проволокой. По бокам привязывались свободно плавающие бревна, предохраняющие плот при столкновении с препятствиями.

Для управления на переднем плане ("голове") плота устанавливалось рулевое весло длиной в несколько метров, которое крепилось в уключины. На небольших реках при слабом течении и на каналах плоты могли управляться шестью. Шест

имел в верхней части поперечную ручку ("мылицу") для упора.

Вверх по Припяти, Пине, Ясельде, Березине, на Днепровско-Бугском и Огинском каналах плоты тащили бурлаки.

Плот сопровождал "дубовик" с гребцами на большой лодке – "дубе" или лодке-обшиванке. С помощью каната, ворота ("катеринки") и якоря они отводили плот от опасных мест, снимали с мели.

На плотях, которые находились длительное время в пути, оборудовались на втором звене соломенная "будка" для отдыха и хранения одежды и "горя" для приготовления пищи. На больших плотях ставились 2–3 будки, изредка дощатые.

На протяжении столетий, вплоть до начала XX в., сплавной промысел был одним из самых распространенных видов отхода на заработки. В середине XIX в. в Полесье лесосплавом ежегодно занимались до 8 тыс. крестьян, а в 90-е годы – около 25 тыс. В Витебской губернии в 1901 г. около 40% отходников работали на лесосплаве (Обзор Витебской губернии..., 1902. С. 10–11).

На основе плота возникло специфическое грузо-пассажирское судно – парбм ("перавоз"), известный по документальным источникам с раннего средневековья. Это – плавучий мост для переправы людей и грузов с одного берега реки на другой. Он представляет собой платформу с поручнями на плавающей опоре, которой служили две большие лодки (дуб, чайка). Поперек клали дубовые балки и настилали помост из толстых досок, которые прибивали гвоздями к балкам. Иногда платформу закрепляли на помосте из дубовых досок ("дылей"). Двигался паром с помощью пенькового или мочального каната, в XX в. – металлического троса, один конец которого был протянут через блок, укрепленный на пароме, а другой был привязан к столбам на берегу реки. Во время весеннего разлива рек паром управлялся шестами ("ялінамі"), а на глубоком фарватере – большим веслом ("дрыгаўкай"). Паромы действуют и сегодня на Припяти, Немане, Днепре, Западной Двине. Однако традиционный тип парома несколько усовершенствован. Опорой служат металлические понтоны, движение в большинстве случаев осуществляется катером-тягачом.

Для переправы по воде и транспортировки грузов издавна служили и различные деревянные суда. Древнейшими из них были лодки, которые строились на территории Белоруссии еще в эпоху неолита, о чем свидетельствует находка долбленого челна на берегу Плещеницкого озера в Логойском районе Витебской области. Термин "лодка" впервые упоминается в летописи в XIII в. Позже он утратил свое собирательное значение при обозначении речных судов разных типов. В XIX–XX вв. лодкой называется небольшое судно для местных перевозок людей и грузов, рыболовства, охоты, плотоговства. По конструкции и технике изготовления белорусские лодки известны двух типов – долбленые челны-однодревки ("човен", "камяга", "дуб", "дубіца") и дощатые (рис. 94). Корытообразный челн, по бокам которого на уровне водной поверхности для устойчивости на плаву прибавляли доски (крылья, "поплавцы"), назывался комягой. Комяга бытовала в Полесье и в других регионах Белоруссии.

Во второй половине XIX в. получили распространение дощатые лодки, которые к началу XX в. почти полностью вытеснили древние челны (рис. 95). Для перевозки живой рыбы в Полесье применялась специфическая закрытая лодка с верхними отверстиями. В наше время широко бытует несколько модернизированная дощатая лодка для рыбной ловли и отдыха, с уключинами для весел. Распространены металлические и резиновые надувные лодки. Разнообразна типология спортивных лодок.

Для перевозок грузов на дальние расстояния служили различные типы мало- и крупногабаритных судов (рис. 96). Уже в XI в. был известен "струг". Суда, как и

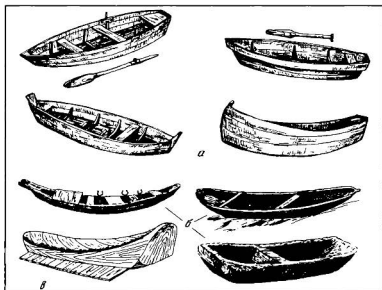

Рис. 94. Лодки и челны

а – дощатые лодки, б – долбленные челны "човки", в – челн "камня"

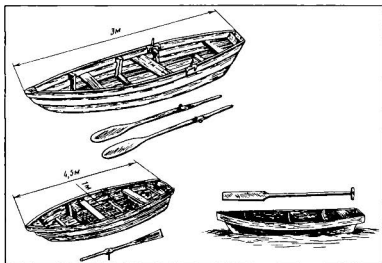

Рис. 95. Дощатые лодки. XX в. Поднепровье

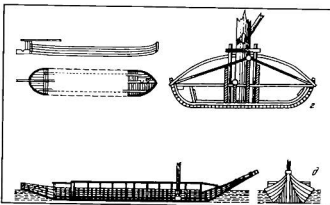
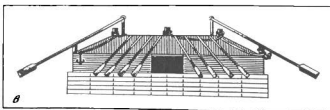
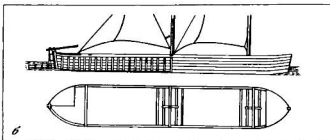
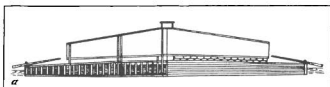

Рис. 96. Традиционные средства передвижения по воде
а – "струг", б – "лайба", в – "барка", г, д – "берлина"

лодки, выдалбливались из ствола дерева большого диаметра. Для увеличения устойчивости и тоннажа к долбленому корпусу стали прикреплять ("нашивать", "набивать") дощатые борта. Появилось набойное судно. Увеличение грузовых перевозок в XVI–XVII вв. обусловило постройку речных судов большого тоннажа – "байдаков", "барок", "шкутов".

Дальнейшее развитие торгово-экономических связей, включение Белоруссии в сферу всероссийского рынка способствовали быстрому развитию судостроения, возникновению новых типов судов. Прочная и удобная "берлина" в середине XIX в. почти полностью заменила неповоротливые "байдак" и "витину". В 80-е годы XIX в. берлины составляли самую многочисленную группу речного флота Белоруссии.

Бытовало несколько способов перемещения судов: на веслах, парусах, шестах ("ялинах", "бусаках"). Например, для хода на шестах на каждом борту берлины находилось до 15 рабочих. Для тяги шкута вверх по Западной Двине требовалось до 30–100 человек в зависимости от размера судна. Лайбу тащили 4–5 бурлаков (Сапунов, 1893. С. 354–357). В Белоруссии в отличие от России конная тяга судов применялась редко.

С середины XIX в. на реках Белоруссии начали курсировать грузовые пароходы, они служили также буксиром для традиционных судов и караванов плотов. С развитием пароходства связано возникновение в конце XIX в. несамоходной баржи.

Строились суда мастерами на пристанях. Первая верфь, построенная в 1785 г. в имении князя Потемкина (Кричев), просуществовала недолго. В 1860-е годы был основан Пинский судостроительный завод, в 1900–1903 гг. – судостроительные мастерские в Витебске и Гомеле.

Ведущее значение водных средств передвижения сохранялось до второй половины XIX в., до появления широкой сети железных дорог. Сегодня бытуют лишь баржа, рыбацкие дощатые лодки и паром. На реках и водоемах появились транспортные средства нетрадиционного типа – спортивные лодки, пассажирские суда на подводных крыльях, грузовые и буксирные теплоходы, которые строятся и ремонтируются на Бобруйском, Гомельском и Пинском судостроительных заводах, Речицкой судовой верфи, в судоремонтных мастерских Витебска и Петрикова.

*Сухопутные (гужевые) транспортные средства** в зависимости от сезонно-климатических условий подразделяются на зимние (полозные) и летние (колесные), а по функциональному назначению – на рабочие (грузовые) и пассажирские (выездные).

По свидетельству фольклорных и археологических источников, полозный транспорт – более древний. В условиях бездорожья сани в отдельных случаях использовались и летом даже в XIX в. Основной конструктивный элемент саней составляют загнутые впереди полозья. Бытовали два их типа: натуральные – копаные ("копані", "копанкі"), представляющие собой отесанную часть древесного ствола с загнутым корневым отростком, и гнутые, изготовленные на специальном приспособлении.

Рабочие сани были в каждом крестьянском дворе и выполняли универсальные функции – хозяйственные и пассажирские. При перевозке сыпучих и малогабаритных грузов, а также при пассажирской езде на сани ставили плетеный из лозы или луба короб – "кош" или "полукош" ("паўкош", "палукаш"). Для увеличения погрузочной площадки по бокам саней прикреплялись розвальни ("развалкі") – две жерди, расходящиеся в виде трапеции и соединенные сзади поперечиной. При доставке лесоматериалов применялись сани в паре с меньшими по размеру "под-

© * Н.И. Бураковский

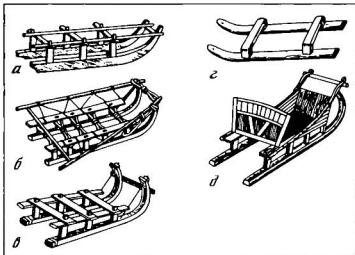

Рис. 97. Зимние виды спорта

а, б, в – сани, г – подсанки, д – возок

санками". Поперек саней и подсанок прибавляли толстые бруски, на которые укладывали длинные стволы деревьев. Для вывозки ("трелёвки") леса использовались и специальные сани – массивные и прочные лесовозы – "кары", также с подсанками.

Выездным зимним транспортом крестьянам служили те же "развалки", в задней части которых ставилась трехсторонняя решетчатая деревянная спинка – "драбинка" или плетеный "палукашак". У привилегированных слоев (зажиточная шляхта и т.д.) выездным типом саней был возок. Он имел полозья с высокими головками, загнутыми полукругом, которые, как правило, подковывались для легкости хода железной шиной. Возок украшался резьбой, росписью с растительным и геометрическим узором. Изнутри кузов выстилался сукном, бархатом, шкурами. На передке устраивались козлы для возницы, в задней части кузова – сиденье. Возки могли иметь полузакрытый или закрытый верх (рис. 97).

Типология летнего (колесного) транспорта белорусов довольно разнообразна (рис. 98). Но основным и наиболее универсальным видом была рабочая телега ("калёсы", "воз"). Традиционная крестьянская телега представляла собой повозку с четырьмя ободными колесами и дощатым или решетчатым кузовом.

Другая разновидность четырехколесной рабочей повозки – мажара – большой длинный воз с высокими решетчатыми прямоугольными бортами ("драбинами"), приспособленный для транспортировки снопов, соломы, сена, сыпучей клад. В последнем случае бортовые "драбины" снимались и заменялись дощатыми щитами или же плетеными "палукашками". Широко бытовала разводная мажара. При снятых боковых решетках в разомкнутом положении переднего и заднего ходов она использовалась для перевозки леса. Большая телега, чаще крытая, предназначалась для доставки поклажи на дальние расстояния и для извозного промысла. Называлась она фурой. Для ближних поездок, в том числе и в условиях бездорожья использовалась легкая двуколка с дощатым или плетеным кузовом.

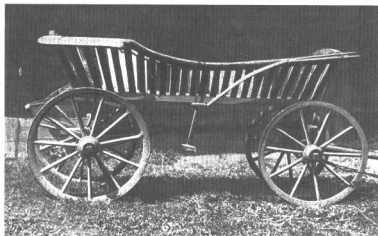
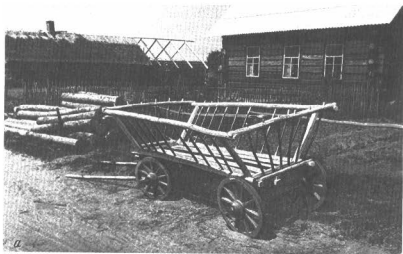

Рис. 98. Колесный транспорт. 1979 г. Браславский р-н Витебской обл.
а – "жары", б – "брычка", "тарантас"

Региональные особенности колесного транспорта белорусов заключались не только в размерах и форме кузова, конструкции хода, но и в способах упряжки – хомутово-оглобельной и шлейной для лошадей, ярменно-дышельной для волов. Хомутовая конская упряжка была распространена на всей территории Белоруссии, но больше в северо-восточной и восточной частях, шлея чаще употреблялась на

западе. На юго-западе при тягловой силе волов применялась яремная и дышельная упряжка. При пассажирской езде использовались только лошади.

В XX в. появились брички на рессорной раме. Богатые дворяне и чиновники ездили в каретах с крытым верхом. На трактах сновали многоместные фурманки, комфортабельные фазтоны, дилижансы, ландо.

В советское время с развитием железнодорожного, автомобильного, воздушного сообщения традиционный колесный транспорт в качестве пассажирского утратил свое значение. Резко снизилось применение грузовых телег, хотя они продолжают бытовать в сельской местности.

ПОСЕЛЕНИЯ, ПОСТРОЙКИ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ

Социально-экономические, политические, культурно-бытовые процессы текущего столетия сnivelировали многие традиционные черты народного жилища лишь на первый взгляд. То полезное в народном опыте, что было проверено веками, сохранило потенциальные возможности использования и в наши дни. Традиции народного жилища содержат ценнейший опыт бережного отношения к окружающей среде, ресурсам природы, создания оптимальных условий обитания человека (*Трацевский*, 1989. С. 3–4). Природные факторы играли важную роль в формировании этнографических регионов Белоруссии, географический признак зафиксировался в их названиях: Поозерье, Поднепровье, Центральная Белоруссия, Полесье, Восточное и Западное Полесье (рис. 99) (*Титов*, 1983).

Исходной посылкой в изучении народного жилища является анализ исторических типов расселения. Наиболее древним для Белоруссии следует считать береговой тип. Древнейшие стоянки были выявлены у берегов рек (*Алексеев*, 1966; *Исаенко*, 1976. С. 5–14).

Распространение славян на территории Белоруссии шло речными путями, которые обозначались многочисленными группами курганов вдоль берегов и в поймах (*Алексеев*, 1966). В местах слияния рек возводились городища, окруженные селищами. Известны два типа их взаимного расположения. Первый – пойменный, примером которого является известное городище на Менке. Малое городище (цитадель) и большое (окольный град) расположены в пойме, у места слияния Менки и ручья Дунай. Их общая площадь около 1 га. Рядом на платообразных склонах (с севера, запада и востока) – селища общей площадью около 30 га (*Штыхов*, 1978. С. 63–72). Второй тип – городище на крутом береговом склоне. Вал повторял форму служившего основанием холма (Браслав, Лукомль) (*Штыхов*, 1978. С. 125). В южных регионах Белоруссии были известны городища болотного типа (Очерки по археологии Белоруссии, 1970. Ч. 1. С. 41, 139–140).

Пойменный тип расселения был обусловлен освоением незалесенных приречных территорий. Он был широко известен в дославянский период, в эпоху неолита, бронзы, железного века, в эпоху милоградской и зарубинецкой культур. Славяне, владевшие достаточно развитой технологией земледелия, осваивали и надпойменные террасы, прокладывали дороги через непроходимые леса и возводили поселения на междуречных равнинах и водоразделах (надпойменный, равнинный, водораздельный типы расселения).

С VI в. до н.э. по II в. н.э. на территории Белоруссии выделились два региона с определенными строительными особенностями: северный, где преобладали городища, застроенные многокамерными общинными жилищами каркасного типа (во II–III вв. появляются срубы), и южный, где бытовали селища с однокамерными жилыми полусемьянками столбовой конструкции.

Рис. 99. Вид на деревню Радогоща Новогрудского уезда.

В VII–IX вв. у славян идет процесс распада патриархальной общины. Городища превращаются в средоточие ремесленников, очаги развития раннефеодальных городов (*Поболь*, 1971). Славяне владели техникой возведения срубных и комбинированных (срубно-столбовых) сооружений. Деревянные укрепления городищ, застройки детинцев и посадов, постройки селищ выполнялись с использованием приемов плотничества, на многие столетия определивших традиции белорусской народной архитектуры.

На территории Белоруссии сформировался ряд исторических типов поселений. К наиболее ранним, восходящим к X–XI вв., следует отнести погост – поселение, формировавшееся на территориальных, а не на родственных связях (*Гуркоў*, 1973. С. 10–11). Первоначально это податная единица (погост – округ), позднее – центр общины (погост – центр). Типологическим признаком погоста было наличие церкви с кладбищем и двором священника села, выросшего вокруг церкви, прихода, постоянного двора, корчмы (*Бломквист*, 1956. С. 34). Сформировался определенный тип застройки (погостный план). К XIX в. на территории Белоруссии погост преобразуется в видовой топоним (Погост, Новый Погост).

Развитие феодального хозяйства вело к сокращению свободных пахотных земель. Поощряя освоение неудобий, феодалы освобождали поселенцев от повинностей и чинша (*Гуркоў*, 1973. С. 11). В отличие от русских и левобережных украинских непашенных (казацких) слобод в Белоруссии, как и в Правобережной Украине, слободы были пашенными. В XVI–XVII вв. термином “слобода” обозначают отдельные улицы и концы в поселениях и местечках, предместьях, населенные ремесленниками (Татарская Слобода XVII в. в Минске). Как топоним “слобода” широко распространена и в настоящее время (Новая Слобода, Красная Слобода, Слобода, Слободка).

С исчезновением свободных земель строительство поселений распространяется на земли феодалов. Возникает тип владельческого поселения. В летописных документах XI–XII вв. часто упоминаются княжеские, боярские и церковные села (*Анищенко, 1854. С. 40*). В силуэте села доминировала церковь. Постепенно из вотчинного центра село преобразуется в центр административно-территориальный. В Белоруссии село как тип поселения сосуществовало с деревней, часто было небольшим, а то и вовсе малодворным. В XIX в. белорусское село – центр волости, с церковью, школой, волостной управой или земством, запасным магазином, корчмой (Новое Село, Старое Село и др.) (рис. 100).

В ходе семейных разделов росло число дворов. По соседству ставили дворы служилые люди, солдаты. Такие небольшие поселения назывались "вёсками". Небольшая "вёска" могла со временем перерасти в село, четкие границы между ними утрачивались. Бытование общеславянского понятия "весь" зафиксировано в названиях "вясковы", "уёска", "вёска". Последнее в современном белорусском языке применяется для обозначения всех сельских поселений (*Молчанова, 1955. С. 20–30*).

Деревня известна с XI в. и часто упоминается в документах XIII–XV вв. В Белоруссии так обозначались поселения без церкви (*Харузин, 1907. С. 303*). Происхождение термина связывалось с понятием "драть" – расчищать от пней участок. Логично предположить, что в основе лежит и понятие "дерево" – поселение в лесу (при подсечном способе земледелия, перелог). В XVII–XVIII вв. деревней в Белоруссии назывались различные по числу дворов поселения, но впоследствии – многодворное поселение, не имеющее административно-культовых сооружений. В XIX в. термин "деревня" встречался в западных областях Белоруссии, но постепенно и там вышел из употребления.

После введения в 1557 г. "Уставы на волоки" единицей повинности становится не двор ("дым"), а поселения, которые отличаются не по типу и форме, а по виду повинности: села тяглые, дворные, осадные и т.д. Появляются новые типы малодворных поселений на границах полей севооборота, за околицей селения: застенки, оуулки, околица. В них селилась мелкая шляхта (рис. 101) (*Гуркоў, 1973. С. 11*).

В инвентарях XVI в. упоминается и типичное порождение волочной реформы – фольварк, небольшое поместье по производству товарного хлеба (Инвентари маг-

Рис. 100. Село Барань Оршанского р-на Витебской обл. 1986 г.

Рис. 101. Околина. Гравюра XIX в.

натских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. Владение Сморгонь; Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. Владение Тимковичи). Типичный фольварк представлял собой деревянный усадебный дом с крыльцом и сенями, слева и справа от которых анфиладно шли комнаты. Перед домом – узкая аллея и площадка-курдонер, несколько амбаров. Позади – сад, за ним – скотный двор, производственные сооружения, пригумные.

В конце XIX–начале XX в. в условиях коренных аграрных преобразований, обусловленных развитием товарно-денежных отношений, были распространены хутора (Гуркоу, 1973. С. 14).

Размеры древних поселений в период родовой общины, при низкой производительности и необходимости коллективной обороны могли быть значительными. Находящиеся поблизости городища, селища разрастались, занимая площадь в десятки гектаров. В VIII–IX вв. с выделением из общины семей размеры поселений начинают уменьшаться. В раннефеодальный период поселения (за исключением вотчинных центров) не могли быть большими. Но постепенно село окружалось деревнями и слободами, последние – застенками и околицами. Малодворность поселений, как черта, сохранилась в Белоруссии вплоть до начала XX в. (Никифоровский, 1895. С. 309). Для многих селений число дворов колебалось от 2 до 10, поселение в 30–40 дворов считалось крупным. Малодворные поселения были более характерны для северных и северо-восточных областей (Поозерье). На равнинных и низинных территориях (Поднепровье, Полесье) поселения были крупные. Сильно пересеченный рельеф, лесистость, заболоченность играли не последнюю роль в процессе развития хозяйства, а следовательно, и поселений (Молчанова, 1955).

По численности поселений в Белоруссии середины XIX–XX в. следует выделить следующие регионы.

1. Полесский – с преобладанием многодворных поселений, сформировав-

нихся путем укрупнения населенных мест на территориях, удобных для земле-
делия.

2. Среднебелорусский – это полоса между Оршей и Быховом, Березином и Бобруйском, Борисовом и Червенем, Молодечно и Слуцком, Ошмянами и Несви-
жем, Новогрудком и Слонимом, Гродно и Свислочью. Значительные пахотные
территории, большой удельный вес городов и местечек, густая сеть дорог и вы-
сокая плотность населения определили среднее расстояние между поселениями в
10–12 км, а в отдельных районах – 0,5–1,5 км.

3. Регион Поозерья – со значительным количеством малодворных поселений
в виде бессистемных групп из 10–15 дворов (многие из них в начале столетия
насчитывали 1–4 двора).

Гнездовой, или кучевой, тип планировки в видоизмененной форме сохранился
в так называемых бессистемных поселениях (Поозерье). В поселениях с уличной
застройкой кучевая планировка выявляется в наличии патронимических групп
дворов.

Бессистемные поселения сохранились в тех регионах, где им способствовали
природно-географические условия, отсутствовали крупные нашенные территории
и хозяйственные латифундии (Поозерье, Восточное Полесье).

В VIII–IX вв. у восточных славян формируется тип поселения с фасадами изб,
обращенными к реке или озеру (Блажкович, 1956. С. 47). Береговой тип застройки
"двор ко двору" получил продолжение в строительстве поселений вдоль дорог
(двухсторонняя застройка) и послужил основой для развития так называемого
гребенчатого типа (к основной улице добавлялись перпендикулярные ей переулки).

Рис. 102. Сельская застройка в Поозерье. Д. Будичи Докшицкого р-на Витебской обл. 1985 г.

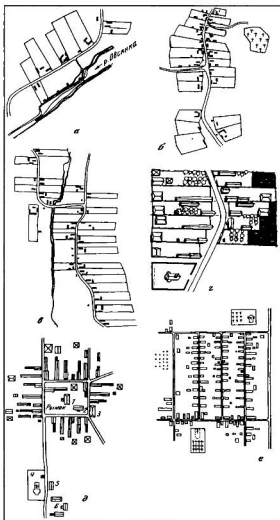

Рис. 103. Типы сельских поселений и местечек Белоруссии. Начало XX в. (схематические планы):

а – малодворное поселение прибрежного типа в Поозерье. Д. Заборок Городокского р-на Витебской обл., *б* – уличная застройка в Поддипровье. Д. Бракова Слобда Чаусского р-на Могилевской обл., *в* – уличная деревня в Поозерье. Д. Кайки Городокского р-на Витебской обл., *г* – волочная структура в планировке поселения. Д. Селевичи Слобимского р-на Гродненской обл., *д* – план местечка Мурована-Ошмянка Ошмянского р-на Гродненской обл., *е* – план местечка Белица Лидского р-на Гродненской обл.

Рис. 104. Местечко Клец. Фото XX в. Ныне – г. Клец Минской обл.

Рис. 105. Местечко Дятлово. Ныне – городской поселок в Гродненской обл. 1990 г.

Толчком развития линейной (уличной) застройки стала волочная реформа. На изначальном этапе жилые и хозяйственные постройки ставились на противоположных сторонах улицы. В ходе семейных разделов застройка обретала двухсторонний характер. Появляются улицы по пригумсяням и связующие их переулки (многоуличная застройка). Уличная планировка встречается чаще в Поднепровье, Центральной Белоруссии, Полесье, Западном Полесье (в Восточном Полесье соседствовала с бессистемной) (рис. 102). В средней полосе Белоруссии был распространен и погостный план (улицы сходятся к центру поселения), и многоуличная планировка, образуемая слиянием мелких поселений. Последнее во многом харак-

терно для регионов Полесья, где по мере освоения болот соединялись части селения, разбросанные на островах, – концы. Разнообразие планировочных типов сельских поселений середины XIX–XX вв. можно свести к двум – линейному (береговые, одно- и двусторонние) и пространственному (гнездовые и бессистемные, гребенчатые, многоуличные) (рис. 103).

Еще одним историческим типом поселений Белоруссии является местечко (Гуркоў, 1973. С. 12–14). Местечки возникли в XV–XVI вв. в связи с появлением феодальных вотчинных торгов и распространением денежной ренты. Существовало два вида местечек – казенные и частновладельческие. Их планировочная классификация соотносится с конкретными урбанистическими признаками: готические (улицы идут по касательной к площади), ренессансные (в Белоруссии – по типу планировки), барочные (частновладельческие, расположенные неподалеку от магнатской резиденции), ампирные (квартальные, XIX в.). Существенные различия наблюдались между местечками восточных и западных районов Белоруссии (рис. 104, 105). Для первых характерна планировка, близкая к сельской, площадь часто заменяет уширение улицы, отсутствует мощение, застройка преимущественно деревянная. Местечки западных районов имели площадь с торговыми рядами, костел и церковь, мечеть и синагогу, административные постройки, корчму, школу, дома-лавки торговцев-ремесленников, пожарную каланчу, на въездах – заставы (Шпилевский, 1855). Сеть местечек в западных районах более значительна.

В зависимости от ландшафтной привязки выделяются местечки болотные, суходольные, местечки-пристани (у берегов рек или в окружении озер).

ТИПЫ ЗАСТРОЙКИ ДВОРА

Определяющую роль в формировании застройки поселения играл тип двора. На территории Белоруссии исторически сформировались два основных типа – линейный (погонный) и замкнутый, периметрический (веночный) (рис. 106). Тип замкнутой (веночной) застройки восходит корнями к бессистемным гнездовым поселениям, которым он лучшим образом соответствовал в силу географических, хозяйственных и социальных условий (компактность, удобная для размещения на небольшом клочке земли, защищенность, оптимальность связей между жилыми и хозяйственными постройками) (Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 486–489).

Линейная (погонная) застройка нашла распространение после введения “Уставы на волоки”, так как являлась исключительно удобной в условиях узких, измельченных семейными разделами полос (Молчанова, 1968. С. 77). Аналогичная реформа, проведенная в XVIII в. в Словакии, также стимулировала распространение линейных дворов (Грацианская, 1960. С. 306–308). Но как тип она могла иметь и более древнее происхождение, восходя корнями к культуре дреговичей (Лебедева, 1929. С. 40; Сербай, 1928. С. 3; Dmochowski, 1937. S. 165–168).

Регионы веночной застройки – Поозерье и Поднепровье; погонной – Центральная Белоруссия, Понеманье, Западное Полесье. В процессе эволюции возникли переходные формы, П- и Г-образные и двухрядные дворы, наиболее широко представленные в народном жилище Восточного Полесья. Двухрядные погоны распространены в Понеманье и в отдельных локальных районах Центральной Белоруссии и Западного Полесья.

В Поозерье и Поднепровье были известны и отдельные формы крытого двора, а на юге Поднепровья и в Восточном Полесье – двора-курня (расположенное в центре застройки жилище было окружено хлевами и поветами) (Peikiewicz, 1928). Территория усадьбы функционально делится на “чистую” (хата, клеть, истопка, поветы) и хозяйственную (гумино, осеть, свня, сооружения из жердей для просушки

Рис. 106. Веночный двор конца XIX–начала XX в. Д. Воево Дубровенского р-на Витебской обл.

кормовых). Общей чертой структурного строения традиционного двора является связь помещений и построек в определенные функционально звенья: жилое (хата–сени–камора, клеть, кладовая и т.д.), хлевы для крупного скота, для мелкого, для птицы, сеники и т.д. Связующими являлись повети, возовни, помещения для дров.

Архитектурно-планировочное формирование традиционной застройки имело и определенные принципы: функционального соподчинения (расположение звеньев в зависимости от хозяйственно-бытовых связей), конструктивного единства и самостоятельности (наличие или отсутствие связей между звеньями), объемно-пространственного единства (постройки двора образуют единый объем, или, например, жилое звено доминирует над остальными) (Локотко, 1987. С. 114–127).

В традиционной усадебной застройке белорусов существует ряд конкретных типов (рис. 107–111):

- крытый двор (хата и сени под одной крышей с небольшим хлевом), известный в Поозерье и Поднепровье;
- крытый двор, в котором жилое звено (хата–сени–клеть, камора, истопка) и хлев с площадкой для летнего отстоя скота (денником) сопряжены конструктивно и имеют общую связь через сени (Поозерье);
- жилище и хлевы облокированы, постройки чистого двора (клеть, повети) расположены напротив жилого звена и соединены с последним через уличные и дворовые ворота (брамы) (Поозерье);
- жилое звено занимает диаметрально положение в комплексе застройки (Поозерье);
- чистый и хозяйственный двор образуют два замкнутых ядра, жилое звено размещено на фланге застройки (Поозерье);

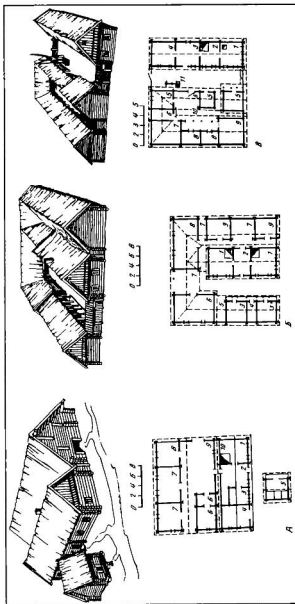

Рис. 107. Типы дворовой застройки XIX-начала XX в. в Поозерье (общий вид и план)

А - крытый двор. Д. Комар Поставского р-на: 1 - ката, 2 - сени, 3 - камора, 4 - источник, 5 - клеть, 6 - хлев для мелкого скота, 7 - хлев для крупного скота, 8 - сеник, 9 - денник, 10 - хол на денник.

Б - открытый двор с крытым денником. Д. Великое Тешово Гордоловского р-на: 1 - ката, 2 - сени, 3 - клеть, 4 - жерновня, 5 - свинарник, 6 - конюшня (стайня), 7 - поветь, 8 - пуня для сена, 9 - хлев, 10 - денник.

В - открытый двор с красным расположением жилого здания. Д. Будичи Докшицкого р-на: 1, 2 - ката, 3 - сени, 4 - выривня, 5 - клеть, 6 - поветь, 7 - хлев для крупного скота, 8 - хлев для мелкого скота, 9 - стайня, 10 - денник, 11 - колодец.

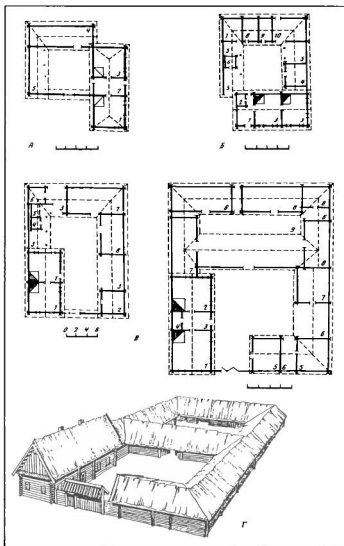

Рис. 108. Типы дворовой застройки конца XIX в. в Поднепр'ье

А – пеничий двор в Восточном Поднепр'ье. Д. Сычевка Метиславского р-на Могилевской обл.: 1, 3 – хата, 2 – сени, 4 – хлев, 5 – поветь;

Б – пеничий двор в Восточном Поднепр'ье. Д. Бракова Слобода Чаусского р-на Могилевской обл.: 1 – сени, 2 – камора, 3 – хата, 4 – клеть, 5 – поветь, 6 – баня, 7 – стойня, 8 – хлев для крупного скота, 9 – хлев для мелкого скота, 10 – сенник (см. продолжение на с. 234);

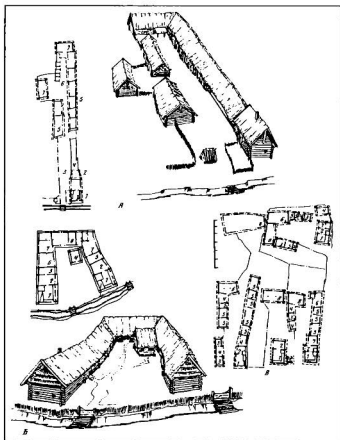

Рис. 109. Типы дворовой застройки XIX—начала XX в. в Полесье

А — линейная застройка с элементами двухрядного двора. Д. Войтковичи Пинского уезда (план и реконструкция): 1 — хата, 2 — повесь, 3 — двор, 4 — огород, 5 — хлева, 6 — пригумище, 7 — гумно;

Б — дворовая застройка в Западном Полесье. Д. Вежица Пинского уезда (план и реконструкция): 1 — хата, 2 — сени, 3 — истопка, 4 — клеть, 5 — повесь, 6 — шона (пристройка), 7 — хлева, 8 — одрина для хранения зерна;

В — погонный застройка в Кажан-Городке (план): 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — повесь, 5 — хлева, 6 — сенник, 7 — истопка, 8 — клуня (гумно)

В — восточный двор в Южном Подляновье. Д. Загорье Чечерского р-на Гомельской обл.: 1 — хата, 2 — клеть, 3 — повесь, 4 — истопка, 5 — свинарник, 6 — баня, 7 — хлев, 8 — пунь;

Г — восточный двор зажиточного крестьянина из Быховского у. (план и реконструкция): 1, 2 — хата, 3 — сени, 4 — камора, 5 — клеть, 6 — повесь, 7 — основал, 8 — хлев, 9 — денник

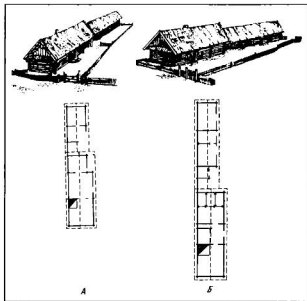

Рис. 110. Типы дворовой застройки XIX–начала XX в. в Центральной Белоруссии (реконструкция и план)

А – д. Огородники Слуцкого р-на Минской обл.,

Б – д. Заперице Пуховичского р-на Минской обл.,

В – д. Саловичи Копыльского р-на Минской обл.,

Г – д. Моисевичи Осиповичского р-на Могилевской обл.

- жилое и хозяйственное звенья в едином периметре (круглый двор) и могут разделяться лишь изгородью (Поозерье, Поднепровье);
 - круглый двор с жилым звеном, ориентированным вдоль улицы (Поднепровье);
 - круглый двор с расположением жилища внутри периметра (Поднепровье, Восточное Полесье);
 - чистый и хозяйственный дворы находятся на перпендикулярной улице оси и разделены столбовой повестью (Поднепровье);
 - однорядный линейный двор (погон), в котором жилое и хозяйственное звенья конструктивно не связаны между собой (Центральная Белоруссия);
 - жилое звено соединяется с хлевом через повесть (Центральная Белоруссия, Понеманье, Западное Полесье);
 - все звенья под единой крышей (Центральная Белоруссия, Понеманье, Западное Полесье);
 - двухрядный погон (Понеманье, Центральная Белоруссия, Восточное Полесье);
 - П- и Г-образные дворы (Восточное Полесье);
 - двор с несвязанными постройками (во всех регионах).
- Дворы Поозерья, Понеманья, Западного Полесья отличаются цельностью,

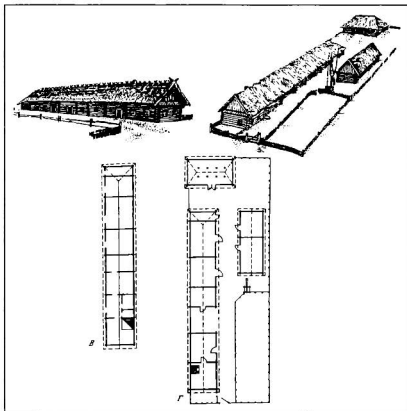

Рис. 110, В, Г

объемно-пространственным единством. В Поднепровье, Центральной Белоруссии, Восточном Полесье в силуэте выделяется жилое звено.

Следствием реформы "Устава на волоки" явилось в Центральной Белоруссии, Полесье и Западном Полесье размещение построек двора на противоположных сторонах улицы, расположение двух, а то и трех линейных дворов (погонов) на одной усадебной полосе друг за другом. Зафиксированы погоны с расположением жилища в начале и конце сооружения.

В начале XX в. начинается распространение дворов с несвязанными постройками, с более мобильной и гибкой структурой, реагирующей на скоротечные изменения хозяйственных и социально-бытовых условий (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 30).

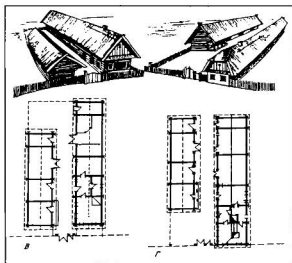
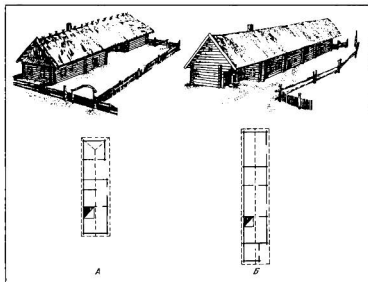

Рис. 111. Типы дворовой застройки XIX–начала XX в. в Понеманье (реконструкция и план)

А – д. Слободка Островского р-на,

Б – д. Цикличи Гродненского р-на,

В – д. Валенка Новогрудского р-на,

Г – д. Мелехи Иньевского р-на

Еще сто лет назад залесенность Белоруссии составляла около 40%. Лес являлся традиционным строительным материалом и определял облик не только сел, но и 4/5 застройки городов. В южных регионах традиционным типом оснований построек являлись дубовые стойки (шпандары), нижний дубовый венец (подруб), в болотистых местностях – сваи (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 541). Срубы возводились, как правило, из сосны. В регионах Полесья использовали также ель, ольху. Наиболее древняя, столбовая, конструкция в XIX–начале XX в. применялась в основном в хлевах, в случае присоединения к хату столбовых сеней (Восточное Поднепровье), а также при наращивании длины стен (комбинированная конструкция). Дальше столбовые конструкции сохранились в устройстве крыш поветей, сеников, гумен (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 468). Основой объемно-планировочной структуры постройки или двора был сруб: 11–15 венцов бревен от 16 до 22 см в диаметре (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 216). В Поозерье, Поднепровье, Центральном регионе в сруб шел преимущественно круглый лес, в Полесье – бревна, обтесанные на два канта, или брус. В регионах Полесья использовались бревна, расколотые пополам ("дылі"). Подгонка бревен в стене осуществлялась посредством выборки желобообразного углубления (драчка). Более архаичным являлся прием "драчкой вверх", замененный позднее противоположным, "драчкой вниз", что, с точки зрения технологии возведения стен, было сложнее, но препятствовало попаданию в пазы между бревнами влаги. Существовал и смешанный прием, когда верхнюю часть сруба клали "драчкой вверх", а нижнюю – "драчкой вниз".

В Белоруссии наблюдается несколько региональных разновидностей угловых замков (рис. 112) (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 117). Наиболее распространенный угол – "в чашку", сопряжение круглых бревен посредством выемки (чашки), в регионах использования отечественных бревен – угол с остатком, или "простой" угол (с прямоугольной выемкой). В Полесье известен "чистый", или "немецкий", угол без остатка, со сложным сопряжением, благодаря различным уклонам соприкасающихся плоскостей. Простой и чистый углы в городском жилище, как правило, имели потайной шип, повышающий прочность соединения. В Поднепровье и Центральной Белоруссии известен тип углового сопряжения, при котором круглые бревна к углу стесываются на обресте и соединяются как угол с остатком, или чистый угол. В Поозерье известен вариант подтеса изнутри. В Полесье, Центральной Белоруссии и некоторых районах Поозерья выносы углов отесывают на шесть кантов – угол "в охряпку" (рис. 113). В Полесских регионах бытует фигурная обработка остатков угла – "в каню".

Если постройка имела пол ("мост", "падлога"), то между двумя нижними венцами врубались балки, служившие основанием для пола, – лаги ("падмостнікі"). Вместе с потолочными балками они образовывали систему жестких связей, предохраняющих сруб от перекосов даже при просадке основания.

Конструктивные решения перекрытий в белорусском народном жилище прошли сложную эволюцию. Сохранившиеся в амбарах, клетях ("свиран") сводчатые перекрытия ("закоты") когда-то применялись и в жилых постройках (курных хатах) (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 201–202). При этом для жесткости сруба могла укладываться одна продольная балка ("трам") (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 498). С появлением дощатого потолка укладывались три или пять продольных балок (в последнем случае – "самцов"), потолок имел сводчатую или трапециевидную форму. Горизонтальный потолок мог быть на трех продольных балках, на мощной продольной (трам) и трех поперечных балках, на трех поперечных балках. Потолки на продольных балках встречаются в постройках XIX–начала XX в. во всех регионах, потолки с трамом преобладают в регионах Полесья, на юге Полесья, Центрального региона и Поднепровья.

Рис. 112. Тип углового сопряжения.
Начало XX в. Д. Луково
Малоритского р-на Брестской обл.

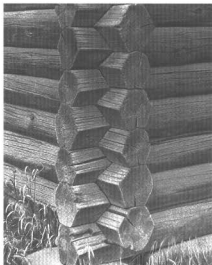

Рис. 113. Угол "в охряпку". Начало XX в.
Д. Житково Борисовского р-на
Минской обл.

В народном жилище Белоруссии известны два типа срубных крыш. Первый – крыша "на самцах" (разрезанный "закот") (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 203) – в XIX–начале XX в. имела распространение в Восточном и Западном Полесье, Поднепровье, Центральном регионе (в бассейне Березины), в некоторых районах Поозерья. Второй – костровая (стожковая крыша), распространенная преимущественно в Восточном Полесье.

Гораздо шире распространены столбовые конструкции крыш и производные от них. В Понеманье крыши "на сохах" (дубовых стойках с развилкой) применялись в жилых постройках в начале XX в. Производными от сошных являются крыши на полусошках, "дедках" и "козлах", опирающихся на балки (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 174, 266).

В настоящее время распространенной является стропильная конструкция. Имеются региональные отличия в решении врубки стропил: в уложенное на вынос балок верхнее бревно сруба – "мауэрлат" ("мурлату") (Западное Полесье), в наружные выносы балок (Поозерье, Поднепровье), в верхний венец (Понеманье, Центральная Белоруссия) (Этнаграфия Беларуси, 1989. С. 273).

Традиционными материалами покрытия крыш были солома, тростник, тес, позднее – гонт. В Полесье были известны и двухслойные покрытия: нижний слой – солома, верхний – тростник. В Западном Полесье технология укладки соломы несколько отличалась от общепринятой (комлем вниз): углы имели характерные гребешки. Конек соломенной крыши укреплялся "рожками", "козлікамі", в некоторых районах Поозерья – плоскими камнями (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 52–54).

В типологическом ряду жилищ восточных славян белорусское занимает как бы своеобразное промежуточное положение на пути эволюции от подземного жилища стелной и лесостепной полосы до жилищ на подклетах, двухъярусных изб северного лесного ареала. Исходным типом белорусского жилища является однокамерная хата (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 71–72), близкая в плане к квадрату (соотношение сторон 1:1,1; 1:1,3). В Восточном Полесье, где этот тип в XIX–начале XX в. являлся преобладающим, хата могла иметь четырехскатную или пирамидальную крышу (как каркасную, так и срубную), легкие сени (плетеные или навес из жердей). Пирамидальная крыша, как традиция, сохранилась в данном регионе и соседних районах Центральной Белоруссии и Поднепровья и во многом определяет облик застройки старых сел, городов и местечек (Глуск, Жлобин, Корма, Чечерск, Ветка, Хойники, Брагин, Речица).

В народном жилище Полесья преобладал глинобитный пол. Печь в белорусской хате традиционно размещается в углу, устьем к порогу. По диагонали от печи находился красный угол ("чырвоны кут", "покуть"), место домашнего алтаря (рис. 114). Для его освещения в одной или двух смежных стенах (на улицу или во двор) прорубалось окно. Размеры его были больше других окон (на 2–4, позднее – на 6 стекол-шибок). Напротив печи был кухонный угол ("бабін кут"). Здесь также имелось окошко (первоначально на 1 шибку, в XIX–начале XX в. – на 4). В XVII–

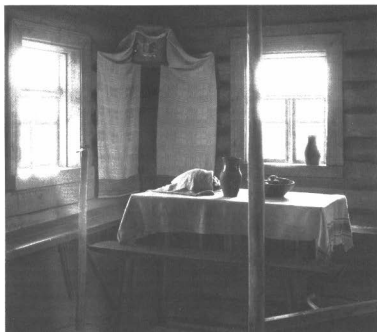

Рис. 114. Красный угол ("чырвоны кут") в хате. Конец XX в. Д. Исерию Слуцкого р-на Минской обл.

XVIII вв. хаты имели два-три подслеповатых окошка, закрывавшихся засовом из досок (волоковые окна – без стекол и без рамы). Подтесы вокруг окон забеливались известкой, что придавало им некоторую нарядность. Оконные проемы с переплетами и наличниками в XVII–XVIII вв. были известны в домах помещичьих имений, фольварках, общественных и культовых сооружениях. В народном жилище они распространились в XIX в. (Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 26–27).

По мере продвижения на север республики жилище постепенно строили на все более высоком подрубке. Так, в Поднепровье основанием хаты часто являлся дубовый подруб из 2–4 или 6 бревен, запущенных в угловые столбы-штандрты, имеющий проемы для вентиляции. Здесь же устраивались и подпольные погреба для корнеплодов (картофеля). В Поозерье основанием хаты являлся фундамент ("падмурак") из камней, в подполье также мог быть выложенный камнями погреб.

Развитие планировки шло по мере увеличения числа срубов в процессе соединения соседствующих с жильем построек (Moszyński, 1929. S. 551). Стоящая напротив хаты истопка (сви́рон, клеть) через шулы соединялась с хатой бревенчатыми стенами, и образовывалось трехкамерное жилище (хата–сени–клеть, хата–сени–истопка, хата–сени–камора). Этнографами начала XX в. отмечалось, что если жилище приходило в ветхость, то под хату переоборудовали клеть ("свіран"), истопку. Последние помещения часто использовались и как летнее жилище.

Двухкамерная связь хата–сени в Поднепровье трансформировалась в тип хата–хата (так называемая хата на две половины) (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 72–74). В этом регионе известен и более развитый тип: хата–сени–хата. В Центральном регионе и Западном Полесье, помимо двухкамерного (хата–сени), широко распространен трехкамерный план (хата–сени–клеть, камора, истопка), причем клеть может быть и двухъярусной. Кроме того, в Центральном регионе, Поднепровье и на востоке Поозерья известна так называемая хата–пятистенка (цельный сруб, разделенный поперечной капитальной перегородкой) (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 80–81). В Поозерье (преимущественно в западной части региона) сени и истопка (камора) подвергаются дальнейшему членению: в сенях выгораживается кладовая, а от истопки (как правило, с каменным погребом) отгораживается камора (рис. 115).

В Западном Полесье и в Понеманье известен тип жилища с подсенью, образуемой свесом крыши над входом в сени или в клеть, пристроенную к уличному фасаду жилища. Подсень могла быть консольной или столбовой.

В конце XIX–начале XX в. под влиянием жилища городов и местечек в Понеманье у зажиточной части крестьян жилище разделяется на хату, горницу и кухню, в сенях выделяются сенечки, камора, кладовая, другие помещения (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 79).

Интерьер жилища белорусов отличался функциональностью и рациональной организацией пространства (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 81). Темные тона глинобитного пола, стен, законченного потолка контрастировали с белой массой печи, которая занимала 1/4–1/3 площади жилища. Курные печи сохранились лишь в одной из разновидностей – с выводом трубы (камина) в сени (д. Бовсевичи Круглянского района, Поднепровье). Печи устанавливались на мощных колодах (Полесье, юг Понеманья, Центральной Белоруссии и Поднепровья) или на подрубке из бруса (известен во всех регионах). В Поднепровье, Центральной Белоруссии, на западе Поозерья и в Понеманье в жилище часто устанавливались печи-грубки ("сценкі", "шчыткі", "ляжанкі") (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 54–60; Этнаграфія Беларусі, 1989. С. 397–398).

Пространство между печью и торцевой (фасадной) стеной занимал настил для отдыха (пол), над которым (в Поднепровье, Поозерье) к потолку прикреплялись

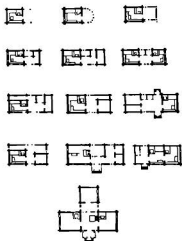
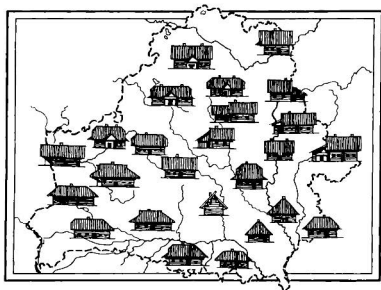

Рис. 115. Локальные типы традиционного жилища. Конец XIX—начало XX в.

полати (там обычно спали старики). Вдоль стен, сходясь в красном углу, стояли лавы, в кухонном углу – полки, настенный буфет или угловой шкафчик для посуды, лавочка ("услончик") для ведра с водой, последнее часто подвешивалось на крюке к потолку ((Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 80).

Освещалась хата подвесным лучником (южная половина Белоруссии) или переносным светом ("светач", "пасвет") (Поозерье). Применялась и каменная плوشка для сжигания пней (корчей) (Западное Полесье, Понеманье), которую устанавливали на углу печи, если там имелся известный во всех регионах "камінок" (ниша в углу печи, где жгли лучину для освещения дома) (Молчанова, 1968. С. 122).

Стены хаты периодически (к праздникам) мыли, скоблили. На юге Центральной Белоруссии, Поднепровья и в полесских регионах их белили и часто штукатурили.

Лавки, пол, полати, угловой шкафчик для посуды, полки конструктивно были связаны со стенами жилища, потолком и являлись пристенной мебелью. Неподвижным был некогда и стол с вкопанными в пол ножками. Стол, по-видимому, первым обрел мобильность (мебель – от слова "mobile", "подвижный"). В Белоруссии были известны столы на козловой опоре, жесткой, применяемой для длинных столов корчем и постоянных дворов. Бытовали также столы с опорой в виде горизонтальных брусов, повышающих их устойчивость. Наиболее широкое распространение имели столы на четырех ножках. Столы последних двух типов имели выдвижной ящик.

Помимо пристенных лавок, у стола располагалась скамейка ("услон", "услончик"). Наиболее архаичный ее тип – часть древесного ствола с толстыми сучьями, выполнявшими роль ножек. Лавки плотницкой работы могли также иметь выдвижной ящик ("скрынку").

Со второй половины XIX в. и в крестьянском жилище известны деревянные скамьи со спинками и подлокотниками ("каналы"), кровати столярной работы. Кровать ("ложак") состояла из двух спинок, выполненных из досок, вправленных в стойки, калющиеся одновременно и ножками настила, на который укладывали набитый соломой мешок (сенник). У изголовья кровати, под настилом, мог быть выдвижной ящик. Место, где располагались пол, полати или одна-две деревянные кровати, обычно отгораживалось пологом, повешенным на горизонтальную жердь, врубленную одним концом в печной столб, другим – в противоположную стену. Здесь же находилась подвешенная к балке "колыска" (люлька).

Одежда, изделия ткачества обычно хранились в каморе, сенях, клети в деревянной емкости ("кубел") или в сундуке ("скрыня", "куфар"). Сундук мог находиться в хате. Со второй половины XIX в. в крестьянском быту появляются самодельные шкафы ("шафы", "шафары") из досок, с двухстворчатыми, филенчатой конструкции дверцами и одним или двумя выдвижными ящиками. Сундуки и шкафы часто украшались росписями (широко известные "куфры" из д. Огово, Ивановского района, Брестской области). В Понеманье и на западе Поозерья в крестьянском жилище часто встречаются столы, шкафы, стулья и "каналы", изготовленные мастерами-ремесленниками в местечках и городах и приобретенные на ярмарках. Эти изделия отличаются присутствием стилизованных элементов модерна и эклектики.

На смену полкам и угловому шкафчику в кухонном углу в конце XIX–начале XX в. приходит пристенный буфет ("паліца"): тип открытого навесного шкафа для посуды с зарешеченными полками, выдвижными ящиками и планкой с прорезями для ложек ("лыжачнік").

Традиционными элементами интерьера являлись различные, прикрепленные к балкам потолка жерди ("ашостак"), шестки. Обычно они располагались перед и за печью, над полатами и служили для развешивания полотенец ("ручников"),

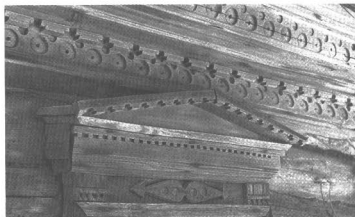

Рис. 116. Тип долблено-выемчатой и воротковой резьбы. Начало XX в. Д. Корма Добрушского р-на Гомельской обл.

Рис. 117. Архитектурный декор

1 – наличник с символикой плодородия и оберега. Середина XX в. Д. Лопухово Гороцкого р-на Витебской обл., 2 – крыльцо. Начало XX в. Д. Смоловка Гороцкого р-на Витебской обл., 3 – декоративная решетка ворот. Середина XIX в. Г. Ветка

одежды, пучков трав и т.д. В курных хатах со сводчатым потолком толстые шестки располагались вдоль стен и на них сушили дрова, хворост для растопки печи.

Пространство сеней занимали бондарные и плетеные емкости, ступа, жернова, скамеечка для ведра с водой в летнее время, под ней – "начоўкі" (корыто), корыто для корма скота и т.д. По стенам в один или два яруса располагались полки для хранения посуды, инструментов. На вбитых в стену деревянных крюках висели

Рис. 117. 2

сбруя, старые тулупы ("кажухі"), на деревянной жерди – мешки и т.д. Сени часто использовались как летнее жилище, поэтому здесь могли стоять кровать, стол, скамеечки. Освещались сени одним-двумя окошками на одно-два стекла.

В трехкамерном жилище, помимо сеней, имелись камора, клеть, истопка. В клеть устраивались рубленные засеки – закрома, по стенам висели упряжь, хомуты, кожухи. В каморе и клеть могли располагаться кровать, сундук или шкаф, так как, по обычаю, здесь жили до женитьбы или замужества взрослые сыновья и дочери хозяина.

Важным элементом народного жилища белорусов был резной декор (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 60–70). Распространение его неравномерно. Так, в Понеманье и Западном Полесье резьба в XIX–начале XX в. почти отсутствовала. В Понеманье была традиционна пластическая обработка столбовых и консольных конструкций, косяков и притолок. Ваяние из дерева здесь широко бытовало в культовой и усадебной архитектуре. На востоке Поднепровья, наоборот, резное убранство в народном жилище было распространено шире.

Мастера-резчики из Орши и Копыси, Шклова в XVII в. трудились в московском Новодевичьем монастыре, Кремлевских палатах, на строительстве Коломенского дворца (Абеледарский, 1957. С. 26–43). К середине XX в. резной декор

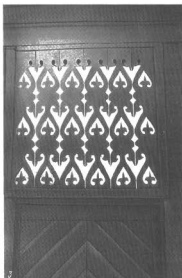

Рис. 117. 3

охватил всю восточную часть Белоруссии и распространился в западные и южные районы.

В Белоруссии была известна глухая долбленая, трехгранно-высеченная и вортовкая, барельефная, пропиленная и накладная резьба (рис. 116).

По характеру символического и мифологического содержания декора можно выделить: 1) знаки оберега и родового принадлежности (тамги); 2) символы плодородия, представлений о Вселенной (солярные символы, символы звезд, суточного движения светил); 3) символику жизни (древо жизни), счастья, трехлепестковое соцветие (крин), голубей, обращенных к трехлепестковому соцветию.

По характеру сюжетов и композиций декор имеет мотивы: 1) растительные; 2) ихтиоморфные; 3) орнитологические; 4) зооморфные (фигуры змей, животных); 5) антропоморфные; 6) геометрические (орнамент); 7) бытовые (например, пара медведей, раскрывающих пчелиный домик, над ними, в сплетении резных узоров, — силуэты пчел (д. Старые Стайки Шкловского района) (рис. 117).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

В Поднепровье, восточных и южных районах Центральной Белоруссии и в Поозерье клеть, свирон находились преимущественно в составе жилого звена. В остальных регионах были распространены клетки как отдельно стоящие сооружения (рис. 118). Существует несколько их типов: одноярусные, двухъярусные и двойные. Первые чаще встречаются в регионах Полесья, в Центральной Белоруссии. Полесские клетки в болотистых районах часто ставились на сваях. Форма крыши здесь преобладала двух-четырёхскатная. В западных районах Центральной Белоруссии и Поозерья, в Понеманье распространены клетки ("свирны") на основании из "штандаров" или камней (Понеманье, Поозерье) с широким порогом (приклетником), вдоль которого шла столбовая галерея, поддерживающая нависающий лобовик — часть второго яруса, где обычно хранили в узких отсеках отборное зерно. В Поозерье известны двойные (спаренные) клетки. Как правило, они имели сводчатую крышу ("закот").

Древнейшим хранилищем корнеплодов у белорусов являлись погреба (Народная сельскагаспадарчая тэхніка..., 1974. С. 74–78) (рис. 119). На возвышенных песчаных землях строились примитивные погребные ямы, несколько на одну усадьбу (Понеманье, Поднепровье). В Понеманье и Поозерье сооружались выложенные камнем подвалы в сенях, в подполье — помещения для хранения овощей и других пищевых продуктов ("варыўня") (Мядельский, Поставский районы). Погреба в подполье жилища распространены в Поднепровье и восточных районах Центральной Белоруссии. В южных и восточных районах погреба укрепляют деревянными плахами, в западных и северо-западных — камнем. В Понеманье погреба иногда сооружались под клетью (подклетью).

Истопка ("варыўня", "стопка", "імшанік") как отдельная постройка встречается на юге Центральной Белоруссии, в регионах Полесья, в Поднепровье и Поозерье. Часто к основному срубу пристраивался "тростен" ("приистопка"). Обогревалась истопка печкой-каменкой или принесенными в тазу углями. Пространство делилось на засеки (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 36, 90, 102–103).

Ареал распространения бань в Белоруссии охватывает Поозерье и восточную часть республики с границей по Березине (Беларускае народнае жыллё, 1973. С. 90–92). При расположении поселения у естественного водоема бани ("лазні") ставили на берегу (Поднепровье). В Поозерье, в отдалении от водоема устраивали искусственный пруд ("сажалка", "копань"). В начале XX в. в некоторых беднейших хозяйствах Поднепровья бани ставили в комплексе дворовой застройки (Сергачев, 1984. С. 23). Белорусская баня представляла собой односрубное соору-

Рис. 118. Клеть

1 – клеть. Начало XX в. Д. Забродье Столбцовского р-на Минской обл., 2 – смирнок на каменной выюклеть. Д. Роличы Вилейского р-на Минской обл.

Рис. 119. Погреб. XX в. Д. Радунь Кореличского р-на Гродненской обл.

Рис. 120. Баня. Начало XX в. Д. Сакуны Поставского р-на Витебской обл.

жение с плетеным, дощатым или бревенчатым предбанником (рис.120). Обогревалась печью-каменкой, топившейся по-черному. Вода нагревалась при помощи горячих камней. Бани Поднепровья имели двухскатные крыши без щитов (фронтонов) – для лучшего проветривания. Бани Поозерья имели четырехскатные крыши, стояли от двора особняком.

В Поднепровье, регионе издревле известном в Белоруссии развитием пчеловодства, устраивали сооружения для зимовки колод и пчелиных домиков ("мурні"). Обычно это была каркасная (или плетеная) легкая постройка, обмазанная снаружи глиной. Встречались и срубные мурни со стенами, плотно проконопаченными мохом ("імшані").

В веночной и погонной усадьбах хлевы являлись неотъемлемой составной частью их структуры. В погонной застройке звенья хлевов (овчарня, стайня, хлев для коров и т.д.) соединялись через вспомогательные помещения, повети, сенники. В веночных дворах Поднепровья под хлевом часто понимается единое пространство, которое с внешней стороны имеет стены, а с внутренней – опоры-столбы, в нем выгораживаются отдельные загоны или ставятся самостоятельные срубники (Загорье, Кукличи Чечерского района). Здесь употребляются обобщающие термины: пуня, клуня, обозначающие, например, на Полесье гуманные постройки, в Поозерье, Центральном регионе, Понеманье – помещения для хранения сена, соломы. Известные в структуре белорусских усадеб постройки пригуменные классифицируются на ряд типов: 1) простейшие сооружения для просушки и хранения сена, соломы (стог, "сіцрта"); 2) каркасно-жердевые сооружения для просушки и хранения кормовых ("азяроды", "пераллоты"), распространенные в Поозерье, на востоке Понеманья, в северных и восточных районах Центральной Белоруссии, на севере Поднепровья; 3) столбовые сооружения с передней крышей без ограждающих конструкций – "абарогі"; 4) одно- и двухъярусные столбовые постройки, стирты (Понеманье); 5) столбовые сенники и пуни с жердяными или плетеными стенами (Поозерье, север Центрального региона).

Гумна Полесья и юга Понеманья имели крутые высокие крыши, низкие (иногда 3–7 венцов) стены, четырехугольную криволинейную (6–8-угольную) форму в плане. В центре располагался ток (глинобитная площадка для молотбы), вокруг него – засеки (засторонки) для хранения хлеба в снопах. Ворота, как правило, одни. Гумна на юге Центральной Белоруссии отличались большей высотой стен, имели сквозной проезд или проезд с разворотом. Гумна Поднепровья, севера Центральной Белоруссии и Понеманья имели прямоугольный план, двухскатную крышу. Торцы забирались бревнами, скрепленными деревянными "дедками" (двухчастный и трехчастный фронтоны). Проезд – по оси через ворота в торцевых стенах, через ворота в продольной торцевой стене. Гумна Поозерья отличались значительными размерами, имели мощные стены из кругляка, двух-четырёхскатные и вальмовые крыши (рис. 121). На западе Поозерья известны гумна с крышей, имеющей треугольную вальму над воротами и пологий скат в противоположной части (куда не заезжает телега, груженная снопами) – прием рационального решения пространства.

Для всех регионов характерна столбовая конструкция крыш гумен (в Полесье были известны гумна с самцовыми крышами). В южных районах это обычно 2–3 пары стоек-сох, в северной – 4–8. Поозерье и Поднепровье входят в восточно-европейский ареал распространения гумен с огневыми сушками ("еўняй", "асеці"). "Еўні" Поднепровских гумен – небольшие, с напольной печью-каменкой и колосниками в один ярус. На юге Поднепровья были известны осети с печью, расположенной в подвале. "Асеці" Поозерья, севера Поднепровья часто были двухъярусными. Гумна с огневыми сушилками в Белоруссии совпадают с ареалом распространения бань (Молчанова, 1981. С. 111).

Рис. 121. Гумно. Начало XX в. Д. Волковщина Миорского р-на Витебской обл.

Рис. 122. Каменная ограда. Начало XX в. Д. Подболотье Зельвенского р-на Гродненской обл.

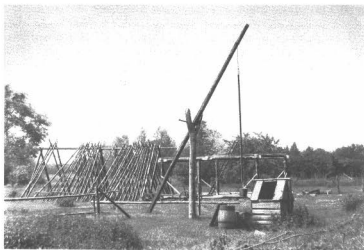

Рис. 123. Колодец-"журавль". Д. Забродье Вилейского р-на Минской обл.

На северо-востоке Центральной Белоруссии под гумном понимается комплекс, включающий открытую площадку – ток и срубное хранилище, пуню. Под свесом крыши, со стороны ворот гумна имелись небольшие пристройки для хранения мякины, плевны и т.д.

Облик деревни дополняли изгороди (живые, из пророщенных тополиных кольев, и обсадки из ивняка в Полесье; плетеные – в Полесье, Поднепровье, Центральном регионе и Понеманье; жердяные, применяемые для ограждения земельных наделов и пригумений; частоколы; изгороди из горизонтальных, закинутых в шулы плах, брусен, досок (в Поднепровье, Поозерье, Центральном регионе и Понеманье); из камней (Понеманье) (рис. 122).

В южных регионах Белоруссии преобладали легкие каркасные калитки и ворота (часто вместо калитки применялись поперечные скамеечки на столбах, "перелаз") из жердей, досок, тесин. В регионах распространения веночных дворов ворота и калитка составляли особую конструкцию – "браму", капитальное сооружение с навесом. В Полесье и Поднепровье бытовали так называемые коловороты – вращающиеся вокруг вертикальной стойки ворота на въезде в поселение.

Простейшим типом источника водоснабжения у белорусов был родник (иногда обустроенный, со скамеечкой и выложенной камнями тропинкой). Были известны следующие типы обустройства колодезных проемов: колодец-"кайдуб" (часть дубового ствола с удаленной сердцевиной, в Полесье); сруб, укрепленный вертикальными или горизонтальными плахами (Поднепровье, Центральная Белоруссия); срубные проемы (Поднепровье, Центральная Белоруссия, Поозерье), проем из камней (Понеманье). Ведро поднимали при помощи шеста с крюком (Полесье, Поднепровье), журавля (рис. 123), коловорота (в колодцах с большой глубиной).

В силуэте поселения композиционной доминантой были *культовые сооружения* (церковь, костел). Их планировочное и объемно-пространственное решение определялось общим для народного зодчества модулем: параметрами сруба. В зависимости от компоновки срубов (горизонтальной и вертикальной) определялась композиция окружения.

Существует несколько вариантов классификации деревянных культовых сооружений Белоруссии (Сергачев, 1984, С. 51–66). На наш взгляд, можно выделить два основополагающих типа: осевой (притвор, неф, алтарь соединяются по оси) и центричный (притвор, алтарь, боковые приделы группируются вокруг нефа на обеих его осях). Вертикальное развитие дополняется подтипами: ярусно-осевой и ярусно-центричный. Осевые и ярусно-осевые культовые постройки характерны для южных регионов Белоруссии (юг Поднепровья, Центральная Белоруссия и Полесье, Западное и Восточное Полесье) и близки традиционной линейной (погонной) застройке сельских усадеб. Центричные и ярусно-центричные постройки характерны для севера Поднепровья и Поозерья и близки периметрической (вечной) застройке усадеб (рис. 124–125).

С традициями усадебной застройки была тесно связана и архитектура *сельской корчмы*. До середины XIX в. корчма могла находиться в центре поселения, рядом с церковью и костелом, в ней останавливались на ночлег богомольцы из дальних деревень (переночевать “под дахом гостинным”) (Glözer, 1903, Т. 4). Корчмы строились на въезде в поселение, на бойких перепутьях, у паромов и водяных мельниц (рис. 127).

Известны *незаезжая* и *заезжая корчмы* (“заезд”). Первая включала сени, комнату для постояльцев и жилище корчмаря в одном сооружении. Каретный сарай и конюшня (“стодола”) стояли отдельно, во дворе. В заезжей корчме стодола находилась в комплексе с шинком и жилыми помещениями. Пристройка стодолы определялась традициями усадебной застройки: на продольной оси шинка (по типу погонов), параллельно шинку (по типу замкнутых дворов), сбоку шинка, по перпендикулярной его оси (по типу Г-образного двора), а также по типу Г-образного плана, известного в народном жилище белорусского Поозерья.

Среди административных и общественных построек, определявших облик поселений, нужно отметить *дома волостных управ* (“гмин” в западных регионах), *школы* (церковноприходские и народные). Школа незначительно отличалась от средних размеров жилого дома (хаты) и включала сени, кладовую, класс для учеников, одну-две жилые комнаты учителя.

В поселениях, являющихся центрами сельских обществ, возводились *общинные амбары* (запасные магазины). Их распространение в Белоруссии усилилось после указов Екатерины II. Запасный магазин мог строиться по типу традиционного амбара (“свиран”, “клеці”), с рубленным порогом и столбовым навесом (приклетником), в один или два яруса или по типу протяженного сооружения со сквозным проездом, по сторонам которого размещались засеки – закрома (Сергачев, 1984, С. 45).

Из производственных сооружений, игравших роль в силуэте ландшафта и поселений, следует отметить *водяные и ветряные мельницы*.

Водяные мельницы появились на территории Белоруссии в X–XI вв. Легенда о Менеске, разъезжавшем по древнему Минску на мельнице, в поэтизированной форме свидетельствует о древности сооружения. Водяные мельницы строились у дорог и мостов, в комплексе с перевозами, корчмами. Известны мельницы с нижним и верхним боем воды и наплавные (Днепр, Припять). В крупных водяных мельницах, помимо жерновов, работали столярные механизмы, устройства по изготов-

Рис. 124. Георгиевская церковь. XVIII–XVIII вв. Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл. (продольно-осевая композиция)

*Рис. 125. Ильинская церковь Маркова монастыря в Витебске. XVII в.
Рисунок И. Трутнева, XIX в.*

Рис. 126. Костел Девы Марии. XVIII–XIX вв. Д. Хохлово Молодечевского р-на Минской обл.

*Рис. 127. Корчма. Д. Крыжовка Миорского р-на Витебской обл.
Фото начала XX в.*

Рис. 128. Мельницы

1 – водяная. Начало XX в. Д. Голышана Ошмянского р-на Гродненской обл.; 2 – ветряная. Начало XX в. Д. Оделек Гродненского р-на Гродненской обл.

лению щепы и драпки. С XVI в. известны и водяные бумажные мельницы (рис. 128, 1) (Народная сельскагаспадарчая тэхніка..., 1974. С. 84–85; Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв. Владение Сморгонь, 1977. С. 18).

Ветряные мельницы в Белоруссии по письменным источникам известны с XVI в. (Якімовіч, 1978. С. 77). Выделяются два основных типа: козловые, когда вся мельница вращается по направлению к ветру вокруг оси, закрепленной в крестовине, козлах или цоколе из валунов (Понеманье), и шатровые, когда вращается лишь башня с крыльями (Восточное Полесье, Подиелпровье). В малодворных поселениях на западе Поозерья известны малогабаритные ветряки, рассчитанные на потребности одного хозяйства (рис. 128, 2), ветряки на колесах, ветряные турбины, устанавливаемые на крыши домов (Народная сельскагаспадарчая тэхніка..., 1974. С. 36).

Среди построек деревни выделялись кузницы. Их обычно ставили на ок-

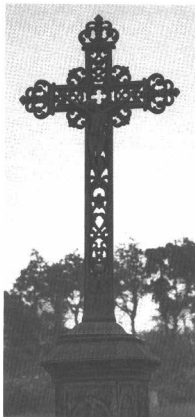

Рис. 129. Чугунный надмогильный крест. XIX в. Давид-Городок

ранние поселения или в центре. Это были небольшие срубные постройки. В углу их помещался горн с кожаным мехом, в центре – наковальня, вдоль стен – полки для инструментов. Изнутри к шуле или дверному косяку крепился ворот – приспособление для сверления в металле отверстий. На улице, у порога ставили круглый камень или старые жернова, использовавшиеся при натягивании железных шин на деревянные колеса.

За многие километры видны были силуэты сельских кладбищ – на холмах, среди полей и лугов (Поднепровье), у опушки леса (Полесье). В центре кладбища могла находиться скромная деревянная часовня или кладбищенская церковь. Старые деревья обозначали пространство кладбища, среды символического общения живых с предками. В Поднепровье кладбища обносили рвом – магической границей, препятствием для пришельцев из загробного мира. В Полесье надгробья часто выполнялись в виде деревянных обелисков, отесанных и уложенных горизонтально колод, домиков-теремков. Мощные деревянные кресты устанавливались на кладбищах старообрядцев в Поднепровье и Поозерье. В Поозерье и Понеманье надгробья часто выполнялись из камня, на котором высекали крест или устанавливали крест металлический. В Понеманье, на кладби-

щах местечек были распространены и ажурные кованые и чугунные литые кресты (рис. 129).

Существовали и *кресты ритуальные*, устанавливаемые на красном (со стороны въезда) и черном (ведущем к кладбищу) концах поселения, у входа на кладбище. В Поозерье и Понеманье бытовали мемориальные знаки (столб с украшенным резьбой навесом с фигуркой Христа), устанавливаемые в усадьбах, на хуторах, въездах в деревню, перекрестках дорог. Часовни и кресты ставили в честь памятного события или, наоборот, во времена эпидемий и голода, стихийных бедствий, на местах возведения храмов и т.д. Ритуальные кресты богато украшались тканями, ручниками, поясами, лентами (оброчные кресты). Традиции ритуальной символики во многом связаны с языческими обрядами (постановка в поселениях и у дорог фигур святого Яна и т.д.).

В силуэте деревни, окружении усадьбы всегда присутствовали деревья как неотъемлемый элемент, выражающий органическую связь, единство жилища человека и окружающей среды. Признаком значительного возраста поселения

были расположенные вдоль улицы старые березы, липы, тополя (реже клен, дуб). Дерево, элемент живой природы, в народных представлениях, восходящих к языческим верованиям, обладало колдовскими свойствами, свойствами оберега. Деревья высаживали в память предков, для создания уюта возле дома, защиты его от ветров, дождя и снега, чтобы привлечь аистов, скворцов, птиц, близких человеку в его представлении о бытии. Традиционным было присутствие на усадьбе дикой яблони или груши ("дзічкі"), рябины, калины (Полесье). Силуэт деревьев за многие километры обнаруживал присутствие людского жилища.

Озеленение усадьбы дополнялось фруктовыми деревьями, ягодными кустами. По соседству с жилищем часто росли сирень, черемуха, цветы. В описании Кричевского графства, сделанном Андреем Мейером в конце XVIII в., приведены многочисленные названия цветов, декоративных и лекарственных растений, высаживавшихся рядом с сельским жилищем (Мейер, 1901).

ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА В XX в.

Традиции народного жилища – часть исторического процесса и поэтому в новых формах и условиях продолжают развиваться и в наши дни. Процессы расселения, развитие типов поселений прямо зависят от хозяйственных изменений и социально-бытовых условий. Так, Столыпинская реформа начала XX в. увеличила численность хуторов, организация коммун в 1918–1920 гг. и колхозов впоследствии сопровождалась стягиванием однодворных и малодворных поселений в крупные села; в западных районах Белоруссии, находившихся в составе Польши до 1939 г., наоборот, поощрялась хуторизация.

Во второй половине нашего столетия, в условиях осуществления доктрины перспективных поселений, неоправданно были обречены на вымирание многие поселения, исторически связанные с конкретными районами, ландшафтом.

Развитие типов поселений в современных условиях определяется двумя основными факторами: сетью транспортных коммуникаций и системой развивающихся аграрно-хозяйственных зон, которые эти коммуникации соединяют. В последнее время территориальное размещение аграрно-хозяйственных зон стремятся связывать с традиционной системой хозяйствования и расселения, проводя реконструкцию исторически сложившихся поселений вместо строительства на совершенно новом месте. При этом обнаруживается тенденция размещать новые зоны застройки на свободных территориях, не внедряя в исторически сложившуюся застройку села.

Береговой, надпойменный и равнинный типы расселения сейчас развиваются в равной мере. Основным планировочным типом поселения является многоуличный, с выраженным функциональным зонированием: общественно-культурный и административный центр, производственная зона, жилая зона, зона отдыха. Сохраняется преобладание поселений с традиционной планировкой и застройкой. Процент кирпичных и железобетонных зданий в таких поселениях невелик и имеет слабую тенденцию роста.

В последние годы на развитии системы расселения всей республики сказываются последствия чернойбыльской аварии и связанное с ней отселение жителей из сельской зоны Восточного Полесья и Поднепровья. Растет число новых поселков в соседних регионах, ведется укрупнение уже сформировавшихся поселений для размещения переселенцев.

Преемственность традиций наблюдается и в современном облике сельской усадьбы. В большинстве своем здесь преобладает деревянная застройка, сохраняю-

шая традиционные региональные особенности. Наиболее в своем развитии продвинулось жилище: увеличилась его площадь, к сеним добавилась веранда, вычленилась кухня. Традиционными стали каменный фундамент, современные кровельные материалы, покраска, нарядные окна со ставнями и резьбой. Палисадники с цветами, гараж, огород с теплицей дополнили перечень традиционных усадебных построек.

До середины восьмидесятых годов нашего столетия современная сельская усадьба рассматривалась в контексте условий коллективного хозяйствования (колхозы, совхозы), что определяло минимальные размеры приусадебного участка и хозяйственных построек, обустройство жилища по типу городского. При этом игнорировались не только региональные архитектурно-планировочные традиции, но и принципы функциональной организации усадьбы. В результате сельские поселения повсеместно обезличивались и сектор индивидуального хозяйства сокращался. Традиции народного жилища в лучшем случае выявлялись в украшательстве (резной декор) и в адаптации некоторых форм (двухскатная крыша, угловая подсень – открытая галерея в деревянной постройке).

Колхозная и совхозная формы хозяйствования наложили существенный отпечаток на планировку сельских поселений и застройку двора. Границы усадебных наделов и набор хозяйственных построек определялись размерами приусадебных участков. Исчезли гумна, бесполезными стали хлевы для лошадей ("стойні"), клетки, водяные и ветряные мельницы, усадебные кузницы, шерстечесалки ("фолкшны"), сооружения для производства кирпича, дегтя и т.п. В застройке села определился общественно-административный и культурный центр: правление колхоза, магазин, школа, детский сад, клуб. Сформировался обширный хозяйственный двор: склады, мастерские, комплексы скотоводческих ферм, гаражи и т.д.

Формирование инфраструктуры сельского хозяйства во второй половине XX в. по принципу создания региональных агропромышленных зон предусматривало раз-

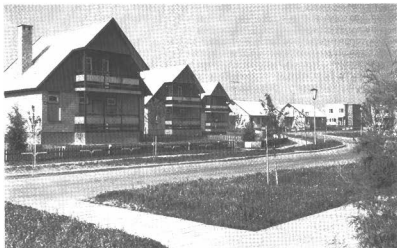

Рис. 130. Современная застройка. Пос. Беловежский Каменецкого р-на Брестской обл.

Рис. 131. Общественный центр колхоза "Рассвет" Кировского р-на Могилевской обл.

витие на селе индустриального домостроения. Поселки агропромышленных комплексов застраивались двух-четырёхквартирными, одно- и двухэтажными кирпичными домами различных серий типовых проектов.

Дальнейшее расширение программы агропромышленного зонирования сельской местности вызвало в 1970-е – начале 80-х годов новый этап реконструкции сельских поселений, в особенности тех, вокруг которых формировались крупные производственные комплексы (колхозы-агрофермы). Генеральные планы для них разрабатывались по типу промышленных поселков, с квартальной структурой и коттеджным типом застройки, минимумом хозяйственных построек (колхозы "Рассвет" Кировского, "Новый быт" Любанского, "Бердовка" Лидского, "Малеч" Березовского, "Вертилишки" Гродненского районов и т.д.) (Соколовский, Алимов, 1979).

Индивидуальный дом-коттедж строился из расчета на одну-две квартиры и имел планировку как в одном, так и в двух уровнях. Планировка включала веранду, прихожую, кухню с выходом во двор, общие комнаты и спальни, столовую. При планировке в двух уровнях спальни размещались на втором этаже или в мансарде. Внедрялся и тип сельского многоквартирного дома в 4–5 этажей с планировкой городского типа. Индустриальная застройка предусматривала наличие централизованных водоснабжения и водоотведения, отопления и газификации (рис. 130).

Центры сельских агропромышленных зон имели крупные общественно-культурные и торговые комплексы: дом культуры, кафе-ресторан, торговый центр, школу, гостиницу, спортивный и оздоровительный центр, несколько дошкольных

детских учреждений (колхозы им. Кирова Слуцкого, "Рассвет" Кировского, "Осне-
жицкий" Пинского, "Малеч" Березовского, "Вертилишки" Гродненского, "Новое
Полесье" Солигорского районов и др.) (рис. 131).

В последние годы идет процесс активного переосмысления принципов совре-
менной сельской усадьбы. Традиционные планировочные решения, линейные и
замкнутые, мобильное сочетание отдельных объемов с пространством, восстано-
вление традиционных функциональных связей жилища с хозяйственными, включе-
ние в жилище некоторых традиционных элементов (варочная печь, сени, кладовые
помещения) могут способствовать созданию типов сельской усадьбы, отвечающих
потребностям как коллективных, кооперативных, так и фермерских форм хозяйст-
вования. При этом важно сохранить конкретно-исторические, региональные архи-
тектурные и планировочные решения, что позволит возродить характерную для
народного жилища индивидуальность, а значит – психологическую притягатель-
ность и привязанность к родным местам.

Традиционные природно-географические черты ландшафта Белоруссии в ре-
зультате крупномасштабных мелиоративных работ в Полесье и в иных регионах,
вырубки лесов, химической интенсификации земледелия и создания обширных про-
мышленных зон, при игнорировании вопросов экологии в значительной мере утра-
чены. Так, в настоящее время лесами покрыто около 30% территории республики,
старый лес сохранился на незначительных участках Березинского и Припятского
заповедников, в Налибокской и Беловежской пушках, возраст остального не
превышает 40 лет. Ликвидация болот вызвала дисбаланс в развитии флоры и
фауны, исчезновение мелких рек и ручьев, родников, значительное обмеле-
ние оставшихся, изменился уровень грунтовых вод. Сокращение площадей леса,
изменения гидрологического баланса, процессы эрозии лишают деревни пло-
дородных почв, даров природы, некогда служивших причиной поселения здесь
людей.

Процесс реабилитации ландшафта органично связан с развитием планировки и
застройки современных деревень и поселков. Выработанная веками тесная связь
народного жилища с природой послужит источником оптимального решения этой
проблемы.

ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Скандинавы и баварские летописцы называли земли Приднепровья Гардори-
кой (Страной городов). Сообщалось, что на пространстве от Буга до Днепра якобы
насчитывались сотни городов. Очевидно, что древние хроники включали в это
число и бесчисленные деревянные городища (городки, грады, городни, городища,
городцы, огородни и т.д.). На территории Белоруссии раннефеодалного периода
города развивались в местах пересечения крупных водных и сухопутных торговых
путей, сосредоточения ремесел, у княжеских резиденций.

Ядром города являлась деревянная крепость ("детинец"), в которой размеща-
лись двор князя и усадьба его дружинников. За детинцем, напротив ворот распо-
лагалась рыночная площадь. Вокруг детинца размещались посады и слободы
(окольный град), пересекаемые улицами, лучами расходящимися от детинца. Так
формировалась характерная для восточных славян градостроительная схема: град-
торг-посад. Древние города на территории Белоруссии – Полоцк, Берестье, Гора-
дня (Гродно), Минск (Минск) – начинали свое развитие по этой схеме.

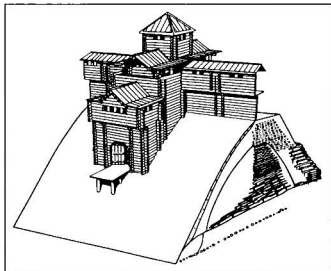

Рис. 132. Брама Мінскага замчыша XI–XII вв. Рэканструкцыя па Г.В. Штыхову

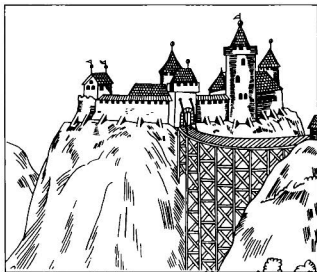

Рис. 133. Старый замок в Гродно. XIV–XVI вв. С гравюры XVI в.

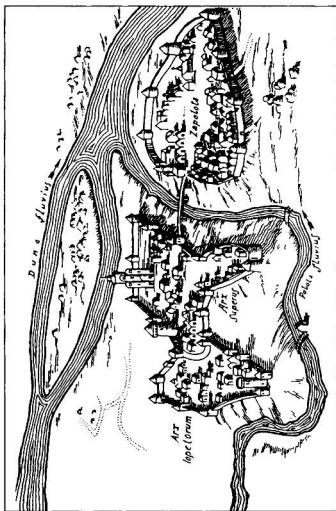

Рис. 134. Укрепления Полоцка. XIV–XVI вв. С гравюры XVI в.

Рис. 135. Клецк. С гравюры XVI в.

Рис. 136. Фрагмент застройки Гродно. С гравюры XVI в.

Археологические материалы свидетельствуют, что города на территории Белоруссии в IX–XII вв. имели совершенные в фортификационном отношении крепости, состоящие из мощных валов на деревянной субструкции, стен, возведенных по принципу городней и тарасов, с обламами и башнями в несколько ярусов (рис. 132). Застройку детинцев и посадов составляли одно-, двух- и трехкамерные срубные жилые постройки на "стандарах", сваях или подрубах, с самцовыми крышами, полами по лагам. Внутренняя обстановка городского жилища состояла из печи-каменки, пристенных лавок ("лавов"), стола, полатей. Но жилища князя, дружины, духовенства и зажиточных мещан отличались большим набором помещений (многокамерные), имели вертикальное развитие (на подклетах и в два-три яруса), широкое крыльцо и столбовые галереи, просторные сени и горницы, печи с дымоходами (Полоцк, Берестье, Минск).

С XIV в. территория современной Белоруссии входила в состав Великого княжества Литовского, а с XVI в. – в Речь Посполитую. Местное градостроительство включается в систему не только восточноевропейской, но и западной архитектуры (рис. 133, 134). Один за другим белорусские города получают магдебургские права. Ядром города уже становится не великокняжеская резиденция, а здания магистрата, ратуша, представительные культовые сооружения различных религиозных орденов и братств, рыночная площадь с домами-лавками и торговыми рядами. На смену прежней приходит новая градостроительная схема: град-посад с торгом посередине. Последний – средоточие общественной и торгово-экономической жизни города. Древний детинец утрачивает свое значение, развитие города нередко идет в новом направлении. В городах XIV–XVI вв. "град" скорее понимается как частновладельческий замок, расположенный поблизости от города (рис. 135).

Дворы зажиточных мещан по набору построек напоминали фольварочный комплекс: жилой дом из нескольких горниц, сеней, кухни, каморы, несколько клестей, хозяйской и даже гуменный комплекс. Городская усадьба обносились прочным частоколом или оградой из бревен, закинутых в шулы (угловые крепления столбовой конструкции), имела прочные тесовые ворота, была вымощена изнутри накатом из жердей. Мощенные улицы и дворов с организацией водоотвода известно с XI–XII вв. "Чертеж города Витебска 1664 года" показывает, что в XVII в. город имел мощные деревянные укрепления с двух- и трехъярусными башнями, деревянные церкви. Жилые дома городских фасадов представляли собой деревянные хоромы в два-три этажа с галереями и башней дворовой церкви (часовни) (рис. 136, 137).

После присоединения земель Белоруссии к Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. правительство осуществило ряд мероприятий по реконструкции городов, направленных на ликвидацию планировки феодального периода. Уничтожались земляные укрепления, спрямлялись и упорядочивались улицы. На протяжении XIX в. разрабатывались и осуществлялись генеральные планы Минска, Витебска, Могилева, Гродно и многих провинциальных городов (рис. 138). Внедрялась квартальная (ампирная) планировка. Наряду с традиционными торговыми и культовыми сооружениями строились административные, учебные здания, театры, благотворительные учреждения, вокзалы, заводы, пакгаузы, электростанции (рис. 139). Появились водопровод, конка.

Статистика начала XX в. свидетельствует, что в 1910 г. площадь крупнейшего города Белоруссии – Минска – составляла 2057 десятин, из них селитебной территории было 1263 тыс. кв. саженей. Число строений достигало 7639, из них 1262 – каменных, 6166 – деревянных, 211 – каменно-деревянных. 2510 домов были накрыты кровельной жостью, 5166 – гонтом, дражкой, тесом, 10 – черепицей. Мощенные

Рис. 137. Ратуша в Витебске. XVIII в.

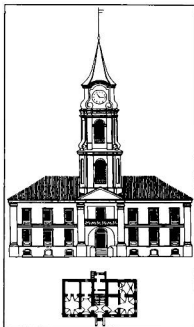

Рис. 138. Застройка Минска. XVII–XVIII вв.

Рис. 139. Панорама Троицкого предместья в Минске. XIX в.

улицы составляли 16,5% селитебной территории, бульвары и тротуары – 11,2%, улицы, обсаженные деревьями, – 1,8%. Городские сады и площади составляли соответственно 3,3 и 2,2%. На одного жителя приходилось 12,7 кв. сажени земли, в то время как в Гродно – 17,6, в Витебске – 21,4, в Вильне – 23,8, в Могилеве – 36,8. На одно жилище в Минске приходилось 13,1 человека, в то время как в других центрах западных губерний – от 11,7 (Витебск) до 22,8 (Ковно) человека. Для провинциальных городов эта цифра колебалась от 6 до 20 человек. Городские жилые дома состояли в основном из двух жилых половин.

Главным строительным материалом городов Белоруссии и Прибалтики было дерево, 70% всех жилых строений были деревянными. Для Белоруссии этот процент, безусловно, был выше. По числу каменных строений на первом месте был Гродно (40%), а на последнем – Витебск (11%). Высоким процентом каменной застройки выделялись отдельные уездные города (Лиды – 47%, Брест – 42%). В большинстве провинциальных городов, наоборот, доля каменной застройки составляла менее 1% (Быхов, Сенно, Чаусы, Лепель, Речица). По числу деревянных крыш среди губернских городов Белоруссии первое место занимал Минск (67%), за ним следовал Могилев (63%). В городах Гродненской губернии 36% кровель составляли черепичные, 36% – драночные и гонтовые, 18% – железные. Во многих уездных городах и местечках преобладали соломенные крыши (Одесса – 84%, Ключаны – 82%, Дрогичин – 76%). По числу крыш из кровельной жести на первом месте стоял Гродно (40%), далее – Могилев (37%) и Минск (33%). Среди уездных городов выделялся Брест (71%). По относительной протяженности мощеных улиц первенствовал Гродно (81%), далее шли Минск (42%), Могилев (37%) и Витебск (35%). Минск и Могилев входили в число 14 городов севе-

ро-западной части России, имеющих тротуары протяженностью от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ длины улиц. Гродно входил в состав 9 городов, имевших протяженность тротуаров не менее, чем на $\frac{3}{4}$ длины улиц. Витебск, Дисна, Пружаны не имели тротуаров вообще.

Для восточнобелорусских городов, включая Минск, в XIX – начале XX в. были характерны преобладание деревянной жилой застройки, низкий процент благоустроенности улиц. В западных регионах – наоборот, высокий удельный вес каменной застройки, черепичных и железных крыш, благоустроенных улиц. Данное явление можно рассматривать как результат взаимовлияния с Прибалтикой и Польшей.

Рост частного сектора в условиях развития капиталистических отношений в белорусских городах во второй половине XIX – начале XX в. начал нарушать четкую градостроительную систему первой половины прошлого столетия. Росли предместья ремесленников и торговцев, рабочие слободы. Дом на две половины на кирпичном фундаменте или каменном подвале ("суцере"), флигель, хлев, огород, сад, тесовые ворота – таков был типичный вид городской усадьбы начала XX в. Планировка городского жилища в этот период базировалась на модуле, включающем крыльцо, переднюю с кладовой, две-три жилые комнаты и кухню, крыльцо с дворовой стороны. Из таких модулей состояли дома на две, три, четыре жилые части.

Интерьер городского жилища выделялся наличием печей, отделанных изразцами (преимущественно белыми, гладкими), оклейкой стен обоями (в Минске имела крупная обойная фабрика). У наиболее зажиточных граждан стены и потолки могли быть оштукатурены и украшены лепниной, филенчатые двухпольные двери

с латунными ручками – выкрашены в белый цвет. Мебель простого ремесленника включала стол, шкаф, кровать, несколько стульев, верстак; у богатой мещанки, сдающей дома в наем, были зеркала, пианино, венские кресла, шкафы и буфеты в стиле модерн.

Деревянные городские дома имели обивку стен из отесанных досок, украшенные резьбой наличники, ставни, карнизы и фронтоны, кованые ажурные консоли, поддерживающие навесы крылец.

Каменные особняки и доходные жилые дома с XIX в. группировались в центральной части городов. Это были двух-трехэтажные строения, образующие сплошную уличную застройку, прерываемую проемами арок (Минск, Гродно, Витебск, Могилев, Гомель, Полоцк, Пинск). Архитектурное решение фасадов имело очевидный отпечаток эклектики (сочетание пилястр, сандриков, карнизных поясов, аттиков, выделение входов ризалитами и т.д.) (Локотко, 1991). В конце XIX – начале XX в. улицы и кварталы каменных доходных домов часто решались в архитектуре модерна, что находило проявление в башенном завершении углов кварталов, наличии мансард и мезонинов, сложном очертании окон, в богато декорированных лепниной фасадах, балконах, эркерах и т.д.

В послереволюционный период началась планомерная реконструкция городов Белоруссии. Градостроительные изменения в первую очередь были обусловлены изменением социальной и хозяйственной структуры. Менялись функции административных и культовых строений, сооружений торговли и сферы обслуживания. В корне менялась жилищная политика: национализировались доходные дома, особняки, резиденции. Жилища, заселенные ремесленниками и лавочниками, передавались рабочим семьям. В крупных городах появились новые площади, застроенные представительными зданиями учреждений власти и управления, расширялись и спрямлялись центральные улицы в связи с организацией сети общественного транспорта. Возникли новые типы зданий: дворцы культуры, кинотеатры, стадионы и спортивные сооружения, комплексы высших и средних учебных заведений, универмаги и т.д. Реконструировались и создавались новые скверы, сады, парки, водоемы. Уже в 1930-е годы в таких городах, как Минск, Гомель, Витебск, Могилев, началось строительство многоэтажных жилых домов. Возникли крупные жилые районы.

Во второй половине XX в. очередной этап реконструкции городов республики был обусловлен восстановительным периодом после окончания Великой Отечественной войны. За первые десять послевоенных лет города Белоруссии не только встали из руин, но и выросли, обрели облик, соответствующий современным градостроительным и эстетическим идеалам. В 1960–1970-е годы в русле решения проблем расселения, хозяйственно-экономического и индустриального развития в масштабах всей республики началась разработка генеральных планов застройки городов на период до двухтысячного года. При этом в структуре городов вычленились сферы общественно-культурной жизни (театры, музеи, выставочные и спортивные комплексы, зоны массового отдыха), центры торговли (универсальные торговые комплексы и рынки), зоны учреждений науки и учебных заведений. Жилищная проблема решалась созданием крупных многоэтажных жилых микрорайонов, в каждом из которых имелись объекты социального обслуживания местного значения (кинотеатры, магазины, школы, детские сады, поликлиники) (рис. 140). Промышленные и энергетические зоны были вынесены за пределы городской черты, вдоль границы которой создавались зеленая зона (лесопарковый пояс).

Городские структуры и зоны связывались сетью транспортных коммуникаций (автомагистралей) местного, районного и общегородского значения.

Рис. 140. Ансамбль застройки в районе Комаровского рынка в Минске. 1970–1990-е годы

Рис. 141. Высотные дома микрорайона Уручье в Минске. 1990-е годы

Градостроительный образ определялся применением экстравагантных форм, высотными силуэтными композициями вокруг представительных доминант. Общественные здания и сооружения строились по индивидуальным проектам, часто как уникальные (театры, дворцы культуры и спорта, стадионы, гостиницы). Жилая застройка велась по типу многочисленных серий, ленточных, блочных, "точечных" зданий. Новые формы и пространственные решения внедрялись в промышленную архитектуру. Основным строительным материалом были кирпич и бетон. Определилось преобладание сборного панельного строительства в жилых микрорайонах и на промышленных предприятиях.

В последние десятилетия наметилась тенденция отказа от сплошной унификации и серийности в застройке городов. Возникла потребность в сооружениях, имеющих индивидуальный облик, эмоциональное содержание в архитектуре. Усилилось тяготение к объемам со сложным силуэтом, светотеневыми и цветовыми отношениями. В архитектуре общественных зданий появились анодированные металлические переплеты, тонированные стекла, стеклопластика. Наряду со сборным начинает развиваться и монолитное строительство. Появляются высотные жилые дома. Микрорайоны стали наряднее, привлекательнее за счет применения цветных панелей и панелей с пластической обработкой (рис. 141). Архитектурные формы промышленных комплексов обрели ярко выраженное подчинение технологии. Стала очевидной необходимость сохранения и реставрации исторических зон городской застройки, увеличения площадей зеленых массивов, декоративных бассейнов и водоемов.

Новую проблему поставили рост пригородной индивидуальной застройки, дачных районов и создание в перспективе, помимо микрорайонов, коттеджных жилых зон городов.

АРХИТЕКТУРА

Помимо традиционного народного жилища, в Белоруссии исторически разнivalась и монументальная архитектура. В значительной мере ее облик был связан с геополитическими процессами, историческими периодами эволюции государственности, роли в международных отношениях (*Чантурия, 1977*).

Становление белорусского монументального зодчества относится к историческому периоду, известному в науке как период Киевской Руси. В IX—XII вв. на территории современной Белоруссии возникают города, центры удельных княжеств и земель: Полоцк (Полоцк), Берестье (Брест), Минск (Минск), Городня (Гродно), Пинск, Туров. Идейным и духовным содержанием общественного сознания в этот период было принятие христианства. Союз религии и власти князей обрел выражение в утверждающих новые общественные устои храмах, восхваляющих божественную мудрость. Одним из первых монументальных культовых сооружений Киевской Руси является Софийский собор в Полоцке (заложен в середине XI в.). Близкий к квадрату в плане он был разделен на пять нефов, перекрытых системой сводов. Три его апсиды имели производную от деревянной архитектуры граненую форму. Интерьеры были украшены многочисленными фресками.

В середине XVIII в. зодчий Ян Криштоф Глаубиц возводит над остатками полоцкой Софии новый, барочной архитектуры, двухбашенный храм, униатскую базилику. Причем ось нового храма по отношению к оси старого была повернута

Рис. 142. Спасо-Евфросиньевская церковь в Полоцке. XII в.

на 90°. В настоящее время вскрытые археологами части фундаментов, трех апсид и внутренних столбов храма XI в. экспонируются в специально оборудованном под полом храма XVIII в. пространстве.

В первой половине XII в. в Полоцке зодчим Иоанном возводится собор Спасо-Евфросиньевского монастыря: шестистолпная одноапсидная постройка с куполом (рис. 142). В XII в. в Полоцке, в предместье Бельчицы возводится комплекс Борисоглебского монастыря. Предполагается, что здесь находилась укрепленная княжеская резиденция. Наиболее значительный из памятников комплекса – церковь Бориса и Глеба, построенная зодчим Иоанном. Ее архитектура близка собору Спасо-Евфросиньевского монастыря.

В XII в. монументальные храмы возводятся в Гродно (Нижняя и Коложская церкви), Минске, Волковыске, Турове. Основным строительным материалом являлись камень, плинфа – вид кирпича X–XII вв. В зависимости от соотношения камня

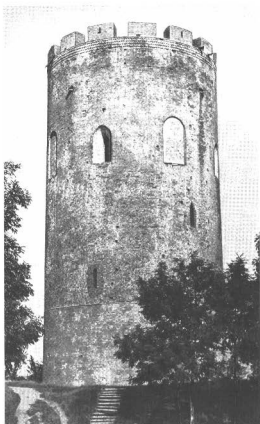

Рис. 143. "Белая Вежа". XIII в. Г. Каменец Брестской обл.

и плинфы и способов кладки последней выделяются определенные архитектурные школы (Полоцкая, Гродненская, Туровская и др.). Византийский прием кладки плинфы с выступающими и утопленными рядами в XII в. был широко распространен и в Белоруссии. Выступающие ряды плинфы окрашивались в белый цвет. Уникальным памятником оборонного зодчества XIII в. является знаменитая Белая Вежа в Каменце (Брестская область) – "столп камен высоты 17 сажень" (рис. 143). Ее наружный диаметр 13,6 м, толщина стен 2,5 м. Фундамент, стены и своды башни выполнены из крупноразмерного кирпича. Пять ярусов, обозначенные узкими окнами-бойницами, между собой были связаны деревянными лестницами. Начиная с третьего яруса подняться наверх можно было по каменным ступеням в стене. Монолитность объема, скупые ниши бойниц, венчающий пояс

зубцов делали облик Белой Вежи суровым и величественным. Расположенная на холме, она доминировала над окружающим ландшафтом и селениями.

В XII–XIV вв., в пору феодальной раздробленности, растет роль оборонительных сооружений. Важные в стратегическом, политическом и торгово-экономическом отношениях города Белоруссии обретают крепости и замки (Гродно, Новогрудок, Лида, Крево). В последующие столетия этот перечень продолжают укрепления и замки в Любче, Мире, Клецке, Несвиже, Слуцке, Глуцке, Стрешине, Рогачеве и других городах, образуя широко протянувшуюся с юго-востока на северо-запад дорогу замков (рис. 144–146). Архитектура замков Белоруссии XIII–XIV вв. отличалась фортификационной целесообразностью: периметром стен с двумя расположенными по диагонали башнями (Лида, Крево) или более сложной пространственной структурой с несколькими башнями различной конфигурации (Гродно, Новогрудок). Материалами были бутовый камень, кирпич, дерево.

В конце XIII–XIV в. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского, а с XVI в. – в состав Речи Посполитой. Монументальное зодчество Белоруссии вступило в контакт со средневековой архитектурой Западной Европы, архитектурой готики, ренессанса.

Пожалуй, самым ярким представителем белорусской готики является Троицкий костел 1472 г. в д. Ишкольд Барановичского района Брестской области. У него небольшой прямоугольный неф с пятистенной апсидой. Звездчатые и нервюрные своды, наружные контрфорсы, высокая щипцовая крыша, фигурный фронтон, выразительность которого усиливают плоские ниши, стрельчатые окна и проемы дверей, с одной стороны, подчеркивают характерную для готики монументальность, с другой – необычную пластичность (рис. 147).

В XV–XVI вв. в Белоруссии появились так называемые храмы оборонного типа, восходящие истоками к архитектуре замков и крепостей Европы романского и готического периодов. В д. Сыковичи Зельвенского района Гродненской области сохранилась церковь оборонного типа, возведенная в конце XV – начале XVI в. (рис. 148). Близкий к квадрату неф имеет трехапсидное завершение и четыре угловые грансные башни, высокую щипцовую крышу, крестовые своды с нервюрами, треугольный фронтон с несколькими рядами ниш. У трех апсид храма общая крыша, благодаря различию системы ступенчатых арок на стыках апсид в верхней части, – прием, характерный для монументального зодчества Великого княжества Литовского. В целом памятник имеет готический облик. Исключение составляет арочный поясок на апсидах и фланкирующих их башнях, который можно отнести к особенностям архитектуры времен Киевской Руси.

Еще одним образцом является церковь оборонного типа в д. Мурованка Шучинского района Гродненской области, первой половины XVI в. (рис. 149). Главный неф переходит в полуциркульную апсиду и фланкирован четырьмя круглыми башнями с внутренними винтовыми лестницами. Система нервюр и звездчатых сводов отличается тонкостью и изяществом. Со стороны главного фасада крышу фланкирует характерный готический высокий щипец с арочными проемами и нишами, которые переходят на стены и башни, придавая им богатую светотеневую пластику. Спаренные полуциркульные ниши с замком близки каменному зодчеству Руси.

В 1603–1606 гг. в местечке Коман (ныне Поставский район Витебской области) был возведен костел, западный фасад которого фланкирован цилиндрическими башнями (высота 16 м, диаметр 5 м) с круглыми амбразурами. Стена фасада переходит в треугольный фронтон, на котором расположены четыре ниши, две из которых имеют амбразуры.

Готические черты наблюдаются в костелах XVI в. в д. Гнезно Волковысского района и в д. Чернавчицы Брестского района.

*Рис. 144. Замок в Мире.
XVI–XVII вв. Кореличский р-н
Гродненской обл.*

*Рис. 145. Въездные ворота и баш-
ня замка в Несвиже.
XVII–XVIII вв. Минская обл.*

Рис. 146. Замок в Несвиже. XVII–XVIII вв.

Рис. 147. Костел 1472 г. Д. Ишкольд. Барановичский р-н Брестской обл.

Рис. 148. Церковь оборонного типа. Д. Сыковичи Зельвенского р-на Гродненской обл. XV–XVI вв.

Рис. 149. Церковь оборонного типа. Д. Мурованка Щучинского р-на Гродненской обл. XVI в.

Широкий след в архитектуре Белоруссии оставила эпоха ренессанса: в замковом, культовом, усадебном и дворцовом строительстве. Ренессанс в замковой архитектуре наиболее ярко представлен замком в пос. Мир Гродненской области (XVI–XVII вв.). Его архитектура – символ феодальной эпохи. Мощные, сложенные из камня и кирпича стены и башни защищали богатый дворец. Стены образуют прямоугольный, перекошенный план и фланкированы по углам башнями. В середине западной стены – башня с въездными воротами. Высота стен равнялась 13 м при толщине у основания 3 м. Двухметровые башни первоначально имели характерный готический декор в виде выслепленных ниш, контрастирующих с красным фоном кирпичной стены. После сооружения в XVII в. дворца в стиле ренессанса башни (за исключением въездной) также обрели ренессансный облик, были оштукатурены и облицованы тесаным камнем.

Замок в местечке Любча Новогрудского района Гродненской области, возведен в XVII в. и имел четыре башни, из которых сохранились две, сложенные из кирпича и валунов. Главная башня, кубическая в основании, переходит в восьмигранник, крытый шатром. Внутри территории замка находятся постройки XVIII–XIX вв., возведенные на месте дворца XVII в.

Гуманистические идеи Ренессанса сменили в архитектуре суровость готики и скупость крепостных и замковых форм на формы дворцовой, светской архитектуры, олицетворяющие оптимизм, эмоциональность, демократичность мировоззрения. Крепостные стены и башни утрачивают впечатление неприступности и обретают дворцовые черты. Дом-крепость в Гайтуняшках (Вороновский район Гродненской области) – тому пример. Главный строитель и заведующий королевскими строениями Петер Нонхарт, выходец из Фландрии, вместе со своим сподвижником Ван Доденом в 1633 г. возвели эту резиденцию: миниатюрный замок с четырьмя круглыми угловыми башнями.

Выдающийся памятник архитектуры Белоруссии – Несвижский дворцово-замковый комплекс (Минская область) с парком и ирригационной системой. Каменный замок в середине XVI в. был заложен на месте деревянного укрепления зодчим Яном Марией Бернардони. Замок имел вал двадцатиметровой высоты, был окружен глубоким рвом с подъемным и разборным мостами. За укреплениями находились дворцовые корпуса. Главное здание, резиденция Радзивиллов, – трехэтажное, с восьмигранными угловыми башнями, рядом – корпус казарм с дозорной башней и сооружение подсобного назначения. Впоследствии разобренные корпуса были реконструированы и образовали замкнутый двор.

В XVIII в. центральный корпус перестраивался, обретая барочные черты: стройные пилястры, пышное лепное убранство карнизов и фронтонов. Парадный вход – через арочную брану, под сводами проезда через вал. В XIX в. вокруг замка складывался уникальный для Белоруссии парковый комплекс с аллеями, каналами, зелеными массивами, включающими множество экзотических проявлений (старый парк, японский парк, новый и английский парки). В постройках замка насчитывалось 12 залов (Королевский, Гетманский, Мраморный и т.д.), декорированных резьбой, лепниной, росписями, каминными, украшенными изразцами. Здесь находилась знаменитая Несвижская галерея (около 3 тыс. полотен), библиотека, состоящая из 20 тыс. томов.

Среди иных памятников архитектуры Несвижа следует назвать фарный костел, возведенный Бернардони в конце XVI в. и являющийся прообразом церкви Иль Джезу в Риме. Рядом с костелом – башня конца XVI в. с разновеликими проемами. Карнизы и тяги проемов и создают с тоном кирпичной стены яркий контраст.

Случая брама некогда входила в систему городских украшений со стороны Слуцкого тракта, ратуша была возведена после получения городом в 1586 г. магдебургского права.

В XVI–XVII вв. начинает формироваться застройка Верхнего города в Минске. Здесь возводятся ратуша, группа храмов и монастырей, дома крупных торговцев, чиновников, феодалов.

Кафедральный собор (бывший костел бернардинок) в комплексе с монастырем был заложен в 1542 г. и достраивался вплоть до XVIII в., обретая в конечном итоге черты барочного сооружения (рис. 150). Ориентированный на запад главный фасад фланкируется пятиярусными башнями с пиластрами, арочными нишами и проемами. Рядом в середине XVII в. был воздвигнут костел и монастырь бернардинцев, главный фасад которого решен в виде криволинейного в плане и в завершении цита с пиластрами и профилированными карнизами, типичными для барокко (памятник реставрирован в 1983 г.).

Западнее Кафедрального собора, на углу улиц Немиги и Островского (бывшей Раковской) во второй половине XVIII в. была возведена Екатерининская церковь. Трехнефный план с граненой апсидой, квадратные в плане башни, фланкирующие фасад, напоминают черты храмов оборонного типа. В конце прошлого столетия были видоизменены фасады и башни храма, над средним нефом возвели купол, который впоследствии был разобран. В ходе реставрации, завершенной в конце 1970-х годов, памятнику максимально возвращен первоначальный облик.

В ансамбле Верхнего города доминирующую роль играл возведенный в XVIII в. фарный (иезуитский) костел, а также несохранившаяся ратуша XVIII в. – памятники архитектуры барокко. Реставрация иезуитского костела близка к завершению.

Эпоха барокко оставила в архитектуре Белоруссии яркий и глубокий след. Гуманистические, просветительские идеи, распространяющиеся с барокко по Европе, способствовали развитию культурных связей, эстетических взглядов. В Белоруссию приглашаются видные европейские мастера – Глаубиц и Спамани, Фонтана и Сакко, Пусье и Беккер и др. Барокко в архитектуре Белоруссии обрело национальные черты, ярко представленные в направлении, известном как Виленская школа. Ее лучшие представители – Ян Криштоф Глаубиц и Ян Самуэль Беккер. Кармелитский костел Успения Богородицы с монастырем в Глубоком Витебской области, возведенные в XVII в., были перестроены в 1735 г. Яном Криштофом Глаубицем. Костел имеет оригинальную композицию: основной объем фланкирован четырьмя башнями – двумя многоярусными со стороны главного фасада и двумя поменьше с противоположной стороны. Волнистые профильные тяги, сложное криволинейное завершение фронтона, многочисленные пиластры подчеркивают устремленность явись, придают сооружению легкость, богатые светотеневые соотношения при яркой белизне стен. На противоположной стороне площади, напротив главного фасада Кармелитского костела расположен Троицкий костел 1764–1782 г. (перестроен в начале XX в.). Помимо традиционных башен, в его архитектуре выделяется фигурный аттик над полукруглой апсидой.

Выдающимся памятником архитектуры барокко является костел св. Андрея в Слониме Гродненской области. Впечатляет богатство и разнообразие пластического решения: поставленные под углом к фасаду башни, глубокие ниши и слои пиластры, фигурный фронтон. Черты архитектуры рококо воплощены в скульптурном убранстве интерьера.

Яркими примерами архитектуры барокко являются фарный XVII–XVIII вв. и Бригитский XVII в. костелы в Гродно, иезуитский коллегиум XVII в., Францисканский костел XVIII в. и Варваринская церковь XVIII в. в Пинске, а также Францисканский костел XVII–XVIII вв. в Гольшанах, Крестовоздвиженская церковь 1769 г. в Жировичах Гродненской области, костел середины XVIII в. в Будславе Минской

Рис. 150. Костел и монастырь бернардинок в Минске. XVII в.

Рис. 151. Комплекс Францисканского костела в Пинске. XVIII–XIX вв.

Рис. 152. Костел базилиан. Д. Вольно Барановичского р-на Брестской обл. XVIII в.

области, Троицкий костел бернардинцев XVII в. в Друе Витебской области, и др. (рис. 151, 152).

В местечке Ружаны Брестской области, на холме, в начале XVII в. был воздвигнут замок – резиденция Салегов. Первоначально он имел оборонное значение, утраченное в ходе междоусобиц и войны со шведами. При восстановлении его придворный архитектор Сапеги Ян Самуэль Беккер превратил бывший замок в дворцовый ансамбль. Центральный и два боковых корпуса объединены мощной аркадой и въездными брамами между флигелями. Ось симметрии ансамбля соригентирована на главный корпус, включающий зал, вестибюль, парадную лестницу, расположенные в центральном объеме, выделяющемся размерами и украшенном спаренными колоннами на мощных цоколях, профилированными карнизами, пластическим убранством окон. Выполненные в стиле триумфальной арки въездные ворота, помимо центрального проезда, имеют два боковых входа.

В монументальном зодчестве Белоруссии широко представлена эпоха классицизма. Один из наиболее ярких и ранних памятников этого стиля – дворец П. Румянцева в Гомеле (1785 г.), расположенный на холме, на берегу р. Сож (рис. 153). В конце XVIII в. был возведен главный корпус, до 1805 г. возводились боковые флигеля и колоннады, в 1837–1848 гг. была достроена башня. Основной объем

интерьера – зал, обрамленный рядами колонн, элемент, характерный для дворцовой архитектуры эпохи классицизма. Располагавшиеся в дворцовых сооружениях парадные лестницы на оси главного входа, уступая место залу, сдвигаются в стороны, вокруг зала по анфиладному принципу группируются парадные комнаты, жилые комнаты – на втором этаже. Классический коринфский ордер – основной элемент декора. Дворец органично сочетается с прибрежным парковым массивом. К дворцовому ансамблю примыкает еще один памятник классицизма – Петропавловский собор 1809–1819 гг. План – в форме вытянутого креста, квадратный неф завершен высоким куполом на барабане с поясом окон. Главный вход, боковые фасады трансцента, внешняя грань алтарной части украшены шестиколонными портиками дорического ордера. Сочетание портика и купольного объема – характерная черта архитектуры классицизма начала XIX в.

Образцом раннего классицизма является бывший дом масонов в Минске, возведенный во второй половине XVIII в. В стиле классицизма возведена в 1830 г. и брама находящегося в столице Кальварийского кладбища. Из иных памятников этого стиля следует отметить Иосифовский костел, Пиаров конца XVIII – начала XX в. в Лиде (Гродненская область), Покровский собор начала XX в. в Барановичах (Брестская область), дворец губернатора в Витебске XVIII в., перестроенный в первой половине XIX в., Успенский собор в Жировичах и многие другие.

В начале XIX в. появляются заказы на монументальные сооружения и среди заказчиков все чаще встречаются представители так называемых новых сословий: купцы, чиновники, домовладельцы. Они стремятся утвердить свой авторитет, возвращаясь к старым, апробированным временем идеалам. Возврат к истокам архитектурных форм присутствовал и в официальной, имперской архитектуре, проповедующей традиции русского и псевдовизантийского зодчества. Так началась эпоха, известная в архитектуроведческой науке как эпоха историзма, объединяющая периоды ампира, модерна, эклектики.

В 1839 г. в местечке Косово (ныне Брестская область) был заложен дворец Пусловских (рис. 154). В его строительстве и создании парка принимали участие известные зодчие В. Маркони и Ф. Яшольд. Плановый комплекс имеет характерный классицистический план: центральный корпус с зальным пространством и два флигеля на флангах. Но многочисленные крепостные башни и башенки, придающие всему ансамблю романтические черты готического средневековья, свидетельствуют об использовании в его сооружении исторических традиций.

К стилю историзма относится и псевдоготический костел Симеона и Елены, возведенный в 1908 г. в Минске по проекту архитекторов В. Маркони и Г. Пояздерского (рис. 155). Под "готику" выполнен и костел начала XX в. в Вилейке (Минская область). В традициях русской архитектуры (древнерусского или византийского зодчества) возведены собор и колокольня в г. Борисове. Собор был построен в 1874 г. по проекту архитектора П. Меркулова и представляет собой семикупольный храм с центральным, кубической формы нефом, переходящим в шатер, приделом, боковыми нефом и алтарем. В 1907 г. по оси главного входа по проекту архитектора В. Струева была возведена колокольня (рис. 156).

Из памятников рядовой гражданской застройки города XVIII – начала XX в. следует назвать комплексы исторической застройки Раковского и Троицкого предместий в Минске. Оба названных района возникли еще в XII–XIV вв., в период формирования древнего окольного града. К настоящему времени сохранились каменные здания XVIII – начала XX в.: особняки, доходные дома, бывшие лавки и др. В 1987 г. реставрация Троицкого предместья была закончена, реставрация Раковского предместья продолжается.

Рис. 153. Дворец П. Румянцева в Гомеле. XVIII–XIX вв.

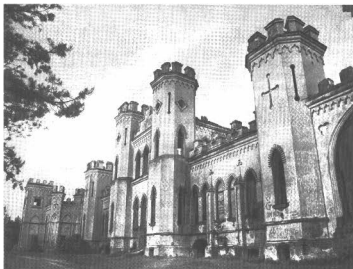

Рис. 154. Дворец в Коссово. XIX в. Ивацевичский р-н Брестской обл.

Рис. 155. Костел Симсона и Елены в Минске. 1908 г.

Рис. 156. Собор в г. Борисове. Конец XIX – начало XX в.

Рис. 157. Дом Правительства в Минске. 1930-е годы

Рис. 158. Застройка по проспекту Ф. Скорины в Минске. 1948–1954 гг.

В 20–30-е годы нашего столетия в архитектуре Белоруссии появился ряд памятников, олицетворяющих как новое по тем временам направление конструктивизма, так и новую трактовку классицизма. Примерами первого направления являются возведенное в 1929–1934 гг. здание государственной библиотеки в Минске (архитектор Г. Лаврова), кинотеатр "Красная Звезда" в Могилеве, 1930–1931 гг. (архитектор Э. Лоссер), Дом печати в Минске, 1931 г.

Второе направление представлено творчеством И. Лангбарда. По его проектам в 1930-е годы в Минске были возведены Дом Правительства (рис. 157), Оперный театр, Дом офицеров, здание Президиума Академии наук. В композиции сооружений доминируют вертикальный ритм, силуэтные соотношения объемов, лишенных декоративной пластики, тектонических и выразительных. Традиционные колонны и пилястры утрачивают привычные ордерные капители, карнизы венчают широкие аттики, фойе и залы украшаются стеклянными витражами. В аналогичном стиле возведено и здание ЦК КП Белоруссии (ныне Резиденция Президента республики) (архитекторы А. Войнов и В. Вараксин).

В послевоенное время, в ходе восстановления и реконструкции городов Белоруссии возводятся сооружения, призванные выразительными средствами архитектуры запечатлеть настроения апофеоза победы в Великой Отечественной войне, эмоционального подъема и оптимизма в отношении будущего. Вновь взоры зодчих обращаются к классицизму, к формам которого добавляется значительное количество пластического декора (лепные украшения, фасадная скульптура и т.д.). Наблюдается и возврат к формам модерна. Примером может быть ансамбль застройки Ленинского проспекта в Минске, наиболее представительные здания которого были запроектированы В. Королем, М. Парусниковым, В. Вараксиным, И. Фоминым, Б. Рубаненко, М. Барщем и др. (рис. 158). Появляется ряд монументальных сооружений – памятник Победы в Минске, 1954 г. (архитекторы Г. Заборский и В. Король).

1960–1970-е годы известны как период полного отказа от декоративных форм,

Рис. 159. Панорама проспекта П. Машерова в Минске. 1970-е годы

Рис. 160. Панорама в районе ул. Заславской в Минске. Современная застройка

повсеместно распространяется архитектура стекла и бетона. Возводится здание ВДНХ БССР в Минске (архитекторы Л. Левин, Ю. Градов), ансамбль застройки улицы Толбухина с кинотеатром "Партизан" (архитекторы Ю. Шпит и Е. Саманчук), формируется застройка проспекта Машерова (архитекторы А. Духан, А. Красовский, В. Крамаренко и др.) (рис. 159), возводятся здание Дворца спорта (архитекторы С. Филимонов, В. Малышев), новые мемориальные комплексы: памятник

Я. Купале, 1973 г., и монументальный ансамбль на площади Я. Коласа в Минске, Курган Славы, 1969 г., монументальный комплекс "Хатынь", 1970 г., ансамбль "Брестская крепость-герой", 1971 г. (Войнов, 1987).

В 1980-е годы зодчие вновь обращаются к поиску выразительных форм, современному осмыслению архитектурной пластики. Следует отметить здание драматического театра в Гродно, комплекс жилых и общественных зданий "Габрово" в Могилеве, кинотеатры "Октябрь", "Москва", гостиница "Беларусь", здание проектных организаций на проспекте Машерова в Минске, комплекс зданий аэропорта Минск-2. Силуэтность и цветовое разнообразие приобретает застройка микрорайонов: "Немига", "Восток", "Зеленый Луг", "Юго-Запад", "Запад", "Веснянка" в Минске, "Мир-I" и "Мир-II" в Могилеве, "Фестивальный" в Гомеле, комплекс застройки по ул. Горького в Гродно и др. (Архитектура Беларуси, 1994) (рис. 160).

В формировании современной городской среды применяются монументальные формы: мемориал "Борцам за Советскую власть в г. Могилеве", 1982 г. (скульптор Л. Гумилевский, архитекторы К. Алексеев, А. Иванов); памятник-обелиск "Минск – город-герой", 1985 г. (скульптор В. Занькович, архитекторы В. Крамаренко и др.).

В последние годы в архитектуре общественных зданий наблюдается возврат к спокойной и уравновешенной композиции, монументальности форм, классицистичности стиля: это – Общественно-культурный центр "Минск", Дворец Республики, здание Администрации Центрального района в Минске и др.

Развитием проблемы синтеза архитектуры и декоративно-монументального искусства является сооружение станций первой и второй очереди Минского метрополитена. Следует отметить станции "Площадь Якуба Коласа" и "Купаловскую", решенные в национальных традициях.

ОДЕЖДА

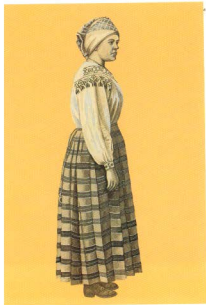
Традиционный костюм. Ансамбль одежды, называемый костюмом, соединяет в себе компоненты одежды и предметы украшения. История костюма тесно связана с историей народа, с укладом его жизни, с социально-экономическими условиями. Тесная связь прослеживается с религиозно-моральными требованиями и эстетическими вкусами. В жизни общества одежда выполняла ряд функций, в их числе социально-сословную, магическую, обрядовую, а также отражала возрастную и имущественную принадлежность человека, но прежде всего – утилитарную и эстетическую. С развитием общества одежда постоянно изменялась, в то же время в ее покрое, характере украшений, названии отдельных деталей обнаруживается определенная устойчивость.

У белорусов, которые с давнего времени занимаются земледелием и разведением домашних животных, основным сырьем для изготовления одежды с древности и почти до настоящего времени были волокна льна, конопля, кожа и шерсть животных. На протяжении веков весь процесс обработки сырья от начальных стадий до изготовления готовых предметов одежды проходил в домашних условиях. В домашних условиях окрашивали нитки и ткани, а также зачастую обрабатывали шерсть и кожи, из которых шили верхнюю одежду, головные уборы и обувь (см. цв. вкл.). В конце XIX–начале XX в. в связи с развитием капитализма и проникновением его в хозяйственную деятельность и сельский быт произошли значительные изменения в одежде и прежде всего в выборе материалов, из которых она изготовлялась. У крестьян появилась одежда из покупных фабричных тканей, сшитая по городскому образцу. Покупные головные уборы и обувь также изменили общий вид традиционного костюма. Изменились качество ткани и ее расцветка. В цветовой гамме традиционной белорусской одежды преобладал белый цвет (белое полотно, белое сукно). Во второй половине XIX в. ткани домашней выработки стали окрашивать в разные цвета – коричневый, желтый, красный и др. (рис. 161, 162).

Изменения в материале и покрое наиболее коснулись одежды молодежи, тогда как у старшего поколения долгое время сохранялись архаичные черты в общем облике костюма, покрое, расцветке отдельных его частей.

Нательная одежда. Общий комплекс традиционного белорусского костюма как у мужчин, так и у женщин складывался из нательной одежды ("сарочки") и набедренной, которая прикрывала бедра ("спадница", мужские штаны). Поверх этой легкой одежды надевали короткую безрукавную или с рукавами суконную одежду. Умеренно континентальный климат с длительной снежной зимой и часто прохладным летом на территории проживания белорусов был определяющим фактором в появлении разнообразной теплой одежды из сукна и мехов. Нательная и верхняя одежда дополнялась поясом (плетеным, вязаным, тканым из нитей или кожаным).

Древнейшим компонентом белорусского женского и мужского костюма была *нательная сорочка*, которую шили из белого полотна, изготовленного из растительных волокон (льна, конопля). Известно, что важнейшим показателем национального типа одежды является ее покрое, иначе – определенное соединение в одно целое отдельных конструктивных деталей. Основу сорочки ("рубэхі",

Женщина в "панове".
Д. Пьянково быв. Оршанского окр.
Конец XIX—начало XX в.

Женщина
в традиционном костюме.
Д. Полоница Кричевского р-на
Могилевской обл.
Конец XIX—начало XX в.

Девушки в нарядных костюмах.
Брестская обл.
Начало XX в.

Женщины
в традиционных костюмах.
Малоритский р-н Брестской обл.
Начало XX в.

Пояс тканый.
Краснослободский р-н Минской обл.
Конец XIX—начало XX в.

"Венок" – девичий головной убор.
Могилевская обл.
Конец XIX—начало XX в.

Женские фартуки.
Центральная Белоруссия.
Конец XIX—начало XX в.

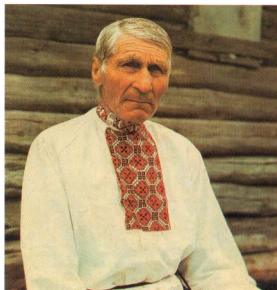

Женские сорочки с вышитым орнаментом.
Клецкий р-н Минской обл. 1958 г.

Мужские сорочки с вышивкой. Восточные районы Белоруссии.
Конец XIX—начало XX в.

Наряд сваты.
Кобринский р-н
Брестской обл.
Конец XX в.

Мужчина
в вышитой рубашке.
Гомельская обл.
Начало 1920-х годов

Костюм
невесты и "дружки".
Центральная Белоруссия.
1920-е годы

Гродненский
народный ансамбль.
танца "Раніца"

Бобруйский народный
вокальный ансамбль
"Веснянки"

Выступление Туровского народного ансамбля песни и танца. 1987 г.
Фото П.Н. Захаренко

Рис. 161. Костюм молодой женщины. Центральная Белоруссия. 1930-е годы

"кашулі") у беларусов, как и у других восточнославянских народов, составляла так называемая "станіна" из целого прямого полотна ("суцэльная") или из двух частей обычно в женских сорочках ("з подтачкай").

Простейшим типом покроя у беларусов признается туникообразный, характерной отличительной чертой которого является отсутствие шва на плечах (материал

Рис. 162. Группа белорусов в традиционных костюмах. Столинский р-н Брестской обл. Начало XX в.

просто перегибался) (рис. 163). Этот покрыв в XIX–начале XX в. у белорусов, как у украинцев и русских, был реликтовым и сохранялся преимущественно в обрядовой (похоронной) одежде. У белорусов он больше был известен в северных уездах и чаще всего использовался для мужских сорочек. Бытование этого типа покроя в районах, пограничных с литовцами и латышами, позволяет предположить, что здесь сказались тесные культурные контакты с этими народами, особенно с латышами. Этим же можно объяснить широкое распространение на Витебщине женской сорочки с "прирамками" – прямоугольными нашивками на плечах при туникообразном покрое, который являлся самым распространенным в Прибалтике.

Типичным кроем белорусской женской, а также и мужской сорочки был поликовый, при котором переднее и заднее полотнища соединялись с помощью прямоугольных вставок – поликов, "установок" из того же самого материала. Пришивались полики, как у русских на севере и украинцев Полесья, по утку. Вставки на плечах и собранный у воротника материал отличают славянские сорочки от сорочек финно- и тюркоязычных народов (Маслова, 1954. С. 44). Отличие поликовой белорусской сорочки от таковых же славянских заключается в наличии "подточки", "подставки". Старинные сорочки у белорусских крестьян шились без воротника, с простой обшивкой вокруг ворота. В праздничных сорочках пришивался невысокий (2–3 см) стоячий воротник ("каўнер"). В юго-западных областях, пограничных с Польшей, и в ряде районов других областей, где проживало много мелкой шляхты, господ-

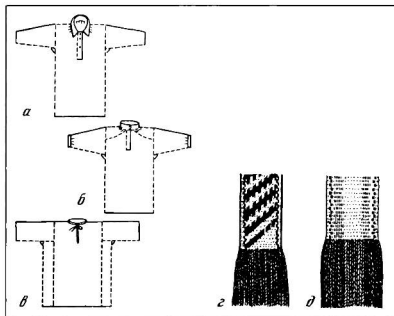

Рис. 163. Мужская одежда

типы мужских сорочек: а – туникаобразная с отложным воротником, б – с обляками, в – со швами на плечах; г, д – фрагменты тканых поясов

ствующим был отложной воротник (Беларускае народнае адзенне, 1975). Стоячий воротник застегивался на пару пуговиц сбоку или спереди, отложной – на запонку ("шпонку") или стягивался лентой или полоской цветной ткани – "спулечкай", "жычкай". Можно согласиться с мнением Д.К. Зеленина и Н.И. Лебедевой, что широкий отложной воротник у восточнославянских народов появился под влиянием польской культуры (Лебедева, 1927, Ч. 1. С. 14). Об этом свидетельствует и название сорочки с отложным воротником – "кашуляй". С широким воротником сочетались и широкие рукава с манжетами ("манкетами"), иногда наряду с вышивкой украшенные кружевом. Старинные сорочки белорусских крестьянок (особенно будничные) либо совсем не украшались, либо украшались весьма скромно простейшими затканными полосками красного цвета. Со второй половины XIX в. входит в обиход разнообразный тканый и вышитый орнамент, который размещался на груди, поликах, воротнике, верхней части рукава (см. цв. вкл.). У белорусок не принято было украшать подол, так как, по обычаю, сорочки были короче юбки. Особенно богато украшались рубахи в южных районах Белоруссии.

На рубеже XIX–XX вв., с проникновением в сельскую местность фабричных тканей и городского влияния стал изменяться колорит одежды, появляются новые виды плечевой одежды – кофты ("калтаны", "блюзки"), видоизменяется традиционный покрой сорочки. Сорочки начинают выполнять роль нижнего белья. При этом исчезают полики, длинный рукав, воротник.

Рис. 164. Компоненты традиционного женского костюма
а – "саяны", б – безрукавки, в – блузки, г – фартуки

Другим основным компонентом женского костюма является юбка – полотняная "спадница" и шерстяной "андарак".

Почти до XX в. белорусские крестьянки шили юбки преимущественно из домотканнины (полотна, сукна, полусукна) и лишь праздничные – из покупных фабричных тканей. Полотняные юбки шили из двух полотнищ, тогда как суконные андачки – из трех–четырёх–шести продольных полотнищ, равных по ширине вытканного материала, которые сшивались вместе и около пояса собирались в сборки

Рис. 165. Женщина в "паневе". Ветковский р-н Гомельской обл. XIX–начало XX в.

или складки. Юбки ("папярэчкі"), сшитые из поперечного полотнища, встречались лишь в ряде северо-западных районов. В восточных районах юбки нередко шили с лифом из того же материала, но чаще из материала другого качества и расцветки. Такие юбки назывались обычно "саянами" (рис. 164). Андарак и саяны в XVI–XVIII вв. были одеждой господствующих сословий и только в XIX в. стали встречаться у крестьян в качестве праздничной одежды. Еще во второй половине XIX–начале XX в. в ряде деревень Восточной Белоруссии встречалась своеобразная несшитая древняя поясная одежда — *панева*, широко известная у южнорусского населения (рис. 165, см. цв. вкл.).

Необходимой составной частью белорусского костюма у женщин всех возрастов в будние и праздничные дни был *фартук*. Для Белоруссии характерны полотняные фартуки, укрепленные на поясе с помощью завязок. Суконные фартуки-запаски встречались кое-где на Брестчине. Полотняные фартуки состояли обычно из 2–2½ прямых полотнищ, собранных у пояса. Длина их была чуть меньше длины юбки. Праздничный фартук украшался "натыканьем" чаще красными нитями или вышивался разнообразным рисунком разноцветными нитями

(см. цв. вкл.). Широко использовалось для украшения фартуков покупное или домашнего изготовления кружево.

Характерной составной частью белорусского женского комплекса в XIX–начале XX в. была *безрукавка*. В белорусском комплексе одежды безрукавка появилась сравнительно поздно, возможно, в XVII в., но уже в XVIII в. она была известна в городском костюме мещан. На протяжении XIX в. комплекс одежды с безрукавкой распространился и среди крестьян. Следует отметить, однако, что повсеместного распространения в Белоруссии этот комплекс не получил. Совсем не носили безрукавок в ряде мест Витебщины, Могилевщины, Гомельщины, Брестчины. В одних местах безрукавки были частью одежды только пожилых женщин, в других – они входили в девичий костюм и были обязательной принадлежностью приданого, а в замужестве только донашивались.

Безрукавка, как ни одна часть костюма (кроме разве верхней одежды), имела многочисленные названия: “кабат”, “гарсэт”, “шнуруюка”, “лейбик”, “кітлік”, “нагруднік”, “каптан”, “безрукаўка”, “станік” и др. (рис. 166). Причем названия не отражали какой-либо определенный тип покроя или характер украшений. У белорусов встречались разнообразные по внешнему виду безрукавки. По длине они были короткие – до талии – и длинные – ниже талии. Короткие шились обычно с прямой спинкой. Наиболее простой покроем длинных безрукавок – прямой, когда спинка и передние полки кроились из целого куска материала и ниже талии делались разрезы. Такой покроем преобладал в Центральной Белоруссии, на юго-западе от Минска. Длинные безрукавки с отрезным низом, собранным или заложеным в складки, более характерны для Витебщины, хотя встречались sporadически и в других районах. При всех видах покроя спереди был разрез, который шел посередине от верха до низу. По обе стороны разреза делались петли, с помощью которых безрукавка зашнуровывалась либо застегивалась на крючки, пуговицы. Как нарядная часть костюма безрукавка шилась преимущественно из покупных тканей: сукна, аксамита, парчи ярких расцветок. Кроме того, ее дополнительно украшали вышивкой, аппликацией, нашивкой галунов, металлических блесток и т.п. С XIX в. безрукавка становится составной частью и мужского народного костюма, хотя повсеместного распространения не получала.

Господствующий на всей территории мужской комплекс нательной одежды складывался из сорочки, штанов и пояса. *Мужские сорочки*, как и женские, шили из домотканого полотна, в две или более полок в зависимости от ширины холста. Известны четыре основных типа покроя: туникообразный, с поликами, на кокетке (“гестке”) и с плечевыми швами (см. цв. вкл.). Поликовый покроем чаще встречался в Полесье. Сорочки с плечевыми швами и на гестке появились в начале XX в. и sporadически на всей территории Белоруссии. Туникообразным, наиболее древним кроєм шили повсеместно рабочие, будничные сорочки. Сорочки всех типов покроя, за исключением косовороток, появившихся под влиянием городской культуры, имели прямой разрез (пазуху) по центру, длина которого достигала 35–40 см. Тканым и вышитым орнаментом украшались обычно поликовые праздничные сорочки по воротнику и манишке-планке, нашитой поверх пазушного разреза. На рукавах и по нижнему краю чаще украшались сорочки в районах южного Полесья. Носили сорочки навыпуск и обязательно подвязывали поясом. Эта национальная традиция долго сохранялась и в советское время.

Рис. 166. Типы женских безрукавок. Конец XIX – начало XX в.

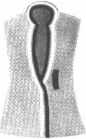
а, б – “каптан”, Гродзенская обл., в, г, д – “гарсэт”, Минская обл., е – “гарсэт”, Могилевская обл., ж, з, и – “шнуруюка”, Брестская обл., к – “кабат”, Минская обл., л, м – “кабат”. Юго-восточные р-ны Белоруссии

6

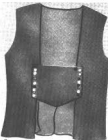
6

8

8

8

8

8

8

8

8

8

8

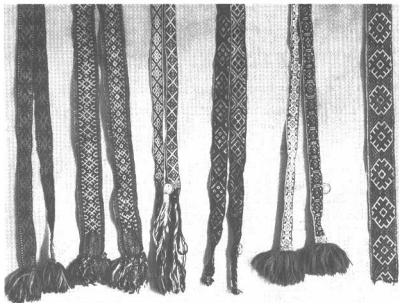
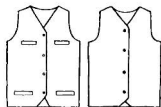

Рис. 167. Тканые пояса. Конец XIX–начало XX в.

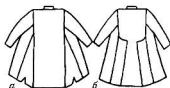
Пояс ("крайка", "акрайка", "кушак") изготавливался обычно в домашних условиях. Их ткали, вязали, плели из ниток домашнего изготовления, окрашенных в различные цвета (рис. 167, см. цв. вкл.). Белорусский пояс обычно украшался геометрическим орнаментом – ромбами, квадратами, звездами, полосками в разнообразном цветовом сочетании. Кроме матерчатых покровов, носили кожаные ремни, к которым подвешивали кожаный кошелек – "калиту" – и другие предметы мужского обихода.

Мужская поясная одежда ("порты", "порткі", "штаны") у крестьян изготавливалась из домотканого полотна и сукна (рис. 168). Из фабричных тканей шили лишь праздничную одежду. В районах Полесья белые холщовые порты у крестьян широко бытовали до 30-х годов XX в. У зажиточных слоев населения, у шляхты такие порты уже в XVI–XVII вв. выполняли роль нижнего белья, поверх которого надевались узкие или широкие штаны, мешковатые шаровары из плотных тканей – сукна, а иногда и "адамашкі".

Верхняя одежда. Весьма характерным и обязательным видом одежды с древности у обоих полов и всех сословий и классов была верхняя одежда, которая для надежной защиты от холода изготавливалась из плотных сортов сукна и мехов домашних и диких животных. Как наиболее дорогостоящий вид одежды она чаще попадала на страницы древних письменных источников и изображалась на картинах светского и церковного содержания, что позволяет более обстоятельно судить о видах, покрое и украшениях этой одежды. Верхняя одежда, как ни одна часть костюма, имела много различных названий, бытовавших в один и тот же период истории. Здесь тесно переплетались названия, широко известные в период

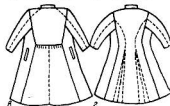

1

а

б

б

з

5

4

6

Рис. 168. Мужская верхняя одежда

1 – типы безрукавок; 2 – суконная верхняя одежда: а – “свитка”, б – “латуха”; 3 – покррой свиток: а – “з вусам”, б – с подрезными боками, в – с отрезной спинкой, г – с фалдами; 4 – короткая верхняя одежда; 5 – колузи; 6 – бурки

Древнерусского государства (древнерусские "ферезы", "мятлик", "спанча", "делия", "доломан", "охабень", "торлоп", "кожух" и др.), с названиями, известными западным и восточным соседям белорусов (русские "однорядка", "кафтан", "ермяк", "сермяга", "зипун", "охабень", "казакин", "шуба" и др., польские "кобеняк", "кунтуш" и др.). Многие названия обусловлены исключительно принадлежностью к определенным сословным группам. Так, у крестьян никогда не встречались такие названия, как "мятлик", "делия", "ферезы", "торлоп", "делюра", относящиеся к одежде господствующего сословия и княжеской знати. В то же время терминами "сермяга", "зипун" в сообщениях источников обычно называется верхняя одежда простолюдинов. Древние названия "кожух", "шуба" встречались у всех сословий феодального общества, и различие тут прослеживалось в качестве материала. Богатые сословия кожух и шубу шили из дорогих мехов: белки, кунцы, лисы, бобра и пр. Крестьянский кожух был преимущественно из овчины и отделялся также мехом из бараньих шкур. Крестьянские кожухи и шубы сверху обычно не покрывались сукном или другим дорогостоящим материалом, как это было принято у феодалов и состоятельной шляхты.

В эпоху феодализма господствующие сословия узурпировали не только право на власть, но и монополию на особый костюм. Поэтому неслучайно самым почетным подарком за хорошую службу была шуба с панского плеча. Шубами одаривали почетных гостей, дипломатов. Шубами платили контрибуции. Шубы наряду с мехами были предметом белорусского экспорта (*Копытский*, 1966. С. 210, 218).

Движение общеевропейской моды, обмен подарками, добывание одежды в бою у противника способствовали притоку новых видов одежды, украшений и соответственно – иноземных названий. Между прочим и термин "шуба", вытеснивший из обихода господствующих сословий древнеславянский термин "кожух", по мнению З. Глогера, происходит от турецкого *dzuppe* (*Gloger*, 1903. Т. 4. С. 339). Народами Восточной Европы, однако, было усвоено только турецкое название, а тип покроя – с длинными рукавами, широким отложным воротником и застёжкой впереди, посередине – напоминал исконные кожухи.

В широком обиходе у белорусских крестьян, шляхты, городского и местечкового мещанства были различные виды суконной верхней одежды. Большое разнообразие прослеживалось также в названиях, тогда как в покрое наблюдалось определенное типологическое единство. Так, например, разная по названию верхняя одежда: "спанча", "кирея", "бурка", "чуя" ("чуйка"), – шилась из плотного сукна прямым плащевидным покроем. В случае, когда эту одежду надевали в дальнюю дорогу или во время военных походов, к "спанче", "бурке", "чуйке" пристегивался башлык (рис. 169). Однотипный покрой имели "казакин", "однорядка", "кафтан", "катанка".

С отменой крепостного права в середине XIX в. в крестьянскую среду проникают некоторые виды верхней одежды господ, но сложные типы покроя, исполняемые опытными модельерами из дорогих импортных материалов, были недоступны большинству крестьян. Сословные различия сохранялись и в эпоху капитализма. У простолюдинов преобладала суконная одежда, известная под названиями: "армяк", "сермяга", "латуха", обычно из домотканого сукна.

У белорусских крестьян в конце XIX–начале XX в. зафиксировано несколько типов покроя суконной верхней одежды: прямой халатообразный крой, с неотрезной, немного приталенной спинкой, с боковыми вставками клиньями – "з вусамі", с отрезной по талии спинкой, заложенной по линии отреза в небольшие складки – "хванды", с подрезными боками и вставными клиньями. Некоторые из этих типов покроя были известны у белорусской шляхты уже в первой половине XVII–XVIII в. Древнейшим кроем, распространенным у крестьян северных районов Белоруссии,

Рис. 169. Мужчина в бурке. Брагинский р-н Гомельской обл. Начало XX в.

был прямой халатообразный, а также покроем с боковыми клиньями "з вусам", известный в белорусско-украинском Полесье. Покрой с двумя клиньями известен был в Европе с XII в. Этот покроем и в последующие века у разных сословных групп усложнялся путем увеличения клиньев.

Национальное и социальное своеобразие в верхней одежде проявилось не только в покрое, но и в расцветке используемой для пошива ткани, а также в манере украшений. В пограничной Гродненской губернии, по сообщению П. Бобровского, "Крестьяне южной части губернии носили сермяги кофейного цвета с синими или красными обшлагами. По правому берегу Буга и далее на север, в местах, пограничных с поляками (в Бельском и Белостокском у.), – сермяги или кафтаны темно-серого цвета... Одиодворцы, или бывшая шляхта Белостокской губернии и вообще мещане носили капоты или сюртуки из серого или синего сукна, обшитою белой тесьмой" (Бобровский, 1863. Ч. 1. С. 816–818).

По цвету и месту нашивки тесьмы можно было определять жителя той или иной местности Белоруссии.

Головные уборы. Головные уборы у белорусских крестьян, как показало картографирование этой реалии, были довольно разнообразны по видам. Женский головной убор, как ни одна часть костюма, демонстрировал семейное положение и возраст женщины. Белорусские бытописатели отмечали: "Как венок был признаком девичества и надевался только девушкой, так и чепец был признаком замужества".

По этим же показателям различались и прически. Известный исследователь восточнославянской народной одежды Г.С. Маслова отмечала, что белорусским девушкам свойственна общая восточнославянская прическа, характерная особенностью которой – гладко причесанные волосы с прямым пробором посередине и заплетенные в одну-две косы от затылка. На большей части территории Белоруссии количественно заплетаемых кос не имело принципиального значения. Только в Полоцком, Лепельском и Верхнедвинском районах преобладало плетение одной косы, а в южном Полесье – двух. Заплетенные косы обычно свободно свисали вдоль спины и лишь иногда их укладывали вокруг головы в виде венка. В праздничные дни девушки вплетали в косы разноцветные шелковые ленты – “стужкі”, “каснікі”, в будни – полоски фабричных тканей – “плёткі”, “уплёткі”.

У белорусских девушек, как и у других славянок, с древности головные уборы изготавливались с расчетом не закрывать макушки головы. Таковы были венки и головные повязки – “шырынікі”, “ручнікі”, “скіндачкі”. Головные повязки из тонкого, хорошо отбеленного домашнего холста шириной до 30 см при повязывании обычно складывались вдвое и завязывались на затылке. Только в конце XIX – начале XX в. эти головные повязки стали быстро вытесняться покупными или самодельными платками – “хустамі”. Однако, по обычаю, в ряде мест (Гомельская, Могилевская области) покупные платки также складывали по диагонали в несколько слоев и завязывали в виде “шырынікі” на затылке, оставляя висячие концы.

Характерным девичьим головным убором был венок (см. цв. вкл.). Основу венка составлял твердый обруч высотой 10–15 см, изготовленный чаще всего из луба. Лубяная основа одинаковой высоты по всему объему обшивалась домашним холстом, поверх которого с внешней стороны нашивалась либо яркая фабричная ткань, либо расшитый нитками, бусами, мишурой налобник. К этой основе крепились живые или искусственные цветы, зелень, крашенные перья, а сзади – разноцветные ленты. Венки с твердой основой были обнаружены в древних восточнославянских захоронениях. В Белоруссии еще в первой половине XIX в. подобные венки, только с более скромными украшениями, носили повседневно. По свидетельству Н.Я. Никифоровского, такие венки девочки начинали носить с десятилетнего возраста (*Никифоровский*, 1895. С. 120). В конце XIX в. венок воспринимался уже как праздничный головной убор, а в начале XX в. он становился сугубо ритуальным убором, надеваемым при свадебной церемонии.

Венки на твердой основе, с незакрытым верхом известны были у многих соседей белорусов славянского и неславянского происхождения (русских, украинцев, поляков, литовцев). Причем и название у всех было общее (“венюк”, “вянок”). В начале XX в. на значительной части территории Белоруссии венки с лубяной основой вытеснялись покупными свадебными венками или изготовленными в домашних условиях по образцу покупных. На проволоку, изогнутую по объему головы, нанизывались бумажные цветы обычно белого цвета, а сзади крепилась белая вуаль из тонкого ситца, марли, кисеи и др., которая свободно лежала на плечах и спине, доходя иногда до пола.

Наряду с венками из искусственных цветов в западных районах Белоруссии и в Полесье венки делались из живых цветов и зелени (руты, барвинка), которые специально для этих целей выращивались на огородах и сохранялись зелеными целый год. Венки из живой зелени известны и у соседей белорусов – литовцев.

Типичным головным убором замужних женщин на протяжении столетий и до XX в. был сложный убор, состоящий из трех компонентов: обруча, чепца и наметки

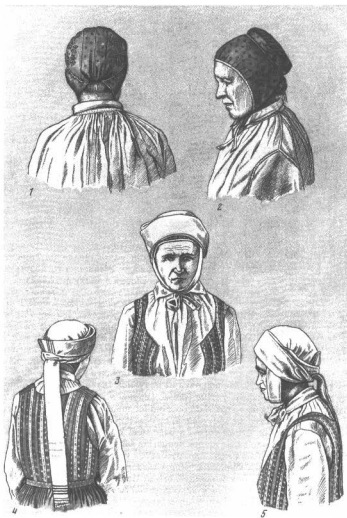

Рис. 170. Женские головные уборы

1, 2 — чепцы, 3–5 — "наміткі". Минская обл. Конец XIX–начало XX в.

Рис. 171. Женщина в костюме с намиткой. Малоритский р-н Брестской обл. Конец XIX – начало XX в.

(“наміткі”) (рис. 170). Сложный головной убор белорусских крестьянок – явление уникальное в истории уборов восточнославянских народов. Все три составных части сложного головного убора имеют древнюю историю, и каждый в отдельности имеет аналогии в costume многих народов.

Надеваемый непосредственно на волосы тонкий обруч (“кібалка”, “тканка”, “лямец”) изготавливался из подручного материала – жгута льняной кудели, гибких древесных прутьев, лубяного ободка, твердых листьев аира, которые обшивались домашним холстом. На этот обруч женщина накручивала незаплетенные волосы. Женщины господствующих сословий в эпоху феодализма также носили такие обручи-венцы, изготовленные из жемчуга, золота и др. Однако надевались эти обручи поверх распущенных или уложенных по моде тех времен волос. Эти венцы, изготовленные искусными ювелирами, не закрывались челпами, как это было принято у крестьянок.

Чепец – неглубокая круглая шапочка из покупной ткани с широкой обшивкой по краю, была распространена у европейских женщин в эпоху феодализма. Однако у господствующего сословия этот убор обычно не принято было надевать при выходе на люди. Белорусские же крестьянки, по обычаю, не показывались на люди с непокрытыми волосами. Более того – в ряде мест обычаем предусматривалось, чтобы ни волоска не было видно из-под чепца. На затылке чепец стягивался шнурком. Материал обычно был различных расцветок и рисунков, но чаще – красных оттенков. В ряде деревень Пинщины чепцы вязали из домашних суровых ниток, которые иногда окрашивали в различные цвета. Изготовленные из ситца чепцы в некоторых местностях украшали в лобной части оборками (“хвальбонками”, “фальбонами”), кружевами, бусами. У шляхтянок и городских мещанок чепцы нередко изготавливались из парчи, кружев, белой ткани с богатой вышивкой золотой ниткой. Чисто локальное бытование имели низкие, с наушниками чепцы с завязками под подбородком. Назывались такие уборы польским словом “кантур”, что свидетельствует о заимствовании их у поляков.

В начале XX в. молодые женщины в близлежащих к городам деревнях чепцы не носили, но, по старинному обычаю, повязывали под большой платок небольшой, свернутый валиком платочек.

Третьим компонентом сложного головного убора была “намітка” – белое покрывало, напоминающее полотенце (рис. 171). В эпоху феодализма полотняные

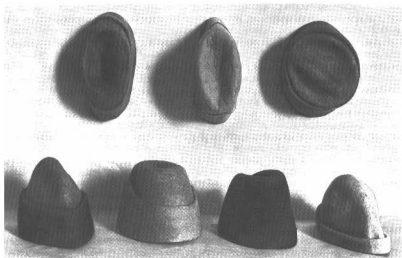

Рис. 172. Мужские головные уборы. Северо-восточные области Белоруссии. Конец XIX – начало XX в.

полотенчатые уборы были известны у всех сословий, хотя именно в этот период происходило четкое сословное размежевание, в том числе и в головных уборах. У крестьян полотенчатый убор, особенно в западнополесском регионе, стал изживаться в начале XX в., тогда как у господствующих сословий наряду с намитками уже с XVII в. появляются платки-“хусткі”, “рантухі”, которые носили в комплексе с чепцами, шляпами (“капелюшамі”). Платки и рантухи у крестьянок появились позднее (в XIX в.).

Рантухи крестьянок – обычно полосатые или клетчатые большие платки из полотна или шерсти, которые носили преимущественно на плечах. На рантухи у знати шло импортное льняное полотно либо хлопчатобумажная ткань – “бавельница”, которая в больших количествах вывозилась в Речь Посполитую из Турции и Германии (Горбачевский, 1874. С. 38). Эти рантухи украшались вышивкой цветными или золотыми нитями.

Весьма разнообразны по материалу и по форме были мужские головные уборы (рис. 172). Высокие и низкие шапки, целиком меховые или с меховым околышком, с древности широко известны у всех славянских народов и у всех сословных групп населения. Разница тут наблюдалась лишь в качестве меха и характере украшений. Мужской головной убор, как ни одна часть костюма, отражал социальный статус владельца. В зимние холода в широком обиходе белорусского крестьянина были шапки из домашней овчины коричневого, черного или серого цвета.

В эпоху феодализма, как показывает иконографический материал Радзивилловской портретной галереи (XVI–первая половина XVII в.), наиболее распространены у белорусской знати были шапки со сферическим верхом и меховой опушкой шириной почти в половину высоты, весьма напоминающие меховые шапки древнерусских князей. Изготавливались шапки из дорогих тканей и мехов: бобра, куницы, горностая. Назывались эти головные уборы общесла-

вянским словом "шапка" (от лат. *sarra*). В обиходе были и низкие меховые колпаки, которые назывались "колпаками" (от тур. *kalpak*). Колпаки шились из сукна красного цвета, бархата и обязательно подшивались мехом, чаще всего лисьим. Колпаки имели различную форму: с плоским верхом, остроконечные, цилиндрические либо немного расширяющиеся кверху. Сферические шапки и колпаки в XVI–XVII вв. носили только знатные женщины.

Типичный головной убор крестьян в XIX в. – "кучма" – изготавливался из овчины, шерстью наружу. В эпоху феодализма "кучма" была известна и у шляхетского сословия, но тогда этот головной убор был дорогостоящим, подшитым куньями и соболями.

В широком обиходе у всех сословий были суконные и войлочные мужские шапки. Кроме простых, сферической формы шапок, были известны шапки с четырехугольным верхом, сшитым из 4 кусков добротного сукна (красного, синего, желтого цвета), высокий околыш шили из натурального барашка. Подобные шапки чаще назывались "рогатівками". Кроме меховых и суконных шапок, были распространены мужские уборы из соломы и войлока. Это – различного рода широкополые шляпы ("капелюшы"). В эпоху феодализма (XVI в.) в Речи Посполитой широко было развито шаповальное ремесло (валяние, катание изделий из шерсти), особенно в местах, где процветало сукоделие. В шаповальских мастерских изготавливали различные головные уборы, которые предназначались не только для местного потребления, но также для вывоза в соседние страны. Были налажены и специальные производства по выработке войлочных шапок – "магерок" (см. подробнее о валяльном промысле в разделе "Промыслы и ремёсла"), продукцию которых вывозили в Литву и Белоруссию либо готовыми изделиями, либо заготовками (мягкий толстый войлок). В XIX в. было налажено производство "магерок" в белорусском местечке Дрибин Могилевской губернии. Войлочные магерки в XIX в. были типичным мужским головным убором в центральных и северных районах Белоруссии. Это были обычно невысокие шапки белого, чаще серого цвета с полями разной ширины, плотно прилегающими к тулье. Слово "магерка", происходящее от венгерского *maugar*, проникло на территорию Белоруссии через Речь Посполитую во времена короля Стефана Батория, поэтому у шляхты иногда подобный головной убор назывался "баторовкой". В те времена это был преимущественно шляхетский щегольской убор из бархата или сукна с украшением из перьев (АВАК, 1912. Т. XXXVI. С. 42, 152, 400). Уже в феодальную эпоху магерка становится популярным головным убором городского мещанства, а в крестьянской среде так стали называть войлочные шапки вышеописанных образцов.

В Полесье в XIX в. в обиходе были широкополые шляпы-капелюши, которые у крестьян плелись из соломы либо изготавливались из войлока. В древнебелорусских памятниках письменности упоминаются специальные мастера-капелюшники, а в ряде городов (например, Гродно) существовало цеховое производство капелюшей. Соломенный капелюш имел широкие поля, а войлочный – чаще малые. Те и другие украшались лентой обычно черного цвета, повязанной вокруг тульи. У знатного сословия в феодальную эпоху капелюши были из дорогого сукна и бархата, упоминаются также бобровые капелюши (АВАК, 1912. Т. XXXVI. С. 58). В мужских головных уборах, особенно в эпоху феодализма, различия прослеживались больше в социальном плане. При наличии общих названий материал, форма убора и характер украшений имели специфические сословные особенности. В мужских головных уборах подчеркивалась и национальная специфика, поэтому любые отступления от традиционных национальных форм отмечались в названиях. Так, появились названия шапок: "русская", "польская", "немецкая" и др.

Обувь. Основным видом как летней, так и зимней мужской и женской обуви вплоть до XX в. были самодельные, плетеные из лозы и лыка либо кожаные лапти. Сохранившиеся источники по древнебелорусской обуви свидетельствуют о бытовании кожаной обуви, изготовлявавшейся из куска кожи, "края которой были отлого изогнуты и стянуты вверх лыком, бечевой или ремешком" (*Нидерле*, 1956. С. 233). До XX в. обувь подобного типа ботвала у жителей глухих районов Белоруссии. Белорусы, как и другие славянские народы, называли ее "пасталамі", "хадакамі", "лаптямі". Следует отметить, что в Белоруссии "хадакамі" назывались кожаные лапти чаще всего у населения, которое считало себя поляками. Что касается термина "пасталы", то он у белорусов распространен более, чем сама соответствующая ему кожаная обувь. Дело в том, что в юго-западном Полесье отмечен довольно широкий регион, где так называли типичные белорусские лапти, сплетенные из лозы или лыка. Определенные физико-географические условия обитания принудили население отказаться от кожаной обуви, менее удобной в заболоченном Полесье, однако терминология оказалась более устойчивой.

Кожаная обувь типа лаптей у белорусов по способу изготовления имела две разновидности. За основу одних брали прямоугольный кусок кожи, который впереди сшивался по центру, образуя обычно острый носок. В специально проделанные отверстия по загнутым вверх краям протягивали кожаные оборы, которыми постолы крепились к ноге. Это более усложненный, более нарядный вид постолов, особенно распространенный у западных славян, и в том числе у поляков. Другая разновидность изготавливалась из куска кожи овальной формы, выкроенной по размеру ступни с припусками на борт, носок и задник. По краям также вырезались отверстия, через которые пропускались оборы. Это были "маршачкі", называемые так потому, что кожа при стигивании морщилась. Для этой обуви использовалась сыромятная коровья или телячья кожа, изготовленная либо в домашних условиях стародавними способами, либо местечковыми скорняками.

В общеславянский материал вписываются и другие виды кожаной обуви, также дожившие у белорусов до XX в. Это – сапоги, широко используемые мужчинами и женщинами всех сословий и классов. Сапоги с невысокими и высокими голенищами, плотно прикрывавшими голени, засвидетельствованы у древнерусских князей уже в источниках XI–XII вв. О типе сапог с низкими голенищами можно судить по деревянной резьбе XVI в., где изображены белорусско-литовские магнаты. Согласно источникам, уже в XV–XVI вв. у польско-литовско-белорусской шляхетской верхушки в обиход входят сапоги, изготовленные из цветной кожи (красной, зеленой, желтой). Этот обычай, по предположению Л. Нидерле, был заимствован ими у восточных народов (*Нидерле*, 1956. С. 235). У простонародья же на протяжении веков, как и в древности, кожаная обувь была преимущественно черного или рыжего цвета.

Сапоги ("боты", "чобаты"), как и кожаные постолы, носили мужчины и женщины. Еще во второй половине XIX в. сапоги, как можно судить по музейным материалам, имели толстую подошву, низкий или высокий каблук, нередко с металлической подковкой. По древнему образцу, многие из них шились на прямую колодку, без различия правой и левой ноги (*Никифоровский*. Очерки..., 1895. С. 126). У преобладающей массы белорусского крестьянства кожаная обувь до начала XX в. была преимущественно праздничной.

Это в равной мере относится к сапогам и женским башмакам – "чаравікам". Название "чаравікі" известно также с глубокой древности и весьма часто встречается в древнебелорусских памятниках письменности XVI–XVII вв. Уже в те далекие времена эту обувь, особенно для богатых сословий, изготавливали специальные ремесленники – башмачники, сапожники, проживавшие в городах и местечках Белоруссии. Женские праздничные "чаравікі" для шляхетского обихода

изготавливались из добротной кожи, обычно на высоких каблуках, с отделкой узорной строчкой, аппликацией бархатом, цветной кожей, лентами. Сбоку, но чаще спереди, они зашнуровывались разноцветной шелковой тесьмой, лентой, либо тонкими ремешками. Встречались "чаравікі" с застежкой на крючки или пуговицы, в последнем случае они и шнуровались, т.е. пуговицы, как и прорези, ставились по обе стороны разреза. Весьма глубокие истоки имеют и необходимые при ноше кожаной обуви дополнительные элементы. В сапогах с длинными и короткими голенищами использовались портянки – прямоугольные куски холстины. Короткую обувь крепили к ноге оборами (пеньковыми или кожаными), которыми привязывали и обкрученные вокруг икры портянки.

В эпоху феодализма четко прослеживалась сословная разница в кожаной обуви. Обувь малоимущих сословий отличалась от обуви зажиточных слоев населения материалом худшего качества и худшей выделки кожи. Шилась она простым фасоном и подгонялась до размеров стопы, без удлинения носка, как это было принято у состоятельных. Кроме качества и расцветки, кожаные сапоги шляхетского сословия отличались от мужицких еще и украшениями, длинными голенищами, завязками под коленом.

Весьма существенные различия в эпоху феодализма прослеживались в обуви городского и сельского населения. Археологические раскопки послевоенных лет в городах Белоруссии – Полоцке, Волковыске, Бресте, Минске и др. – на большом количестве экспонатов показали, что господствующей обувью городского населения Белоруссии была кожаная различных видов. При раскопках не обнаружена обувь, плетенная из лыка. Это обстоятельство можно объяснить либо тем, что для городских жителей она не была характерной, либо худшей сохранностью этого материала. Первое предположение более вероятно, так как нам известны сведения об этом из берестяных грамот хорошей сохранности, кроме того, и в письменных древнебелорусских источниках у горожан упоминается только кожаная обувь (хотя можно предположить, что из-за своей дешевизны и обыденности лыковая обувь могла не попасть в описи имущества или в перечни похищенного, а тем более в реестры приданого).

В свою очередь этнографические данные, даже отдаленных времен, фиксируют у крестьянского населения преимущественно обувь, изготовленную из лыка, а в ряде мест – кожаные лапти примитивных образцов. Сапоги и "чаравікі", характерные в городском обиходе с древности, у крестьян до начала XX в. были обувью праздничной и с большой бережностью передавались от отца к сыну, от матери к дочери. Многочисленные источники свидетельствуют, что лыковую обувь носили мужчины, женщины и дети при выполнении всех видов сельскохозяйственных работ, а беднейшие слои и по праздникам. Отмечено также, что в теплое время года сельские жители не пользовались никакой обувью, ходили босиком.

Лапти белорусы плели из лыка или лозы – в зависимости от того, какое сырье находилось под рукой. Гораздо реже, лишь в некоторых местах, лапти изготавливали из бересты (Витебщина) или из коры вяза.

Независимо от сырья, техника плетения у белорусов была довольно единообразна. Это были обычно лапти, подошва которых имела прямое плетение. Обувь косого плетения встречалась лишь в пограничных с Россией районах Могилевской и Витебской областей и, вероятнее всего, была привнесена на белорусскую территорию русским староверческим переселенческим населением.

В зависимости от материала, из которого изготавливалась плетеная обувь, а также от характерных особенностей изготовления она, кроме основного названия, имела еще и дополнительные: "беспятнікі", "шчарбакі" – простейшего изготовления, неглубокие, без запяток и головок лапти, "оборы" в которых укреплялись за две лыковые петли спереди и сплетенные по бокам "заборнікі". Эту легкую прими-

тивную обувь надевали на работу в поле или около дома. На большей части территории Белоруссии мелкие рабочие лапти с короткими носами, изготовленные из полос лозовой коры, назывались "лозовікі". Широкое распространение по всей Белоруссии имели лапти с глубокими головками — "слепакі", "кавярэні". Для продевания обор у них была большая передняя петля — "страка". В отличие от них, лозовые или липовые лапти с коротким открытым носком, бытующие в Полесье, назывались "зрачымі".

Лапти любого вида плели в домашних условиях с помощью простейших инструментов. Только лапти косого плетения, встречающиеся в восточных районах, выплетали на деревянной колодке.

К ноге лапти крепились с помощью пеньковых обор, которые протягивались через ушки, выплетенные на лапте. В большие морозы ступню утепляли еще легкой мягкой соломой либо сеном, поверх которых накручивали портянки ("анучы").

Обувь, изготовленная из дерева, как и валяная, имела узко локальное распространение. "Валенки", "валенцы" имелись у зажиточных крестьян Восточной Белоруссии, а обувь деревянная или на деревянной подошве в северо-западных районах, на границе с прибалтами использовалась беднейшей частью населения. И тот, и другой вид обуви усвоен белорусами от соседних народов.

Украшения. Важной для праздничного вида народной одежды является отделка ее тканым и вышитым орнаментом и различными съёмными украшениями. Орнамент всегда соответствовал образному решению костюма и размещался на груди, воротнике, поликах, рукавах женских и мужских сорочек. Это обычно художественное ткачество, вышивка, аппликация (см. цв. вкл.). В XIX в. в обиход входит украшение народной одежды кружевами, что в феодальную эпоху практиковалось преимущественно у господствующего сословия. Кружевами покупными или домашней выработки украшали "кашулі", "сарочки", "спадніцы", "фартухі", "безрукаўкі". Во второй половине XIX в. появились набивные ткани, которые использовались чаще для юбок.

С давних времен использовались различного вида съёмные украшения, изготовленные из различных материалов (металл, стекло, керамика, дерево, соломка, янтарь и др.). Съёмные украшения выполняли одновременно утилитарную, обереговую и эстетическую функции. Излюбленным украшением белорусских женщин были серьги, бусы стеклянные, янтарные, коралловые, а у зажиточных — жемчужные, рубиновые. Броши, запонки, браслеты, кольца также были в основном достоянием зажиточных слоев населения. Особенно старательно украшалась свадебная одежда.

Съёмные украшения широко бытуют и в современной одежде. В современном сценическом костюме представлено все разнообразие народных украшений.

Региональная специфика. Комплекс женского и мужского традиционного костюма имеет много одинаковых черт на всей белорусской территории. Своеобразные общие особенности в одежде сформировались под влиянием общности географических условий, социально-общественной, хозяйственной и духовной жизни народа.

Однако, как и у каждого народа, в одежде белорусов наблюдается и разнообразие. Неравномерность экономического развития отдельных районов Белоруссии способствовала неравномерному развитию народной одежды в целом и ее составных частей. Большие архаичные черты сохранились в одежде населения Полесья, многие местности которого оставались глухими районами почти до начала XX в. В то же время на Витебщине развитое отходничество в крупные промышленные центры России содействовало утрате части национальных черт в одежде и сближению ее с городской.

На появление локальных особенностей оказывали влияние исторические события на территории Белоруссии, неодинаковые связи с соседями. Во время господства здесь Речи Посполитой наблюдалось сильное влияние западноевропейской культуры, особенно на костюм господствующих сословий. После вхождения в состав Российской империи прослеживалось влияние русского костюма. Довольно длительное проживание среди белорусов людей других национальностей (латышей, литовцев, татар, евреев и др.) также оказало влияние на одежду коренного населения.

По совокупности ряда особенностей традиционной одежды в Белоруссии можно выделить три больших региона: Полесье, Поднепровье (Могилевская область, юго-восточная часть Витебской и восточная часть Гомельской областей) и Северная Белоруссия (Витебская область, северная часть Гродненской и Минской областей). Каждый из этих регионов имел свои культурные центры и пути сношений с другими странами, которые сложились довольно давно. Отличия, придающие одежде этих регионов своеобразие, появились в разное время. Одни из них – пережитки глубокой старины, другие возникли в более позднее время (подавляющее большинство – во второй половине XIX в.). В границах этих обширных районов выделяются более мелкие, где одежда различается отдельными элементами костюма, способом ношения его частей, характером орнамента. По совокупности ряда вышеперечисленных особенностей выделяется ряд комплексов полесского костюма: западнополесский, пинский, давид-городокский, восточный (либо мозырский), центральнобелорусский. Одежда Поднепровья и Витебщины не имела такого разнообразия видов и форм, как в Полесье, причем костюмы этих регионов были более схожи между собой, чем с полесскими видами.

Изменения в одежде в XX в. Изменения, которые происходили в деревне во второй половине XX в. наложили отпечаток и на одежду. Современная одежда утратила свое социальное размежевание. На основе единой материально-технической базы возникли объективные основания сближения городской и сельской одежды. Все составные части костюма сельского жителя сейчас изготавливаются исключительно из фабричных тканей по общим с городом фасонам. Широко распространилась у сельского населения покупка готовых изделий. В настоящее время идет общий процесс демократизации одежды. Организации по моделированию и изготовлению современной одежды учитывают своеобразные условия жизни и труда сельского населения, и поэтому одежда его имеет свои выразительные черты. К этому следует добавить, что в крестьянской одежде в некоторой степени определенную роль играют народные традиции. Некоторые элементы традиционной одежды долгое время сохранялись или возрождались в малоизмененном виде, особенно у представителей старшего поколения. Пожилые женщины, по традиции, отдают предпочтение юбке ("спаднице") с кофтой, нередко носят традиционные полотняные фартуки, подбирают ткани, напоминающие андарацкие. В одежде сельского населения дольше, чем в городской, сохранялись традиционные украшения вышивкой, аппликацией и др. В сельском комплексе одежды не утратили своего господствующего значения головные платки и кожаные салоги (боты), которые являются наиболее практичной обувью, особенно в весеннее и осеннее время.

В своем становлении и развитии современная одежда, особенно сельская, испытывает на себе благотворное влияние народного творчества. Новизна форм современной одежды не противоречит наличию в ней традиционных элементов, потому что прогрессивные элементы народной одежды входят в современность путем их творческой переработки. Современные модельеры широко используют творческий опыт народа в рациональных формах одежды, которые выдержали испытание временем (рис. 173, см. цв. вкл.). Это в первую очередь народный по-

Рис. 173. Традиционные элементы в украшении современной одежды

крой, рациональное соединение различных конструктивных и декоративных деталей. В современных моделях встречается традиционный покрой с поликами, длинным рукавом с манжетами, своеобразным стоячим и отложным воротником. Использование народных традиций определяется разнообразие современной одежды.

ПИТАНИЕ

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ

Каждый народ имеет свою исторически сложившуюся кухню, которая характеризуется определенным составом продуктов и блюд, способами их приготовления, системой питания, символично-обрядовыми особенностями. Традиции питания белорусов складывались под влиянием разных факторов, и прежде всего – хозяйственной деятельности народа, природных условий, заметно варьируя в зависимости от региональной хозяйственной специализации, экономического состояния семей, народного календаря, сезона года.

Известный этнограф Н.Я. Никифоровский в конце XIX в. описал более 150 блюд и кулинарных изделий народной кухни, которые широко бытовали в Витебской Белоруссии (Подвинье) (Никифоровский, 1895). Еще раньше А. Цюнденичкой были записаны рецепты приготовления нескольких сот блюд и напитков в Борисовском и частично в Минском уездах (Літоўская гаспадыня, 1993).

Хлеб и блюда из муки. Основным продуктом питания белорусов был хлеб, известный с древнейших, общеславянских времен. Он символизировал достаток и благополучие, определял социальный "статус" семьи в сельском обществе. В традиционных представлениях крестьян белорусского Понеманья все блюда, которые употреблялись с хлебом (борщ, щи, крупник, молоко и т.д.), расценивались не как основные, а как дополнительные, "приварок" к хлебу (Крачковский, 1874, С. 186). Заметим, что "приварком" на большей части Белоруссии обычно называли основной рецептурный компонент блюда: капусту во щах, свеклу в борще, крупу в супе (крупенік), муку в "саладухе" (кисло-сладком жидком мучном блюде) и т.п. (Никифоровский, 1895, С. 35–36). Акалогичные представления о хлебе, которому отдавался приоритет среди других кушаний, существовали у древних земледельческих народов.

В белорусских семьях основу питания составлял ржаной (черный) хлеб. Известно много его сортов, что было связано с качеством зерна и его помолом, использованием дополнительных компонентов ("дабава", "дамешак"), технологией заправки теста и способом выпекания. Наиболее частым на столе белоруса был хлеб из очищенной и провеянной ржи (хлеб "шатраваны", "градовы"). В других случаях муку, полученную из очищенной ржи, дополнительно пропускали через решето или сито (хлеб "пытляваны", "сітны", "пірог", "чысцяк"). Его выпекали чаще в праздники, а в зажиточных семьях – нередко и в будние дни. Такой хлеб брали с собой в дорогу, отправляясь на ярмарку, в приходскую церковь, подносили в дар при встрече дорогих гостей, молодоженов, использовали в разнообразных аграрных обрядах. На праздники выпекали пшеничные и гречневые пироги, нередко с начинкой ("крэпаны" пірог). В качестве начинки использовали чаще всего внутренности убитых животных ("вантробы"), кашу, мак, творог, грибы, овощи, яйца, несколько реже фрукты, тертую коноплю, мелкую рыбу (Никифоровский, 1895, С. 6–7).

В ряде случаев ржаную муку смешивали с овсяной, ячменной, пшеничной, гречневой и даже гороховой. Обычно брали одну часть ржаной, другую – какой-

либо иной муки, смешивая в пропорции 1:1. Выпеченный из двух видов муки хлеб чаще называли "паловым", из ржаной и ячменной муки – "пытляваным" (Бобровский, 1863. Ч. 2. С. 323). По словам местных жителей, такой хлеб быстро "приедался", и пекли его чаще в целях экономии ржаной муки. Нередко в качестве "дабавы" к ржаной муке со второй половины XIX в. использовали и картофель ("бульбяны" хлеб). Свежий хлеб с тертым картофелем нередко удовлетворял даже самые притязательные вкусы (по свидетельству Н.Я. Никифоровского, его с охотой употребляла в пищу местная шляхта), однако, в отличие от обычного ржаного, он быстро черствел и терял вкусовые качества.

В весенний сезон беднейшие крестьяне нередко употребляли и так называемый "пушной" хлеб с мякинными остатками. В крайней нужде "святая мякінка" составляла до половины хлебной массы. Обычно мякина (овсяная, ячменная, ржаная) перемалывалась в жерновах вместе с рожью. О таком хлебе говорили: "Па ім калі чорт прыбягіць, дык нагу зыскабіць" ("По нем коль чорт пробежит, так ногу занозит") (Никифоровский, 1895. С. 5). В качестве составных компонентов хлеба известны также желуди, лебеда. В годы недорода и лихолетий в хлеб, помимо мякины и лебеды, добавляли листву липы, молодого папоротника, болотного бобовника, водяных лилий, копытника, коренья пырейника, водяного шилника, вереска, толченую древесную кору. При дефиците хлеба использовали и сушеный вареный картофель. Суровый исторический опыт научил белорусов обращаться в тяжелое время к тем видам флоры, которые в системе народных знаний рассматривались как потенциально полезные и в экстремальных условиях включались в рацион питания ("Не бяда, калі ў хлебе лебяда, бяда, калі хлеба няма").

Способы приготовления теста и выпекания хлеба имеют много общих черт у белорусов и соседних славянских народов. Хлебное тесто замешивали с вечера в специальной посуде – квашне ("дзяжы"). При закваске теста в качестве окислителя использовали так называемую "рошчыну" (остаток кислого теста от предшествующей выпечки), реže гущу хлебного кваса ("крышчына"), дрожжи. Хлеб пекли в домашних печах, на чисто выметенном поду. Иногда под подготовленный к выпечке хлеб подстилали капустные, дубовые, кленовые, а на Полесье и тополевы листья. Приготовление хлеба в традиционных представлениях считалось священным действием, с которым был связан ряд обычаев, ритуальных оберегов и верований. Приступая к хлебопечению, женщина должна была находиться в хорошем настроении, чисто умыться, перекреститься и благословить удачу (*Сержпатоўскі*, 1930. С. 81–83). Во время хлебопечения не разрешалось громко разговаривать, ссориться; нежелательным было и присутствие в доме чужих людей.

Из хлебного теста, замешанного в деже или в "дежке" – блиннице, пекли и различные рода лепешки – так называемые "перепечки" ("пералепка", "лапун", "скавароднік"), сочни, "ляпні". Последние представляли собой тонкую лепешку с "прыпекай" – намазанным сверху и запеченным слоем творога или картофеля со сметаной, маслом, салом, яйцами в скоромные дни, толченого мака, конопли – в постные дни. В юго-восточной части Белоруссии в праздничные дни выпекали вареники из гречневой или пшеничной муки с конопляной, ягодной, грибовй или творожной начинкой. В постные дни обрядового календаря вместо вареников (или наряду с ними) пекли пампушки из кислого теста, иногда с добавлением мятого картофеля, с начинкой и без начинки. Эти кулинарные традиции у белорусов сохранялись длительное время и после их переселения в отдаленные районы России (*Липинская*, 1987. С. 176).

Из пресного теста выпекали лакомые лепешки – прясняки ("праснак", "праснок"), коржи, пряники ("лернік"), печенье, бублики ("абаранак"). В

зависимости от даты народного календаря мучные лакомства выпекали либо на сливочном масле, сале, молоке, яйцах, либо на растительном масле, сыворотке, с медом, маком и др. Коржи украшали разнообразными узорами и сюжетами, имеющими древнее происхождение. Особенно показательны зооморфные мотивы пряничных досок, выявляющие много общих черт с аналогичными памятниками художественной культуры русских, чему в определенной мере способствовало расселение старообрядцев в восточных районах Белоруссии. На "сараки", которые совпадали с днем весеннего равноденствия, практиковалось изготовление печения и кренделей в форме перелетных птиц, чаще всего – жаворонков. Этот обычай широко бытовал в восточной части Белоруссии и имеет общую основу с аналогичными обычаями у русских и украинцев (*Соколова*, 1979. С. 68–70; *Романов*, 1912. Вып. 8. С. 37). В Западной Белоруссии обычай выпекать обрядовое печенье был приурочен к Благовещенью (7 апреля, или 25 марта по ст.ст.) и символично совпадал с приходом весны и прилетом аистов. Будочки и коржики ("галёпы", "падпалкі") здесь выпекались в форме разных птиц, аистовых лапок, сохи, бороны.

В некоторых районах Белоруссии изготовление коржей, печенья, бубликов было поставлено на промысловую основу и являлось источником дохода. Так, сморгонские бублики, ошмянские, лидские крендели и пряники можно было встретить далеко за пределами своей местности, на воскресных торгах и ярмарках в Вильно и соседних уездных центрах.

Блины и оладьи в традиционном быту белорусов были известны повсеместно и выпекались из квашеного ("утворнага") или пресного теста. Они заметно различались между собой вкусовыми нюансами и полезными свойствами, что было связано прежде всего с родом и сортом муки и технологией их приготовления. Как отмечал известный знаток народной жизни Н.Я. Никифоровский, по роду и вкусу блинов можно было судить о текущей мирской жизни и конкретной ситуации в доме (*Никифоровский*, 1895. С. 10). Так, овсяные блины, замешанные с вечера, указывали на обычно будничное состояние с привычным, размеренным образом жизни; приготовленные утром из "постнага" теста – на суету и беспорядок в доме, неожиданную отлучку или болезнь одного из супругов; блины из ржаной муки пекли в ожидании близких родственников, из гречневой – на Масленицу, пшеничные – в поминальные дни. Вместе с тем в отдельных регионах сложились свои традиции, во многом связанные со специализацией выращивания тех или иных культур. Так, блины из гречневой муки чаще всего встречались на столе полесского крестьянина. В Центральной Белоруссии блины и оладьи нередко выпекались из смеси пшеничной, гречневой и ячменной муки, а в блинное тесто из ржаной, гречневой или ячменной муки часто добавляли тертую картошку.

Мучные изделия были широко известны у белорусов и в виде жидких и полужидких блюд. Из различной муки (гречневой, пшеничной, реже ржаной, ячменной) с добавлением яиц готовили клецки ("галушкі", "галкі"), которые варили в подсоленной воде. В домах белорусской шляхты в клецки нередко добавляли сыр, мак, лук, конопляное масло (*Дембовецкий*, 1883. Кн. 1. С. 606). В конце XIX – начале XX в. клецки все чаще готовили из сырого тертого картофеля. На Полесье их нередко делали из муки пополам с рыбным фаршем. Обваренные клецки подавали в виде жидкого молочного (иногда рыбного, грибного) блюда или же поджаривали на сале с добавлением сметаны. Они употреблялись также в качестве обрядового блюда (в поминальные дни).

Не менее распространенным мучным блюдом была затирка ("зацірка"). Пшеничную, гречневую, реже ячменную, ржаную муку растирали ложкой, подливая постепенно воду, добавляя яйца, от готового теста отрывали комочки и бросали в

кипящую воду. Нередко затирку формовали, пропуская тесто через решето. После готовности ее заправляли маслом, салом или заливали молоком (нередко доводя его до кипения).

Сходная технология наблюдалась и в приготовлении макарон. Густое, скатанное в колбаски тесто разрезали ножом на кусочки ("сесанка") и варили в кипятке, затем "забеливали" молоком. В северо-восточной Белоруссии был известен способ приготовления макарон из специально выпеченных тонких блинов на крахмале; блины разрезали на тонкие полоски ("макарёны") и варили, заливая в конце варки молоком. В крестьянской среде такие макароны считались лакомым блюдом.

Традиционным блюдом белорусов был кулеш, который представлял собой полугустую мучную массу, разведенную кипятком, хорошо взбитую ложкой или сучковатой колотушкой. В зависимости от вида и сорта муки кулеш приобретал свой характерный вкус и занимал то или иное место в повседневном быту и обрядовом календаре. В то время как пшеничный и гречневый кулеш с салом был равнозначен лакомству и нередко подавался на праздничный стол или во время жатвы, кулеш из ячменной и особенно гороховой муки считался "скромным семейным кушаньем", которое готовили "на скорую руку". Гороховый или бобовый кулеш, застывая, уплотнялся, его ели, разрезая ножом на части. Фактически это было самостоятельное (постное) блюдо, которое называли "брусками" ("брускі", "стульцы", "мыльца") (Шейн, 1902. Т. 3. С. 32). В Западном Полесье под кулешом понимали густой молочный суп из просяных или ячных круп.

Овсяные мучные жидкие блюда можно выделить в особую подгруппу не только из-за их питательно-вкусовых свойств, но и специфики их приготовления. Наиболее простой и весьма древний продукт, известный у восточных славян, в особенности у белорусов и русских, – толокно, или "мілта". Его получали из овса, который варили в горшках, поставленных в домашнюю печь. Пропаренный овес сушили, толкли в ступах, мололи на жерновах. Еще в древности было замечено, что толокняная мука отличается хорошим вкусом и питательностью. Ее ели без дальнейшей обработки, замешивая на холодной, слегка подсоленной воде, или приготавливали из нее густое тесто, формуя змейки, шарики, крендели. Питательность и быстрота в приготовлении делали толокно незаменимым во время сенокоса, жатвы, полевых работ. Оно использовалось и во время постов.

Из овсяной муки или отрубей готовили кисель. Обычно муку заливали с вечера теплой водой, горшок ставили в печь (или на печь), утром разбухшую массу пропускали (отжимали) через решето, получая "цежу" ("цэд", "жыжка"), из которой и варили кисель. К столу кисель подавали чаще всего с растительным маслом ("алеі") и тертой коноплей, на праздники – со сливочным маслом, медовой сытой, в северо-восточной Белоруссии – нередко с молоком (Никифоровский, 1895. С. 13).

Жидкий овсяный кисель с кислым привкусом называли "жур". Его ели теплым, добавляя масло, сметану. Сырая цежа использовалась в народной медицине (как средство от глистов). Еще одно народное блюдо из овсяной цежи – "поливка" ("поліўка", "жошка"). В качестве окисляющего компонента для нее использовали хлебный квас, свекольный рассол, сыворотку. Овсяная цежа приправлялась так называемой "закалотай" из ржаной или пшеничной муки с салом и мясом, в Поозерье в качестве дополнительного компонента ("дадатка") использовали мелкорыбицу.

Из ржаной муки приготавливали кисло-сладкие блюда – "солодуху" ("саладуха", "раўня") и "кулагу". Неоднозначность этих понятий в народных диалектах, их взаимозаменяемость, как и разнообразие в способах и рецептурных вариантах приготовления этих блюд, затрудняют их строгую дифференциацию на местном белорусском материале. Во многих этнографических описаниях в перечне традиционных блюд фигурирует лишь одно из них: или солодуха (Н. Анимелле, Ю. Крачковский, М. Касперович), или кулага (Е. Романов, З. Радченко, И. Сербов).

Сравнительный анализ различных письменных источников и полевых материалов, относящихся к Белоруссии, позволяет, несмотря на имеющиеся разночтения, установить наиболее характерные особенности этих старинных блюд. Солодуха в большинстве случаев готовилась из тонко отсепянной ржаной муки, которую запаривали в горшке кипяченой водой, ставили в теплое место, пока она не начинала бродить, приобретая сладковатый вкус. Затем горшок плотно закрывали и помещали в теплую печь. В процессе брожения при подогреве и без доступа воздуха создавались благоприятные условия для превращения жидкого теста в сладковато-кислое на вкус кушанье, богатое витаминами. Нередко в него добавляли мед или сахар (Никифоровский, 1895. С. 14). В Понеманье, по сообщению Ю. Крачковского, ржаную муку заливали в горшке холодной водой и ставили в теплую печь. Утром содержимое сливали в деревянную посуду (чаще в хлебную квашню – “дзязу”), добавляя горячей воды, где солодуха на протяжении 1–2 суток доходила до нужной кондиции. Затем квашню с солодухой ставили в холодное место (погреб, “варыўню”), употребляя в пищу на протяжении нескольких дней (Крачковский, 1874. С. 187). По старинному рецепту солодуху делали из солодовой муки. По опросам местных жителей, такая технология дольше всего сохранялась в Полесье. Иногда ржаная солодовая мука смешивалась с гречневой, в Восточном Полесье гречневая мука была основой солодухи (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 151. Л. 3; Д. 154. Л. 5–6).

Солодуха составляла нередко основу питания семьи в период Рождественского и Великого постов. Ее предпочитали есть с отварным картофелем. В народе хорошо были известны и целебные свойства этого блюда при простудных, сердечно-сосудистых и почечных заболеваниях.

Кулага по способу приготовления существенно не отличалась от солодухи. Вместе с тем при характеристике рецептуры этого блюда в числе ее составных компонентов местные жители чаще всего называют различные ягоды (чернику, бруснику, голубику, клюкву, калину) и фрукты. Сходный состав и рецептура этого блюда встречались и у русского населения (Этнография восточных славян, 1887. С. 297). Нередко ягоды были основным компонентом кулаг (”кулага ласая”). Их варили в горшке в печи, затем вынимали из печи и терли, добавляя муку, мед, и снова ставили “дойти” в печь. Некоторые исследователи, например И.П. Корзун, относят ее к специфически полесским блюдам (Корзун, 1984. С. 36). Однако, как свидетельствуют этнографические материалы, ареал ее бытования выходит далеко за пределы Полесья.

Блюда из круп. Одно из древних общеславянских крупяных блюд – это каша. Наиболее распространенными у белорусов были каши из гречневых, ячневых и пшеничных круп. При этом каша из ячневых круп (“грудца”) встречалась заметно чаще на крестьянском столе в северном регионе, каша из гречневых и просяных круп – на юге. Иногда крупяные каши комбинировали, добавляя в них горох или тертый картофель. Каша из гречневых круп с добавлением гороха в Поозерье называлась “гущей” (“гушча”) (Анимелле, 1854. С. 139, 141).

Тот или иной род каши был сориентирован на сезон года и народный обрядовый календарь. Кашу из пшеничных, реже гречневых круп готовили в дни рождения, на похороны и в дни поминовения предков (“дзяды”). В редких случаях варили ржаную кашу (в Северной Белоруссии); на праздник Ильи она была обязательным обрядовым блюдом. В начале лета нередко готовили каши из так называемой зеленцово́й крупы, которую получали из незрелых колосьев ржи (Киркор, 1885. С. 139). Ячневую кашу (в Южной Белоруссии нередко и пшеничную) в больших количествах готовили в период Рождества (“Каляды”) – с 24 декабря по 5 января (и. ст.).

Блюда из картофеля. Картофель в Белоруссии появился в первой половине XVIII в. и не сразу вошел в сельскохозяйственную практику земледельцев, составляя еще в середине XIX в. около 3% посевных площадей (Бобровский, 1863. Ч. 2. С. 43, 104). Однако уже во второй половине XIX в. он занял прочные позиции среди традиционных продуктов питания. К концу XIX в. заметно расширился и ассортимент блюд из картофеля. Картофель печеный "в мундирах", отварной, жареный, тушеный, пюре, "бабка", или "дранка", клецки, блины и оладьи, супы и похлебки – далеко не полный перечень белорусских блюд из картофеля. Пожалуй, наиболее распространенными из них были отварной картофель, или "соланка" (обычно с кислой капустой, огурцами, солодухой, простоквашей), пюре ("тоўчанка", "таўчэнік"), которое заправляли молоком, салом, постным маслом, грибами, и супы – обычный картофельный и на молоке ("забеляная бульба")

Не являясь традиционными, картофельные блюда не играли существенной роли в обычаях и обрядах, готовились и в так называемые постные дни, и в дни мясоеда, и в будни, и в святые праздники. Вместе с тем со временем они "вписывались" в народный календарь, в традиционную систему обычаев и оберегов. Как правило, по большим праздникам (Пасха, Рождество, Троица) они исключались из рациона питания.

Картофель использовался весьма широко в составе других блюд и в качестве гарниров. К числу лакомых блюд, известных еще в XIX в., относится так называемая "бульбяная яешня" – в картофельное пюре, заправленное молоком и "подсметаненное", разбивали 4–5 яиц и, помешивая, ставили в печь, в "вольный дух", пока не образовывалась румяная корочка. Из мятого картофеля, в который добавляли муку, сметану, творог, яйца (а иногда и толченную коноплю, мак), приготавливали особые лепешки – "гульбішнікі" (или "бульбішнікі"). Они были более известны в восточной части Белоруссии (Подвинье и Поднепровье) и были излюбленным кушаньем белорусских крестьян и старообрядцев (Никифоровский, 1895. С. 10). Из отварного или тертого картофеля с грибами готовили лакомые пироги и лепешки ("колдуны") (Яшкін, 1997. С. 142).

Картофель нередко добавляли и в "крупнік", который наряду со щами и борщем был одним из наиболее распространенных и повсеместно известных жидких блюд. Крупник ("крупеня") варили чаще из ячменных, в средней полосе и в Полесье – также из просянных и гречневых круп, добавляя сало или "забеливая" молоком. В Западном Полесье в крупник иногда добавляли свиную кровь. Заметим, что на Гомельщине крупником называли всякие жидкие каши из круп, а в Понеманье (Виленская губерния) – водку кустарного производства, сваренную на меде с добавлением разных кореньев.

Овощные блюда. Овощи – капусту, свеклу, морковь, огурцы и другие – белорусы употребляли в свежем виде и заготавливали впрок. Рубленую капусту квасили в бочках и "кадях", добавляя морковь, редьку, клюкву, тмин, иногда мяту. При этом наилучшими для квашения капусты считались дубовые и осиновые бочки. Вместе с рубленой капустой квасили и целые, иногда разрезанные пополам кочаны. В Полесье, кроме сырой, квасили капусту пареную или подпеченную, которую заливали рассолом, добавляя приправы.

Свеклу ("буракі") хранили впрок в погребах и истопках или же квасили, заливая водой и добавляя соль. В Центральной Белоруссии нередко квасили красную свеклу вместе с ботвой, предварительно очистив и перемыв ее (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 116. Л. 69). Для квашения свеклы применялись преимущественно дубовые и сосновые бочки.

Из квашеной капусты готовили щи ("капуста", "капуснік"), из свеклы – борщ ("буракі"), часто их смешивали вместе, добавляя еще морковь, репу, брюкву, ща-

вель, грибы, заправляли мукой. В среде мелкой шляхты и крестьян-католиков принято было варить "чистую" капусту или свеклу, не смешивая их. В польских источниках это блюдо фигурирует под названием "борщ літоўскі" (Улашчык, 1989. С. 126–127). В летнее время по составу компонентов борщ был более разнообразным и в системе питания чаще чередовался с аналогичными (жидкими) блюдами из свекольной ботвы, щавеля, а также с "холодником".

Молоко и молочные продукты. В традиционном питании белорусов молоко широко использовалось как самостоятельное кушанье ("в чистом виде"), а также в качестве составного компонента, приправ для разнообразных блюд и кулинарных изделий, начиная от супов и соусов и кончая хлебными изделиями и печеньями. Белорусам издавна хорошо были известны и целебные свойства молока, особенно свежего, теплого сохранявшего теплоту и "жизненный эликсир" сразу после доения. Молоко потребляли преимущественно свежим и квашеным (простоквашу).

Из простокваши, оттопленной в "легком духу" домашней печи, получали творог; творог, залитый молоком или заправленный сметаной, был одним из излюбленных крестьянских кушаний. Из творога получали клинковый сыр; сыры сушили про запас, брали с собой в дорогу, в "рабочий угол" (на сенокос, в лес и т.п.).

В домашних условиях из сметаны получали масло, сливая ее в специальный сосуд (глиняный "макатер" или деревянную "бойку" для взбивания масла) и мешали ("терли", "били") с помощью песта-колотовки. Крестьянский сыр и масло нередко сбывали на местном (городском или местечковом) рынке.

Мясо и мясные продукты. У белорусов они употреблялись в пищу чаще всего в составе других блюд, как приправа ("присмака", "закраса"). Вместе с тем они составляли нередко основу многих блюд, занимали важное место в питании и были приурочены к различным датам народного календаря и семейным праздникам. Как показывают материалы архива РГО (70-е годы XIX в.), мясо и мясные продукты, полученные в собственном хозяйстве, белорусские крестьяне в основном употребляли сами и лишь небольшое количество продавали на рынках.

Основное место в питании занимала свинина, последующие места – баранина, говядина, мясо домашней птицы. Определенную роль, особенно у представителей свободных сословий и в лесных краях, играли предметы охоты и звероловства.

День, когда убивали и свежевали годовалую свинью, был своего рода семейным праздником; тогда на щедрый стол ("на свежыну") приглашали близких родственников, соседей. При свеживании убитого животного тщательно отбирались и сортировались все ее части, и каждая из них после специальной обработки находила себе применение, по-своему использовалась в пищу.

Мясо чаще употреблялось в пищу вареным, несколько реже – жареным ("смажанае", "пячыста"), еще реже – тушеным. Теми же способами приготавливались и внутренности ("пічані") – печенка, сердце, легкие, почки. Лучшее мясо – "палядвіцу" (мягкое мясо с середины хребта свиной туши) вымачивали в соленом растворе, обрабатывали перцем и тмином, натирали чесноком, а спустя 1–2 недели, сушили, подвешивая про запас в коморе или клет. Он свиной туши отделяли и два окорока ("сцягна"), которые солили в специальном рассоле (в "начоўках" или "кубле"), а затем, как и "палядвіцу", сушили, подвешивая в клет. Окорок ("кумпяк") нередко коптили, сохраняя на большие праздники. Колченые "палядвіца" и окорок ("шынка", "кумпяк") чаще встречались на столах шляхты и мешан (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 45. Л. 10, 27, 43; Д. 46. Л. 5, 38). Из мелкорубленого мяса, в которое добавляли перец, лук, чеснок, а нередко (особенно в восточной части Белоруссии) мелко порезанное сало, изготавливали колбасы ("каўбасы"). Кроме мясных, из печени, легких, сердца делали колбасы печеночные

("вантрабянка") и кровяные ("квянянік"). Очень часто вычищенные и вымытые кишки начиняли гречневой кашей, смешанной с кровью и салом. В Понеманье предпочтение отдавали гречневой муке, которую размешивали и варили с кровью, нередко добавляя и картофельную кашу. Наряду с гречневой употреблялась также мука пшеничная, реже – ячменная, овсяная.

Почти на всей территории Белоруссии было известно традиционное мясное блюдо – "верещака" ("верашчака", "прыжанина", "мачанка"). Обычно ее готовили из свиных ребер, мясной колбасы и кусочков сала, которые тушили в горшке или лотке, заправляя ржаной или пшеничной мукой, добавляя лук и перец. Часто в качестве подливы использовали молоко, сметану. Иногда от верещачки отличали "мачанку", которую готовили на молочной "падкалоце", добавляя сметану, творог, муку. В Западном Полесье "верещачкой" называли зажаренные в день свежесвиания поросенка сало, мясо, внутренности, так называли и званый обед, устраиваемый хозяевами по этому случаю. В Поозерье и Понеманье была известна и так называемая "постная верещачка", которую готовили в период поста, тогда вместо мясных продуктов употребляли селедку, грибы, постное масло, тертый картофель (Никифоровский, 1895. С. 31). Верещачку ели вместе с блинами, оладьями, реже – с хлебом, картофелем.

Из ног и голов разделанных животных варили холодец – старинное славянское блюдо. Пестрая региональная терминология ("халадзец", "халоднае", "сцюдзень", "квашанина", "дрыгва", "юха") отражает не только диалектологические различия, но и некоторые реальные (вариативные) особенности этого блюда. Название "сцюдзень" бытует на востоке Белоруссии, в отличие от северо-западных районов России, одинаково относится как к говяжьему, так и ко всем другим видам холодца. В Полесье холодцом нередко называют застуженные ягодные супы, а мясное блюдо называют "дрыгвой". В Понеманье холодец называли "квашаниной", здесь довольно распространенным блюдом был студень из баранины, который приготавливался на большие праздники (Шейн, 1902. Т. 3. С. 68). Однако более частым блюдом у белорусских крестьян был холодец из свиных ног, головы, ушей (их варят, добавляя лук, чеснок, перец, и едят с хреном). В постные и поминальные дни приготавливали холодец из рыбы, который был обычным блюдом в Поозерье. Однако наиболее "почтенным" считался здесь холодец из гусиной шеи, крыльев, лапок (Никифоровский, 1895. С. 25).

Рыбные блюда. В постные дни мясные продукты на крестьянском столе заменяла рыба. Вместе с тем в приречных и приозерных деревнях, особенно в районах Полесья и Поозерья, рыба занимала важное место в питании и входила в состав повседневных блюд. В местных водоемах вылавливали много выюнов, лещей, судаков, щук, карасей, налимов и др. Пойманную рыбу потребляли свежей (жарили, клали в суп, борщ, готовили уху, деликатесы, фаршировали и др.). Много рыбы заготавливали впрок: вялили, сушили, летом – на солнце, зимой – в домашней печи, солили, складывали в бочки. Вяленую и сушеную рыбу полешуки вывозили в "полевые края", на Волынь, в Центральную Белоруссию, обменивали на хлеб, лен, коноплю и другие товары. Часть выловленной рыбы белорусы продавали местечковым евреям, для которых разнообразные рыбные блюда были не только повседневной, но и ритуальной пищей.

Напитки. Немаловажное значение в питании белорусов имели и напитки. Обильное потребление воды и напитков Н.Я. Никифоровский объяснил характером пищи белорусов, значительным удельным весом в ней квашений, солений, а также "хлебушка насущного".

Одним из наиболее распространенных напитков, известных у всех славянских народов, был хлебный квас. Рецепт его приготовления отличался большим

разнообразием не только на территории Белоруссии, но и в пределах одной местности. Обычно для кваса выпекали специальные хлеба (или коржи, клецки) из густого ржаного теста, которое выдерживалось ("солодело") в теплом месте 2–3 дня. Выпеченные хлеба разламывали, сушили, а затем опускали в бочку или кадь (часто в мешочке) с холодной водой, через неделю квас был готов к употреблению. Часто квас готовили "на скорую руку" из обычных хлебных сухарей, заливая их кипяченой, а иногда и обычной родниковой водой. Сюда нередко добавляли березовый сок, дубовую кору, яблоки (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 45. Л. 11, 17, 30; Д. 151. Л. 4; Д. 153. Л. 8, 28; Д. 154. Л. 5, 15, 41). Иногда в квас добавляли и ячменный солод, мед, вощину, отчего он приобретал соответствующий аромат и становился "крепким и ядреным" (Романов, 1912. Вып. 8. С. 39–40). В некоторых местах квасом называют напиток из солодовой муки или отрубей, жидкую солодуху (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 151. Л. 4, 17; Д. 152. Л. 12).

По весне заготавливали березовый и кленовый соки, сливали в бочонки, ставили в погреб или закапывали в землю. Их потребляли в натуральном виде или же выдерживали, добавляя сухари, мед, сахар, ягоды, картофель. Иногда в березовый сок добавляли ячменный солод, бобы, дубовые щепки; настоенный таким образом сок становился далеко не безобидным напитком. В Речицком уезде был известен оригинальный напиток, сваренный на березовом соке, в который добавляли сушеные грибы, сушеную рыбу и немного мелко порезанного картофеля (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 153. Л. 28). Сок получали также, настанвая лесные ягоды, яблоки, груши, рябину.

Повсеместно в Белоруссии известны свекольный (бурачный) квас и различные овощные рассолы. Пчеловоды приготавливали медовый квас – медовуху. Обычно мед разбавляли водой, добавляя хмель, дрожжи, корни различных растений, и настаивали 6–8 суток. В средние века медовары составляли значительное число не только сельского, но и городского люда. (Цярохін, 1988. С. 20).

На праздники практиковалось приготовление пива. Идейное содержание праздника, его сезонная приуроченность накладывали определенный отпечаток на состав компонентов и технологию приготовления пива (в зависимости от чего оно получало и свое название: покровское, дмитровское, михайловское, микольское). Именовалось пиво и по месту его приготовления: гродненское, несвижское, новогрудское, койдановское, лидское, монастырское (Цярохін, 1988. С. 25). Пиво варили из ячменя, варьируя в нем в различных пропорциях состав компонентов (хмель, ароматные травы – "зелки" и др.) и сроки выдержки. На западе Белоруссии в начале XX в. основным компонентом пива вместо ячменя все чаще служила сахарная свекла.

Обрядовая пища. Пища белорусов различалась по сезонам года и была сорентирована на народный обрядовый календарь, в котором обычные дни чередовались с так называемыми постными и скоромными. Каждому календарному или семейному празднику, как и посвященному духовной традицией периоду, соответствовала определенная пища, включавшая те или иные обязательные и ритуальные блюда. Наиболее богатым был стол на Пасху (Вялікдзень), Троицу, Рождество, в дни поминовения усопших (дзяды) и важнейшие семейные праздники (свадьба, родины, крестины и др.).

На Пасху (Вялікдзень) основными обрядовыми кушаньями были куличи и крашеные яйца.

Изобильной и разнообразной была пища на свадьбе. Обязательно пекли "вясельны каравай". Подавали на стол мясные блюда и деликатесы – разных сортов мясо, нередко жареного поросенка, колбасы, гуся (иногда фаршированного), холодец.

Вместе с тем обрядовая пища (как и застольный этикет) имела некоторые особенности у представителей разных конфессий (православных, католиков, униатов, иудеев, мусульман). Не менее значимые различия наблюдались в пище различных социальных слоев – крестьянства, мещан, шляхты. Так, по описанию одного из участников трапезы провинциальных сеймиков XVIII в. в Ушачах (местечко, южнее Полоцка), для гостей был накрыт стол, уставленный деликатесами и напитками, среди них – крученые зразы, разного приготовления салаты, овощи, жареная дичь ("что аж стол прогнулся"), лосятина, головы и окорока диких кабанов, медвежьи лапы, зайчатина и птица (куропатки, перепела, утки и пр.), блины к зразам и рассолам, медовые напитки, соки, разнообразные виды наливок и хлебной водки (*Мальдзіс*, 1994. С. 373–374).

В постные дни в доме у шляхты на стол подавали разных сортов рыбу, часто фаршированную овощами, хлебобулочные изделия с медом, рулет с маком, соловуху, кулагу с ягодами ("кулага ласая"), соки, напитки. Из рациона питания исключались жирные и мясные продукты, сметана, молоко, сыр. На "посную кущю" перед Рождеством ("Калядами") на столах было не менее семи блюд, в том числе – овсяная "полюка", или кисель, оладьи с медом, блины, клецки, гороховые или картофельные "камы", рыба, хлебный квас и каша (кутья) с медовой сытой (*Цітоў*, 1997. С. 142).

Региональные особенности. Пища и питание адекватно отражали состояние земледелия и животноводства, жизненный уровень, как и периоды национальных бедствий и катаклизмов, в эпицентре которых не раз оказывался Белорусский край. Более развитое зерновое хозяйство в средней полосе Белоруссии накладывало отпечаток на характер местной пищи, усиливало значение в питании хлебных и крупяных изделий, жидких и полужидких мучных блюд. У жителей лесных краев существовала роль в рационе питания играли продукты животноводства и добывающих промыслов. В летнее время местное население потребляло много натуральных, богатых витаминами продуктов – лесных ягод, грибов, щавеля, кислицы, соков и др. У населения Полесья и Поозерья, кроме того, на повседневном столе были обычными разнообразные рыбные блюда. Вместе с тем, несмотря на местное многообразие, традиционные основы белорусской кухни обнаруживают много общих черт с кулинарной традицией славянских и соседних прибалтийских народов.

Региональные особенности наблюдались и в способах обработки и консервации продуктов питания, в технологии приготовления типологически одинаковых блюд (в зависимости от этого они приобретали новые вкусовые свойства), в составе компонентов блюд, их рецептуре и, наконец, в разнообразии местной терминологии.

Белорусская кухня в XX в. Перечень блюд, составлявший основу белорусской народной кухни, сохранялся без существенных изменений еще в первые десятилетия XX в. Большие изменения в сельском хозяйстве в последующий период, урбанизация и перераспределение сельского и городского населения, промышленная переработка пищевых продуктов, развитие сети общественного питания и торговли не могли не отразиться на повседневной жизнедеятельности белорусского населения, способах приготовления пищи, ее органохимических свойствах и режиме питания. В XX в. возросло потребление привозных продуктов – риса, манных круп, сахара, растительного (подсолнечного) масла, разнообразного детского питания, южных фруктов и пряностей. Увеличился ассортимент блюд из картофеля. Успехи садоводства в республике способствовали развитию плодовоовощной и консервной промышленности: почти круглый год на столе белорусского жителя можно увидеть местные фрукты и ягоды – яблоки, груши, вишни, сливы, клубнику, малину, чернику и др. В летне-осенний период они используются в пищу обычно в натуральном

виде, в зимнее и весеннее время – преимущественно в виде компотов, варенья, повидла.

Сократилось потребление таких ценных зерновых культур, как овес и гречиха, а также мака, конопляного и льняного семян, которые ранее использовались в качестве приправы, особенно в обычные и постные дни.

Из перечня традиционных блюд выпали солодуха, калуга, толокно, мучные кисели, а из напитков – медовуха, свекольный квас, кленовый сок, домашнего приготовления пиво. Одновременно возросла роль “заморских” напитков – чая, кофе, какао, а также фруктовых киселей и соков.

Качественные изменения затронули и хлебобулочное производство. Приготовление и выпечка хлеба в домашних печах постепенно прекратились уже в 1950-е годы. В то же время сохраняются традиции выпекания мучных и картофельных оладий, блинов, а также праздничных пирогов, коржей, печенья, пончиков. Хлеб и хлебобулочные изделия белорусские крестьяне покупают в магазинах. Нельзя не заметить, что снижение в домашнем хозяйстве роли женщины-стряпухи и приоритета ее труда вместе с установлением государственной монополии на хлеб в значительной степени разрушили традиционные крестьянские представления, обычаи и обряды, связанные с культом хлеба, рачительным и бережным отношением к нему.

В республике возрос удельный вес разнообразных молочных продуктов и мяса – особенно птицы, свинины и говядины, вместе с тем сократилось производство и потребление баранины, а также различной охотничьей дичи. Появились мясные блюда, заимствованные из кухни других народов, – шницель, бифштекс, гуляш, шашлык, пельмени и др.

Несмотря на заметные успехи пищевой промышленности и дальнейшее развитие и обогащение кулинарных традиций белорусской кухни, нельзя не обратить внимание на сокращение удельного веса потребляемых натуральных продуктов и ухудшение их органохимических свойств. Кризисная экологическая ситуация, связанная с Чернобыльской катастрофой и захоронением на территории Белоруссии радиоактивных веществ, накопление в почвах радионуклидов и нитратов, в несколько раз превышающих допустимую норму, загрязнение окружающей среды промышленными отходами – все это представляет огромную опасность для здоровья человека. В зонах сильного радиоактивного заражения продолжается сельскохозяйственная деятельность. Наиболее зараженными оказываются молочные продукты, мясо (особенно говядина), хлеб, картофель, грибы. От употребления их в пищу больше всех страдают дети.

В связи с мелиорацией снизился уровень грунтовых вод. В городах наблюдается истощение запасов чистой артезианской воды.

В последнее время в питании жителей Белоруссии, и особенно городских, увеличилось употребление привозных продуктов, что не может не влиять на качество и состав блюд, в том числе и обрядовых.

ПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Общезвестно, что физическое состояние детей, как и каждого взрослого человека, зависит от количества и качества употребляемой пищи. Самым ценным питанием для маленьких детей является материнское молоко. В Белоруссии в первые сутки-двое после рождения ребенка, когда у матери еще не появилось молоко, младенцу давали жеваный хлеб с сахаром, завязанный в чистую полотняную тряпочку, или тертую морковь, в редких случаях дитя прикладывали к

грудю другой кормящей матери. Женщины кормили детей грудью довольно долго – до двух, а то и более лет (бывали случаи, когда ребенок просился у матери к груди, а потом заявлял: "А цяпер дай есці" ("А теперь дай кушать") (Шейн, 1902. Т. 3. С. 77). На четвертом-пятом месяце детей начинали прикармливать. В годовалом возрасте детям понемногу давали пищу с общего стола (суп, картофельную или другую кашу). Трех-четырёхлетние дети ели уже все, что и взрослые члены семьи. Однако родители старались, чтобы в пищу детей попадало больше молочных продуктов, особенно парного молока ("сырадою").

В рационе питания детей, как и взрослых, важное значение имел хлеб. Употребляли его обычно с первыми блюдами. Лакомством для детей был кусок хлеба с маслом, медом или сахаром. Дети из бедных семей с удовольствием ели хлеб, посыпанный немножко солью, или просто так ("нішчымны"), если его хватало. Готовили из хлеба и некоторые незамысловатые блюда. Например, в перерывах между основными приемами пищи детям давали тюрю ("цупа", "патапцы") – кусочки хлеба, залитые молоком или квасом, а в западных районах Белоруссии их заливали кипятком и зажаривали салом или постным маслом с пережаренным луком ("каплун").

Особое место в детском питании занимал картофель. Давали детям пюре ("таўканіца", "каша", "камы"), вареный картофель, тушеный в горшке ("смажанка", "бульба тушэная") или поджаренный на сковороде, в жиру, сметане и др. Не меньше нравился детям запеченный картофель ("печанка", "пячонкі") и картофельный суп. Много блюд для детей готовили матери и бабушки из тертого картофеля, среди которых были оладьи ("дранікі", "драчы") с маслом, сметаной, салом (если оно было); "бабка", тушеная в горшке и заправленная салом с луком (во время поста вместо сала использовали постное масло); "клецкі" ("галушкі"), которые обычно варили в воде и забеливали молоком. В восточных районах Белоруссии иногда в молоко добавляли крахмал. Во время поста клецки варили на черничном отваре. В некоторых районах Белоруссии (западных) клецки отваривали, воду сцеживали, а их зажаривали салом с луком. Любили дети и вареники из тертого картофеля, фаршированные маком (юг Белоруссии).

Много вкусных блюд готовили из муки, широко распространены были "кулага" и "саладуха" из ржаной муки. Повсеместно варили затирку ("калатуша", "калатуха"). Варили ее обычно на воде с молоком или заправляли салом, а во время поста – постным маслом. В каждой семье довольно часто жарили блины ("бліны", "мліны"). Чаще всего это были квашенные блины ("учыняныя"). Ели их дети с салом, маслом, макали в сметану, мазали жиром.

Использовали в детском питании и гречиху. Из нее делали крупу; те, кто побогаче, возили гречиху на "крупорушки", а более бедные крестьяне сеяли гречихи мало и крупу из нее делали в домашних условиях. Из гречневой крупы детям варили молочные супы, каши (чаще всего с салом). Из гречневой муки пекли блины, а также готовили "цыганкі" (муку заливали кипятком, замешивали густое тесто, из которого делали круглые, 1,5 см толщиной лепешки, складывали их в горшок, заливали постным маслом и тушили в печи), "лазанкі" (оладушки, поджаренные на постном масле и тушеные в печи) и др.

Значительное место в питании детей занимали блюда из ячменной, овсяной крупы и муки. Любимой пищей у детей были различные блюда из пшеничной крупы. Варили супы, каши на молоке, в постные дни подавали с маком.

В рацион детского питания входило и мясо. Однако, если блюда из картофеля, муки и крупы дети получали на протяжении всего года, то мясо им давали нерегулярно и частота мясных блюд для детей определялась экономическим состоянием семьи. Например, в материально обеспеченных семьях мясо употреблялось на протяжении всего мясоеда (после Рождества). В бедных семьях мясо

было только на праздники (на Рождество, на Пасху). Сало обычно берегли на время сенокоса.

В Белоруссии много озер, рек, в которых водилась рыба, а в болотистых местах и выюны. Ловлей занимались как взрослые, так и дети. Что касается выюнов, то их ловили преимущественно дети. Рыбу и выюны в большом количестве засушивали. Их добавляли в картофельные супы, особенно во время поста.

Большое место в рационе детей занимало льняное семя. Следует отметить, что в древности лен культивировался вначале как растение пищевое. В Белоруссии в конце XIX – начале XX в. из семени льна делали постное масло ("білі алей"). В бедных семьях оно использовалось на протяжении всей зимы, а в богатых – преимущественно во время постов. Среди населения Белоруссии широко использовалось толченое семя (немного поджаривали на сковороде, затем толкли в ступе), в него макали вареный картофель.

В пище белорусских детей значительное место занимала капуста: квашеная, свежая, пареная в чугуне. На протяжении всей зимы варили щи. Не менее распространенными были огурцы. Для многих детей любимыми блюдами были печеный лук, поджаренный горох, бобы, чечевица и др. С наступлением весны пища детей несколько отличалась от их пищи в зимнее время. В этот период во многих семьях дети чувствовали голод, заканчивался хлеб, картофель, но зато на столе появлялся щавель луговой и немного горьковатый – полевой ("вєра-бейкавы"). Весной готовили щи из крапивы, лебеды, заправленные сметаной. С большим удовольствием пили дети соки (березовый, кленовый). В пищу использовалась различная зелень: кислица ("зайчыкава капуста"), сердцевина зеленого аира, сок из цветков акации и др. В народе считалось, что если дети вышли на "зеленый корень", то уже от голода не погибнут.

В летнее время в пище детей, как и взрослых, появлялось много грибов и ягод, чаще всего собранных самими же детьми. Из свежих ягод готовили и некоторые блюда, например "мурзу", "закалоту" – варили чернику и добавляли немного муки. Грибы и ягоды в большом количестве сушили на зиму. С грибами варили квас, щи. Сушеные ягоды добавляли в компоты и пр. Лакомством для детей были зеленый горох, бобы, морковь, вареная капуста, кукуруза, фасоль в стручках. Во многих семьях готовили блюда из свежей зелени и овощей, например морковный суп (нарезанную кубиками морковь и картофель варили в воде, затем добавляли молоко и доводили до готовности), молочные супы из кукурузной крупы (вылущенные зерна кукурузы пропускали через жернов, полученную крупу отваривали, заливали молоком и ставили в русскую печь). Зимой и осенью часто готовили гороховые и фасолевые супы. Нравились детям и запеченная в печке тыква ("гарбуз") и каша из нее.

В конце XIX – начале XX в. в Белоруссии было мало садов. Разводили их только в некоторых богатых хозяйствах. Малоземельные семьи такую роскошь не могли себе позволить: "Старались, чтобы посеять рожь да картофель, а о яблоках да грушах и не мечтали". Поэтому основная масса детей лакобилась дикими грушами ("дзікі") и яблоками ("лясковы"). Заготавливали их впрок. Груши сушили и зимой делали отвары. Яблоки замораживали, в результате чего они становились менее горькими.

Что касается режима питания белорусских детей, то следует сказать, что он существовал в белорусских семьях, но его строго не придерживались.

В зимнее время дети, как и взрослые, принимали пищу в основном три раза в день, летом – обязательно четыре. Но в промежутках между завтраком и обедом или до ужина дети всегда находили что-нибудь перекусить, особенно в летнее время.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 7

БРАК И СЕМЬЯ

ТРАДИЦИИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Подготовка к браку. Брак, как исторически обусловленная, санкционируемая и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям (Демографический энциклопедический словарь, 1985. С. 45), лежит в основе семьи. Так же, как и семья, брак, его формы, условия и нормы заключения во многом зависят от социально-экономических факторов.

Письменные источники свидетельствуют о существовании в дореволюционной Белоруссии разнообразных форм брака. Некоторые из них сложились еще в Древнерусском государстве как нормы обычного права, которые трансформировались позже в законы и потому были характерны как для белорусов, так и для русских и украинцев. Одним из них, широко распространенным в тот период, был брак "по сговору" (или по сватовству).

Основой брачного сговора было заключение устного или письменного договора, отражавшего согласие родителей жениха и невесты на заключение брака и оговаривавшего имущественные и временные условия его заключения. Завершающим моментом брачного сговора было рукобיתь. Сват и отец невесты, придя к предварительному соглашению, тотчас ударяли по рукам (*Довнар-Запольский*, 1893. С. 67). Рукобיתь, как неотъемлемый элемент брачного сговора, было общеславянской традицией (*Пушкарева*, 1988. С. 89; *Пономарев*, 1989. С. 102). Часто согласия молодых на брак не требовалось, поэтому при сговоре, имеющем значение брачного контракта, их присутствие было необязательным. Заключение брачного контракта обычно происходило в присутствии родственников и соседей, привлекавшихся в качестве свидетелей сговора.

В конце XIX в. у белорусов в среде простых людей преобладал относительно свободный выбор молодыми людьми будущего супруга или супруги. Случаев, когда родители выдавали замуж дочь или женили сына насильно, было немного (*Никифоровский*, 1898. С. 32; *Довнар-Запольский*, 1891. С. 49). Вместе с тем брак молодых людей был почти невозможен без согласия родителей, от которых во многом зависело экономическое положение молодой пары, а также их взаимоотношения с членами семьи, в которой им предстояло жить. Боязнь лишиться роди-

тельского благословения на брак и связанных с этим последствий удерживала юношу или девушку от принятия собственных, не согласованных с родителями решений.

Обычно родители молодых людей знали еще до сватовства, с кем встречается ("люббца") их сын или дочь, и имели возможность поддержать отношения между ними или помешать их развитию. Вмешательство родителей в процесс заключения брака их детей было закреплено в законодательстве. И все же чаще всего родители старались учитывать личные симпатии молодых людей при выборе брачного партнера.

Система добрачных отношений молодежи включала в себя знакомство, ухаживание, сватанье, обручение ("заручины"). Почти все составные добрачных отношений сохранялись в сельском быту до 50-х годов нашего столетия. Знакомства, встречи молодежи начинались довольно рано. В 14–15 лет юношам и девушкам разрешалось посещать вечерние гулянья молодежи – "вечарынкi", "вячоркi" и т.д. Немаловажную роль в сближении девушек и парней играли также праздничные гулянья, где они вместе участвовали в играх, обрядах, танцевали, пели.

В отличие от простых сословий девушкам из высшего общества встречаться с парнями на улице запрещалось. Такие встречи могли происходить на балах, вечерах, каких-нибудь торжествах в присутствии других людей и расценивались исключительно как ухаживания.

Как в городе, так и на селе родители молодых людей и сами девушки и юноши старались выбрать будущего мужа или жену из "своего" или близкого сословия, прежде всего с хорошим материальным положением семьи и положительной репутацией. Не последнюю роль играл и замкнутый характер неформального общения молодежи. Обычно компании молодых людей формировались по принципу сословного и имущественного положения: из богатых или бедных, из дворян или крестьян и т.д. Поэтому социально-смешанные браки в XIX в. были явлением редким.

При заключении браков как в городской, так и в сельской среде экономические соображения чаще всего играли определяющую роль. Браки по расчету были нередки, но это не исключало взаимные симпатии молодых. Как правило, женить сына старались на девушке, за которой давали хорошее приданое. Дворяне обычно стремились выдать дочь замуж не иначе как за дворянина с хорошим состоянием, что нередко выглядело как "продажа" в брак. "Брак по расчету, – по выражению С.С. Шашкова, – сделался самым обыкновенным явлением, особого рода промыслом" (Шашков, 1898. С. 837). Чтобы выдать дочь замуж, в городах нередко устраивались "ярмарки невест", на которые привозили своих дочерей как провинциальные дворяне, так и купцы. Своеобразными выставками невест были многочисленные балы, торжественные обеды и т.п. По свидетельству современников, в дореволюционный период все воспитание девушек было проникнуто заботой поскорее выйти замуж. В глазах девушек каждый холостой мужчина был потенциальным женихом. Даже образование, которое они получали, многими рассматривалось "не более как средство, помогающее скорейшему отвоеванию жениха" (Женщина..., 1895. С. 55).

Для молодого парня, который собирался стать самостоятельным хозяином, женитьба была почти обязательна, безбрачие осуждалось общественным мнением. Вместе с тем белорусы не торопились женить сыновей, не обеспечив им определенного стартового уровня. Поэтому прежде всего старались построить для сына отдельный дом, в который предполагалось привести молодую хозяйку, по возможности построить различные хозяйственные постройки, а также накопить денег для обустройства хозяйства ("штоб было, за што зачэпiць рукi"). Первостепенное значение придавалось подготовке приданого ("пасага") для невесты, без которого выйти замуж было почти невозможно.

Таким образом, в прошлом подготовке к браку придавалось очень большое значение. В среде крестьян, дворян и других городских сословий каждая семья стремилась подготовить серьезный материальный фундамент для своих детей, чтобы их будущая семья могла жить в относительном достатке.

Свадьба. Свадьбы в крестьянской среде чаще всего проводились весной и осенью, а иногда зимой в мясоед, перед масляной неделей (в феврале). Экономические соображения и тут были определяющими. Осенние свадьбы, когда собран урожай, заработаны деньги, были более выгодны родителям девушки, а весенние и зимние – родителям жениха, получавшим в лице невестки к сезону сельскохозяйственных работ дополнительную рабочую силу.

С получением церковью монопольного права освящения брака обязательным актом и составной частью свадебного обряда стало венчание в церкви, костеле. Венчались обычно в воскресенье или на большой престольный праздник. Следует отметить, что венчание в крестьянской среде в этот период не играло важной роли и исполнялось в основном из-за требований священника (*Довнар-Запольский*, 1897. С. 116). Оно рассматривалось как одна из частей свадебного ритуала, но наибольшее значение придавалось исполнению обрядов народной свадьбы как акту, скрепляющему брачную связь. Брак с венчанием, но без свадьбы в народе не признавался.

В конце XIX в. в некоторых местностях бывало, что церковный обряд венчания заменялся древним языческим обрядом – хождением жениха и невесты вокруг дуба в день празднования Масленицы (например, в Витебской губернии). Молодой парень, условившись заранее с любимой девушкой, увозил ее в лес к заветному дубу. Трижды обойдя его, молодые люди считали венчание совершившимся (*Шашков*, 1898. С. 765).

При заключении брака у белорусов важное значение придавалось сохранению невестой девственности до замужества. Девушку, утратившую ее еще до свадьбы, ожидала безвыборное супружество, когда она вынуждена была выйти замуж за вдовца или бедного сироту (*Довнар-Запольский*, 1893. С. 26).

Юридической основой заключения брака было семейно-брачное законодательство царской России. В него вошли многие элементы семейного обычного права, бывшего регулятором взаимоотношений в семье вплоть до конца XIX в. Им определялись возраст вступления в брак, нормы заключения брака, характер взаимоотношений юношей и девушек в предбрачный период и т.д.

Законодательство разрешало замужество женщине с 16 лет, мужчина мог жениться с 18 лет. Устанавливало оно и предельный возраст вступления в брак – 80 лет (*Григоровский*, 1896. С. 1). В семейно-брачном законодательстве содержались и другие нормы, ограничивающие круг лиц, с которыми можно было вступать в брак. Одним из них был запрет на брак с лицами, близкими по крови.

Законодательство и церковь оказывали сдерживающее влияние на процессы этнической интеграции жителей Белоруссии, установив запреты или ограничения на право заключения брака между представителями разных конфессий. Согласно § 7 "Сборника церковных и гражданских законов о браке и разводе", "российским подданным православного и римско-католического исповедания брак с нехристианами, а протестантского – брак с язычниками вовсе запрещается" (*Григоровский*, 1896. С. 5). В случаях, когда православные вступали в брак с лицами неправославного вероисповедания, последним нужно было принять православие. Они должны были давать подписку священнику о том, что не будут склонять супруга или супругу к принятию их веры и что дети от таких браков будут воспитываться в православии (*Григоровский*, 1896. С. 33). Поэтому межконфессиональные браки были редким явлением.

Законодательством предусматривались ограничения при вступлении в брак молодых людей разных сословий. Лицам, состоящим как на воинской, так и на гражданской службе, запрещалось вступать в брак без разрешения начальства. Примером тому может служить приказ гродненского гражданского губернатора от 14 августа 1864 г. № 8828 мировым посредникам и мировым исправникам: "...принять меры к устранению браков русских чиновников, прибывших в край, со здешними уроженками, видя в этом угрозу православной вере". Далее в приказе говорилось, что в отдельных случаях они могут вступать в брак с разрешения начальства (НИА в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 417. Л. 2). Однако чаще всего им отказывали, как это произошло с приставом Чарноцким, получившим отказ гродненского губернатора на вступление в брак с дворянкой Кобринского уезда римско-католического вероисповедания (Там же. Л. 5).

Некоторое распространение в среде белорусов имели браки "на веру" ("на сумление"), т.е. без церковного венчания. Обычно такие браки встречались у вдов или вдовцов, а также у бедноты, не имевшей средств для свадьбы. Бывали такие браки и среди молодых людей, не получивших согласия своих родителей на брак. Встречались в этот период и браки "самоходкою", "самокруткою". Предварительно договорившись с девушкой, жених похищал ее (иногда и с ведома родителей). Отличительной особенностью подобных форм брака было добровольное согласие брачующихся.

Такие формы браков бытовали главным образом в сельской среде до 60-х годов нашего столетия.

Брачный возраст. В первой половине XIX в. женщина вступала в брак обычно в 16–19 лет, а мужчина – в 19–22 года. Случалось, что девушек, особенно в сельской местности, отдавали замуж в 13–14 лет (Сям'я..., 1990. С. 67), хотя законодательством это запрещалось. В целом же почти половина сельских и треть городских девушек выходили замуж к 20 годам. К концу XIX в. брачный возраст как мужчин, так и женщин несколько повысился. Так, в городах, например, наибольшее число браков у женщин приходилось на возраст 20–25 лет, у мужчин – 25–30 лет, в селе – соответственно на 20 и 20–25 лет (Движение..., 1909. С. 58–59). Средний брачный возраст у женщин был равен, 23,2, у мужчин – 27,8 года (Медико-топографическое описание..., 1901. С. 44–45). В отличие от других городских сословий ремесленники, рабочие и крестьяне женились раньше и, как правило, на девушках, близких по социальному положению и моложе на 3–4 года. Дворяне, чиновники, купцы женились чаще всего после 30 лет на молодых девушках. При этом разница в возрасте супругов зачастую составляла 17–18 лет (Медико-топографическое описание..., 1901. С. 45).

Брачный возраст женихов и невест несколько варьировал в различных регионах республики. Ближе к югу число ранних браков возрастало. Наибольшее их количество было зафиксировано в Полесье. Чаще встречались они в селах и в небольших городах, где было сильное влияние этнических традиций, ориентировавших на более раннее вступление в брак, обусловленное необходимостью ведения хозяйства, состояние которого зависело от наличия рабочих рук.

На рубеже XIX–XX вв. брак, опирающийся на патриархальные принципы, экономическую выгоду, институт сватов и отличающийся социальной и этнической замкнутостью, постепенно уступил место браку, основанному на взаимной симпатии и на самостоятельном решении молодых людей. Правда, в послереволюционные годы долгое время муссировалась точка зрения на отрицание брака и семьи как таковых. В этот период значительно ослабли экономические факторы заключения брака, уменьшилось влияние родителей на выбор брачного партнера, возросла самостоятельность молодежи. Церковное венчание постепенно вытеснялось гражданским браком.

Декретами Советской власти "О гражданском браке" и "О расторжении брака", принятыми в декабре 1917 г., были определены принципы взаимоотношений в сфере брака и семьи, в основе которых лежали равноправие, взаимная любовь и склонность, уважение, духовная близость, взаимопомощь.

Брак стал добровольным, свободным и равноправным союзом мужчины и женщины, а гражданский брак – доминирующей его формой, хотя церковное венчание, особенно в довоенные годы, сохраняло в определенной степени свои позиции.

Юридический брачный возраст, установленный в СССР в законодательном порядке для каждой республики, составлял в Белоруссии 18 лет. На новом историческом отрезке времени ранние браки как в городе, так и в селе встречались все реже. В 20–30-е годы рабочие-мужчины женились чаще всего в возрасте 22–29 лет, женщины выходили замуж в 19–22 года (Иванов, 1975. С. 121). Возрос средний брачный возраст и среди сельских жителей. Это во многом было связано с вовлечением женщин в общественное производство, с ростом экономической независимости молодежи, сопровождавшейся приобретением ею самостоятельности в принятии решений, с удлинением сроков получения образования, и т.п. Такая ситуация сохранялась и в 1980–1990-е годы.

Средний возраст вступления в первый брак в Республике Беларусь в 1994 г. для мужчин составил 24, для женщин – 22 года (Население..., 1995. С. 212). В целом же большинство мужчин вступают в брак к 30 годам, женщин – к 25 годам.

Уровень брачности в республике довольно высок. По данным последней переписи населения, из каждой тысячи мужчин в браке состояли 737, женщин – 617 (Численность, возрастная структура..., 1990. С. 158). Уровень брачности у белорусов, особенно у женщин, несколько ниже, чем у представителей других национальностей, за исключением евреек. В 1989 г. из каждой тысячи белорусок-горожанок в браке состояли 629, а на селе – 588 (у евреек – соответственно 583 и 545). Для мужчин этот показатель в городе и на селе был равен 730 на каждую тысячу белорусов (Беларусь, 1996. С. 20). На уровне мужской и женской брачности долгое время сказывались последствия второй мировой войны. Диспропорции полов, вызванные гибелью мужской части населения, усиленные меньшей продолжительностью жизни мужчин, повлияли на снижение уровня брачности женщин, о чем свидетельствуют материалы всех послевоенных переписей населения. Незначительное улучшение половозрастной структуры населения намечилось к концу 80-х годов. Если в 1979 г. на каждую тысячу женщин приходилось 865 мужчин, то в 1989 г. – 879 (Вестник статистики, 1990. С. 137).

Диспропорция полов существует и сегодня. Она становится заметной в возрастных группах старше 20 лет. И чем старше возраст, тем большим становится разрыв в соотношении численности женщин и мужчин. В 1995 г. на 1000 мужчин в возрасте 50–54 лет приходилось 1115 женщин, в возрасте 55–60 лет – 1266, в возрасте 70 лет и старше – 2624 женщины (Население..., 1995. С. 109). Уровень брачности в республике у городских женщин был выше, чем у сельских, и выше среди мужчин, чем среди женщин.

Ухудшение уровня жизни населения Белоруссии с начала 1990-х годов вызвало резкое сокращение числа браков и увеличение числа разводов. С 1990 по 1996 г. число браков сократилось на треть. Если в 1990 г. в республике было зарегистрировано 99 229 браков, то в 1996 г. – 63 677, разводов – соответственно 34 986 и 43 089 (Народная воля, 1998. 27 янв.).

Основную массу брачующихся составляет молодежь в возрасте до 30 лет. Так же, как и в некоторых других странах СНГ, в Белоруссии в последнее время наблюдается демографическое явление – "омоложение" брака. Если в 1970 г. в возрасте 20–24 лет в браке состояло 25% мужчин и 52% женщин, в 1979 г. – 35%

мужчин и 57% женщин, в 1989 г. — соответственно 37,6% мужчин и 61,2% женщин, то в 1994 г. в городах из числа вступивших в брак мужчин 20–24-летние составили 40,9%, а среди женщин — 51,8%. В сельской местности в этом возрасте вступили в брак соответственно 38,3% мужчин и 50% женщин (Население..., 1995. С. 214–216).

Регистрацию браков в городе и на селе осуществляют отделы загса исполкомов. В 1970–1980-е годы в связи с развитием обрядотворчества в обряде торжественной регистрации браков стали активно применять элементы народных традиций (вручение хлеба-соли, свидетели молодых, использование тканых рушников и др.) (рис. 174–176).

Начиная с 1970-х годов молодежь наряду с регистрацией брака в загсе прибегает к венчанию. Число венчаний растет из года в год, чему способствует не столько религиозность населения, сколько дань моде. Если в 1975 г. венчалось 1,7% из числа вступивших в брак, в 1989 г. — 4,4%, то в 1991 г. — 13% (НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 868. Л. 8; Оп. 156. Д. 427. Л. 28; Д. 848. Л. 38).

При выборе брачного партнера наибольшее значение имеют любовь, общность интересов, единство или схожесть взглядов на семью, семейно-брачные отношения молодых людей. Экономический расчет, определявший в прошлом выбор мужа или жены, хотя и не исчез полностью, но отодвинут на второй план. Юноши и девушки вступают в брак нередко в студенческие годы или в начале своей трудовой деятельности, и часто молодые бывают равными или близкими по возрасту, социальному статусу, материальному положению супругов. Разница в возрасте большей части вступающих в брак не превышает 4 лет. Однако заметна тенденция к возрастанию числа браков, в которых невеста старше жениха на 2–3 года. Неравных браков, к которым относят обычно браки с разницей в возрасте супругов свыше 10 лет, немного. Чаще всего они встречаются в старших возрастных группах. По данным, полученным в загсах Минска, в 1985 г., например, в браки с разницей в возрасте супругов свыше 10 лет вступили 7,1% мужчин и 15,9% женщин в возрасте от 50 до 60 лет; 3,1% мужчин и 11,8% женщин в возрасте от 30 до 40 лет; 0,06% мужчин и 0,4% женщин в возрасте от 25 до 30 лет; 1,0% мужчин и 5,4% женщин в возрасте от 20 до 25 лет и 0,2% мужчин и 0,8% женщин в возрасте до 20 лет (Сям'я..., 1990. С. 151). Было зафиксировано несколько случаев, когда разница в возрасте брачующихся достигала 20–30 лет. Вероятно, при вступлении в брак таких пар экономический или иной расчет был определяющим.

Большинство молодых семей сегодня создаются по взаимной любви. Однако при заключении брака экономический фактор все чаще выходит на передний план. Готовясь создать семью, молодые люди обычно обсуждают материальные возможности, жилищные условия и другие стороны их будущей жизни. Встречаются случаи, когда молодая семья со своими проблемами и заботами ложится бременем на родительский бюджет.

Согласно данным этносоциологического обследования городского и сельского населения, в 1986 г. более половины семей, в основном молодых, получали материальную помощь от родителей. Причем каждой четвертой семье такая помощь оказывалась регулярно.

Межнациональные браки. Для Белоруссии характерен процесс активного межэтнического взаимодействия в сфере семьи и брака, о чем свидетельствует постоянный рост межнациональных браков, особенно заметный в крупных городах и городах-новостройках, где еще в начале 1990-х годов были высокие темпы промышленного строительства. В 1970–1980-е годы на новых промышленных предприятиях рабочие места заполняли как жители белорусских сел и городов, так и приезжие из разных мест Советского Союза, что было важным фактором в

Рис. 174. На торжественной регистрации брака. Гродно. 1985 г.

формировании многонационального состава населения городов. В последние годы миграции в Республику Беларусь из соседних государств, внесшие изменения в мозаичность населения, связаны с иными факторами, среди которых наиболее значимы экономическая деятельность, военные конфликты в разных регионах и др.

По количеству межнациональных браков Белоруссия в 1970–1980-е годы занимала одно из первых мест. Если в 1926 г. в городах республики на одну тысячу семей приходилось 177 национально-смешанных браков, то в 1959 г. их было 237, в 1970 г. – 292, в 1979 г. – 295, в 1989 г. – 310. Невысокий уровень межнациональной брачности, характерный для села, связан прежде всего с его национальным составом, где большинство составляют белорусы. Однако и в сельской местности число межнациональных браков постоянно растет. В 1926 г. их было 2,9% от общего числа браков, в 1959 г. – 5,6%, в 1979 г. – 9,2%, в 1989 г. – 13,3% (Распределение семей..., 1991. С. 202; Естественное движение..., 1929; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., 1973. Т. VII. С. 282; Население СССР, 1983. С. 99; Численность и состав населения СССР..., 1985. С. 296). В целом по республике каждый третий

Рис. 175. Встреча молодых. Г. Дубровно Витебской обл. 1984 г.

белорус состоит в межнациональном браке. Доля мужчин и женщин белорусов в межнациональных браках, по данным 1989 г., была примерно одинакова и составила соответственно 38,5 и 37,2% (Беларусы, 1996. С. 20).

Межнациональные браки играют важную роль в процессе функционирования и эволюции этносов, их этнокультурного взаимодействия. Их рост, как свидетельствуют материалы опросов, безусловно, связан с толерантным отношением белорусов и других народов Белоруссии к религии и культуре друг друга, о чем свидетельствуют материалы этносоциологических исследований населения 1976, 1986 и 1989 гг.

Развитию процессов активного межэтнического взаимодействия в сфере брака и семьи послужило исчезновение объективных причин и препятствий, тормозивших в прошлом эти процессы: устранение религиозных запретов и ограничений, национальной обособленности, феодально-патриархального характера семейно-брачных традиций (появление условий для развития культуры всех наций и народностей).

Рис. 176. На торжественной регистрации брака. Минск. 1996 г.

Но наиболее значимую роль играет этническая мозаичность населения, которая усиливается в связи с миграциями. В Минске, например, где проживает свыше 100 различных национальностей, межнациональные браки составляют 41,4%, весьма широк и их спектр. Здесь межнациональные браки отражают всю географию страны, нередки браки и с представителями других стран.

Высокий удельный вес этнически смешанных браков отмечается и в некоторых небольших городах республики, особенно в новых промышленных центрах. Примером могут служить Новополоцк, Светлогорск, в которых межнациональные браки составили соответственно 45,5 и 40,4% (Сем'я..., 1990. С. 152). В малых городах с однотипной структурой населения межнациональные браки заключаются реже и главным образом между представителями славянских народов (табл. 10).

Среди межнациональных браков наибольшее распространение имеют браки белорусов с русскими и украинцами, между которыми и в прошлом этноизоли-

Таблица 10

Распределение межнациональных браков в различных городах*
(в % от числа браков данной национальности)

Город	Белорусы	Русские	Украинцы	Поляки	Евреи	Другие националь- ности
Минск	27,0	68,7	92,8	97,8	39,5	79,6
Могилев	20,3	78,5	93,4	100,0	40,4	82,9
Полоцк	31,0	70,9	92,3	100,0	—	67,6
Молодечно	21,3	78,6	100,0	100,0	14,3	100,0
Светлогорск	25,8	73,6	88,4	100,0	66,7	81,0
Кричев	18,6	71,0	95,0	—	—	—
Туров	8,9	100,0	100,0	—	—	—
Воложин	19,4	76,0	100,0	25,0	—	100,0
Иваницы	20,0	94,7	100,0	100,0	—	100,0

*Материалы городских архивов загсов за 1984, 1985 гг. (12 886 актовых записей о браках).

рующих преград было меньше всего, так как они были связаны общностью происхождения, культурно-бытовых традиций, языка, единой религией. По полученным нами данным, в Минске среди межнациональных браков 89% составили браки, где один из супругов белорус, в том числе: 66,2% браков белорусов с русскими, 10,4% — с украинцами, 4,4% — с поляками, 2,5% — с евреями, 5,5% — с прочими национальностями (Сям'я..., 1990. С. 153).

Доля межнациональных браков у белорусов меньше, чем в среднем по республике, и больше в городах, чем в сельской местности. В 1979 г. (по данным переписи населения) межнациональные браки составили у белорусов 20,9% при среднем по республике 29,5% (Волков, 1989. С. 16). В Минске, где сосредоточена четверть городского населения республики, межнациональные браки у белорусов составляют 27%, у русских — 68,7%, у украинцев — 92,8%, у поляков — 97,8%, у евреев — 39,5%, у прочих национальностей — 79,6% (Сям'я..., 1990. С. 153). Меньшая доля межнациональных браков у белорусов по сравнению с другими национальностями объясняется прежде всего компактностью их расселения.

Частота межнациональных браков дифференцирована по полу. В довоенный период в Белоруссии в межнациональные браки чаще вступали мужчины, в конце 1970-х годов — женщины. Так, если в 1936 г. доля межнациональных браков у мужчин составляла 12,0%, у женщин — 10,0%, то в 1979 г. среди белорусов на 100 женщин, состоящих в национально-смешанном браке, приходилось 80 мужчин (Борзых, 1984. С. 105; Волков, 1989. С. 22).

Следует отметить, что большая часть национально-смешанных браков заключается между представителями славянских народов. Среди других вариантов смешанных браков чаще распространены браки белорусов с литовцами и латышами, но их процент в общем числе браков невелик.

Социально-смешанные браки. В семейно-брачной сфере наряду с национальной происходит и социальная интеграция. Как показали исследования, наиболее активно этот процесс происходит в крупных городах с высокой концентрацией экономического и духовного потенциала республики, создающих условия для активного взаимодействия представителей социальных групп в различных сферах жизни. По социально-профессиональному признаку в Минске является смешанным каждый второй брак (в СССР в целом был каждый третий). Наибольшая социально-профессиональная гетерогенность браков отмечена у людей со средним

специальным образованием, у служащих-неспециалистов и высококвалифицированных рабочих; гомогенность – у неквалифицированных рабочих и интеллигенции. В формировании социально-смешанных браков важную роль играет не только соотношение социальных групп и доли мужчин и женщин в каждой из них, но и определенная близость социальных и культурных ориентаций представителей разных групп населения. Например, преобладание женщин, "дефицит" женихов среди служащих способствуют тому, что большинство из этой социальной группы вступает в брак с представителями других групп. В то же время представители каждой социально-профессиональной категории предпочитают иметь супруга или супругу, которые были бы близки по профессии или социальному статусу. Так, рабочие чаще вступают в браки со служащими-неспециалистами, а специалисты высшей квалификации – со специалистами средней квалификации.

Таким образом, в современных условиях происходят активные взаимодействия различных этносов и социальных групп в семейно-брачной сфере как следствие развития между ними экономических и культурных связей.

Изменение форм брака с дореволюционного времени до наших дней происходило по линии ослабления жестких норм его заключения и контроля со стороны окружающей среды, экономической основы его создания, демографических и других характеристик заключения брачного союза.

ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ

Структура семьи. Белорусская традиционная семья в разные исторические периоды отличалась определенной структурой. Как свидетельствуют данные IX ревизии в 1850 г., большинство семей имели сложный состав. Преобладали, хотя и незначительно, неразделенные семьи (51,3% всех семей). Среди них первое место занимали отцовские (53%), преимущественно однолинейные, трехпоколенные семьи. Братские семьи – совместное проживание двух женатых братьев с детьми, реже – с внуками – составляли немногим более 30%. Встречались семьи, в которых проживали и совместно вели хозяйство двоюродные и троюродные братья, а также семьи с дядьями, племянниками, реже – с шуринами, с примаками (мужьями, проживающими в доме жен) и сдольниками (работниками, проживающими в семье на договорных условиях).

Малые семьи составляли 47,1%. Они были довольно разнообразны по родственному составу. Наиболее распространенными оказались нуклеарные семьи (33,7%) и около 20% составляли усложненные. В последних, кроме супружеской пары с детьми, проживали холостые братья, сестры (обычно мужа), а в ряде случаев – племянники (реже – шурины).

Отмена крепостного права и процесс имущественного расслоения крестьянства, который активизировался с развитием капитализма, содействовали дальнейшему дроблению белорусской семьи. В конце XIX в. на территории Белоруссии как в селе, так и в городе уже преобладала малая семья, в структуре которой произошли значительные изменения. Если в середине XIX в. нуклеарные семьи составляли 33,7%, то в конце XIX в. – более 60%. Среди малых городских семей нуклеарными были более 70%, сложными – 28,1%. В состав малых сложных семей входили брачная пара с детьми и один из родителей, чаще – мужа (более 30%). Были также семьи, в которых совместно проживали незамужние (неженатые) родственники мужской линии (братья, сестры). Они составляли около 10% всех малых семей (в середине XIX в. – 17%). Небольшое число семей (около 3%)

состояло из холостых племянников и шуринов. Относительно часто встречались неполные семьи, среди которых было много бездетных супружеских пар. Они характерны для полярных групп – пожилых и молодых, только что вступивших в брак. В ряде семей (чаще – в богатых) жили работники.

Данные конца XIX в. свидетельствуют о том, что в Белоруссии имели место и неразделенные семьи. Не делились, как правило, зажиточные семьи, что в какой-то мере подтверждают материалы РГО за 1872 г. Сопоставление имеющихся в анкетах данных по возрасту и полу, а также по экономическому состоянию показало, что неразделенными оставались преимущественно зажиточные семьи. В некоторых анкетах даже подчеркивается, что в богатых хозяйствах живут две-три семьи. Тем не менее, по нашим данным, число неразделенных семей в конце XIX в. по сравнению с 1850 г. сократилось примерно в два раза (50,4% в 1850 г. и 24,6% в 1897 г.). Анализ посемейных анкет переписи 1897 г. показал, что в этот период среди неразделенных семей заметно возросло число отцовских трехпоколенных семей. Отцовские семьи с одним женатым сыном составляли 81,2% от числа всех неразделенных семей, семьи с двумя сыновьями – 15% (против 21% в середине XIX в.), с тремя сыновьями – менее 1%. Значительно сократилось число неразделенных семей, в которых проживали и совместно вели хозяйство женатые племянники и шурины.

Как видно, за 50 лет структура семей в Белоруссии упростилась. Уменьшилось число неразделенных и возросло число малых семей. Изменился поколенный и сузился родственный состав.

Численный состав. Изменялся и численный состав белорусской семьи. В середине XIX в. в Белоруссии преобладали семьи, состоящие из 6–10 человек (51,4%), реже встречались семьи из 2–5 (28,4%) и 11–15 (17,7%) человек. Около 35% семей состояли из 16 и более человек (преимущественно в Полесье).

Более многочисленными были неразделенные семьи, 60% которых состояли из 6–10 человек, а 33% – из 11–15 человек.

Из числа малых семей более половины (57,1%) состояли из 2–5 человек и 42,2% – из 6–10 человек.

Средний размер семьи составлял в середине XIX в. примерно 9 человек, а в конце XIX в. размер крестьянской семьи был равен 7 человекам, городской – 5 человекам (Сям'я..., 1990. С. 34). По нашим наблюдениям, размер семьи зависел от ее экономического состояния. Например, семьи, состоящие из 10 и более человек, были характерны для зажиточных хозяйств, а семьи из 7 человек – для середняков. Бедные семьи чаще всего состояли из 5 и менее человек (Хозяйственное положение..., 1910. С. 27).

Семейные разделы, возросшие в эпоху капитализма, содействовали сокращению детности семьи. Если в середине XIX в. супружеская пара имела в среднем 5–6 детей, то в конце XIX в. – 3–4, а городская – 1–3 детей. По данным анкет РГО, большее число детей имели зажиточные семьи и семьи середняков. Например, 7 и более детей чаще отмечалось в богатых семьях. В бедных семьях рождаемость была также высокой, но довольно высокой была и смертность, особенно детская. Например, в Минской губернии из 1000 родившихся 377 детей умирало, не достигнув 5 лет, в том числе 150 из них не доживало до года (Зеленский, 1864. С. 449). Высокая детская смертность была результатом как низкого материального достатка семьи, так и эпидемий, различных болезней, недостаточной медицинской помощи и пр. В Минске один врач приходился на 1466 жителей, в уездных городах – на 2399 жителей, в городах Витебской губернии один врач приходился на 9660 человек и на 5304 – один фельдшер (Сям'я..., 1990. С. 137).

После Октябрьской революции, отмены частной собственности на землю происходило дальнейшее дробление белорусской семьи. Материалы исследования

Таблица 11

Средний размер семьи в Белоруссии
(по данным переписей населения, человек)

Население	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Всего по республике	4,2	3,7	3,6	3,3	3,2
В городах	3,7	3,5	3,3	3,3	3,3
В селах	4,4	3,8	3,7	3,3	3,0

1926 г., которое проводила секция по изучению быта крестьян Института белорусской культуры, показали, что в этот период в крестьянской среде преобладали семьи из 4–8 человек, реже встречались семьи из 2–4 человек. Совсем мало семей было из 9 и более человек и еще меньше – из 13 человек. Средний размер крестьянской семьи составлял в эти годы 5,9 человек. Немноголюдными были и городские семьи. Например, в Витебске семья в среднем состояла из 4 человек, в других городах – из 3–4 человек.

В 1920-е годы, с получением права на землю, когда каждый член семьи становился экономически независимым, увеличилось число семейных разделов. По данным Витебского райземотдела, с 1925 по 1929 г. в районе состоялось около 500 семейно-имущественных разделов. Еще большее дробление семей было вызвано коллективизацией, в условиях которой основные производственные вопросы из рамок семьи были перенесены в сферу общественного производства.

Большое влияние на изменение структуры белорусской семьи, уменьшение ее размера оказала Великая Отечественная война. По данным послевоенных переписей населения, средний размер семьи сокращался. Если в 1939 г. средний размер семьи составлял 4,4 человека, то в 1959 – 3,7, в 1970 – 3,6, в 1979 – 3,3, а в 1989 г. – 3,2 человека. Причем, в 1959 и 1970 гг. более многолюдными были сельские семьи, в 1979 г. численный состав городской и сельской семьи уравнился, а в 1989 г. средний размер сельской семьи сократился и стал меньше городской (табл. 11).

Основными причинами уменьшения размера сельской семьи были постоянно растущая миграция, переселение молодежи из села в город, а также неолокальные браки (поселение молодых супругов отдельно от родителей). Материальная независимость младшего и старшего поколений и возможность решения для молодой семьи жилищной проблемы содействовали сокращению численности семьи. Наблюдения показали, что желание жить отдельно в одинаковой мере характерно и для родителей, и для молодоженов. Отделившиеся семьи постоянно поддерживают родственные связи и оказывают друг другу посильную помощь.

За последние годы значительно изменился численный состав белорусской семьи. Как видно из табл. 12, в республике (по итогам переписей населения) возросло число семей, состоящих из 2 человек, и сократилась доля семей из 3, а также 6 и более человек. Резко возросло число семей из 2 человек в сельской местности. Если в городах преобладают семьи из 3 и 4 человек, то в селе – из 2 и 3 человек.

По данным исследований 1986 г., более 70% семей, состоящих из 2 человек, имели возраст 50 лет и старше. Число таких семей продолжало увеличиваться; нуклеарные семьи по-прежнему оставались самыми распространенными. Сложных семей, в которых проживали родители (чаще – один из них) и женатые дети, было немного. В 1990-е годы наблюдается их увеличение в городах республики в связи с переездом нетрудоспособных родителей из села к своим детям-горожанам.

Структура семьи, в особенности ее численный состав, в значительной степени

Таблица 12

Распределение семей по численному составу
(рассчитано на 1000 семей)

Годы переписей	Число семей из				
	2 человек	3 человек	4 человек	5 человек	6 и более человек
Всё население					
1979	319	292	251	92	46
1989	347	274	268	76	35
Городское население					
1979	263	333	296	80	28
1989	281	303	311	74	31
Сельское население					
1979	384	243	198	107	68
1989	466	223	190	79	42

Таблица 13

Распределение семей по числу детей до 18 лет
(на 1000 семей)

Население	Семьи с				
	1 ребенком	2 детьми	3 детьми	4 детьми	5 и более детьми
Всего по республике	496	412	71	14	7
В городах	512	431	48	6	3
В селах	456	369	126	32	17

зависит от количества в ней детей. В советский период в связи с изменениями в материальной и культурной жизни республики, вовлечением женщин в общественное производство шел постепенный процесс сокращения детности. Резко снизилась рождаемость в годы Великой Отечественной войны и несколько возросла в первые послевоенные годы (см. раздел "Демографические процессы"). В этот период наблюдалось увеличение числа внебрачных детей. В дальнейшем наблюдалось снижение рождаемости. В 1980-е годы суммарный коэффициент рождаемости находился ниже рубежа простого воспроизводства (Борисов, 1985. С. 36–37). По данным выборочного исследования 1985 г., в БССР на каждые 1000 женщин приходилось 1645 детей, а на 1000 замужних в возрасте 15–59 лет – 1933 детей. Как в селе, так и в городе преобладают семьи с одним и двумя детьми. Многодетные семьи (рис. 177) чаще встречаются в сельской местности (табл. 13).

Как видно из табл. 11, 12, 13, современная семья, особенно городская, не стремится к многодетности. Если в сельской местности 5 и более детей имеют 17 семей на 1000, то в городе – только 3 семьи (см. табл. 13).

На количество детей в семье значительно влияют профессия супругов (особенно жены) и их образовательный уровень. По данным выборочного исследования 1985 г., на каждую тысячу женщин в возрасте 18–59 лет с высшим образованием родилось 1314 детей, с незаконченным высшим – 722, со средним специальным – 1415, со средним – 1339, с неполным средним – 2072, с начальным –

Рис. 177. Многодетная семья Пригодичей. Витебская обл. 1990 г.

2345. Большинство женщин стремилось иметь двух детей (636), 155 женщин – одного и столько же – трех, 27 – четырех, лишь 15 женщин – пятерых. По данным социологического исследования, женщины, имеющие 5 и более детей, чаще всего имеют начальное и неоконченное среднее образование.

Распределение обязанностей. Внутрисемейные отношения, как в городской, так и сельской семье в значительной степени определялись ее формой. Больше традиционных черт сохранялось в неразделенной семье. Такая семья обычно состояла из нескольких семейных коллективов и нуждалась в управлении. Поэтому для неразделенной белорусской семьи периода капитализма была характерна централизация власти, которая обеспечивала успешное ведение хозяйства.

Согласно обычному праву, во главе крестьянской семьи стоял старший мужчина, в отцовской это был отец, в братской – старший из братьев. Как в отцовской, так и в братской семье, основные обязанности членов семьи были одни и те же. Глава семьи отвечал за организацию хозяйственной деятельности и семейного быта, за денежные выплаты, представлял семью на сельских сходах и пр. Власть главы семьи для ее членов была беспрекословной. Он распределял хозяйственные работы среди членов семьи, без его согласия никто не мог уехать на заработки. Глава нес и моральную, и материальную ответственность за всю семью.

Со стороны домочадцев к нему предъявлялись тоже определенные требования. Основными из них были умелое ведение хозяйства, разумное распоряжение семейным имуществом, трудолюбие, справедливость. Ему не прощались пьянство и лень. В том случае, если глава семьи не соответствовал этим требованиям, семья могла разделиться или главенство передавалось в другие руки. Если были взрослые сы-

новья, то главенство переходило к старшему сыну, а в братской семье – к другому брату.

В братских семьях отношения между членами семьи были более демократичными, поскольку все братья юридически были равноправными. В таких семьях глава обладал меньшей властью, чем в отцовской семье.

В малой семье главой был муж. Налаживание отношений в такой семье в значительной степени зависело от характеров супругов, а также от ее экономического состояния. Экономический фактор был особенно важным в городской семье, где внутрисемейные отношения в большей степени зависели от того, из каких доходов складывался ее бюджет. Большинство горожан имели дома, огороды, сады, некоторые – небольшие промышленные заведения, лавочки и др. Многие семьи имели свои подсобные хозяйства, где, как правило, главствовала женщина.

По мнению некоторых авторов, женщина в белорусской семье была бесправной. Но это только с точки зрения юридической, так как она не имела права на наследование движимого и недвижимого имущества, кроме своего приданого – "пасага". Фактически женщина играла большую роль в организации повседневного быта семьи, в формировании внутрисемейных отношений, что в значительной степени определялось формой семьи. Так, в отцовской семье, где совместно проживали и вели хозяйство два-три женатых сына, главной среди женщин была мать. Она считалась хозяйкой – "гаспадыняй" – и руководила всем семейным коллективом. От ее личных качеств часто зависело, как складывались отношения между невестками. Как литературные, так и экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что женщина-хозяйка, в данном случае – свекровь, пользовалась большой властью среди женщин семейного коллектива. Она распределяла работу по дому между женщинами, но при этом сама никогда не оставалась без работы. Примерно также распределялась работа и в братской семье, где главной была жена старшего брата – "гаспадара".

В крестьянской семье независимо от ее формы существовало строгое разграничение работ на "мужские" и "женские". Мужчина пахал, сажал, убирал, заготавливал дрова, корм для скотины, ремонтировал постройки и пр. Как в городской, так и в сельской семье в круг обязанностей женщины входило обеспечение семьи пищей, одеждой; она стирала, убирала, работала в огороде. В страдную пору крестьянки помогали в поле, на сенокосе (рис. 178). Как видно, женщина не только была обременена работой по дому, но и нередко выполняла "мужскую" работу. Мужчины, как правило, "у бабскія справы не лезлі". Мужчина никогда не доставал обед из печи, не брал сам чистое белье из кубла или куфра, не полол гряды, не говоря уже о приготовлении пищи.

Для более полного представления об объеме работ, выполняемых членами семьи, и степени участия в них женщин рассмотрим распорядок дня крестьянской семьи в зимнее и летнее время, в будни и праздничные дни.

Рабочий день в доме начинала женщина. Она вставала в 4–5 часов утра, обычно зимой прjala, а часов в 7 начинала топить печь, готовить завтрак ("упраўляцца", "ладзіцца"). В неразделенных семьях еду готовила обычно старшая, наиболее опытная женщина, ей иногда помогала младшая невестка или жена младшего брата. Остальные женщины до завтрака занимались прядением.

Мужчины поднимались позже, часов в 6 утра, и первым делом давали корм лошадям. В богатых семьях до завтрака молотили, затем ехали в лес, готовили и возили дрова. В крестьянской семье дрова заготавливали, как правило, зимой, с таким расчетом, чтобы хватило и на лето. Вечером ремонтировали упряжь, плели лапти, часто собирались на "поседкі", "хадзілі гуляць". Ложились спать обычно раньше женщин. В малых, особенно бедных семьях, в зимнее время у мужчин работы было значительно меньше, чем у их жен.

Рис. 178. Крестьянская семья полешуков. Полесье. Брестская обл. Начало XX в.

Кроме домашней работы, женщины за определенную плату пряли для богатых лен, шерсть. Закончив прядение, они начинали ткать. П.В. Шейн отмечал, что одна женщина за зиму могла напрядь и из этой пряжи выткать более 100 аршин холста (Шейн, 1902. Т. 3. С. 9). В неразделенных семьях женщины могли чередоваться в выполнении домашних работ. Причем, если одна из них садилась за кросно, то никакой другой работой уже не занималась. В малой семье, кроме занятия тканьем, женщина должна была кормить детей, досмотреть скотину, готовить пищу, хотя последнее мужчины не считали работой: "З качаргой, не з сахарой", – говорили они.

Тем не менее приготовление пищи было для женщины не только трудоемким, но и ответственным делом. Хозяйке не прощалось неумение готовить: "Недосол – на спине", – говорит народная поговорка. Особым достоинством хозяйки считалось умение печь хороший хлеб, к которому в каждой семье относились бережно. Глава семьи, садясь первым за стол, перекрестясь, отрезал каждому кусок хлеба. После еды на столе не должно было остаться ни крошки хлеба. Если случалось, что кто-то обронил кусочек, его тут же поднимали, целовали и клали на стол. Никогда ни в одной семье независимо от ее экономического состояния хлеб не использовали на корм скоту. Каждый знал цену хлебу, знал, каким трудом он доставался. В народе существовал культ хлеба, что нашло отражение в фольклоре, особенно в обрядах.

Отношения между супругами во многом определялись характером и личными качествами. Многочисленные источники свидетельствуют о хороших, мягких отношениях супругов друг к другу. Муж, обращаясь к жене, называл ее "маці", жена мужа называла "бацька". Однако ссоры, а подчас и драки в семье не были исключением.

Рис. 179. Дедушка с внуком. Могилевская губ. Начало XX в.

На характер внутрисемейных отношений значительно влияло и такое социальное явление, как пьянство, увеличившееся с развитием капитализма (Семетовский, 1972. С. 12). Без водки не обходились ни свадьбы, ни похороны, ни покупка коровы или лошади. Пили все слои населения в праздничные и воскресные дни. По данным анкет РГО, богатая семья, например, тратила на водку 70 руб. в год, средняя – до 40 руб., бедная – до 16 руб. Иногда, не имея денег, крестьянин тайком от жены нес в корчму зерно, муку и пр. (Шейн, 1902. Т. 3. С. 92). Попытки повлиять на мужчину, например, со стороны духовенства, не всегда давали положительные результаты. Значительную работу по борьбе с пьянством вели также комитеты попечительства о народной трезвости. Однако и это хорошее начинание не давало заметных результатов.

Определенное влияние на характер внутрисемейных отношений оказывало отходничество. Чтобы прокормить семью и укрепить свое хозяйство, крестьяне занимались на лесосплавные, дорожно-строительные, сельскохозяйственные работы, а также на заводы Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и др. (см. раздел "Демографические процессы"). В 90-е годы XIX в. количество крестьян-отходников достигло примерно 300 тыс. человек в год (Гистория БССР, 1971. Т. 2. С. 136). Отходничество было характерно для мужчин из малоимущих семей, как малых, так и неразделенных. Среди женщин оно не имело широкого распространения. Например, в 1898 г. в Лепельском уезде в отходничестве работали 3230 мужчин и 145 женщин. Последние занимались огородничеством, портняжным делом, прядением и др., в городах занимались горничными, кухарками, рабочими на фабрики.

Отходничество вносило определенный дискомфорт во внутрисемейные отношения, особенно в неразделенной семье. Нередко между членами семьи и семьей отходника возникали конфликтные ситуации из-за того, как тратятся заработанные отходником деньги, особенно если это была братская семья. Бывало, что отходник отдавал в семью лишь часть заработанных денег, что также вело к конфликтам, которые нередко заканчивались разделом семьи. Часто причиной разделов были неуживчивые характеры женщин в семье (Дембовецкий, 1983. Ки. 1. С. 502). Основными же, внутренними причинами разделов были малоземельность семей и частые неурожаи. Зажиточные семьи обычно не стремились к разделу, поскольку им нужна была рабочая сила.

Дальнейшее развитие капитализма, а также политическое и общественное пробуждение крестьянства привели к изменениям во внутрисемейных отношениях, что сказалось и на характере разделов. По материалам, относящимся к началу XX в., разделы имели место и среди бедных. Изменилось отношение к разделам и родителей. Нередко глава семьи сам старался помочь в строительстве дома для отделившегося сына. Однако полных разделов, в результате которых родители оста-

нались бы одни, у белорусов не было. Согласно обычному праву с ними оставался один из сыновей, как правило, младший. Поэтому проблемы одинокой старости у белорусов, можно сказать, не существовало, также не существовало вопросов, связанных с досмотром маленьких детей в тех семьях, в которых жили старые родители (рис. 179).

ДЕТИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Появление детей в крестьянской, а также в рабочей семье – это не только воспроизводство населения, но и увеличение количества рабочих рук в хозяйстве. Поэтому рождение детей, особенно мальчиков (девочка считалась отрезанным ломтем, поскольку приносила семье больше расходов, чем прибыли), воспринималось всегда с радостью.

В каждой семье независимо от ее социального состояния заботы о детях, особенно в первые годы их жизни, лежали на плечах матери. Примерно до шести месяцев детей купали каждый день, затем, до года – два-три раза в неделю, а после года – один-два раза в неделю.

С самого рождения и до 6–7 месяцев ребенка туго пеленали. Считалось, что пеленание содействует исправлению и предупреждению разных физических дефектов (кривобокости, кривых ног и др.). На 7–8-м месяце ребенка пеленали более свободно, связывая только ножки. Сажать ребенка начинали довольно рано, примерно с 4 месяцев, а в 5–6 месяцев ребенка ставили на ножки. Для этой цели у белорусов существовал стояк ("стаяк"): две квадратные доски, соединенные по углам вертикальными брусками, высотой примерно 50 см. В верхней доске делалось круглое отверстие, в которое ставили ребенка. Время, когда он начинал ползать, а затем ходить, в значительной степени зависело от физического состояния ребенка. Судя по материалам экспедиций, ползать дети начинали в 7–8 месяцев, самостоятельно ходить – в 11–12 месяцев, а иногда и позже. Для обучения ходьбе повсеместно использовали специальное приспособление "ходун" ("хадун", "хадунок"). Постелью для детей раннего возраста служила люлька ("калыска") – деревянная, из луба, плетеная, реже полотняная (типа гамака). На территории Белоруссии известны два типа люлек – подвесные и стоячие.

Кормление детей грудного возраста было произвольным, не по часам: "Как заплачет ребенок, так и кормишь". Многие женщины уставали за день так, что не имели сил, чтобы подниматься к ребенку ночью, поэтому иногда клали малыша с собой в постель. И когда он просыпался, давали ему грудь, а сами засыпали, что нередко заканчивалось трагически. В народе такие случаи назывались "приспать ребенка". Об этом свидетельствуют и многие дела, разбиравшиеся в судах.

Примерно с трех лет ребенок спал на полку вместе со старшими. В многодетных семьях полк (спальный помост из досок) по ширине делили на две части, прикрепив доску, на которую клали подушку. С одного конца спали родители, с другого – дети. В некоторых семьях отец спал со старшими, а мать с младшими детьми. Старики спали на печи и на верхних полотах. В неразделенных многолюдных семьях парни спали на широких лавах, девушки – на полу.

Детей в возрасте 3–4 лет сажали за стол вместе со взрослыми, но рядом с матерью, самый маленький ребенок – у нее на руках. Дети должны были строго соблюдать правила этикета за столом: не лезть ложкой первыми в общую миску, это им разрешалось после взрослых. Мясо, поделенное на порции, подавала им мать. За столом детям нельзя было разговаривать, драться, смеяться и толкать

один другого. Если же подобное случалось, то виновный получал, обычно от дедушки, ложкой по лбу. Плохим тоном считалось громкое пережевывание пищи за столом.

Воспитанию детей в белорусской семье уделялось большое внимание. "Воспитывать – это значит дать высокородное направление уму и сердцу" (Тереценко, 1848. С. 23). Иначе говоря, семья должна дать обществу здорового человека во всех отношениях: физическом, умственном, эстетическом и моральном. В формировании таких качеств большое значение имели игры и игрушки. При их помощи ребенок приучался уважать закон, права, договор, благодаря им формировалось внутреннее чувство справедливости (Витебские губернские ведомости, 1890. № 93. С. 4).

Игра была одним из наиболее действенных способов подготовки ребенка к будущей жизни. Важное, если не главное, место занимала проблема подготовки детей к труду. Именно в игре ребенок непосредственно сталкивался с элементами труда и познавал принцип: "Кто не работает, тот не ест". Например, игру-считалку "Сорока-ворона" предлагали всем маленьким детям. "Сорока-ворона детям кашу варила..." – в результате все, кто помогал, получали кашу, а самый ленивый, который ничего не делал, оставался без нее. Среди детей старшего возраста ботвали более сложные и разнообразные игры. В них в значительной степени отражалась хозяйственная деятельность: дети имитировали пахоту, жатву, сенокос, "строили дом" и др. Каждая из таких игр – сложная и серьезная форма трудового воспитания. Именно при помощи игры ребенок познавал окружающий мир.

Кроме игр с трудовым уклоном, были и другие, связанные с природой, животными или просто бытом: "каза", "гуся", "у воўка", "у ката і мышку", "авечачкі", "гарлачыкі", "гладыш", "у каменчыкі", "у костачкі", "у лапту", "у пікара" и пр. Они содействовали развитию у детей сообразительности, подвижности. Названные игры условно можно отнести к летним. Зимние игры были менее разнообразны и в большей степени содействовали закалке и физическому укреплению детского организма (игра в снежки, катание на коньках, на салазках и др.).

В воспитании детей, особенно трудовом, немалое значение имели детские игрушки, чаще всего самодельные. Создавая их, дети делали первые шаги в приобретении трудовых навыков. У девочек самыми желанными игрушками были куклы ("ляльки"), у мальчиков – лошадка (часто обычная палка), соха – заостренная с одного конца палочка и др.

Воспитательную роль выполняло также устное народное творчество: колыбельные песни ("калыханкі"), сказки, пословицы, песни, в которых отражены различные стороны практической жизни, знания о мире, природе и пр. Немаловажное место в жизни детей занимали праздники и обряды.

Во все времена главную роль в воспитании детей играла семья, где ребенок познавал окружающий мир, формировался как личность. Каким человеком он вырастет, зависело в первую очередь от характера внутрисемейных отношений, от умения родителей воспитать в детях уважение к старшим и пожилым членам семьи, желание трудиться, любовь к природе. Обычно в хорошей трудовой семье дети вырастали морально здоровыми.

Главной целью каждой семьи было вырастить хорошего труженика, хлебороба. При этом большую роль играли как родители, так и другие взрослые члены семьи. Но все же основные заботы по воспитанию детей лежали на плечах матери. В неразделенных семьях участие в воспитании детей принимали также бабушка и дедушка. В каждой крестьянской семье старшее поколение стремилось передать детям свой духовный и трудовой опыт.

Патриархальный уклад жизни в прошлом содействовал тому, что в каждой крестьянской семье все необходимое для жизни создавалось собственными руками.

Поэтому, как в городской, так и в сельской семье детей старались подготовить к их самостоятельной жизни, с малых лет приучали к труду. Примерно в возрасте 5–6 лет детям поручали выполнять несложную работу: помочь вымыть посуду, принести дрова в печь, пасти домашнюю птицу, забавлять маленьких брата или сестру. Позже им доверяли более сложную работу, причем наблюдалось уже некоторое разделение занятий. Например, девочек 7–8 лет обучали прядению, приготовлению пищи. Во многих городах Белоруссии значительная часть семей имела подсобные хозяйства, где выращивали птицу, овощи, фрукты и т.д. Мальчики лет до 14 пасли скот, с 14–15 лет их трудовым воспитанием занимались отец, дед или другие старшие мужчины в семье. Насколько дети в той или иной семье были заняты работой, зависело от состава и формы семейного коллектива. В неразделенных семьях мальчики включались в трудовую деятельность семьи несколько позже, чем в малой семье. Постепенно дети осваивали все процессы, связанные с выполнением разных хозяйственных работ, необходимых для ведения крестьянского хозяйства. Не наблюдалось отличий в этом плане между своими и приемными детьми.

Самым действенным в трудовом воспитании был личный пример родителей. С первых дней своей жизни ребенок постоянно находился с родителями, среди взрослых родственников, наблюдал за их поведением, трудом и отношением к нему. Каждый подрастающий человек в крестьянской семье знал и понимал, что ему в будущем нужно продолжать традиции родителей – быть хорошим хлеборобом, хозяином на своей земле. Иного занятия никто из них себе не представлял. Для детей были понятны и доступны дела их родителей. Именно родители были примером для будущей семьи своих детей.

Кроме трудового воспитания, в каждой семье значительное внимание уделялось вопросам этикета и морали: воспитанию уважения к родителям, другим родственникам, честности, справедливости. В семье, да и вообще в обществе, обман и воровство строго осуждались и наказывались.

Согласно с существовавшими у белорусов представлениями, дети не должны были вмешиваться в разговор старших, играть в шумные игры, громко разговаривать при появлении в доме чужого человека.

На жизнь и поведение детей значительное влияние оказывала и религия. В каждой семье девочек и мальчиков обучали молитвам. Вместе со взрослыми они посещали церковь или костел, соблюдали посты, праздновали церковные праздники.

В традиционной белорусской семье не все дети, особенно крестьянские, могли получить образование.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XX в.

Коренные изменения в семейном быту сельского населения Белоруссии произошли с образованием Белорусской ССР.

Важным фактором в преобразовании семейного быта послужили законодательные акты молодого Советского государства: декреты о земле, национализация промышленности и банков, упразднение частной собственности, кодекс о семейном и брачном праве и др. Все это содействовало повышению материального уровня семьи, демократизации внутрисемейных отношений, а также росту образования и культурного уровня. Однако процесс изменения семейного быта, взаи-

моотношений в семье оказался сложным и нелегким. В первую очередь это можно объяснить большей интимностью и замкнутостью внутренней жизни семьи. Не все нововведения, касающиеся переустройства семейного быта, сразу были поняты и приняты населением. Понадобилось время для перестройки психологии людей. Особенно это касалось людей старшего поколения, и в частности – мужчин, стоявших во главе семейного коллектива. Распределение земли по числу едков, появившаяся возможность женатым сыновьям отделиться от отцовской семьи без согласия отца лишали главу семьи прежней власти. Но, как отмечалось выше, быстрого дробления всех семей не произошло. В первые годы имели место и неразделенные семьи, поэтому судьба и роль главы семьи в значительной степени зависели от характера установившихся отношений. В одних семьях по традиции главенствовал отец, в других – он добровольно уступал свою власть молодому члену семьи. Встречались семьи, в которых главенство оставалось за отцом семейства даже тогда, когда он уже не мог работать. Старый мужчина часто вместе с женой помогал воспитывать внуков, в летнее время, когда все трудоспособные были в поле, досматривал хозяйство. В целом же для этого периода было характерно сохранение традиций заботливого отношения к родителям. При дроблении семьи, как и раньше, младший сын обязан был жить с отцом и матерью и "дагледзець іх смерці" ("досмотреть до смерти").

Наделение крестьян земель содействовало улучшению экономического положения. Но земля во все времена требовала большего труда, терпения и умения. Получив надел, далеко не каждая семья успешно справлялась с ведением хозяйства. Ведь в первые годы Советской власти обработка земли, как и весь домашний труд в крестьянской семье, велись ручным способом. Поэтому для того, чтобы стать зажиточным, надо было много и тяжело работать. В распорядке дня и работы на протяжении всего года сохранялись традиционные черты, т.е. вся семья зимой и летом трудилась от темна до темна.

Традиционным был и этикет за столом. Отец сидел на "куце" (красный угол), возле него – дети (по возрасту). Последней садилась мать, если было место. Как и раньше, хлеб отрезал и раздавал отец. Широко распространенным оставалось соблюдение постов, особенно Великого поста перед Пасхой и поста перед Рождеством. Но семьи, в которых были комсомольцы, посты часто не соблюдали. Многие говорили, что "тады пост, як няма чаго есці, а цяпер есць яшчэ скваркі і кавалак хлеба, – еш на здароўе" ("тогда пост, когда нечего есть, а сейчас есть еще шкварки и кусок хлеба, – ешь на здоровье") (Наш край, 1930. № 3. С. 34). Для всех семей было характерно трехразовое питание.

При распределении работ в крестьянской семье сохранялось традиционное разделение на "мужскую" и "женскую" работу, по-прежнему женщина в семье была очень загружена домашней работой.

Новым моментом в семейном положении женщины стало равноправие ее с мужчиной. Она получила право на наследство и главенство в семье. Несмотря на то, что главой семьи чаще всего был мужчина, при определенных обстоятельствах (если он не справлялся с обязанностями руководителя семейного коллектива или не считался с мнением жены и других членов семьи, или же расхищал хозяйство) суд по желанию жены официально мог признать ее главой семьи и хозяйства.

Постепенно белорусская женщина все больше укрепляла свое положение и в обществе. Многие посещали собрания, различные вечера, избирались в сельские советы и другие руководящие органы. Так, в 1926 г. из 816142 избирателей, участвовавших в выборах членов сельских Советов более 2000 тыс. были женщины. В течение 1926 г. 8 женщин работали председателями сельских Советов, 63 – заместителями, 35 – секретарями (БССР, 1927. С. 461, 471). Но коснулось это далеко не всех семей. Более активными оказались молодые женщины. По привлечению

женщин к общественной жизни большую работу вели сельские крестьянские активисты.

Однако юридическое равноправие далеко не сразу изменило положение женщин. Быстрее всех свою свободу поняли и приняли молодые. Среди людей старшего поколения сохранялись традиционные взгляды на внутрисемейные отношения. Кроме традиций, женщине приходилось преодолевать и консервативность мужчин, многие из которых по-прежнему считали, что "бабина дарога ад печы да парога". Они не разрешали женщинам ходить на собрания и другие мероприятия.

Большое внимание со стороны государства уделялось женщине-матери. Женщина получила право на отпуск по беременности и уходу за ребенком (8 недель до родов и столько же после рождения ребенка). Но, к сожалению, этими льготами пользовались только горожанки.

В 1941 г. в связи с мобилизацией в армию в семьях остались женщины, дети, старики. Война была тяжким испытанием для женщин, оказавшихся на оккупированной территории.

Трудной была жизнь и в первые послевоенные годы. Каждая семья испытывала недостатки не только материальные. Наблюдалась резкая диспропорция полов (см. раздел "Демографические процессы"). Появилось много вдов и женщин, не успевших до войны выйти замуж.

Во внутрисемейной жизни продолжался процесс демократизации. Тем не менее некоторые традиционные черты сохранились и до настоящего времени. Например, довольно устойчив, особенно в сельской семье, институт главы семьи. По данным исследований, более чем 60% ответивших семей главой семьи называли мужчину. В разных социальных группах отношение к главенству в семье неодинаково. В одних, особенно в сельских семьях, мужчину называли главой по традиции, в других – потому, что за ним числится хозяйство и пр. В молодых же семьях вопрос о главенстве практически не возникал и при опросе они часто затруднились определить главу в их семье. Да и в тех семейных коллективах, где считается, что глава семьи есть, роль его номинальна. Прежнее представление о его роли и в жизни семьи изменилось. От главы современной семьи скорее требуется умение ее сплотить, положительно повлиять на психологический климат в ней.

Рост образования среди женщин, участие их в общественном производстве повышают авторитет женщины и делают ее во всех отношениях равноправной с мужчиной. Что же касается семейного быта, то здесь во многом сохраняются традиционные установки. Как показали исследования и экспедиционные материалы, все домашние виды работ и в сельской, и в городской семье ложатся на плечи женщины. Например, приготовлением пищи, стиркой, уборкой в сельской семье занимается 81,8%, в городской – 63% женщин (Сям'я..., 1990. С. 183). Как видно, большинство современных мужчин не желают участвовать в повседневной домашней работе. По традиции они считают это не "мужской" работой. Наблюдения показали, что если мужчины и помогают жене по хозяйству, то выполняют часто работу, связанную с переносом тяжестей, – ходят за водой (на селе), покупают продукты (в городе) и пр. Выполнение домашних работ обоими супругами характерно больше для социально-однородных семей. Замечено, что чем выше образовательно-квалификационный уровень супругов, тем больше в таких семьях участие мужчин в выполнении домашних работ. В тех семьях, где жена имеет образование выше, чем у мужа, распределение домашних обязанностей также более равномерное, что связано и с возрастом. Чем выше возраст супругов, тем больше домашних обязанностей у жены. Нужно отметить также, что, по данным опроса, примерно в каждой четвертой семье взаимоотношения оценены супругами как удовлетворительные (26,0% в городе и 28,2% в селе). Примерно 3,0%

в городе и 2% респондентов в селе затруднились ответить. "Очень хорошими" и "скорее хорошими" считают взаимоотношения в своей семье соответственно 20,3% и 48,1% респондентов в городе и 12% и 54,9% в селе. Как в селе, так и в городе наиболее благополучными оказались те семьи, в которых оба супруга имеют более высокое образование. Выявлено, что больше конфликтных семей в группе неквалифицированных рабочих с неполным средним и начальным образованием, а также служащих-неспециалистов со средним образованием (Сим'я..., 1990. С. 186).

Учитывая большую занятость женщин как в общественном производстве, так и дома, можно предположить, что неравномерное распределение домашних обязанностей может стать основной причиной возникновения конфликтов в семье. Однако исследования показали, что основная масса женщин довольно спокойно относится к пассивной роли мужа в выполнении различных работ по хозяйству. Многие женщины, особенно сельские, считают, что мужчина не обязан выполнять "женскую" работу и установившееся распределение обязанностей в их семье не вносит дискомфорт. Кроме того, в сельской семье достаточно работ, требующих мужской силы (пахота, заготовка корма, топлива, починка строений и пр.). Более половины респондентов считают, что их семейной жизни ничего не мешает (в городе – 55,4%, в селе – 72,6%). Причем, если у горожан первое место среди причин, ведущих к возникновению конфликтов в семье, занимают плохие жилищные условия (15,5%; в селе – только 2,1%), то в сельских семьях – пьянство (8,6%, в городах – 4,6%). Причем и в селе, и в городе преобладает пьянство мужа, что становится причиной не только дестабилизации внутрисемейных отношений, но и распада семей. Именно пьянство было поводом для разводов у 44% респондентов, причем более чем для 80% женщин и 15% мужчин. Как видно, алкогольные традиции оказались наиболее живучими и еще больше укрепились. В результате борьбы с пьянством оно не исчезло, а приобрело другие оттенки, т.е. "ушло в семью". Многие жители сел и городов начали заниматься самогонноварением. Как в сельских, так и в городских семьях прослеживается четкая зависимость между образованием, профессиональной респондентов, характером внутрисемейных отношений и пьянством. Данные опроса и наблюдения показали, что в семьях, где оба супруга имеют высшее образование, конфликты на почве пьянства встречаются редко. Наиболее часто отмечено пьянство среди неквалифицированных рабочих, механизаторов, разнорабочих и др.

В 1990-е годы в средствах массовой информации часто поднимался вопрос об укреплении семьи, об оказании ей материальной и психологической помощи со стороны государства. Особенно нуждаются в этом молодые семьи, в которых есть малолетние дети. На страницах печати обсуждаются также проблемы нестабильности семей и положение женщины. Высказывается мнение, что облегчить положение женщин в семье можно, освободив ее от работы в общественном производстве. Но, как показали наблюдения, большинство женщин не желают полностью посвящать себя семье и детям. Это подтверждается и данными опроса, из которых следует, что 45,6% горожан и 47,3% сельских респондентов высказались за то, что женщине необходимо работать на производстве. Около половины (43,8%) горожан и 37,7% сельских респондентов считают, что женщина, имеющая маленьких детей, должна работать неполный рабочий день и больше внимания уделять детям; и лишь 10,6% горожан и 15% сельских жителей считают, что она должна заниматься только домашним хозяйством и детьми. При этом не желают ограничивать женщину только домашними делами и воспитанием детей чаще всего молодые респонденты с высшим образованием.

Работающие женщины практически не имеют свободного времени. Особенно это касается сельских женщин. В отличие от городских они, кроме работы в общественном производстве и по дому, много времени тратят на уход за птицей,

скотом и пр. А в период сельскохозяйственных работ все их свободное от основной работы время уходит на обработку приусадебного участка. Подсчитано, что сельская семья на приусадебном участке тратит 50 млн человеко-дней в год (Петрович, 1983. С. 26). Поэтому у сельских женщин свободного времени почти в два раза меньше, чем у городских. Это при учете того, что многие традиционно сугубо "женские" работы, такие, как обработка льна, ткачество, исчезли, высвободив сельскую женщину от тяжелого труда, связанного с изготовлением тканей для одежды и других бытовых нужд. В настоящее время ткачество в белорусском селе сохранилось лишь как один из видов народного искусства.

Известно, как много сил и времени женщина тратит на приготовление пищи. Несмотря на довольно распространенные формы общественного питания, особенно в городах, все же в белорусской сельской семье почти полностью сохранилась традиционная семейная форма питания. В сельских столовых, как правило, обедают служащие, приезжающие на работу в центр хозяйства из других деревень. В летнее время бесплатные обеды получают механизаторы. Что же касается других групп населения, в частности — семей полеводов, животноводов и пр., то для них характерно домашнее питание. Особо живучи традиции домашнего питания среди лиц старшего поколения, хотя и здесь уже многие традиции разрушены (как, например, хлебопечение). Сельская и городская семья питаются покупным хлебом. С нарушением богатых традиций хлебопечения утратилось в ряде случаев и уважение к хлебу. Исчезают и другие традиционные представления. Если традиционная белорусская семья была ориентирована на полное обеспечение себя продуктами домашнего производства (молоком, мясом, овощами и пр.), то в 1980-е годы значительная часть сельских семей приобретала эти продукты в магазинах. Лишь около 40% сельских семей держали коров. Кроме неработающих пенсионеров, которые уже не в состоянии вести домашнее хозяйство, появились и молодые семьи, которые не желали обзаводиться домашним скотом. Среди них 5,7% составляли работники просвещения, здравоохранения и культурно-технические работники; 6,9% — механизаторы; 4,3% — животноводы (Тарасевич, Лешкевич, 1985. С. 137). Сложные экономические условия в 1990-е годы повлияли на хозяйственную деятельность белорусской семьи. В настоящее время каждая сельская семья (за исключением престарелых) держит корову, а нередко две, свиней, птицу и пр.

В современной сельской семье трудовое воспитание детей не считают главным, хотя участие детей в хозяйственной деятельности семьи здесь выше, чем в городской. Опрос показал, что в 90,3% сельских семей дети помогают родителям по хозяйству (в городе таких семей — 86,2%), в том числе в 65,5% сельских и в 35,2% городских семей дети имеют постоянные поручения и соответственно в 51,5% и 24,8% семей — помогают родителям периодически. Причем степень участия детей в ведении домашнего хозяйства имеет прямую зависимость от их количества в семье. Чем больше детей в семье, тем выше показатель их занятости в домашнем хозяйстве. Так, среди сельских респондентов, имеющих одного ребенка, 38,5% указали на постоянную помощь их детей в домашнем хозяйстве, среди городских — 23%; среди имеющих двух детей соответственно — 61,8% и 37,9%, трех детей — 77,1% и 55,6% и четверых детей — 85,0% и 83,3%. Кроме того, многие дети из сельских семей во время каникул помогают родителям и на их основной работе (в поле, на ферме). Но, к сожалению, все это носит временный характер. Судя по экспедиционным материалам, большинство из них после окончания школы не намерены продолжать традиции своих родителей.

Принятый закон Республики Беларусь "О крестьянском (фермерском) хозяйстве" не нашел среди жителей села надлежащей поддержки. Многие из них считают, что работать в колхозе или совхозе проще и легче, чем стать фермером —

"отработал день и свободен. Никакой ответственности". Современное фермерство сталкивается с массой проблем. Это и зависимость от местных властей, которые часто предлагают начинающему фермеру заброшенные, малоприспособленные для сельского хозяйства земли, и сложности с получением кредитов, приобретением техники, сбытом продукции и др. На развитие фермерства отрицательно влияет и неразработанность законодательной основы. Для того чтобы молодые люди связали с землей свое будущее и будущее своих детей, нужны соответствующие законодательные гарантии и условия для работы и жизни.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Сельская община белорусов первоначально состояла из дворищ, которые представляли собою совокупность семей, объединенных, кроме кровных связей, общностью культа, системой обычаев и традиций, производственно-экономическими интересами. Семьи были не только социальными, но и хозяйственными единицами. Последние назывались дымами и группировались в отдельных поселениях или размещались компактно в пределах одного поселения. В состав дворища обычно входило от 3 до 5, а иногда и до 11 дымов. Несколько дворищ составляли село. В д. Угриновичи Пинского повета в XVI в., например, было 7 дворищ, объединявших 58 дымов (*Щарбакоў*, 1934, С. 97). Следы дворищных организаций жизни и расселения до настоящего времени сохранены в названиях деревень Дворище (Дворышча), Дварище (Дварышча) и в наличии сельских поселений с компактными гнездами семей одной фамилии. Остатки такого патронимического расселения просматриваются, например, в д. Поварчицы Солигорского (до 6.01.1965 г. – Старобинского) района Минской области.

В коллективном пользовании дворища находилось не более четырех волок пахотной земли (волока равнялась 21,36 га). Корчевать лес под поле можно было без ограничений, более того – поощрялось системой льгот. Поселившихся "на сыром корне", т.е. в лесу, освобождали от всех податей до двадцати лет и называли "вольными". Отсюда широкое распространение в Белоруссии, особенно в Полесье, таких названий деревень, как "Слабада", "Воля", "Волька", "Вулька". Дворище, как правило, не стремилось к чрезмерному увеличению пахотной земли, оно в подавляющем большинстве случаев ограничивалось наделом, обеспечивающим членов дворища хлебом. Сдерживали не только тяжелый труд, необходимый для расчистки земли из-под леса, но и увеличение налогового обложения.

Дворищный фонд пахотной земли распределялся между дымами, при этом учитывались как качество земли, так и количество едоков. В распоряжении дворища имелись и нераздельные угодья – пастбища, луга, лес, реки и озера, которые находились в совместном пользовании и в отличие от земли перераспределялись ежегодно. Эта традиция в Белоруссии дожила до XX в., а распределение сенокосов – до коллективизации.

В размещении дворищной земли наблюдалась до удивления чрезмерная чересполосица, земли были разбросаны по различным угодьям и урочищам и иногда состояли из 20–50 небольших кусков. Это – свидетельство и результат исторически продолжительного освоения свободной земли несколькими поколениями дворища путем свободной заимки. В первую очередь осваивались наиболее плодородные и пригодные к работе участки целины. Заболоченные и песчаные места оставляли нетронутыми. Все это и обусловило пестрое размещение дворищной земли. Каждый участок освоенной земли получал название по имени одного из членов дворища, обычно мужчины и, видимо, главы дворища или дыма, а также по одной из наиболее приметных особенностей местности. Так, в Вячинском и Дворецком

дворищах, теперешних деревнях Вичин и Дворец Лунинецкого района Брестской области имелись следующие названия: "Хатняе", "Якімаўскае", "Сядрэнік" (сухое место около болота), "Ранжа" (длинная и ровная полоса земли, луга, леса), "Крывая ніва", "Крайняе", "Шаўцоў рог", "Запруддзе" и т.д. (Сербаў, 1928. С. 7).

Дым как структурная единица дворища состоял из комплекса жилых и хозяйственных строений, принадлежащих семье из трех-четырех поколений, считая от главы хозяйства.

В правовом отношении каждый дым, внутри которого действовала строгая система правовых, морально-правовых и этических норм, определяющих положение и обязанности каждого его члена, представлял собою производственно-бытовую общность, скрепленную родственными связями и отношениями к власти.

В распоряжении дыма находилось определенное количество земли (обычно не более волоки) на правах землепользования, но не землевладения. Именно это обстоятельство позволяло периодически производить перераспределение земли не только между дымами, но и между дворищами, т.е. в масштабе всей сельской общины. Во избежание возможных нареканий, обид, явных злоупотреблений и иных нарушений земля распределялась по жребию ("жрабу") и, видимо, с древнейших времен, так как в некоторых районах Белоруссии, например, в Кобринском и Брестском поветах, слово "жраб'е" бытовало еще в XVI в. в значении названия участка земли, а по утверждению М.К. Любавского, и как синоним слова "дворище" (Любавский, 1910. С. 232).

Сельская община выступала как коллективная единица налогообложения, контролировала своевременное поступление от дворищ денежных и натуральных налогов, следила за исправным выполнением повинностей и вмешивалась в дела дворищ только при выявлении явных злоупотреблений.

Несмотря на общинную форму землепользования внутри самой общины допускалось наличие частной собственности на землю. Внутренний оборот земли осуществлялся в форме наследования, аренды, залога и даже купли-продажи. Подобный дуализм можно объяснить тем, что общие переделы проводились крайне редко, и крестьяне-общинники, пользуясь одним и тем же наделом в течение многих поколений, считали обрабатываемую ими землю извечно своей. Сельская община в свою очередь обычно не воспрепятствовала этим частнособственническим тенденциям, она лишь внимательно следила за тем, чтобы обрабатывалась вся земля и не было пустошей, так как выступала перед властью гарантом выполнения дворищами всех повинностей и выплаты налогов. Внутренний частнособственнический оборот земли, зафиксированный в сохранившихся многочисленных актовых документах, создавал лишь иллюзию права собственности крестьян на землю, так как общинный принцип владения по-прежнему оставался господствующим, что подтверждается проводимыми время от времени частными переделами, устанавливающими нормативные соотношения землепользования с размером тягла.

Пользование общей землей и различными сельскохозяйственными угодьями вместе с коллективной ответственностью за своевременную выплату податей и выполнение повинностей объединяло дворища в сельскую общину, занимавшую определенную территорию, которую она считала своей и защищала от посягательств феодалов, а порою и от соседей.

Будучи сцементированной совокупностью производственно-экономических, родственных, культовых и правовых норм, сельская община вместе с тем не обременяла дворища, а те в свою очередь — дымы, слишком мелочной опекой. Не была сельская община и замкнутой в кровнородственных рамках общественно-производственным образованием. Если испытывалась потребность в рабочей силе, дым принимал к себе работников со стороны — так называемых потужников. В

зависимости от условий зачисления в тот или иной дым потужники подразделялись на издольщиков ("зольнікаў", "палавічнікаў") и сотоварищей ("сяброў"). Отличие между ними состояло в том, что первые были только пользователями владения дыма в оговоренной доле прибыли, другие – не только пользователями, но и совладельцами в определенной доле.

Связанная круговой порукой, община не только несла ответственность за уплату налогов и выполнение повинностей (содержание в порядке дорог, мостов, перевозов и т.д.), но и выполняла полицейско-административные функции: поддерживала на своей территории правопорядок, внутриобщинную дисциплину, осуществляла контроль за исполнением обычно-правовых норм жизни. Сельская община несла ответственность за организацию противопожарных мероприятий, предотвращение наводнений и других стихийных бедствий. Она была организующим началом всей сельской жизни, которое определяло и те общинные функции, что стояли на страже интересов крестьянина перед государством, феодалом, другими общинами. Отвечала интересам крестьян и кооперативно-благотворительная деятельность сельской общины: взаимопомощь, поддержка продовольствием в неурожайные годы, оказание материальной помощи бедным, сиротам, больным, престарелым, а также устройство магазинов – общественных хлебных складов со страховым запасом зерна: посевного и фуражного.

Значительное место в жизни сельской общины занимали организация и содержание школы, проведение досуга, праздников и календарных земледельческих обрядов, забота о состоянии храма. Наряду с этим сельская община осуществляла регулятивно-воспитательную функцию, социальный контроль и судопроизводство.

Высшим органом власти сельской общины был постоянно действующий общий сход, своеобразное сельское вече, исключаящее отчуждение крестьян от власти в силу его коллективности и открытости. Право голоса на сходе имели все хозяева ("гаспадары") – главы семейств, хозяйств, в случае их смерти – вдовы. На сельском сходе рассматривались не только вопросы, затрагивающие коренные интересы крестьян, но и бытовые, те, которые не удавалось разрешить в рабочем порядке.

Основными вопросами, которые всегда рассматривались на сельском сходе, были разверстка ("меты метываць") податей и истребование недоимок с каждого отдельного дыма. Общественная раскладка происходила публично, на глазах всех общинников, поэтому существующий порядок распределения налогов крестьяне считали справедливым. К тому же гласность сходы если и не исключала полностью злоупотребления, но значительно ограничивала их, а главное – не допускала дополнительных плат. Если господарские сборщики и панские приказчики сами собирали подати, то их необходимо было обеспечивать продовольствием, ночлегом и подводами. Поэтому крестьяне всеми возможными средствами старались выплачивать подати только через общину.

Особенно горячие столкновения различных мнений на сельских сходах вызывал вопрос о переделе земли. В общине всегда находились те, кому перерасверстка земли, проводимая для сохранения платежеспособности большинства дымов, была невыгодна, но всегда удавалось с первого раза совместить интересы всех членов общины. В таких случаях сельский сход не принимал окончательного решения. Дело откладывалось до осознания большинством общинников необходимости передела. Поскольку это большинство составляли середняки, сторонники общинных принципов, они в конечном итоге и побеждали.

Устойчивость традиционных общинных устоев сдерживала имущественную дифференциацию крестьянства, удерживая его на платежеспособном уровне. В случае стихийного бедствия ("паморку на скаціну"), продолжительной болезни главы семейства, особенно если он был единственным работником, сельская община следовала, чтобы хозяйство не разорилось. Такой семье оказывали моральную и мате-

риальную поддержку: полностью или частично освобождали от платежей и повинностей, погашали недоимку, выдавали беспроцентный заем, ссужали семенами. Погорельцам, особенно семьям вдов и престарелых, "толокой" возводили жилище, помогали засеять поле и убрать урожай. "Толока" как форма коллективной и безвозмездной взаимопомощи довольно широко используется в белорусской деревне и сегодня.

Характерно, что материальная помощь осуществлялась главным образом за счет более крепких хозяйств и представляла собою явные зачатки будущего прогрессивного обложения. На "справных гаспадароў" возлагалась обязанность жертвовать на сирот, вдов, немощных стариков, инвалидов, оплату крестьянских ходяков и т.д.

В такую замкнутую сферу, как семья, сельская община обычно избегала вмешиваться, но если семейные конфликты перерастали определенные рамки и вылезали наружу, они рассматривались на общем сходе, гласно и открыто.

Значение сельского схода не ограничивалось управленческо-хозяйственными функциями. Он поддерживал, кроме всего прочего, коммуникативные связи общины, будучи основным местом оглашения общезначимой информации.

Большим авторитетом пользовались старики, люди, чьи сыновья уже самостоятельно хозяйствовали. В Белоруссии крестьяне обычно уходили на покой по достижении шестидесяти лет, хотя многие из них сохраняли трудоспособность. Передавая надел и все связанные с ним обязанности перед сельским обществом сыну, обычно старшему, старики, обладающие богатым жизненным опытом и общепризнанной репутацией "годных веры мужоў", составляли в общине неформальный, но весьма влиятельный "совет старейшин", имевший не меньший авторитет, чем общепризнанное руководство сельской общиной – староста и десятники. Они не только давали советы, но и следили за соответствием принимаемых решений обычаям и традиционным морально-этическим нормам.

Неоценима роль стариков и в воспитании подрастающего поколения, в передаче молодежи практического опыта, норм и правил поведения, морально-нравственных ценностей, выработке определенного отношения к различным социальным проблемам, т.е. в социализации. Общинная жизнь строилась не по науке, не по книгам, а по устной традиции, переходившей от старших к младшим. Действенной формой утверждения духовных ценностей являлся живой пример старших, прежде всего родителей.

Дворища как составные структуры сельской общины были более устойчивыми, чем мелкие хозяйства общинников, более консервативны и довольно существенно сдерживали процесс феодализации. Однако проникновение феодальных элементов в сельскую общину, начавшееся довольно рано, медленно, но неотвратимо подтачивало общинные устои. Актовые материалы свидетельствуют, что уже в XIV–XV вв. сельская община претерпела значительные изменения: например, она, "совместно пользуясь землей, уже не вела общего хозяйства" (Гісторыя Беларускай ССР, 1972. Т. 1. С. 70, 78).

Сильный удар по сельской общине нанесла земельная реформа 1557 г. – "Устава на волюки", создавшая условия для развития подворного землепользования. Реформа, проведенная в интересах феодалов, окончательно подорвала, особенно в Полесье, где она была реализована более полно, древний общинный поземельный уклад. С этого времени единственным правомочным владельцем всех ранее общинных земель признавался "гаспадар" (великий князь), что нашло свое отражение в формуле: "Кмет и все имущество его наше есть" (Любавский, 1910. С. 232).

В восточных районах Белоруссии, где реформа проводилась позже и выборочно, во владениях отдельных феодалов, сельская община сохранилась. Начало интенсивного распада сельской общины в Могилевской и Витебской губерниях

связано с реализацией аграрной реформы П.А. Столыпина. В декабре 1902 г. Витебский губернский комитет высказался за ликвидацию общины и принял решение отменить погашение выкупного платежа при выходе из общины главы семьи, в последующем он должен был переводиться на выделенный земельный участок (Витебская губерния, 1903. С. 47). Следующий, подрубивший под корень общину указ от 9 ноября 1906 г. предоставил каждому крестьянину право свободного выделения из общины и закрепления за ним земельного надела со всеми имущественными правами на него.

Характеризуя деятельность общины, нельзя не упомянуть один из наиболее жизнедеятельных институтов самоуправления общины – народный суд, известный под названием “копны суд”, или просто “копа”. Его юрисдикция охватывала все виды гражданских тяжб (имущественные споры, наиболее серьезные семейные неурядицы, трудноразрешимые в обычном порядке различные недоразумения, особенно возникающие при займах, купле-продаже, иных сделках и обязательствах) и все без исключения уголовные преступления (оскорбления, драки, побои, пьянство, осложненное разорением хозяйства, воровство, поджоги, убийства, клевета и т.д.).

В своей повседневной практике копный суд руководствовался обычным правом – совокупностью неписаных, основанных на многовековых обычаях норм взаимоотношений и правил поведения в различных областях хозяйственного, общественного и семейного быта. Обычное право (“звычайнае права”, в актах XVI–XVII вв. – “звычай даўні”, “звыкласць старадаўняя”) сложилось еще в доклассовом обществе. Народное судопроизводство осуществлялось вне рамок сословной дифференциации общества – шляхта, земляне, бояре, крестьяне рассматривались как равноправные субъекты процессуальных правоотношений (Юхо, 1978. С. 126). В деятельности копных судов нашли полное выражение внутриобщественные отношения, которые, как известно, были закреплены обычным правом в сознании народа. Отсюда общее доверие крестьян к копным судам. На протяжении многих столетий копное судопроизводство поддерживалось и государством. Более того, в XVI в. Статут Великого княжества Литовского не только подтвердил правомочность копного судопроизводства, заявив в статье 9, 14-го раздела, что “везде, где издавна копы бывали, там должны быть и теперь”, но и ввел его в тех поветах, “где доселе копы не бывали, таковым же порядком и обычаем копы собираны и отправованы быть должны” (Статут..., 1989. С. 337).

Термин “копны суд” происходит от общеславянского слова “копа” – определенное количество людей, животных, вещей. Копный суд – это суд общественный, народный, но не суд только одной сельской и даже не волостной общины, копа была межобщинным институтом. Она охватывала или часть одной волостной общины, или соседние части двух волостных общин и занимала территорию в радиусе 15–20 км вокруг центра копной округи. В каждом случае в нее входило несколько сельских общин.

“Коповище” (“капавішча”), место постоянного сбора копы и осуществления судопроизводства, находилось обычно на опушке леса, под старым дубом, в роще, на перекрестке дорог, на берегу реки или озера. На Минщине, например, коповище располагалось в урочище Дубок, “по дороге из Минска в Прилелы”; на Пинщине одно – в “урочище Липки, между селами Стахово и Плотноца”, другое – “над рекою Ясельда, около Логишинского моста”; на современной Брестщине копа заседала “в урочище Становиско, на меже сел Щитное и Ятаезь” (АВАК, 1891. Т. XVIII. Предисловие).

“Копование” (“капаванне”), рассмотрение дел, осуществляли “копники”, они же “копляне”, избираемые из уважаемых крестьян (“мужоў веры вартых”) на сходах сельских общин. Кроме копников, на коповании присутствовали волостные старцы.

представитель староства или дворовой администрации, позже, когда сложилась государственная система судопроизводства, и "виж" – мелкий служащий городского (замкового) суда. В его обязанности входило наблюдение за соблюдением норм обычного права. С 1564 г. функции вижа исполнял "возный" (судебный исполнитель), составлявший письменный отчет ("реляцию") о ходе рассмотрения дела.

Демократичность копного суда состояла и в том, что на коповании мог присутствовать и высказывать свое мнение каждый взрослый житель копной округи. Народное правосудие не знало закрытых процессов, они всегда были публичными, что сводило к минимуму возможность злоупотреблений и ошибок субъективного характера. Правосудие вершилось всем сходом, всеми присутствующими. Копя не принимала в расчет и сословную принадлежность обвиняемого и обычно приговаривала на паритетной основе и крестьянина, и шляхтича, и даже влиятельного пана. В актовых документах XVI в. начинают проскальзывать факты игнорирования шляхтой копных судов: "Я, смерде, вольность имею, ты не можешь вызывать меня на копу" (*Шчарбику*, 1934. С. 105). Если дело касалось имущественных интересов, не только шляхта, но и крупные феодалы по-прежнему обращались в поисках возмещения ущерба в копный суд.

Правом сбора копы обладал каждый потерпевший в результате хищения, поджога, физического и морального оскорбления, потравы, издевательств родителей над детьми или детей над престарелыми родителями, недобросовестности компаньона в различных торговых сделках и т.д.

Копный суд совмещал полицейские, следственные и судебные функции и в силу этого по каждому делу собирался несколько раз, обычно трижды. Первая копа преследовала преступника "по горячему следу" ("гнала след") и называлась горячей, вторая – великой, вальной, генеральной, на ней при большом стечении населения проводилось непосредственное рассмотрение дела: выслушивался обвиняемый, свидетели, заявления и высказывания копников и присутствующих на копе крестьян, оценивались вещественные доказательства. Суд проходил в форме открытого конкурса и сравнительной оценки всех обстоятельств дела. Обвиняемый обладал правом на защиту: мог беспрепятственно опровергать выдвинутые против него обвинения, вызывать свидетелей, приводить любые аргументы в пользу своей невиновности. При отсутствии всяких доказательств и безукоризненной репутации подозреваемого прибегали к такой разновидности выявления истины, как присяга ("рота"), которая в период язычества приносилась на калище, а после принятия христианства – в церкви. После присяги подозреваемый освобождался. К присяге приводили и свидетелей, и истцов, а также людей, связанных с ними круговой порукой и родственными отношениями. Сила присяги, видимо, имела такой высокий нравственный потенциал, что мало находилось смельчаков кривить душою. Однако во второй половине XVII в. в реляциях копных судов встречаются сетования и жалобы копников на испорченность нравов и легкомысленное отношение к присяге.

Ранее судимых и не пользующихся авторитетом людей ("не вартых веры", "недобрых", "лезных") по настоянию потерпевшего подвергали так называемому божьему суду – пыткам огнем, водой, железом и т.д.

Если на великой копе дело заходило в тупик, ее "завивали" – переносили на необходимый для дополнительного следствия срок. Поэтому третью копу называли "завитой" и считали последней. Если же и на ней не удавалось раскрыть все обстоятельства преступления, рассмотрение дела откладывалось на шесть месяцев.

Решения копного суда ("копны адказ", "копны декрэт") оглашались устно. Со второй половины XVI в. в практику копного судопроизводства вошло составление письменных декретов, скрепляемых личными печатками копников.

Наказания, которыми оперировала копа, подразделялись на физические, мо-

ральные, денежные. Шкала физических наказаний простиралась от "хлосты" (порка розгами) до смертной казни. При совершении особенно тяжких преступлений (убийства, поджога, святотатства, чародейства) преступников подвергали мучительной смерти. Приговор приводился сразу же по оглашении декрета. Решения копии не подлежали обжалованию.

Однако копа признавала право копного схода на милосердие и при наличии смягчающих обстоятельств довольно широко пользовалась этим правом с выдачей преступника на поруки потерпевшему или истцу.

Обычное право наряду с отдельными грамотами и привилегиями легло в основу первого кодифицированного в Европе свода законов "Статута Великого княжества Литовского" 1529 г., который действовал в Белоруссии в двух своих последующих редакциях (1566 и 1588 гг.) до 1840 г. До XVIII в. в сельской местности параллельно функционировал институт копных судов.

Обычное право не утратило своего значения в повседневной жизни и в последующие времена, особенно в сфере семейных, соседских, наследственных и некоторых хозяйственных отношений. Нормы обычного права, воплощенные в общественное мнение, авторитет которого незыблем, в значительной степени продолжают формировать морально-нравственный климат белорусского села, определять поступки крестьян и в наши дни.

БЫТ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В начале XX в. в белорусской деревне община сохраняла ряд общественных и правовых функций, регламентировавших быт сельских жителей, — важную роль играли нормы обычного права, действовало народное судопроизводство, главную распорядительную роль выполнял сход, соблюдались традиционные обычаи и обряды, трудовая деятельность крестьян подчинялась земледельческому календарю, опиралась на народные знания, опыт, приобретенные в результате столетних астрономических и метеорологических наблюдений.

Общественная жизнь сельских жителей была тесно связана с церковью (православной, католической). Церковь (костел) была не только местом исповеди, причастия, моления, совершения обрядов, но и знакомств молодежи, общения семейных людей, получения информации о событиях в мире, стране, губернии, селе. Важную роль играла церковь в сохранении и воспроизводстве культурных традиций белорусов. В то же время в границах своего прихода церковь нередко объединяла жителей одной конфессии, но разных по национальности, и, таким образом, способствовала межэтническим взаимосвязям и взаимовлияниям.

Посещение церкви было важной частью общественной жизни белорусов. Обычно в воскресные и праздничные дни крестьяне вместе с детьми шли в храм, надев лучшие наряды, обувь (часто до церкви шли босиком и только перед самым входом обували "чаравікі" или сапоги). В определенные сроки в различных селах и местечках отмечали храмовые праздники ("фэсты"), которым обычно сопутствовали "кірмашы" (ярмарки). На эти "кірмашы-фэсты" собирались крестьяне не только из ближних, но и дальних сел. Часто гуляния на таких праздниках продолжались несколько дней. Особым событием в жизни белорусской деревни были крестные ходы во время больших церковных праздников, устраивались они также по случаю освящения источника, проведения моления о дожде во время засухи, избавления от эпидемий и т.п.

В начале столетия в условиях наступления католичества оживилась деятельность православных братств, задачей которых было образование и религиозно-

Рис. 180. У корчмы. Начало XX в.

нравственное просвещение народа. Крупные городские братства имели свои отделения в уездах, в деятельности которых принимали участие жители окрестных сел. Члены братств заботились об открытии церковноприходских школ, училищ, библиотек, об организации работы в них, содержали своих стипендиатов, вели благотворительную деятельность, поддерживали больных и бедных. В сельских церквях часто проводились чтения-беседы на религиозно-нравственные темы.

В религиозно-общественной жизни белорусских крестьян важное место занимало паломничество к святым местам — к чудотворной иконе, мощам святых, целебным источникам. Часто местами паломничества были монастыри. К 1914 г. в Белоруссии было 35 монастырей — 21 мужской и 14 женских. Особую любовь верующих снискали Полоцкий и Жировицкий монастыри. В праздничные дни к ним стекались жители окрестных деревень, приезжали жители и из других губерний. Бывали случаи, когда крестьяне совершали путешествие в Иерусалим поклониться Гробу Господню.

Своеобразным центром общественной жизни села был трактир ("карчма") (рис. 180). Известный белорусский этнограф Н.Я. Никифоровский, описывая быт населения Витебщины, отмечал, что для белорусского крестьянина существуют только два общественных места, где он может и себя показать и других посмотреть — это церковь и трактир. А народный поэт Якуб Колас в свое время писал: "Карчма ж была і школа, і трыбуна!"

В трактире обычно проходили крестьянские собрания, здесь собирались крестьяне для того, чтобы посоветоваться по хозяйственным вопросам или совершить сделки купли-продажи и "ударить по рукам", узнать новости, просто обмолвиться словом, выпить и посидеть с друзьями. Известно, например, что в корчме

д. Велетин ныне Хойникского района Гомельской области обычно весной, на Благовещение, собирались всем обществом, чтобы нанять пастухов на лето. Трактирщик ставил собранию пять "пляшак" водки, и за это его корова все лето паслась в общем стаде. Осенью, после Михаила, вновь собирались, чтобы рассчитаться с пастухами (Беларускі этнаграфічны зборнік, 1958. С. 54, 55). Особенно оживленно в трактире было зимой, когда основные хозяйственные работы были закончены, а собранный осенью урожай позволял немного расслабиться, веселее посмотреть на жизнь, что нередко выливалось в пьянки и драки.

В XX в. новые веяния в общественную жизнь села внесло просвещение. Для крестьян организовывались народные чтения. Так, например, 19 октября 1913 г. в д. Могилев Двор, в помещении Могилевского народного училища прошли народные чтения "Сельская печаль" и "Тарас Бульба", присутствовало 7 взрослых крестьян и 67 детей и подростков. 18 января 1914 г. там же были прочитаны лекции "Богомольцы у святынь Киева" и "Евгений Онегин", на лекции пришли 98 человек. 8 марта 1914 г. в д. Могилевцы на народные чтения "Где на Руси какой народ живет и чем занимается", "Где любовь, там и Бог" собралось 114 крестьян, из них 68 подростков (НИАРБ. Ф. 22. Оп. 11. Д. 12. Л. 21). В народных и церковноприходских школах обучались грамоте дети крестьян. К знаниям повернулась сельская молодежь. Получило распространение чтение святых книг, троицких листов, газет. Большим авторитетом у сельских жителей пользовался народный учитель, его знания, жизненная позиция через учеников и беседы с родителями оказывали влияние на мировоззрение крестьян. Через учителей шло и политическое образование крестьян (Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва..., 1993. С. 149). Общественная жизнь села приобретала новые черты, на суд общины все чаще выносились вопросы, связанные с землей, национальным движением, защитой интересов крестьян в Государственной Думе.

В общественной жизни белорусской деревни особое место занимали различные формы досуга. Проведение его, характер развлечений регламентировались хозяйственной деятельностью, народным календарем, социальными и половозрастными различиями. У сельской молодежи была своя особенная жизнь. Парни и девушки после летнего трудового дня выходили на улицу или за околицу, на лужайку, устраивали танцы, игры, хороводы (локальное название – "танок", "кола"). Обычно в деревне отыскивался музыкант-самоучка, который играл на гармонике, цимбалах или скрипке. Если такого в селе не было, приглашали из соседней деревни или же танцевали под пение песен, частушек – "под язык". Длинными осенними и зимними вечерами молодежь собиралась на вечерки ("вячоркі", "попрадкі", "супрадкі") в просторном доме, девушки пряли пряжу, вышивали, пели народные песни. Парни плели лапти, вырезали ложки, ремонтировали самопрялки для девиц. На вечерках парни и девушки устраивали игры, забавы. Их совместное общение давало возможность присмотреться друг к другу и выбрать пару для совместной жизни. В летнее время одним из любимых развлечений молодежи было качание на качелях ("арэлях"). Обычно они устанавливались в местах, где собиралась молодежь. В лесу выбирали два соседних дерева, прикрепляли веревку к толстым сукам, на нее клали досочку и качались парами или же по одному. В селениях, расположенных на берегах рек и озер, подростки, молодежь катались на лодках, плавали, ловили рыбу.

В зимнее время распространенными были прогулки на санях, в которые впрягали лошадей под расписными дугами с колокольчиками (бубенцами), катание с горок на санках, опрокинутых скамейках ("казлы"), специально приспособленных коробах с замороженным днищем ("маразянкi"), льдинах, вырубленных в реке. При массовом катании использовались большие сани, куда вмещалось до 10 человек во главе с "кормчим" (Праздники и обряды..., 1988. С. 137).

Особенно много народных игр и забав было связано с народным календарем – “Туханне Вясны”, волочебничество, вождение куста, “Женитьба Терешки”, колядование и др. (см. раздел “Календарные праздники”). В летнее время любимым увлечением детей, подростков и молодежи были уличные игры: “В гуськи”, “Рожа”, “В аиста”, “Ветер”. Подростки и взрослые парни играли в лапту, чиж, бабки, в “Пикаря”, “Свинку”, “Ланты”. У девочек любимой была игра “в куклы” (“ляльки”). Для маленьких детей изготавливали корзинки; коробочки из прутьев, соломы, лучинок; ложки; миски; тряпичных кукол; различные свистки; вырезали животных из тыквы, огурца, картофеля. Играя, дети имитировали взрослую жизнь, приучались к посильному труду.

Общественный досуг молодежи имел четко выраженную дифференциацию по социальным группам. Обычно даже на вечерках и праздниках богатые и бедные собирались в разных местах, а в иных случаях даже враждовали между собой.

У семейных людей свободного времени было значительно меньше, чем у молодежи. Женщины-хозяйки в часы досуга занимались ткачеством, вышиванием, шитьем. Летом собирали ягоды, грибы, лекарственные травы, обменивались новостями с соседками у колодца или во время выгона коров на пастбище. Мужчины в свободное от сельскохозяйственных работ время занимались каким-либо подсобным ремеслом: изготавливали ложки, миски, бочки, плели лапти, корзинки, вили веревки, иногда наведывались в корчму, чтобы выпить рюмку, другую.

Распространенным обычаем было гостевание. В гости ходили в дни семейных торжеств – на родины, свадьбу, а также в дни больших праздников – на Рождество Христово, Пасху, Масленицу.

Большое влияние на быт сельских жителей оказывал город. Поездки в губернские и уездные центры, родственные, дружеские, деловые связи приносили в жизнь сельчан черты городского образа жизни, нормы поведения и стереотипы горожан, а также новые песни, частушки, городские романсы, танцы.

Социальные потрясения начала XX в., связанные с Октябрьской революцией, повлекли за собой изменение форм общественного быта белорусов. Под влиянием социально-политических процессов стали закладываться основы новой общественной жизни сельских жителей, формы которой с течением времени менялись, одни из них как не соответствующие менталитету и мировоззрению белорусов отторгались, другие же вошли в быт народа и стали новой традицией. В 1920-е годы вошли в жизнь митинги, демонстрации, собрания. Старые формы местного самоуправления ликвидировались, их функции перешли к Советам, в работе которых принимали участие местные жители. На сельских конференциях и собраниях выбирали делегатов на съезды волостных или уездных Советов. Новые общественные отношения сельских жителей нашли проявление в партийной, комсомольской и профсоюзной работе. В 1928 г. в республике насчитывалось 31 694 члена компартии, из них 53,2% белорусов (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 30. Ч. II. Л. 409). Стремительно росли ряды Коммунистического союза молодежи. В 1925 г. насчитывалось 21 395 комсомольцев (68,8% из них были белорусы), в 1927 г. – 32 896 (67% белорусов) (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 21. Ч. II. Л. 426).

Коммунисты и комсомольцы занимались идеологическим воспитанием, политическим просвещением сельских жителей, в том числе атеистической пропагандой. В быт сельских жителей вошли комсомольские свадьбы, красные крестины, красная Пасха и др.

По сравнению с горожанами участие сельских жителей в деятельности профсоюзов было небольшим (профсоюзы Белоруссии на 1 января 1926 г. объединяли 149 тыс. рабочих и служащих). В деревне действовали профсоюзы сельской интеллигенции, сельскохозяйственных и лесных рабочих. Они защищали интересы бат-

раков и сельскохозяйственных рабочих, проводили культурно-просветительную работу.

Для привлечения женщин-крестьянок к общественной жизни проводили делегатские собрания. В делегатское движение в деревне в первую очередь включались женщины из семей бедняков и батрачки, реже – из середняков при одновременной изоляции более или менее зажиточных крестьянок, многие из которых отличались грамотностью и довольно широким кругозором. Выступления последних на перевыборах имели "более широкий общественный характер и не замыкались, как у беднячек, на своих бедах" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 60. Л. 7). На 6-м Всеполорусском совете работников женотделов (1924 г.) отмечалось: "Новый делегатский состав просто пугает своей численностью... Необходимо было выбирать делегатов там, где обеспечивалось руководство партии. Необходимо было проследить, чтобы в делегатский состав не проникли кулачки... Если же в состав делегатских собраний, как в Оршанском округе, попали кулачки, то такое делегатское собрание должно быть реорганизовано" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 10. Л. 45, 47).

Делегатские собрания принимали активное участие в борьбе с неграмотностью, в кооперировании беднейших крестьян, комитетах взаимопомощи, Советах. Были случаи, когда делегатки играли решающую роль на выборах при голосовании за беднических кандидатов против кулаков и бывших жандармов (Руденский сельский Совет, Минский округ) (НАРБ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1. Л. 48). Делегатские собрания оказывали помощь детям трудовой Германии, английским горнякам и голодающим в Западной Белоруссии, проводили месячники по борьбе с безработицей, туберкулезные трехдневки, внимательно следили за режимом экономии на производстве, за снижением цен и т.п. Однако они, как правило, не решали коренных вопросов жителей Белоруссии, их жизненно важных проблем. Поэтому не случайно в 1926/1927 учебном году наблюдались срывы делегатских собраний в Логойском и Смилоничском районах. В Логойском районе (Янушкевичский пункт) делегатки заявили: "что мы будем ходить на делегатские собрания, если там все говорят и ничего не делают" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 21. Ч. II. Л. 370, 371).

Делегатки, большей частью девушки и молодые женщины (почти 80% в возрасте до 35 лет), внесли свою лепту в трансформацию традиционного и становление нового быта белорусов. Они были первопроходцами в праздновании новых гражданских праздников – красных родин, свадеб, годовщины Октябрьской революции, 8-го Марта.

В эти годы возникли различные общественные организации – шефские, культурно-просветительные, оборонные, спортивные и др. Шефские ячейки были созданы при большинстве крупных предприятий и учреждений. Они проводили организаторскую и политическую работу в городе и на селе, способствовали укреплению связей между рабочими и крестьянами. С их помощью создавались кооперативы, машинные и другие объединения.

В Белоруссии развернули деятельность Международная организация помощи борцам революции (МОПР), товарищество "Прочь неграмотность", "Товарищество содействия обороне и авиационно-химическому строительству", товарищество Красного Креста, Союз воинствующих безбожников и др. Среди них, пожалуй, наибольшую положительную роль сыграло товарищество "Прочь неграмотность", которое проводило большую работу по обучению грамоте рабочих и крестьян, приобщало их к знаниям (рис. 181). В 1924/1925 учебном году среди слушателей пунктов по ликвидации неграмотности крестьяне составляли только 15%, в начале 1925/1926 учебного года их удельный вес повысился до 83% (Гісторыя Беларускай ССР, 1973. Т. 3. С. 312). Разрушительные действия на быт белорусов оказал Союз воинствующих безбожников, на его совести гибель многих святынь народа, разрушение христианского мировоззрения белорусов. В этом союзе

Рис. 181. Занятия кружка ликбеза в колхозе Гомельского округа. 1929 г.

в 1929 г. было 40 000 человек, в 1930 г. — 101 тыс. взрослых и 41 тыс. юных безбожников. В МОПРе в конце 1928 г. было 200 000 членов, в 1930 — 300 000. "Товарищество содействия обороне и авиационно-химическому строительству" насчитывало в 1929 г. 170 000 членов, вело большую пропагандистскую работу (НАРБ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 71). В Белоруссии в 1927 г. насчитывалось до 1200 кружков военных знаний, работали военно-санитарные курсы, авиахимотряды, посты воздушного наблюдения, 100 оборудованных тиров, проводились "Недели обороны" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 21. Ч. II. Л. 364). Однако в этих общественных организациях крестьяне принимали небольшое участие.

Широкий размах в 1920-е годы получило краеведческое движение. Любители краеведы изучали, описывали общественную и экономическую жизнь в республике, ее природные условия: почвы, полезные ископаемые, животный и растительный мир, климат, историю народа, его язык, праздники и обряды, фольклор, обычаи, народные знания и верования, что положительно влияло на развитие национального самосознания белорусов. В 1926 г. в республике существовало 167 краеведческих организаций, в которых было более чем 4000 человек, в 1930 г. их уже было 333 организации с 8819 членами. В Белоруссии в начале 1930 г. было 4 окружных, 15 районных и 12 школьных краеведческих музеев и 8 краеведческих уголков.

В сельской местности в общественной жизни были распространены сельские собрания. Например, по Хотюковскому сельскому Совету в период с 1.4.1927 г. по 1.4.1928 г. прошло 57 собраний, из них 11 собраний в д. Восо́во, 10 — в д. Шауры, 9 — в д. Хотюково, 5 — в д. Игрищи. Значительная часть собраний приходилась на лето, иногда собирались несколько раз на неделе. Это вызывало нарекания крестьян: "за собранием мы не имеем времени даже поспать" (Каменский сельский Совет). Характерно, что среднее участие населения в собраниях в большинстве было низкое. По Струманскому сельскому Совету явка по ряду собраний колеба-

лась от 24 до 44%, по Кормяньскому местечковому Совету – от 27 до 69% (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 9. Л. 571, 574). На собраниях решались вопросы о распределении сенокосов, открытии яслей, школ, клубов, изб-читален и др.

На рубеже 20–30-х годов, с проведением коллективизации происходит разрушение общинного самоуправления в сельском быту, однако его отдельные элементы продолжают жить и в новых условиях (обычай взаимопомощи – толока и др.). Общественная активность населения снижается, возникают ее новые формы, такие, как социалистическое соревнование. Оно по-разному воспринималось населением. С одной стороны, это – энтузиазм трудящихся, направленный на повышение производительности труда, улучшение качества продукции, добровольное снижение расценок и норм, а с другой – наблюдался скептицизм и недоверие, непонимание существа соревнования: "не желаем вступать в соревнование, не навязывайте нам", "нет масла, нет сала, а вы нам объясняете о соревновании" (НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 34. Ч. I. Л. 339).

В сельской местности такая форма социалистического соревнования использовалась при распространении крестьянского займа среди населения. В некоторых районах вывешивались списки тех, кто купил или не купил облигации, черные и красные доски, куда заносили самых активных подписчиков и тех, кто не захотел купить облигации (в основном – зажиточных). Также практиковался метод вызовов на соревнование через стенные газеты как среди отдельных крестьянских дворов, так и среди деревень, сельсоветов. Наблюдались случаи принудительного распределения облигаций при расчетах крестьян по лесозаготовкам. Так, например, в Бегомльском районе в первую очередь проводились расчеты с теми крестьянами, которые соглашались приобрести облигации, или просто при расчете им вручали облигации (ГА Минской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 250а. Л. 97).

Самая высокая общественная активность на селе была среди учителей, они после трудового дня в школе вели кружки по ликвидации неграмотности, были агитаторами на выборах, читали лекции и доклады в сельском клубе, распространяли крестьянский заем среди населения, заходя в каждый крестьянский двор.

С изменением производственного быта, социальных связей и отношений, с культурными преобразованиями появились новые формы досуга и развлечений сельских жителей. Центром общественной жизни на селе стали клуб, изба-читальня. Во многих небольших деревнях создавались красные уголки. Это нашло свое отражение и в фольклоре белорусов:

Каля луга, за палівай	(Около луга, за полынью,
Распусцілі стары дуб.	Распустился старый дуб.
Дзе царква была гадамі,	Где церковь была годами.
Там цинер красуе клуб...	Там теперь красуется клуб...)

(Антырэлігійныя казкі..., 1957. С. 130).

Особенно большое место занял клуб в досуге молодежи. В клубе собирались девушки и парни на танцы и праздники, сюда приходили они, чтобы послушать беседы, лекции, доклады, прочитать газеты и книги, позаниматься в кружках художественной самодеятельности. Например, в 1930-е в клубе колхоза "Страх врагам" Лиозненского района Витебской области на вечерах выступали струнный оркестр, хор, ставились спектакли. Учились играть на рояле. Практиковалось проведение районных олимпиад художественной самодеятельности. Газета "Палеская праўда" за 7 января 1936 г. сообщала: "Не так давно закончилась районная олимпиада совхозных самодеятельных кружков. Совхоз имени Максима Горького принимал участие в этой олимпиаде. Климович, машинист совхоза, играл на многих музыкальных инструментах. Особое внимание слушателей привлекало исполнение им народных песен и танцев на национальном белорусском музыкальном

инструменте – жалейке. Учительница совхоза и тракторист выступили с частушками, которые сложили на местном материале”.

Большое влияние на досуг сельских жителей оказали культурно-шефские связи города и села. Деятели культуры выезжали на село, помогали в организации художественной самодеятельности, читали лекции, выступали с концертами. В 1936 г. было запланировано 100 выездов театральных бригад г. Минска в колхозы. 2 марта 1936 г. симфонический оркестр консерватории в составе 26 человек дал концерт в колхозе “Красный боец” Дзержинского района. Исполнялись произведения Бетховена, Моцарта, Баха, Глинки, Чайковского. Клуб, рассчитанный на 450 мест, не мог вместить всех желающих (Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі, 1993. С. 193–195).

С проведением радио в сельские населенные пункты сельские жители получили возможность слушать новости, концерты, спектакли. Важным источником информации стали также газеты, журналы, книги. Повышению интереса к книге способствовал Всебелорусский массовый поход по ознакомлению колхозников с книгами ведущих советских писателей. В колхозах создавались кружки коллективного чтения. Только в Оршанском районе Витебской области насчитывалось 150 литкружков с числом участников примерно 3500 человек. Среди них были пожилые люди: например, 60-летний колхозник Антон Лошинский и 63-летняя Ева Щеблецова регулярно приходили на чтения и принимали участие в обсуждении книг Я. Коласа, Я. Купалы, М. Шолохова, М. Горького и других (Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі, 1993. С. 191, 192).

Общественный досуг сельской молодежи постепенно терял социальные различия, однако отдельные проявления их еще долго сохранились. Информатор из Слуцкого района вспоминает: “К нам на вечерки в застенки приходили ларни из соседней деревни. Но, избави Бог, чтобы я, шляхтянка, пошла с мужиком в круг”.

В 1930-е годы происходила целенаправленная трансформация празднично-обрядовой культуры народа. В преддверии Рождества Христова, Пасхи и других религиозных праздников проводилась развлекательная работа среди крестьян, их привлекали в клубы на художественные вечера, развлечения, лекции и доклады, антирелигиозные вечера “безбожника и ударника”. Особое внимание уделялось борьбе с праздничными традициями (красные яйца, куличи и др.). Однако традиционные праздники и обычаи все прочно удерживались в быту сельских жителей, особенно старшего поколения.

В то же время получили дальнейшее развитие государственные праздники и памятные дни (Первомай, годовщина Октября, 8 Марта, День Советской Армии и др.). В канву пролетарских праздников на селе вошли инсценировки на революционную тематику, демонстрации, митинги, мазевки, пение революционных гимнов, позже к ним присоединились торжественные собрания, вручение Красного Знамени передовому коллективу, почетный караул около него, торжественный вынос знамени, пропаганда лучших работников, чествование героев труда и др. Сотрудникам изб-читален, народных домов рекомендовалось проводить беседы среди населения с тем, чтобы к октябрьским торжествам они убрали помещения, квартиры, готовили праздничные столы.

В годы Великой Отечественной войны в жизни белорусов увеличилась роль традиционной обрядности, возросла религиозность населения. В партизанских отрядах отмечались Октябрьские праздники, Первомай, это отождествлялось с желанием отстоять Отечество.

Развитие общественной жизни сельских жителей в послевоенное время шло в русле тех политических, социально-экономических и культурных задач, которые ставились перед страной, республикой, и сопровождалось увеличением преимущественно количественных показателей общественной активности, ростом

численности активистов. Это далеко не всегда приводило к качественному улучшению общественной работы и часто носило формальный характер. Активность сельских жителей в общественной жизни определялась рядом причин, наиболее важные из них – возраст, образование, социально-профессиональный статус, семейное положение, личные склонности.

Как показали материалы этносоциологического исследования 1986 г., сельские жители по общественной активности заметно уступали горожанам. Это связано в первую очередь с особенностями сельского и городского образов жизни. В деревне много времени уходит на ведение личного подсобного хозяйства, меньше свободного времени остается на общественную работу, самообразование. Среди сельских жителей удельный вес респондентов, которые исполняли общественные поручения, находясь на выборной должности, составил 16,8%. Постоянную общественную работу по поручению партийной, профсоюзной, комсомольской и других общественных организаций (лекторы, пропагандисты, агитаторы, члены добровольной народной дружины) выполняли 12,8% из общего числа опрошенных, 14,5% выполняли одноразовые поручения, 2,9% по собственной инициативе помогали в работе членам профкома, профбюро, руководству первичных организаций добровольных обществ в подготовке культурно-массовых, спортивных, физкультурно-массовых, санитарных и других мероприятий. Характерно, что по мере повышения образования, социально-профессионального статуса человека, общественная активность среди коммунистов и комсомольцев возрастала. Сельское население в большинстве своем положительно относилось к общественной работе. Важно заметить, что каждому третьему респонденту, находившемуся на выборной должности, общественная работа приносила моральное удовлетворение, основанное на осознании ее полезности людям. Вместе с тем из общего числа опрошенных каждый восьмой относился к общественной работе отрицательно, считая, что она мешает основной работе, семейной жизни, воспитанию детей и др. Некоторые объясняли свою пассивность в общественной работе занятостью учебой, ее формальным характером, не связанным с конкретной жизнью деревни (Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі, 1993. С. 173).

В первые послевоенные годы шло некоторое оживление религиозности населения. В религиозно-общественной жизни белорусов возобновились крестные ходы, паломничество к святым местам. Так, летом 1945 г. священник Лунненской церкви Скидельского района организовал верующих и ходил по полям, устраивая молебен о прекращении дождя (ГА Гродненской области. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1. Л. 15). В 1956 г. во время праздника преподобной Евфросиньи в Полоцкую обитель прибыло не менее 5 тыс. паломников из Ветринского, Дриссенского, Невельского, Двинского районов, а также из Витебска, Москвы, Смоленска, Ленинграда (Мейсак, 1996. С. 79).

В 1960-е годы наблюдался спад религиозности, связанный с усилением борьбы с религией, жестким контролем за деятельностью религиозных объединений, свертыванием церковной сети. "Посетители православных церквей в основном пожилые люди, в большинстве своем женщины. В то же время на богослужениях в отдельных костелах Минщины молодежь составляла до 30–35% всех верующих" (ГА Минской области. Ф. 3196. Оп. 1. Д. 111. Л. 3, 10, 311).

В 1970-е годы государственная политика в отношении к религии стала более лояльной. Несмотря на то что число посещавших храмы снижалось, более частыми стали случаи обращения людей, выросших в атеистических семьях, к религии. На протяжении послевоенного периода совершалось много религиозных обрядов, особенно крещений. В 1986 г. каждый третий сельский житель сознательно назвал себя верующим.

Рост образования среди белорусов, в том числе и среди сельских жителей,

распространение телевидения, радио, печати создавали условия для освоения культуры как белорусского, так и других народов. Большое место в жизни сельских жителей заняли просмотр телепередач, прослушивание радио, чтение газет, журналов, книг, посещение клубов и домов культуры. По данным исследования, в 1986 г. телепередачи смотрели 98,5% жителей деревни, слушали радиопередачи 96,3%, посещали клубы 68,5%, читали газеты и журналы 84,3% (ежедневно только каждый второй респондент), увлекались художественной литературой 65,5% сельчан (из них читали регулярно всего 10,6%). Сопоставление результатов двух этносоциологических исследований 1972 и 1986 гг. показало, что заметно повысился интерес к телепередачам, к чтению книг, участилось посещение клубов и домов культуры. По этим показателям деревня практически сравнялась с городом (за исключением чтения научной и художественной литературы). Вместе с тем в одинаковых образовательных группах различия эти были невелики. Так, в группе работников с высшим образованием ежедневно читали газеты 89,2% опрошенных горожан и 88,2% сельских жителей, регулярно посещали массовые библиотеки соответственно 41,3 и 42,8%.

Популярностью у сельских жителей пользовались кинофильмы и концерты (их смотрел каждый второй респондент), праздничные вечера, посвященные красным датам календаря (их посещали 39,3% опрошенных), лекции и доклады. Молодежь отдавала предпочтение вечерам отдыха, танцам, спортивным играм, состязаниям, участвовала в художественной самодеятельности, любительских объединениях и клубах по интересам. В свободное от работы и домашних дел время (больше в зимний период) женщины занимались вышиванием, шитьем (23,5%), мужчин увлекали охота и рыбалка (17,9%).

Расширение форм досуга, влияние средств массовой информации на жизнь сельских жителей привели к ослаблению контактов между людьми. Вместе с тем довольно прочные связи сохраняются в рамках семьи с родственниками или близкими по интересам людьми. Часто вместе с соседями семья смотрит по телевизору интересные фильм, спектакль или полюблившиеся сельчанам передачи, например "Белорусские вечера", здесь же обсуждаются деревенские новости, дается оценка тем или иным событиям.

Традиционными зонами общения остаются скамеечки у домов, завалянки, у колодца, встречи во время выгона скота на пастбище и загона домашних животных после пастбы. Сохранилась у белорусов и "толока" – соседская взаимопомощь при строительстве дома, покосе сена, жатве, уборке картофеля и др. Обычно "толока" заканчивается угощением, застольем.

В послевоенное время среди людей старшего поколения наметилась тенденция возврата к народным обрядовым традициям. С 1947 г. стал выходным день 1 января (новогодняя елка была реабилитирована в 1935 г.). Широко отмечали белорусы главные праздники Советского государства – Первомай, годовщину Октября, 8 Марта, День Советской Армии и Военно-Морского Флота, День Победы. Эти торжества не только вошли в общественный быт, но и укоренились в семье. Традиции прослеживались в застолье, гостевании, в формах проведения досуга, в исполнении белорусских песен. С 1990-х годов, в условиях переосмысления истории эти торжества, за исключением Дня Победы, отходят на второй план и празднуются не с таким величием и размахом, как ранее.

По-настоящему всенародным остается праздник 9 Мая, который отмечает героические и трагические страницы истории, сохранения национальное достоинство и самосознание белорусов. Стало хорошей традицией проведение накануне Дня Победы "Недели памяти", вечеров встреч молодежи с ветеранами, вечеров-портретов героев минувшей войны, встреч бывших воинов и партизан.

В белорусских селах сохранялись календарно-аграрные праздники (см. раздел

"Календарные праздники"), которые в новых условиях трансформировались в современные общественные и трудовые, частично в них сохранялись ритуальные, эстетические, игровые элементы традиционных торжеств. Другую жизнь получил обряд, связанный с началом полевых работ, – "Праздник первой борозды". Сохранился его основной смысл: прославление труда пахаря и кормилицы-земли, проверка готовности земледельцев и сельскохозяйственной техники к выходу в поле. С преобразованием быта сельского населения изменились содержание, символика, атрибуты этого обряда. В театрализованное представление включены символические персонажи Весны, Матери-Земли, Дождя, Урожая. В программу праздника вошли рапорт главного агронома о готовности к весенне-полевым работам, чествование победителей соревнования, героев жатвы прошлого года, концерт агитбригады. Право на проведение первой борозды предоставлялось лучшему механизатору.

Изменение трудовых народных традиций повлияло и на древние обряды – "зажынкi" (праздник первого снопа) и "дажынкi". Значительно сократилась численность участников жатвы. Если раньше главными действующими лицами были жнеи, то в новых условиях уборка урожая легла на плечи комбайнеров, шоферов, работников зернотоков. Однако жнеи с серпами выступают обязательными участниками праздника. Из традиционных элементов сохранились "дожиночный сноп", "венок" из колосьев, "каравай" из зерна нового урожая. Дожиночный сноп обычно вручали руководителям хозяйства (рис. 182). Венками, хлебом-солью одаривали лучших комбайнеров. На празднике присутствовали новые символические персонажи – Урожай, Лето. Дополняли торжество карнавалы, концерт художественной самодеятельности.

Трудовой результат годовой деятельности земледельцев и животноводов подводили Праздник урожая, День работника сельского хозяйства, "кірмашы" (ярмарки).

В быту сельских жителей в 1970–1980-е годы получили распространение об-

Рис. 182. "Дожинокi" ("дажынкi"). Ивановский р-н Брестской обл. 1986 г.

Рис. 183. Празднование Масленицы. Воложинский р-н Минской обл. 1980 г.

Рис. 184. Купалье ("купалле"). Д. Диван Кобринского р-на Брестской обл. 1990 г.

ряды посвящения в животноводы и земледельцы, совместные праздники деревни и города, чествование передовиков сельского хозяйства на дому, дни рождения животноводов и других сельских тружеников, слеты доярок пяти-, шеститысячниц.

Широко отмечался один из любимых народных праздников – Проводы зимы ("Снежный фестиваль"), которому в традиционной обрядности белорусов предшествовала Масленица. Новый праздник сохранил ряд масленичных традиций: переодевание, народные игры и забавы, блины с маслом и сыром, сожжение соломенного чучела Зимы ("Масленки") (рис. 183). Своеобразный колорит традиционному массовому гулянию придают катания на тройках, санках, с горок, спортивные игры, соревнования, конкурсы и др. В карнавальное шествие вошли сказочные и литературные персонажи (Нестерка, Павлюшка, Дед Мороз, Снегурочка и др.), что раньше не было характерным для Масленицы, где главными героями были "медведь", "коза", "конь", "дед". Главное в празднике – трудовая тема, подведение результатов прошлого года, подготовка к весенним полевым работам.

Существенную роль в быту белорусов играли обряды и обычаи, приуроченные к праздникам христианского календаря, – Пасхе, Рождеству, Радонице ("Радаўніце"), Троице ("Семухе") и др. Однако празднование их долгое время находилось под негласным запретом. С начала 1990-х годов стала усиливаться их религиозная сторона. Нередко эти праздники проводятся и при участии учреждений культуры. Так, например, на Минщине ежегодно проходит областной праздник "Траецкі фэст" (праздник Троицы), в селах области стали проводиться "Каляды" (Рождество), "Вялікдзень" (Пасха), Юрий, Спас и др.

В общественной жизни сельских жителей сохранился народный праздник Купалье ("Купалле"), поэтизирующий расцвет природы, посвященный летнему солнцестоянию. В современных условиях, благодаря усилиям общественности и работников культуры, он возрождается. Несмотря на то что религиозно-магический смысл купальских обрядов полностью утрачен, они сохраняют яркий народный колорит. Обязательными ритуалами, поэтическими символами остались купальские костры, песни, хороводы, плетение венков, поиски цветка папоротника (рис. 184).

В быт сельского населения вошли новые праздники – улицы, деревни, сельсовета, фольклорные и др. (рис. 185), которые не имели предшественников в традиционной обрядности белорусов, однако в них присутствуют некоторые традиционные элементы празднично-обрядовой культуры народа. Они имеют ярко выраженную историко-краеведческую направленность, способствуют расширению знаний о своей малой Родине, воспитанию патриотических чувств, служат источником национальной духовности.

Особой любовью у сельчан пользуются праздники деревень. Они проводятся не только на центральных усадьбах хозяйств, но и в "глубинке". Накануне торжества посылаются в разные города и села приглашения землякам, а также воинам-ветеранам, которые освобождали селение от немецких захватчиков. Деревню благоустраивают, украшают флагами, транспарантами. В программе праздника – театрализованное представление об истории села. На ярмарках, которые обычно сопутствуют торжеству, демонстрируются изделия местных мастеров (рушники, скатерти, салфетки, покрывала, самодельные ковры, пояса, деревянная и гончарная посуда, изделия из лозы, соломки и др.). Проводятся конкурсы на лучший двор, букет цветов, кулинарное изделие. Неотъемлемой частью этих торжеств стали чествования ветеранов войны и труда, митинг-реквием у памятника погибших в Великую Отечественную войну, праздничный концерт, спортивные выступления, массовые гуляния (рис. 186).

В начале послеперестроечного периода снизилась общественная активность

Рис. 185. Фольклорный праздник "Звенят цымбалы и гармонікі", 1980-е годы

Рис. 186. Праздник деревни Краглевицы Ивацевичского р-на Брестской обл. 1994 г.

сельских жителей, упал авторитет сельских профессий, пропало уважение к труду. Причины этих процессов лежат в экономической сфере и связаны с ухудшением жизненного уровня основной массы населения, а также с переменами в шкале культурных ценностей, особенно у молодежи. Однако в последние годы вновь стали возрождаться трудовые традиции и праздники, усилилась ориентация молодежи на повышение своего образования и квалификации. Строятся храмы, увеличивается количество верующих.

Таким образом, в общественном быту белорусов – сельских жителей – на протяжении XX в. произошли существенные перемены. Этому способствовали в первую очередь социально-экономические и политические преобразования в жизни народа. Однако, несмотря на разрушение старых и внедрение новых форм быта, некоторые принципы общественной жизни, ее элементы и даже целые пласты не исчезли, а только изменили способы и формы своего существования.

БЫТ ГОРОЖАН

Общественный быт горожан значительно отличается от коллективных форм жизненного уклада села. Эти различия определяются самим городом – специфически новым типом поселений, возникшим на этапе отделения ремесла и торговли от земледелия и более сложным по социально-этническому составу населения. Согласно древнерусским летописям, на территории Белоруссии в IX–XIII вв. уже существовало 38 городов, многие из которых в раннефеодальный период приобрели статус административных центров удельных княжеств. В них стали строиться церкви, располагались резиденции духовенства (см. раздел “Городские поселения”).

Основными занятиями горожан были торговля, ремесла и промыслы, часть жителей занималась сельскохозяйственным трудом. Наиболее важными отраслями городского ремесла были гончарство, обувное, швейное и ювелирное производство, обработка железа, дерева, камня, кожи. Кроме ремесленников и торговцев, в городах проживали князья, шляхта, бояре, духовенство.

В период раннего феодализма в общественном быту городов значительную роль играло вече – общее собрание горожан, которое выполняло функции законодательной и административной власти, а иногда и публичного народного суда, сообщца занималось раскладкой и сбором податей и т.д. Звонком вечного колокола или глашатаями созывалось на него все полноправное мужское население города без различия сословий. Право голоса имели все главы семейств.

Из сохранившихся исторических источников известно, что вече занимало важное место в политической и общественной жизни Полоцка. Автор “Хроники Быховца”, ссылаясь на Ипатьевскую летопись, упоминает среди событий XI–XII вв. о полоцком князе Борисе, давшем полочанам вольности и право звонить в колокол, собирая вече, на котором обсуждались дела так же, “яко ся рядет в Великом Новгороде и во Пскове” (Хроника Быховца, 1966. С. 38–39).

В Полоцке вече собиралось на площадях двух главных городских церквей – около св. Софии или около св. Богородицы Старой (*Доўнар-Запольскі*, 1994. С. 43). Обычно на вече присутствовали князь и архиепископ. Полоцкое вече заключало мир и объявляло походы, собирало ополчение, приглашало на полоцкий стол князей, играло роль высшего суда. От имени вече заключались торговые соглашения Полоцка с Ригой и другими городами (*Штыхаў*, 1975. С. 16–17). Белорусско-литовские летописи сообщают о существовании вече и в Витебске (*Сапунов*, 1888. С. 465).

Со второй половины XIII в. западнорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского.

Условия, на которых к Великому княжеству Литовскому присоединялась большая часть западнорусских земель, оговаривались в так называемых уставных (законодательных) земских привилегиях (грамотах). Они, по существу, были результатом компромисса и договора между великим князем литовским, правительством литовского государства и населением присоединенных территорий.

Созданное на основе государственно-договорных актов, Великое княжество Литовское было государством со слабой централизацией, благодаря чему на присоединенных территориях долгое время сохранялись древнее обычное право, определенная обособленность и городской вечевой строй (*Ясинский*, 1889. С. 2). В Полоцке исполнительная власть после присоединения к Великому княжеству Литовскому долгое время принадлежала наместникам великого князя при законодательной власти вече. Еще в привилегии Казимира Ягеллончика жителям Полоцка в 1456 г. определялся порядок ведения вече и решения на нем общественных дел (АЗР, 1846. Т. 1. № 6. С. 73. Стб. 1). Полоцкое вече собиралось до самого конца XV в., когда городу было даровано великим князем Магдебургское право (1498 г.) (*Игнатюк*, 1992. С. 36).

Дарование городам и местечкам Магдебургского права предоставляло их жителям самоуправление в административной, судебной и финансовой деятельности, что содействовало социальному и юридическому оформлению городского сословия – мещанства. Горожане, входившие в состав одной магдебургской общины, пользовались общими правами и привилегиями, несли групповую ответственность за проступки, что содействовало широкому развитию в городах взаимопомощи и благотворительности (Белоруссия в эпоху феодализма, 1959. Т. 1. С. 263).

Развитие феодальных отношений вызвало значительный рост поселений городского типа. В XVI – первой половине XVII в. насчитывалось уже более 460 городов и местечек, в которых проживало 16–20% всех жителей Белоруссии (*Копынский*, 1976. С. 9–10).

Наряду с коренным белорусским населением (составлявшим 60–80% горожан) в городах жили различные по численности группы поляков, украинцев, русских, евреев, литовцев, латышей, немцев, татар и др. (Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1993. С. 21).

Общественная жизнь городов феодального времени тесно переплеталась с религиозной и отличалась широким конфессиональным плюрализмом и веротерпимостью, что способствовало миграции в Белоруссию в XVI в. больших групп мусульман (татар) и иудаистов (евреев), а в XVII в. – русских староверов.

Белоруссия, расположенная на стыке двух крупнейших европейских цивилизаций, испытывала сильное влияние как русской, так и западноевропейской культуры. Эти влияния сказывались и на городском самоуправлении, сочетавшем в себе традиции древнерусского веча и управления с нормами Магдебургского права.

Как в королевских, так и в частновладельческих городах горожане имели значительную автономию. Они участвовали в выборе наместников и воевод из числа местных феодалов, избирали магистрат (раду), которому в случае несогласия с его деятельностью могли вынести вотум недоверия.

В конце XV в. в городах Белоруссии возникли цехи ремесленников и торговцев – профессиональные объединения, основывавшиеся на принудительном членстве. В XVI–XVII вв. цеховыми объединениями в городах Белоруссии было охвачено более 200 ремесленных специальностей (*Копынский*, 1966. С. 79), т.е., по существу, все городское ремесленное производство того времени. Членами одного ремесленного цеха могли быть представители любого течения христианского

вероисповедания (православные, католики, протестанты, униаты). На общих собраниях цехов решались текущие производственные вопросы, избирались казначей, хранители цехового ларца ("скрыни"), в котором находились устав, грамоты и другая документация цеха, цеховая эмблема-знак ("цыха"), знамя или хоругвь и т.д.

Цеховые уставы определяли характер и структуру общественной жизни ремесленников, предусматривая обязательное посещение церкви и участие каждого состоящего в цехе в крестных праздничных ходах, похоронах членов своей цеховой организации, внесение определенных сумм на взаимопомощь. Обязательным было несение сторожевой службы у городских ворот и ратуши, участие в работах по ремонту городских стен, улиц, общественных зданий, культовых сооружений.

Значительное место в общественной жизни феодального белорусского города занимала филантропическая и культурно-просветительная деятельность православных религиозных братств, которые стали создаваться с конца XVI в. На средства церквей, монастырей, цехов, католических орденов и религиозных братств в городах открывались дома призрения, больницы, ночлежки.

С конца XVI в. начала формироваться довольно многочисленная по тем временам сеть католических, реформационных и братских (православных и униатских) школ, что создало основу для широкого распространения грамотности среди горожан. Выходцы из Белоруссии учились в высших учебных заведениях Кракова, Праги, Вены, Гейдельберга, Падуи, Болоньи и других западноевропейских научных центров, причем приблизительно четверть уроженцев Белоруссии, учащихся Краковского университета, были выходцами из мещанского сословия (*Александрович*, 1967. С. 13–20; Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1993. С. 21).

Для белорусских городов XVII–XVIII вв. типичным было существование двух центров общественной жизни горожан – торговой площади и резиденции феодала.

Общественная жизнь феодального города концентрировалась на ратушной и рыночной площадях, на которых проходили городские торжества и праздники, а во время ярмарок и торгов они превращались в место интенсивного общения горожан с сельским населением окружающего город региона. На рыночной площади, если она была единственной в городе, размещались ратуша, торговые ряды, культовые здания, дома городской знати. Там же проводились публичные наказания за воровство, колдовство, прелюбодеяние, приводились в исполнение смертные приговоры, собирались обычно владельцы домов при распределении повинностей и т.д. На городских площадях выступали театральные группы – батлеечники, во время ярмарок и по праздникам давали представления бродячие фокусники, скоморохи, дудари, потешали присутствующих поводыри с медведями. Значительную роль в общественной жизни горожан в средние века играла и резиденция феодала, где устраивались пышные празднества и торжественные приемы знатных гостей.

Однако основное место в общественной жизни того времени занимала церковь. По воскресным и праздничным дням ее посещали все жители, кроме больных и престарелых. Она была местом не только отправления религиозного культа, но и встреч, знакомств, обмена новостями, выбора невест и женихов (*Рабинович*, 1987. С. 129). Особой пышностью, детальной разработкой ритуала отличались церковные праздники католической церкви. Важным элементом общественного быта верующих вплоть до конца XIX в. было паломничество к чудотворным иконам, святым источникам и деревьям.

Открытие городских присутственных мест, ремесленных мастерских, больниц, шпиталей (домов призрения) и т.п. всегда сопровождалось торжественным молеб-

ном и определенными гражданскими обрядами, в которых принимали участие цеховые организации, военные, службы городничего (*Добрынин*, 1872. С. 200).

Значительными событиями в общественной жизни горожан были шляхетские сеймы и трибуналы, собиравшие шляхтичей уезда. Их шумные заседания и застоля, часто сопровождавшиеся драками, вносили оживление в размеренную жизнь городских обывателей и долго служили предметом обсуждения и пересудов во всех слоях городского общества.

С большой торжественностью отмечались посещения города коронованными особами и высокопоставленными лицами. Их встречали все городские жители и магистрат, духовенство, ремесленные и купеческие цехи в праздничной одежде, при оружии, с корутками, барабанами и литаврами. Иногда такие торжества сопровождалась пушечной пальбой и фейерверками (Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1993. С. 30–31).

Особой роскошью отличался быт наиболее привилегированной городской верхушки и магнатов. Они устраивали балы, маскарады с различными формами увеселений, фейерверками (*Энгельгардт*, 1867. С. 18–23). С середины XVIII в. в их среде стало модным заводить собственные крепостные театры, хоровые капеллы и оркестры из крепостных. Художественных руководителей, балетмейстеров, хормейстеров приглашали из-за границы, обычно из Италии, Франции, Германии. Известные западноевропейские художники писали декорации к оперным и балетным спектаклям. Кроме крепостных актеров, в них принимали участие профессиональные певцы, танцоры, музыканты, гастролировавшие в то время в Белоруссии, а иногда и члены семьи владельца театра. Наибольшую известность получили театры князей Радзивиллов в Несвиже, графа С.Г. Зорича в Шклове, слонимский театр гетмана Великого княжества Литовского М.К. Агинского, гродненский театр А. Тизенгауза. Однако театры того времени были узколитературным явлением. Выступления их не были постоянными и обычно приурочивались к каким-нибудь семейным торжествам магнатов или к приемам знатных особ.

После трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Белоруссия вошла в состав Российской империи. В связи с этим упразднялась старая система городского самоуправления и вводились в действие нормы городского уложения, основанные на данной в 1785 г. Екатериной II Дарованной грамоте городам. Согласно этому документу, распорядительная власть в городах передавалась городским думам, сформировавшимся на основе сословного представительства. Ее исполнительным органом была шестигласная дума, в которую входили выборные от шести разрядов городского населения: почетных граждан, купечества, городских обывателей, цеховых, посадских и иностранцев. Раз в три года купцы и мещане избирали магистрат – судебный орган, рассматривавший жалобы и осуществлявший контроль над деятельностью цехов, торговых и т.д.

Доминирующая роль в общественной жизни уездных городов принадлежала дворянскому собранию во главе с предводителем, прямо влиявшим на исполнительную власть города и уезда.

В конце XVIII – первой половине XIX в., несмотря на господство крепостничества, ограничившего социальную базу пополнения городского населения, в Белоруссии наблюдался значительный рост численности жителей городов и местечек, темпы которого превышали темпы роста сельского населения. Кроме естественного прироста, города пополнялись разорившейся шляхтой, выходившими в отставку военнослужащими. Хотя и слабее, чем в среднем по России, в Белоруссии проходил и процесс привлечения в города земледельческого населения (*Лютый*, 1987. С. 46).

В 1796 г. царским правительством была введена "черта еврейской оседлости", согласно которой евреям было запрещено проживание в центральных губерниях

России. В 1823 г. было издано распоряжение о выселении евреев из деревень Белоруссии. Поэтому значительную роль в увеличении численности городских жителей сыграло сселение в города и местечки еврейского населения, пополнявшего мелкобуржуазную прослойку горожан.

Российское правительство проводило и политику постепенного ограничения феодального владения городами, выкупая их у магнатов. Все это создавало условия для капиталистического развития белорусских губерний, способствовало складыванию внутреннего рынка, ускорению первоначального накопления капитала и вовлечению крестьянства в торгово-денежные отношения. В этих условиях цеховые объединения городских ремесленников начали распадаться, а мастерские превращались в капиталистические мануфактуры, в которых рядовые мастера и подмастерья оказывались на положении наемных рабочих. Кризис цеховой системы привел к постепенному исчезновению в городах компонентов средневекового образа жизни, сопряженных с деятельностью этих объединений, к появлению новых, свойственных капиталистическому городу.

Общественная жизнь широких слоев горожан по-прежнему концентрировалась вокруг церкви. Строго соблюдались Пасхальный, Петров, Успенский и Рождественский посты, заблаговременно и тщательно готовились к религиозным праздникам. Отступление от норм религиозного поведения и морали подвергалось суровому общественному осуждению. Во время праздников горожане участвовали в праздничных церковных службах, крестных ходах, принимали у себя дома священника во время его праздничных обходов прихожан. Вечерами ходили в гости к друзьям или родственникам. Пожилых людей в гостях было принято угощать водкой, колбасами, жареным поросенком или гусем, а молодых женщин и девушек – орехами, пряниками, тыквенными и подсолнечными семечками (*Дембовецкий*, 1882. С. 630).

С начала XIX в. значительное место в общественном быту горожан стали занимать массовые гулянья, проводившиеся в дни церковных праздников, ярмарок, по случаю побед русских войск и т.п. Особенно массовыми были гулянья на Масленицу и Троицу. Летние и весенние гулянья устраивались в парках и городских садах, по набережным рек, главным улицам, в пригородных рощах. Перед публикой играли военные оркестры, иногда устраивались фейерверки. Торговали сладостями, орехами, прохладительными напитками.

К середине XIX в. в быт средних слоев горожан начали прочно входить загородные пикники – “маёвки”, на которых представители средних слоев пили чай, прогуливались на свежем воздухе, а вечером возвращались в город.

Быт мещан был тесно связан с улицей. В летние дни горожане любили сидеть у окошка или на лавочке возле дома и наблюдать жизнь улицы. Вечерами собирались на улице группами (обычно мужчины и женщины отдельно) и обменивались новостями, обсуждали хозяйственные дела, невест, женихов, поведение молодежи, судачили о соседях. Молодежь собиралась отдельно, играла в уличные игры, пела.

Несколько раз в год в каждом городе устраивались ярмарки, которые чаще всего длились от одного-двух дней до недели. На ярмарки в крупных городах съезжались тысячи людей. Ярмарки вносили оживление в городскую торговлю и ремесло, оживляли контакты горожан с приезжими из других мест, а также с сельским населением, способствовали их этнокультурному взаимодействию.

Во время ярмарок давали спектакли труппы странствующих актеров, на площади устанавливали балаганы комедианты, канатоходцы и фокусники (“штукари”), иногда заезжал бродячий цирк, водили медведей цыгане, потешая публику разными фокусами и плясками. Здесь же работали трактиры, чайные, карусели, торговали бубликами, пряниками, орехами и другими сладостями. Поэтому на ярмарку шли не только за покупками, но и для развлечения. Ярмарочные увесе-

ления были любимым видом досуга мещан среднего достатка, ремесленников, прислуги, жителей пригородных деревень. На ярмарках часто заключались "контракты" – ежегодные договоры между помещиками и бедными шляхтичами, служившими экономами, управляющими имениями, писарями и т.д. А иногда к ярмаркам и контрактам приурочивали и выборы уездного предводителя дворянства (Шпилевский, Путешествие..., 1853. С. 10). Тогда привилегированные слои городских жителей, считавшие унизительными для себя ярмарочные увеселения, развлекались на устроенных в это же время балах-маскарадах и танцевальных вечерах, так называемых ресурсах или реутах, где "под звуки полек, краковяков, кадрили, мазурок решалась судьба не одной полесской панночки" (Шпилевский, Путешествие..., 1853. С. 11).

В 1870 г. на территории России была проведена реформа городского управления, заменившая сословный принцип избрания в городскую думу буржуазным – по имущественному цензу. Избирательное право получали горожане с 25-летнего возраста, имевшие торговые и промышленные предприятия или недвижимое имущество. Это способствовало укреплению позиций буржуазии, содействовало улучшению городского хозяйства. Члены думы ("гласные") избирались на 4 года. Исполнительным органом ее была городская управа. Председатель управы (городской голова) был и председателем городской думы. Городской голова обязательно утверждался Министерством внутренних дел, а принятые думой постановления контролировались губернатором. Это превращало городские думы и управы в подсобные звенья царского управленческого аппарата.

В 1893 г. в Белоруссии было введено новое Городовое положение 1892 г., которое значительно ограничивало круг избирателей и укрепляло в городском самоуправлении позиции дворянства. Число избирателей в городах снизилось до менее чем 1% от общего числа жителей. Евреи к участию в выборах не допускались даже при наличии имущественного ценза. В городской думе еврейское население представляли лица, назначаемые губернским присутствием по городским делам в количестве не более 1/10 от общего числа гласных.

Таким образом, дела городских дум и управ сводились в основном к решению вопросов о благоустройстве городов, об открытии учебных заведений, ночлежных домов и к исполнению правительственных предписаний.

Поскольку дворянство не являлось городским сословием, его самоуправление осуществлялось по уездам и городам. В городах проводились выборы предводителя дворянства и его помощников, ведавших различными сословными делами. На эти собрания дворяне съезжались обычно в зимнее время, приурочивая к этому вывоз в свет своих дочерей. В дворянских и офицерских клубах давались балы, маскарады, устраивались благотворительные базары, любительские спектакли и концерты. Приезжие дворяне и городская буржуазно-чиновничья верхушка делали взаимные визиты, устраивали званые обеды.

С отменой крепостного права и развитием капиталистических отношений в городах стал интенсивно формироваться новый слой горожан – интеллигенция (учителя, врачи, чиновники, архитекторы, художники). Они устраивали домашние музыкальные и литературные вечера, ставили любительские спектакли по пьесам русских и зарубежных драматургов и т.д. По свидетельству П.И. Шпилевского, образованная часть горожан уже в середине XIX в. была хорошо знакома с русской и зарубежной классикой, с новинками западноевропейской музыкальной жизни (Шпилевский, Путешествие..., 1992. С. 79).

В 1911 г. на территории Белоруссии были созданы земства. Исполнительную власть земств осуществляли земские управы, избираемые губернскими и уездными земскими собраниями. Выборы в земские собрания проводились раз в три года на основе высокого имущественного ценза по трем избирательным куриям: уездные

землевладельцы, городские избиратели и выборные от сельских общин (сельские общества посылали своих представителей на волостные сходы, которые избирали выборщиков в уездный город, где губернатор из числа представленных кандидатов назначал гласных от крестьян). При выборах в земские учреждения были сохранены сословные дворянские привилегии. Председателями уездных и губернских земских собраний могли быть только представители дворянства. Правительство, по существу, ограничило деятельность земских учреждений местными хозяйственными делами, поставив ее под контроль и опеку губернатора и Министерства внутренних дел, которые могли приостановить исполнение любого постановления земского собрания.

Таким образом, работа учреждений городского, земского и сословного самоуправления проводилась обособленно от широких трудящихся масс горожан, мало учитывала их насущные нужды и заботы. В свою очередь их работа не вызывала ответного интереса широких слоев городских жителей. На учреждении местного самоуправления они смотрели как на "панские" занятия, мало касавшиеся их повседневной жизни.

Со второй половины XIX в. в общественной жизни социально продвинутых групп городского населения значительную роль стало играть участие в различного рода благотворительных обществах, сословных и сословно-профессиональных клубах. Клубы обычно объединяли людей одного социального круга (дворянские, офицерские и т.д.) в целях совместного отдыха, дружеского общения и развлечений. Дворянские клубы ("благородные собрания") имелись во всех губернских и некоторых уездных городах. Такой же замкнутый характер носили и офицерские клубы ("офицерские собрания"). В клубах играли в бильярд и карты, а также устраивались балы, праздничные встречи ("съезды"), маскарады, благотворительные мероприятия.

В конце XIX – начале XX в. в городах Белоруссии стали возникать сословно-профессиональные клубы: коммерческие (объединявшие купцов, служащих промышленных предприятий, чиновников), приказничьи (объединявшие торговцев, мелких служащих), железнодорожников. В своей деятельности они подражали дворянским клубам. Основными занятиями были игра в карты (вист, преферанс), в бильярд, танцы и посещение буфета. Здесь же устраивались благотворительные вечера, любительские спектакли, создавались литературные, музыкальные и драматические кружки, небольшие библиотеки. Членские взносы были невелики.

Своеобразными городскими клубами для малоимущих слоев населения служили многие трактиры, кондитерские, предоставлявшие посетителям также набор развлечений – бильярд, русские, польские и французские газеты (*Бобровский*, 1863. С. 788).

Попыткой правящих кругов создать клубы для трудящихся была организация в городах Белоруссии нескольких народных домов (рис. 187). Кроме отдыха и развлечений, в них читались научно-популярные лекции, работали библиотеки-читальни (*Вестник Могилевского земства*, 1915. С. 5–6). Однако в силу своей малочисленности они не оказали сколько-нибудь заметного влияния на общественную жизнь горожан.

Почти во всех крупных городах существовали еврейские клубы, членами их были обычно лавочники, трактирщики и торговцы, которые считали себя высшим сословием, как бы шляхтой по отношению к евреям-ремесленникам. Сословный гонор ("ихус") проявлялся во всех сферах жизнедеятельности. Евреи-торговцы никогда не рождались с евреями-ремесленниками и не вели с ними никаких общих дел. Имущественное расслоение прослеживалось и в религиозной сфере. В крупных городах были отдельные синагоги торговцев, сапожников, портных и т.д. (*Наш край*, 1930. С. 38).

Рис. 187. Народный дом на Акцисной площади в Гродно. 1904 г.

Для материально обеспеченных горожан считалось престижным участие во всякого рода филантропической деятельности. Некоторые благотворительные и попечительские общества и комитеты, как, например, "Общество императрицы Марии Федоровны", были всероссийскими и имели отделения в городах, местные же благотворительные общества подразделялись на губернские, уездные и городские. Собранные ими средства шли на пособия неимущим учащимся гимназий, на призрение и воспитание сирот (Обзор Виленской губернии за 1903 год, 1904. С. 70), открытие и содержание домов трудолюбия (Отчет о деятельности правления попечительного..., 1903. С. 3–5), а также на культурно-просветительные и развлекательные мероприятия для простого народа.

Продолжала существовать в городах сословно-профессиональная и национальная взаимопомощь в форме обществ взаимного вспомоществования приказчиков, портных, сапожников, еврейских обществ пособия бедным, которые поддерживали нуждающихся выдачей беспроцентных ссуд или пособий.

В начале XX в. в благотворительную деятельность активно включились общества трезвости и религиозные братства, стало традицией за неделю до Пасхи проводить общегородские благотворительные праздники (День розового цветка в Гомеле, День белого цветка в Минске). Однако собранные в результате этих мероприятий деньги не могли ощутимо помочь огромной массе городской бедноты. Дворянство, купечество и богатые мещане использовали благотворительность в первую очередь для укрепления своего социального престижа, роста популярности, получения почетного городского гражданства и т.д.

Еще один тип городских общественных объединений составляли различные общества, основанные на единстве профессиональных или любительских интересов (общества врачей, спортивные, сельскохозяйственные и т.п.).

Одной из наиболее передовых форм общественной деятельности были воскресные школы, создаваемые по инициативе учителей. В этих школах проводились народные чтения, читались лекции по политическому просвещению трудящихся.

Традиционными для городов были и различные формы антиобщественного поведения, т.е. посещение кабаков, отсутствие культуры проведения свободного времени, брань, драки. Низкий образовательный и культурный уровень, к тому же изнурительный многочасовой труд в ремесленных мастерских или на капиталистической фабрике не позволяли многим ремесленникам и рабочим найти выход из давившей их нужды и бесправия, ломались их судьбы, заставляя опускаться на самое дно городской жизни.

Однако именно среди рабочих и ремесленников под влиянием рабочего и социал-демократического движения в крупнейших промышленных центрах России и в белорусских городах стали появляться нелегальные организации и кружки, ставившие своей целью свержение самодержавия.

Для проведения революционной агитации, пропаганды и политического просвещения трудящихся социал-демократические организации использовали народные чтения в воскресных школах, училищах, молодежные вечеринки, а также популярные среди горожан формы летнего загородного отдыха ("маёвки").

После кровавых событий 9 января 1905 г. в Петербурге забастовки, политические стачки, демонстрации протеста против царизма приобрели массовый характер и стали занимать все более значительное место в общественной жизни рабочих и ремесленников городов Белоруссии.

Таким образом, общественный быт городов Белоруссии в дореволюционный период отчетливо отражал классовую, сословно-профессиональную и этносоциальную дифференцированность буржуазного общества. Все формы общественной деятельности, связанные с городским и сословным самоуправлением, благотворительностью, участием в различных добровольных обществах и сословных клубах, являлись привилегией зажиточных слоев городского населения. Общественная деятельность средних и неимущих городских жителей концентрировалась в основном вокруг церкви, а общественные формы досуга были тесно связаны с улицей, рынком, посещением трактиров и чайных.

Четкое разграничение привилегированных и протонародных форм городского общественного быта мешало его развитию, привлечению широких слоев горожан к активной общественной деятельности. Тяжелые формы капиталистической эксплуатации и бесправное положение рабочих привели к возникновению нелегальных и полунелегальных революционных организаций трудящихся, подготовивших возможность осуществления социалистических преобразований в стране.

Несмотря на сложное и неоднозначное восприятие Октябрьской революции, белорусский народ в первые послереволюционные годы проявил революционный энтузиазм, стремление к знаниям, культуре, участию в управлении страной и справедливому распределению результатов своего труда.

В общественном быту жителей белорусских городов появились новые формы, возникшие в результате социально-экономических преобразований. В начале 1920-х годов, когда в стране сохранялись разные политические партии, большевики стремились прежде всего получить большинство мест в Советах (заменивших традиционные органы городского самоуправления), усилить влияние на беспартийных. В городах налаживался рабочий контроль над производством и сбытом продукции, финансами, распределением продуктов питания. Сфера рабочего контроля значительно расширилась и укрепилась с созданием в 1920 г. органов Рабоче-крестьянской инспекции.

Получившие быстрое распространение собрания, митинги, массовая агитация и пропаганда использовались большевиками в начальный период становления Со-

ветской власти как средства мобилизации народа на борьбу с немецкой армией и белогвардейцами. В 1919–1920 гг. во многих городах Белоруссии проводились "Недели помощи народу", "Недели обороны", "Недели раненого красноармейца" и другие массовые мероприятия по оказанию помощи фронту, политическому просвещению трудящихся и привлечению их на сторону Красной Армии. Горожане отчисляли в фонды этих кампаний сверхурочный или однодневный заработок, собирали раненым красноармейцам и их семьям деньги, одежду, обувь, продукты питания (Борьба..., 1988. Т. 1. С. 516–517).

Как одна из форм общественной помощи фронту и восстановлению разрушенного гражданского войной хозяйства возникли коммунистические субботники. Появились на волне революционного энтузиазма народа, верящего в скорое построение справедливого бесклассового общества, субботники вскоре приобрели массовый характер. Только в июле 1920 г. в Гомеле на железнодорожном узле и других промышленных объектах в свободное время работали более 7,5 тыс. рабочих и служащих, на станции Минск-Западный 4 сентября – 8 тыс. человек (Гісторыя Беларускай ССР, 1973. Т. 3. С. 206). В некоторых крупных городах Белоруссии в течение месяца нередко организовывалось несколько крупных субботников. Со временем сложился и ритуал их проведения. Перед началом работы на месте сбора участников обычно проводился митинг, после которого все со знаменами и транспарантами направлялись на работу (Завалева, 1967. С. 61).

В целях повышения политического образования населения в республике создавались кружки и школы политграмоты на промышленных предприятиях, проводились групповые читки газет и беседы, во время которых разъяснялась внешняя и внутренняя политика государства. Уже в 1921 г. только в Гомельской губернии работало 16 партшкол, в каждой из которых занимались 50–70 слушателей. Во второй половине 1920-х годов сеть учреждений политграмоты расширилась и пополнилась вечерними и воскресными коммунистическими университетами.

Постепенно массовый характер начали приобретать новые общегосударственные праздники: годовщины Октября, 1 Мая, 8 Марта. Они сопровождались митингами, собраниями, праздничными вечерами, народными гуляньями. В летний период широкое распространение получили "маёвки", которые наполнялись новым содержанием. В этот же период стали формироваться новые обряды и традиции. С антирелигиозной целью проводились "красные Пасхи", "красные Троицы". В семейный быт горожан на смену венчаниям, крещениям по традиционному народному ритуалу вводились комсомольские свадьбы, октябрины. Откровенно агитационный и митинговый характер "красных" обрядов, непрофессионализм организаторов прельщались их внедрению в обрядность горожан.

Со вступлением республики в полосу мирного социалистического строительства в пропаганде был сделан акцент на производственно-хозяйственную деятельность. Санкционировалось внедрение трудовых починов, различных форм социалистического соревнования, передового опыта и т.д. В 1920–1930 гг. получили поддержку и закрепились в качестве трудовых традиций рационализаторство и изобретательство, ударничество. Добровольная беспредельная интенсификация труда поощрялись лозунгами "Пятилетку – в четыре года!", "Каждому рабочему часу – наивысшую отдачу!" и т.д.

Общественный быт теснейшим образом был связан с общественными формами досуга. Наиболее распространенной его формой в 1920–1930 гг. было участие горожан в художественной самодеятельности. В 1937 г. в республике работало 14 тыс. кружков художественной самодеятельности, без выступления которых не обходилось ни одно сколько-нибудь значимое общественное мероприятие (Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1990. С. 118).

В 1930-е годы во всех регионах создавались оборонные общества, среди кото-

рых ведущая роль принадлежала Осоавиахиму. В его системе работали аэроклубы, команды химиков, наблюдателей, связистов, стрелковые, планерные, парашютные, автомобильные, артиллерийские и топографические кружки. Первичные организации общества проводили военно-тактические игры, занимались пропагандой военных знаний среди населения. Народ понимал неизбежность схватки с фашизмом.

В эти же годы усиление командно-административных методов руководства страной сопровождалось чистками партийных рядов (Маркиянов, 1970. С. 295).

Все громкие разоблачительные политические процессы "врагов народа" сопровождались массовыми митингами и собраниями. Нормой общественной жизни стало выискивание врагов в кругу знакомых, публичное навешивание политических ярлыков, сопровождавшееся восхвалением мудрости "вожди народов".

На территории Западной Белоруссии, входившей в состав Польши, действовали массовые легальные и нелегальные общественные организации. Это прежде всего Коммунистическая партия Западной Белоруссии, Коммунистический союз молодежи Западной Белоруссии, Белорусская крестьянско-рабочая громада, Товарищество белорусской школы и др. В восточных воеводствах проходили митинги, демонстрации, забастовки против социального и национального угнетения. Массовые репрессии 1930-х годов в Белоруссии вызвали взрыв великопольского шовинизма в Западной Белоруссии. Закрывались белорусские школы, белорусские национальные общества. Начались судебные расправы над деятелями белорусского национального движения и членами Коммунистической партии.

В годы Великой Отечественной войны территория Белоруссии была оккупирована немецко-фашистскими войсками. За три года оккупации гитлеровцами было сожжено и разрушено 209 белорусских городов и районных центров из 270, почти целиком была уничтожена материальная база культуры, погиб каждый четвертый житель республики. Людские потери были настолько велики, что по количеству населения БССР достигла довоенного уровня только к 1970 г.

В послевоенные десятилетия наблюдалась дальнейшая интернационализация и денационализация всех сторон общественного быта горожан. Ведущая роль принадлежала общегосударственным, профессиональным праздникам и трудовым обрядам. Наряду с этим празднично-обрядовым комплексом в семейно-бытовой сфере населения городов Белоруссии продолжал функционировать сокращенный вариант календарной и семейной обрядности белорусов, подпитываемый мигрантами из села.

В общественный быт горожан в 1980-е годы прочно вошли новые фольклорно-этнографические праздники, не имеющие аналогов в традиционной обрядовой культуре. Это прежде всего театрализованный "Беларускі кірмаш", который проводится и в настоящее время во многих районных центрах республики, театрализованные фольклорные праздники, праздники ремесел.

Наибольшей популярностью у горожан в 1980-е годы пользовались праздники, в которые включались народные гулянья, карнавалы, театрализованные представления, торжественные шествия (рис. 188). (Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1990. С. 164, 171).

Однако ярче всего общественная активность горожан в 1980-е годы проявлялась в трудовых коллективах. По данным социологического обследования, проведенного в 1986 г. в городах Белоруссии, в различных видах общественной работы участвовало 76,8% работающих. Наибольшей социальной активностью отличались лица с высшим уровнем образования и высокой квалификацией в возрасте от 25 до 50 лет. В праздничных демонстрациях регулярно участвовало 30,2% всех опрошенных, изредка – 10,5%, что объясняется прежде всего заорганизованностью и излишней централизацией массовых общегородских мероприятий (Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі, 1990. С. 192).

Рис. 188. Молодежь на гулянье в парке "Мазурино" на берегу Западной Двины. Витебск. 1962 г.

Характерной чертой общественного быта городского населения республики 1980-х годов было возникновение многочисленных самостоятельных любительских объединений, в том числе молодежных. Молодые люди группировались на основе интереса к определенным направлениям современной популярной музыки ("металлисты", "волнисты", "панки"), к различным видам спорта ("рокеры", "футбольные фанаты"), образу жизни ("хиппи") и т.п.

Вступление страны в период перестройки и гласности в середине 1980-х годов вызвало в республике общественное движение в защиту национального языка и культурно-исторического наследия белорусского народа. На его основе возникли объединение молодых литераторов при Союзе писателей БССР "Тутэйшая", клубы "Паходня" (Гродно), "Талака" (Минск), "Узгор'е" (Витебск), "Повязь" (Орша) и др. В декабре 1987 г. в Минске состоялся республиканский семинар объединений историко-культурной и историко-краеведческой направленности ("Вальны сойм беларускіх суполак"), в работе которого приняло участие около 30 самостоятельных объединений.

Деятельность неформальных объединений включает широкий спектр социально-политических и экологических проблем. Значительный резонанс в общественной жизни республики вызвали митинги в память жертв сталинского геноцида, организованные "Мартирологом Белоруссии" – неформальным объединением, исследующим историю массовых сталинских репрессий 1930–1950-х годов, лидеры которого сыграли значительную роль в создании оппозиционного правительству организации – Белорусский Народный фронт.

Неформальные объединения возглавили массовое общественное движение, направленное на защиту окружающей среды, улучшение экологической ситуации в ряде городов. Под давлением общественности было прекращено строительство Даугавпилсской ГЭС, привлечено внимание к последствиям Чернобыльской аварии, к экологической ситуации в Новополоцке, Гродно, Могилеве и других белорусских городах. Предпринимаются некоторые конкретные шаги по воз-

рождению национальной культуры и языка. Однако разрушение сложившихся массовых форм социалистического общественного быта в период становления рыночных отношений и отход большей части горожан от активной общественной жизни выдвигают в число актуальнейших национальных проблем разработку в республике комплекса мероприятий, которые содействовали бы оптимизации духовного развития населения.

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Рождение ребенка. "Богат Алексей – полон дом детей", "Один сын – не сын, два сына – половина, три сына – сын" – эти и многие другие пословицы и поговорки белорусского народа отражают его отношение к детям: дети – счастье, радость, основа процветания семьи, спокойная старость. Рождению ребенка радовались не только родители и близкие родственники, но и вся сельская община, которая также была заинтересована в рождении здорового человека.

В конце XIX – начале XX в. в сельской семье предпочтение отдавалось рождению сыновей, что было связано в первую очередь с социально-экономическими условиями жизни белорусского крестьянства (сын наследовал землю, был работником в доме, а женившись, приводил в дом еще работницу и т.д.).

Забеременев, женщина начинала придерживаться определенных правил поведения, ибо, по народному убеждению, это обеспечивало в будущем благополучный исход родов, а также рождение полноценного ребенка. Большинство обычаев и предписаний, которыми руководствовалась женщина в этот период, основывались на многолетних жизненных наблюдениях и отличались практическим смыслом. Беременная женщина старалась не поднимать и не носить тяжестей, не стягивать сильно юбку, во время полевых работ подвязывала живот полотенцем или платком, остерегаясь ударов. Она должна была больше двигаться, быть на свежем воздухе, чтобы роды прошли легче. Положительный народный опыт отражался и в запретах, которые охраняли женщину от испуга, от возможных физических и психических травм, хотя их объяснение нередко связывалось с магией. Роды, хотя и были привычным явлением в дореволюционной крестьянской семье, вносили волнения в повседневный уклад жизни.

Важную роль во время родов и в послеродовой период играла повитуха, которая была в белорусской деревне и акушеркой, и детским врачом. Для облегчения страданий роженицы повитуха исполняла различные рациональные и магические действия: растирала ей живот, разогревала его, заставляла женщину ходить, а также развязывала все узлы на ее одежде, расстегивала пуговицы, расплетала косы, открывала все замки, двери, комоды (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 11. Л. 7, 49, 57). То ли в шутку, то ли всерьез опытная бабушка заворачивала мальчика в женскую сорочку, а девочку – в мужскую, чтобы их впоследствии любили представители противоположного пола. При рождении девочки пуповину перерезали на книге, ножницах, различных орудиях ткачества, а когда рождался мальчик – на книге, топоре, ноже, дубовой коре. Новорожденного сразу же купали в лекарственных пахучих травах, а чтобы он был богатым и счастливым, в воду опускали несколько серебряных монет и хлебных зерен.

После родов роженицу навещали соседки, родственники, подруги. Соблюдение этих обычаев строго контролировалось нормами обычного права. Были предусмотрены специальные правила поведения для гостей и для роженицы. Практический смысл обычаев проведения ("адведак", "вотведаў") заключался в

том, что женщины приносили роженице и ее семье высококалорийные продукты – яичницу, сыр, мед, различные каши, мучные изделия, масло, обязательно первые блюда, а также поздравляли, выслушивали, успокаивали ее, что оказывало благоприятное психологическое воздействие.

Имя ребенку, как правило, выбирал священник во время крещения. В крестьянском быту официальное наречение именем дополнялось различными народными обычаями, обрядами, представлениями.

Большое значение в белорусской деревне в конце XIX – начале XX в. придавалось выбору кумовьев (крестного отца и крестной матери новорожденного), которые исполняли в первую очередь опекунические функции по отношению к ребенку. В кумовья приглашали как родственников, так и соседей. Кумовья обычно помогали друг другу в выполнении сельскохозяйственных работ, вместе отмечали праздники и важнейшие события жизни. Кумовьев старались не менять и при крещении других детей, хотя жизнь вносила в это правило коррективы. Так, в случае смерти предыдущих детей повсеместно на территории Белоруссии был распространен обычай приглашать в кумовья первых встречных, случайных людей (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 883. Л. 20а, 26а).

Крестины ("хрэсьбіны", "хрысціны", "ксіціны", "радзіны"), на которые по приглашению хозяев приходили только женатые мужчины и замужние женщины, происходили чаще всего в день церковного крещения ребенка. Специальным обрядовым блюдом на этом семейном торжестве была "бабина каша" – густая каша из ячменной или гречневой крупы с добавлением молока, яиц, сахара, масла, меда. После праздничной трапезы кум разбивал горшок, желая при этом счастья и богатства своему крестнику. Все присутствующие получали по кусочку обрядового блюда, и часть его обязательно несли детям, для которых это было лучшим угощением. Большое значение на крестинах имел обмен подарками – дарили "наміткі", полотенно, полотенца, хлеб. Исполнялись родинные песни, которые предшествовали определенному обрядовому действию или объясняли его. Песни посвящались роженице, ее мужу, повитухе, кумовьям. На родинах так же, как и на свадьбе, присутствовали ряженые, которые исполняли различные импровизированные сценки. В конце крестинного торжества гости выходили во двор, готовили колеса, тележку или сани, на которые клали борону, застланную кожухом, сажали бабу-повитуху и возили ее по улице (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 11. Л. 54 и др.). На следующий день, или через день гости опять собирались в доме родителей новорожденного, где после церковного миропомазания повитуха совершала обряд очищения (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 11. Л. 50).

Завершал принятие новорожденного в семью и общество обряд первого пострижения ребенка, который осуществлялся через год и был тесно связан с предыдущими обычаями и обрядами.

Специальных обрядов инициации у белорусов не было. Первым видимым знаком взросления были брюки и юбка. Первые брюки на мальчика надевали, подставляя ему под ноги старые отцовские брюки, а девочке подстилали при таком обряде старую материнскую юбку. Упорство и сопротивление ребенка при этом предвещали ему долголетие. Доношенные первые брюки (юбку) сжигали (Никифоровский, 1897. С. 47).

Переход от детства к юношеству в белорусской деревне не сопровождался ярко выраженными обрядовыми действиями. Обычно парень, достигший совершеннолетия (16 лет), угощал старших товарищей, которые принимали его в свой союз. Гуляли всю ночь по улицам деревни с песнями и музыкой. После этого парень имел право выбирать себе невесту и свататься. Крестьянские девушки с этого возраста также имели право ходить на гулянья ("вячоркі"), где и происходили знакомства молодежи.

4 *Свадебные обряды.* Большие коммуникативные возможности для общения и сближения молодежи предоставляли обрядовые действия, связанные с традиционными календарными праздниками (см. раздел "Календарные праздники"). Кроме того, молодые люди имели возможность почти ежедневно встречаться при выполнении тех или иных сельскохозяйственных работ. Возникавшие при добрачном знакомстве симпатии юношей и девушек обычно учитывались родителями, хотя браки заключались и по экономическим соображениям. Не последнюю роль играло при этом и приданое невесты. Родители юноши обращали внимание также на физическую силу девушки и способность ее к труду.

Общераспространенным на территории Белоруссии был обычай выдавать замуж дочерей по старшинству, если в семье их было несколько. Сватовство происходило обычно во вторник, четверг и субботу. Разговор при этом часто вели в иносказательной форме. Родители невесты, смотря по обстоятельствам, соглашались или отказывали сватам. Символом согласия и договоренности служило распиливание бутылки водки, которую приносил сват. Был распространен обычай после распития насыпать в эту бутылку зерно и обвязывать ее пожом, полотенцем и др. В случае отказа сваты забирали свои подарки и уходили, часто тут же шли к другой невесте. Если договоренность сватов и родителей на брак была достигнута, в этот же день были и "запойны" с небольшим количеством гостей, иногда они происходили через несколько дней после сватовства. Обязательным блюдом на "запойнах" была яичница, иногда – сыр.

С момента сватовства для семей жениха и невесты начинались хлопоты. Родственники жениха и невесты, собравшись на "заручины", за столом с угощением вели более конкретный разговор о будущей свадьбе: уточняли день, количество гостей, говорили о приданом, о материальной стороне свадьбы и т.п. На заручинах невеста делала первые подарки родственникам жениха, а жених – невесте. Отказ от свадьбы после этого происходил очень редко и осуждаемый общественным мнением, а также связанный с материальными затратами отказывающейся стороны приводил обычно к вражде двух семей.

С заручин парень и девушка считались уже женихом и невестой, и в дальнейшем их взаимоотношения, индивидуальное поведение регламентировались в соответствии с принятыми обычаями. Они "прощались" с коллективом молодежи, а невеста, кроме того, со своими родственниками, в семьях готовили приданое и подарки.

Важным моментом предсвадебного периода был обряд прощания невесты со своими незамужними подругами ("суборная субота", "зборны вечар", "дзявочнік", "вянкі"), который чаще всего происходил в субботу, накануне свадьбы. Девушки готовили свадебный головной убор невесте, украшения (знаки отличия) для дружки жениха и невесты, наряжали свадебное дерево. Весь вечер в доме звучали песни и музыка. Иногда приезжал жених с друзьями и музыкантами, привозил подарки невесте. Значительно реже устраивался аналогичный вечер в доме жениха ("хляпечнік"), когда собирались холостые друзья и вместе с женихом гуляли всю ночь мужской компанией.

На большей части территории Белоруссии началом собственно свадьбы был обряд выпечки каравая, который совершался накануне ее, в субботу вечером или утром в воскресенье, когда молодые сходили к венцу. Каравай выпекали и в доме жениха, и в доме невесты чаще всего замужние женщины. Несколько женатых мужчин готовили все необходимое для его приготовления, приносили воду, дрова, неженатый парень сажал каравай в печь и доставал его после выпекания, незамужние девушки украшали обрядовый хлеб. Старшая каравайница просила у родителей молодых благословения перед каждым очередным действием, связанным с замешиванием и выпечкой каравая. Она же пристально следила за

исполнением принятых в данной местности обычаев и магических примет при его выпечке, которые, как считалось, должны были положительно воздействовать на дальнейшую судьбу молодой пары. Выпечка обрядового хлеба сопровождалась специальными песнями, которых у белорусов было множество.

Готовый каравай богато украшали фигурками из теста, бумажными цветами, ветками плодовых деревьев, колосьями злаковых (рис. 189). Кроме того, выпекали и другие хлебные изделия, которые в дальнейшем использовались при исполнении различных обрядовых действий.

В северо-восточных районах Белоруссии началом свадьбы считалось исполнение так называемого "стаўбавага" – обряда и специальной "стаўбавой" песни в доме жениха и в доме невесты. Он совершался в доме жениха при участии гостей перед его отъездом в дом к невесте, а в доме невесты – перед или же сразу после приезда жениха. Обычно обряд и специальную обрядовую песню исполнял старший сват или кто-либо из женатых мужчин ("зачынальнік", "стаўбаан"), имевших соответствующий талант. Он залезал на печь или на стол при печи, а иногда становился на скамью, держа в руках два пирога. Все присутствующие вставали, кроме молодых. В полной тишине исполнитель, ударяя пирогами один о другой, просил трижды благословения на совершение обряда и, получив его, начинал "стаўбавую" песню, в которой боги призывались к людям, чтобы создать крепкую семью. Закончив песню, исполнитель бросал пироги к порогу, где их подхватывали дети; его и всех присутствующих угощали, а после этого молодые и их дружины отправлялись к венцу (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 11. Л. 16).

Важная роль в свадебных обрядах отводилась свадебным чинам, названия и функции которых варьировались в зависимости от местной традиции. Каждый из них исполнял определенные обрядовые действия, был наделен особыми полномочиями. Большую роль на свадьбе играл старший сват или "дружко" (чаще всего крестный отец). Он руководил всем ходом свадьбы, участники различных обрядовых действий приступали к их исполнению только после его разрешения. На эту роль приглашали уважаемого человека, хорошо знакомого со всеми обрядами. Главными атрибутами его были полотенце (или два), перевязанное через плечо, яркий пояс, палка. Старшая сватья (крестная мать) совершала основные ритуальные действия при выпечке караваев, "завивании" невесты, подготовке постели к первой брачной ночи. К свадебным чинам относились также девушки со стороны невесты и юноши со стороны жениха. Называли их по-разному – "дружкі", "большанкі", "маршалкі", "паджанішнікі", "паднявесніцы", но чаще – "шаферы" и "шаферкі". Обычно это были незамужние и неженатые молодые люди из близких друзей и родственников. Число их могло быть разным. Из них выбирались старшие "шафер" и "шаферка", которые во время свадьбы постоянно находились рядом с женихом и невестой, как бы охраняя их. В эту же молодежную дружину входили и

родные неженатые братья и сестры молодых, которые наряду со старшими сватом и сватьей были главными исполнителями многих обрядов. В ходе свадьбы активная роль принадлежала и приглашенным родственникам жениха и невесты ("сватам", "пряданым", "вяшчым"), принимали участие в ней и неприглашенные односельчане, а также молодежь из окрестных деревень.

Перед венчанием осуществлялся один из наиболее драматических и эмоциональных обрядов – "пасад" невесты и жениха, каждого – в его родном доме. Убранную к венцу невесту (см. цв. вкл.) вел на "пасад" сват, обращаясь за благословением к родителям и всем присутствующим. Если молодая до брака сохранила целомудрие, то ее сажали на хлебную квашню ("дзяжу"), покрытую шубой, вывернутой мехом наружу. В некоторых местах во время "пасада" невеста держала чашечку с водой. На колени ей клали хлеб, соль, лён, овечью шерсть, веточку плодового дерева. Брат расплетал сестре-невесте косу, легко поджигал три раза кончики волос свечой. Часто все присутствующие, подходя поочередно, расчесывали ей волосы гребешком, смоченным в меде или масле, и дарили подарки. Если невеста не сохранила целомудрие, то во время этого обряда ее сажали на незастланной лавке. "Пасад" – специфическая черта белорусской свадьбы.

Отъезд жениха за невестой был также одним из важных моментов свадьбы. Сопровождавшие его участники собирались в доме жениха, где их сажали за стол и угощали. Жених кланялся в ноги отцу и матери, а они благословляли его хлебом-солью, а также иконой. Во дворе мать жениха, надев шубу, вывернутую мехом наружу, обходила свадебный поезд три раза и обсыпала его рожью (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 9. Л. 144).

Прибывшего жениха и его гостей дружина невесты не пускала во двор. Между ними происходили шуточная борьба, торг. После выкупа жениха встречали родители невесты, вели в дом. В доме невесты старшему шаферу жениха приходилось платить выкупы за место около молодой, на котором обычно сидел ее младший брат, за украшение шапки жениха и т.п. Шаферки пришивали или прикалывали бумажные цветы к одежде шаферов, за что те дарили девушкам подарки (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 879. Л. 33, 45).

В церковь молодые ехали порознь, каждый со своими сватами, "шаферами" и "шаферками". Свадебный поезд мчался по деревне с музыкой, песнями, со звоном колокольчиков и т.п. После венчания молодые ехали уже вместе, и чаще всего – в дом родителей невесты, где новобрачных встречали хлебом-солью и провожали за стол. В доме невесты гостей угощали, делили каравай, родные вручали ей подарки.

Происходил также очень эмоциональный обряд прощания невесты с родным домом. Традицией предусматривалось, чтобы молодая в этот момент плакала, много раз кланялась всем родным, присутствующим родственникам и соседям, различным предметам в доме. По дороге к дому жениха односельчане загораживали несколько раз дорогу свадебному поезду, поздравляли молодых, требовали выкуп, который платил сват.

Приезд свадебного поезда и введение молодой в дом молодого – один из важных моментов белорусской традиционной свадьбы. Свадебный поезд встречали у ворот родители, родственники, односельчане. Часто мать молодого была одета в шубу, вывернутую шерстью наружу ("кажух"), чтобы отпугивать злые силы. В Восточном Полесье, Поозерье, Центральной Белоруссии в воротах раскладывали огонь и свадебный поезд проезжал через него. Считалось, что это защитит молодых от злых сил (*Шейн*, 1902. Т. 3. С. 327). С колес невеста ступала на хлебную квашню, а к порогу дома шла по домотканому коврику или полотну. Все эти обряды совершались, если молодая была целомудренная ("чэсная") и могла, по народному убеждению, принести в дом мужа счастье и удачу; "нячэсная" же невестка приносила бедность, разлад, всяческие несчастья. Родители угощали сына

и невестку медом, чтобы у них была сладкая жизнь. Приехав в дом жениха, невеста вручала подарки его родителям и всем родственникам. Иногда одаривание происходило после первой брачной ночи. Во время танцев со свекром, шафером, братьями мужа молодая также одаривала их (дарила полотно, пояс и др.).

В доме молодого происходил обряд "окручения" невесты в головной убор замужней женщины ("завивание"). Сваты снимали с ее головы венок, который иногда вешали на икону, и надевали чепец. Молодая сопротивлялась, несколько раз сбрасывала чепец с головы и только на третий раз соглашалась. Когда она была убрана в чепец, ее и еще нескольких молодых женщин, девушек накрывали платком и звали молодого узнать свою невесту.

Первой брачной ночи придавалось большое значение, так как она могла оказать влияние на всю дальнейшую жизнь супругов. Приготовление постели сопровождалось различными магическими действиями (подкладывание ножа, топора, ниток, зерна), которые призваны были обеспечить супругам рождение детей, в первую очередь сыновей, а также уберечь их от воздействия злых сил. На дверь клетки, где спали молодые, вешали замок.

Утром молодых будили. Шафер и постельницы несли воду для умывания, осматривали постель и белье молодой. Если присутствующие убеждались, что невеста до первой брачной ночи была целомудренна, свадьба продолжалась с еще большим весельем. Во дворе вывешивали красный флаг, гостей угощали подкрашенной водкой, молодой дарили подарки. Ее родителям оказывались со стороны зятя и его родных всяческие знаки внимания и благодарности.

Если же молодая потеряла свое целомудрие еще до свадьбы, то ее родители подвергались унижительным насмешкам: на них надевали хомут и водили по деревне, а прибывшим со стороны невесты гостям подавали блины с дыркой посередине, ставили перед ними выщербленную миску и т.п. Следует отметить, что к началу XX в. этот обычай подвергся наибольшей трансформации: молодой супруг чаще всего никого не пускал осматривать постель, а сам объявлял о невинности невесты. Этот момент перестал влиять и на дальнейший ход свадьбы. В этот же день приезжали к молодому гости со стороны невесты. Их встречал отец жениха, вся за стол, угощал.

На третий день свадьбы подвергались проверке трудовые навыки молодой, ее характер. Молодую вводили в новую семью, знакомили с кругом предстоящих повседневных забот и занятий в доме мужа, с принятыми там нормами поведения. Она должна была подмести пол, принести воду из колодца, замесить тесто, испечь блины и т.п. При этом участники свадьбы всячески ей мешали: разбрасывали мусор, деньги, выливали воду. На все это молодая должна была не обижаться, а, наоборот, улыбаться, продолжать работу, что служило свидетельством ее спокойного, уравновешенного характера.

В этот день ряженые ходили по деревне, ловили у родственников жениха и невесты (в одной деревне) кур, иногда поросят, затем варили их на огне во дворе и съедали. Вечером происходил и обряд деления каравая в доме молодого, одаривание его родственниками и гостями. Обряд происходил так же, как и в доме невесты.

Свадьба заканчивалась.

Предусмотренные традицией послесвадебные обычаи и обряды способствовали закреплению брачно-родственных взаимоотношений между семейно-родовыми коллективами, помогали молодой женщине войти в новый для нее дом, пережить разлуку с родными. Этим целям способствовали встречи после свадьбы близких родственников молодоженов с их непосредственным участием.

Таким образом, традиционная свадьба была важным событием в семейном и общественном быту белорусских крестьян, оказывала большое эмоциональное,

психологическое, воспитательное воздействие на молодых людей, вступавших в супружескую жизнь. Большое количество участников, в том числе и детей, способствовало широкому распространению и постоянному воспроизводству традиционных свадебных обычаев и обрядов белорусов.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды. В общем комплексе семейной и общественной жизни населения Белоруссии особое место занимали обычаи и обряды, сопровождающие смерть человека и его захоронение. В семью со смертью одного из членов приходило большое горе. Существовавшие у белорусов обычаи помогали пережить горе, организовать достойные похороны умершего, сохранять о нем память. В конце XIX–начале XX в. в крестьянской среде стойко бытовало убеждение, что человек должен встретить смерть в родном доме в окружении детей, внуков, родных и близких.

Присутствующие старались различными способами облегчить умирающему его последние минуты, среди них наиболее распространенными были развязывание узлов, открывание замков дверей, срывание досок в потолке, прокручивание там дырок и т.п. (*Богданович*, 1895. С. 50). Все эти и подобные магические действия основывались на вере в наличие души, которая в момент смерти покидает тело. После того, как человек умирал, приглашали пожилых людей обмыть и обрядить покойного. Односельчане приходили проститься с покойным без приглашения. Хоронили покойника обычно после обеда. Много поверий было связано с моментом выноса гроба из дома и дорогой на кладбище. Выносили гроб из дома обязательно чужие люди, при этом было принято трижды ударить гробом о порог, чтобы покойник никогда не возвращался домой. После того как гроб выносили, одна из женщин сыпала рожь на то место, где лежал покойник, и по полу, "каб тут было жыццё" (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 879. Л. 36). На кладбище ("могилы", "могілкі", "могліцы", "суццё") чаще всего гроб несли мужчины на плечах или везли на лошадях, волах. В могилу гроб опускали на полотенцах или намитках. В конце прощальной церемонии близкие покойного бросали на опущенный в могилу гроб три горсти земли и деньги.

В конце XIX–начале XX в. в селах стремились хоронить членов семьи, родственников в одном месте кладбища ("каб на тым свеце родным быць разам").

Холостых парней и незамужних девушек хоронили по-особому. В гроб их наряжали в подвенечные наряды, пекли погребальный "каравай для покойного", на похороны собиралось много молодежи, по дороге на кладбище бросали цветы. Приготовленное для девушки приданое мать раздавала ее подругам. На шею молодого парня завязывали платок.

Имели свои особенности и похороны самоубийц, которых хоронили за пределами общего кладбища – в лесу, на болоте, на перекрестках дорог.

Ближайшие родственники покойного соблюдали траур ("жалобу") целый год. Считалось, что в это время нельзя петь, танцевать, играть свадьбы. Во время траура семья соблюдала определенные ограничения и в проведении праздников – на Пасху не употребляли крашенных яиц, не украшали зеленью жилище на Троицу и др. (*Никифоровский*, 1987. С. 294–295). Специальной же траурной одежды не существовало.

Помяновение усопших – очень распространенное в Белоруссии явление. Поминки у белорусов делились на два цикла. Начальный совершался в день похорон, на третий, шестой (изреда), девятый, двадцатый (спорадически), сороковой день, через полгода и через год после смерти и носил в основном семейный характер. В день похорон на поминки, которые каждая семья старалась устроить с большой пышностью, приходили односельчане, родственники. На стол ставили специальное обрядовое блюдо – "канун" ("колыво", "куцця", "сыта"), которое в различных регионах Белоруссии готовилось по-разному. Чаще всего это были

"канун" (вода с добавлением меда, сахара, тертого мака и кусочков булки, баранки) или "куцця" (каша из любых круп, гороха, заправленная подсолнечным маслом и медом). Все присутствующие пробовали поминальное блюдо три раза.

Поминования усопших происходили также в различные дни народного календаря. В отличие от поминок, совершаемых через определенное количество дней после смерти человека, календарные поминальные обряды носили большей частью общественный характер. Общие поминки в Белоруссии при большом разнообразии локальных вариантов проводились в основном в каждую пору года: весной ("наўскі Вялікдзень", "Радаўніца"), летом ("траецкія дзяды"), осенью ("змітраўскія дзяды", "асяніны"), зимой ("маслянічныя дзяды"). Католическим населением Белоруссии поминки осуществлялись раз в год, осенью ("дзень Усіх святых", "Задужны дзень"). Весной и летом поминки проходили на кладбище. Каждая семья накануне убирала, приводила в порядок могилы своих родных и близких, высаживала цветы. В день поминования всей семьей, нарядные, шли на кладбище, где на могиле совершалась общая поминальная трапеза. Обязательно на могиле оставляли для умерших ("дзядоў") часть от всех блюд. Осенние и зимние поминки чаще всего каждая семья отмечала в своем доме, хотя нередко ходили и на кладбище (Пахаванні.... 1986. С. 35).

После установления Советской власти на территории Белоруссии к существовавшим народно-бытовым и церковным формам семейной обрядности добавились гражданские в связи с тем, что после отмены религиозного законодательства и отделения церкви от государства юридические функции были переданы новым административным органам. Тогда же возникла идея проводить при получении документов торжественные обряды регистрации новорожденного, заключения брака, а также разрабатывался похоронный ритуал ("чырвоныя хрысціны", "чырвоныя вяселлі", "чырвоныя пахароны"). Эти названия не прижились, сами обряды выдворялись с трудом.

Проводы в армию. Вырастая и воспитав сына, многие семьи с ним расставались, отправляя его на службу в армию. В провах принимали участие не только родные рекрута, но и все жители деревни. Родители устраивали накануне проводов прощальный вечер. Самые почетные места за столом занимали крестные родители парня и его любимая девушка. Во время танцев новобранец танцевал по очереди со всеми девушками, как бы прощаясь с ними. Гости одаривали молодого человека, желали ему легкой службы и скорейшего возвращения домой. В это время мать плакала (голосила), ее голошения напоминали причитания при похоронах. Молодежь всю ночь гуляла с песнями и танцами по улицам деревни. На утро новобранца провожали все жители деревни за околицу. Немоющие старики выходили на улицу, и молодой человек кланялся им и просил прощения, возможно, за когда-то причиненные обиды. Те в ответ крестили его и желали всего доброго. Выйдя за деревню, парень кланялся всем сразу и, пройдя немного по дороге, бросал, не оборачиваясь, шапку назад, чтобы возвратиться домой живым и здоровым. Мать его или сестра подбирали шапку и хранили дома до возвращения солдата (АИИЭФ НАНБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 894. Л. 37).

При Советской власти на территории Белоруссии постепенно сложился обряд "Проводы в Вооруженные Силы Союза ССР", который проводился поэтапно: проводы из трудового или учебного коллектива; из родительского дома или общежития; из районного (городского) центра на областной сборный пункт; проводы из областного сборного пункта. В последние годы, когда призывники служат на территории Республики Беларусь, формируется обряд проводов в армию с включением национальной атрибутики и символики. Дома для будущего солдата родители устраивают прощальный вечер, гости высказывают ему добрые пожелания и напутствия, вручают подарки.

Рис. 190. Встреча молодых перед загсом. Г. Дрогичин Брестской обл. 1986 г.

Новоселье. Можно только приблизительно представить, какие сложные чувства овладевали крестьянином, когда он собирался переселиться в новый дом, построенный собственными руками, какие мечты и надежды наполняли его душу и сердце. Существовали и определенные обряды, связанные с новосельем. Обычно, когда семья переселялась в новый дом, хозяин шел первым и нес горшок с углями, обходя с ним вдоль стен и приостанавливаясь на каждом углу, а затем ставил горшок перед устьем печи – на “прыпечак”. Здесь же хозяин зажигал дрова в печи. Накануне переселения в новый дом впускали через окно петуха или кота. На новоселье (на “уходзінах”, “улазінах”, “вясёлках”) следовало помазать медом все четыре угла дома, чтобы жизнь в нем была сладкая. Переходили жить в новый дом обычно в полнолуние. В старом доме в этот день ставили тесто, а выпекали хлеб уже в новом, причем хлебную кланію (“дзяжу”) переносили в новое строение, накрыв “кажухом” (Романов, 1912. Вып. 8. С. 314–315). Прежде всего в новый дом заношили икону и стол.

В день новоселья хозяева приглашали гостей и священника для осуществления соответствующего обряда. Гости приносили подарки семье. Застолье вел наиболее веселый и находчивый из гостей. Хозяева старались как можно лучше угостить присутствующих, ибо верили, что в этом случае в новом доме семья всегда будет жить в богатстве и изобилии.

Традиции в современных семейных праздниках. Традиционные семейные обряды постепенно трансформировались, однако в несколько измененном виде они широко бытуют в сельской местности. В то же время работники загсов республики стремятся сделать торжественной, праздничной регистрацию малыша или брака. Во многих населенных пунктах республики в торжественную регистрацию брака вошли некоторые элементы традиционной белорусской свадьбы: расстилание рушника, связывание им рук молодых, обсыпание жениха и невесты зерном, свадебный танец невесты не только с женихом, но и с его друзьями, родственниками (рис. 190, 191, 192). Очень органично вошли в этот обряд белорусские народные свадебные песни, которые исполняются в загсе фольклорно-этнографическими ансамблями и оказывают большое эмоциональное воздействие на

Рис. 191. Первый танец молодых. Полоцк Витебской обл. 1987 г.

Рис. 192. Обсыпание молодых зерном. Минск. 1981 г.

присутствующих. Красочность обряда значительно повышает традиционная атрибутика свадебного поезда, которая проявляется в одежде молодых, их друзей. Это в первую очередь искусственные цветы, прикрепленные на груди у участников свадьбы, ленты и живые цветы на машинах, сваты с перевязанными через плечо полотенцами. Постепенно современный обряд торжественной церемонии вбирает в себя и определенные традиционно-этнические обрядовые действия, благодаря чему получает все большее распространение.

Рис. 193. Обряд наречения именем. Д. Узла Минской обл. 1986 г.

Большое значение для внедрения в жизнь официальных обрядов имеют личностный фактор и состояние местной культурно-бытовой среды. В населенных пунктах республики, где возглавляют записи заинтересованные люди, знакомые с белорусскими обрядами, и где есть клубы и Дома культуры, фольклорно-этнографические ансамбли, этот процесс происходит более интенсивно.

И если обряд торжественной регистрации брака стал важным моментом современной свадьбы, играет в ней большую правовую и воспитательную роль, то обряд регистрации новорожденного слабее связан с бытующими неофициальными родинными обычаями и обрядами белорусов. Элементы традиционной родинной обрядности белорусов в меньшей степени входят в торжественную регистрацию новорожденных (рис. 193).

В сельской местности счастливые родители приглашают на родины (крестины) кумовьев, готовят "бабину кашу", несут подарки для роженицы и ребенка. Но многое из традиционной обрядности исчезло: и родинные песни, и многочисленные магические действия бабы-повитухи, связанные с родами в домашних условиях (да и сама эта "должность"), и некоторые обряды крестинного застолья. Зато появилась и прочно вошла в быт белорусов традиция отмечать дни рождения детей.

Свадьба была и остается одним из важнейших событий в жизни личности и семьи. Трансформационные процессы коснулись яркого и самобытного свадебного ритуала белорусов. В настоящее время молодые люди сами выбирают себе спутников жизни, поэтому традиционные обычаи и обряды сватовства и досвадебного периода ("змовіны", "запойны", "дзявочы вечар", "агледзіны") исчезли сами собой.

Та же участь постигла и обрядовые действия, связанные с "пасадам" молодых, первой брачной ночью, расплетанием косы невесты, надеванием на нее головного убора замужней женщины. Однако продолжают бытовать шуточные и символическо-демонстративные обрядовые элементы: перегораживание дороги свадебному поезду, разнообразные выкупы, "борьба" между родственниками жениха и невесты, переодевание гостей в различных персонажей, испытание характера молодой.

Современное свадебное застолье, которое внешне сохранило традиционное

Рис. 194. Молодых ведет за стол брат невесты. Смоленичский р-н Минской обл. 1994 г.

оформление, состоит из следующих элементов: встреча молодых, приглашение их и гостей за стол, поздравления, танцы и песни, деление каравая. Молодых встречают родители с хлебом-солью, медом, желают им счастья, здоровья. Во многих белорусских деревнях в этот момент звучат традиционные свадебные песни, исполняемые пожилыми женщинами. Жениха и невесту ведут за стол (рис. 194) и начинают одаривать. Сват или ведущий (в городе) говорит несколько слов в адрес того, кто хочет поздравить молодых, представляет его остальным гостям. Каждый из гостей стремится как можно искреннее, теплее поздравить жениха и невесту, сказать им значительные, запоминающиеся слова, которые помогли бы им в радости и горе на протяжении совместной жизни. Молодые, сохраняя по традиции внешнюю пассивность, остаются тем не менее все время в центре внимания: их поздравляют, поэтизируют их образы или подшучивают над ними. Центральным моментом свадебного застолья, как и раньше, остается деление обрядового блюда – каравая, что во всех белорусских городах и большинстве сельских районов совпадает с одариванием молодых. На востоке Белоруссии, в Поднепровье, деление каравая не связано с одариванием жениха и невесты, здесь обрядовое блюдо подают на тарелку каждому гостю в конце празднества.

Послесвадебный этап традиционного ритуала продолжает в трансформированном виде существовать в среде городского, и особенно сельского, населения Белоруссии и играет прежнюю функцию: дальнейшее сближение двух семей, которые вступили в родственные отношения, установление между ними близких связей.

Погребальные и поминальные обычаи и обряды белорусов вырабатывались веками, и теперь, как и раньше, они направлены на оказание помощи родным и близким покойного при его захоронении, на сохранение памяти об умершем. Незавершенность современного обряда похорон, определенная устойчивость

Рис. 195. Венчание молодых в церкви. Логойский р-н Минской обл. 1991 г.

этнических традиций в похоронно-поминальной обрядности обусловили сохранение в ней большого количества старых элементов. В настоящее время, особенно в сельской местности, исполняются традиционные обрядовые действия, связанные с омыванием и одеванием покойного, прощанием с ним в его родном доме, выносом гроба, дорогой на кладбище, захоронением. Широко бытуют в сельской и городской среде обычаи поминовения усопших. Особенно распространены в Белоруссии поминки в день похорон, на 9-й, 40-й день и через год после смерти. Однако у белорусов до сих пор существуют, как и в прошлом столетии, единые общие дни поминовения усопших: Радаўніца, Сёмуха, Дзяды, Задушны дзень и др.

Продолжает бытовать в тесной взаимосвязи с официальными и народно-бытовыми также церковные формы семейной обрядности: крещение детей, венчание молодых (рис. 195), погребение и отпевание покойных. В последние годы резко возросло количество людей, желающих венчаться, креститься, крестить детей. В народном сознании достаточно прочно сохраняются традиционные представления о благоприятном и неблагоприятном времени вступления в брак. Во время религиозных постов резко сокращается количество регистраций брака.

Таким образом, в конце XIX–начале XX в. семейные праздники, обряды, обычаи представляли собой одну из важных сторон культуры белорусского этноса. К настоящему времени система межпоколенной передачи этнических традиций семейных обрядов в значительной степени нарушена. У большинства пожилых людей становление их личности происходило во времена интенсивного уничтожения народной обрядности, в том числе и семейной, под флагом борьбы с религией. Как следствие этого, многие элементы были утрачены, и бытующие ныне обрядовые мероприятия зачастую уже не выполняют тех социальных функций, которые они выполняли в прошлом веке.

В жизни белорусского народа большую роль играли праздники и обряды, связанные с сельскохозяйственным трудом. Они отражают основные циклы земледельческого календаря и делятся на зимние, весенние, летние и осенние.

Зимний цикл. Среди аграрных праздников годового цикла календарной обрядности белорусов важнейшее место отведено новомуднему циклу, включающему в себя период с 24 декабря до 6 января ("Каляды"). Своими корнями этот зимний цикл обрядов восходит ко временам язычества, когда у всех народов Европы, в том числе и у славян, период зимнего солнцестояния отмечался особенно торжественно. Дата зимнего солнцеворота (поворот солнца от зимы к лету) отмечался как день (25 декабря) возрождающегося солнца, нового пробуждения природы.

Отражением представлений древних людей о нарождающемся небесном очаге-огне – Солнце – был культ огня, несший очистительную и оплодотворяющую силу и сохранившийся у многих народов Европы (Карский, 1922. Т. 3, вып. 3. С. 107).

Основные элементы колядной обрядности – кутья, которая готовилась из не-размолотого зерна, расстиланис под скатертью праздничного стола сена, которое отдавали потом на корм скоту, установление в покути необмолоченного последнего снопа ржи, приглашение в дом на кутью Мороза и просьба к нему "не морозить посевов", обычай колядования и щедрования с пением величальных песен, переодеванием, т.е. ряжением, и вождением "козы", "журавля", "медведя", "лошади" или "коня", богатая колядная мантика ("ворожба"), особенно под Новый год, и другие действия – выявляют происхождение "Каляд" и их связь с хозяйственной практикой, особенно с земледелием, в это переломное в природе время зимнего солнцестояния.

После крещения населения Киевской Руси праздник зимнего солнцеворота был приурочен к Рождеству Христову. Поэтому в цикле новогодних праздников, в том числе "Каляд", наблюдается переплетение языческих и христианских обрядов.

Словом "Каляды" в Белоруссии обозначали период с 24 декабря по 6 января. Это так называемые "святыя вечары", или "святыя дні". Колядой называли еще продукты дарения, которыми одаривали колядовщиков во время колядования, а также сами песни, исполняемые колядовщиками, – "колядки" (Бессонов, 1871. С. 88).

Христианская церковь разделила весь цикл колядных торжеств на три отдельных праздника: 7 января (25 декабря) – Рождество Христово, 14 января (1 января) – день св. Василия Великого, или Обрезание Господне, 19 января (6 января) – Крещение, или "Вадохрышча".

Всем им предшествовали кутья: 1-я – великая, или "посная", кутья, 2-я – щедрая, или богатая (мясная), и 3-я – "посная", или голодная.

В дни Святок, или "Каляд", молодежь устраивала гадания, в первую очередь "девушки гадали о будущем замужестве, о характере, богатстве будущего мужа, о жизни в его семье, о жизни и смерти, о бедности и здоровье и т.д. Гадания проводились в основном в первый вечер "Каляд" и в ночь под Новый год, значительно реже – перед Крещением. Были и коллективные гадания.

Особенностью зимнего праздничного цикла было колядование и щедрование, т.е. обход ряжеными дворов с исполнением заздравных, величальных песен (рис. 196).

Наиболее часто ходили с "козой", реже – с "конем", "медведем", "журавлем".

В колядовании и щедровании принимали участие большие группы людей:

Рис. 196. Колядование. П. Заславль Минской обл. 1982 г.

молодежь, взрослые мужчины и женщины и даже дети. Колядовали преимущественно взрослые, а щедровали чаще дети, девушки, молодые женщины.

Наряду с "козой" в обряде колядования присутствовал в качестве поводыря "дзед", которого также одевали в вывернутый кожан, на спине мастерили ему горб, привешивали бороду из пеньки или льна, на лицо надевали маску из бересты, в руки давали палку, иногда табакерку с золой. Обход колядовщиками домов сопровождался шутками, песнями, весельем.

После разрешения хозяев дома "спець Каляду" колядовщики, стоя под окном или войдя в дом, исполняли хозяину, хозяйке и всем взрослым членам семьи величально-поздравительные песни, в которых желали им хорошего здоровья, получения богатого урожая и будущем году, приплода скотины, а молодым – выйти замуж, жениться, прославляли доброту и щедрость хозяев, их трудолюбие. Завершалось колядование песней-просьбой об одаривании, которая иногда звучала

как требование, так как колядовщики выступали в роли заклинателей плодородия и благополучия. Их одаривали колбасами, салом, пирогами, реже деньгами. После обхода села участники обряда устраивали угощение с музыкой и танцами.

Во время щедрования исполняли в основном те же песни, что и при колядовании, добавляя иногда "щедрый вечер, добрый вечер".

Наряду с обрядовыми действиями языческого происхождения в системе игровых форм колядных увеселений белорусского народа, начиная с XVI в., появились драматические сценки с христианскими мотивами. Они были характерны для театра "батлейка", а также для религиозно-мистерийного действия – "хождения со звездой" и исполнения духовных колядок и "рацей", составленных на основе библейских сюжетов.

В XIX–XX вв. многие обрядовые действия (обходы колядовщиков, ряжения, хождения с "козой", "коном" и т.д.) в значительной степени утратили свою функциональную направленность и перешли в разряд колядных увеселений. Даже христианские батлейки, рацы, хождения со звездой подвергались влиянию художественных форм народного искусства и становились разновидностью народных увеселений. Колядные обычаи в процессе своего исторического развития трансформировались из ритуальных в бытовые и превратились в яркий красочный карнавал, где широко проявлялись народная фантазия, импровизация.

Весенний цикл. Проводы зимы, или Масленица – обряд весеннего цикла аграрного календаря (Карский, 1922. Т. 3, вып. 2. С. 137–138). Это – переходный праздник от зимы к лету, хотя в Белоруссии масленичные ритуалы занимали меньшее место, чем у других народов. Отмечали большие предмасленичную субботу – "дзяды". В родительскую субботу (день поминовения усопших, предшествующий масляничной неделе) устраивали поминальный обряд, или "вячэру". Одним из масленичных ритуалов было посещение родственников, в первую очередь молодых людей.

Катание на лошадях по улицам селений и с холмов на санях было распространено больше в восточных уездах Витебской и Могилевской губерний.

На лошадях катались в основном взрослые. Дети катались с горок на санках, "ледашках". Катание парней и девушек на больших санях – "розвальнях" начиналось с четверга, но чаще всего в последнее воскресенье "сырной недели", или "сырной седмицы". Кое-где на Масленицу (позднюю) исполняли песни-веснянки, что является подтверждением переходного характера (от зимы к весне) всего комплекса масленичной обрядности. Под влиянием русской Масленицы на "сырной неделе" появились блины, к концу XIX в. они имели уже широкое распространение.

Под влиянием польской и украинской масленичной обрядности имел место ритуал "тянуть колодку" – женщины цепляли колодки холостякам за то, что они не женились в течение прошедшего года (Богданович, 1895. С. 99).

В Могилевской губернии был еще обычай возить на Масленицу на санях молодую, а в западной части Белоруссии молодые люди возили на санях или бороне повзвальной бабу, которую угощали в корчме.

Нередко родители со своими детьми в масленичное воскресенье ходили в гости к повзвальной бабушке, которая принимала роды, и несли ей угощение. "Бабка" же в свою очередь навещала своих "детей".

Первыми вестниками настоящей весны были птицы. Прилет грачей, жаворонков, аистов знаменовал собой начало повсеместного "гукання" весны. В одних районах оно начиналось с 1 марта, в других – с 9 марта ст.ст. ("Саракі"), т.е. в день весеннего равноденствия. Однако в большинстве районов Белоруссии гукання весны проходило со дня Благовещения (25 марта ст.ст.), когда начинался уже массовый прилет птиц.

В честь первого цикла прилета птиц выпекали из теста сорок жаворонков, в

других местах – сорок вареников, галушек, пирожков, которыми угощали детей. На "Саракі" впервые в году начинали качаться на качелях, что означало в прошлом магические действия, а позже стало просто развлечением.

Местом исполнения веснянок служили холмы, крыши гумен, сараев, берега рек, озер. Пели веснянки обычно девочки-подростки. Когда одна группа заканчивала свой куплет, другая подхватывала следующий.

Встреча весны завершалась обрядом "пахавання стралы", когда девушки шли по улице с одного конца деревни на другой, затем направлялись к житной ниве и зарывали в землю какую-нибудь вещь.

Обряд "пахавання стралы" – это отголосок древнего обряда жертвоприношения земле, однако в начале XX в. он утратил магическую сущность и стал восприниматься как веселая народная игра.

Один из весенних праздников – Пасха – известен у многих народов как праздник наступившей весны, пробуждения природы ("Вялікдзень"). Христианская церковь празднует Воскресение Христа. К этому событию готовились заранее, в течение всей предпасхальной недели, соблюдали ряд очистительных обрядов: освящение вербы ("вербіца"), омовение всех членов семьи до восхода солнца в "чистый четверг", выпекание пирогов, крашение лиц и т.д.

В первый день Пасхи разговлялись. Есть начинали с освященного в церкви яйца с солью и хлебом, затем приступали к скромным блюдам. В этот день качались на качелях, играли в "біткі", а в северной, центральной и западной части Белоруссии волочесники обходили крестьянские дворы и под окном или в хате исполняли поздравительно-заклинательные песни. Обрядово-игровые действия во время празднования Пасхи представляют собой сложное переплетение элементов языческой обрядности и более поздних христианских ритуалов.

Из весенних праздников отмечали еще Юрьев день. С днем Юрия или Егория 23 апреля ст.ст. (6 мая н.ст.) связано множество народных обычаев, обрядов, поверий, примет. Особенно торжественно отмечался первый выгон скота, который приурочивался к Юрьеву дню. По древней традиции св. Юрий считался покровителем скота и хозяйства, восприняв функции древнеславянского Велеса, культ которого сохранялся длительное время параллельно с христианским. Юрьевской росе, на которую утром выгоняли скот, в мифологических представлениях и поверьях придавалась особая чудодейственная сила. Хозяева трижды обходили свое стадо с освященной в церкви "грамнічай" свечой и хлебом, который после ритуала скармливали животным. Пастухи получали в этот день богатые подношения. Они не брали с собой кнуты – цуги, лишь слегка стегали животных ветками вербы, освященной в церкви в вербное воскресенье. Разнообразные обычаи и обрядово-ритуальные действия, которые совершались по тому или иному обычаю (выгон скота, появление молодняка, обезд молодых коней и быков, первый выезд в поле с сохой и др.), выявляли собой идейно-трудовые мобилизующие начала и древние охранные функции, обереги, устойчиво сохранившиеся до недавнего времени.

Обходы житных полей, угощение возле них, зарывание косточек, оставшихся от пищи с пасхального стола, или втыкание освященных восточек вербы по краям нивы были пережитками древних жертвоприношений земле с целью увеличить ее плодородие, а также защитить урожай от градобития и других стихийных бедствий. Ритуальные обряды в честь Юрия носили четкую скотоводческую и аграрную направленность.

Завершала цикл весенних календарно-аграрных праздников Троица – "Сёмуха", или старославянский Семик. Это был праздник в честь расцветшей природы. В этот день дома и дворы украшали молодыми деревьями или ветвями березы, клена, рябины, дуба, пол устилали агром.

Накануне Сёмухи, в субботу, отмечали "Дзяды" – поминовение усопших

предков. В этот день в доме готовили "вячэру" из нечетного количества блюд. На саму Сёмуху крестьяне на кладбище березовыми вениками подметали могилы, полагая, что покойникам от этого будет так же приятно, как живым после бани (Карский, 1922. Т. 3, вып. 2. С. 168).

На Пиншине до начала XX в. сохранился еще обряд "вождение куста". На роль куста, олицетворявшего расцветшую природу, выбирали обычно красивую девушку, которую вели в лес и украшали зеленью. После чего начиналось шествие в село: впереди шла девушка – "куст", за ней женщины и девушки старшего возраста, за ними девочки младшего возраста, построенные парами. В селе они совершали подворные обходы домов с величальными песнями, пожеланиями счастья, счастливого брака и просили одарить их. При этом в ряде мест парии старались захватить "куст", шла борьба за выбор жениха "кусту", затем происходила "смерть куста", т.е. разрывание или сжигание зеленого убранства.

В XX в. обряд "вождение куста" превратился в игровое действие, кое-где на Пиншине его можно было наблюдать еще в 1970-е годы (например, в с. Чемерин Пинского района).

Вслед за Троицкой неделей шла Русальная неделя. В элементах русальной обрядности также есть следы культа растительности. Доказательством тому, что русалок считали охранительницами растений, является обряд "проводы русалок". Девушку, которая изображала русалку, с песнями вели в ржаное поле. Затем ее итакивали в рожь и убегали. Такое же значение придавали и катанию яиц по ржи (Булаковский, 1890. С. 190). Через яйцо как бы стремились передать явие плодородную силу. Обряд "проводы русалки" в житное поле имел первоначально охранительный смысл, т.е. считалось, что русалки охраняли цветущую зелень, колоснящуюся рожь.

Летний цикл. Этот цикл земледельческого календаря белорусов начинался с Купалья ("Куналя"). Наиболее распространенными элементами этого праздника были зажигание костров на холмах, по берегам рек, возле ржи, хороводы вокруг них, прыгание через костер в одиночку и попарно, катание женщин в росистой траве, сбор целебных растений накануне Купалья, поиски в ночь на Купалье цветка счастья – папоротника, обрядовые угощения у купальских костров, завивание венков и пускание их на воду. Основу обрядности купальской ночи составляли магические действия, связанные с культом солнца (зажигание огней, колес), воды, земли.

Праздник Купалье завершался утром, когда его участники шли смотреть восход солнца и купались в реке или озере. Однако были и локальные особенности. Например, в Могилевской губернии девушки утром выбирали красивую подружку, вели ее в лес, раздвигали донага и украшали цветами и вениками, а она затем раздавала (с заязанными глазами) венки девушкам. Считалось, что если девушке доставался свежий венок, она будет жить весело и богато, если увядший – жизнь будет грустной и бедной.

В XIX–XX вв. купальские обряды стали терять свое магическое значение. Одни из них забывались, другие превратились в развлечение. Следует отметить, что купальская обрядность среди славянских народов наиболее полно сохранилась у белорусов. Праздник Купалье дошел до нас как один из любимых народных праздников календарного цикла, в котором все, от мала до велика, принимают самое активное участие.

Завершали летний период земледельческого календаря обряды "зажнок" и "дожинок". Живные обряды своими истоками уходит в глубокое прошлое, отдельные их элементы сохранились до середины XX в. Этим обрядам придавалось большое значение, так как от урожая ржи зависела вся жизнь белорусского крестьянина.

Особое символично-обрядовое значение придавалось первому и последнему сжатым снопам – так называемым хозяину ("гаспадару") и "житный бабе", вокруг которых концентрировался целый круг трудовых и семейных обычаев, обрядов, театрализованных представлений с живыми песнями, играми, обрядовой танцзой.

"Зажинки", или "зажон", начинались в субботу, во вторник, в четверг, т.е. в те дни, которые не были постными или праздничными. Так как начало жнива было событием величайшей важности, то перед тем как идти зажинать жито, хозяйка вымывала хату, стол застилала белой скатертью, на которую ставила-хлеб-соль; собираясь на "зажон", женщина надевала чистую светлую одежду, на поле брала с собой хлеб, соль, иногда еще сыр или сало, резе – громничную свечку.

Зажинать должна была старшая в доме женщина, и при этом "чистая". Придя на поле, жница здоровалась с житной нивой: "Добры дзень, ніўка, я к табе прышла". Зажиночный сноп несли домой и ставили в красном углу ("на покуці"). Это был в основном семейный праздник, а в его обрядах были отражены огромное уважение и почет, которые крестьянин воздавал хлебу.

Такие ритуалы зажиночного обряда, как покрытие нивы полотном, обращение к ней как к живому существу и жертвоприношение духу поля – "полевику", были отражением анимистических представлений крестьян-белорусов. Таким образом, в конце XIX в. зажинки, потеряв магические элементы, превратились в семейный праздник, когда в торжественной обстановке отмечали начало жнива зерновых культур.

Из трудовых аграрных праздников наиважнейшими в жизни крестьян были "дожинки", которые проводились в разные сроки в зависимости от созревания ржи и окончания ее жатвы. Дожинки начинались с зажинания бороды – нескольких оставшихся несжатыми колосьев ("казліная барада", "гаспадарана барада", на Гродзеншчыне – "пералёлка"). Главная функция "бороды" – поддержать плодородную силу земли на будущий год. Саму бороду перевязывали лентой, красными нитками или красным поком. Траву вокруг "бороды" тщательно выкалывали, что представляло собой магическое действие, направленное на очищение нивы в будущем году от сорняков. В одних местах "бороду" наклоняли к земле, в других несжатые колосья пригибали и закапывали в землю, что означало своего рода жертвоприношение земле. В большинстве случаев "бороду" просто оставляли на поле, положив возле нее хлеб, соль, иногда сыр. Это было уже дарение духу поля – полевику.

Последний дожиночный сноп с песнями несли с поля домой. Горстку ("жменьку") зерна или пучок колосьев освящали в церкви и перемешивали с посевным зерном, которым начинали сеять во время посева ржи. Обычай оставлять на ниве не только хлеб, соль, сыр, но и воду или квас сохранялся до 60-х годов XX в.; утратив свой магический смысл, он истолковывался как дарение земле за полученный урожай (*Минько, 1970. С. 18*).

Кроме дожиночного снопа, домой несли и сплетенный из колосьев и полевых цветов венок, надевали его на голову хозяину нивы, потом дарили ему дожиночный сноп.

В красный угол, под иконы, где находился дожиночный сноп, сажали жницу – "богиню", избранную во время дожинок.

В меню зажиночного застолья входили каша из зерен нового урожая или же испеченные из нового урожая хлеб и блины, масло, мед, яичница ("яешня"), водка. После угощения жней во дворе начинались танцы. Во время застолья исполнялись дожиночные песни. Гулянье продолжалось до поздней ночи. Таким образом, обряд дожинок состоял из плетения венка, обычая оставлять на сжатой ниве "бороду", приготовления дожиночного снопа, угощения жней. Обряд носил коллективный

Рис. 197. "Кірмані" – ярмарка в Гомелі 9 октября 1986 г.

характер и осуществлялся нередко в форме "толоки" – своего рода соседской взаимопомощи.

Осенний цикл. Своеобразным праздником осеннего цикла был "Богач", который отмечали 8 сентября ст.ст. или в дни, близкие к осеннему равноденствию. "Богач" был больше распространен в Гродненской губернии и в северных районах Полесья (Богданович, 1895. С. 122–126). Праздник совпадал с окончанием уборки зерновых. "Богачом", помимо самого праздника, называли еще лубок ржи со вставленной в него сичой, который стоял в течение года в доме, в красном углу у одного из хозяев села. А в день праздника все жители устраивали встречу "Богача", для чего во дворе определенного хозяина устанавливали стол, покрытый белой скатертью, на него ставили лубку (посула из луба), ржи, пшеницы, ячменя или другого зерна (хлеба), снесенного со всех дворов.

В коллективном сборе зерна для "Богача" просматриваются отголоски жертвоприношений полному духу, что характерно для обрядов дохристианского периода. Генезис названия этого праздника берет свое начало от слов "богатство", "богатый".

Таким образом, главное в празднике "Богач" – торжество по поводу окончания уборки всех зерновых. Если дожинки завершали окончание жатвы ржи, то богатый день, или "Богач", был праздником окончания уборки всего ярового хлеба.

Отдельные элементы этого праздника, такие, например, как выставка зерновых культур, своеобразная чаша изобилия из зерна нового урожая, используются при проведении новых народных праздников, в первую очередь "Праздника Урожая". При проведении же дожинок в настоящее время неизменными атрибутами их стали сжатие последнего снопа, плетение венков и вручение их

передовикам жатвы, выпечка каравая из муки нового урожая, сценическое воплощение страдной поры и ее завершения. Этот праздник отмечается в масштабе области и республики.

Центральное место в осеннем цикле аграрно-календарных праздников принадлежало Покрову ("Пакрбвам"). Это было время (1 октября ст.ст.), когда уже был собран весь урожай с полей и крестьянин имел возможность встретить и проводить гостей, справить сыну или дочке свадьбу, ибо у него был хлеб, он мог заколоть кабана, зарезать овцу или барана. Покров как бы завершал цикл сельскохозяйственных работ в году.

На Покров проводили храмовые праздники, а возле церквей устраивались "кірмашы" (рис. 197), у католиков – "фэсты".

Ко дню проведения "кірмаша" хозяева готовились к приему гостей, убирали двор, дом, жарили, варили праздничные кушанья. С Покрова девушки и женщины ходили друг к другу в гости, совещались, где устраивать посиделки ("сурадкі"), ибо с 14 ноября, "с запустов на пилиповку", они ходили на посиделки, "на ночкі" и каждый вечер совместно пряли пряжу, вышивали, рассказывали новости, сказки, а иногда танцевали под припевки.

В конце октября–начале ноября повсеместно в Белоруссии отмечали "Дзяды" – Михайловские, Кузьминичные, чаще всего "родительскую", или поминальную, субботу, т.е. в последнюю субботу перед днем св. Димитрия, так называемую "Димитровку", или "Змітраўку" (26 октября ст.ст.) (Кривковский, 1874. С. 156–158).

В этот день в убранный хате застилали белой скатертью стол, зажигали свечку, а на стол ставили нечетное количество блюд (от 5 до 11). Обязательным кушаньем были блины и кутья. Ели также борщ, кашу, овсяный кисель, жареную свинину, оладьи, яичницу с колбасой. Перед началом "вячэры", после прочтения молитвы в небольшую миску отливали и откладывали от каждого блюда еду для "покойников". Миску ставили на стол. Со стола ничего не убирали до утра. Все это оставляли для "дзядоў".

Таким образом, осенние календарные праздники и обряды выражали две основные функции – торжественно отметить окончание сельскохозяйственного года и заручиться поддержкой сил природы и умерших предков в целях получения хорошего урожая в будущем году.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 10

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

УСТНОПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Устнопоэтическое творчество – важная часть духовной культуры белорусов. Для него характерны такие черты, как разнообразие жанров и видов, богатство идейно-эстетического содержания, совершенство поэтической формы, активное бытование не только в древности, но и в эпохи феодализма и капитализма, хорошая сохранность в памяти народа в современный период. Тесные культурно-экономические связи восточнославянских народов, особенности их исторического развития обусловили жанрово-видовую, поэтическую и эстетическую общность и своеобразие их фольклора.

Обрядовая поэзия. Многочисленностью произведений, богатым содержанием, изумительной поэтичностью, интересными ритуальными действиями выделяется обрядовая поэзия, включающая поэзию земледельческого календаря, в том числе белорусские колядные песни, которые исполнялись на Рождество. Они сохранили следы магической функции – способствовать будущему урожаю и благополучию в семье и хозяйстве. “Колядки” исполнялись и во время хождения с “козой”, “конем”, “медведем”, “журавлем”, в которых наряжались колядовщики, обходя крестьянские дворы деревни (см. раздел “Календарные праздники”). Для зимнего периода характерны разнообразные игры, также сопровождаемые песнями (“Яцур”, “Женитьба Терешки”, “Женитьба комина” и др.).

Колядные песни поэтизировали нелегкую крестьянскую жизнь. В соответствии с величаниями колядовщиков хозяин мог представить себя зажиточным, независимым и почитаемым человеком, лишенным забот и тревог о самом необходимом для проживания. Поэтические картины благополучия и хозяйственных успехов, несметных богатств контрастировали с мрачной действительностью, но импонировали стремлениям и мечтам трудящихся, поэтому были для них любимыми и желанными. Крестьянское хозяйство в песнях изображалось идеализированно: двор представлялся имением князя с чудесным дворцом, в котором все блесело в золоте и серебре, с огромными сараями, со скотом, большими хорами, полными добра. В действительности же у хозяина нередко была лишь бедная курная избушка, слабенькая лошадевка, еле живая коровка. Но песни очаровывали крестьян мнимым блеском богатства, картинами желанного счастья. Крестьянин в песнях часто величался паном, князем, его дочь – царевной, королевной. Песни утешали тружеников, на какое-то время уводили их от горьких раздумий о своем бедственном положении, вселяли чувство человеческого достоинства.

Типичная колядная песня состояла из "зачина" – сообщения о приходе Коляды к хозяину; величания хозяина (хозяйки, их сыновей и дочерей, чаще всего каждого в отдельной песне); пожелания счастья и благополучия; требования подарков. Несмотря на то, что поэтика и напев отдельных частей песни могли различаться, она представляет собой эстетически целое произведение.

Широкое распространение имели в зимнем цикле так называемые пилиповские песни, их пели на "вячорках" во время поста перед Рождеством ("Калядамі"). Все эти песни, как и вообще календарно-обрядовые, сохранились в белорусском фольклоре лучше, чем в русском, а иногда даже бытуют сейчас. Н.П. Колпакова в монографии "Русская бытовая песня" (1962) отмечала, что "русских календарных песен известно значительно меньше, чем украинских и белорусских" (С. 33), особенно "заклинательного типа" (С. 250).

Масленичные песни, ранее относящиеся к весенним, после введения христианского Великого поста были перенесены в зимний цикл. Масленица праздновалась в Белоруссии местами пышно, сопровождалась хороводами, гуляньями, другими обычаями. Однако, как отмечал в книге "Белорусские песни" П. Бессонов (Бессонов, 1871. С. 137), "на белорусской Масленице игры слабее и ограниченнее, ибо слабее самый обряд". В сравнении с другими календарными обрядами и поэзией белорусская Масленица не получила такого широкого развития, как у русских.

Богатая народная белорусская поэзия весеннего цикла тесно связана с сельскохозяйственными заботами крестьянина. В ней отражаются отношение крестьян к возрождению природы, выезд пахарей в поле, выгон на пастбище скота и т.п.

Специфику белорусской поэзии земледельческого календаря составляют "волочebные" песни, лучше сохранившиеся у белорусов по сравнению с другими славянскими народами. В соседних республиках волочebные песни зафиксированы только в пограничных с Белоруссией районах. Чаще всего они поются на смешанном русско-белорусском языке. По содержанию, структуре, художественной форме волочebные песни близки к колядкам, хотя трудовая основа, хозяйственные заботы отражаются в них еще более отчетливо. Как и колядки, волочebные песни исполнялись во время обхода крестьянских дворов группой "волочebников", среди которых были "запевалы", "подхватники", "музыканты", "певцы", мехоноши". Обычно крестьяне одаривали волочebников продуктами, водкой или вином.

Генезис волочebных песен связан с земледельческими заботами крестьян. Под влиянием христианской религии во многие волочebные песни были введены образы христианских святых, которые выполняли функции языческих богов. Например, в песне "Идут, гудут волочebники" святые Юрий и Никола осматривают рожь, способствуют ее урожайности, а в песне "Идем, пойдем в славный дом" действует сам Бог вместе со святыми, которые "шахуюцца, рахуюцца – которому святыцу ўпярод ступіць" ("суетятся, советуются – которому святому вперед пойти") (Сахарай, 1940, С. 15). Святой Юрий выступает здесь в роли "ключника божьего", *аў асядлаў каня вараного, а сядзельца залатое, узяў ключы залатыя, паехаў у поле, адамкнуў землю, пусціў расу мядовую, расу мядовую, а травіцу шаўковую* ("оседлал коня вороного, а седельце золотое, взял ключи золотые, поехал в поле, отомкнул землю, пустил росу медовую, росу медовую, а травку шелковую"). Земледельческие функции исполняют в этой песне и другие святые. Исполнение таких песен во время обхода крестьянских дворов в прошлом преследовало утилитарно-магическую функцию – обеспечить богатый урожай и благополучие. Так, в песне "На святога Юр'я" звучит призыв: "Радзі, Божа, жыта чыста, ядраніста, на колас каласіста, ядро з вядро, каласок з піражок, да з каласочка будзе жыта бочка" ("Роди, Боже, рожь чистую, ядренистую, на колос колосистую, ядро с ведро, колосок с пирожок, да из колосочка будет ржи бочка") (Шейн, 1887. Т. 1.

С. 171). Но со временем магический смысл песни утрачивался и стала преобладать их эстетическая функция.

К весеннему циклу относились и юрьевские песни, посвященные Юрьеву дню (23 апреля) и св. Юрию – защитнику животных и хозяйства. Основным содержанием этих песен была забота крестьян о скоте.

Многие весенние песни рассказывали о любви, браке, доле женщины. Отразились в песнях и древние представления славян – культ растений, тотемизм, культ предков. Эти мотивы звучали в "троицких", "русальных" (исполнялись на "русальную неделю" – следующую после Троицы), "кустовых" (связаны с обрядом "вождения куста" во второй день Троицы) песнях.

Особенной поэтической красотой, совершенством художественной формы выделяются песни летнего цикла аграрного календаря – купальские, петровские, "жнивные". В них отчетливо проступают языческие представления древних людей, их анимистическое мировоззрение. В купальских и близких к ним петровских песнях постепенно стала превалировать любовная и семейно-бытовая тематика. Но в них сохранились и образ Купалы, картины персонафицированной родной природы, необыкновенные существа, звери, рыбы. Отразились в песнях и обычаи белорусов собирать в летнее время лекарственные и "приворотные" травы, стремление уберечь себя, свою семью, животных от злых сил.

В "жнивных" ("жатвенных") песнях (некоторые из них в народе называют: "Лето") воспеваются жнеи, славятся хозяева, вырастившие богатый урожай, раскрываются взаимоотношения невестки и свекрови и т.п. В этих песнях острее, чем в других календарно-обрядовых произведениях, выражен социальный протест, отражено отрицательное отношение крестьян к угнетателям-помещикам, которые принуждали жней трудиться на панском поле от зари до зари. Завершение жатвы изображается в "дожиночных" песнях. В них поется об угощении хозяевами работников, о "завивании бороды", которую как бы представлял собой несжатый пучок колосьев. По словам А.А. Потебни, в бороде, как "в душе нивы", прячется "козло- или козоподобное существо", преследуемое жнецами (*Потебня*, 1882. С. 178). Упоминание в песне персонафицированный образ козла воплощал способность к плодовитости и росту. Проникновение в песню комических элементов разрушало ее магический аграрный смысл. В древних песнях "борода" изображалась в блеске золота или облитой медом, а позже она "обеднела" и показывалась "вся дегтем улитой, берестом улитой". Добродушный юмор наполнял также жнивные песни персонафицированными образами Рая и Спорыша, которых просят "прыснать і ў доме, і ў полі, і ў гумне, і ў дварэ, і ў клеці, і ў печы" ("приумножить добро и в доме, и в поле, и в гумне, и во дворе, и в клети, и в печи") (*Шейн*, 1892. Т. 2. С. 271–272). Аграрно-магическая функция в жнивных песнях была очень устойчивой, долго сочеталась с шуточно-потешливой и исчезла только после отмирания самого обряда. К этому циклу относятся и сенокосные ("касцёккія") песни, менее популярные прежде и мало сохранившиеся в настоящее время.

Своеобразие поэзии белорусского земледельческого календаря составляют также осенние песни – ярные (исполняемые, когда убирают яровые посевы), пастушеские, льняные песни, исполняемые при уборке льна, сборе грибов, орехов. Многие осенние песни постепенно оторвались от обрядов и исполняются вне связи с ними. В этих песнях преобладают темы любви, брака, положения женщины в семье.

В разные периоды жизни белорусов использовалась коллективная взаимопомощь (при строительстве дома или хозяйственной постройки, вывозе навоза, уборке урожая и т.п.) – "голока". В песнях, исполняемых во время "голоки" ("голочных"), поющие обращались к хозяевам, давали им характеристику, а также

требовали в шутиливой форме угощения. Хозяин обязательно угощал всех участников толоки, что и было вознаграждением за их труд. Во многих "толочных" песнях поэтизировался труд участников толоки, звучало заклинание, целью которого было обеспечить благополучие хозяевам, достичь богатого урожая: "Радзі, Божа, жыта, радзі ўсёды роўна: якое на навозе, такое й на аблозе" ("Роди, Боже, рожь, роди одинаково: как на навозе, так и на облоге"). Обычай толоки живет среди белорусов и в настоящее время. Однако толочные песни на них исполняются очень редко.

В песенном творчестве белорусов особое место принадлежит семейно-обрядовой поэзии. Генетически она восходит ко времени язычества. Во время формирования белорусской нации семейно-обрядовая поэзия вместе с поэтическим творчеством народа приобретала специфические национальные черты, которые проявляются и в жанровом составе, и в тематическом содержании, и в поэтике.

Специфику белорусской семейно-обрядовой поэзии определяют прежде всего крестинные ("хрэсьбінные") песни, которые входят в родинный обряд, сохранившийся у белорусов лучше, чем у других славянских народов. В соответствии с функциональными, эстетическими и идейно-тематическими принципами крестинные песни подразделяются на величальные, шуточные и застольно-беседные. В величальных песнях воспевались роженца, отец ребенка, бабка-повитуха, кума и кум, высказывались пожелания счастливой доли новорожденному. В многочисленных крестинных песнях предстают прекрасные образы родителей новорожденного, ласковой и трудолюбивой, обаятельной и умной молодой матери, внимательного и заботливого, старательного и чуткого к жене и ребенку отца. Очень популярны были песни о "бабке", в них выражалась благодарность ей за помощь роженце. Почтение к "бабке" сочеталось с добродушным юмором. Остроумным юмором наполнены также многие величальные, и особенно беседные песни. В комическом виде нередко представлены в них кум и кума, их взаимоотношения, поведение. Многие народные крестинные песни, частушки, прибаутки еще и сегодня живут в народе и используются в новой обрядности.

Огромным количеством песен, частушек, прибауток, тостов насыщена белорусская свадьба. Известные белорусские фольклористы Е.Р. Романов и Г.Р. Ширма назвали ее своеобразной оперой. Важнейшими этапами белорусской свадьбы были: сватовство: "запоины", "заручины", девичий вечер ("сборная суббота", или "венокчи"), "пасад" невесты, выпечка "каравая" (свадебного обрядового хлеба), свадебный пир у невесты и жениха, раздача каравай, "перезвы" (гостины). Во всем этом участвовало много людей, действия которых регламентировались традиционными обычаями. Каждый из свадебных этапов сопровождался множеством песен во время свадебных обрядовых действий, исполнялось немало произведений и других жанров. По своему функционально-эстетическому назначению песни уже с первых этапов свадьбы должны были поэтизировать традиционные обряды и обычаи, способствовать созданию определенного настроения – веселья или печали. Они отражали также правовое закрепление новых взаимоотношений молодых, их чувства в самый ответственный в жизни период. Уже на первоначальных этапах свадьбы отчетливо выявлялась утилитарная функция обрядов и поэтических произведений, которые в это время исполнялись. Заклинательные песни, поговорки, прибаутки, пожелания должны были содействовать благополучию молодой семьи, ее хорошему материальному положению.

Песнями сопровождалась подготовка невесты к венчанию в девичий вечер. Специальные песни-заклинания исполнялись почти при всех ритуальных действиях, связанных с замешиванием и выпечкой каравай. В песнях гиперболизированно показывалось, из чего выпекался каравай: из "сямі кулёў мукі, сямі кароў масла, сямі крыніц вады, сямі курыц яйца" ("семи кулей муки, семи коров масла, семи

источников воды, семи кур яци"), какой лопатой сажали его в печь и т.п. При этом каравай ярко поэтизировался чаще всего с помощью персонификации: "ў печы каравай іграец і ў заслонку таўхасць" ("в печи каравай играет и в заслонку толкает"), "Запытаўся каравай у вясельнага кола: – А дзе ж тая дарожанька ад печы да стала?" ("Спросил каравай у свадебного круга: – А где же та дороженька от печи к столу?"), "Пытаўся каравай у перапечы: "А куды сцежка да клетці?" ("Спросил каравай у перепечи: "А где же тропинка к клетке?"). В каравайных песнях олицетворяется не только каравай, но и другие предметы – припечек, печь, помело. Метко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые придают песне мелодичность, содействуют ее выразительности.

Эмоциональной насыщенностью и печально выделяются свадебные песни невесты-сироты. В них она жалобно просит мать или отца встать из могилы, прийти на свадьбу и благословить ее брак, обращается к могучим силам природы, чтобы они помогли выволочить мать из могильного плена. Сиротские песни чаще всего пели дружки, а не сама невеста. С помощью различных художественных средств усиливалось сочувствие сироте, создавалось печальное настроение.

Во время застольного свадебного пиришества исполнялось много лирических песен, в которых воспевались идеальные образы жениха и невесты, показывались взаимоотношения молодых, их чувства, отношение к родителям. В песнях молодые обладают необычайной красотой, для описания которой применялись меткие сравнения, метафоры, эпитеты, перифраз, параллелизмы и другие художественные средства, символические образы солнца, месяца, звезд.

На белорусской свадьбе поются и шуточные песни. Юмором различных оттенков, насмешкой, веселой шуткой пронизаны песни о сватах, друзьях, приданках (подружках невесты). В комическом виде показывается, например, сват: он очень хорош – у него "бусаў нос" ("нос, как у аиста"), "крывы бок", "лысая галава", "добра на ёй боб малаціць, ды нікуды ж ён не паляціць" ("кривой бок", "лысая голова", "хорошо на ней боб молотить, но он же нигде не полетит"), "казліная рыжая барада, на вблыку вочы, з гарбуз нос, на калені жыўот, дзедзьве ў хату ўніс" ("козья рыжая борода, по яблоку очи, как тыква нос, по колени живот, сдва в хату внес"), он "скача на хаце, як белка" ("скачет по хате, как белка"), плавает "як таран, лупае вачыма, як баран" ("как таран, хлопает глазами, как баран") и т.п. Смешные эпитеты и сравнения усиливают комизм образа свата. Комическая экспрессивность образов повышается иногда метонимическим одушевлением предметов одежды: шапка собачья – брешет, шуба телячья – мычит, пояс ужачий – шипит и т.п. Народ умело использует также и гротеск в обрисовке свахи, друзей, "подневестницы-душки" и др. Кстати, сатирико-юмористические песни на свадьбе обычно воспринимались без обиды, чаще всего звучал добродушный смех, основной целью которого было оживление застольной беседы. Некоторые традиционные обряды и произведения используются и в современной свадьбе.

Белорусская свадебная поэзия имеет много общего с русской и украинской, что свидетельствует о близости взглядов, эстетических потребностей и тесных культурных взаимосвязях восточнославянских народов.

В семейно-обрядовой поэзии белорусов важное место занимают похоронные "голошения" (плачи, причитания) – импровизированные народные произведения, созданные на основе традиционных художественных приемов и стереотипов для оплакивания умерших. Голошениями сопровождался не только похороны, но и поминования усопших, которые совершались от двух до пяти раз в год.

В похоронных голошениях отражается безмерное горе в связи со смертью близких или родных людей. Характерно, что в причитании разговор с мертвым ведется, как с живым. Обращения к покойнику эмоционально насыщены, богаты традиционной символикой. Голосят и причитают, когда выносят гроб с покой-

ником, когда везут его в церковь и на кладбище, перед тем, как опускают гроб в могилу.

Горько упрекает жена мужа в том, что оставил ее одну с маленькими детками. Глубокая душевная боль ощущается в голошениях матери по ребенку. С проникновенными нежными скорбными словами обращается она к умершему маленькому сыну: "Яблычка маё недоспелое, ягадка мая недозрелая"; "а мой ты сыночек, мой яварочек" ("Яблочко мое недоспелое, ягодка моя недозрелая", "а мой ты сыночек, мой яворочек" (кленочек)); полные горя и печали слова звучат в обращении матери к умершей дочери: "Дачушка мая, зязюлечка мая"; "мая пралесачка"; "мая галубачка, мая ластачка залётная, лябёдачка мая беленькая" ("Дочушка моя, кукушечка моя"; "мая пролесочка" (подснежник); "мая голубочка, мая ласточка залётная, лебедушка мая беленькая").

В голошениях используется богатый арсенал разнообразных художественных средств народной поэтики: метафоры, сравнения, эпитеты, иносказания, психологические параллелизмы и др. С помощью их усиливается эмоциональное воздействие на присутствующих. Из одних голошений в другие переходят те же образы, приемы, устойчивые словесные формулы, стереотипы. В соответствии с традициями похороны покойника называются дорожкой дальней или отлетом, гроб ("труна", "дамавіна") – "хатачкай новай".

Голошение как жанр бытовало и в период Великой Отечественной войны, когда народ использовал слова скорби и печали традиционного фольклора для высказывания своих горьких чувств в связи с гибелью родных или близких от рук фашистских палачей.

С любовью и нежностью в голошении того времени мать называет своего сына традиционно "ягдаккай любой", "зорачкай ясенёккай", "рыбачкай даражэнькай", "галубочкам шызакрылым" ("ягдаккай любой", "звездочкой ясенёккай", "рыбачкой дороженькой", "голубочком сизокрылым"). В риторических вопросах она упрекает его: "На каго ж ты мяне пакінуў? А да каго ж мне цяпер прыгарацца?", "Да каго ж мне слоначка сказаць? А каму мне сваё горачка паведаць?" ("На каго же ты меня оставил? А к кому же мне теперь прислониться?", "Да кому же мне словечко сказать? А кому мне свое горечко поведать?"). В этой связке проникновенных риторических вопросов чувствуется безмерная глубина горьких переживаний матери, которая оплакивает потерю самого дорогого для нее человека.

Голошения во время войны слышались над телами погибших или могилами, при получении извещений о гибели близких. В голошении "А мой жа ты саколічак" ("А мой же ты соколичек") мать оплакивает смерть сына – бойца Красной Армии, который погиб "на чужой староначцы", "зарыты ў сырой зямельцы" ("на чужой сторонке", "зарыт в сырой земле"). Смерть на чужбине всегда в народе считалась наиболее тяжелой, поэтому особенно жалостливо звучат слова о том, что на могилочку никто не придет – "ни сестра, ни мамочка, только ветры буйные жовою да птуцы запуют" (Паэзія барацьбы, 1985. С.122). В этих произведениях отразилась и ненависть к гитлеровским захватчикам.

Внеобрядовая поэзия. Широко были распространены в народе внеобрядовые песни – любовные, семейные, антикрепостнические, рекрутские, солдатские, чумацкие, казачьи, батрацкие, сатирические, юмористические и др.

В любовных песнях раскрываются глубина чувств простых людей, их моральная чистота и благородство. Отражается зависимость их судьбы в прошлом от воли родителей. В образах любимых воплощались их типичные черты, вобравшие в себя народные представления о социальном идеале: трудолюбие, честность, правдивость, душевная красота, здравость ума, моральная чистота. Лирический герой (героиня) любовных белорусских песен обрисовывается реалистически на фоне

родного пейзажа, окружающей его деревенской обстановки, крестьянского хозяйства.

Важную роль в изображении парня и девушки, их чувств играет художественная символика. Чаще всего используются образы голубя и голубки, которые символизируют глубину и верность любви, неразлучность влюбленной пары. Во многих песнях звучит также тема неравной пары, что было связано с существовавшими в обществе представлениями о создании семьи в рамках своей социальной среды, с небольшой разницей в возрасте молодых. Не менее популярными были песни о неразделенной любви, отразившие переживания и душевные мучения парня или девушки, не нашедших ответных чувств. Изображение сердечной боли, безмерной грусти характерно для песен об измене, разлуке, неверности в любви, в них страдающей в большинстве случаев бывает девушка, которая горько жалуется на свою несчастливую долю. Народ предостерегает ее от безрассудной доверчивости, самоотверженности в любви без взаимности.

Эмоциональная насыщенность, высокохудожественность поэтических образов народных любовных песен ставят некоторые из них в один ряд с лирикой поэтов-классиков и композиторов-профессионалов. Традиционные образы волнуют и нашего современника, например, в песне:

– Ой, рябичка,
Ты зяблая,
Ой, калі ж ты ўзяла,
Калі вырасла?	– Ой, рябичка,
Ты зелялая,
Ой, когдa ж ты ззяла,
Когдa вырасла?
– Я вясною ўзяла,
Летам вырасла,
На высокім тэрам
Пахілілася.	– Я вясной ззяла,
Летом вырасла,
На нізкім тэрам
Нахілілася.
– Ой, дзяўчыначка,
Ты прыгожая,
Дзе ты, красна, расла,
Гадавалася?	– Ой, дзeвyшка,
Ты прыгожая,
Гдe, красна, расла,
Воспіталася?
– Я у мамкі расла,
Гадавалася,
Як віншэнка ў саду,
Красавілася.	– Я у мамкі росла,
Воспіталася,
Как віншэнка в саду,
Красавілася.
– Ты, дзяўчыно, скажы,
Не угадай,
Скажы праўдываку ўсю,
Дзе ўзяла красу?	– А ты, дeвyшка, скажы,
Не угадай,
Скажы праўдываку вeсь,
Гдe ззяла красу?
– Я спаткала красу
У зялёным лeсy,
У зялёным лeсy
Пад рябичкай.	– Собиpала я красу
Во зeлeном лeсy,
Во зeлeном лeсy
Под рябичкой.
– А дзявочу красу
Не знайшч ў лeсy,
Не знайшч, не купішч,
Да прыгожай быцц!	– А дeвyчyю красу
Не пaйтi в лeсy,
Не пaйтi, не кyпiтi,
Дa пpигoжeй бытц.

(Песня пры казанне, 1978. С. 47).

Своеобразным тематическим продолжением любовной лирики являются семейно-бытовые песни. Но во многих из них главными лирическими героями предстают уже не парень и девушка, а муж и жена. Семейная жизнь, бытовые конфликты преобладают в этих произведениях. В бытовых песнях отражается нелегкая жизнь молодой женщины в новой, чужой ей семье, при деспотичном муже. Распространены были песни о горькой женской доле, печальной судьбе бедной вдовы, сироты, о трудной жизни с ненавистным человеком. Менее

популярны были песни о бесхозяйственной, неряшливой жене, так как исполнялись они преимущественно женщинами.

Нечасто встречалась в песенном репертуаре белорусских крестьян и тема счастливого замужества. Грустью окрашены песни, в которых женщина рассказывает о своих мучениях в чужой семье, лишившей ее свободы, радости. Ей хочется хотя бы на короткое время вырваться к своим родителям, услышать от них сочувственные слова, выплакаться. Эмоциональной взволнованностью характеризуются песни, приобретающие балладные черты, о превращении молодой женщины в кукушку и ее прилете в родительский сад, где она кукует, сообщает о своей горькой доле. Мать узнает в птице родную дочь и запрещает сыну, взявшему ружье, стрелять в нее. Слушатели проникаются сочувствием к горестной судьбе бедной женщины и ненавистью к жестокой свекрови, относящейся к ней, как к рабыне, служанке. Свекровь во многих песнях приказывает сыну избить жену, заставляет ее работать без отдыха. Невестка вынуждена исполнять все прихоти свекрови: ходить за водой в то время, когда все обедают, мыть ей и свекру ноги, стлать постель и т.п. В бытовых песнях всесторонне отражаются и взаимоотношения между невесткой и свекром, братьями и сестрами, невесткой и деверем, мужем и тещей.

Страстный протест против жестокого угнетения звучит в белорусских антикрепостнических песнях. В них ярко воплотились представления народа о социальных отношениях в обществе, борьбе за свободу и человеческое достоинство. В песне "Ой, содома, пане браце", например, обличается несправедливость помещиков-крепостников, налагающих на своих крестьян непосильное бремя барщины, заставляющих работать на панов в течение всей недели: "увесь тыдзень на панічыне, шарваркі ў суботу" ("всю неделю на панщине, дорожная повинность в субботу"); раскрывается нищенское положение крестьянина, который остается без хлеба и без оплаты своего изнурительного труда: пан "выбіў, выбіў дай выгнаў з хаты" ("бил, бил, да и выгнал из хаты"). Вынуждены были крестьяне обрабатывать свои клочки земли в воскресенье, но, как рассказывается в песне, и в этот день "пораненку ва ўсе званы, звоняць, асаул з казакамі на панічыну гоняць. Мужчын у гумно малацілі, а баб — на двор прасці, малых дзяцей да цюшону ў папушы класці" ("пораненку во все колокола звонят, есаул с казаками на панщину гонят. Мужчин у гумно молотить, а баб во двор прятать, малых детей табак в папуши класть") (Песні беларускага народа, 1940. С. 79–80). Песни характеризуются прямой изображением действительности, отсутствием яркой метафорической образности в отличие от произведений многих других поэтических жанров. Но и в них рисуется выразительный образ полуголодного, измученного, нищенски одетого крепостного крестьянина, над которым вечно стоит с нагайкой пан или войт (сельский староста), принуждающий к изнурительному подневольному труду.

Стихийно выраженный социальный протест против угнетателей не всегда был пассивным. В песне "За горою, за крутою" (Беларускі эпас, 1959. С. 246), возникшей на Черниговщине, отражено событие, которое произошло в действительности: в 1854 г. крестьяне д. Дорогики Нежинского уезда убили своего мучителя помещика-крепостника Селивановича. Песня распространялась в Белоруссии в близком к украинскому варианту. И все же хотя в антикрепостнических песнях говорилось о мрачных сторонах действительности, в них выражалась и надежда на лучшее будущее, прежде всего на освобождение от крепостнической доли.

Следствием усиления антифеодальной и национально-освободительной борьбы явилось возникновение и казачьих песен. Казаками становились крестьяне, бежавшие от крепостных помещиков и вступавшие в вольные казачьи отряды. Казаками назывались и свободные мелкие собственники, имевшие в своем пользовании небольшие наделы земли. Таких казаков было немало в Смоленской губер-

нии, на Полоцкой земле. Совместная борьба украинских и белорусских казаков способствовала и тесному взаимодействию фольклора двух братских народов. В песне "Ой, у городе Могилёве дымом потянуло" (Беларускі эпас, 1959. С. 183) рассказывается о победе запорожских казаков под командованием Наливайко над войском польских магнатов (использован исторический факт захвата казаками г. Могилева в 1595 г.).

Большое распространение получила в Белоруссии песня о Морозенко, в основу которой положено также известное событие – героическая смерть казацкого есаула Крапивинского полка Нестора Морозенко. Как считают исследователи, песня перешла в белорусский фольклор из украинского, породила много вариантов, приобрела ряд языковых и музыкально-стилистических национальных черт.

Во многих казачьих песнях отражаются глубокие переживания казака в связи с расставанием с женой или невестой. Иногда лирической героиней песни выступает девушка, грустящая по уходящему в поход, на войну любимому казаку. Немало было песен о взаимной любви девушки и казака. При этом созданию лирического настроения способствуют картины природы, широкое использование традиционных народных художественных приемов и средств, среди которых особенно эффективно применяются метафоры, символы, эпитеты. Некоторые казачьи песни в дальнейшем бытовании трансформировались в солдатские.

Социальная несправедливость при наборе в царское войско, муштра и бесправие новобранцев обличаются в рекрутских и солдатских песнях. Белорусские рекрутские песни могли возникать в XVIII–XIX вв., после введения рекрутских наборов или в результате перехода из русского или украинского фольклора, значительно изменяясь и приобретая при этом национальный колорит. Бытовали они и после замены рекрутской повинности всеобщей воинской обязанностью (1874 г.).

Рекрутские песни отражали всю процедуру набора – от сообщения царского указа о наборе до отправления новобранца на приемный пункт и обследования комиссией. "Пісьмо царскае, гасударскае", щоб "малойці выбіраліся, з айцом-матер'ю прашчаліся" ("молодцы выбирались, с отцом-матерью прощались"), приносят "пташка райская" или иногда "тры маёрушкі" (три майорушки). Значительная часть песен начинается с мрачных природных явлений, предвещающих обычно несчастья ("Выступала чорна хмара..."). Народ сетует на несправедливость при выборе семьи, из которой помещик, староста, соцкий и другое волостное начальство решают брать рекрута. Выбор всегда падал на беднейшие, социально не защищенные семьи, например на семьи вдов: "У каго пяць, там не браць..., а ў удоўкі адзін сын, і той пайшоў пад аршин" ("У кого пять, там не брать..., а у вдовки один сын, и тот пошел под аршин" (АИИЭФ НАНБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 11. Тетр. 2. Л. 24). Богатый мог откупиться от набора, бедный же вынужден был прощаться с семьей на 25 лет или навсегда; особенно тяжелым было переживание для тех, у кого имелись жена, дети. Народ отразил стремление молодых парней избежать рекрутчины любым путем, даже уходом в лес, в разбойники. Страстный социальный протест звучит в песнях, в которых рассказывается, как насильственно везли новобранца на прием и там забивали ему лоб. Иногда новобранца закопывали в кандалы, как каторжанина, связывали, чтобы он не сбежал. Все это отражается в песнях, полных сочувствия и сострадания к тем, кому выпала нелегкая судьба попасть в рекруты.

Надежда на возвращение солдата была чрезвычайно мала, несбыточность ее отражалась в символических стереотипных выражениях: "як парасце трава на памосце, тады прыду я ў госці" ("когда вырастет трава на помосте, тогда приду в гости") (Гильтебрандт, 1866. С. 197), или солдат вернется тогда, когда камень всплывет со дна реки, а перо страуса утонет и т.п. Отрицательное отношение к царской службе звучит и в рекрутских, и в солдатских песнях, произведенных

чувством обреченности, свалившемся на новобранца. Солдатская жизнь раскрывается в изображении жестокой муштры, издевательств командиров, "дяди" (старослужащего), под начало которого сразу же попал новобранец, подвергавшийся затем безжалостным избиениям: "Дзядзя" мілы, "дзядзя" любы / Пападбываў зубы й губы" ("Дядя" милый, "дядя" любимый / Потбывал зубы и губы).

Меткие сравнения, остроумная ирония раскрывают тяжесть и горечь солдатской службы: она горче полыни. Очень редко бытовали песни о возвращении с царской службы, с войны. Встреча рисовалась безрадостной: солдат не застал в живых мать, не дождался мужа жена – нашла себе другого.

Особенно много песен было о смерти солдата. В этих песнях умирающий посылает к родным своего коня передать, что он не убит, а служит в войске и женится: "Ажаніла мяне куля быстрая..." ("Женила меня пуля быстрая...").

Песни о смерти воина возродились в период Великой Отечественной войны. В них использовались традиционные образы и мотивы, но они были приспособлены к новым условиям. В песне "Ой, на гарэ огонь гарыць, а ў даліне забіт ляжыць" ("Ой, на горе огонь горит, а в долине убит лежит") солдат дает поручение коню бежать широкой столбовой дорогой, "штоб немцы не спаймалі, сядзелечка не адабралі" ("чтобы немцы не поймали, седелечко не отобрали"). Дальнейшее содержание песни мало изменилось по сравнению с традиционным текстом.

Песенное творчество отразило изменения, происходящие в деревне в связи с проникновением в нее капиталистических отношений, породивших отходничество, извозно-торговые промыслы и другие социально-общественные явления. Они обусловили и возникновение чумацких, батрацких, примацких песен, в которых отразилось неприятие наемного рабства и его следствия – жестокой эксплуатации. Чумацкие песни получили большее распространение на Украине, чем в Белоруссии, так как чумачество – перевозка в Крым хлеба, а оттуда соли и рыбы для продажи – было там более развито. Украинские чумаки, пути которых достигали и белорусских земель, приносили и свои песни, широко распространявшиеся повсеместно. Активное бытование чумацких песен зафиксировано во всех губерниях Белоруссии, что объясняется развитием в ней чумачества как социального явления. Это обусловило и самостоятельное развитие данного вида белорусской социально-бытовой лирики. В чумацких песнях отразились тяжелые условия труда и быта чумаков, их чувства и настроения, психология, морально-этические идеалы. Особенно проникновенно в чумацких песнях звучит тема любви. Герой таких произведений преданно и бескорыстно любит девушку, способен на самопожертвование ради нее. Эмоционально прочувствованно изображаются в песнях болезнь и смерть чумака. Печальному событию сопутствуют соответствующие явления природы, что усиливает скорбь и печаль по случаю трагической гибели героя.

Горькая доля наемных людей, их нищенское существование и невыносимая эксплуатация отражаются в батрацких песнях. Но во многих из них раскрывается стремление избежать наемного труда на богатей: "Не дай жа мне, Божа, заслужага хлеба, / Бо хлеб той заслужны, ён вельмі натужны, / Ды хто яго ўкусіць, той плакаці мусіць..." ("Не дай же мне, Боже, служебного хлеба, / Ибо хлеб тот служебный, он очень тяжелый, / Да кто его откусит, тот вынужден плакать") (АИИЭФ НАНБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 851. С. 10). Эмоционально-психологическое состояние батрачки изображается в песне посредством существенной художественной детали: она отрезает "кусочак з кляновы лісточак" ("кусочек с кленовый листочек") хлеба, выходит в сени и ест его там, заливаясь слезами. Еще с большей социальной остротой и душевной проникновенностью обрисовывается образ батрачки-сироты, которая испытывает издевательства хозяев и осознает безысходность своей судьбы.

Социально-бытовые песни активно воздействовали на сознание белорусов, побуждали их к активному сопротивлению с властью имущими.

Экспрессивностью образов, богатством поэтических красок, язвительностью насмешек отличаются также белорусские сатирико-юмористические песни. Характерная особенность их – описание внешности персонажа в комическом, утрированном виде. Среди образов этих песен встречаются жестокие помещики, упрямая, ленивая жена, глуповатый муж-пьяница, легкомысленная, неумелая девушка, злая свекровь, несчастный примак и др. Положительные идеалы в этих песнях утверждаются путем осмеяния всего отрицательного в обществе. Лучшие образцы внеобрядовых песен живут в народе и сегодня, доставляя эстетическое удовольствие и нашему современнику. Чувства и настроения, отражаемые в них, непреходящи, мелодичность этих произведений привлекает массового слушателя и в наше время.

Интенсивно развивалась в эпоху феодализма и капитализма и живет в устном бытовании в настоящее время частушка (припевка), оперативно освещающая события в обществе, душевные переживания, взаимоотношения людей и т.п. Лаконичная форма не позволяет частушке давать развернутые характеристики образов, вынуждает создавать их отдельными штрихами и деталями, которые стимулируют слушателя дорисовывать образ либо картину в своем воображении, ассоциируя их с определенными социальными типами и явлениями действительности. Большое распространение получила частушка в период Великой Отечественной войны, отражая борьбу народа, белорусских партизан с фашистскими оккупантами, раскрывая чувства и настроения людей.

Из песенного творчества белорусов хорошо сохранились баллады, множество записей которых сделано в 1950–1980-е годы. Живучесть баллад обуславливается значительностью освещаемых в них морально-этических проблем, обличением зла, утверждением добра и справедливости. Однако не все баллады были одинаково распространены: одни сюжеты фиксировались только один-два раза, другие имеют десятки записей (например, сюжет о дочке-птице известен по всей территории Белоруссии и был записан сотни раз). Сюжеты многих белорусских баллад сходны с сюжетами русских и украинских баллад. Национальные истоки особенно очевидны в балладах, связанных с календарно-обрядовой поэзией. В белорусском фольклоре зафиксировано свыше 140 сюжетов баллад.

Итак, от колыбели и до последних дней жизни песни сопровождали белорусов. Они учили его познавать добро и зло, любить труд, жить в любви и дружбе в семье и обществе, ненавидеть врага, непримиримо относиться к лени, неряшеству, пьянству, жадности, облегчали тяжести жизни. Поэтому они и вошли в сокровищницу духовной культуры белорусского народа.

Народная проза. Разнообразием содержания, живостью и поэтической красотой выделяются в эпическом повествовательном фольклоре белорусов сказки, важнейшими жанровыми разновидностями которых являются сказки о животных, волшебные, социально-бытовые. Первоначально тесно связанные с религиозными верованиями, мифологией, сказки о животных постепенно потеряли эту связь, утратили и ранее доминантную магическую функцию. Одной из главных функций стала дидактическая. Многие сказки о животных приблизились к анекдотам и басням, некоторые – к эtiологическим легендам и волшебным сказкам. В преобладающем большинстве сказок о животных в иносказательных образах отражается жизнь человека в определенные исторические эпохи. Национальный колорит в этих произведениях проявляется в изображении типичной для Белоруссии обстановки: действие происходит в болотах или в лесной чаще, в деревянной белорусской хатке или даже под пенью, в гостях либо на свадебном или крестинном торжестве со специфическими местными обрядами и т.д. Персонажи сказок придерживаются белорусских обычаев, иногда поют белорусские народные песни.

Речь персонажей характеризуется простотой, сочностью, выразительностью, разнообразием народных изречений, использованием диалектизмов, метких звукоподражаний, аллитераций, ассонансов и др. За сказочной аллегорией видны картины социальных отношений в обществе. В конфликтах чаще всего побеждает не самый сильный и грозный зверь, а слабейший, но сметливый. Белорусские сказки о животных эстетически цельны, что дало право С.В. Савченко назвать их "перлами белорусского сказочного эпоса" (Савченко, 1914. С. 246).

Из доклассового общества берут начало волшебные сказки, своеобразно отразившие жизнь, стремления и мечты народа. Каждая историческая эпоха налагала отпечаток на идейное содержание народно-поэтических произведений, в том числе и волшебных сказок. Главное в их сюжетах – борьба положительных героев за справедливость. Герой волшебной сказки всегда побеждает всяких чудовищ, страшилищ, носителей злых сил. Волшебные сказки нередко вселяли человеку веру в свои способности, в возможность подчинить себе природу, победить врагов. В сказках "Тром-сын", "Мал-Малышок", "Несчастный Егерь", "Об Ильюшке" и других негативно обрисовывается царь: он жадный, кропотливый, лицемерный, деспотичный и несправедливый. В некоторых других произведениях царь защищает простых крестьян, наказывает обидчиков, переносит справедливый суд ("Дуб Даракхвей", "Солдат, Иванька, мышь, жук и рак" и др.).

Наиболее близки к действительности сказки о барине и социальных взаимоотношениях в деревне, несмотря на то, что и в их основе традиционная фантастика с характерными для этих сказок волшебными существами и предметами – помощниками героев. С помощью чудесных помощников, волшебных предметов крестьянин не только побеждает угнетателей, но и освобождается от крепостной зависимости. Характерно, что во многих волшебных сказках герой – чаще всего выходец из простых людей, крестьянский сын (иногда даже "дурак") – противопоставляется родовитым противникам положительными качествами: гуманностью, благородством, справедливостью, мудростью. От рождения или в результате чуда он получает необычайную силу, которая помогает ему бороться за справедливость, свободу и лучшую жизнь своего народа. Образ пламенного борца за освобождение людей обрисован, например, в высокохудожественной сказке "Асенок" ("Богатырь"), отразившей оптимистические мечты, чаяния и надежды народа, веру в победу над эксплуататорами. Заканчивается она словами: "Але пеўне хутко тое будзе, што кожны сам сабе панам будзе. Усе людзі будучь роўна гараваць, будучь роўна панаваць" ("Но, наверное, скоро то будет, что каждый сам себе паном будет. Все люди будут равно горевать (трудиться), будут равно пановать (господствовать)") (Сержлутовский, 1911. С. 90). Волшебные сказки теряли активность своего бытования, все более переходили в детскую аудиторию и теперь в деревне редко встретишь хорошего сказочника, который помнит более десяти-тридцати сказок, как это было в начале столетия, когда А.К. Сержлутовский записывал еще по несколько десятков сказок от таких мастеров слова, как Редкий, Аземша и др.

Более живучими и популярными в позднейшее время оказались социально-бытовые сказки, отличающиеся от волшебных прежде всего характером фантастики. В них отсутствуют чудовища, чудесные помощники, волшебные предметы. В конфликт вступают обычно угнетенные с угнетателями. Герои этих сказок – простые люди, не обладающие сверхъестественной силой, но способные победить своих противников находчивостью, мудростью, остроумием. Действуют они в условиях обычной крестьянской жизни. Белорусские бытовые сказки ярко отразили моральное падение и физическое вырождение панов.

Тяжелое положение крепостных крестьян и паразитический образ жизни барыни нарисованы в сказке "Жалостливая паня": "Мужыкі збыднелі, пухнуць ад

голаду, бо некалі хлеба зарабіць: пані зганяе па штодзень у двор" ("Мужыкі обеднели, пухнут с голода, потому что некогда хлеба заработать: пани сгоняет ежедневно во двор"). Аморальный облик помещиков раскрывается в их неблагоприятных поступках. Изумительным мастерством диалога, точностью и весомостью каждого слова, высокой образностью и меткостью определений-характеристик, остроумным юмором, необычной для фольклорных произведений индивидуализацией персонажей выделяется сказка "Мужик и пан" (*Сержпутowski*, 1911. С. 83–86). Саркастически высмеиваются паразитизм, чреутогодие и обжорство панов, их стремление к тому, чтобы все "было не па-людску" в оригинальной белорусской сказке "Недошад" (*Сержпутowski*, 1926. С. 43–44).

В социально-бытовых сказках отразились также антагонистические противоречия между бедными и богатыми. Особенно это активизировалось в конце XIX–начале XX в., когда классовая дифференциация в деревне усилилась. В это время рядом с аллегорическими образами доброй и плохой доли, Правды и Кривды, рядом с традиционным образом дурака – бедного, обездоленного и горемычного крестьянина, наказанного судьбой или, наоборот, обласканного ею, – все чаще изображаются реалистические персонажи. В них воплощаются такие черты и идеи, которые стали результатом роста классового самосознания людей, понимания ими причин социального зла. Сокровища богатей, деньги, золото превращаются в пот, кровь и слезы людей в сказках "Хто выдумаў грошы" ("Кто выдумал деньги") (*Сержпутowski*, 1926. С. 204–207), "Богатырь" (*Сержпутowski*, 1911. С. 180–183). Значительно больше, чем в других сказках, в них уделяется внимание психологической характеристике персонажей.

Близки к социально-бытовым сказкам анекдоты – короткие сатирико-юмористические произведения, активно бытующие и в настоящее время. В них, а также в шутках (жартах), юморесках остроумно высмеиваются людские пороки, критикуются социальные явления, государственные деятели. Остроумная шутка, смешной случай с неожиданной комической концовкой, забавное событие, рассказанное с соответствующей мимикой, жестами и эмоциональной интонацией, – все это занимает слушателей. Во многих анекдотах говорится, как ловко и находчиво действовал герой, создавший комическую ситуацию. Однако и теперь эти произведения характеризуются не только интересным, комическим и остроумным содержанием. Во многих из них заключен глубокий социальный смысл.

В период Великой Отечественной войны сатирико-юмористические произведения, в том числе и анекдоты, шутки, юморески, были важным оружием в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Объектами сатиры были Гитлер, Геббельс, Риббентроп, фашистские вожаки. Обрисовывались они иронически, карикатурно. Народные произведения суровых военных лет повышали моральный дух бойцов армии и партизанских отрядов, развенчивали миф о непобедимости гитлеровцев, вселяли веру в свои силы.

Были распространены, особенно в дореволюционное время, белорусские легенды и предания. В них использовались библейские сюжеты. Бог и святые угодники – главные действующие лица многих легенд; они ходят по деревьям, встречаются с людьми, вступают с ними в разговоры, споры. Они или помогают людям, или наказывают их, обладая такими же чертами характера, как и простой человек, – иногда тщеславны, подчас гуманны, сострадательны.

Интересны белорусские космогонические, зоогонические, этногонические, исторические легенды. В них повествуется о происхождении земли, растений, животного мира, человека, осмысливаются явления природы и события в обществе.

Сохранились белорусские предания о войне со шведами, Отечественной войне 1812 г., восстаниях, битвах за города и т.п. Топонимические предания объясняют

происхождение деревень, урочищ, курганов. Легенды и предания создавались также о героях Великой Отечественной войны, прославленных партизанах. В настоящее время легенды и предания бытуют очень редко, но в памяти белорусов их сохранилось немало.

Большой популярностью на протяжении всех эпох пользовались белорусские афористические произведения – пословицы, поговорки, загадки. В них отразились наиболее характерные для определенного времени события, черты жизни, быта, культуры народа, его мысли и чувства. Всесторонне изображается в афористическом творчестве человек. В соответствии с морально-этическими принципами и пониманием эстетического идеала народ одобряет лучшие положительные черты и качества человека и обличает все негативное. Основной критерий при оценке достоинства человека – его отношение к труду. Многочисленные пословицы прославляют трудолюбие, хозяйственность, находчивость, остроумие, правдивость, честность, доброту, бережливость, щедрость, искренность, гостеприимство и т.п. Осуждаются лень, пьянство, несправедливость, обман, жадность, завистливость, глупость, воровство и другие пороки.

Пословицы учат любить свой край. Народ мудро высказывает мысли о счастье, судьбе, добре и зле, правде и кривде. Отражаются в афористических произведениях исторические события, жизненный опыт народа, его мировоззрение, социальные идеалы. Пословицы, поговорки, загадки, меткие народные изречения живут в народе и в настоящее время, творческий процесс их создания никогда не прекращался и не прекратится.

ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА

Значительный интерес представляет в фольклоре *народный театр*. Белорусское народное театральное искусство выросло на почве многовекового развития традиций фольклора, драматизированных народных обрядов, игр, представлений скоморохов. Специальное переодевание, чтобы приобрести вид определенного животного, ритуальные действия, песни и танцы, которые органически входили в обряд, имели в далеком прошлом не только потешную, но и утилитарно-магическую цель: они должны были содействовать успешной охоте, урожаю на полях, приплоду животных, благополучию в семье и др. Театральные элементы в таких обрядах можно рассматривать как оформление ритуальных действий, как их органическую часть, что не мешало магической функции быть в то время доминантной.

Значительной была доля драматизации в обрядах белорусского земледельческого календаря. В весенне-летний период деревенские парни и девушки водили хороводы, налаживали драматизированные игры. Своей комедийной затейливостью выделялся тронцкий обряд куста, сопровождавшийся интересными драматизированными действиями и получивший распространение в Белоруссии преимущественно на Пинщине. Еще более интересным был повсеместно известный купальский обряд с его традиционным хороводом, прыганием через костер, завиванием венков, шуточными песнями и т.п.

Особенный размах получила драматизация игр и фольклорных произведений в колядной обрядности и поэзии. Были распространены игры: "Женитьба Терешки", "Яцэр", "Халимон", "Женитьба комина" и др. Наибольший интерес вызывали хождения с "козой", "медведем", "конем", "журавлем", комичные театрализованные

элементы в которых занимали значительное место. "Артисты" из среды деревенских парней переодевались соответственно определенной роли и вдохновенно исполняли ее. На Могилевщине "козу" водили молодые парни. Исполнитель ее роли надевал вывернутый кожан и привязывал козью голову, сделанную из деревянной коры. Рога делали из соломы. "Козу" водил "дед". Парню, которого готовили для этой роли, привязывали льняную бороду, на спине делали горб, на голову надевали колпак из березовой коры, а лицо вымазывали сажей. Весь этот "маскарад" создавался для потехи жителей деревни. В представлении участвовало много подростков, которые пели, собирали подарки, исполняли роли "мехоноши" и "подписвал". Многое сюда перешло от скоморохов. Связь с искусством скоморохов отчетливо проглядывается и в сценах с "медведем", которого также водили во время Коляд. "Медведь" должен был вести себя так, как настоящий, дрессированный, с которым раньше ходили скоморохи.

Переодевания человека в козу, коня, медведя и других животных генетически восходят к тем древнейшим временам, когда главным занятием людей была охота. Маскировка под определенного зверя имела трудовую основу: она давала возможность ближе подойти к объекту охоты. Такое переодевание не было обрядовым и играло только утилитарную роль. Колядные же переодевания первоначально носили сакраментальный характер и основывались на мистическом отношении к традиционным ритуальным действиям. Маски козы, коня, медведя в XIX в. использовались уже не только в обрядовых целях, но и в художественных. Обряд постепенно потерял свои утилитарно-религиозные функции и, сохраняя старую форму, стал выполнять в большей мере эстетическую роль – веселил присутствующих, включал в представления новых действующих лиц – шутников. Некоторое время в обряде сочетались разные функции. В дальнейшем сатирическая функция вошла в эстетическую как ее составная часть и играла важную роль в превращении обряда в драматизированное потешное представление.

Обилием театрализованных юмористических элементов характеризуются и семейные обряды. В крестинном обряде все основные действующие лица выступают с шуточными присказками, тостами, разыгрывают разные драматизированные сценки (например, при раздаче каши и др.). Цельным драматизированным действием была свадьба. В ней участвовало больше действующих лиц, хорошо знающих свои "роли". Регламентированные действия каждого свадебного лица сопровождались песнями, чаще всего шуточными. Свадебная обрядность не случайно называется у белорусов "весельем". Оно "гулялось" по выработанной в веках специальной программе, в которой песни и частушки использовались на всех этапах.

Таким образом, многие циклы устноэпического творчества были богаты театрализованными элементами. Это, безусловно, стимулировало развитие народной драмы. Из устного народного творчества использовали материалы для своего искусства любимые народом скоморохи, известные в Белоруссии с глубокой древности.

Скоморошество в Белоруссии достигло наивысшего развития в XV–XVII вв. До нашего времени дошли исторические известия о деятельности скоморохов-музыкантов, скоморохов-танцоров, фокусников, бахарей (рассказчиков), канатоходцев, кукольников, жонглеров, дрессировщиков медведей и т.д.

Скоморохи-музыканты играли на скрипках, цимбалах, дуде, бубне и других музыкальных инструментах. Но наиболее распространенной профессией скомороха-музыканта вплоть до середины XIX в. в Белоруссии был дударь – главная фигура на праздниках, неслепенный участник свадебных обрядов и игрищ.

В пореформенный период скрипка и гармонь постепенно заменили дуду, но память о дударях сохранилась в названиях поселений, преданиях и сказках.

Народные музыканты обычно вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и ремеслом, и только в праздники становились музыкантами. Наряду с оседлыми в средневековой Белоруссии были бродячие скоморохи, которые ходили из деревни в деревню, обслуживая свадьбы, вечеринки, выступая перед крестьянами с древними песнями, танцами, шутивными припевками и прибаутками.

Глубокую историческую традицию имели и скоморохи-медвежатники. Репертуар их строился на выступлениях медведя. Зверей учили танцевать, бить в бубен, кланяться публике, передавать при помощи движений различные человеческие привычки и т.д. Популярность медвежатников способствовала созданию в Белоруссии нескольких школ дрессировки медведей, самой крупной из которых была Сморгонская, известная под шутивным названием "Смаргонская акадэмія". Выступления скоморохов-медвежатников нашли отражение в праздничной культуре белорусов. Почти в каждой деревне на Коляды "водили медведя" – парня, одетого в вывернутый шерстью наверх кожан.

Постепенно из среды народных актеров выделилась группа скоморохов, способных поставить не только отдельные драматические сцены, но и целые театральные спектакли, требующие большого количества подготовленных исполнителей, специального реквизита и одежды.

Народные художественные образы, сюжеты, мотивы и даже отдельные произведения использовались уже в школьной драме, особенно в интермедиях, в которые входили чаще всего фольклорные сатирические и юмористические сценки. Герой интермедий – простой белорусский мужик, подвергающийся насмешкам и издевательствам со стороны господ и духовенства, но остроумно выпутывающийся из сложных положений, и благодаря своей жизненной хитрости, беспощадно высмеивающий противников. В обрисовке образов в интермедиях использовались приемы и художественные средства фольклора (например, этимологизация иностранных слов в их сопоставлении по звучанию с русскими, употребление иностранных слов, рифмирование слов – макароничный и раешниковый стиль, оксюморон, нарочитое притворство, гротесково-фарсовые и гиперболические картины и др.).

Большой популярностью в народе пользовался *кукольный театр* – "батлейка". В репертуаре батлейки XVI–XVII вв. были только сцены из "священного писания", главным образом на евангельские сюжеты. Поэтому было время, когда кукольные представления не только не запрещались католической церковью, но даже поддерживались ею. Когда с XVIII в. в представлениях батлейки сцены из народной жизни начали вытеснять религиозные, церковь потребовала ее запрещения, тем более, что инсценировка библейских сюжетов постепенно превращалась в пародии на новозаветные сказания.

Язывительной сатирой и остроумным юмором были наполнены сцены батлейки на социально-бытовые темы. В них в большей мере, чем в религиозной части спектакля, были включены песни, танцы, шутки, что придавало спектаклю синтетический характер и усиливало впечатление от него. В спектакле комически обрисовывались дворянин, барыня, шляхтич, доктор-шарлатан, корчмарь и другие персонажи. Оксюморон, каламбур, ирония, веселая издевка оживляли действие, усиливали экспрессивность образов и возбуждали интерес зрителей к спектаклю. Некоторые комические персонажи метко обрисовывались с помощью сатирических пословиц. Франт, например, характеризовался такими пословицами и поговорками: "Хрант, сапоги в рант", "Нос у табаке", "Сапог скрипит, а в кармане трасца кипит" (т.е. карман пустой). Сцена танцев франта с паненкой имела ярко выраженную социальную окраску. Сатирические куплеты, которые исполнялись при этом, разоблачали франта, показывали, что у него "фрачэк пазычоны" (взял напрокат) и "канцелюш не свой власны, бо на глове бардзо цясны" (потому что

тесен), а "в кішэні ... пусткі" (в кармане ... пусто). Это была едкая сатира на кичливых господ. Куплеты исполнялись на польском языке, чтобы подчеркнуть форсисность барина, его пренебрежение к "хлопам".

Среди персонажей батлейки своей хитростью, остроумием, жизненной мудростью и умелостью прежде всего выделяется мужик. Он беспощадно высмеивает своих врагов, разоблачает их паразитизм, лицемерие и угождливость. Сатирически ярко изображена в батлеечных представлениях барыня. Комизм ее портрета усиливается с помощью распространенного в фольклоре приема оксюморона. Она, например, жалуется доктору, что "больна и похудела", на ней "сорочка поужела: было две складки, а стало в натяжку гладко". Приемы лечения доктора не только усиливают комический эффект в осмеянии барыни, но и разоблачают шарлатанство самого лекаря.

Существенная особенность батлеечных сцен из народной жизни — наличие у них фарсового-алогичного юмора, сочетающегося с сатирой. Батлейщики тонко и очень умело использовали эксцентрическую форму искусства. Поэтому так широко употребляется в пьесах оксюморон с его "алогизмом обычного".

Для позднейшего этапа бытования батлейки характерно усиление связи ее представлений с событиями современности. Это было той привлекательной силой, которая создавала кукольному театру популярность, повышала его актуальность, превращала его в важное социальное явление, в любимое народом зрелище.

Белорусская батлейка развивалась в тесной взаимосвязи с украинским вертепом, русским кукольным театром "Петрушки", польской "шопкой", а также с "райком". Из райка некоторые сатирические сцены попадали в батлеечные представления. Эпизод же о волжском дворянине и о Ваньке Малом вошел в батлейку из русской народной сказки. В ней обличается барская глупость, тупость, испрактичность, оторванность от жизни. Важно подчеркнуть, что в батлеечных спектаклях в некоторых местах Белоруссии участвовали не куклы, а живые актеры.

В XIX в. в Белоруссии появились драматические спектакли по пьесам, которые пришли из России, — "Царь Максимилиан", "Лодка". Однако в язык персонажей и в характер игры актеров было внесено много специфических белорусских черт.

Возникшая под сильным влиянием книжной литературы драма "Царь Максимилиан" в процессе устного бытования заметно трансформировалась и превратилась в настоящее народное произведение. Не случайно она так долго сохраняется в памяти белорусов. Варианты пьесы в советский период были записаны белорусскими фольклористами М. Гринблатом, К. Кабачниковым, С. Миско и другими учеными. Фольклорный колорит подтверждается наличием в тексте драмы многочисленных устнопоэтических произведений, сатирически острых в социальном отношении, их стилем (раешниковым даже в сценах явно книжного происхождения), широким использованием приемов и средств художественной обрисовки.

Конфликт между царем Максимилианом и его сыном Адольфом иногда воспринимается белорусским зрителем как отклик на борьбу православия против насильственного окатоличивания белорусов. Пьеса ассоциировалась с действительностью, вдохновляла народ на сопротивление насильникам. О возможности таких ассоциаций говорят многие изменения в тексте, а также соответствующая игра актеров.

Пьесу "Царь Максимилиан" некоторые исследователи называют народной трагикомедией. И действительно, в пьесе трагическое и комическое тесно переплетаются. Например, в варианте драмы, записанной в 1923 г. в Речицком районе, известная сцена расправы Максимилиана с непокорным сыном сменяется комическим диалогом царя с портным и могильщиком. Вводится также комический

персонаж – доктор-шарлатан и т.п. Образ лютного, жестокого, деспотического царя рисуется в нарочито оскорбительном плане, чтобы подчеркнуть его антинародную сущность.

"Местным белорусским элементом" считает Е.Ф. Карский (*Карский*, 1922. Т. 3, вып. 3. С. 123) включение в вариант пьесы "Царь Максимилиан", записанный Е.Р. Романовым в г. Белица Могилевской губернии, комического персонажа – еврея, который выступает в роли своеобразного шута, своими действиями оскорбляющего царя и других высокопоставленных лиц.

Для позднейших записей пьесы "Царь Максимилиан" в Белоруссии свойственно уменьшение сцен трагедийно-героического плана и усиление внимания к комично-бытовым эпизодам. Последние представлялись актерами с большей экспрессивностью и были особенно привлекательны для зрителей. Комические элементы все чаще проникали и в трагедийно-героические сцены. Дополнительно вводились комические персонажи.

Драма "Царь Максимилиан" разыгрывалась как самими актерами, так и куклами. Такая тесная взаимосвязь с кукольным народным театром приводила к тому, что многие приемы обрисовки сатирических образов заимствовались из батлейки.

Народная драма широко бытовала в Белоруссии во второй половине XIX – первой трети XX в., пользуясь большой популярностью среди крестьян и городских ремесленников. В ней сохранялись основные принципы народного театра: непосредственный контакт участников со зрителем, отсутствие декораций и специальной сценической площадки, образы-маски, декламация с форсированным звуком, соединение драматических, музыкальных и танцевальных элементов.

В это время существенно меняется и репертуар батлеечных спектаклей. Наряду с традиционными персонажами (Антон с козой, Матей и др.) появляются батлеечные инсценировки белорусских народных сказок и песен. Но к концу XIX в. батлейка, как вид народного театра, исчерпала свои возможности. В начале XX в. ее спектакли показываются все реже и постепенно она исчезает из игровой колядной культуры как городского, так и сельского населения. Последний показ ее состоялся в 1915 г. по инициативе "Белорусского комитета помощи потерпевшим от войны" в Минске (*Бядуля*, 1922. С. 21).

Таким образом, традиционная театральная-игровая культура нашла наиболее полное выражение в народной драме, которая в процессе своего исторического развития выработала основополагающие принципы профессионального белорусского театра.

Своеобразную и очень интересную область белорусской народной культуры составляли игры. Возникнув в глубокой древности как составная часть системы обрядности, они множились и совершенствовались в ходе исторического развития народа, отражали его трудовую деятельность, быт, обычаи.

Народные игры очень четко дифференцировались по возрасту, разделяясь на детские, подростковые, молодежные и взрослые. В традиционном быту белорусской деревни лет до семи дети играли вместе: бегали наперегонки ("на абгонкі"), кувыркались через голову с пригорков ("куялясь"), играли в прятки ("кулікавалі"), делали кукол ("лялек"), пекли из песка и глины лепешки и т.д. В это время взрослые наблюдали, чтобы ребенок развлекался и не плакал. Взрослые вмешивались в детские игры тогда, когда "необходимо было затянуть игру или подсказать традиционные ее подробности" (*Никифоровский*, 1897. С. 23). Являясь полными хозяевами своих игр, дети свободно импровизировали их ход, нарывали, дополняли вставками. Большая часть детских игр представляла собой подражание и воспроизведение сельскохозяйственных и домашних работ взрослых. Другую часть составляли подвижные игры: "у коніка", "куяанне" (кувыркание), "каток", "кулюкушкі" и т.д.

Некоторые игры детей считались пророческими. Так, усердное изготовление ребенком кукол и постоянная игра с ними считалась приметой скрытого появления в доме новорожденного, а закапывание "лялек" в песок или снег, бросание в воду предвещало скорого покойника и т.д.

Годам к семи, когда мальчики начинали носить брюки, а девочки – платья, дети переставали вести совместные игры и искали общества детей своего пола (Никифоровский, 1897. С. 53–54). Игры подростков отличались уже меньшей подвижностью, требовали большего умственного напряжения, определенной сноровки и ловкости. У девочек-подростков круг игр сужался. Основное развлечение составляли куклы. В силу своих возрастных особенностей подростки занимались многие игры то у взрослых, то у детей. Мальчики-подростки часто перенимали взрослые азартные игры, расплачиваясь друг с другом вместо денег орехами, подсолнухами, бобами и т.д.

Наиболее распространенными играми подростков были "жгуцікі" (жгуттики), "цот і лішка" (чет и нечет), "куць (плёскаць) зілезо" (ковать (плескать) железо), "капустка", "каралі" (короли), "біркі" (бирки) и т.д. Кроме того, существовало много игр, пришедших в деревню из городов и местечек. Это игра в бабки ("шлякі"), городки ("рюхі"), горелки ("гарэлышы") и т.д.

Многие игры подростков переходили к молодежи, но в ее среде они сильно трансформировались, становились сдержанными в силу того, что за играми молодежи внимательно наблюдали старшие, пересудов которых боялись. В свободном времени молодежи игры занимали значительно меньшее место, чем у подростков, уступая первенство танцам, песням, обрядовым действиям и праздничным играм.

Свободно и раскованно вела себя молодежь во время игр на Коляды, во время призвания весны, Пасхи, приветствования кукушки, "завивания березы", празднования Купалы. Здесь полностью давали волю веселости, находчивости.

После вступления в брак женщины и мужчины уже не посещали вечеринки и сборища молодежи. Женщины, собравшись вместе, пели песни, развлекались загадками, рассказами. Мужчины в своем кругу мерялись ловкостью или физической силой (гнули подковы, поднимали тяжести, ломали толстые палки и т.д.), разгадывали на пари загадки, соревновались в быстроте подбора пословиц и поговорок на определенную тему, играли в азартные игры. Проигравши переводили на деньги или на пиво, "кварты гарэлікі" (кварты водки). Среди азартных игр наиболее распространенными считались "орлянка" (выигрыш или проигрыш в которой определялся путем подбрасывания монеты), "кітка" (обмен мелкими предметами), игра "у тронкі" (бросание глиняных или свинцовых шариков в вырытые в земле ямки). Азартные карточные игры получили распространение только во второй половине XIX в. До этого играли в "дураки", "мельники", "возки" ("свои козыри"), "волки", "свинки", "киксы" и т.д. Играющих на деньги называли "картэўнікамі" (картежниками) и самыми распространенными их играми были "хлюсты", которые имели еще локальные названия "тры лісцікі" (три листика), "падкарэтная" (подкаретная), "смаленская" (смоленская) и т.д.

Особый исторический пласт театрально-игровой культуры белорусов составляли игры-показы, одни из которых строго приурочивались к праздникам годового земледельческого календаря, а другие исполнялись в любое время.

Наибольшее число игр-показов приурочивалось к Колядам. Многие из этих игр сохраняли в себе элементы тотемических и магических древних верований ("медведь", "журавль"), другие основывались на принципах перевоплощения ("коза", "кобыла", и т.д.). Среди самых популярнейших игр-показов, в которых сочетались элементы песенной, хореографической культуры народа и спортивного мастерства, были "Жаніцтва Цярэшкі" (Женитьба Терешки), "Яшчур" (Ящер), "Дзяцел" (Дятел), "Зязюля" (Кукушка) и др.

Большой степенью театрализации, использованием масок, грима, специальной одежды выделялись игры "Рыболовы", "Лось", "Черт", "Смерть". Несложные массовые игры "Гуси", "Овечка", "Редька", хотя и носили имитационно-игровой характер исполнения, не требовали переодевания, специальной площадки и какой-либо подготовки.

Будучи частью национальной культуры, народные игры не ограничивались национальными рамками. В городах и селах Белоруссии были распространены пришедшие из России лапта, чижик, гуси-лебеди, городки, бабки и т.д. Вместе с тем каждое поколение людей опиралось на то, что было создано предшественниками.

Прошедшие после Октябрьской революции изменения в образе жизни городского и сельского населения привели к утрате основных ценностей народной игровой культуры, что нанесло значительный вред эстетическому, умственному и нравственному воспитанию многих поколений детей и подростков.

В настоящее время в городах и селах республики сохранились лишь немногие народные игры спортивного характера (лапта, горелки, городки, чижик). Игры-показы, утратив свой магический смысл, существуют в основном во вторичных, сценических вариантах, входя в репертуар самодеятельных фольклорных коллективов.

Таким образом, динамика развития белорусского фольклора не была неизменно поступательной. На ранней стадии своего развития фольклор играл доминирующую роль в духовной культуре народа, поэтому можно согласиться с К.В. Чистовым, назвавшим эту стадию в развитии культуры монофольклорной. В последующие эпохи фольклор в жизни народа постепенно вытеснялся профессиональным искусством. Но в то же время фольклор не только был, но и остается важной частью народной культуры, это – неисчерпаемый источник для профессионального искусства и литературы. Многие народно-поэтические жанры остаются продуктивными и в настоящее время.

За свою многовековую историю белорусский народ создал богатейшую устную поэзию, которая как величайшая ценность достойно входит в мировую сокровищницу духовной культуры народов.

НАРОДНАЯ ХОРЕОГРАФИЯ

Хореографическое искусство белорусов принято делить на три основных жанра: хороводы, танцы и пляски.

Сложившись в глубокой древности, круговращательные танцы – хороводы сохраняют свойственное первобытнообщинному и раннефеодальному обществу генезисное единство танцевального искусства с обрядом, хоровым пением и драматическим действием.

Наряду со множеством общеславянских черт белорусский хоровод имеет свой неповторимый облик и самобытный национальный колорит, проявляющиеся в специфике его музыкальной, поэтической и хореографической структуры, исполнительской манере, сюжетности и т.д. В традиционной хореографии белорусов существует более ста хороводов, входящих в состав обрядных праздничных игр всех годовых циклов календарной обрядности. По различиям в хореографической и поэтической музыкальной структуре хороводы подразделяются на хороводные песни, игровые хороводы и хороводные танцы (Чурко, 1972. С. 12).

К группе хороводных песен принято относить те хороводы, в которых при характерном для этого вида хореографического искусства триединстве (текста,

мелодии и движения) ведущее положение занимает мелодия и именно музыкальный метр определяет в них ритм стиха и движения (Елатов, 1966. С. 141). Основное внимание участников направлено здесь на точное исполнение напева, а текст песни и хороводное круговращательное движение служат как бы дополнительной характеристикой мелодии.

Хореографическая структура хороводов этой группы ("Страла", "Заінька, ды шэры мой", "Ручаёк", "Гусачок" и др.) несложна. Участники хоровода, исполняя песню, движутся свободно и непринужденно, близким к обычному шагу. Основные пространственные рисунки этих хороводов составляет круг (где участники часто движутся не только по кругу, но и продвигаются одновременно в нужном направлении) и прямая линия, когда поющие, взявшись за руки, гуськом идут вдоль деревни.

Ко второй группе – игровым хороводам – принято относить те, в которых содержание раскрывается в неразрывном единстве всех трех компонентов: музыки, поэзии и хореографии. В них возрастает роль хореографическо-драматического действия, более сложными становятся комбинации движений (Чурко, 1973. С. 69–70).

Сюжет игровых хороводов включает песенный диалог, для чего участники выстраиваются в два ряда лицом друг к другу и, взявшись за руки, поочередно, то отступая, то наступая, поют ("А мы проса сеялі", "Валадар", "Халімон", "А ты, цесць, вары піва") и др. Во многих хороводах этой группы диалог происходит между основной массой участников и солистами. В пространственном рисунке таких хороводов преобладает круг с одним или несколькими солистами в центре ("Горад", "Падушачка", "Яцелі дзве пічкі", "Са дзятком я хаджу", "Царыў сын каралёў" и т.д.). В них возрастает роль драматического действия, театрализации, актерского мастерства исполнителей (особенно солистов), интенсивно развивается танцевальная лексика, что делает игровой хоровод монолитным, неразложимым на составные части.

Третью группу хороводов составляют хороводные танцы, в которых при сохраняющемся единстве текста, музыки и движения доминирует хореографическое начало (Чурко, 1972. С. 93). Здесь танец выступает уже как вполне независимый и развитый организм. Пространственные рисунки хороводных танцев очень разнообразны ("Чарот", "Гусар", "Заплясця, пляцень", "Шасток" и др.). Особенным многообразием и фантазией отличаются пляски солистов. Их хореографическая лексика включает множество разновидностей прыжков, вращений, подскоков, присядок, хлопков, ритмические выбивания ногами и т.д.

За тысячелетия своего развития хоровод выработал ряд вполне самостоятельных, законченных хореографических форм, которые в XIV–XVII вв. выделялись в новый вид народного хореографического искусства – танцы. Отпочковавшись от хоровода, народные танцы долгое время развивались параллельно с ним, однако под влиянием изменяющихся условий жизни все большее число хороводов стало исполняться в инструментальном сопровождении и в убыстряющемся темпе. В результате многие из них трансформировались в танцы. Об этом красноречиво свидетельствует существование одноименных хороводов и генетически связанных с ними танцев ("Халімон", "Верабей", "Гусар", "Заяц", "Падушачка" и др.). Проникновение в середине XIX в. в белорусскую деревню гармони и ее широкое распространение значительно ускорили этот процесс. По свидетельству этнографов, в последней четверти XIX в. уже ни один праздник, ни одно семейное торжество у белорусов не обходилось без танцев (Карский, 1916. Т. 3, вып. 1. С. 97–141; Шейн, 1887. Т. 1. С. 37–56).

К группе наиболее распространенных традиционных белорусских танцев, бытовавших почти на всей территории Белоруссии, следует отнести "Лявоніху",

"Мяцеліцу", "Казу", "Мікіту" ("Гаўкачыкі"), "Бычка", "Вераб'я", танцы по кругу – "Кругавы", "Круган", "Крутак".

Тематика традиционных белорусских народных танцев чрезвычайно разнообразна. В них отражено множество явлений окружающей действительности, общественной и личной жизни. Большую группу составляют танцы, олицетворяющие труд ("Касары", "Кросны", "Лянок", "Мельнік", "Шаўцы" и т.д.). Свообразны и интересны танцы, имитирующие движения животных и птиц ("Заяц", "Жабка", "Каза", "Бычок", "Верабей" и т.д.).

Несмотря на то, что в течение многих веков этническая территория белорусов служила ареной многочисленных войн, среди традиционных народных танцев нет военных, исполняющихся с оружием в руках.

Композиция, ритмика, комбинации движений, пространственный рисунок народных танцев очень разнообразны. Наиболее распространенный музыкальный размер $2/4$, большинство из них парно-массовые, но бытуют и сольные варианты. В основе белорусской танцевальной лексики лежат мелкие партнерные движения (переменный шаг, баянсе, па-де-баск, шассе, подбивка, тройной притоп, ковылялочка и т.д.) (Чурко, 1972. С. 184).

С развитием капитализма и товарно-денежных отношений в хореографический быт белорусской деревни начали интенсивно проникать городские танцы: кадрили, лансье, полька, вальс. Однако под влиянием местных хореографических традиций они претерпевали сильные изменения, приобретая характерные стилевые особенности, белорусский колорит. Белорусская народная кадриль в корне отличалась от классических образцов кадрили и лансье, сохранив лишь их основные композиционные мотивы, построение, последовательность исполнения фигур. Исполнялись же они по-своему, например, первой фигурой кадрили нередко шла "Барыня", в середине плясали "Казачка" или "Рускага", а в конце "Лявоніху" (Чурко, 1972. С. 148).

Среди множества вариантов белорусской народной кадрили хореографы выделяют несколько типов: а) собственно кадрили, распространенную на всей территории Белоруссии в различных локальных вариантах; б) "Лянцый" (от "лансье"), основную территорию бытования которого составляет Северная и Центральная Белоруссия; в) кадрилиные танцы, возникшие в результате синтеза кадрили с исконно белорусскими народными хореографическими формами ("Бычок", "Чыжык" и др.).

Одновременно с кадрилию в быт белорусской деревни органично вошел старинный чешский танец полька. Близкий к белорусским народным танцевальным традициям этот танец быстро трансформировался и приобрел местные варианты исполнения, сопровождавшиеся оригинальными музыкальными наигрышами. Яркий пример этому – слияние старинного белорусского танца "Трасухі" с полькой (полька "Трасуха"). Полька составной частью вошла и в городские бытовые танцы (польки "Какетка", "Трамблям", "Каханачка"). На границе с Литвой и Латвией полька испытала влияние не только белорусского, но и прибалтийского хореографического фольклора ("Рэнь-полька", "Грэц-полька").

Характер исполнения польки в различных регионах Белоруссии варьирует от мощных ударов каблуком о пол, быстрых вращений и заковыристых коленец до сдержанных, однообразных шагов и поворотов, мелкой припляски.

Танцы белорусских крестьян были гораздо целомудреннее, чем танцы других сословий. У крестьян мужчина не брал женщину за талию, женщина не клала руки на плечо мужчины. Пары скромно держались за руки, а при турах поддерживали друг друга под локти. Однако женщины чаще танцевали с женщинами, держа одна другую низко за талию или за середину рукава, а иногда обняв шею соседки (Никифоровский, 1892. С. 197).

Рис. 198. Белорусский народный танец "Лявониха" в исполнении Витебского ансамбля "Лявониха". 1990-е годы

Рис. 199. Выступление гродненского ансамбля на юбилейном концерте Минской области. 1998 г.

Фото В.П. Гончаренко

В начале XX в. в белорусских городах широкое распространение получили стандартизированные бытовые танцы ("Страдания", "Сямёнаўна", "Кадрыль", "Падэспань", "Дасада", "Кракавяк", "Вянгерка", "Матлот", "Карапёт", "Субота", "Сербіянка" и т.д.). Они быстро проникли в деревню и там приобрели этническую окраску, став произведениями белорусского хореографического искусства. Деревенские исполнители осмысливали и разнообразили заимствованные у города танцы, строя всю хореографическую лексику по законам своего национального художественного мышления.

Замена истинно народных танцев городскими, "ломание кадрили" были только частью процесса "ломания старожитных звичаев", сказавшегося не на одних только танцах (Никифоровский, 1892. С. 197). Исчезнув под воздействием изменившихся социально-экономических условий жизни из праздничного быта современного населения, белорусские народные танцы продолжают существовать и развиваться в сценических формах (рис. 198, 199; см. цв. вкл.).

Лексика и традиции хореографического фольклора широко использованы в национальных балетных спектаклях: "Соловей" М. Крошнера, "Князь-озеро" В. Золотарева, "Мечта" Е. Глебова, "Свет и тени" Г. Вагнера и др.

НАРОДНОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Эстетические устремления народа, его взгляды и представления, особенности национального характера получили свое отражение не только в устнопоэтических видах творчества, но и в декоративно-прикладном искусстве. Являясь неотъемлемой частью материальной культуры народа, оно развивалось главным образом в рамках удовлетворения непосредственных бытовых и хозяйственных потребностей. Жилище и его внутреннее убранство, орудия труда и посуда, одежда и предметы быта отличались в первую очередь удобством, практичностью, функциональностью, однако продуманность форм, изящество силуэта, зачастую подчеркнутые тем или иным видом декора, придавали изделиям народных мастеров и несомненные художественные достоинства.

Как и на любую другую область народной культуры, на характер белорусского народного искусства большое влияние оказали социально-экономические и исторические факторы. Народное искусство белорусов развивалось главным образом в двух экономических сферах – как домашнее ремесло для собственных потребностей и в форме разных художественных промыслов, связанных с рынком. Эти две формы возникли еще в раннем средневековье и развивались параллельно, тесно переплетаясь между собой и влияя друг на друга. Наличие природных источников сырья послужило основой для возникновения промыслов, выработки богатых местных традиций домашнего ремесла. В свою очередь промыслы, благодаря рынку, сильнее испытывали влияние художественных стилей и культурных достижений соседних народов, что благотворно влияло на развитие и характер народного искусства. Его высокий художественный уровень и богатые традиции во многих случаях становились основой для возникновения различных мануфактур – керамических, ткацких, деревообрабатывающих.

Белорусское народное искусство развивалось преимущественно как домашнее ремесло. Промыслами были лишь гончарство, набойка, некоторые виды плетения, а с конца XIX в. – и художественная роспись. Почти не имели характера промысла резьба по дереву, ткачество, вышивка и другие широко распространенные виды

художественных ремесел. Бытование народного искусства преимущественно в сфере домашнего производства, слабая связь его с рынком определяли основные черты белорусского народного искусства: ясно выявленную функциональную направленность изделий, обобщенность форм, сдержанный, преимущественно геометрический декор символического характера, умеренный, неяркий колорит.

Этими принципами решения утилитарно-декоративных задач руководствовались мастера, которые занимались художественной обработкой дерева – самого распространенного и универсального материала у народов лесной полосы Европы. Белорусские мастера-деревообрабатчики избегали богатой декоративной резьбы, достигая художественной выразительности изделий пластичностью и своеобразной скульптурностью форм. Особенно эти качества проявлялись в крупных долбленых изделиях: ступах, челнах, улях, корытах, бочках и т.д. Обобщенностью форм, их своеобразной монументальностью отличается и мелкая долбленая утварь: ковшики, черпаки, солонки, миски, ступки и пр. Их живые пластичные объемы иногда немного асимметричны, словно вылеплены, свойства материала предельно выявлены, а поверхность со следами резца как будто хранит тепло человеческой руки.

В формах мелкой долбленой посуды нередко прослеживаются древние зооморфные мотивы, что связано с культом животных и птиц в древности. Такое почти скульптурное решение при изготовлении деревянной посуды было характерно для русского народного искусства, но белорусские изделия отличаются большей стилизацией и обобщенностью зооморфных мотивов, отсутствием раскраски или полировки, даже некоторой грубоватостью, что лишь усиливает ощущение их рукотворности (рис. 200). Такие же особенности свойственны и для традиционной долбленой утвари Литвы, Восточной Украины, Русского Севера, т.е. тех регионов, где в силу ряда причин дольше сохранялись древние традиционные формы.

Некоторые изделия, прежде всего орудия труда, связанные с обработкой льна, украшались декоративной резьбой. Главенствующее место занимала традиционная для всех славян и других народов Европы трехгранно-выемчатая резьба геометрического характера. Однако бытовала она в Белоруссии не столь широко, как, например, на Русском Севере, а лишь на юго-западе, где можно отметить массовое декорирование прялок-дощечек (рис. 201). Композиция их декора общеславянская: в центре – круг-розетка, древний символ Солица, вокруг – розетки поменьше, обозначающие движение светила по небосводу, или же ромбический орнамент – символ засеянного поля. Резные участки чередуются с гладкой нетронутой поверхностью, естественная красота структуры дерева гармонически сочетается с мелким нарезанным узором.

Логика и функциональность форм отличает также образцы гончарной посуды, изготовление которой было распространенным промыслом. Художественный облик ее создавался за счет пластичности и отточенности форм, ярко выявленных и подчеркнутых природных свойств материала, живописными потеками разноцветной глазури (рис. 202). Сложные формы и яркая роспись для традиционного белорусского народного гончарства нехарактерны. Прямые или волнистые пояски, нанесенные ангобом белого или коричневого цвета на плечики кувшинов и кринок, на дно и стенки мисок, лишь подчеркивают их простые конструктивные формы (рис. 203).

Этими же качествами отличается и глиняная игрушка, изготовление которой не имело характера самостоятельного промысла и обычно сосуществовало гончарству. Формы ее предельно обобщены и компактны, некоторое колористическое разнообразие, как и у посуды, достигается лишь сплошным однотонным глазурованием зеленой, коричневой или бесцветной поливой. Стилистика ее за многие столетия бытования изменилась мало, еще и до последнего времени многие

Рис. 200. Ковшики. Дерево, долбление, резьба. Концы XIX в. Восточная Белоруссия

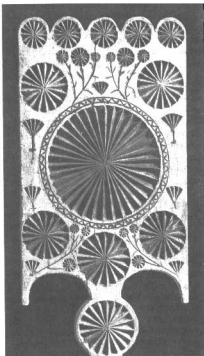

Рис. 201. Прядка-дощечка. Дерево, резьба. 1937 г. Д. Жиличи Брестской обл.

Рис. 202. Глиняная чайная посуда. Конец XIX—начало XX в. Д. Городное Сталинского р-на Брестской обл.

Рис. 203. Гончарная посуда. Глина, точение, лощение, ангобная роспись. 1930-е годы. Западное Полесье

Рис. 204. Игрушка "Всадник". Глина, лепка. Начало XX в. Могилевская обл.

Рис. 205. Горшок, кувшин и спарыш, Глина, точение, черное лощение. 1979 г. Г. Пружаны Брестской обл.

Работа А. Токаревского

мастера лепили игрушку, формами напоминающую археологические находки (рис. 204).

Некоторое разнообразие в декоративном отношении придавали гончарным изделиям особенности технологии производства, многие древнейшие виды которой сохранились в Белоруссии до наших дней. Колоритно выглядит архаическая обварная закаленная ("рабая", "гартаваная") керамика (см. рис. 89, б), еще не так давно характерная практически для всех сельских гончарных центров Белоруссии (за исключением Полесья).

Ее художественный облик получался еще более впечатляющим, если древняя технология обработки сочеталась с таким же древним способом ее производства – ручной лепкой. Массивные, слегка асимметричные формы в сочетании с рябым пятнистым декором придают керамике особо суровый и колоритный характер.

Изысканностью форм, совершенством декора отличается чернолощечная посуда (рис. 205), известная также в центральной России, Польше, на западе Украины, в Румынии, Словакии. Наиболее компактный регион ее распространения образуют несколько гончарных центров юго-запада Беларуси (Пружаны, Ружаны,

Порозово, Погост-Загородский) и смежной территории Польши (Белостокское воеводство). Совершенные формы кувшинов, "глязов", горшков, спарышей, макитр (см. раздел "Промыслы и ремёсла"), в основе которых лежат шар, цилиндр, конус, подчеркнуты характерным геометрическим декором в виде полосок, сетки, елочки, серебристо мерцающим на матово-черном фоне изделий.

Высокую культуру ремесла представляет и белоглиняная керамика с ангобной росписью красно-коричневого цвета, регион распространения которой занимал Припятское Полесье и Среднее Поднепровье. На территории Беларуси она представлена лишь одним центром (д. Городная Брестской обл.), зато, пожалуй, лучшими ее образцами. Крупные округлые формы "бунк", "гленчюков", горшков украшены поясами ("шнурочкамі", "рубешкамі") из красной глины ("апіскі"). Этот древний технологичный декор выразительно читается на кремово-белом фоне, удачно дополняя отработанную пластику изделий.

Традиционным, типично народным промыслом было плетение из природных материалов: соломы, лозы, корня, лыка, дуба и пр. Своими художественными достоинствами в первую очередь обращают на себя внимание изделия из соломы. Посуда крупных форм – "кублы", "гарницы", "каробкі", "свясенькі", "шыяны", – хотя предназначалась для конкретных хозяйственных целей (хранения зерна, муки), красива пластичными, выразительными формами и своеобразным орнаментом из коричневых строчек лозы или орешника на золотистых жгутах соломы. Однако наилучшим образом возможности этих простых и широкодоступных материалов проявились в изделиях декоративного характера. Из соломы плели шкатулки, коробки, ларцы, украшенные традиционной граненой плетенкой и выпуклыми ромбическими вставками. К потолку в красном углу подвешивали паука ("павук") – своеобразную кристаллическую конструкцию из соломинок, известную также в Польше, у народов Прибалтики, Скандинавии и др. В технике аппликации соломой по дереву украшали сундучки, рамки, солонки.

Вершина мастерства белорусских соломоплетельщиков – соломенные церковные иконостасы. До наших дней сохранились только их фрагменты – несколько царских врат начала XIX в. из сельских церквочек Западного Полесья (рис. 206). Использование соломы для решения монументально-декоративных задач – уникальное явление в искусстве. Характерно, что композиция врат лишь в общих чертах повторяет каноническую, выявляя свойственные только этому виду народного искусства особенности. Изготовленные из обычного широкодоступного материала, такие врата в скромных интерьерах деревянных сельских храмов выглядели не хуже позолоченных.

Изысканность и деликатность колористики и орнамента свойственны тканым изделиям, среди которых выделяются полотенца ("ручнікі") и скатерти ("абрусы", "настоільнікі"), с давних времён выполнявшие в народном быту славян, в том числе и белорусов, не только утилитарно-декоративные, но и важные обрядовые функции. Традиционная колористика этих изделий создавалась сочетанием отбеленных и неотбеленных ("суравых") льняных нитей основы и утка, образующих деликатный серебристый бело-серый рисунок геометрического характера (рис. 207, 208). Кроме того, декоративные и обрядовые рушники украшались тканым или вышитым орнаментом красного цвета, иногда с небольшим добавлением черного (рис. 209, 210). Преобладали древние геометрические (главным образом ромбические) мотивы, встречались стилизованные растительные ("дрэва жыцця"), зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные символического характера. Традиционные виды белорусской народной вышивки – набор ("нацяг", "завалакание"), счетная гладь. На Поозерье встречались древние двусторонние швы, на Поднепровье – перевить, с конца XIX в. распространение получила вышивка крестиком, а с начала XX в., главным обра-

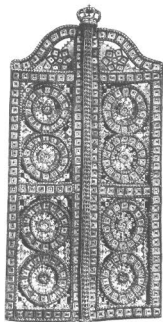

Рис. 206. Царские врата. Солома, плетение. Начало XIX в. Д. Лемешевичи Брестской обл.

Рис. 207. Рушник. Лен, хлопок, ручное ткачество, кружевоплетение. 1960-е годы. Д. Путняки Минской обл.

Работа М. Ярмол

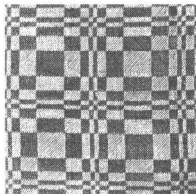

Рис. 208. Покрывало. Лен, ручное ткачество. Конец XIX в. Гродненская обл.

Рис. 209. Рушник. Лен, ручное ткачество, вязание крючком. Начало XX в. Д. Староселье Гомельской обл.

Рис. 210. Рушник. Лен, хлопок, ручное ткачество, вышивка, вязание крючком. 1960 г. Д. Глядовичи Минской обл.

Работа В. Русаконич

зом в Полесье, и полихромная глады (рис. 211), в чем можно усмотреть влияние украинского народного искусства с его более яркой расцветкой и преобладанием растительных мотивов.

Кроме тканых, некоторое распространение в народном быту белорусов имели и набивные ткани. Набоечный промысел, который был преимущественно городским ремеслом, преобладал на северо-востоке Белоруссии, sporadически встречался и в других регионах, однако занимал в народном быту сравнительно скромное место, так как крестьяне предпочитали традиционные тканые и вышитые изделия. Стилистика и характер белорусской набойки мало чем отличались от русской или украинской, разве

что узоры ее больше тяготели к геометрической четкости и сдержанности, избегая откровенно декоративных мотивов растительного характера (рис. 212). Такой же

Рис. 211. Интерьер жилища середины XX в. Д. Рухово Минской обл.

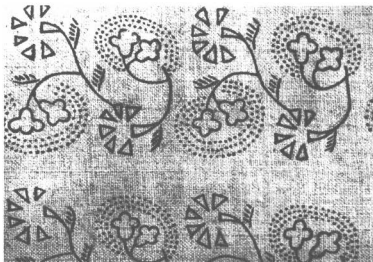

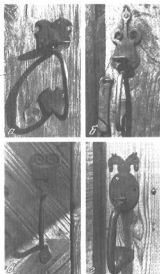
Рис. 212. Набойка. Лен, оттиск с доски. XIX в. Витебская обл.

Рис. 213. Щеколды. Металл, ковка. Начало XX в.

а – д. Залужье Минской обл., б – д. Буразь Гомельской обл., в – д. Староселье Могилевской обл., г – д. Колодное Брестской обл.

сдержанностью отличалась и колористика: белый узор на синем фоне или синий – на белом.

В сравнении с резьбой по дереву, плетением, ткачеством, керамикой народная художественная ковка занимает более скромное место, так как металл, даже обычное железо, в традиционном крестьянском быту белорусов был не столь доступен, как дерево, лен, солома или глина. С конца XIX в. художественно выкованные изделия начинают встречаться в экстерьере и интерьере народного жилища, в оформлении мебели и транспортных средств. Фигурно выковывали дверные петли ("завесы"), щеколды ("клямки") (рис. 213), кресты на купола и шпильки культовых построек, разные конструктивные детали выездного транспорта. Основной вид декора изделий – винтообразное скручивание граненых стержней (торширование), фигурная обработка краев металлических лент, которыми обивали мебель, насечка зубилом или простейшими штампами несложных узоров на поверхности изделий: точек, зигзагов, крестиков. Такими же особенностями отличаются кованые изделия и других соседних народов.

Чисто изобразительные виды для белорусского искусства мало характерны. Среди них можно назвать разве что деревянную скульптуру, особенно распространенную на западе Белоруссии и по характеру аналогичную литовской, польской, чешской и др. Если в декоративно-прикладных видах белорусского народного искусства религиозная тематика не получила отражения, то в скульптуре она была господствующей (за исключением разве что народной деревянной игрушки, которую также можно считать своеобразным видом деревянной скульптуры). Однако нужно отметить, что религиозная тематика была лишь формой, а не содержанием народной деревянной скульптуры. По-народному наивно, непосредственно, искренне мастера-резчики передавали близкие и понятные им состояния печали, страданий, скорби (рис. 214).

Усиление изобразительной стороны белорусского народного искусства, повышение его декоративности наблюдаются с конца XIX в. в связи с развитием капитализма и связанными с ним социально-экономическими изменениями в традиционном народном быту. Улучшались планировка, оснащение и обиходный вид народного жилища, а выделение "чистой" половины в хате ("святліцы") вызвало необходимость определенным образом ее украсить. В интерьере появились декоративные ткани, вышивка, вязание, кружевоплетение, фигурная керамика и т.д. С ними органически сочетаются и новые виды народного искусства, как, например, вырезки из бумаги ("выцінанкі", "выразанкі") (рис. 215), а также росписи по дереву, ткани, стеклу.

До конца XIX в. в белорусском народном быту роспись широкого применения не находила, в отличие, скажем, от Украины, где глинобитные беленые стены были прекрасной изобразительной плоскостью. К глубоко традиционным и распространенным видам росписи можно отнести лишь декорированные пасхальные яйца ("пісанкі", "крашанкі"), еще с языческих времен связанные с весенними аграрными праздниками и известные всем славянским и некоторым другим народам (литовцам, венграм). Общеславянские истоки и одинаковая технология (нанесение воскового узора с помощью булавки или специальной жестяной воронки) объясняют общность композиции декора и характера мотивов писанок практически на всей территории расселения славян. Однако белорусские писанки отличаются сдержанным колоритом, обычно монохромным – белый узор на красном или черно-коричневом фоне (рис. 216). Декор крупный и выразительный: многолучевые "солнышки", цепочки, восьмиугольные розетки ("ружы"), стилизованные орноморфные изображения (например, курица). В этом отношении белорусские писанки выявляют ближайшие аналогии с изделиями смежных территорий Литвы, Польши, Украинского Полесья.

Если декор писанок имел древний символический характер, то распространение в интерьере белорусского народного жилища конца XIX в. других видов росписи связано с решением чисто декоративных задач. В первую очередь роспись украсила сундуки ("куфры", "скрыні") – мебель, связанную с традиционными свадебными обрядами и поэтому пользовавшуюся особым вниманием мастеров. В конце XIX в. под влиянием западноевропейских образцов куфры пришли на смену традиционным долбленным или бондарным "кублам" и вскоре окончательно вытеснили их, заняв в интерьере народного жилища почетное место. В некоторых регионах Белоруссии (Пинское Полесье) они бытовали и до середины XX в. Изготовление куфров зачастую имело характер широко развитого промысла.

На Понеманье (как и в юго-восточной Литве, на Подлясье в Польше) господствующим способом декорирования куфров было штампование ("цацкаванне"). На окрашенную в синий или вишневый цвет поверхность куфра штампиками из картофелины или репы наносили цепочки узора из крестиков, звездочек, листьев, цветков. Мелкоузорные полосы окаймляли металлическую оковку или обра-

Рис. 214. Христос перед Пилатом. Дерево, резьба. Начало XX в. Витебская обл.

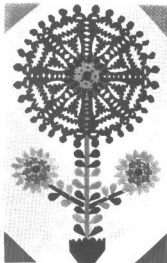
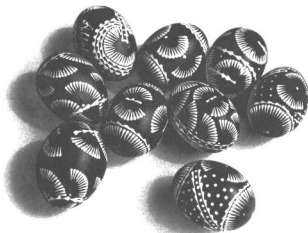

Рис. 215. Вырезка из бумаги, аппликация. 1920-е годы. Гродненская обл.

*Рис. 216. Писанки. Куриные яйца, восковая роспись, окрашивание. 1982 г.
Д. Голынка Гродненской обл.
Работа Я. Пушкевич*

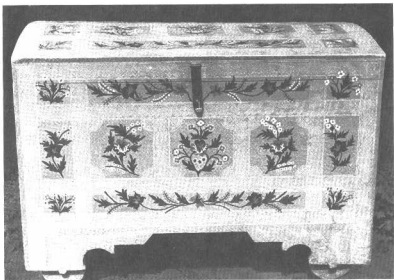

Рис. 217. Сундук. Дерево, роспись. 1950-е годы. Д. Кремно Брестской обл.

зовывали круги и зигзаги на свободных площадях. Однако уже в начале XX в. штампование уступило место "фляндровке", имитирующей цвет и фактуру дорогих пород древесины. Во многих случаях она вырабатывала собственные декоративно-художественные приемы и не воспринималась как имитация. Фляндровкой украшали и другие виды мебели: шкафы, комоды, посудники.

В Брестском Полесье в 20–50-е годы была распространена свободная кистевая роспись. Зеленое (д. Огово Ивановского района) или голубое (деревни Кремно, Завершье Дрогичинского района) поле куфра волнистыми полосами фляндровки расчерчивали на квадраты и прямоугольники, в которые компоновали плоскостно решенные цветочные мотивы (рис. 217).

В аналогичном стиле расписывались картинки на стекле, и особенно декоративные настенные ковры ("дываны"). Наиболее интересные образцы последних встречаются в Поозерье – в Докшицком, Глубокском, Поставском, Миорском районах Витебской области. Характером декора и композиции расписные ковры напоминают тканые, и особенно вышитые, традиционно бытующие в Понеманье и Поозерье, но технически более трудоемкие. Роспись выполняли масляными или клеевыми красками на куске льняного полотна, окрашенного в черный цвет. Композиция таких ковров обычно представляет букет цветов в вазе или корзине, окаймленной цветочной гирляндой (рис. 218). Часто в композицию включались изображения ласточек, голубей, павлинов, кукушек, а также инициалы авторов или заказчиков. Для нанесения основных деталей рисунка иногда пользовались трафаретом, светотеневую проработку и более детальную отделку выполняли от руки. Некоторые региональные отличия зависели не столько от местных традиций, сколько от особенностей росписи и творческой манеры мастеров. Так, росписи клеевыми красками давали чистые, локальные цвета без полутонов и переходов, масляные краски позволяли детальнее прорабатывать рисунок. В целом этот вид

Рис. 218. Ковер. Холст, роспись, 1987 г. Д. Бобруйщина Витебской обл.

Работа Ф. Суховилы

росписи (если не считать явно антихудожественную базарную продукцию) по характеру и стилистике близок другим, более традиционным видам белорусского народного искусства.

В конце XIX–начале XX в. своего расцвета достигает декор народной одежды, особенно праздничной женской, сочетавшей разные виды народного искусства – ткачество, вышивку, кружевоплетение, аппликацию, набойку, – в которых преобладал традиционный геометрический или стилизованный растительный узор символического красного (с добавлением черного) цвета. В южных регионах Белоруссии традиционный костюм, который бытовал еще и в середине XX в., не избежал влияния полихромии, в том числе и вышивки многоцветной произвольной гладью, получившей распространение в 1920–1950-е годы (рис. 219).

Изменения в характере народного жилища, влияние города, межэтнические контакты вызвали развитие архитектурного декора. У белорусов, как и у западных соседей, прежде он был нетипичным, если не считать некоторые конструктивно-декоративные элементы, как, например, конек ("вільчак"), известный в народном искусстве почти всей Европы и в древности (рис. 220), несомненно, выполнявший роль оберега. В результате увеличения размеров окон изменились наличники, их стали украшать пропиловкой, накладными элементами геометрического характера и т.д. (рис. 221). Замена бревенчатого фронтона ("закота") дощатым открыла возможность для его декорирования фигурной обшивкой. Самобытностью отличается декор фронтонов Припятского Полесья с широким включением солярной орнаментики (рис. 222). Пропиловкой геометрического, растительного, зооморфного характера стали украшать отдельные детали крыши домов, особенно разнообразные и декоративные на Поднепровье, где заметнее сказалось влияние русской архитектурной резьбы. В последние десятилетия эти виды декора дополнились новыми. Почти повсеместно бытуют фигурная обшивка стен и полихромная их

*Рис. 219. Женщины в традиционной одежде с вышивкой.
Середина XX в. Д. Букча Гомельской обл.*

Рис. 220. Конек. Дерево, резьба. 1930-е годы Д. Иодчицы Минской обл.

Рис. 221. Наличник. Дерево, резьба. 1920-е годы. Д. Хлебы Брестской обл.

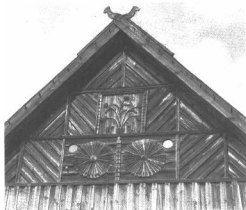

Рис. 222. Фронтон. Дерево, резьба. 1944 г. Д. Олышаны Брестской обл.

Рис. 223. Водосток. Жесть, просечка. 1980-е годы. Д. Олышаны Брестской обл.

окраска. Распространение в деревенном строительстве из современных материалов вызывает развитие соответствующих видов декора: просечки по жести, которой украшают водостоки (Пинское Полесье) (рис. 223), металлические ажурные ограды, ворота, калитки и т.д.

Заметно изменился характер и других видов народного искусства. Многие традиционные утилитарные изделия ушли из быта, народное декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы стали терять свою практическую основу. Поэтому сегодня продолжают развитие те их виды, у которых сильнее выражена декоративная, изобразительная сторона. Изделия народных мастеров используются главным образом как произведения искусства, зачастую рассчитанные на городского потребителя с его ностальгией по рукотворности. Такие изменения в функциях народного искусства не могли не оказать влияния на его формальную сторону. Усложняются формы и декор изделий, обогащается цветовая гамма, применяются новые методы и приемы обработки материалов.

Эти тенденции наглядно иллюстрирует соломоплетение – один из наиболее популярных видов современного народного искусства Беларуси. Соломенная утварь чисто утилитарного назначения стала достоянием музейных коллекций, хотя кое-где еще используется по прямому назначению, но плести ее перестали уже давно. Одновременно на протяжении двух-трех последних десятилетий приобрели популярность декоративные изделия из соломы – как утилитарно-декоративного назначения (шкатулки, корзинки, подносы, конфетницы и пр.), так и чисто декоративные: фигурки людей, птиц, животных (рис. 224) и даже целые композиции на фольклорные, литературные, бытовые темы. Когда-то массовое, а значит, безымянное, сегодня соломоплетение, как и многие другие виды современного народного искусства, стало уделом отдельных, наиболее умелых мастеров, среди которых – Л. Гловацкая, Т. Агафоненко, Л. Лось (Минск), Е. и Г. Соломянко (Барановичи) и др. В их руках такой прозаический материал, как солома, открывает необыкновенные декоративные возможности. Этот феномен, получивший энциклопедическое название «белорусская соломка», наиболее ярко иллюстрирует

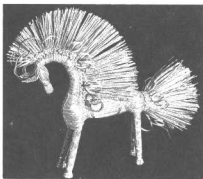

Рис. 224. Конь-огонь. Солома, плетение. 1977 г. Минск.

Работа Л. Гаюзяк

изменения в характере современного народного искусства, его стремление к открытой декоративности.

На уровне государственного промысла развивается сегодня аппликация соломой по дереву, продолжающая традиции украшения соломенными узорами деревянных солонок, рамок, сундучков и пр. Еще и сегодня в некоторых районах Минщины (Любанский, Стародорожский) продолжают выклеивать пролихромными

соломенными узорами большие настенные ковры (рис. 225). Местные народные мастера М. и В. Дехтяренко в 1955 г. основали в г. Жлобине цех аппликации соломой по дереву, где стали изготавливать сувенирные шкатулки и сундучки (рис. 226). Спрос на эту продукцию цеха возрастал, что послужило основанием для организации на базе цеха фабрики художественной инкрустации (1961 г.). Украшенные золотистыми и полихромными соломенными узорами шкатулки, коробочки, сундучки, панно работы жлобинских мастеров пользуются спросом не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Аналогичные процессы характерны и для художественной обработки дерева. Декоративная резьба стала редким явлением, как и деревянные предметы быта, которые ею украшались. В то же время развивается скульптурная резьба станкового характера. Религиозная тематика, когда-то доминирующая в народной скульптуре, уступила место изображению бытовых, фольклорных, исторических тем. Правда, значительная часть современных резчиков-скульпторов, особенно молодежи, – типично самостоятельные художники, зачастую подражающие приемам и методам профессионального искусства. Однако есть среди них и мастера самобытного плана, с собственным почерком и мировосприятием: А. Пупко (пос. Ивснец Минской обл.), М. Рышкевич (д. Бешенки Гродненской обл.), В. Ольшевский (Минск), И. Супрунчик (д. Теребличы Брестской обл.) (рис. 227) и др. Естественная преемственность традиций, типично народные приемы и методы работы позволяют отнести творчество этих мастеров к современному народному искусству.

По-прежнему одно из ведущих мест в народном искусстве Беларуси занимает ткачество. В первые послереволюционные и послевоенные годы, в связи с недостатком промышленных изделий ткачество продолжало обеспечивать практические, а заодно и художественные потребности населения. Затем, по мере насыщения рынка фабричной продукцией, масштабы его заметно сократились. Лишь некоторые сельские мастерицы изредка ткали по традиции или для выставок. Однако рост интереса к народному искусству, характерный для последнего времени, заметно оживил традиционное ремесло. Многие ткачихи опять начинают вспоминать почти забытые навыки ткачества. Самотканые изделия активно включаются в современный интерьер, в первую очередь городской, противостоят процессу его унификации и стандартизации.

Естественно, такое откровенно декоративное назначение современных тканых изделий не могло не повлиять на характер их композиции, колористики, рисунка. Традиционная сдержанная двух-трехцветная гамма и преимущественно геомет-

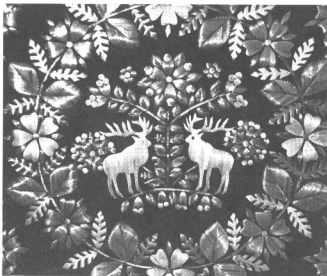

Рис. 225. Ковер. Холст, солома, аппликация. 1980-е годы. Д. Рухово Минской обл.
Работа К. Русаконич

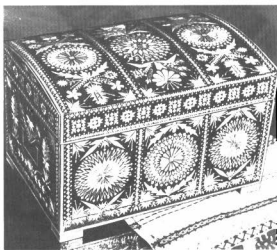

Рис. 226. Сундучок. Дерево, солома, аппликация. 1975 г.
Г. Жлобин Гомельской обл.
Работа М. Дэктыренко

Рис. 227. Святая. Дерево, резьба, полихромия.
1984 г. Д. Теребличи Брестской обл.
Работа И. Супрунчика

бордовыми, коричневыми. Для изделий Восточного Полесья и Поднепровья характерен крупный орнамент из шести-восьми фигур геометрического или растительного характера в окружении мелкоузорной каймы. Насыщенный колорит узора эффектно выделяется на глубоко черном фоне (рис. 228).

Если такие изделия, пользующиеся растущим спросом, продолжают ткать в традиционной народной среде, то производство рушников подарочного и сувенирного характера налажено главным образом в виде государственных промыслов. В традиционных центрах ткачества ближайшие фабрики художественных изделий организовали бригады ткачих-надомниц, взяв на себя проблемы снабжения их сырьем и сбыта готовых изделий. В д. Мокраны (Минская обл.) ткут традиционные для Слуцко-Копыльского региона бело-серые рушники, скатерти, салфетки. Изделия из д. Мотоль (Брестская обл.) отличаются благородным серебристо-серым колоритом с деликатными красными полосками вдоль и поперек ткани, а в последние годы – еще и с полихромной вышивкой по концам (рис. 229). В д. Неглюбка (Гомельская обл.) ткут характерные для Поднепровья рушники с насыщенным крупным орнаментом вишнево-черного цвета. К сожалению, общий для государственных художественных промыслов недостаток – отсутствие качественного традиционного сырья – снижает художественный уровень тканых изделий, лишает их подлинно народного характера.

Иные проблемы свойственны гончарству. Насыщение рынка дешевой посудой промышленного производства привело гончарный промысел к упадку. Определенную роль в этом процессе сыграла также непродуманная в отношении кустарей финансовая политика 1950-х годов. Сегодня в некоторых гончарных центрах (д. Городная, пос. Ружаны Брестской обл., пос. Порозово Гродненской обл., д. Ляды Витебской обл. и др.) работают лишь отдельные гончары, удовлетворяющие потребности рынка или заказы любителей и музеев, но ассортимент их продукции сузился, формы посуды измельчали, нередко утратив прежнюю отточенность и

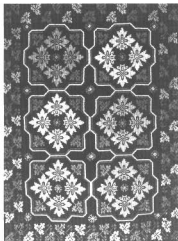

Рис. 228. Ковер. Лен, шерсть, ручное ткачество. 1975 г. Д. Мышанка Гомельской обл.

Работа В. Вараксич

Рис. 229. Рушник. Лен, хлопок, вышивка, ручное ткачество, вязание крючком. 1950-е годы. С. Мотоль Брестской обл.

совершенство. Однако определенные меры по поддержанию художественных промыслов, рост интереса к народному искусству дают свои результаты. Гончарством, в том числе и глиняной игрушкой, в последнее время начинает заниматься и молодежь, его образцы все чаще можно видеть на выставках, базарах, ярмарках, праздниках и т.д.

Насыщение современного интерьера стандартными промышленными изделиями вызывает все более заметный интерес к неповторимым, своеобразным, рукотворным произведениям традиционного народного искусства, которые вносят в наш унифицированный быт теплоту, характерный национальный колорит. Кроме того, изделия современных народных мастеров – оригинальные, национально своеобразные сувениры, пользующиеся широким спросом как в республике, так и за ее пределами. Поэтому народное искусство – не только достояние прошлого, но и живое явление наших дней. Одни его виды ушли в прошлое, другие видоизменились в соответствии с современными потребностями, удовлетворяя духовные запросы как самих создателей, так и его потребителей, внося заметный вклад в развитие национальной культуры Республики Беларусь.

НАРОДНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ВЕРОВАНИЯ

ВЗГЛЯДЫ НА МИР И ПРИРОДУ

В религиозных верованиях белорусов длительное время сохранялись древние мировоззренческие представления, которые прослеживаются во взглядах на мир, природу, во взаимоотношениях человека с природой. В воззрениях белорусских крестьян на природу особо почиталось солнце: солнце – это “цар неба”, “божае вогнішча” (бог огня). На солнце, как на божество, нельзя было злиться, совершать по отношению к нему непристойное. Позднее культ солнца во многом слился с культом христианского Бога. Солнце выступало активным положительным началом по отношению к человеку: к нему обращались с просьбой о здоровье и благополучии. Пережитки солярного культа наблюдаются в праздновании Купалы (“Купалля”), Рождества (“Каляд”), Нового года.

В космологических верованиях белорусов большое место отводилось и луне, которая с солнцем, словно родственники, друг другу помогают, солнце светит днем, а луна – ночью.

Если месяц в традиционных народных представлениях – “брат солнца”, то звезды – “дети солнца”. С ними связывали судьбы людей, веру в счастливую звезду – “планету”.

Люди верили, что на небе обитает Бог грома и молнии – Перун. К нему обращались с разными просьбами – не губить людей, не повредить жилище и т.д. Во время грозы в доме на привлекке жгли купальские (освященные в церкви) “зёлки” (травки), и произносили слова молитвы.

Множество верований было связано с вихрем. Считалось, что вихрь – это демонологическое явление, отождествляли его с чертом.

Почитались также земля, вода, хлеб и огонь. Крестьяне называли землю “кормилицей”, “богатой”, “матерью”. Представляли, что она слышит, когда к ней обращаются, чувствует боль. Например, до Благовещения (25 марта) нельзя было ее трогать – вбивать в землю колья, городить забор, бить по ней палкой, ибо она – “мать родная”, вынашивает свой плод – урожай. Землю клялись во время сложных жизненных ситуаций. Отношение к земле отразилось в земледельческих обрядах. Например, когда выходили сеять зерновые, сажать картофель, в землю закапывали освященное яйцо или остатки от пасхальных яств, просвиру (жертвоприношение земле).

Воду белорусы называли “живой”, целительной, святой, “божьей благодатью” и т.п. Использовали ее в сельскохозяйственной, лечебной, колдовской, военной магии. В особенности почиталась вода родников (“крыніц”). Реки, родники, озера относили к числу обожествляемых сил природы. К родникам – “святым прощам” – нередко приносили пожертвования: бросали на дно деньги, а вокруг – полотно, лен, вышитые полотенца, которые потом передавались местному духовенству.

С большим уважением относились белорусы к хлебу. Хлеб – кормилец, он считался домашним покровителем: с ним шли на новоселье, к новорожденному, на

свадьбу. Верили, что хлеб может отвергнуть, отворотить град, огонь и другие стихийные бедствия.

В верованиях белорусских крестьян, как и у других славянских народов, особое место занимал огонь – "гаспадар дома". Считалось, что огонь обладал очистительной и оплодотворяющей силой. Особенно почитался огонь "чистый", или "живой", т.е. добытый путем трения сухого куска дерева о другой кусок. Его использовали в исключительных случаях: им обносили скот во время "мора", прыгали через огонь в купальскую ночь парами или в одиночку.

В верованиях белорусов прослеживаются также анимистические представления: это целая система взглядов на душу, загробную жизнь, а также на всевозможные сверхъестественные существа, олицетворяющие природу, стихийные силы и сферы человеческой деятельности. Так, существовало поверье, что во время сна душа человека может покидать его тело, общаться с другими душами. Вне человека душа якобы может быть в облике голубя, ласточки, воробья, мотылька и т.п.

Вера в существование души была неотделима от верований в демонологических существ – домовых, леших, русалок. Домовой, в представлении белорусского крестьянина, находился в каждом доме (под печкой, на чердаке, в сарае), он олицетворялся в образе человека-невидимки, мог вредить или благоприятствовать дому, следить за хозяйством, предупреждать о несчастьях и требовал уважения к себе. С домовым здоровались, когда входили в хату, в сарай, а на Пасху приносили ему "освященного" угощения и просили разговеться, приглашали на новое место жительства при переходе в новый дом, переездах и т.д. К нечистым духам относились "лясун" – леший, живущий в лесу или на болоте, "вадзянік", живущий в воде, "палявік", межник, обитающий в поле, на меже.

Лешего представляли в одних местах в образе высокого деда с длинной бородой, в других – маленького дедка, обросшего мохом. Он наделялся положительными качествами: мог помочь охотнику, заблудившемуся человеку, но нередко и подшучивал над ним, заставляя ходить в лесу по кругу, заводил в болото и т.п.

Распространены были и представления о русалках. Русалки – это духи водной стихии и поля. Представления о русалках связаны со славянскими мифологическими верованиями в добрых и злых духов воды и плодородия. Этиология их различна. В одних местах (восточная часть Белоруссии) – это якобы души детей, погибших от неосторожности матерей, в других (южные районы Белоруссии) русалки – это девушки, умершие перед свадьбой или случайно утонувшие.

В представлениях белорусов – русалки смирные, доброжелательные красивые девушки, полунагие, с длинными волосами, в лунные ночи они любят плескаться в воде, кружиться на полянах, завлекать прохожих. Нередко русалки ходили во ржи в период ее цветения, они якобы оберегали рожь от заломов или "закруток".

Существовали представления, что русалки, живущие в лесу, в рощах, качались на деревьях, звали людей для развлечения. В настоящее время русальную неделю отмечают редко, ибо о русалках стали забывать. Игры и хороводы молодежи у воды носят чисто развлекательный характер, исполняют их обычно в купальскую ночь.

Демоническим образом у белорусов был черт ("чорт", "ліхі", "нячысіцкі"). Различали чертей болотных, водяных. Считалось, что постоянным местом их обитания был ад.

Представления белорусов о родстве человека с животными, близости животных к людям (разговаривают, понимают человеческую речь) породили веру в "оборотней". Наиболее известным был образ "ваўкалакаў". В воззрениях белорусов это существо мученическое. Это – люди, даже целые свадебные

кортежи, превращенные в волков на определенное время при соответствующих обстоятельствах.

Широкое распространение имела вера в колдовство, т.е. вера в то, что есть люди, которые могут принести несчастье другому человеку или животным. Считали, что посредством колдовства можно вызвать хронические, переходящие или смертные болезни, падеж скота, гибель урожая и т.д. Колдунами обычно считали людей замкнутых, ведущих уединенный образ жизни. Часто странности в одежде, походе, внешние уродства служили поводом для обвинения человека в колдовстве. Верили, что можно причинить человеку зло и посредством дурного глаза, т.е. "сглаза". Хотя нередко функции колдуна сочетались с функциями знахаря-врачевателя, однако между ними, согласно народным верованиям, были и различия. Существовало представление, что колдун прежде всего – человек, который znalся с нечистой силой, т.е. продавал черту душу. В быту их обычно называли "ведьмарами", "ведьмаками", "ведьмами".

Бытовали также поверья, что закрукта, или "залом" на ниве может принести несчастье для семейства или отдельного человека. Вырвать заломку приглашали знахаря, реже – священника. В отличие от колдуна знахарь не отрекался от Бога. Подтверждением тому служили молитвы, кресты, святая вода, применявшиеся знахарями в практике в сочетании с еще более древними приемами магии. С принятием христианства в текст языческих заговоров были внесены слова из христианских молитв. Однако молитвенная форма не изменила языческого содержания заговоров.

В традиционных воззрениях белорусов на природу ясно прослеживаются элементы стихийного народного материализма. Ограниченность познания создавала почву для иллюзорного приобретения исторического опыта, в представлениях крестьян-белорусов появлялось больше рационального. Вместе с тем традиционные представления белорусов полностью не вытеснялись, а сосуществовали с вновь полученными знаниями.

Белорусы умели ориентироваться на местности по солнцу и звездам, могли прогнозировать погоду на ближайшее время, но они не могли понять причин изменений в природе, так как на ценные эмпирические результаты тысячелетних наблюдений наслаивались мифологические представления, связанные с верой в духов, сверхъестественных существ.

Так что на территории Белоруссии долгое время религиозные верования существовали в форме язычества.

В конце X в. на белорусских землях, как и на всей Древней Руси, стало распространяться христианство. Введение христианства на Русь имело в целом прогрессивное значение, ибо оно способствовало развитию духовности, письменности, каменного зодчества, церковной живописи и пр.

На территории Белоруссии существуют две разновидности христианства – православие и католицизм.

Распространение католицизма началось после Крестовой унии (1386 г.), когда Литовский князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал королем польским под именем – Владислав II. Он не только принял католическую веру, но и всячески способствовал усилению католицизма на территории Великого княжества Литовского, а распространение католицизма более интенсивно проводилось во времена Речи Посполитой.

Согласно Брестской унии (1596 г.), православная церковь на территории Белоруссии и Украины была вынуждена признать главенство католической церкви и римского папы. Однако, чтобы не вызвать массовые народные волнения, богослужение в церквях проводилось на белорусском языке, сохранились также все даты православного календаря.

Несмотря на сопротивление части православного духовенства, верхушка церковных и светских феодалов с целью укрепления своих сословных привилегий поддержала унию (митрополит Киевский, епископы Брестский, Луцкий и Пинский).

Ликвидация унии на территории Белоруссии произошла после присоединения к России и была утверждена Полоцким собором в 1839 г.

В начале XIX в. в Белоруссии действовали 2466 различных религиозных объединений, из них 1650 православных, 657 иудейских, 127 католических, 32 общины протестантов различных толков (НАРБ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14. Л. 32).

В 20–30-е годы XX в. на территории Брестчины были созданы десятки общин свидетелей Иеговы, “зеленосвентковцев” (пятидесятников), баптистов, евангелистов и других сектантских организаций.

В годы Великой Отечественной войны количество их значительно увеличилось. Трудные послевоенные годы, насильственная коллективизация населения Западной Белоруссии в 1940-х – начале 1950-х годов способствовали еще большему распространению сектантских общин на территории Брестчины, затем они начали просачиваться в Гомельскую, Могилевскую и Минскую области.

Ликвидация православных и католических храмов в 1950–1960-е годы привела к еще большему распространению сектантства. На территории Белоруссии имеются 674 протестантские общины: евангельские христиане-баптисты (192 общины); христиане веры евангельской (332); христиане веры апостольской (8); адвентисты седьмого дня (37) и др. (сведения Совета по делам религий при Совете Министров СССР по БССР, в настоящее время это – Комитет по делам религий и национальностей Республики Беларусь). Активность протестантских церквей особенно возросла в последние годы в связи с изменением отношения государства к церкви и переосмыслением ее роли в нравственном воспитании людей.

Степень религиозности населения Белоруссии высокая. Правда, наиболее распространены тип верующих по традиции, а не в силу глубоких убеждений в существование Бога. Их мировоззрение представляет собой сочетание наивно-материалистических представлений с религиозно-идеалистическими. Многие белорусы безразличны к сущности религиозных догм, не придерживаются постов, не умеют молиться, однако отмечают важнейшие церковные праздники: Рождество, Пасху, Троицу и др. В эти праздники их привлекает бытовая сторона: возможность встретиться с родственниками, друзьями, побеседовать, повеселиться. Некоторые допускают существование какой-то сверхъестественной силы, но не обязательно связывают ее с Богом. Они убеждены, что религия способствует поддержанию нравственных устоев общества. Это в первую очередь относится к православным. На сегодняшний день в республике имеются 967 православных храмов, 33 общины старообрядцев, Минская православная духовная семинария, которая размещена в Жировичах, 6 мужских и 6 женских монастырей.

По сведениям Комитета по делам религий и национальностей Республики Беларусь, в республике активно действует и римско-католическая церковь, которая имела в 1997 г. 389 общин. Кроме того, в 1990 г. была открыта Высшая духовная семинария в Гродно. Восстановила деятельность греко-католическая церковь (униаты), насчитывающая 11 общин. Имеются также 22 мусульманские общины, 10 иудейских. В последние годы появились общины и группы новых для Беларуси конфессий: кришнаиты (5 общин), бахаи (3 общины), а также неопротестантские объединения – Новопостольская церковь (17 общин), Церковь Христова (6), общины мессианского служения (2), мормоны (3). Большинство их находится в Минске и областных городах.

Всего в республике зарегистрировано 26 конфессий, в рамках которых функционирует более 2000 религиозных общин. В религиозных организациях

Беларуси работают около 1800 служителей культа, а том числе более 900 священников и 185 ксёндзов.

Пестрая конфессиональная структура белорусского общества является продолжением исторической традиции толерантности – мирного сосуществования представителей разных вероисповеданий. Эта традиция позволяет надеяться избежать межконфессиональных распрей. Об этом свидетельствуют и довольно тесные межконфессиональные отношения, и значительное количество общеконфессиональных организаций.

После введения закона о свободе вероисповеданий и религиозных организаций деятельность конфессий еще более оживилась, особенно протестантских и католических церквей. На церковь возложили функции нравственного воспитания людей, в первую очередь молодежи. В ряде школ преподается Закон Божий.

Политико-правовые условия и гарантии свободы совести продолжают совершенствоваться. Большую работу проводит Комитет по делам религий и национальностей при Кабинете Министров Республики Беларусь. Надо полагать, что усилия церкви и государства будут способствовать укреплению мира, стабильности и согласия граждан разных конфессий.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Миропонимание явлений природы и общественного бытия отразилось и в народных знаниях белорусов. К этим знаниям принадлежат передаваемые устно из поколения в поколение сведения, приобретенные на протяжении веков в области математики, метрологии, метеорологии, ботаники, зоологии, народной медицины и ветеринарии, ориентации в пространстве и времени.

Народная метрология. В основу народной метрологии входят единицы мер длины, площади и времени. Для измерения расстояния служили линейные меры. Они имели антропометрическое происхождение и ориентировались на способность человека бросить на определенное расстояние палку, камень, видеть отчетливо тот или иной предмет, пройти определенную часть дороги, услышать голос человека или животного ("Как палку бросить", "На рык вола", "совы" и т.п.). Данное расстояние сопоставлялось с другим, известным ("Так далеко, как до Ивановой груши").

Служили мерой длины и части тела человека: руки, ноги, ладони и т.д. Основной мерой длины был "локоть" ("локаш"). В Киевской Руси "локоть" был равен 46 см и состоял из двух пядей (Рыбаков, 1949. С. 70). На территории Великого княжества Литовского пользовались литовским локтем, равным 61,6 см. В 1766 г. такая мера была узаконена сеймом Польши как основная единица длины. Это было расстояние от грудной клетки до конца сжатого кулака вытянутой руки.

Для измерения предметов меньших размеров употреблялась "пядь". Эта мера известна со времени Киевской Руси. "Малая пядь" – расстояние от конца большого пальца до конца указательного, она равнялась 19 см, "пядь великая" – расстояние от конца большого пальца до конца мизинца, равное 22–23 см.

В употреблении были и другие линейные меры: например, "маховая сажень" – расстояние от конца пальцев двух вытянутых в стороны рук, которое составляло 177 см. Этой мерой измеряли веревки, цепи, рыбацкие сети. Землю, сенокосные угодья нередко измеряли "шагом". "Шаг" – длина среднего шага человека от пятки одной ноги до пятки другой, в среднем 75 см.

Кроме маховой сажени, со времен Киевской Руси использовалась "косая

сажень", равная 2 м 48 см, – самое большое расстояние от подошвы левой ноги до кончика среднего пальца вытянутой вверх правой руки.

В начале XV в. из Турции проникла мера длины – аршин: длина вытянутой руки от плеча до конца среднего пальца, примерно 71–72 см.

Измерения площади земли. При измерениях земли пользовались своими народными методами. Чаще всего это была площадь земли, которую можно было вспахать одной парой волов за какой-то отрезок времени, например за световой день.

Со времени реформы, введенной в 1557 г. польским королем Сигизмундом, – "Устава на волоки", – основной единицей земельной площади стала "волока". Одна волока земли имела 30 моргов, или 21,4 га.

Земельную площадь измеряли также количеством зерна, нужного для высева: "Земли на 1/2 гарнца жита", "на гарнец гароху" и т.д. Площадь сенокосов определяли количеством собранного сена, которое измеряли стогами, возами, копами.

Измерение тяжестей и жидкостей. На территории Белоруссии вплоть до Октябрьской революции почти не пользовались весами (заводскими) для взвешивания товаров или продуктов. Весы применяли только купцы в оптовой торговле, в помещичьих хозяйствах, при расчете с государством. Официальной мерой веса в основном был "пуд". В повседневной жизни крестьяне измеряли сыпучие продукты – муку, крупу, а также картофель – через объем ("мерками", мешками).

Основной единицей для измерения сыпучих тел был "гарнец", размер которого составлял 3,76 л. Его делили на 4 "кварти". Величина "гарнца" также не была постоянной. Размер "кварти" колебался в XIX в. от 0,3 до 0,9 л.

Для взвешивания товаров и продуктов употребляли самодельные весы – безмены ("бизмены"). Их изготовляли местные кузнецы, и они были почти у всех зажиточных крестьян.

Безмен имел деления на фунты. 40 фунтов составляли 1 пуд или 16 кг. 1 фунт – 400 г.

Жидкости измеряли бочками, ведрами, квартами, позднее – литрами, декалитрами. Яйца, снопы, сушеную рыбу считали копами. 1 копа – 60 штук. В ряде производственных процессов употреблялись свои меры: у пивоваров – "вар", при производстве спирта – "спуск" и т.д.

Народная математика. Ежедневно крестьянину приходилось что-то подсчитывать, определять размер участков земли и т.п. Народным мастерам-умельцам, которые строили жилища, мельницы и другие сооружения, нужны были знания элементарных основ геометрии, сопротивления материалов и другие познания.

И если крестьянские мальчики могли получить элементарные познания по арифметике, геометрии, метрологии в сельских или церковноприходских школах (где учились в первую очередь дети более зажиточных крестьян), то девочки в большинстве своем получали азы этих знаний от своих старших братьев и родителей, т.е. их обучала сама жизнь.

Следует отметить, что белорусские крестьяне, несмотря на оторванность от культурных и торговых центров, неплохо ориентировались в пространстве и вели математический учет: счет сжатых снопам, проданным на базаре продуктам, рассчитывались с налогами, определяли сроки тех или иных сельскохозяйственных работ в зависимости от календарно-аграрных праздников и погодных условий.

В основе народной математики лежат нужды практической деятельности человека, его наблюдения за явлениями природы.

Корни народных знаний в области математики и геометрии уходят вглубь веков. Археологические памятники свидетельствуют о том, что уже в IX–X вв. восточные славяне пользовались простейшими приемами, которые имели сугубо практический характер.

Уровень математических знаний крестьян на протяжении столетий постепенно пополнялся, ибо хотя и медленно, но постоянно шел обмен между городами и селами, а в городах появлялись школы и другие учреждения, не исключая кабаков, число которых на территории Белоруссии с каждым годом увеличивалось (особенно с XVI в.).

Развитие торговли, наличие помещичьих хозяйств, где уже были экононы и дворовые учетчики, в большинстве своем люди грамотные, приводило к тому, что и в крестьянскую среду проникали сведения из школьного курса математики и из других точных наук.

Народная математика белорусских крестьян имеет восточнославянское происхождение. Она основана на десятичной системе, доказательством чего является то, что при счете здесь не знали отдельных слов для десятков, а считали, например, двадцать восемь, двадцать девять, двадцать десять, а после этого "тридцать один".

Для запоминания суммы счета пользовались камешками, зернами, горохом, фасолью, бобами или единицами товара, который в это время считали. Все подсчеты делались устно. Результаты записывались на стене углем или мелом, однако такая запись была ненадежной, ее могли стереть. Чаще всего для более длительного хранения результатов счета делали зарубки на бирке. Это была палка из орешника ("лещины") или другого дерева длиной 20–25 см, диаметром 2,5–3 см. При записях как на стене, так и на бирке, пользовались определенной системой знаков (для единиц – черточки, для десятков – квадраты, для сотен – кольца и т.д.).

В повседневной жизни белорусский крестьянин редко пользовался цифрами сто и больше. Некоторые предметы считали парами: "пара лаптей", "пара сапог", "пара рукавиц". По три чаще всего считали нитки при придании и изготовлении полотна. Пятёрками и десятками считали снопы – десять снопов составляли "бабку", или "мэндлік" (в западных районах Белоруссии). В пятёрки составляли снопы овса, ячменя, льна. Десятками считали яйца, рыбу, шкурки. Так же, как и снопы, их считали еще копами.

Определенные математические познания имели сборщики налогов, управляющие помещичьими имениями, экононы, корчмари. Нередко они обманывали крестьян.

При строительстве домов, хозяйственных построек, ветряных и водяных мельниц крестьяне, кроме природной смекалки, проявляли немалые познания и умение в области народной геометрии. Они строили прочные плотины для запруд у водяных мельниц, под определенным углом умели поставить крылья ветряных мельниц, мастерили сложные механические блоки, валы с зубцами – все это требовало знаний, изобретательности, практических навыков.

Для измерения площади земли пользовались веревкой, палкой определенной длины, а чаще "саженем" – несложным приспособлением из двух длинных тонких палок, скрепленных поперечной – в виде заглавной буквы "А". Длина сажена – 2 м. С его помощью не только измеряли длину, но и вычисляли площадь участка земли, для чего длину умножали на ширину (площадь прямоугольника). Сложнее было определить размер площади неправильного четырехугольника. Площадь неправильной формы, подобную эллипсу или кругу, подсчитывали, разбивая его на несколько прямоугольников, а то, что оставалось, не брали во внимание или вычисляли приблизительно.

Геометрические познания применялись и в народных промыслах: в ткачестве, вышивке, при изготовлении разного рода орнаментов. При этом следили за тем, чтобы фигуры имели правильную геометрическую форму и симметрию. Особенно наглядно это отражено в вытканых "постилках", коврах, "ручніках" (полотенцах), скатертях, вышитых сорочках, блузках. Центрами народного ткачества служили село Неглюбка Гомельской области, деревня Моталь Брестской области.

Народными геометрическими знаниями пользовались плотники, строившие дома, церкви, хозяйственные сооружения, мельницы. Они знали, например, способ точного измерения прямого угла, для чего вбивали в землю четыре кола – палки, между которыми крест-накрест протягивали веревку. Если веревки при пересечении делились на равные части, то стены будут построены под прямым углом.

Крестьяне знали, как измерить высоту растущего дерева. Брели палку размером в рост человека, которые производил измерение, ставили ее в ногах на таком расстоянии от дерева, чтобы человек лежа мог видеть на одной линии верхушку измеряемого дерева и конец палки. Расстояние от головы лежащего человека до ствола дерева и являлось его высотой.

Известны были и другие способы измерения высоты или диаметра дерева. Бондари для вычисления диаметра бочки, дежи, кадушки, толщины дерева измеряли их окружность с помощью веревки, которую складывали затем втрое. Это и был диаметр или толщина измеряемого предмета.

Приведенные выше знания белорусских крестьян из области математики, геометрии, метрологии были распространены еще в конце XIX – начале XX в., отдельные элементы этих познаний бытуют до наших дней: измерение площади земли "саженем", определение диаметра; приемы строительной народной техники используются при сооружении жилых и культовых зданий, плотин, хозяйственных построек, при реставрации ветряных и водяных мельниц, церквей, соборов, а в последнее десятилетие при строительстве Музея народной архитектуры и быта под Минском (д. Отрочица), при создании Музея народных промыслов в Заславле, Раубичах и в других местах. Возрождение народных промыслов немыслимо без изучения народных знаний в области математики, геометрии. К сожалению, очень много из народных познаний в области строительной техники, художественных промыслов, гончарных и керамических изделий утеряно безвозвратно.

Время и его измерение. На протяжении года время определялось в зависимости от дат земледельческого или церковного календаря ("На Коляды", "за неделю или две до или после Коляд", "На Юрия", "за неделю до Великдня или Семухи" и т.п.). Определялось время и в зависимости от прилета или отлета птиц, цветения тех или иных растений, деревьев ("Когда черемуха расцвела"), созревания зерновых культур, ягод, плодов и т.п.

Время исчислялось и от событий общественной или семейной жизни, например: "Это было за неделю до "кірмаша", "это было на свадьбе у Марии" и т.п.

Сутки делились на четыре части (поры): утро ("раніца"), полдень ("поўдзень"), вечер ("вечар") и ночь ("ноч"). Время на протяжении светового дня обычно определялось по солнцу. В зависимости от поры года амплитуда солнечного дня менялась, и приходилось вносить коррективы. Чаще всего ориентировались по длине тени человека, но брали во внимание и тень какого-либо предмета, например дерева.

В ненастье, дни облачные, пасмурные определяли время по количеству проделанной работы. Утреннее время определяли по пению петуха (больше зимой), весной же и летом – по началу пения птиц, каждая из которых поет в точное для нее время. Пастухи определяли время по степени "полноты" коров, по началу их жвачки. Наблюдательный крестьянин мог определить утреннее и вечернее время по раскрытию или закрытию лепестков у цветов полевых и лесных растений.

Долгие осенние и зимние ночи делились на "вечар" (вечер от захода солнца до 12 часов) и "поўнач" (полночь, время от 12 часов до 1 часа ночи). Время пения первых петухов – около 4 часов утра. Второе и третье пение было позже; нарушения времени пения петухов предсказывали перемену погоды: летом – на дожди, зимой – на оттепель.

Дневное время фиксировалось еще определенными видами работ: доением коров утром, вечером, кормлением скота.

Вычислялось время и по количеству сделанной работы ("Як змалаціць капу жыта", "Як заараць паўзагона" и т.п.).

Народная метеорология. Народная метеорология занимает исключительное место в области народных знаний. Вся жизнь крестьянина-земледельца была тесно связана с погодой. От нее во многом зависел урожай, а с ним благополучие крестьянской семьи. На получение хорошего урожая были направлены все его надежды и помыслы, от него зависели и жизнь, и достаток. Благодаря внимательным наблюдениям за погодой на протяжении ряда сотен лет образовался своего рода календарь погоды, в котором содержится много верных примет на близкое и отдаленное время.

Белорусские крестьяне, как и все земледельцы в целом, пристально следили за малейшими местными изменениями погоды и накопили много ценных, изумительных по тонкости наблюдения сведений. Многократность повторения одних и тех же явлений природы давала людям возможность подметить признаки закономерностей в изменении погоды и сделать из своих наблюдений правильные выводы.

Внимательно наблюдая за изменениями погоды, люди стали предсказывать ее на ближайшее и отдаленное время. В первую очередь крестьяне наблюдали за небом, облаками. Так, если при ясной погоде небо вдруг начинало белеть, хмуриться, а ночью не выпадала роса, то говорили, что это к плохой погоде, к дождю.

Крестьянин, например, не знал, что такое циклон, но он наблюдал и анализировал: появление ярко-красного солнца, красной зари при закате всегда предвещало ухудшение погоды летом. Масса примеров тому подтверждение. Например, А.К. Сергнutowский отмечал: "Когда при закате солнца облака будут красные, то на завтра ветер", "Если при заходе солнца небо покраснеет" (покраснеют облака на востоке), то будет "абложная" "лихая" погода (*Сергнutowскі, 1930. С. 21*).

Приближение грозы предвещали духота, ухудшение слышимости. Ощущение же духоты вызывала высокая влажность воздуха: "Ну сёння і парыць, то мусіць будзе дождж" ("Ну сегодня и парит, видимо, будет дождь"). И, конечно, чем больше духоты в воздухе, тем более вероятно, что будет дождь, а скорее всего гроза, ибо обилие влаги способствует образованию облаков, имеющих много потенциальных зарядов. Нередко такая гроза сопровождается градом, так как при вихревых восходящих потоках капельки воды замерзают, а при следующих подъемах все более обледеневают и превращаются в град. Отсюда и примета: "Если летом так жарко, что невозможно дышать, то будет гроза с градом".

Наблюдательными людьми были отмечены и другие верные приметы приближения града: "Перед тем как должен быть град, слышно, как вверху гудит", или "Перед градом тучи не плывут тихо по небу, а толкутся, как бы горшки на мосту" (*Сергнutowскі, 1930. С. 14*).

Определяли погоду еще по кругам солнца и луны (месяца): "Когда месяц обгородится кругом зимой, то будет падать снег или закрутит метель, а летом следует ждать непогоды", "Если же солнце обгородится кругом, то непогоду жди скоро".

Крестьяне предсказывали погоду и по звездам, по столбам или крестам около солнца: "Если звезды блестят ровно, то будет мороз или ясная погода, а если они мигают, то будет ненастье", "Если около солнца появится крест или как бы два солнца, то будет метелица, или большая гроза с градом, если это лето".

Погоду на ближайшее время крестьяне определяли и по ряду бытовых примет: так, если сало запотевало, то это указывало на дождь и непогоду, или "если дым стелется по земле, то будет дождь", на дождь не разгорались дрова в печке, редко загоралась сажа в камине и т.д.

На предсказания погоды влияли наблюдения за поведением животных, рыб, птиц, насекомых. Так, "Если лягушки громко квакают, то скоро будет дождь", "Если мухи или блохи сильно нападают, то это на дождь", "Если рыба вечером плескается поверх воды, то будет дождь", "Если мошки "слепицею" лезут в глаза, то на дождь или непогоду", "Если ласточки летают низко над водою или над самою землею, то это на дождь". В настоящее время наукой бионикой установлено, что многие птицы и насекомые задолго до наступления дождливой погоды чувствуют повышение влажности воздуха, падение атмосферного давления, ослабление солнечного света и накопление электричества перед грозой.

Пчеловоды, например, предсказывают наступление дождя по поведению пчел: "Если пчелы с утра сидят в улье и гудят, то будет дождь". То же самое можно предсказать, наблюдая за жизнедеятельностью муравьев, жуков: "Если муравьи прячутся в муравейник, то ожидай дождя", "Если вечером летают да гудят черные (навозные) жуки, то будет непогода".

По материалам этнографической экспедиции в д. Морозовичи Буда-Кошелевского района Гомельской области, крестьянка Екатерина Ульяновна Саплицкая рассказала, что для нее лучшей "барометр" – ее корова: "Если у коровы шерсть влажная, то обязательно будет дождь" (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 2. Т. 2. Л. 5).

Страдающие ревматизмом люди определяли приближение ненастной погоды по усилению болей в суставах: "На дождь болят мозоли, ломит кости". Больные суставы являются как бы гигрометрами, чувствительными приборами для определения влажности воздуха.

Погоду предсказывали летом еще по обилию или отсутствию росы на траве, по распусканию цветов перед хорошей погодой и закрыванию, свертыванию лепестков перед ненастьем.

Большое влияние на погоду якобы оказывало и положение Луны на небосклоне. Считали, что на "маладзік" (новолуние) месяц должен "ахсціся", т.е. умыться дождем (*Романов*, 1912. С. 291). При этом смотрели, как расположено рожек молодого месяца (серпик луны): если вверх – то на погоду, если вниз – то на дождь.

Определяли погоду также по направлению ветра. Если ветер с востока – то хорошая погода, а зимой – морозец; если с запада, то летом – дождь, а зимой – оттепель. Южный ветер несет тепло, северный ветер – холод. Осенью западный ветер приносит затяжные дожди, мокрый снег ("слоту", "слякоть") (*Никифоровский*, 1897. С. 216).

Для крестьянина было важно знать погоду на ближайшие дни и недели, но не менее важно было предсказать погоду и на более длительное время. Какими будут будущая зима, весна, лето – эти вопросы волновали его постоянно.

Очень распространено было предсказывание погоды по зиме. Какая зима, такое и лето. Следует отметить, что часто эти наблюдения подтверждались, так как в периоды интенсивной солнечной активности зима и лето заметно отличались от предыдущих или последующих зимы и лета.

Рациональные приметы для определения погоды на длительное время были связаны с поведением животных, насекомых. Эти приметы имеют под собой реальную основу. Например: "Если муравьи делают высокие муравейники на зиму, то лето будет мокрое и осень лихая, а зима тяжелая", "Если мыши делают свои гнезда на высоких местах, холмах и даже ветвях кустарников, то осень будет дождливая" (АИИЭФ НАНБ. Ф. 6. Оп. 11. Т. 3. Л. 6).

Наблюдения за растениями, деревьями также нередко давали верные приметы о погоде на длительное время: "Если лес рано скинет листья, то зима ранняя и холодная", "Если весной первый гром прогремит на голый лес, то лето будет плохое, а год голодный".

Широко были известны также предсказания о будущем урожае. Они основыв-

вались на многолетних наблюдениях, опыте. Тревога за будущий урожай никогда не покидала земледельца. Будучи не в силах предохранить свои поля от стихийных сил природы, он пытался предугадать, предсказать урожай по состоянию погоды: выпавшим осадкам, температуре воздуха и т.п. Например, существовала примета: "Если зимою частые оттепели, то рожь будет плохая". Эта примета вытекала из того факта, что рожь зимою во время оттепелей, особенно на низких местах, действительно вымокала или на почве могла образоваться ледяная корка.

Из всех примет, связанных с будущим урожаем, народ отдавал предпочтение влаге: "Если зимою много снега, то будет хороший урожай, а если земля голая, то будет голо на поле и на лугу". Действительно, глубокий снег предохраняет озимые посевы от вымерзания, а весной обеспечивает землю влагой, столь необходимой для роста растений. Поэтому весной крестьянин говорил: "Теплый апрель, да мокрый май, будет жито як бы гай" (*Сержпутоўскі*, 1930. С. 21).

Об урожае и неурожае зерновых судили по поведению аиста ("буса"). Если "бусел" выкидывал из гнезда свое дитя – "буслянё", то это на "голодный год" (*АІІЭФ НАНБ*. Ф. 6. Оп. 11. Т. 3. Л. 16).

Довольно мудрой была примета: "Если много грибов, то мало меду". Известно, что грибы чаще бывают в дождливое лето, а это не благоприятно для цветения растений и сбора меда.

В заключение следует сказать о том, что стихийно-эмпирические народные воззрения об определенном ритме в природе, о взаимосвязи будущего урожая с погодой имели большое практическое значение. Весь комплекс традиционных народных знаний помогал крестьянину выстоять в его нелегкой борьбе за существование, давал позитивные навыки, способствовал усовершенствованию приемов и сроков обработки почвы, сева, уборки урожая.

Умение прогнозировать погоду на ближнее и отдаленное время помогало крестьянам проводить сельскохозяйственные работы в наиболее благоприятное для них время.

Следует отметить, что в отдельных случаях соблюдение ритуальных, связанных с христианской мифологией запретов – не выходить в поле пахать до дня Благовещения, не сеять гречихи до Миколы весеннего, не начинать сенокос до дня Петра и Павла, – при ранней весне и хороших погодных условиях приводило к запаздыванию определенных сроков сельскохозяйственных работ, к ухудшению оптимально благоприятных условий для их проведения. Однако к чести крестьян следует сказать о том, что они в большинстве своем исходили из традиционных познаний, накопленных народной агрономией и метеорологией.

Народная метеорология белорусских крестьян – одна из сокровищниц народных знаний о природе, и ее необходимо тщательно изучать. Народные приметы о погоде не только представляют интерес с точки зрения изучения прошлого народа, его культуры, но имеют и определенное практическое значение в изучении окружающей нас природы.

Народная ботаника и зоология. Белорусские крестьяне хорошо знали где, когда (в какую пору) высевать те или иные растения, высаживать и высевать овощи, собирать съедобные грибы, ягоды, добывать кленовый и березовый сок и т.д. Они умели определять вегетативные периоды произрастания, цветения и созревания многих сельскохозяйственных культур и в зависимости от этого проводили в лучшие сроки все необходимые агротехнические работы: вывоз навоза, пахоту, боронование, сев, прополку овощей, окучивание картофеля, а также своевременную последующую уборку посеянных и высаженных растений на полях и в огородах.

Значительным подспорьем для крестьянина являлось собирание лесных даров: грибов, ягод, кленового и березового сока. На протяжении 8–10 дней крестьянин

заготавливали до 40 ведер сока. Для длительного его сохранения в бочки с соком бросали прокаленный ячмень, поджаренные хлебные сухари или же немного меду с весенней подчистки ульев.

Грибы же сушили, солили, реže мариновали, варили и жарили свежими. Ягоды сушили, варили из них варенье.

Уже с детских лет крестьяне познавали свойства различных пород деревьев (древесины) и использовали их в зависимости от этих свойств для выделки детских игрушек, посуды и утвари (ложки, миски, макотеры, маслoбойки). Крестьяне умели прививать (прищепливать) различные породы садовых деревьев к "дичкам" яблонь и груш, выкопанным в лесу. Они знали, как разводить черенками огородную клубнику — "траскаўкі", заготавливали семена двулетних огородных растений: свеклы, моркови, капусты, брюквы, редьки.

Каждая крестьянка имела хорошие знания о времени посева огородных растений. Так, семена капусты высевали уже в конце марта (на Благовещение) на грядках с солнечной стороны, чтобы к концу апреля уже высаживать рассаду. Огурцы же высевали не раньше середины или конца мая, так как они нередко страдали от весенних заморозков.

Кроме садовых деревьев (яблонь, слив, груш, вишен, крыжовника, красной смородины), в белорусской деревне высаживали возле дома деревья, украшающие усадьбу: клены, липы, рже — березы, ясени. К тому же липы были хорошими медоносами, а из кленов и берез весной получали освежающий целебный сок.

Бережным было само отношение к природе. При добыче сока аккуратно просверливали дырочки в стволе клена или березы и затем, после получения сока замазывали их глиной или забивали колышком. При собирании грибов старались сохранить грибницу.

Не в меньшей мере белорусы знали и местную фауну: домашних и диких животных, зверей, птиц, рыб, насекомых. Они хорошо усвоили повадки диких животных, зверей и использовал эти знания при охоте.

Наблюдая за домашними и дикими животными, крестьянин мог оказать первую ветеринарную помощь при отеле коровы, окоте овцы, имел довольно основательные навыки по уходу за молодняком: телятами, жеребятами, ягнятами, поросятами.

Некоторых животных, насекомых и птиц (в первую очередь ласточек, жаворонков, аистов, ужей, пчел, муравьев) крестьянин считал священными, всячески оберегал их; разорить гнездо аиста или ласточки считалось большим грехом.

Существовало много рациональных примет, основанных на долготелних наблюдениях и практической деятельности. Так, крестьянину с давних пор было известно, что "добрая" на молоко корова имеет длинный хвост, худую шею, тонкую кожу и толстые жилы на животе (*Сержпутоўскі*, 1930. С. 49). По внешним признакам он мог определить и жирность молока у коровы.

Не рекомендовалось поить лошадей в разгоряченном состоянии, кормить их мукой, печеным хлебом после тяжелой работы или быстрой езды. От холодной воды у лошадей появлялся "спой" — воспаление суставов ног лошади, а от муки или хлеба возникало вздутие живота.

Основу животноводческой практики белорусского крестьянина составляли знания анатомии, элементарных основ физиологии, ветеринарии, многолетний опыт по уходу за животными. Этот опыт подсказывал крестьянину, что никакие магические действия не помогут, если нет хорошего ухода за скотом: "Як накарміш, так і надоіш", "Шануй (береги) коня дома, а ён цябе ў дарозе", "Сам не з'еш, а коню дай", "Не вымем карова малако дае, а языком".

Народная медицина. Белорусская народная медицина характеризуется стойкостью в сохранении средств и способов лечения на протяжении многих столетий.

Это обусловлено социально-бытовыми условиями жизни народа, специфической естественно-климатической средой, а также отсутствием квалифицированной медицинской помощи.

Даже в конце XIX в. медицинская помощь была недостаточной, а постоянное недоедание, тяжелый изнурительный труд, антисанитарные условия жизни были причиной распространения заболеваний – желудочно-кишечных, туберкулеза, трахомы, дифтерита и др. Частыми в Белоруссии были ревматизм, малярия (лихорадка, "трасца"). Повсеместное распространение имел "колтун", к которому относили ряд внутренних заболеваний, но прежде всего болезни кожи головы и волос (Минько, 1971. С. 78, 80).

В случае болезни прибегали к домашним средствам лечения. Среди населения имелось немало лиц, обладающих теми или иными познаниями в области народной медицины, особенно фитотерапии.

Народные методы профилактики, исходя из воззрений народа на этиологию болезней, сочетали рациональные действия с иррациональными. К рациональным следует отнести запреты и рекомендации: не купаться до Ивана Купалы, употреблять с целью профилактики инфекционных заболеваний некоторые растения, которым народ приписывал бактерицидные свойства.

Сочетание двух начал – рационального и иррационального – наиболее четко проявилось в способах и методах лечения заболеваний.

Из рациональных средств в народной медицине белорусов наиболее были распространены растительные. Веками сложившиеся традиции, легенды и поверья, связанные со сбором лекарственных растений, способами приготовления лекарственных средств, во многом сходны с верованиями, зафиксированными на всей территории Белоруссии и у других славянских народов, хотя имеется определенная локальная специфика как в выборе лекарственных растений, так и в особенностях их сбора, способах приготовления и употребления лекарств.

Самым удобным временем для сбора лекарственных растений на всей территории Белоруссии считались Купальские дни. Это было время наибольшего цветения растений, а следовательно, и накопления целебных веществ в них.

Места сбора и пора дня играли в народном представлении также немаловажную роль. Отмечали разную эффективность растений, собранных в разные часы (в полдень, утром, при свете луны и т.д.). Эти традиции, носящие, на первый взгляд, следы языческих верований и более позднего влияния христианской религии, не лишены рационального смысла.

Данные современной науки подтверждают влияние солнечного света, температуры, вида почв, определенной поры дня, количества влаги на обмен веществ в растениях, накопление в них действующего начала, которое в одном и том же растении может быть разным в зависимости от времени его сбора (утром, днем, ночью), года (засушливого или дождливого), географической широты и т.д.

Виды лечебных средств и технология их изготовления были разнообразными, дозировка – не совсем произвольной.

Из растений готовили настои и отвары из расчета: одна столовая ложка на стакан кипятка, горсть на 1 л воды и т.д. Делали водочные настойки (из свежих растений и корней), порошки (из высушенного растения или корня), мази, пережаривали измельченный корень или траву растения с растительным или животным жиром. Часто использовали сок свежего растения, свежие листья в виде компрессов.

Среди растений немало было таких, лечебные свойства которых издавна известны всем славянским народам. Некоторые, по сведениям польского ученого К. Мошиньского, сохранили общие всем славянам названия ("полынь", "мята", "лопух", "подбел"). Очень часто совпадали и способы применения этих растений в

практике народного самоврачевания славян. Научные данные подтвердили рациональность их использования. Многие из них вошли в арсенал научной медицины.

В белорусской народной медицине использовались разного вида грибы, в частности – мухоморы, в первую очередь – красные. Настойка мухоморов на спирту считалась очень целебной (как растирание) при радикулитах и острых ревматических болях.

Видное место в белорусской народной медицине занимали и пищевые средства растительного происхождения: мука, хлеб, мед, водка, горчица и т.д. Они входили в состав различных лекарственных смесей или же употреблялись отдельно (мед, водка, горчица) как внутрь, так и наружно. Например, гречневую кашу употребляли при малокровии, а гречневую муку повсеместно употребляли в качестве присыпки новорожденным, хлебным мякишем заклеивали свежие раны.

Угли из жареного хлеба с водкой принимали внутрь при желудочно-кишечных заболеваниях. На водке же готовились настои из трав, цветов, корней. Использовали водку с целью лечения желудочно-кишечных заболеваний, даже как средство профилактики и лечения холеры (*Балковец*, 1910. С. 6).

С глубокой древности белорусы в качестве лекарственного и профилактического, бактериологического средства использовали мед. Очень популярен он был как целебное средство в Киевской Руси (*Богооявленский*, 1960. С. 59). Его употребляли при малокровии, поносах, легочных и желудочно-кишечных заболеваниях внутрь, а при "чирьях" ("ссулах"), гнойных ранах, укусах змей – наружно.

Прежде всего медом лечили болезни простудного характера – кашель, бронхит, ангину, употребляя его как в чистом виде, так и с другими компонентами. В ряде мест при применении меда в чистом виде рекомендовали не глотать его сразу, а подержать, пожевать его немного во рту. Если принять во внимание бактерицидные свойства меда, то этот метод вполне обоснован. Замешанное на меду тесто прикладывалось в виде пластыря к гнойным ранам, фурункулам и карбункулам.

В настоящее время в народное врачевание вошли и другие продукты пчеловодства – прополис, пчелиный яд, маточное молочко.

В Полесье зафиксирован как эффективное средство при легочных заболеваниях сложный рецепт, в состав которого входили мед, прополис, листья столетника, масло, куриный жир и сосновая смола. Все эти компоненты в равной пропорции смешивались, заваривались и применялись по одной столовой ложке несколько раз в день (*Минько*, 1969. С. 74).

В арсенале белорусской народной медицины много лечебных средств животного происхождения. Так, с лечебной целью использовались молоко и молочные продукты, некоторые животные жиры – свиной, собачий, барсучий, ежовый, медвежий, гусиный. Жиры считались прекрасными ранозаживляющими средствами, они применялись также в качестве растираний при простуде и ревматизме, употреблялись внутрь при воспалении легких, астме, туберкулезе, служили основой для изготовления различных мазей.

Общезвестно и лечебное действие молочных продуктов. Белорусская народная диетология рекомендовала их больным как легкоусвояемые питательные продукты питания. Горячее кипяченое молоко в смесях с другими компонентами – маслом, свиным жиром, водкой – употреблялось при простудных заболеваниях, а кислое молоко или сыворотку использовали для промывания ран при укусах змей; женское грудное молоко рекомендовали закапывать детям в глаза при глазных болезнях. В Белоруссии знали и об употреблении кобылье молоко при туберкулезе.

В качестве физиотерапевтических средств в первую очередь использовались пиявки. Их ставили при головных болях, головокружении, шуме в ушах и голове, болях поясницы и т.д.

Общеславянским было употребление при болях ревматического характера муравьев и мурaveйников. Способы их применения отличались разнообразием вариантов. В Белоруссии, в первую очередь в Полесье, чаще всего использовали спиртовой настой муравьев в качестве растираний, однако нередко собирали только коконы (яйца) муравьев и применяли их в виде растираний (на спирту) при ревматизме, радикулитах.

В белорусской народной медицине обращалось внимание на диетологию и рациональное питание. При заболеваниях легких, туберкулезе рекомендовалось употреблять в пищу высококалорийные продукты: мясо, яйца, масло, мед, жиры.

Широко применялась в народном врачевании белорусов водная терапия. При простудных заболеваниях эффективными средствами считались паровые ванны, горячие компрессы, обертывания, а также баня с березовым веником и различными натираниями ("націраннямі").

Народная астрономия и космология. Повседневный житейский опыт, практическая трудовая деятельность выработали на протяжении многих сотен лет у белорусских крестьян реалистические взгляды на мир и природные явления, ибо вся жизнь крестьянина была связана с природой. Он знал положение небесных светил, их движение и по ним довольно точно устанавливал время суток, стороны света, годовые циклы сельскохозяйственных работ, связанных с временами года и изменениями погодных условий, неплохо ориентировался в пространстве.

Особенностью астрономических знаний белорусских крестьян было то, что эти эмпирические знания тесно переплетались с фантастическими верованиями, суевериями, так как множество физических явлений были для них непонятными, загадочными. Нередко рациональные знания теряются в многочисленных верованиях о небесных светилах и их трудно, а то и невозможно выделить отдельно. В таких случаях имеем как бы одни суеверия.

Небосвод крестьяне сравнивали с куполом или чашей, которую мы видим изнутри. Согласно космологическим представлениям, считали, что небесный свод опирается на столбы. Таким столбом, вернее вершиной столба является Полярная (Северная) звезда, или "стоjar", а вокруг нее кружатся все другие звезды. Неподвижность Полярной звезды объясняли тем, что она якобы укреплена специальным креплением к столбу. Вокруг этого столба ходит "Вялікая Мядзведзіца" (Большая Медведица) из семи звезд, которую называли еще "Воз", "Вазок", "Карэц". Звезда служила своеобразным ориентиром в определении ночного времени. С этой же целью наблюдали за созвездием Орион ("Три Короля", "Косар", "Косы", "Мотовило", "Чепиги"), за движением созвездия Плеяд ("Волосажар", "Решето", "Ситко").

Знали вечернюю "зорку Венеру". Все планеты: Венера, Марс, Меркурий, Сатурн, Юпитер, – считались звездами. Из других звезд было известно созвездие Малой Медведицы ("Молочная" или "Гусиная" дорога) и др.

Крестьяне довольно точно определяли время по положению Большой Медведицы, по созвездию Орион и Плеяды – по отношению их к данному дому или хозяйственной постройке. Например: "Лёг спаць, калі яшчэ Косар (созвездие Орион) не ўсходзіў, а ўстаў, калі Косар быў насупраць Фэдаравага гумна". Наблюдениями за созвездиями пользовались в летнее время рыбаки, ловившие рыбу ночью, косцы, находящиеся на сенокосах вдали от села, а также ночлежники и люди "подарожные" – находящиеся в дороге в ночное время. В повседневной жизни время по звездам и созвездиям определяли больше зимой, когда ночи длиннее, реже – летом, поскольку ночи короткие.

По созвездиям иногда устанавливали начало тех или иных сельскохозяйственных работ. Так, когда созвездие Плеяд перед рассветом находилось точно на

юге, это означало, что подошла пора осеннего сева. Такое положение Плеяд было в середине сентября.

Среди небесных тел наибольшим уважением пользовалось Солнце, которое обожествлялось, ибо оно давало людям жизнь и тепло. Солнце воспевалось в песнях, оно получило отражение во всех жанрах народного фольклора. Пережитки солярного культа мы наблюдаем в особо почтительном отношении к солнцу.

По солнцу определяли и стороны света: восход солнца ("усход") – восток, полдень ("поўдзень") – юг, заход солнца ("захад") – запад. Противоположная от юга сторона ("поўнач") – север.

Большое значение крестьяне придавали Луне. С ее фазами ("квадрами") связывались изменения в погоде, к ним приурочивались разные виды работ.

Новоявленная Луна называлась "маладзік". Первая квадра – "паўпоўня", за ней вторая квадра – "поўня", или полнолуние. После полнолуния Луна убывает, стареет. Такая Луна называется "гнілухай", "гнілец". Короткое безлунье – "на меже", "перемена".

Фазы Луны якобы оказывали большое влияние на изменение погоды. Считали, что во время новолуния обязательно должны быть дожди – "Маладзік павінен аксціся" (Молодой месяц должен умыться дождем). В это время не рекомендовалось корчевать заросли, полоть гряды, посевы, ибо вырастут новые корни. В эти дни запрещалось сеять лен – ибо все поле зарастет травой "вітухою", вывозить на поле навоз – поле зарастет хвощом, а также покупать животных – не привяжут к дому.

Все важнейшие работы старались проводить в "поўню": посев озимых и яровых, посадку картофеля, покупку домашних животных и т.д., "чтобы везде было много добра" (*Сергунтоўскі, 1930. С. 6*).

В последнюю квадра (на убывании месяца) рекомендовалось корчевать пни, высекать заросли, полоть гряды, посевы, собирать с поля камни, лечить домашних животных, делать различные ветеринарные операции: вскрывать нарывы, очищать гнойники, раны. Считали, что со спадом ("сходом") месяца все должно пойти на убывание, т.е. исчезнуть навсегда. На "сход" месяца не сажали квочку на яйца, не давали в долг семена, не покупали скот, не начинали посев зерновых.

Из других небесных тел крестьяне знали кометы и метеоры. Затмение солнца нередко связывали с движением доброй кометы. Однако были еще кометы в виде метлы, помела, они всегда несли с собой страшные беды, несчастье, болезни, войны (*Сергунтоўскі, 1930. С. 7*).

Своеобразные воззрения были у крестьян о метеоритах. Их нередко считали огненными змеями. При падении метеорита от него оставалась якобы "смуга", дымка. Прежде всего змеем считали большие метеориты, которые, когда летят, сыплют искры с хвоста (*Pietkiewicz Cz., 1938. Cz. 2. S. 11–12*).

Это наблюдение является очень интересным, ибо, согласно последним научным данным, метеориты нередко при входе в плотные слои атмосферы взрываются и распадаются на мелкие осколки в виде искр. Метеориты же, состоящие из больших глыб льда, сразу испаряются, отсюда и "смуга" при его падении.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ЛИТЕРАТУРА

Истоки богатой и самобытной белорусской литературы уходят в историю формирования и становления литературы Киевской Руси. А становление собственно белорусской литературы и языка связано непосредственно с формированием белорусской народности и белорусского языка во времена Великого княжества Литовского. На начальном этапе развития белорусской литературы переписывались книги Библии, особенно Евангелие и Псалтырь, распространялись жития святых, паломническая проза и другая религиозная литература. На смену местному пришло общегосударственное летописание ("Летописец великих князей литовских", Белорусско-литовская летопись 1446 г. и др.), представляющее собой значительную веху в развитии белорусской художественной историографии. К XV в. относится и появление в белорусской литературе панегирических произведений светского содержания ("Похвала Витовту", "Похвала гетману Острожскому"), первых переводов на белорусский язык сочинений западноевропейских авторов церковно-религиозного характера.

С появлением книгопечатания белорусская литература вступила на качественно новый этап развития, начала терять анонимность и элитарность. На ее историю в это время большое влияние оказала деятельность Ф. Скорины (ок. 1490–1551 гг.) – крупного писателя-гуманиста и переводчика, творчество которого воплотило лучшие достижения белорусской и европейской культур. В 1517–1519 гг. он осуществил перевод и высокохудожественное издание на белорусском языке 23 книг Библии. К ним Скорина писал "предисловия", "сказания" и послесловия, положившие начало белорусскому литературоведению и критике. Сохраняя церковнославянскую основу библейских текстов, он вводил в них слова из белорусского разговорного языка. Оформление всех изданных Скориной книг характеризуется высокими художественными достоинствами, талантливым сочетанием традиционных черт старобелорусского рукописного украшения текстов с новаторством европейской книжной гравюры (*Шматаў*, 1984. С. 8).

Несмотря на то, что книгопечатание вначале ориентировалось лишь на изготовление церковных книг, оно было событием огромного культурного значения, так как стало средством распространения различных знаний и приобщения белорусов к достижениям европейской культуры.

Быстрый рост городов сопровождался усилением общественной роли городского населения. Города добивались Магдебургского права и выхода из-под власти феодалов, устанавливали самоуправление. Расширение производства и организация ремесленников в цехи открывали простор для деятельности религиозных братств, которые превращались в общественные организации национально-патриотического и культурно-просветительского характера. Во многих белорусских городах открывались типографии и школы различной конфессиональной принадлежности, начали печататься первые буквари, грамматик, словари. Книги выходили на белорусском, церковнославянском, польском и латинском языках.

Все это содействовало распространению в Белоруссии идей Реформации.

В 50-е годы XVI в. возникли протестантские общины в Несвиже, Бресте, Клецке, Ляховичах, Койданове, Новогрудке и других белорусских городах. Кальвинизм приняли многие белорусские магнаты, в том числе Радзивииллы, Сапеги, Ходкевичи. К Реформации примкнули средние и беднейшие слои горожан, организовав радикальное направление – антитринитаризм, которое связывало Реформацию с социальными преобразованиями общества. Писатели, увлеченные идеями антитринитаризма – С. Будный, В. Тяпинский, М. Чаховиц, А. Волян и др. впервые попытались объяснить в литературе проблему богатых и бедных, личной собственности и владения землей, выдвинули идеи, направленные против основ феодального строя и крепостного права. Они пошли дальше Ф. Скорины в сближении языка религиозной литературы с разговорным языком, содействовали укреплению в Белоруссии религиозной веротерпимости (Францыск Скарына і яго час, 1988. С. 477).

Однако по условиям Люблинской унии (1569 г.), Белоруссия, как и все остальные части Великого княжества Литовского, была включена в состав Речи Посполитой. Усилившаяся после этого феодально-католическая реакция вызвала новую волну сопротивления ассимиляторской политике католической церкви. Наиболее яркими представителями этой борьбы были писатели-полемисты Л. Карпович, А. Филиппович, автор первой грамматики церковнославянского языка М. Смотрицкий, деятельность которых носила патриотическое, культурно-просветительское направление.

Характерной чертой литературного процесса этого периода стало быстрое развитие поэзии. Основоположителем ренессансной поэзии в Белоруссии был Н. Гусовский (ок. 1480–1533) – поэт-латинист, уроженец Могилевщины, автор многих панегирических и религиозных произведений. В 1523 г. в Кракове он издал поэтический сборник "Песнь о зубре", состоящий из прозаического посвящения королю Боне одноименной поэмы и 11 стихотворений. Написанная на латинском языке "Песнь о зубре" была первым крупным стихотворным произведением о Белоруссии, написанным для западноевропейского читателя. В ней Гусовский описывал белорусскую природу, занятия населения, его верования, обычаи, что придавало поэме ценность этнографического источника.

С появлением в конце XVI в. школьного театра делает первые шаги в своем развитии драматургия. Школьные драмы обычно на библейские сюжеты создавались преподавателями коллегиумов на польском, латинском и древнеславянском языках. Более демократическим содержанием отличались интермедии (интерлюдии), которые писались на польском и белорусском языках и вставлялись между актами школьных драм. Сюжетами для них служили распространенные анекдоты, забавные бытовые происшествия, иностранные литературные произведения ("Як Свирид быў у сповядзі" ("Как Свирид был на исповеди"), "Іван і царкоўны вартанік" ("Иван и церковный сторож"), "Селянін і вучань-уцкач" ("Крестьянин и ученик-беглец") и др.). С течением времени интермедии приобрели самостоятельность и начали широко бытовать в народе. С ними впервые в белорусскую литературу вошел новый положительный герой из народа – крестьянин, студент, ученик.

В XVII в. началось разрушение религиозного средневекового мировоззрения, освобождение литературы из-под духовной диктатуры церкви. На этот процесс оказало влияние городское торгово-ремесленное население, так как именно в городах формировались новые идеалы и представления, моральные и эстетические нормы, противоречащие аскетическим церковным канонам.

Стали распространяться юмористические и пародийно-сатирические произведения светского содержания. Наиболее значимое явление этого жанра – "Речь Мелешки" ("Прамова Мялешкі"), написанная во второй четверти XVII в., в которой народным языком смело и зло высмеивалось низкопоклонство местных феодалов

перед Западом. Расширился объем переводной литературы. Были сделаны новые переводы на белорусский язык повестей о Трое, Александре Македонском, Мамасовом побойце, популярных рыцарских романов, плутовских новелл, авантюрно-приключенческих повестей.

Трагическую роль в развитии белорусской культуры сыграли войны России с Речью Посполитой 1648–1667 гг., в результате которых население Белоруссии сократилось с 2,9 до 1,4 млн человек (Біч, 1990). Белорусская культура, понесшая в ходе их невосполнимые потери, постепенно утрачивала свою роль в системе общеевропейской культуры. В этот период началось особенно активное окатоличивание и ополячивание белорусского народа. На Варшавском сейме 1696 г. официальным государственным языком Речи Посполитой, в состав которой входила Белоруссия, был объявлен польский. Изъятые из употребления белорусский язык, а с ним и белорусская литература стали постепенно приходить в упадок.

Национальный язык продолжал существовать и развиваться в среде крестьян, средних и низших городских сословий, эстетические потребности которых удовлетворялись преимущественно фольклором. В литературной жизни Белоруссии стали преобладать польский и латинский языки. Все братские типографии, кроме могилевской, были закрыты. Под воздействием польской литературы главным художественным направлением белорусской литературы второй половины XVII–XVIII в. становится барокко. Эстетическим принципам этого литературного направления, возникшего под влиянием Контрреформации, были свойственны идеи гуманизма и раннего Просветительства.

Наиболее значительным представителем официального, феодально-аристократического течения белорусского поэтического барокко был Симеон Полоцкий – основоположник силлабического стихосложения, автор двух больших сборников “Рифмологион” и “Вертоград многоцветный”. Содержание этих сборников составляли панегирические стихотворения, посвященные членам царской семьи, а также юмористические, сатирические и философские произведения. В 1680 г. С. Полоцкий переложил на стихи псалтырь (“Псалтырь рифмованная”), которая стала распространенным учебным пособием.

Крупными представителями силлабической поэзии были также Я. Белобокский, Ф. Утчицкий, И. Иевлевич, поэзия которых не выходила за рамки религиозно-дидактических проблем. Наряду с “высокой” элитарной поэзией развивалась песенно-демократическая интимно-шуточная лирика с народными образами и символами.

Вторая половина XVIII в. явилась временем становления нового белорусского литературного языка. В произведениях этого периода каждый из авторов опирался на диалект своей местности, так как еще не существовало единых грамматических норм. Идеи Контрреформации уступили в литературе место идеологии Просветительства, основными литературными направлениями которого были классицизм (К. Марашевский) и сентиментализм (И. Быковский, К. Корицкий). Эстетика классицизма допускала белорусское просторечие только в “низких” комедийно-народных произведениях, что тормозило развитие многих литературных жанров.

Большое положительное значение для судеб литературы имело присоединение в 1795 г. Белоруссии к России. Оно ликвидировало экономическую замкнутость белорусских земель, ускорило формирование белорусской нации и национального литературного языка, расширило взаимодействие белорусской культуры с культурой русского народа. Однако русификаторская политика вызвала и всплеск национально-освободительного движения в крае и быстрый рост национального самосознания белорусов.

Большинство писателей того времени свою литературную деятельность начи-

нали со сбора и обработки народной поэзии. Начали складываться белорусоведение, научная этнография и фольклористика.

Отличительной особенностью новой белорусской литературы было то, что ее язык складывался исключительно на базе живых народных диалектов, без использования письменно-языковых достижений прошлых столетий. Становление новой белорусской литературы связано с именами таких писателей, как В. Дунин-Марцинкевич, Я. Чечот, Я. Борщевский, А. Вериге-Даревский, Ф. Богушевич, П. Багрим, революционер-просветитель К. Калиновский, поэты Я. Лучина, И. Неслуховский, А. Гуревич и др. Их произведения печатались на латыни польской модификации и кириллице русского варианта. Существование двух графических систем сдерживало выработку единых орфографических и грамматических норм белорусского литературного языка. К тому же в 1840 г. он был официально запрещен русским правительством в государственных учреждениях и школьном обучении. Запрещался царской цензурой и сам термин "белорусский".

Активизации литературной жизни в Белоруссии содействовала борьба вокруг отмены крепостного права. Здесь столкнулись идеи русских революционных демократов и представителей польского национально-освободительного движения, в произведениях которых царскому произволу противопоставлялась идеализированная Речь Посполитая.

В период революционной ситуации, сложившейся в Белоруссии накануне восстания 1863–1864 гг., К. Калиновским, В. Врублевским и Ф. Рожанским было издано семь номеров первой белорусской нелегальной газеты "Мужыцкая праўда". В ней Калиновским было умело использованы народный разговорный язык и белорусская фольклорная символика для радикальной критики крепостного права и сущности реформы 1861 г.

Поражение восстания 1863–1864 гг. почти на два десятилетия задержало поступательное развитие белорусской литературы. Одни белорусские писатели, принимавшие участие в восстании, были сосланы в Сибирь, другие очутились в эмиграции, а оставшиеся отданы под надзор полиции и лишены возможности публиковаться. К. Калиновский был казнен. Правительственный циркуляр 1867 г. запретил издание белорусских книг латинским шрифтом. Лучшие произведения В.И. Дунина-Марцинкевича, написанные в 1860–1870-е годы ("Пинская шляхта" и "Залёты"), долгое время оставались в рукописях.

В 1880–1890-е годы, с приходом в литературу писателей революционно-демократического направления (Ф. Богушевич, Я. Лучина, А. Гуринович, Ф. Топчевский, З. Тшашчовская и др.) начался новый литературный подъем с преобладанием стихотворных жанров и крестьянской тематики. В этот период в белорусской литературе сформировалось и буржуазно-либеральное направление, наиболее ярко выразившееся в творчестве А. Ельского и А. Пшчелки, видевших путь к улучшению народной жизни только через реформы сверху.

Вершиной развития белорусской литературы второй половины XIX в. было творчество Ф. Богушевича, проникнутое искренней любовью к белорусскому крестьянину и острой ненавистью к его угнетателям: стихотворения "Бог не роўна дзеле" ("Бог неровно делит"), "Паўская ласка", "Ахвяра" ("Жертва"), "Не цурайся" ("Не отрекайся"), "У астрозе" ("В остроге"), "Кепска будзе" ("Плохо будет") и др. Идеи национально-освободительной борьбы, поиски путей выхода народа из бесправия и нищеты занимали главное место как в публицистике поэта (предисловие к литературным сборникам "Дудка беларуская" и "Смык беларускі"), так и в его прозаических произведениях. Среди современников Ф. Богушевича наиболее яркими представителями этого народнического направления белорусской литературы были Я. Лучина, А. Гуринович и А. Обухович.

Творчество писателей-демократов пореформенного сорокалетия вывело бело-

русскую литературу из круга узконациональных интересов, усилило ее социальное звучание. Значительных успехов достигли поэзия, публицистика, национальная драматургия и проза. Были сделаны высокохудожественные переводы на белорусский язык произведений А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, И.А. Крылова, В. Сырокомли, А. Мицкевича.

Подъем революционного и национально-освободительного движения в Белоруссии после революции 1905–1907 гг. ознаменовал новый этап в истории белорусской литературы. После Манифеста 17 октября, провозгласившего буржуазные свободы, газеты впервые начали издаваться без предварительной цензуры.

По количеству издаваемых книг Россия в первое десятилетие XX в. занимала третье место в мире после Германии и Японии. В начале века выпускалось 125 легальных газет, через 12 лет – уже более 1000 (Зезина и др., 1990. С. 253).

В 1906 г. в Белоруссии начали выходить газеты "Наша доля" и "Наша ніва". Последняя организовала издание литературных сборников и календарей для белорусов. Открылись первые белорусские издательства ("Загляне сонца і ў наша аконца" ("Заглянет солнце и в наше оконце"), "Наша хата", Белорусское издательское товарищество в Вильно, Издательство А. Гриневича), начали выходить на белорусском языке журналы "Лучынка" (1914) и "Саха" (1912–1914).

Белорусский литературный язык быстро распространялся на публицистику, научно-популярную литературу, официальную переписку. Были разработаны основы правописания и основные грамматические нормы белорусского языка. Его словарный состав пополнился общественно-политическими и научными терминами. В этом большую роль сыграли Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Тетка (Э.С. Пашкевич), З. Бядуля, Т. Гартный и др. Главным героем в литературе становится крестьянин, его духовный мир и участие в национально-освободительной борьбе. Этапными явлениями этого периода стали поэтические сборники Я. Купалы ("Жалейка", 1908; "Гусляр", 1910, "Шляхамі жыцця", 1913), Я. Коласа ("Песні-жалбы", 1910), М. Богдановича ("Вянок", 1913). Значительный вклад в развитие белорусской поэзии внесли Я. Журба, А. Гурло, К. Буйло, Г. Левчик, А. Павлович и др. В 1911 г. к работе над эпическими поэмами "Новая земля" и "Сымон-музыка" приступил Я. Колас.

Крупных успехов в своем развитии достигла белорусская драматургия. Наиболее значительными произведениями были комедии "Модный шляхтык" К. Каганца, "Павлинка" и "Примаки" Я. Купалы, драма Я. Купалы "Раскиданное гнездо", пьесы Л. Родзевича и К. Лейки.

В начале XX в. появились первые учебники на белорусском языке. В 1906 г. вышел в свет первый "Белорусский букварь" К. Каганца, а затем "Чтения для деток-белорусов" Элоизы Пашкевич (Тетки) и Якуба Коласа. В 1915 г. в Вильно открылась первая школа с преподаванием всех предметов на белорусском языке.

Значительный вклад Я. Колас, Тетка, Ш. Ядвигин, М. Богданович, М. Горецкий, З. Бядуля внесли и в литературную прозу этого периода. В ней, опираясь на достижения национального фольклора и реалистические традиции литературы XIX в., они показали жизнь белорусского народа, его борьбу против социальной несправедливости и национального угнетения.

Октябрьская революция разделила писателей на два лагеря. В творчестве наиболее талантливых из них (Я. Купалы, Я. Коласа, Т. Гартного) все сильнее начали звучать мотивы надежды на принесенную революцией свободу национально-культурного развития белорусов. Однако созданный Северо-Западный областной комитет РКП(б) во главе с А. Мясниковым и В. Кнориным отрицал права белорусов на самоопределение, считал всякое требование самоопределения народов России выражением интересов буржуазии. Но после окончания гражданской войны многие ответственные должности в советском аппарате заняли

деятели белорусского национально-освободительного движения, чьи имена были широко известны еще в дореволюционное время. Среди них были А. Червяков, Д. Жилунович, В. Игнатовский, П. Ильюченко, А. Балицкий, организовавшие в правительстве молодой Белорусской республики своеобразное ядро, вокруг которого стали сплачиваться творческие силы белорусской интеллигенции. Ими была разработана и начала осуществляться политика, получившая впоследствии название "белорусизация". Основными ее принципами являлись укрепление национального суверенитета Белоруссии, свободное развитие без каких-либо ограничений белорусской культуры и языка, обогащение духовных традиций народа.

В республике начала вестись интенсивная работа над упорядочением орфографических и грамматических норм белорусского литературного языка, нормализацией его словарного состава. Все это вызвало небывалое оживление литературной жизни. В 1922 г. начал выходить журнал "Полымя", вокруг которого группировались писательские силы республики. В 1923 г. ЦК комсомола Белоруссии создал массовое литературное объединение "Маладняк" (1923–1928), через которое пришла в литературу молодежь из крестьянской и рабочей среды. В 1926–1927 гг. возникло литературное объединение "Узвышша" (1926–1931), затем – "Полымя". С 1927 г. существовали литературные кружки "Пробліск" и "Беларуская літаратурна-мастацкая камуна" ("Белорусская литературно-художественная коммуна"). Писатели, создающие произведения на русском языке, группировались вокруг объединения "Звонь". В 1928 г. на основе "Маладняка" была организована "Беларуская асацыяцыя пралетарскіх пісьменнікаў" (БелАПП). В 1932 г. был организован единый Союз писателей СССР, в который вошла и писательская организация БССР. Периодические издания и литература в 1920-е–начале 1930-х годов выходили в Белоруссии на белорусском, русском, польском, еврейском и литовском языках.

Этот период характеризуется массовым притоком в белорусскую литературу молодежи, в стихах и прозе которых преобладали агитационно-призывное начало, декларирование, упрощение социальных противоречий. Тем не менее лучшие стихотворения и поэмы поэтов-молдачовцев: "Босыя на вогнішчы" ("Босые на огне") М. Чарота, "Дзесяты подмурак" ("Десятый фундамент") П. Труса, поэма З. Бядули "Чырвоная-чорная жалоба" ("Красно-черный траур") и другие, – красочно воспроизводили пафос того времени.

Проза 1920–1930-х годов представляет собой многожанровую и многостилевую историю революции и социальных преобразований в крае, поиск путей более глубокого показа изменений в жизни новой деревни, ломки вековых устоев сельской жизни. После таких классических произведений белорусского эпоса 1920-х годов, как "Новая земля" (1923), новая редакция поэмы "Сымон-музыкант" (1925), трилогия "На перепутье" ("У палескай глушы", 1923; "У глыбі Палесся", 1927; "На прасторах жыцця", 1925–1926), Я. Колас создает крупные повести "Адшчаленец" (1930–1931), "Дрыгва" ("Трысняга", 1933). В литературе утверждается плеяда новых писателей, работающих в жанре социального романа: К. Черный, Т. Гартный, Р. Мурашка, М. Горещкий, М. Лыньков, З. Бядуля, К. Крапива.

Быстро развивается драматургия. От показа исторического прошлого Белоруссии (пьесы "Машэка", "Кастусь Каліноўскі" Е. Мировича, "Панскі гайдук" Я. Дылы, "Скарынін сын з Полацка" М. Громыки, "Пан Скуринта" В. Голубка) и использования фольклорных материалов ("На Купалье" М. Чарота), водевилей ("Мікітаў лапач" М. Чарота и "Жартаўлівы Пісарэвіч" – "Шутливый Писаревич" М. Горещкого) драматурги переходят к изображению современной действительности ("Карьера товарища Брызгалкина" Е. Мировича, "Гута" Р. Кобеца, "Кочегары" И. Гурского и др.). По своим произведениям создают пьесы Я. Колас,

З. Бядуля, К. Черный, Э. Самуйленок. Успешно развивается детская поэзия, появляется как жанр белорусский очерк.

В Западной Белоруссии успешно развивались публицистика, роман, выходили литературно-художественные журналы "Маланка" ("Молния"), "Родныя гоні" ("Родные нивы"), была сделана попытка организовать литературное объединение "Весноход". Однако в 1930-е годы в Польше права польского населения ущемлялись. Закрывались белорусские (так же, как и русские и украинские) школы, национальные общества, издательства, конфисковывались книги, газеты, журналы. Были арестованы и осуждены белорусские поэты В. Тавлай, поэт и писатель П. Пестрак и др.

С конца 1920-х годов начались массовые репрессии и в Советской Белоруссии. В этот период было уничтожено около 80% белорусских писателей, цвет белорусской нации (Адамович, 1988. С. 29). В 1933 г. в Белоруссии была проведена реформа языка, которая русифицировала и огрубела его. Белорусский язык потерял свою мягкость и мелодичность.

В период Великой Отечественной войны большинство уцелевших во время репрессий писателей находились в рядах Красной Армии. Главной темой поэзии становится патриотизм, защита Родины. Стихи Я. Купалы ("Беларускім партызанам", "Зноў будзем шчасце мець і волю"), Я. Коласа ("Народу-барацьбіту"), М. Танка, П. Бровки, П. Глебкі, А. Кулешова, П. Панченки призывали к борьбе, укрепляли героизм и мужество советских людей в борьбе с врагом, вселяли веру в победу. В прозе на первое место вышли рассказ, очерк, фельетон. Крупнейшим достижением военной прозы явились романы К. Черного "Поиски будущего", "Млечный путь" и две незаконченные книги "Великий день" и "Скипьевский лес".

В первое послевоенное десятилетие получил развитие талант многих белорусских писателей, пришедших в литературу накануне и в период войны. Поэзия этого времени пронизана пафосом победы и восстановления из руин городов и сел. Наиболее значительное явление белорусской поэзии этого периода составили поэмы Я. Коласа ("Рыбакова хата"), А. Кулешова ("Грозная пушка"), А. Велюгина ("Бацька Дняпро"), М. Танка ("Дзёнік міру" – "Дневник мира"). В это время пришли в литературу и начали печатать свои первые произведения А. Василевич, Н. Гилевич, Х. Жичка, В. Колесник, В. Карпов, Е. Лось, А. Макаенок, В. Хомченко и др.

Белорусская проза пополнилась крупными произведениями, посвященными войне и социалистическому строительству. Наиболее значительными из них были романы И. Шемякина "Глубокое течение", М. Лынькова "Векопомные дни", Н. Ткачева "Сплоченность" ("Згуртаванасць"), И. Мележа "Минское направление", А. Кулаковского "Расстаемся ненадолго", П. Пестрака "Встретимся на баррикадах". Я. Колас завершил трилогию о жизни сельской интеллигенции в годы первой русской революции "На перепутье" ("На ростанях"). Вместе с тем в произведениях этого времени стала сильно проявляться тенденция украшательства действительности, бесконфликтности, ухода от важнейших социально-экономических проблем.

После войны были поставлены и получили широкую известность на сцене белорусских театров комедия К. Крапивы "Милый человек" и драма "С народом", пьесы "Константин Заслонов" А. Мовзона, "Это было в Минске" А. Кучера, "Брестская крепость" К. Губаревича.

Особых успехов белорусская драматургия достигла в разработке темы подвига народа в военные годы. Только с 1946 по 1976 г. на сценах белорусских театров была поставлена 91 пьеса, посвященная Великой Отечественной войне. Из них 37 принадлежали белорусским авторам. Особенно глубоко и всесторонне эта тема раскрывалась в пьесах "Трибунал" А. Макаенка, "Снежные зимы" и "Экзамен на

осень" И. Шемякина, "Брестская крепость" (новый вариант) К. Губаревича, "Последняя земляника в августе" А. Дилендика и др.

С успехом шли пьесы белорусских драматургов в театрах союзных республик. Так, уже к 1974 г. пьеса А. Макаенка "Лявониха на орбите" ставилась в 101 театре страны, "Трибунал" – в 88 театрах, "Извините, пожалуйста" – в 125, "Затюканный апостол" – в 18, инсценировка по роману И. Шемякина "Сердце на ладони" – в 24, пьесы А. Мовзона "Константин Заслонов" – в 51, "Под одним небом" – в 27, "В тихом переулке" – в 30, "Всего одна жизнь" – в 20, А. Дилендика "Вызов богам" – в 81, К. Крапивы "Кто смеется последним" – в 16, Н. Матуковского "Амнистия" – в 26 театрах (Марцелев, 1974. С. 339).

В 1950–1960-е годы в белорусской прозе стал глубже раскрываться духовный мир героя, усложнялся его психологический образ (романы В. Карпова "За годом год", П. Бровки "Когда сливаются реки" и др.). Пришли в литературу В. Короткевич, П. Мисько, И. Науменко, Б. Саченко, И. Чигринов, В. Быков. Острыми по проблематике и современными по художественному решению были романы И. Мележа "Люди на болоте" (1961) и "Дыхание грозы" ("Подых навалыцы") (1964–1965) о жизни деревни накануне и в период коллективизации, роман А. Чернышевича "Застенок Малиновка" (1964) о жизни крестьянства накануне Октябрьской революции, повести В. Быкова "Журавлиный крик", "Предательство" ("Здрада"), "Третья ракета" и др.

Значительными событиями в белорусской прозе второй половины 1960–1970-х годов стали романы И. Шемякина "Снежные зимы" (1968) и "Атланты и карнакиды" (1974), где писатель пытался поставить проблемы современной общественной жизни. Быт села того времени нашел более объективное отражение в романе И. Пташникова "Мстижи" (1976), жизнь шахтеров – в повести А. Кулаковского "Растет мята под окном". Вышли в свет романы И. Науменко "Ветер в соснах" (1976) и "Сорок третий" (1973), И. Чигринова "Плач перепелки" (1972) и "Оправдание крови" (1977). Белорусская документалистика с выходом книги А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника "Я з вогнянай вёскі..." ("Я с огненной деревни...") (1975) поднялась на качественно новую ступень развития.

Во второй половине 1970–1980-е годы общественную известность приобрело творчество В. Короткевича, В. Быкова, И. Мележа, И. Чигринова, А. Якимовича и др., расцвела поэзия Н. Гилевича, Е. Янищца, Ю. Голуба, В. Нескяева, П. Бородулина, Г. Буравкина, Г. Пашкова и др. Белорусская литература получила признание белорусского и зарубежного читателя.

Социологическое обследование населения городов республики в 1986 г. показало, что преобладающее число жителей Белоруссии в разной степени читают художественную литературу и только 4,8% опрошенных ответили, что не читают. В 1987 г. издательствами Белоруссии было выпущено 5655 экземпляров книг на 1000 жителей республики (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г., 1988. С. 257). Кроме печатной продукции белорусских издательств, население широко обеспечивалось книгами, журналами и газетами центральных издательств страны.

Однако достигнутые в развитии белорусской литературы успехи не смогли остановить процесс частичной и полной денационализации нескольких поколений белорусской молодежи, переход значительной части белорусов на русский язык в различных сферах их жизни, в том числе и в образовании, что создавало большие сложности в освоении огромного фонда белорусской литературы.

Гласность, начавшаяся на волне перестройки, вернула читателям из хранилищ и спецхранов запрещенные в 1930-е годы произведения М. Горьцкого, А. Горюна, Я. Лучины, Я. Чечота и многих других белорусских писателей и поэтов. Были изданы повести, мемуары и рассказы людей, прошедших сталинские лагеря. Среди них повести-воспоминания "Зона молчания" и "С волчьим билетом" С. Грахов-

кого, "Пекло" П. Прудникова, "В когтях ГПУ" Ф. Алехновича, мемуары Л. Генишоу "Исповедь" и др.

После 1986 г. значительное место в литературе Беларуси стало занимать осмысление причин и последствий чернобыльской аварии. Этой теме посвящены роман И. Шемякина "Злая звезда" (1991), повесть В. Карамазова "Краем Белого Шляху" (1992), документальная повесть В. Гигиевича и О. Чернова "Стали воды горькими" (1990), публицистическая книга А. Адамовича "Апокалипсис по графику" (1992) и др. Романом "Возвращение к войне" (1992) И. Чигринов завершил цикл книг о деревне Веремейки.

Дальнейшее развитие получил исторический жанр. В конце 1980-х–начале 1990-х годов были изданы романы Л. Дайнеки, А. Лойки, Е. Миклашевского, В. Ковтун, повести и историко-литературные очерки К. Тарасова, во многом повально освещавшие различные периоды истории Белоруссии.

Широкий спектр проблем и тем современности нашел отражение в сборниках стихов Н. Гилевича "Независимость" (1992) и Р. Бородулина "Милосердие плахи" (1992), в творчестве молодых белорусских поэтов А. Сыса, С. Соколова-Воюша, М. Скоблы, О. Минкина, Л. Рублевской, Л. Голубовича и др. (Гніламедаў, 1994. С. 101).

Наибольшие успехи белорусской драматургии 1980-х–середины 1990-х годов связаны с именем А. Дударева. В этот период им созданы драмы "Злом" ("Слом"), "Последний Журавль" (совместно с А. Жуком), пьесы "Адцурание" ("Отречение"), "Вежа" ("Башня") (в соавторстве с В. Нескляевым), "Песня о зубре" (по Н. Гусовскому), пьеса-фантазия "Мастер и Маргарита". Заявили о себе и молодые белорусские драматурги В. Бутримеев, Н. Ореховский, В. Саулич, С. Ковалев, И. Сидорук, В. Климкович.

Таким образом, современная литература, успешно развивая традиции белорусской классики, вносит свой вклад в духовное возрождение нации. С 1990 по 1996 г. количество ежегодно издаваемых в Беларуси книг увеличилось с 2823 до 3809, а их тираж – с 54,9 до 59,1 млн экз. (Республика Беларусь..., 1997. С. 89). Характерной особенностью этого процесса является рост в их числе доли белорусскоязычных изданий с 11,5% в 1989 г. (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г., 1990. С. 118) до 15,7% в 1996 г. (Республика Беларусь..., 1997. С. 89).

ТЕАТР

Истоки современного театра восходят к искусству скоморохов, известных на территории Белоруссии с XII в. (см. раздел "Устнопоэтическое творчество").

В XVI–XVIII вв. в православных академиях, иезуитских коллегиумах и братских школах Белоруссии постепенно формируется полупрофессиональный школьный театр, в котором ставятся драмы, написанные преподавателями на латинском, польском и белорусском языках. Сюжеты для них брали вначале из Библии, а затем в них стала преобладать историческая и бытовая тематика.

Однако наибольшее влияние на развитие профессионального белорусского театра оказали не сами драмы, а интермедии (интерлюдии), которые разыгрывались между действиями. Интермедии представляли собой короткие сцены бытового сатирического характера, перекликавшиеся с основным содержанием показа, но пародировавшие его или развивавшие побочную линию сюжета. Их обычно ставили на белорусском языке, используя приемы игры скоморохов. Они включали многочисленные элементы поэтического, музыкального и танцевального фольклора белорусов, воспроизводили фрагменты народных игр, обрядов и поэтому

пользовались большим успехом, часто оттесняя на второй план саму драму, игравшуюся на латинском языке по всем правилам тогдашней риторики.

В XVI–XVIII вв. значительную популярность завоевывает народный кукольный театр батлейка, без которого не обходилось в этот период празднование "Каляд" в городах и местечках. С XVII в. на территории Белоруссии зарождается и получает развитие высшая форма народного театра – народная драма.

Во второй половине XVIII в. в среде магнатско-помещичьей верхушки Белоруссии возрастает интерес к западноевропейской культуре и формам европейского театра. В имениях, замках и частновладельческих городах возникают близкие к профессиональным крепостные театры. Наиболее сильное влияние на развитие профессионального театрального искусства оказали крупные крепостные театры Радзивиллов в Несвиже и Слуцке, Шкловский театр Зорича, театры Сапегов в Ружанах, Деричине, Зельве. Эти театры имели балетно-оперно-драматические труппы, большие оркестры и капеллы, работали в специально построенных театральных павильонах с прекрасно оборудованной сценой. Большинство актеров и музыкантов театров составляли крепостные, подготовленные квалифицированными зарубежными педагогами в специальных школах при театрах, а в особых случаях и за рубежом.

Мастерством крепостных актеров славился Гродненский балетный театр А. Тизенгауза, Слонимский театр М. Огинского с прекрасной капеллой, балетно-драматические театры З. Чернышева в Могилеве и Чечерске, а в начале XIX в. – оперно-драматические театры магнатов Тышкевичей в Свислочи и Плещеницах.

Владельцы крепостных театров, будучи знатоками искусства и соревнуясь между собой, большое внимание уделяли профессиональной подготовке своих актеров. Поэтому часто после их смерти или разорения бывшие актеры белорусских крепостных театров блистали на профессиональных сценах Москвы и Петербурга. Так, гродненская и слонимская труппы в конце XVIII в. стали основой польского "Общества танцовщиков его королевского величества", а 14 крепостных актеров графа С. Зорича были отобраны балетмейстером И. Вальберхом и работали на сцене санкт-петербургских императорских театров.

Во многих городах Белоруссии в конце XVIII–начале XIX в. стали создаваться частные антрепризы, спектакли которых шли на польском, польско-русском, польско-белорусском, а в конце XIX в. и на русском языке. На их основе возникали постоянные городские театры.

В Минске первый театр был открыт в 1788 г. (антреприза К. Жулкевского и Л.Ф. Марсанта). Большую оперно-драматическую труппу в Минске в 1802–1805 гг. держал М. Кожинский. В начале XIX в. Минск имел три постоянные труппы (Я. Хелмиковского, К. Скибинского, В. Дроздовского). Вначале для театра в Минске было приспособлено частное здание, а в 1844–1855 гг. спектакли давались в здании городской ратуши.

Значительную роль в приобщении к театру разночинной интеллигенции и молодежи играли небольшие гастрольные театральные труппы, выступавшие почти во всех городах и местечках края.

В 1845 г. царским правительством были созданы в Белоруссии театральные дирекции, призванные способствовать развитию театрального дела и регулировать театральные гастроли. Дирекция театров в губернии назначалась губернатором. Обязательным членом дирекции считался городской голова. Этим обеспечивалось постоянное наблюдение за деятельностью театров, проводилась цензура репертуара (Гісторыя Мінска, 1967. С. 97). В 1852 г. в помещении городского театра Минска была поставлена первая белорусская опера "Идиллия" ("Крестьянка"), либретто которой написал В. Дунин-Марцинкевич, а музыку – С. Монюшко и К. Кржижановский (*Барышаў*, 1980. С. 15).

Около Ивенца, в фольварке Люцинка в 50-е годы XIX в. В. Дунин-Марцинкевич организовал театр профессионального типа. В труппу входили сам писатель, члены его семьи, учащиеся созданной им школы, соседи, крестьяне. Спектакли устраивали в выходные и праздничные дни, и для них драматург писал новые комедии.

Со второй половины XIX в. в Белоруссии гастролируют труппы Петербургского Александринского и Московского Малого театров, театр Ф. Корша, украинские труппы. Благодаря этому жители белорусских городов знакомились с лучшими произведениями русской, украинской и зарубежной драматургии. С большим успехом шли спектакли по пьесам А. Грибоедова, Н. Гоголя, М. Лермонтова, А. Островского, Л. Толстого, А. Чехова, Г. Ибсена и других русских и зарубежных классиков. Часто гастролировала по Белоруссии труппа Виленского драматического театра, в составе которой работали такие выдающиеся актеры, как В. Комиссаржевская, П. Самойлов, Е. Алексеева.

В конце 80-х годов XIX в. оперы П. Чайковского, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна ставила в Минске петербургская труппа во главе с Измайловым (НАРБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7885. Л. 187). Все это содействовало развитию театрального искусства в городах Белоруссии.

Однако посещение театров было доступно далеко не всем городским жителям. Рабочие промышленных предприятий в начале XX в. зарабатывали в среднем в день около 80 коп., а билет даже на театральную галерку стоил 50 коп. (*Дунец и др.*, 1967. С. 5). Посещение театра требовало обязательной праздничной одежды, а общение в его стенах рассматривалось в привилегированных кругах городского общества как продолжение светских отношений.

Низкий образовательный уровень и материальная необеспеченность большинства горожан, их эстетическая неподготовленность к восприятию театрального действия, обесиленность после длительного рабочего дня вели к тому, что основная масса городских жителей не считала театр близкой для себя формой искусства. Широкие слои городского населения смотрели на театр как на барское развлечение.

Постоянными посетителями театров были интеллигенция, студенты и гимназисты.

Популярность театра среди интеллигенции содействовала организации в городах любительских музыкальных и драматических кружков. Большую роль в развитии белорусской культуры сыграло Общество любителей изящных искусств, открытое в Минске в 1890 г. В нем были четыре секции: литературная, драматическая, музыкальная и художественная. Вскоре общество стало центром литературной и театрально-музыкальной жизни города. Активно работала драматическая секция. Были поставлены пьесы: "Маскарад" М. Лермонтова, "Идиот" Ф. Достоевского, "Дядя Ваня" и "Чайка" А. Чехова, "На дне" М. Горького, "Нора" Г. Ибсена и др. Перед спектаклями и концертами устраивались лекции и доклады на актуальные темы.

Открыто революционный характер приобрела деятельность общества накануне и во время революции 1905–1907 гг. Доходы от лекций, спектаклей и концертов шли на печатание и распространение революционных прокламаций, организацию рабочих и студенческих стачек.

Организации новых любительских кружков и становлению белорусского театра содействовали вечера белорусской художественной культуры – так называемые белорусские вечеринки. Обычно они устраивались по инициативе музыкально-драматических кружков, существовавших в ряде городов Белоруссии, в Вильно, Петербурге, на Украине, в Сибири и в других местах страны, где проживали белорусы. На этих вечеринках пели белорусские народные песни,

танцевали белорусские танцы, ставили спектакли белорусских драматургов. Вечеринки содействовали организации постоянных любительских театральных трупп в Вильно, Гродно, Слуцке, Копыле, Минске, Полоцке и других городах.

Революция 1905–1907 гг. содействовала подъему культурной жизни в Белоруссии. Важным моментом был переход к постановке драматических произведений белорусских писателей. Появляется значительное количество национальных пьес – “Модный шляхцюк” (“Модный шляхтич”) К. Каганца, “Павлинка” и “Разоренное гнездо” (“Разоренное гнездо”) Я. Купалы, пьесы К. Буйло, Я. Коласа, В. Голубка.

С любительских вечеринок начала свою деятельность первая белорусская театральная труппа Игната Буйницкого, положившая начало созданию профессионального белорусского театра. В 1907 г. труппа Буйницкого совершила гастрольные поездки по городам, местечкам и селам Белоруссии, что принесло ей популярность среди трудящихся.

В начале века в Минске и Бресте работало по два профессиональных театра, а в Витебске, Гродно, Бобруйске, Мозыре, Пинске – по одному. Кроме того, даже в небольших городах существовали любительские театральные труппы и кружки, которые пользовались большой популярностью. На любительские спектакли, кроме горожан, приходили и приезжали жители окрестных деревень.

Во время первой мировой войны театральная жизнь затихает. Только в 1917 г. начинают открываться новые театры и среди них – “Першае таварыства беларускай драмы і камедыі”, организатором которого был выдающийся белорусский актер и режиссер Ф. Жданович. Поскольку в здании минского городского театра размещались русская, еврейская и польская труппы, обществу передали Комаровский клуб на Красной улице, получивший название “Белорусская хатка”. Здесь были поставлены пьесы Я. Купалы (“Павлинка” и “Разоренное гнездо”), Я. Коласа (“Антось Лата”), водеили М. Чарота (“Микитов лапоть”, “Ругались да поженились”, “Слуцкая ворона”), В. Дунина-Марцинкевича (“Залеты”, “Пинская шляхта”), К. Каганца (“Модный шляхтич”, “В ином счастье несчастье спрятано”) и др. В театре выросла группа талантливых актеров. Среди них Ф. Жданович, Г. Григонис, В. Голубок, Л. Новохатская, В. Тарасик.

После установления Советской власти в 1920 г. в Минске был открыт Белорусский государственный театр (с 1926 г. – Белорусский первый государственный театр, или БГТ-1). В 1921 г. В. Голубок организует передвижной театр – Труппу Голубка (с 1932 г. – БГТ-3), а в 1926 г. в Витебске создается БГТ-2.

Создание национального профессионального театра явилось одним из показателей зрелости культуры белорусского народа. Глубоко связанный с эстетическими традициями этноса, он оказал значительное влияние на формирование и укрепление этнического самосознания, внутреннюю консолидацию белорусской нации, утверждал родной язык, формировал художественный вкус трудящихся масс.

В 1920–1930-е годы в Минске и Витебске работали театры революционной сатиры. Показывали свое искусство Первый юношеский губернский показательный театр в Витебске, Государственный еврейский театр БССР в Минске, Государственный русский театр БССР в Бобруйске, а затем в Могилеве, Польский государственный передвижной театр БССР, Театр юного зрителя имени Крупской, областные белорусские театры (Полесский имени Я. Купалы и Пинский), областные русские театры в Гомеле и Бресте, Государственный польский театр БССР в Белостоке, Государственный театр кукол БССР. Была создана сеть колхозно-совхозных и армейских театров.

Всего в БССР накануне Великой Отечественной войны работало 20 театров. Кадры для них готовились в Москве, Ленинграде и в студиях при театрах БГТ-1 и БГТ-2, а с 1938 г. – в Республиканском театральном училище в Минске (под руководством Е. Мировича).

Театральная жизнь республики в 1920–1930-е годы определялась деятельностью трех крупнейших белорусских театров (БГТ-1, БГТ-2, БГТ-3). Они развивали и обогащали лучшие традиции национального искусства. Наряду с постановкой пьес советских драматургов о событиях революции и гражданской войны ("Мятеж" по Дм. Фурманову, "Бронепоезд 14-69" В. Иванова, "Разлом" Б. Лавренева, "Любовь Яровая" К. Тренева, "Гибель эскадры" А. Корнейчука) и произведений русской и зарубежной классики большое внимание уделялось созданию национального репертуара. Именно драматургические произведения В. Дунина-Марцинкевича, Я. Купалы, Я. Коласа, К. Крапивы, К. Черного, З. Бядули, Э. Самуilenка, П. Глебки, М. Климковича, В. Вольского определяли основное направление и национальное лицо белорусской сцены.

С первых лет Советской власти налаживаются творческие связи театров Белоруссии с искусством других народов СССР. Достижения театрального искусства республики были высоко оценены во время показов лучших спектаклей белорусских театров в Москве в 1923 г. на сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, в 1930 – на Всесоюзной олимпиаде национальных театров, в 1931 г. – во время Недели белорусской культуры, в 1939 г. – на Всесоюзном смотре колхозно-совхозных театров, в 1940 г. – на Всесоюзном смотре театров для детей.

В свою очередь белорусская драматургия занимала прочное место в репертуаре театров других союзных республик. В них ставились пьесы "Карьера товарища Брызгалкина" Е. Миновича, "Мост" Е. Романовича, "Гута" Р. Кобца, "Межбурье" Дм. Курдина, "В пуцах Полесья" Я. Коласа, "Партизаны" К. Крапивы, "Чудесная дудка" В. Вольского.

В театрах сформировалась плеяда замечательных белорусских актеров: Л. Ржецкая, В. Владомирский, Б. Платонов, Г. Глебов, И. Жданович, П. Молчанов, Е. Миронова, С. Станюта, К. Санников и др. Сложилась группа талантливых режиссеров: Е. Минович, Ф. Жданович, В. Голубок, Л. Рахленко, М. Мицкевич, К. Санников, С. Розанов, Б. Тамарин, М. Зоров, Л. Литвинов и др.

В период войны многие театральные деятели и актеры находились в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах, участвовали в выступлениях фронтовых театральных бригад. В послевоенном репертуаре ведущее место заняли спектакли о Великой Отечественной войне. Лучшим спектаклем этой тематики в послевоенный период был "Константин Заслонов" А. Мовзона (режиссер К. Санников) в театре имени Я. Купалы, получивший в 1948 г. Государственную премию СССР. Мужество народа в годы борьбы с фашизмом показывали пьесы "За тех, кто в море!" Б. Лавренева, "Молодая гвардия" по А. Фадееву, "С народом" К. Крапивы, "Это было в Минске" А. Кучера, "Брестская крепость" ("Цитадель славы") К. Губаревича.

Постепенно в послевоенные годы театры перешли к спектаклям на темы жизни и труда рабочего класса и крестьянства. Появились пьесы, лакировавшие действительность и сглаживавшие социально-психологические конфликты: "Алазанская долина" К. Губаревича и И. Дорского, "Песня наших сердец" и "Когда зацветают сады" В. Полесского, "Поют жаворонки" К. Крапивы, "Калиновая роща" А. Корнейчука.

Белорусское театральное искусство приобрело известность и признание у союзного театрального зрителя. Высокий уровень культуры спектаклей, мастерство белорусских актеров и режиссеров отмечались на Декадах белорусского искусства и литературы в Москве (1955), на межреспубликанских театральных фестивалях.

С середины 1960-х годов в постановках театров республики стали подниматься острые социальные проблемы и начались поиски новых средств сценической

выразительности. Прочное место в репертуаре заняли пьесы А. Макаенка, К. Крапивы, А. Дилендика, Н. Матуковского, А. Петрашкевича, К. Губаревича, А. Мовзона, инсценировки произведений И. Мележа, И. Шемякина, С. Граховского, А. Адамовича, которым присущи глубокое чувство ответственности за судьбу современника.

В 1970–1980-е годы наиболее значительными работами Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы были спектакли "Трибунал", "Таблетка под язык", "Святая простота" А. Макаенка, "Плачь перепелки" (по И. Чигринову), "Люди на болоте" (по И. Мележу), "Рядовые" А. Дударева. Спектакль "Рядовые" в 1985 г. был отмечен Государственной премией СССР.

Спектакли Белорусского государственного театра имени Якуба Коласа отличались высоким профессиональным мастерством актеров и режиссурой. В этот период были поставлены спектакли "Снежные зимы" И. Шемякина, "Последний шанс" В. Быкова, "Колокола Витебска" В. Короткевича, "Амнистия" Н. Матуковского, "Вызов богам" А. Дилендика. За достигнутые успехи в 1977 г. театру было присвоено звание академического.

Государственный русский драматический театр БССР имени М. Горького вместе с русской и зарубежной классикой ставил спектакли по пьесам белорусских авторов. Среди них были "Руины стреляют в упор" (по И. Новикову), "Пойти и не вернуться" (по В. Быкову), "Возвращение в Хатынь" (по А. Адамовичу) и др.

В 1988 г. в республике работало 17 театров, количество посещений которых составило 3,2 млн (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г., 1989. С. 114, 115). Однако в 10-миллионной Белоруссии, 77,8% населения которой составляют белорусы, действовало только три белорусскоязычных драматических театра. По размеру финансирования театров, в расчете на количество населения республика занимала одно из последних мест в стране и в 5–6 раз отставала от республик Прибалтики и Закавказья (Марцэлеў, 1989).

Сравнение данных массовых опросов городских жителей БССР белорусской национальности показало, что за 10 лет (1976–1986) среди населения возросла доля горожан, которые с той или иной частотой посещают театры. Так, если в 1976 г. театры и концерты посещали 84,1% опрошенных горожан-белорусов, то в 1986 г. – 87,9%. Однако экстенсивный рост числа посетителей театров вовсе не означал, что шло повышение культурного уровня горожан. Как показал анализ полученных данных, расширение контингента посетителей театров в республике сопровождалось снижением качественных характеристик театральной аудитории и углублением дифференциации театральных зрителей. Если в 1976 г. в театры и на концерты в городах БССР ежемесячно ходили 19,5% опрошенных белорусов, то в 1986 г. – всего 8,5%. При этом доля лиц, посещающих театры и концерты несколько раз в год, осталась приблизительно на том же уровне (в 1976 г. – 53,7%, в 1986 г. – 55,5%), а вот доля тех, кто бывал в театрах и на концертах раз в несколько лет, возросла с 10,9% в 1976 г. до 23,9% в 1986 г. Таким образом, уже в 1980-е годы в театральной аудитории шел процесс перехода активных театралов в разряд умеренных, а последние – в число тех, кто очень редко их посещает.

Внедрение в сферу культуры хозрасчета в сочетании с полученной театрами свободой самим формировать репертуар все явственнее оборачивается коммерциализацией театрального искусства. В театральном репертуаре некоторых театров классическая и национальная драматургия начала исподволь замещаться развлекательными драматургическими поделками.

Однако в конце 1980-х годов, несмотря на экономические трудности, в театральной жизни республики наметились положительные тенденции, характеризующиеся проявлением большего интереса к ценностям национальной культуры и в то же время активным освоением новых театральных стилей и направлений, форми-

рованием оригинального репертуара. Этому процессу способствовало освобождение театров от жесткой цензуры в отношении выбора к постановке драматических произведений и режиссуры.

Вся творческая деятельность ведущего театра республики – Белорусского государственного академического театра имени Я. Купалы стала подчиняться идее национально-культурного возрождения белорусского народа. В конце 1993 г. театр, художественным руководителем которого много лет является В. Раевский, получил название Национального академического театра имени Я. Купалы. Наиболее яркими спектаклями конца 1980-х – первой половины 1990-х годов стали "Страсти по Авдею" ("Крик на хуторе") В. Бутримева, "Тутэйшыя" Я. Купалы, музыкальный спектакль "Идиллия" по либретто В. Дунина-Марцинкевича, "Звон – не молитва" И. Чигринова. Значительным явлением в белорусской театральной жизни стала постановка в Витебске на сцене Белорусского государственного академического театра имени Якуба Коласа комедии В. Дунина-Марцинкевича "Залеты".

Областные театры, которые больше всего пострадали от развала старой театральной системы, наряду с постановкой пьес русских и зарубежных авторов, стали чаще обращаться к национальной классике и постепенно переходить на белорусский язык. Вместе с тем процесс этот протекает неровно и осложняется частой сменой главных режиссеров, репертуарным голодом, нехваткой средств, ограничением гастрольной деятельности и т.д.

После отмены цензурных ограничений в Белоруссии с конца 1980-х годов стали открываться театры совершенно нового направления: театр-лаборатория "Вольная сцена", минский Альтернативный театр, театр-студия под руководством Р. Талипова; в их репертуаре основное место занимает драматургия абсурда. В Гомеле в это время создается частный независимый театр Г. Фиглина, в Минске – муниципальный театр, преобразованный из театра драмы "Где – Я?", поэтический театр одного актера "Зынич" Г. Дягилевой и др. Широкий размах приобретает студийное движение, приведшее к открытию во многих городах театров-студий. Если в 1989 г. в Белоруссии работало 17 театров (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г., 1990. С. 116), то в 1990 г. их было уже 21, а в 1996 г. – 24 (Республика Беларусь в цифрах, 1997. С. 88), 12 из которых – белорусскоязычные.

Развитию театральной культуры содействует проведение в республике различных фестивалей и смотров театрального искусства. В октябре 1993 г. в Минске был проведен Первый международный фестиваль моноспектаклей под названием "Я". В нем приняли участие актеры, режиссеры, драматурги из Англии, Германии, Польши, России, Литвы. Организованный в 1994 г. на средства коммерческих структур театральный фестиваль "Молодежная сакавіца-94" (бел. сакавіца – движение сока) был посвящен смотру творчества и чествованию ведущих мастеров белорусского театрального искусства. В октябре 1996 г. в Бресте впервые прошел фестиваль "Белая Вежа". Второй международный театральный фестиваль "Белая Вежа" состоялся 2–5 октября 1997 г. В нем наряду с белорусскими театрами приняли участие театральные коллективы из России, Литвы, Монголии, Польши, Украины, Кипра. Всего в рамках фестиваля свое искусство показал 21 театр (Викторович, 1997).

Таким образом, несмотря на экономические трудности последнего десятилетия, белорусский театр не только приспособился к новым условиям, но и получил дальнейшее развитие. Об этом красноречиво свидетельствуют активное сотрудничество Национального академического театра имени Я. Купалы с Белостокским театром имени А. Венгерки в Польше, постановки спектаклей в ряде стран Западной Европы режиссером Р. Талиповым, проведение в Беларуси международных театральных фестивалей. Однако необходимо отметить, что материальное положение не позволяет основной массе населения часто ходить в театр. Если в 1985 г.

количество посещений театра в республике составляло 3274 тыс. (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г., 1990. С. 117), то в 1997 г. оно сократилось почти вдвое и составило всего 1694 тыс. (Республика Беларусь..., 1997. С. 88).

В период современного кризиса идеологии, роста преступности, бездуховности, снижения уровня благосостояния народа театр может стать одним из действенных факторов морально-эстетического обновления общества. Это потребует дополнительных материальных вложений в театральное искусство, но отдача художественной культуры всегда прямо пропорциональна реальному вкладу в нее общества и государства.

БАЛЕТ

Белорусский балет – исторически новое явление, истоки которого уходят в народные обряды, игрища, хороводы, где танец был неотделим от песни, игры, театрального действия.

В XVIII в. существовали крепостные балетные труппы в Гродненском балетном театре А. Тизенгауза, Несвижском и Слуцком театрах Радзивиллов, Слонимском театре М. Огинского, Шкловском театре Зорича. Для подготовки танцоров в Гродно, Несвиже, Слониме, Слуцке и Шклове были открыты балетные школы, в которых преподавали известные западноевропейские балетмейстеры. В 1845–1847 гг. в Витебске работала балетная труппа польского балетмейстера М. Пиона ("Витебский балет Пиона"), состоящая из вольных и крепостных танцовщиков, среди которых были и белорусы.

Появление белорусского народного сценического танца относится к 1905 г., когда была образована "Первая белорусская труппа" Игната Буйницкого. В поездках по Белоруссии артисты труппы собирали и записали около 70 белорусских народных танцев, лучшие из которых с успехом исполнялись на концертах. Буйницкий не модернизировал народные танцы никакими новыми штрихами. Их старались исполнять на сцене так, как они исполнялись в народе. Благодаря этнографической точности в их сценическом воспроизведении были сохранены в чистоте основные элементы белорусского танца, его национальный характер.

Работу Буйницкого в области театрализации белорусского народного танца продолжил в 1920-е годы на сцене БГТ-1 К. Алексютрович. В его постановке народные танцы, не утрачивали своих национальных черт, приобретали сценическую завершенность, обогатились профессиональной хореографической культурой. Одновременно балетная группа БГТ-1 начала осваивать основы классического танца и творческий опыт русского балета.

В 1922 г. на сцене БГТ-1 балетмейстером К. Алексютовичем был поставлен первый балет "Коппелия" Л. Делиба, затем в его же постановке "Очарованный лес" Р. Дриго. В 1928 г. открытием при музыкальном техникуме оперного и хореографического классов была начата систематическая подготовка национальных кадров балета. С целью подготовить в республике открытие театра оперы и балета в Минске в 1930 г. на базе специального высшего оперного класса Белорусского музыкального техникума была создана Белорусская студия оперы и балета. Руководили студией дирижер И. Гитарц, балетмейстер Л. Крамаревский, хормейстер и главный концертмейстер Г. Петров, режиссер-ассистент О. Борисевич.

Среди закончивших студию были С. Дречин, Ю. Хираско, Т. Узунова, Н. Гурвич, Я. Вепринский, В. Бурейко, К. Пекур, Р. Гимпелева, Т. Новикова, Г. Щелкина, Н. Финская и другие, которые внесли большой вклад в становление и развитие белорусского балета (Чурко, 1966. С. 14).

23 мая 1933 г. был открыт Белорусский государственный театр оперы и балета. Его первой хореографической постановкой явился балет Р. Глиэра "Красный мак". Эта и последующие постановки театра – "Коппелия", "Конек-Горбунук", "Лебединое озеро" – свидетельствовали о глубоком освоении белорусской хореографией опыта балетного искусства русского и других народов СССР. Постановленный в 1938 г. балет П. Чайковского "Лебединое озеро" (балетмейстер К.А. Муллер) был первым обращением труппы к "большой классике", что свидетельствовало о росте технического и актерского мастерства белорусских артистов.

Балетная труппа театра пополнялась в основном выпускниками московских и ленинградских училищ, солистами столичных театров. В 1938–1939 гг. количество артистов балета превысило 100 человек. Это был большой, высокопрофессиональный коллектив, который наряду с освоением и изучением белорусского народного хореографического искусства работал и над совершенствованием классического танца.

Работа завершилась созданием в 1939 г. первого национального балета "Соловей" М. Крошнера (либретто Ю. Слонимского и А. Ермолаева по одноименной повести З. Бядули, балетмейстер А. Ермолаев), где классика получила живой национальный колорит. Хореография балета правдиво передавала драматическую коллизию сюжета повести Бядули. Значение этой постановки для белорусского балетного театра исключительно велико. Решенный в народно-героическом жанре спектакль свидетельствовал о зрелости белорусской хореографии.

Среди мастеров белорусского балета периода его становления (1930–1940-е годы) выделились народные артисты БССР А. Николаева, З. Васильева, С. Дречин, заслуженные артисты БССР Н. Млодзинская, Т. Караваева, Б. Карпилова, Е. Глинских.

Во время Великой Отечественной войны театр был эвакуирован в г. Ковров, где З. Васильева поставила балет П. Гертзля "Тщетная предосторожность". После освобождения Белоруссии от немецко-фашистских войск театр вернулся в Минск и на его сцене были осуществлены постановки лучших произведений русской и мировой балетной классики – "Дон Кихот" Л. Минкуса, "Лебединое озеро" П. Чайковского, "Бахчисарайский фонтан" Б. Асафьева (*Чурко*, 1966. С. 51).

Поиски национального своеобразия белорусского балета воплотились в 1949 г. в постановке "Князь-озеро" В. Золотарева (либретто М. Климковича при участии В. Вайнонена, постановка К. Муллера), получившей Государственную премию СССР. В нем было достигнуто гармоническое единство музыки и танца. Композитор В. Золотарев, следуя лучшим традициям русской классики, создал чрезвычайно эмоциональную, мелодичную, яркую национальную музыку. Однако постановки "Князь-озеро" и "Соловей", принесшие известность белорусскому балету, были созданы на сказочно-легендарной основе. Последующие редакции "Князь-озера" – "Повесть о любви" и "Пламенные сердца" на музыку В. Золотарева – были первыми попытками рассказать о современной действительности, но они не увенчались успехом.

В 1960 г. балетную труппу ГБТа БССР возглавил А. Андреев. С его приходом началась работа над национальными спектаклями на современную тематику, в которых раскрывались черты характера современника. Первыми такими спектаклями стали балеты К. Караева "Тропой грома" в постановке Н. Конюс (1960) и "Мечта" Е. Глебова (либретто Е. Романовича) в постановке А. Андреева (1961). Они показали, что балетному искусству БССР доступно воплощение самых серьезных современных проблем.

Следующим спектаклем, отражающим советскую действительность, был балет Г. Вагнера "Свет и тени" (1963) (либретто Н. Алтухова по роману П. Бровки

"Когда сливаются реки"), рассказывающий о дружбе народов и борьбе молодежи с религиозным фанатизмом.

В 1965 г. балетную труппу театра возглавил О. Дадишкилиани, поставивший в 1967 г. современный национальный белорусский спектакль "Альпийская баллада" Е. Глебова (либретто Р. Череховской по одноименной повести В. Быкова). В нем О. Дадишкилиани стремился показать не только взаимоотношения героев в экстремальных условиях войны, но и философски осмыслить общечеловеческую трагедию, постигшую белорусский народ в годы Великой Отечественной войны, что определило завидное долголетие спектакля.

На сцене Государственного академического Большого театра оперы и балета Беларуси был создан ряд спектаклей, посвященных как далекой истории, так и современности. Это – "Соловей" М. Крошнера, "Князь-озеро" и последующие его редакции ("Повесть о любви", "Пламенные сердца") В. Золотарева, "Мечта", "Избранница", "Альпийская баллада", "Курган" Е. Глебова, "Подставная невеста", "Свет и тень" Г. Вагнера, "Крылья памяти" В. Кондрусевича. Почти все они уже сошли со сцены, хотя в них были танцевальные сцены, картины и отдельные номера, составившие классику белорусского балета.

В 1970–1980-е годы белорусский балетный театр вышел на новые рубежи. В постановках В. Елизарова балеты "Сотворение мира" А. Петрова, "Тиль Уленшпигель" Е. Глебова, "Спартак" А. Хачатуряна представляли собой общественно значимые произведения, созданные на высоком профессиональном уровне. На сцене Государственного академического Большого театра оперы и балета Беларуси были поставлены "Лебединое озеро", "Щелкунчик" и "Спящая красавица" П. Чайковского, "Дон Кихот", "Баядерка", "Пахита" Л. Минкуса, "Жизель" и "Корсар" А. Адана, "Золушка", "Ромео и Джульетта" С. Прокофьева, "Бахчисарайский фонтан" Б. Асафьева и другие шедевры мирового и советского классического балета.

В 1992 г. по приказу Министерства культуры балетная труппа театра получила производственно-творческую самостоятельность. Среди спектаклей этого времени наиболее удачной была постановка балета "Ундина" Г. Хенце.

Белорусский балет приобрел международное признание. Его искусство высоко оценили зрители многих стран Европы, Америки, Азии и Океании.

МУЗЫКА

Зарождение профессиональной музыкальной культуры связано с творчеством бродячих актеров-музыкантов. В древности среди них выделялись гуслиеры ("гусельнікі"), гудошники ("гудкі"), дудари ("дудачнікі"), исполнители на бубнах. В XVI–XVII вв. появились скрипачи, цимбалисты.

Бродячие нищие ("старцы"), при сборе подаяния певшие духовные стихи, исторические песни и псалмы (часто под аккомпанемент лиры), также представляли собой своеобразную народно-профессиональную музыкальную субкультуру белорусского народа.

Народные наигрыши, песни и танцы широко использовали для оживления рождественских показов батлейки самодеятельные музыканты – обычно скрипач, цимбалист, бубнач (*Барышаў, Саннікаў, 1962. С. 69–70*).

Крупными центрами профессиональной музыкальной культуры в Белоруссии в XVI–XVII вв. были религиозные православные братства. Музыка была в их школах одним из основных предметов преподавания. Выпускники школ владели нотной

грамотой пятилинейной нотации и навыками исполнения сложных многоголосых произведений. Хоры братских школ обычно участвовали в постановках школьного театра, нередко используя для музыкального сопровождения бытовых сатирических интермедий народные песни.

Во второй половине XVI в. в Белоруссии делаются первые пробы нотопечата-ния (изданный в 1558 г. в Бресте Е. Зарембой сборник "Песни хвал боских" – "Песни божественных хвалений" и Несвижский песенник 1563 г. М. Ковячинского).

В это время получают распространение канты – гимны на светскую (собствен-но канты) и религиозную (псалмы) тематику. Складывается самобытная белорус-ская кантовая культура, отражающая многие стороны национальной жизни народа. Псалмы и канты постепенно приобрели популярность как среди горожан, так и среди сельских жителей, вошли в свадебный обряд, их исполняли при хождениях со звездой во время Коляд.

В музыкально-театральной культуре XVIII – первой половины XIX в. значи-тельное место занимали крепостные оркестры и капеллы, существовавшие в магнатских и помещичьих театрах. Своей музыкой они сопровождали театральные представления, церковные службы, военные парады, балы. Большинство оркест-рантов и хористов составляли крепостные крестьяне, подготовленные квали-фицированными зарубежными педагогами в специальных школах при театрах. Не будучи белорусским национальным явлением, крепостные театры тем не менее значительно содействовали распространению музыкального профессионализма в Белоруссии.

В XIX в. начал пробуждаться общественный интерес к белорусскому народ-ному музыкальному творчеству. Параллельно с его собиранием, публикацией и изучением музыкальная интеллигенция делала попытки композиторской обработки и концертной пропаганды произведений белорусской народной музыки. Использование белорусских народнопесенных тем и интонаций встречается в творчестве Ф. Шопена, С. Моноюшки, М. Римского-Корсакова, А. Абрамовича. Огромную роль в изучении и пропаганде белорусской народной песни сыграла организованная Н. Янчуком в 1901 г. при Московском университете Музыкально-этнографическая комиссия этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В концертах, организуемых этой комиссией, постоянно исполнялись белорусские народные песни в обработке С. Танеева, А. Гречанинова, А. Маслова, Ю. Энгеля, Н. Янчука.

В 1910 г. Белорусский музыкально-драматический кружок поставил в Вильно оперетту с национальной тематикой – "Залеты" В. Дунина-Марцинкевича. По горо-дам Белоруссии в это время гастролировала Минско-Виленская оперная труппа. Для интермедий первой белорусской театральной труппы И. Буйницкого обраба-тывались белорусские народные песни композиторы Л. Роговский и С. Шимкус.

Музыкальное искусство Белоруссии советского периода прошло в своем разви-тии три крупных этапа.

Первый период охватывает довоенные и военные годы, первое послевоенное десятилетие. Это время освоения первыми белорусскими профессиональными композиторами основ композиторской техники, изучения и национально-специфического преломления в своем творчестве закономерностей классической музыки, белорусского народного песенного и хореографического искусства.

В 1925 г. композитором Н. Чуркиным была написана 1-я симфонетта, остаю-щаяся до настоящего времени одним из самых ярких узоров национального жанро-вого симфонизма. Его же перу принадлежит и первая белорусская советская опера "Освобождение труда". В 1920-е годы создает фортепьянный квинтет и комиче-скую оперу "Тарас на Парнасе" Н. Аладов, 1-ю симфонию Е. Тикоцкий, первые белорусские кантаты Т. Шнитман. В области камерной музыки плодотворно рабо-

тали Г. Пукст и И. Фидлон. Важным событием в музыкальной жизни 1930-х годов явилось создание опер "Цветок счастья" А. Туренкова, "Михась Подгорный" Е. Тикоцкого, "В пущах Полесья" А. Богатырева и балета "Соловей" М. Крошнера.

В период войны главной темой творчества белорусских композиторов становится борьба с немецко-фашистскими захватчиками и партизанское движение в Белоруссии. К наиболее крупным музыкальным произведениям того времени можно отнести кантаты "Ленинградцы" на слова Джамбула и "Белорусским партизанам" А. Богатырева на слова Я. Купалы, балладу "В суровые дни" Н. Аладова, симфоническую оперу "Памяти Великой Отечественной войны" Н. Чуркина, оперу Е. Тикоцкого "Алесь".

Сразу же после освобождения Минска в 1944 г. в городе возобновили свою работу Белорусский театр оперы и балета, Союз композиторов БССР, Белорусская консерватория, Белгосэстрада. За послевоенное десятилетие были созданы оперы "Машека" Г. Пукста (1945), "Андрей Костень" Н. Аладова (1946), "Кастусь Калиновский" Дм. Лукаса (1947), "Надежда Дурова" А. Богатырева (1956), "Девушка из Полесья" (1953) Е. Тикоцкого. Одним из основных направлений творчества становится массовая песня.

Второй период развития белорусской советской профессиональной музыки охватывает 1950–1970-е годы. В это время формируется белорусская композиторская школа, осваиваются различные музыкальные жанры, растет профессиональное мастерство музыкантов, расширяется тематика произведений. Приобретает известность творчество Е. Глебова, Г. Вагнера, Э. Тырманды, Ю. Семеняко и др.

Широкую известность приобретает деятельность Белорусского ансамбля песни и танца во главе с Г. Ширмой (с 1955 г. – Государственная капелла БССР), Государственного народного оркестра БССР под управлением И. Жиновича и Государственного симфонического оркестра БССР. В 1952 г. создается Государственный народный хор БССР под руководством Г. Титовича, в 1958 г. – концертно-эстрадный оркестр Белорусского телевидения и радио, в 1959 г. – Государственный ансамбль танца БССР, в 1968 г. – Минский камерный оркестр, в 1971 г. – Государственный театр музыкальной комедии БССР.

Характерной особенностью развития музыкально-театральных жанров этого периода стали оперы и балеты на современную тему: оперы "Колючая роза" (1960), "Когда опадают листья" (1968) Ю. Семеняки, балеты "Свет и тени" (1963) Г. Вагнера, "Мечта" (1961) Е. Глебова.

Симфонизм этого периода также характеризуется обогащением содержания и форм произведений (1-я, 2-я, 3-я симфонии А. Абелиовича, симфонии Р. Бутвиловского, В. Чередииченки, 1-я симфония Дм. Смольского, 3-я и 4-я симфонии Е. Глебова, 1-я и 2-я симфонии Г. Вагнера).

Третий период составляет белорусская профессиональная музыкальная культура 1980–1990-х годов. Этот период связан с выходом национальной музыки за пределы Белоруссии и является качественно новой ступенью творческих достижений белорусских композиторов и исполнителей. Среди лучших из них – произведения различных жанров, опирающиеся на органичный сплав народной и современной музыкальной культуры.

Приоритетное положение в музыке занимает белорусский симфонизм с отчетливо выраженной концептуальной направленностью. Это 5-я симфония ("К миру") Е. Глебова, 5-я и 6-я симфонии ("Память земли" и "Полоцкие письма") А. Мдивани, удостоенные Государственной премии БССР за 1988 г., 8-я симфония Ф. Пыталева и 6-я симфония Д. Смольского, посвященные теме истории и современности и характеризующиеся высоким профессионализмом.

Значительными были достижения белорусских композиторов и в области народно-оркестровой музыки. Их новаторство проявилось в соединении симфоний, симфонических музыкально-драматических поэм и кантат с возможностями белорусской народно-оркестровой музыки (5-я симфония А. Мдивани "Память земли", музыкально-драматическая поэма В. Иванова "Симон-музыка", музыкально-сценические композиции В. Полозова "Батлейка", "Сельские музыканты" и др.).

В оперном искусстве основное место заняли произведения на национальную тематику. Это – "Тропою жизни" Г. Вагнера, "Седая легенда" Д. Смольского, "Дикая охота короля Стаха" Б. Солтана. Отличаются высоким профессионализмом оперы С. Кортеса "Джордано Бруно" и "Матушка Кураж", которые написаны в содружестве с либреттистом В. Халипом.

Вехой в музыкальной жизни республики стала постановка опер Д. Шостаковича "Леди Макбет Мценского уезда" ("Екатерина Измайлова") и А. Бондаренко "Князь Новгородский", за которую композитору в 1994 г. была присуждена Государственная премия Республики Беларусь.

Большую роль в популяризации песен как белорусских народных, так и современных белорусских композиторов в 1970–1980-е годы сыграли вокально-инструментальные ансамбли "Песняры" (художественный руководитель В. Мулявин) и "Сябры" (художественный руководитель и ведущий солист А. Ярмоленко).

Важным событием явилось открытие в Минске в 1971 г. Государственного театра музыкальной комедии БССР. Наряду с опереттами И. Кальмана, И. Штрауса и других классиков на его сцене были поставлены оперетты на национальную тематику "Павлинка", "Поют жаворонки", "Неделя вечной любви" Ю. Семеники, "Нестерка" Г. Суруса.

В 1990-е годы в его репертуаре прочное место заняла оперетта Б. Стрельникова "Холопка", а также оперетты белорусских композиторов, в том числе музыкальная комедия Е. Глебова "Миллионерша", мюзиклы В. Кондрусевича "Джулия" и "Стакан воды" (*Лыч, Навіці*, 1991. С. 432–433).

В жанре оперетты и музыкальной комедии следует отметить по глубине содержания "Нестерку" Г. Суруса, "Дениса Давыдова" А. Мдивани, "Миллионершу" Е. Глебова. Богатый опыт накоплен белорусскими композиторами в области балета. 1980–1990-е годы знаменательны и активным подъемом хоровой культуры в республике, связанной с именами А. Богатырева и А. Мдивани.

В области вокально-инструментальной музыки, где ведущее место принадлежит оратории и кантате, до 1990-х годов большое внимание уделялось военно-патриотической тематике.

Стали традиционными фестивали национального музыкального искусства в г. Молодечное, международный фестиваль духовной (христианской) музыки "Магутны Божа" в Могилеве. С каждым годом все большую популярность приобретает международный музыкальный фестиваль "Славянский базар" в Витебске, который с 1992 г. совместно проводят Беларусь, Россия и Украина.

Музыка является важнейшим средством духовного общения и формирования личности. Между тем при этносоциологическом исследовании музыкальных предпочтений городских жителей Белоруссии бросается в глаза слабое знание музыкальной классики: любители симфонической и камерной музыки в 1989 г. составили всего 5,6% опрошенных. Причем в группе горожан с образованием 7–9 классов классическую музыку предпочитали другим ее жанрам всего 2,6%, а среди лиц с высшим образованием – 11,0% опрошенных. Наибольшей популярностью среди городских жителей республики пользуется эстрадная, джазовая и популярная западная музыка, которая нравилась 54,0% опрошенных горожан.

Кино появилось в России на рубеже XIX–XX вв. Первые видовые и хроникальные фильмы демонстрировались в 1896 г. в Петербурге, затем в Москве (*Зезина, Кошман, Шульгин*, 1990. С. 256). А в 1898 г. хроникальные съемки проводились уже в Белоруссии. Но своего кинопроизводства в Белоруссии не было вплоть до Октябрьской революции. В 1914 г. на территории края имелось всего 56 частных киноустановок.

В 1922 г. в БССР было создано киноуправление "Киноресбел", а в мае 1924 г. – организация "Белорусское пролеткино", которые занимались кинопрокатом. В декабре 1924 г. принимается постановление СНК БССР о создании Государственного управления по делам кинематографии и фотографии – "Белгоскино", положившее начало развитию белорусской кинематографии. В 1925 г. "Белгоскино" имело уже 28 постоянных киноустановок, 10 клубных и 25 кинопередвижек (*Марцелев*, 1978. С. 65).

Продукцию белорусского кинематографа составляли вначале хроникально-документальные картины. Первый белорусский художественный фильм "Лесная быль" (сценаристы Ю. Тарич и М. Чарот, режиссер Ю. Тарич) вышел в 1926 г. В 1928 г. киноорганизацией "Белгоскино" в Ленинграде была создана киностудия "Советская Беларусь" (с 1946 г. – "Беларусьфильм"), в 1935 г. – Минская студия кинохроники.

Ведущее место в белорусской кинематографии довоенного времени занимали историко-революционные фильмы ("Кастусь Каллиновский", 1928; «Отель "Савой"», 1930; "Балтийцы", 1937; "Одиннадцатого июля", 1938), а также фильмы, показывающие формирование человека в условиях социалистической действительности ("Дважды рожденный", 1934; "Золотые огни", 1935; "Искатели счастья", 1936). Широко экранизировались произведения литературы.

В 1940 г. в Белоруссии насчитывалось уже 763 киноустановки, в том числе 236 в городах и поселках городского типа (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1974 г., 1975. С. 318).

В годы войны в белорусском киноискусстве ведущее место заняла фронтовая и партизанская кинохроника. В послевоенное время успехи белорусской кинематографии связаны с показом подвига народа в годы Великой Отечественной войны. Это фильмы "Константин Заслонов" (1949), "Часы остановились в полночь" (1958), "Через кладбище" (1965), "Альпийская баллада" (1966), "Я родом из детства" (1967).

С середины 1950-х годов в белорусском киноискусстве значительное внимание начинает уделяться современной проблематике: "Наши соседи" (1957), "Вперед – крутой поворот" (1960), "Последний хлеб" (1963). Одновременно по-прежнему большое место в кинопродукции занимали и историко-революционные фильмы "Красные листья" (1958), "Москва-Генуя" (1964), "Крушение империи" (1971), "Рудобельская республика" (1972), киноэкранизации лучших постановок театра имени Я. Купалы – "Павлинка" (1952), "Поют жаворонки" (1953), "Кто смеется последним" (1954).

Большую популярность завоевали белорусские фильмы для детей – "Дети партизана" (первый цветной фильм, 1954), "Николка-паровоз" (1957), "Девочка ищет отца" (1959), "Полонез Огинского" (1971), "Город мастеров" (1965) и др. В 1965 г. был создан первый широкоформатный фильм "Черная береза".

Высокую оценку зрителей и критики получили фильмы 1970-х годов: "Волчья стая" по повести В. Быкова, совместная работа с кинематографистами Чехослова-

кин "Маленький сержант" и белорусско-болгарская лента "Братушка". В последние два десятилетия все большую известность завоевывают работы телевизионного объединения студии "Беларусьфильм", которое существует с 1968 г.

Фильмы 1970–1980-х годов о Великой Отечественной войне отличали нестандартный подход к освещению проблем и событий военных лет, использование новых выразительных средств: двухсерийная эпопея "Пламя" (1975), "Волчья стая" (1975), "Венок сонетов" (1977) и др. Значительным событием явилась экранизация романов И. Мележа "Люди на болоте" (1981) и "Подых навалыніцы" ("Веяние грозы") (1983).

Большой вклад в развитие белорусского киноискусства 1960–1980 гг. внесли документальные фильмы. В области героико-патриотической тематики широко известны фильмы "Письма в бессмертие" (в основу которого положены "Письма на волю" В. Хоружей), "Генерал Пуша", "Диана белорусских лесов", "Я крепость – веду бой". Особое место среди них занимают фильмы В. Дашука "Хатынский цикл", "Женщина из убитой деревни", "Горсть песка", "Немой крик", поставленные по документальной книге "Я из огненной деревни..." А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника.

Многие интересные работы объединения документальных фильмов освещали проблемы колхозной деревни ("Твой дом на земле", "Дорога в оба конца", "Отцовское поле"), белорусское народное искусство ("Полесские колядки"), спорт ("Охота на золото") и др.

В 1970–1990-е годы киностудия "Беларусьфильм" делала художественные фильмы различных жанров: психологические драмы, мелодрамы, лирические киноповести, киноэпопеи, кинороманы, новеллы, приключенческие и детективные фильмы. Лучшие из них были отмечены наградами на многих международных и всесоюзных кинофестивалях.

Посещение кино в 1950–1980-е годы относилось к числу самых распространенных занятий городского населения в свободное время. В 1986 г. кинотеатры посещали с той или иной частотой 94,2% опрошенных городских жителей Белоруссии. Несмотря на то, что в период бурного развития телевидения основная часть киноаудитории в республике значительно помолодела, его посещали люди самых разных возрастов, национальностей и социальных групп. Кино сыграло большую роль в преодолении векового отрыва профессионального искусства от широких народных масс и оказало большое влияние на развитие эстетических вкусов, способствовало повышению общей культуры населения и выходу ее за узконациональные рамки.

С начала 1980-х годов в Белоруссии, как и в целом по СССР, шел спад массовости кинопосещений. В городах БССР количество кинопосещений составляло в 1980 г. 89 млн, в 1985 г. – 87, в 1988 г. – 82 млн (Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г., 1989. С. 113). Если в 1976 г. кинотеатры раз в неделю и чаще посещали 78,9% городской молодежи в возрасте до 20 лет, то в 1986 г. – 56,8, в возрасте 20–24 лет – соответственно 72,6 и 41,8%, в 1976 г. 17,0% горожан в возрасте 50–59 лет, а в 1986 г. – только 8,8%. В группе горожан 60 лет и старше доля активных кинозрителей снизилась с 13,3 до 3,2%.

По данным исследования 1986 г., кинотеатры в белорусских городах раз в неделю и чаще посещали 18,9% работающего населения, 1–2 раза в месяц – 42,7, несколько раз в год – 32,6, совсем не ходили в кино 5,8% респондентов.

Снижение общественной роли прокатного кино было характерно для страны в целом. Однако, как отмечали исследователи кино, в 1980-е годы потери в количественных отношениях более чем компенсировались показом кинофильмов в программах телепередач, распространением видеокассет.

Согласно данным проведенных в республике в 1980-е годы исследований, с по-

вышением социально-профессионального статуса опрошенных возрастала требовательность к эстетическому и профессиональному уровню кинофильмов, которые рассматривались в первую очередь как источники удовлетворения духовных потребностей. С повышением возраста активность кинозрителей снижалась, но кино оставалось самым массовым видом искусства до начала 1990-х годов.

Развал экономических связей между бывшими республиками Советского Союза, вызвавший резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения Белоруссии, недостаточное финансирование киностудий повергли в глубочайший кризис прокатное кино. В настоящее время даже лучшие фильмы мирового кино не собирают значительной аудитории зрителей. Основным каналом приобщения населения к киноискусству стало телевидение, а для молодежи – видео.

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА

Как самостоятельный вид искусства живопись на территории Белоруссии сложилась в XI–XII вв. и в начальный период своего становления испытала сильное византийское влияние. Об этом можно судить по фрескам в интерьерах Пятницкой церкви Бельничского Борисоглебского монастыря, Полоцкого Софийского собора, Полоцкой Спасо-Евфросиньевской церкви, Витебской Благовещенской церкви, по миниатюрам и украшениям Туровского Евангелия и т.д.

В начале XVI в. на территории Белоруссии сложилась самобытная иконописная школа. В произведениях художников этой школы наблюдались отход от древнерусских канонов в композиции, стремление к реальности в изображении. Отличительная черта белорусской иконописи – мягкий светлый колорит и развитая система орнаментации фонов в образах (икона "Параскева Пятница").

Иконопись XVII – первой половины XVIII в. приобретает монументальность форм, углубляются психологические характеристики иконописных образов, растет насыщенность икон этнографическими элементами и в них появляется простонародный типаж (икона "Успение", д. Пониква Каменецкого р-на Брестской обл.).

Портретный жанр светской живописи возник в Белоруссии в XVI в. Развивался в основном жанр парадного (сарматского) портрета, стилистически связанного с живописью Польши и западноевропейским искусством. Лучшие портреты известных художников того времени (князя А.Г. Ходкевича и митрополита И. Солтона) отличаются реалистичностью, глубиной психологической характеристики модели.

Под влиянием классицизма в светской живописи на рубеже XVIII–XIX вв. складываются новые жанры: исторический, пейзажный, батальный и др. В портретной живописи усиливается новое реалистическое направление.

После присоединения Белоруссии к России центром профессиональной подготовки белорусских художников стал Виленский университет, при котором существовали кафедры рисунка и живописи, скульптуры, графики. В 1832 г., после закрытия университета уроженцы Белоруссии получали специальное образование в основном в Петербургской академии художеств.

Определяющим жанром белорусской живописи первой половины XIX в. был портрет. Наиболее известные портретисты того времени – И. Алешкевич, Я. Дамель, В. Ванькович, А. Шемеш, К. Рипинский, Ф. Тулов. Успешно развивался исторический жанр ("Освобождение Костюшки из неволи" Я. Дамеля, 1830-е годы, "Переход армии Наполеона через Березину" Я. Суходольского, 1866 г. и др.). Ху-

дожники бытового жанра – К. Бахматович, Т. Бычковский, Ф. Горещкий, Ю. Карчевский – часто показывали в своих произведениях жизнь крестьян, ремесленников, отражали их быт. Среди пейзажистов выделялись В. Дмоховский и К. Русецкий, поэтизировавшие в своих картинах белорусскую природу. Прекрасным мастером натюрморта был И. Хруцкий.

На развитие изобразительного искусства второй половины XIX в. большое влияние оказали идеи русских революционных демократов и восстание 1863–1864 гг. В творчестве художников исторического жанра усилились мотивы патриотизма и гражданственности ("Похороны Гедимины" К. Альхимовича, "Битва при Грюнвальде" Я. Суходольского и др.).

Среди белорусских художников-пейзажистов, окончивших Петербургскую академию художеств, наиболее талантливым был А. Горавский. В бытовом жанре выделялся Н. Силиванович. В портретной живописи этого времени наиболее интересными были работы А. Ромера, А. Горавского, Б. Русецкого.

В конце XIX в. в Белоруссии возникли местные центры художественного образования (частные школы Я. Каценбогена, Я. Кругера в Минске, Ф. Пархоменки в Могилеве, Ю. Пэна в Витебске). Наряду с мастерами реалистического направления в живопись пришли художники с формалистическим подходом к отражаемой действительности (М. Шагал и др.).

Послеревolutionное развитие белорусской живописи происходило в острой борьбе различных художественных школ и течений. Мастера старшего поколения продолжали писать полотна в манере поздних передвижников, многие молодые негативно относились к реалистическим традициям прошлого. Представители "левых" формалистических направлений – М. Шагал, К. Малевич, Л. Лисицкий и др. – работали в основном в массовых видах искусства (афиши, плакаты, оформление праздников).

С 1925 г. в Белоруссии начали систематически организовываться художественные выставки, а с 1927 г. белорусские художники стали принимать участие во всесоюзных выставках. В 1938 г. живописцы, скульпторы, графики объединились в Союз художников БССР.

Определяющим жанром белорусской живописи в это время стали картины на историко-революционные темы. Наиболее известные из них – "Вступление Красной Армии в Минск" И. Ахремчика (1935), "Курловский расстрел" И. Давидовича (1940). Появились произведения, отражающие индустриализацию страны, славящие строителей нового общества ("Торф для Осинostroя" И. Ахремчика (1931), "Белорусские ткачи" (1940) Е. Красовского и др.). В период войны белорусская живопись внесла значительный вклад в изображение героической борьбы белорусского народа против немецких захватчиков.

В 1945 г. вновь открывается картинная галерея БССР, в 1953 г. – факультет живописи в Белорусском театральном-художественном институте.

В 1940–1950-е годы в творчестве художников В. Волкова, Е. Зайцева, К. Космачева, А. Шевченко, В. Суховерхова, П. Гавриленки и других разрабатывается тема войны и послевоенного восстановления народного хозяйства республики. Растет интерес художников к исторической тематике (А. Гугель, В. Цвирко).

В конце 1950-х годов ряды художников Белоруссии пополнились талантливыми выпускниками учебных заведений Москвы и Ленинграда (М. Савицкий, М. Данциг, И. Стасевич) и первыми выпускниками художественного факультета Белорусского театрально-художественного института (В. Громыко, Н. Шемелев, Б. Аракчеев и др.), в 1970–1980-е годы они стали ведущими художниками республики. В этот период проявили себя и молодые художники А. Марочкин, Н. Селешук, Е. Кулик, В. и М. Басалья, В. Толстик, М. Кунава, Ф. Янушкевич.

Знаменательным событием в изобразительном искусстве Белоруссии 1980-х

годов стал цикл картин М. Савицкого "Цифры на сердце" (1974–1980), в котором художник показал ужасы фашистских концентрационных лагерей.

Характерными чертами белорусской живописи 1970–1990-х годов являются значительное разнообразие творческих манер и высокая исполнительская культура, свидетельствующая об активном освоении художниками опыта мирового и отечественного искусства.

Длительный путь исторического развития наряду с живописью прошла скульптура. Древнейшие образцы деревянной скульптуры известны в Белоруссии с XIV в., но своего расцвета она достигла в XVII в. В это время много белорусских резчиков переехало в Москву, где они работали по украшению храмов и царских палат. В конце XVII–XVIII в. в Белоруссии получает распространение светская скульптура. Это были в основном мраморные и керамические портреты-бюсты магнатов, садово-парковая и мемориальная скульптура.

Деревянная культовая скульптура создавалась в основном народными мастерами (распятия в придорожных часовнях, деревенских церквях). Для этого вида скульптуры характерны полихромность. Чаще всего использовались красный, голубой, черный, коричневый цвета.

Скульптура первых послереволюционных лет развивалась под воздействием ленинского плана монументальной пропаганды. Были поставлены временные памятники-бюсты К. Марксу в Витебске и Минске, К. Либкнехту в Витебске.

Достижения скульптуры довоенного времени связаны с именами З. Азгура, А. Бембеля, А. Глебова, А. Орлова, А. Жорова, Г. Измайлова. Развитие портретного жанра скульптуры связано с творчеством М. Керзина, А. Бразера, З. Азгура.

В скульптуре периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия преобладает портретный жанр, в 1950-е годы широко развиваются монументально-декоративные и станковые формы (З. Азгур, С. Селиханов, А. Бембель, А. Глебов). В области станковой скульптуры преобладал жанр портрета – бюсты и статуи.

В 1960-е годы создано большое количество мемориальных памятников павшим воинам и партизанам.

Всемирную известность приобрел мемориально-архитектурный комплекс "Хатынь", созданный в 1967–1969 гг. скульптором С. Селихановым и архитекторами Ю. Градовым, В. Занковичем, Л. Левиным, за который в 1970 г. им была присуждена Ленинская премия. Монументальность, большая художественная выразительность отличают и мемориальный комплекс "Брестская крепость-герой" (1968–1971), созданный авторским коллективом под руководством скульптора А. Кибальникова, "Курган Славы Советской Армии – освободительницы Белоруссии" (1969 г., сооружен на 21-м км шоссе Минск–Москва), авторы его – скульпторы А. Бембель, А. Арцимович, архитекторы Л. Мицкевич, А. Стахович и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Абцедадарскі Л. С. Беларусы ў Маскве XVII в. Мінск, 1957.
- Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі. Мінск, 1994.
- Адамовіч А. Оглянься окрест // Огонек. М., 1988. № 39.
- Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1.
- Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею для разбора древних актов. Вильна, 1865–1912; 1871. Т. 5; 1891. Т. 18; 1912. Т. 36.
- Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы: Краниологические исследования. М., 1969.
- Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985.
- Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.
- Аляксандравіч С. Х. Кнігі і людзі. Мінск, 1967.
- Аляксееў В. П., Вітоў М. У., Цыгака Л. І. Расавая геаграфія беларусаў і праблемы этнагенезу. Мінск, 1994.
- Аникиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907.
- Аншмелле Н. Быт белорусских крестьян // ЭС. СПб., 1854. Вып. 2. Антырэлігійныя казкі, частушкі, прыказкі. Мінск, 1957.
- Анучин Д. Н. К вопросу о белорусской территории // Курс белорусоведения. М., 1920.
- Анушкін А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970. Архітэктура Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск, 1994.
- Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Балковец С. Взгляд сельского населения Минской губернии на холеру, самоощита его от эпидемии и отношение его к медперсоналу // МВИ. 1910. № 7.
- Бандарчык В. К. Евадзім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961.
- Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мінск, 1964.
- Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі (пачатак XX с.). Мінск, 1970.
- Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі. Мінск, 1972.
- Бантиш-Каменский Н. Н. Исторические известия о возникшей в Польше унии. Вильно, 1866.
- Бацькаўшчына. № 12. 1951. 18 каст.
- Баркулабовская летопись. Киев, 1908.
- Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1985.
- Барташэвіч Г. А. Беларуская народная паэзія веснавага цыкла і славянская фалькларыстычная традыцыя. Мінск, 1985.
- Барышаў Г. І., Санікаў А. К. Беларускія народныя тэатр батлейка. Мінск, 1962.
- Барышаў Г. І. Дзе была пастаўлена "Сялянка"? // Літаратура і мастацтва. 1980. 31 каст.
- Без-Корніловіч М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855.
- Беларускае народнае аддзене. Мінск, 1975.
- Беларускае народнае жыллё. Мінск, 1973.
- Беларуская вусна-паэтычная творчасць. Мінск, 1979.
- Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Мінск, 1971.

- Беларуская фалькларыстыка. Мінск, 1989.
- Беларускі архіў. Мінск, 1927. Т. 1.
- Беларускі эпас / Склад. С.І. Васіленя, М.Я. Грынблат, К.П. Кабашнікаў. Мінск, 1959.
- Беларускі этнаграфічны зборнік. Мінск, 1958.
- Беларусы: Дойлідства. Мінск, 1997. Т. 2.
- Беларусы: Промысловыя і рамесныя заняткі. Мінск, 1995. Т. 1.
- Беларусы. Этнаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі: Атлас. Мінск, 1996.
- Белицкий Е. (Рожанов Е.Р.). Под польским игом. Вильна, 1908.
- Белоруссия // Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского у-та И.Н. Березиным. СПб., 1874. Т. 4.
- Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. Мінск, 1959. Т. 1, 2; 1979. Т. 4.
- Белорусская кухня. Мінск, 1984.
- Белорусская Советская Социалистическая республика. Мінск, 1927.
- Белорусская СССР. Краткая энциклопедия. Мінск, 1981. Т. 4.
- Белорусская ССР. Очерки экономической географии. Мінск, 1953.
- Белорусская иммиграция в Аргентине и ее культурная организация // Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 год. Буэнос-Айрес, 1942.
- Белорусы // Русская энциклопедия / Под ред. Андрианова. СПб., 6. г. Т. 3.
- Белорусы // Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1891. Т. 5, кн. 9.
- Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады (Этноисторическое исследование). М., 1971.
- Бессонов П.А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871.
- Біч М.В. Дзе карані мігілізму? // Звязда. 1990. 23 студз.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. М.; Л., 1956. Т. XXXI.
- Бобринский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 1, 2.
- Богданович А.К. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
- Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. М., 1960.
- Болмас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861). Мінск, 1966.
- Болтенкова Л.Ф. Интернационализм в действии. М., 1988.
- Бондарчик В.К., Чигринов И.Г. Н.И. Никифоровский. Мінск, 1960.
- Бондарчик В., Федосик А. А.К. Сергпутовский. Мінск, 1966.
- Борзых Н.П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // СЭ. 1984. № 3.
- Борисов В.А. Воспроизводство населения СССР. М., 1985.
- Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг. Сб. документов и материалов. В 2 т. Мінск, 1988. Т. 1.
- Брацін І.М. Рыбалоўства ў Беларусі: Гісторыка-этнаграфічны нарыс. Мінск, 1976.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981 (2-е изд. 1986).
- Брюсов А.Я. Об экспансии "Культур с боевыми топорами" в конце III тысячелетия до н. э. // СА. 1961. № 3.
- Булгаковский П. Пичуки // Этнографический сборник. СПб., 1890.
- Бунак В.В. Антропологические исследования в южной Белоруссии // ТИЭ. М.; Л., 1956. Т. XXXIII.
- Бядуля З.М. Батлейка // ВНКП. 1922. № 3.
- Вайтко М. На берэзе Усяты ракі // НК. 1930. № 3.
- "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
- Вестник Могилевского земства. Могилев, 1915. № 4.
- Вестник Статистики. М., 1991. № 1.
- Верещакін П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии. Мінск, 1978.
- Вількін Я.Р. Беларускія народныя гульні. Мінск, 1969.

- Вінер Б., Коган М. Проблемы захававання нацыянальнай свядомасці беларусаў у Пецярбургу // Беларусіка. Мінск, 1992. Кн. 2.
- Витебская губерния. СПб., 1903.
- Витебские губернские ведомости. 1890. № 93; 1894, № 26.
- Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Восточной Прибалтики // ТПОКЭ. М., 1959. Вып. 2.
- Воинов А.А. История архитектуры Белоруссии. Минск, 1975.
- Волков А. Этнические смешанные семьи в СССР. Динамика и состав // ВС. 1989. № 8.
- Воронин А. Австралия – далекий край // Перестройка: Твоя позиция. 1989. № 6.
- Воронин Н.Н. Древнее Гродно. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1954. № 41.
- Восеньскія і талочныя песні. Мінск, 1981.
- Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в.
- Вышинский В.И. Развитие рабочего класса БССР (1921–1937 гг.) // Формирование и развитие многонационального рабочего класса СССР в период строительства социализма (1921–1937 гг.). Тбилиси, 1980.
- Гарэцкі Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР // Польша. 1929. № 5.
- Гванни А. Хроника Европейской Сарматии // ПВС. Витебск, 1916. Т. 3.
- Глевіч Н.С. Песні народных свят і абрадаў. Мінск, 1973.
- Гильтебрандт П.А. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Вильно, 1865. Вып. 1.
- Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Мінск, 1936. Т. 1. Гісторыя беларускага тэатра. У 3 т. (4 кнігі). Мінск, 1983. Т. 1.
- Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Мінск, 1972. Т. 1, 2; 1973. Т. 3; 1975. Т. 4.
- Гісторыя БССР. Мінск, 1971. Т. 1, 2.
- Гісторыя Мінска. Мінск, 1967.
- Гніламедаў У. Панарама маладой поэзіі // Родное слово. 1994. № 78.
- Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильна, 1874.
- Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. Мінск, 1990.
- Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. Мінск, 1993.
- Грацианская Н. Жилые и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX – начале XX в. // Славянский этнографический сборник: ТИЭ. М., 1960. Т. 62.
- Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводстве по делам брачным. СПб., 1896.
- Григорьева Р.А. Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия А. Документ № 21. М., 1991. С. 5, 6.
- Григорьева Р.А. Особенности культурно-бытовых процессов в этноконтактной зоне Латвии (Латгале) // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. М., 1992.
- Григорьева Р.А. Белорусская диаспора в России // Новые славянские диаспоры. М., 1996.
- Гринблат М.Н. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.
- Грицкевич А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. Минск, 1975.
- Гуркоў У.С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі // Беларусікае народное жылле. Мінск, 1973.
- Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск, 1987.
- Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мінск, 1940. Т. 2.
- Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1909.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV.
- Дембовецкий А.С. Опыт описания Могилевской губернии. Могилев на Днепре. 1882. Кн. 1; 1884. Кн. 2, 3.
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

- Денисова Р.Я. К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев // Изв. Латв. ССР. 1958. № 2.
- Дмитриев М.А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян северо-западного края. Вильно, 1869.
- Добрынин Г.И. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске 1752–1823. СПб., 1872.
- Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891–1903. Ч. I–IV.
- Довнар-Запольский М.В. Женская доля в песнях пинчуков // ЭО. 1891. № 2.
- Довнар-Запольский М.В. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках // ЭО. 1893. № 3.
- Довнар-Запольский М.В. Очерки семейного обычного права крестьян Минской губернии // ЭО. 1891. № 1.
- Довнар-Запольский М.В. Песни пинчуков. Киев, 1895.
- Довнар-Запольский М.В. Западно-Русская сельская община в XVI в. СПб., 1897.
- Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Киев, 1905.
- Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.
- Довнар-Запольский М.В. Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг. Минск, 1926.
- Дорошкевич В.И. Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Минск, 1979.
- Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994.
- Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Древности Белоруссии: Документы к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
- Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
- Дробышев В.З. Историческая география СССР. М., 1973.
- Дунец К., Лукашенко И., Пепеллев В. Витебская область за 50 лет Советской власти // Материалы в помощь лектору. Минск, 1967.
- Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Дэбэц Г.Ф. Чарапы Люцынскага матэрыялу і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеанталогіі Усходняй Еўропы // ПСАГ БАН. Мінск, 1932. Т. 3.
- Дяченко В.Д. Антропологический склад украинского народа. Киев, 1965.
- Елатов В. Ритмические основы белорусской народной музыки. Минск, 1966.
- Ермаловіч М.І. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1989.
- Ермаловіч М.І. Старажытная Беларусь. Мінск, 1990.
- Естественное движение населения в 1926 году. М, 1929.
- Женщина и ее роль в жизни. Оренбург, 1895.
- Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, пламенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова, СПб.; М., 1882. Т. 3, ч. 1, 2.
- Жураўскі А.І. Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мінск, 1982.
- Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1845.
- За архивной строкой // КБ. 1990. № 2.
- Завалеев Н. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм 1917–1932 гг. Минск, 1967.
- Загорудский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982.
- Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989.
- Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры: Учебн. пособие для студ. вузов. М., 1990.
- Зеленский И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. СПб., 1864. Ч. 1, 2.
- Земляробчы календар (абрады і звычай). Мінск, 1990.
- Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810. Ч. 6.
- Іваноў У.М. Нарыс дэмаграфіі, сацыялогіі і быту рабочага класа Савецкай Беларусі (1917–1941 гг.). Мінск, 1975.

- Ігнатюк І.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1992.
- Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии. Минск, 1976.
- Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII-XVIII вв. Владение Сморгонь. Минск, 1977.
- Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII-XVIII в. Владение Тимковичи. Минск, 1982.
- Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
- Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Минск, 1870.
- История Белорусской ССР. Минск, 1977.
- История белорусского театра. Минск, 1983. Т. 1.
- История Русской церкви. СПб., 1902. Т. X, кн. 1.
- Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 года. М., 1924. Ч. 1.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. 7.
- Кабашніцаў К.П. Беларускі фальклор у параўнальным асветленні: Гістарыяграфічны нарыс. Мінск, 1981.
- Кабашніцаў К.П. Беларуска-рускія фальклорныя сувязі. Мінск, 1988.
- Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.
- Карев Н. Очерки истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.
- Карпачев А.М., Козловский П.Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII-XVIII в. // ЕАИВЕ. Л., 1972.
- Карнейчык Я. Эксплуатацыя сялян Беларусі, працаваўшых па найму ў падрадчыкаў у 30-50-х гадах XIX ст. // Весці АН БССР. 1956. № 1.
- Карнейчык Я. Беларуская нацыя. Мінск, 1969.
- Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Варшава, 1903. Т. 1. (Вильна, 1904); Варшава, 1908. Т. 2, вып. 1; 1911. Т. 2, вып. 2; 1912. Т. 2, вып. 3; М., 1916. Т. 3, вып. 1; Пг., 1922. Т. 3, вып. 2, 3.
- Касперович Г.И. Миграция населения в города и этнические процессы. Минск, 1985.
- Кацар М. Беларускі арнамент. Мінск, 1996.
- К вопросу о районировании Западной области (По докладной записке Госплана БССР) // СС. 1926. № 7.
- Кебич В. Пятiletка – год пятый // ЧЗ. 1990. № 3.
- Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // ЭС. 1885. Вып. 3.
- Климчук Ф.Д. К истории распространения белорусских говоров в юго-восточной Литве // Балто-славянские исследования. М., 1981.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 3.
- Кніга Беларусі. 1517–1917: Зводны каталог / Склад. Г.Я. Галенчанка і інш. Мінск, 1986.
- Козлов В.И. Национальности СССР: Этнодемографический обзор. М., 1982.
- Колосов М.А. Белорусы // Энцикл. словарь. СПб., 1891. Т. V, кн. 9.
- Колпакова Н.П. Русская бытовая песня. М.; Л., 1962.
- Копытский З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI-первой половине XVII в. Минск, 1966.
- Копытский З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI-первой половине XVII в. Минск, 1976.
- Корб И.Г. Дневник поездки в Московское государство в 1698 году. СПб., 1907.
- Корзун И.П. Белорусская кухня. Минск, 1984.
- Коробушикина Т.Н. Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. Минск, 1979.
- Коробушикина Т.Н., Саливон И.И. Сельское население Среднего Побужья IX-XIII вв. (По материалам курганных могильников) // СА. 1990. № 3.
- Косич М.Н. Литвины-белорусы Черниговской губернии: их быт и песни // ЖС. 1901. Вып. 2, 3, 4.
- Коялович М.О. Литовская церковная уния. СПб., 1859. Т. 1.
- Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М., 1864.
- Коялович М.О. Документы, объясняющие историю Западнорусского края. СПб., 1865.

- Ковалович М.О. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна, 1885. Вып. 1; 1887, вып. 2.
- Крачковский Ю. Старая Вильна до конца XII столетия. Вильна, 1893.
- Крачковский Ю.Ф. Быт западнорусского селянина. М., 1874.
- Кудринский Ф. Белорусы. Вильна, 1904.
- Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. Минск, 1981.
- Кушнер (Кнышаев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Кушнер А.И., Бактеев Ш.И. Карниологическая характеристика населения Восточной Белоруссии 16–18 вв. М., 1988.
- Кушнер А.И., Чаквин И.В. Новые материалы к антропологической характеристике населения Полоцкой земли 10–13 вв. // К 1125-летию Полоцка. Конф. "История и археология Полоцка и Полоцкой земли": Докл. на юбил. чтениях. Полоцк, 1987.
- Ламанский В.И. Белая Русь. О происхождении названия // ЖС. 1891. Вып. 3.
- Латышоняк А. Беларуская эміграцыя // Беларускі календар на 1990 год. Беласток, 1990.
- Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1927. Ч. 1.
- Лебедева Н.И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.
- Лебедин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Зап. ИРГО. 1861. Кн. 3.
- Леонтович Ф.И. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. СПб., 1897.
- Лешчанка Р.Ф. Белорусы-перасяленцы ў Сібіры (канец XVI–XVII ст.) // Весці АН БССР. 1982. № 5.
- Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987.
- Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978.
- Літоўская гаспадыня. Минск, 1993.
- Литовская метрика: Книга записей. Т. 1 // РИБ. СПб., 1910. Т. XXVII.
- Локотко А.И. Типы традиционной застройки крестьянского двора в Белоруссии XIX – середине XX в. // СЭ. 1987. № 4.
- Локотко А.И. Белорусское народное зодчество. Минск, 1991.
- Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.
- Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985.
- Лыч Л.М. Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик. На примере Белорусской ССР (1917–1941). Минск, 1987.
- Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск, 1991.
- Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.
- Любавский М.К. Литовско-Русский сейм. М., 1900.
- Любавский М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.
- Лютый А. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVII – первой половине XIX века. Минск, 1987.
- Мажыўка З.Я. Песні беларускага Пазэр'я. Мінск, 1981.
- Максимов С. Обитель и житель (Из очерков Белоруссии) // Древняя и новая Россия. М., 1876. Т. 2.
- Мальдзіс А. Беларусь у лютарку мемуарны літаратуры XVIII стагоддзя. Мінск, 1982.
- Мальдзіс А. Гажываюць спадчыны стагоддзі. Мінск, 1994.
- Манак В.А. Насельніцтва Беларусі. Мінск, 1992.
- Миракуев В. Полесье и полешуки. М., 1879.
- Мараш Я.Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в. Минск, 1974.
- Маркянков Б. Укрепление единства рядов Коммунистической партии Белоруссии (1927–1937 гг.). Минск, 1970.
- Маркович М.Ф. Карта Царства Польского с нанесением православных церквей и сельских

- приходов Люблинской губернии, а также раскольниковских молелен и деревень в Августовской губернии // Могилевская старина. Могилев, 1864. Вып. 2.
- Марианский А. Современные миграции населения. М., 1969.
- Марцелев С.В. К духовному расцвету. Исторический опыт развития белорусской советской культуры. Минск, 1974.
- Марцелев С.В. Художественная культура Белоруссии на современном этапе. Минск, 1978.
- Марцелев С.В. Интеллектуальны патэнцыял // Чырвоная змена. Минск, 1989. 15 чэрв.
- Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев // СЭ. 1954. № 2.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обряды XIX – начала XX в. М., 1984.
- Медико-топографическое описание города Могилева на Днепре. Дис. ... докт. мед. наук. В.В. Кошелева. СПб., 1901.
- Мейер А. Описание Кричевского графства или бывшего староства 1786 года // МС. Могилев, 1901. Вып. 2.
- Мелешко В.И. Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (Вторая половина XVII–XVIII в.). Минск, 1975.
- Мельников А. Этнографический очерк Нижегородской губернии // Исторический очерк Нижегородского края. Б/м, б/г.
- Микулич А.И. Геногеография сельского населения Белоруссии. Минск, 1989.
- Мікуліч А.І., Салігон І.І. Месца беларусаў сярод усходніх славян па даных антрапалогіі // Весці АНБ. 1992. № 1.
- Мікуліч Т.М. Мова і этнічная самасвядомасць. Минск, 1996.
- Милкченков С.А. Белорусское народное гончарство. Минск, 1984.
- Минько Л.И. Народная медицина Белоруссии. Минск, 1969.
- Минько Л.И. Знахарство: Истоки и сущность. Минск, 1971.
- Минько Л.И. Суеверия и приметы. Истоки и сущность. Минск, 1975.
- Минько Л.И. Дажынкi // Беларусь. Минск, 1970.
- Монсеян А.А. К вопросу о генетических предпосылках формирования древнерусской народности // ВА. М., 1990. Вып. 84.
- Можейко З.Я. Песни Белорусского Полесья. М., 1983. Вып. 1.
- Можейко З.Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования. Минск, 1985.
- Молочное животноводство. СПб., 1902. № 3.
- Молчанова Л.А. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов // СЭ. 1955. № 1.
- Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968.
- Молчанова Л.А. Народная метрология. К истории народных мер длины. Минск, 1973.
- Молчанова Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. Минск, 1981.
- Морозов П.О. Очерки из истории русской драмы XVII–XVIII вв. СПб., 1888.
- Мухаринская Л.С. Белорусская народная песня. Историческое развитие. Минск, 1971.
- Мухлинский А. Исследование о литовских татарах. СПб., 1857.
- Налина И.Д. Белорусские народные музыкальные инструменты: самозвучащие, ударные, духовые. Минск, 1979.
- Народная воля. Минск, 1998. 27 янв.
- Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Минск, 1974.
- Народное хозяйство Белорусской ССР в 1974 г. Статистический ежегодник. Минск, 1975.
- Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Минск, 1988.
- Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Минск, 1989.
- Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г. Статистический ежегодник. Минск, 1990.
- Народное хозяйство Белорусской ССР в 1990 г. Статистический ежегодник. Минск, 1991.
- Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989.
- Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990.
- Народы Европейской части СССР // Народы мира. М., 1964. Т. I.

- Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Ч. 1.
- Население Республики Беларусь: Статистический сборник. Минск, 1995.
- Население Республики Беларусь: Статистический сборник. Минск, 1997.
- Население СССР. Справочник. М., 1983.
- Натуральны рух насельніцтва БССР за 1927 год. Мінск, 1930.
- Национальная книга РСФСР (1928–1932). Статистические материалы. М., 1934.
- Наш край. Мінск, 1930. № 1, 3.
- Ніва. 1989. № 35.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- Никифоровский Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии // ЭО. 1892. № 1, 2; 1894. № 3; 1897. № 3; 1898. № 2.
- Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные). Витебск, 1895.
- Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- Никифоровский Н.Я. Простонародные загадки. Витебск, 1898.
- Нікольскі М.М. Міфалогія і абрадаў валацобных песень. Мінск, 1931.
- Нікольскі М.М. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага селянства. Мінск, 1933.
- Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Обзор Виленской губернии за 1903 год. Вильно, 1904.
- Обзор Витебской губернии за 1901 год. Витебск, 1902.
- Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья. Минск, 1987.
- Отчет о деятельности правления попечительного общества о доме трудолюбия за 1902 год. Минск, 1903.
- Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Ч. 1; 1972. Ч. 2.
- Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1.
- Пахаванні, помнікі, галашнін / Укл. У. Васілевіч. Мінск, 1986.
- Пашута В.Т., Флоря Б.Н., Хрошчэвіч А.Л. Древнерусское население и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- Паззія барацьбы. Мінск, 1985.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1900. Т. IV: Виленская губерния, тетр. 1–3; 1899–1904. Т. V: Витебская губерния, тетр. 1–3; Т. IX: Гродненская губерния, 1904. Т. XXII: Минская губерния; 1909. Т. XXIII: Могилевская губерния. СПб., 1904.
- Переведенцев В.И. Миграция населения в СНГ: опыт прогноза // ПИ. 1993. № 2.
- Песні беларускага народа / Склад. М.Я. Грыблат. Мінск, 1940.
- Песні пра каханне / Склад. І.К. Цішчанка. Мінск, 1978.
- Петрович М.В. Сельская семья: быт, техника. Минск, 1983.
- Пешкова А.Н. Миграция населения Белоруссии. Минск, 1973.
- Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск, 1981.
- Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии (Новая концепция). Минск, 1991.
- Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1917.
- Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961.
- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971.
- Поболь Л.Д. Археологические памятники: Железный век. Минск, 1983.
- Повесть временных лет (ПВЛ). М., 1950. Ч. 1.
- Подкошкин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (Вторая половина XVI – начало XVII в.). Минск, 1970.
- Полесье. Материальная культура. Киев, 1988.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): Летописи белорусско-литовские. М., 1926. Т. I, вып. 1; 1980. Т. 35; СПб., 1908. Т. 2.
- Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905.
- Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1978. Т. 1.

- Полуян В.А. Революционно-демократические движения в Западной Белоруссии (1927–1939). Минск, 1978.
- Помнікі этнаграфіі: Методыка выяўлення, апісання і збірання / Рэд. В.К. Бандарчук. Мінск, 1981.
- Пономарев А.П. Развитие семьи и семейно-брачных отношений на Украине. Киев, 1989.
- Потебня А.А. Этимологические заметки // ЖС. 1891. Вып. 3.
- Потебня А.А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Колядки и щедровки. Варшава, 1882. Т. 2.
- Похилявич Д.Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. Львов, 1957.
- Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск, 1988.
- Промыслы і рамесныя Беларусі. Мінск, 1984.
- Псковская губерния // Энцикл. словарь / Брокгауз и Эфрон. СПб., 1898. Т. XXVa, кн. 50.
- Путевые заметки стольника П.А. Толстого о Могилевской губернии в 1697–1699 гг. // МС. Могилев, 1990. Вып. 1.
- Пушкарёва Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // СЭ. 1988. № 4.
- Рабинович М.Г. "Домик в Коломне" – картинки из жизни старого русского города // СЭ. 1987. № 1.
- Радченко З. Гомельские народные песни // Зап. ИРГО. 1888. Т. 13.
- Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. / Под ред. Ф.С. Мартинкевича, В.И. Дрица. Минск, 1973.
- Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг. / Под ред. Ф.С. Мартинкевича и В.И. Дрица. Минск, 1975.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Раков А.А. Население БССР. Минск, 1969.
- Раков А.А. Белоруссия в демографическом измерении. Минск, 1974.
- Ракова Л.В. Быт и культура городской молодежи. Минск, 1989.
- Рамянок М.Ф. Беларускае народнае адзенне: (Фотальбом). Мінск, 1981.
- Распределение населения БССР по состоянию в браке (на 1000 соответствующего пола и возраста). По данным выборочного обследования населения 1995 года // ВС. 1986. № 7.
- Распределение семей по их размеру и национальности. М., 1991.
- Расы и народы. М., 1979. Вып. 9.
- Республика Беларусь в цифрах: Краткий статистический сборник. Минск, 1997.
- Риттих А.Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям. СПб., 1863 (2-е изд. – 1864).
- Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.
- Романов Е.Р. Катрушницкий лемезень. Условный язык дрибинских шаповалов // Живая старина. 1890. № 1.
- Романов Е.Р. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд. Велижский // Памятная книжка Витебской губернии за 1898 г. Витебск, 1898.
- Романов Е.Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильна, 1912.
- Романов Е.Р. Белорусский сборник. Соч. 9 вып. Вильна, 1886–1912. Вып. 1–9.
- Русская историческая библиотека. СПб., 1926. Т. 38, кн. 4.
- Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова. СПб., 1905. Т. 9.
- Руденко А.В. Белорусы в Аргентине // Расы и народы. М., 1979.
- Рукописный отдел Виленского университета (РОВУ). Ф. 34/1. Д. 10760. Л. 7; Д. 10658. Л. 7.
- Рукописный отдел фундаментальной библиотеки АН Литвы. 519-УВЕ.
- Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570–1667). Минск, 1963.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI–XV вв. (Из истории народных знаний) // СЭ. 1949. № 1.
- Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX–XIII вв. // ВИ. 1962. № 4.

- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбы // Под ред. П.И. Жукова. Минск, 1989.
- Рычков Ю.Г. Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики // ВА. М., 1973. Вып. 44.
- Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977.
- Савченко С.В. Русская народная сказка. Киев, 1914.
- Саливон И.И. Динамика во времени некоторых морфологических особенностей у населения Белоруссии // *Glaznik Antropol. Dru-stva Yugosl. Beograd*, 1984.
- Салівон І.І. Фізічны тып беларусаў. Узростава, тыпалагічная і экалагічная зменлівасць. Мінск, 1994.
- Салівон І.І., Квяткоўская А.В., Кушнір А.І. Краніялогія насельніцтва Беларускага Палесся на матэрыялах каменных магілёўцаў // *Весті АН БССР*. 1989. № 3.
- Саливон И.И., Тезако Л.И., Микулич А.И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976.
- Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980.
- Сапунов А. Витебская старина. Витебск, 1888. Т. 5, ч. 1.
- Сапунов А. Река Западная Двина. Витебск, 1893.
- Сапунов А.П. "Чертеж" гор. Витебска 1664 года. Витебск, 1910.
- Сахараў С.П. Народная творчасць латгалскіх і ліўскіх беларусаў. Рыга, 1940. Вып. 1.
- Сахута Е.М. Народное искусство и художественные промыслы Белоруссии. Минск, 1982.
- Сахута Я.М. Беларуская народная кераміка. Мінск, 1987.
- Сахута Я.М. Народнае мастацтва Беларусі. Мінск, 1987.
- Сахута Я.М. Беларуская народная мастацкая кавальства. Мінск, 1990.
- Севергин В. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб., 1803.
- Седов В.В. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) // *СЭ*. 1967. № 2.
- Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // *МИА СССР*. М., 1970. Вып. 163.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Сементовский А.М. О мерах и весе, употребляемых ныне и употреблявшихся в старые годы в Витебской губернии // *Памятная книга Витебской губернии на 1872 год*. Витебск, 1973.
- Сементовский А.М. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872.
- Сербаў І.А. Вічыныя паляны: Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Мінск, 1928.
- Сербов И.А. Белорусы-сакуны: Краткий этнографический очерк // *Сборник ОРЯС*. Пг., 1915. Т. 94. № 1.
- Сергачев С.А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI–XIX вв. Минск, 1984.
- Сергучовский А. Земледельческие орудия труда белорусского Полесья // *МЭР*. М., 1910. Т. 1.
- Сергучовский А.К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. СПб., 1911.
- Сергучовский А. Бортничество в Белоруссии // *Материалы по этнографии России*. СПб., 1904.
- Сергучоўскі А.К. Казкі і аповяданні беларусаў з Слуцкага павета. Л., 1926.
- Сергучоўскі А. Прычмы і забавы беларусаў-полешукоў. Мінск, 1930.
- Систематический сборник важнейших декретов 1917–1920 гг. М., 1920.
- Смильгович И. Литовско-белорусский скот // *МЖ*. 1902. № 3.
- Смоленская губерния // *ГССРИ*. СПб., 1873. Т. 4.
- Смолицкая Г.П., Горбневский М.В. Топонимия Москвы. М., 1982.
- Смотрицкий М. Опокрисна, альбо исповедь на книжцы о соборе берестейском. Острог, 1598.

- Соболевский А. Лекции по истории русского языка. Киев, 1886. Вып. 1.
- Соболевский А.И. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Русский филологический вестник. Варшава. 1886. Т. XV. № 1.
- Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX – начало XX в.). М., 1979.
- Соколовский В.Э., Алимов Р.Н. Архитектура нового белорусского села. Минск, 1979.
- Соловьев А. Белая и Черная Русь // Сб. РАО в Королевской Югославии. Белград, 1940.
- Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма. Минск, 1965.
- Срезневский И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887.
- Статистический ежегодник на 1914 г. СПб., 1914.
- Статистический ежегодник Минск, 1975.
- Статистический ежегодник Республики Беларусь. Минск, 1997.
- Статистический ежегодник России. 1913. СПб., 1914.
- Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб., 1914.
- Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года. Минск, 1989. Разд. I, арт. 1; Разд. IV, арт. 1.
- Стрыйковский М. Хроника славяно-русская о панствах русских и литовских (Рукопись Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Ф. IV. С. 427).
- Сям'я і сямейны быт беларусаў. Минск, 1990.
- Тарасевич В.Ф., Лешкевич В.В. Формирование и преобразование современного села. Минск, 1985.
- Тарасов К. Память о легендах // Белорусской старины голоса и лица. Минск, 1988.
- Тезако Л.И. Антропологические исследования в Белоруссии. Минск, 1979.
- Тезако Л.И. Дерматоглифика населения Белоруссии: Популяционные аспекты изменчивости. Минск, 1989.
- Тезако Л.И., Микулич А.И., Саливон И.И. Антропология Белорусского Полесья. Демография. Этническая история и генетика. Минск, 1978.
- Тезако Л.И., Саливон И.И. Основы современной антропологии. Минск, 1989.
- Терехин С.Ф. Охота в Белоруссии. Минск, 1986.
- Терещенко А. Быт русского народа. В 2 ч. СПб., 1848. Ч. 1.
- Титов В.С. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии (1917–1941 гг.): Этнографические очерки бондарного промысла и изготовления транспортных средств. Минск, 1976.
- Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов (XIX – начало XX в.). Минск, 1983.
- Тихомиров М.Н. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов // ВИ. 1954. № 2.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР. Москва, 1958.
- Топоров В.Н., Трубочев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трацевский В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии. Минск, 1989.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Третьяков П.Н. Восточные славяне и балтийский субстрат // СЭ. 1967. № 4.
- Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА СССР. Л., 1970.
- Трофимов Т.А. Кривичи, витичи и славянские племена Поднепровья (По данным антропологии) // СЭ. 1946. № 1.
- Трудовой потенциал Белорусской ССР в условиях интенсификации. Минск, 1988.
- Улашчык М.М. Была такая веска. Минск, 1989.
- Улащик Н.Н. Предпосылка крестьянской реформы 1961 года в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965.
- Улащик Н.Н. Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
- Улащик Н.Н. Белая и Черная Русь в "Хронике" Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.

- Улащик Н.Н. Введение к изучению белорусско-литовского летописания. М., 1985.
- Фамицин А.С. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
- Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., 1962.
- Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Фялосік А.С. Беларуская савецкая фалькларыстыка. Мінск, 1987.
- Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907.
- Хозяйственное положение и промыслы сельского населения в Витебской губернии: (Опыт исследования). Витебск, 1910.
- Хроника Быховца / Подгот. к изд. Н.Н. Улащик. М., 1966.
- Цебриков М. Смоленская губерния. СПб., 1862.
- Цітоў В.С. Дрэвапрацоўчыя рамёствы // Промыслы і рамёствы Беларусі. Мінск, 1984.
- Цітоў В.С. Збіральніцтва // Этнаграфія Беларусі. Мінск, 1989.
- Цітоў В.С. Народная спадчына, Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці. Мінск, 1994.
- Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі. Вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск, 1996.
- Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Традыцыйна-бытавая культура. Вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск, 1997.
- Цярэхін С.Ф. У фокусе канкрэтнага факта. Мінск, 1988.
- Чамырныкі В.А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969.
- Чантурыя В.А. История архитектуры Белоруссии. Минск, 1977.
- Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988.
- Чурко Ю.М. Белорусский балет. Минск, 1966.
- Чурко Ю.М. Белорусский народный танец: Историко-теоретический очерк. Минск, 1972.
- Шалястонач К. Цеплыя і халодныя вятры нацыі // У розных землях і краінах. Мінск, 1989.
- Шакин Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963.
- Шахотько Л.П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985.
- Шахотько Л.П. Население Республики Беларусь в конце XX в. Минск, 1996.
- Шашиков С.С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция // Собр. соч. Т. 1: История русской женщины. СПб., 1898.
- Шейн П.В. Белорусские песни. СПб., 1873.
- Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Соч. в 3 т. СПб., 1887. Т. 1; 1892. Т. 2; 1902. Т. 3.
- Шейкин Г. Полоцкая епархия. Минск, 1996.
- Шिशкевич М. Семья и брак в условиях нового быта // Семья и брак в прошлом и настоящем. М., 1927.
- Шлепаков А.Н. Славянские группы населения Канады // Национальные проблемы Канады. М., 1972.
- Шлюбскі А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. Мінск, 1927. Ч. 1; 1928. Ч. 2.
- Шматко В.Ф. Беларуская кніжная гравюра XVI–XVII ст. Мінск, 1984.
- Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. СПб., 1853. Т. 39. № 6; Т. 40. № 7, 8; 1854. Т. 48. № 11; 1855. Т. 52. № 7.
- Шпилевский П.М. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказаниях // Пантеон. СПб., 1853. Т. 8, кн. 1, 4; Т. 9, кн. 5, 6; Т. 10, кн. 7; Т. 15, кн. 5, 6; 1856. Т. 25, кн. 1; Т. 26, кн. 3.
- Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск, 1992.
- Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975.
- Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) Минск, 1978.
- Шчарбакоў В.К. Нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1934. Ч. 1.
- Энгельгардт Л.Н. Записки. 1766–1836 гг. М., 1867.
- Эренки И. Очерки Белорусского Полесья // ВЗР. Вильно, 1867. Кн. 8.

- Эркерт Р.Ф. Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей. СПб., 1863.
- Эркерт Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России. СПб., 1864.
- Этнаграфія беларусаў: Гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. Мінск, 1985.
- Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск, 1989.
- Этнические процессы и образ жизни. Минск, 1980.
- Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1976.
- Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986.
- Юзвяк В.М. Юго-Восток Белостокского воеводства Польской Народной республики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Минск, 1969.
- Юргинис М.Ю. Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Юхнева Н.В. Об этнических аспектах изучения населения дореволюционного Петербурга // СЭ. 1980. № 1.
- Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга (Вторая половина XIX – века): Статистический анализ. Л., 1984.
- Юхо И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск, 1978.
- Якімовіч Ю.А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся XVII–XIX ст. Мінск, 1978.
- Яніцкая М.М. Вытокі шкларобства Беларусі. Мінск, 1980.
- Янчук Н. По Минской губернии: Заметки о поездке в 1886 году // Труды ОЛЕАЭ. М., 1889. Кн. 9, вып. 1.
- Янчук Н.Я. Несколько слов о новейшей белорусской литературе // Известия ОСК. М., 1912. Кн. 1.
- Ясинский М. Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. Киев, 1889.
- Яшкін І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
- Яшкін І.Я. Грыбы ў традыцыйнай беларускай кухні. Мінск, 1997.
- Alexandrowicz St. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII wieku // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1970. N 7.
- The Australian people. Angusand Pobertson Publishes. 1988.
- Czczot Jan. Piosenki Wiesniacze z-and Niemna i Dzwiny. Wilno, 1846.
- Głogier J. Encyklopedia staropolska ilustrowana. W-wa, 1900. T. 1; 1901. T. 2; 1902. T. 3; 1903. T. 4.
- Golembiowski L. Lud polski, jego zwyczaje zabobony. W-wa, 1930.
- Davies N. Lod's playground a history of Poland. Oxford, 1982. Vol. 1.
- Dmochowski Z. Ze Studijow nad poleskim beudownictwem drzewnym. W-wa, 1937.
- Domaszewski A Rzeczpospolita wielu narodow. Czytelnik. W-wa, 1985. S. 116.
- Engelhardt E. WeiB'ruthnienien. Volk und Zand. Amsterdam; Prague; Vienna, 1943. S. 215, 231.
- Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Krakow, 1897–1903. T. 1–3.
- Kalodziej E. Wychodźstwo zarobkowa z Polski 1918–1939 książka i wiedza. W-wa. 1982. S. 75, 106, 154.
- Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1979.
- Kosinski D. Procesy ludnościowe na ziemiach odzyskanych w latach 1945–1960. W-wa. 1962.
- Kraszewski J. Wspomnienia Polesia. Wołyńia Litwy. Wilno, 1840.
- Kurczewski J. Biskupstwo Wileńskie. Wilno, 1912.
- Mały Rocznik statystyczny. W-wa, 1935.
- Moszyński A. Piłszczyzna i Piłsk. W-wa, 1882.
- Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Kraków, 1929, 1939. Cz. 1–3.
- Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965.
- Ochmański J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1972.
- Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie: Materiały etnograficzne. Kraków, 1928. Cz. 1: Kultura materialna; W-wa 1938. Cz. 2: Kultura duchowa.

Rocznik statystyki. W-wa, 1927.

Rypiński A. Białorus: Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej prowincji. Paryż, 1840.

Smogółewski C. Lwów i Wilno. Free Europe Pamphlet. L., 1944, N 9.

Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

Vakar N.P. Byelorussia. Harvard, 1956.

Wędrowki po moich niegdyś okolicach: Wspomnienia... Władysław Syrokomle. Wilno, 1853.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВАК	– Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов. Вильно, 1865–1915
АЗР	– Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссией. СПб., 1846–1853
АИИЭФ НАНБ	– Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной Академии наук Беларуси
БССР	– Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВГУ.НБ.РБ	– Виленский государственный университет. Научная библиотека. Рукописный отдел
Весці АН БССР(Б)–	“Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР (Беларусі). Серыя грамадскіх (гуманітарных) навук”
ВЗР	– “Вестник Западной России”
ВИ	– “Вопросы истории”
ВКЛ	– Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское
ВНКП	– “Вестник Народного комиссариата просвещения”
ГССРИ	– Географическо-статистический словарь Российской империи
ЕАИВЕ	– Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
ЖМГИ	– “Журнал Министерства государственных имуществ”
МВИ	– “Минские врачебные известия”
МИА СССР	– Материалы и исследования по археологии СССР
МС	– “Могилевская старина”
МЭР	– Материалы по этнографии России
НАНБ	– Национальная Академия наук Беларуси
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси, г. Гродно
ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук
ОСК	– Общество славянской культуры
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПВС	– “Полоцко-Витебская старина”
ПИ	– “Политические исследования”
ІСАІГ БАН	– Працы секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі Навук
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РАО	– Русское археологическое общество
РГО (ИРГО)	– Русское географическое общество (Императорское Русское географическое общество)
РИБ	– Русская историческая библиотека
РОВУ	– Рукописный отдел Виленского университета
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– “Советская археология”
СВКЛ	– Статуты Велікага княства Літоўскага

СЭ	– "Советская этнография"
ТИЭ	– Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия
ТПОКЭ	– Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
ЭК МКНП	– Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики
ЭО	– "Этнографическое обозрение"
ЭС	– "Этнографический сборник РГО"
ЩГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (М.Ф. Пилипенко, В.А. Тишков)	5
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ	7
Численность и расселение белорусов в Республике Беларусь (В.К. Бондарчик)	7
Демографические процессы (Г.И. Касперович)	11
Антропологический облик (И.И. Саливон, А.И. Микулич)	21
Этноязыковые процессы (В.К. Бондарчик)	28
Белорусская диаспора (С.В. Матюнин; в разделах "В России", "На Украине", "В Прибалтике", "В Казахстане" использованы материалы И.В. Каращенко)	35

Глава 2

ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	60
Взгляды на проблему (В.К. Бондарчик)	60
Ранняя история (И.В. Чаквин)	64
Этногенетические процессы в XIII–XVI вв. (И.В. Чаквин)	77
Этнополитическое развитие в XVII–XVIII вв. (И.В. Чаквин)	94
Консолидация и аккультурация конца XVIII–начала XX в. (В.К. Бондарчик)	101
Белорусский этнос в XX в. (Г.И. Касперович)	110
Изучение культуры и быта белорусов (В.К. Бондарчик)	133

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 3

ТРАДИЦИОННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА	143
Земледелие (В.С. Титов)	143
Животноводство (В.С. Титов)	154
Промыслы и ремёсла (Н.И. Бураковская, С.Ф. Терёхин, А.Н. Курилович)	162
Транспортные средства (Н.И. Бураковская)	214

Глава 4

ПОСЕЛЕНИЯ, ПОСТРОЙКИ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ (А.И. Локотко)	223
Сельские поселения	223
Городские поселения и жилища	260
Архитектура	270

Глава 5

ОДЕЖДА (Л.А. Молчанова)	288
-------------------------------	-----

Глава 6

ПИТАНИЕ	310
Традиции питания (<i>В. С. Титов</i>)	310
Питание детей (<i>А. Н. Курилович</i>)	320

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 7

БРАК И СЕМЬЯ	323
Традиции брачных отношений (<i>Л. В. Ракова</i>)	323
Отношения в семье (<i>А. Н. Курилович</i>)	333
Дети в крестьянской семье (<i>А. Н. Курилович</i>)	341
Внутрисемейные отношения в XX в. (<i>А. Н. Курилович</i>)	343

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ	349
Сельская община и обычное право (<i>С. Ф. Терехин</i>)	349
Быт сельских жителей (<i>Г. И. Кислерович</i>)	355
Быт горожан (<i>В. И. Белявина</i>)	369

Глава 9

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ОБЫЧАИ	382
Семейные обряды (<i>Т. И. Кухароник</i>)	382
Календарные праздники (<i>Л. И. Минько</i>)	395

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 10

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	403
Устнопоэтическое творчество (<i>А. С. Федосик</i>)	403
Театрально-игровая культура (<i>А. С. Федосик, В. Н. Белявина</i>)	416
Народная хореография (<i>В. Н. Белявина</i>)	422
Народное прикладное искусство (<i>Е. М. Сахута</i>)	426

Глава 11

НАРОДНЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ВЕРОВАНИЯ (<i>Л. И. Минько</i>)	444
Взгляды на мир и природу	444
Народные знания	448

Глава 12

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА (<i>В. Н. Белявина</i>)	460
Литература	460
Театр	468
Балет	475
Музыка	477
Кино	481
Живопись и скульптура	483
ЛИТЕРАТУРА	486
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	500

Научное издание

БЕЛОРУСЫ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Заведующая редакцией
"Наука – история"
Н.Л. Петрова

Редактор
Л.И. Тормозова

Художественный редактор
В.Ю. Яковлев

Технический редактор
Т.В. Желькова

Корректоры *Н.Л. Голаубина,
Н.П. Круглова, А.В. Морозова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 06.10.98
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная
Усл. печ. л. 41,0 + 0,7 вкл. Усл. кр.-отг. 45,1. Уч.-изд. л. 54,7
Тираж 1980 экз. Тип. зак. 3852.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, д. 12

